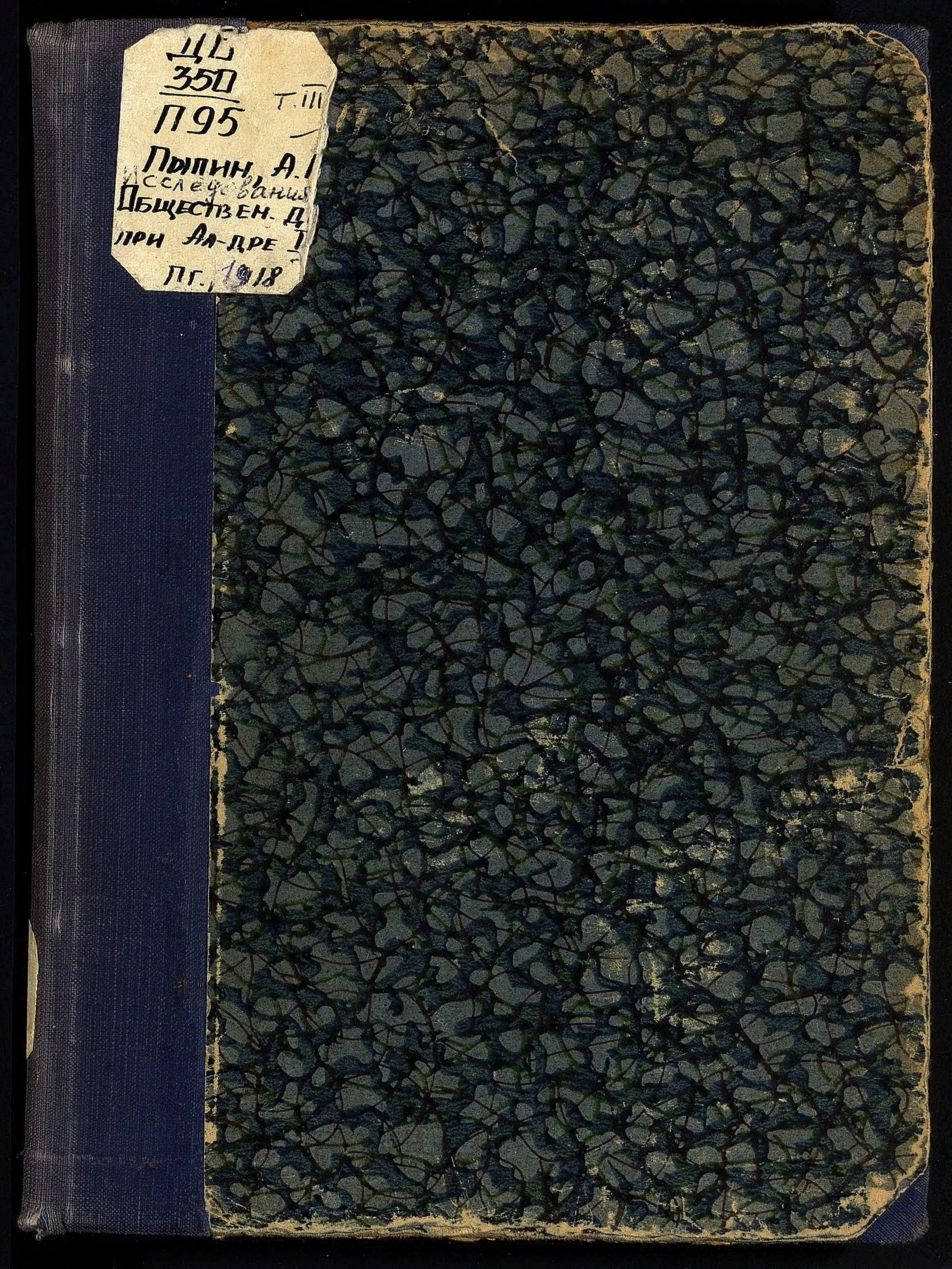
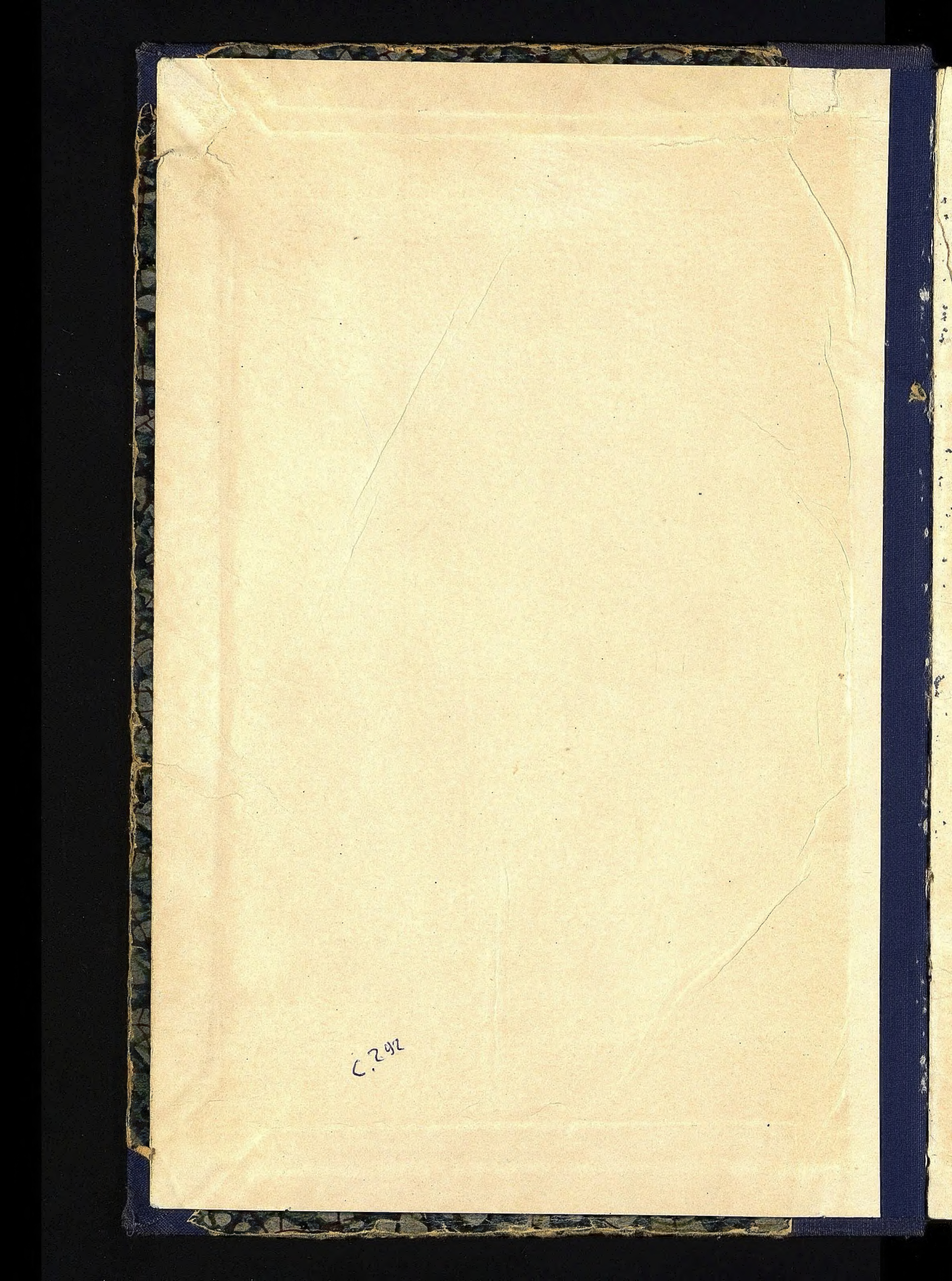

ЦБ
350
П95
Т. III
Пыпин, А. Н
Исследования
Обществен. д
при Ал-дре I
Пг., 1918

C.292

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

А. Н. Пыпинъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ

ПО ЭПОХѢ

АЛЕКСАНДРА I.

ТОМЪ III.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Издательство „ОГНИ".
ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

А. Н. Пыпинъ.

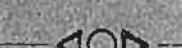
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

при

АЛЕКСАНДРѢ I.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.
Съ предисловіемъ Н. А. Котляревскаго.

Издательство „ОГНИ".
ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

Печаталось подъ наблюденіемъ **А. А. Сиверса.**

Типографія Акц. Общ. печ. и изд. дѣла „Герольдъ". Петроградъ, 7-я рота, д. № 26.

Въ нашей исторической наукѣ строго ученыя книги съ сильной и яркой общественной мыслью — были и остаются до сихъ поръ большою рѣдкостью. Въ большинствѣ случаевъ русскій историкъ стремился держаться на возможно большемъ разстояніи отъ всякихъ современныхъ ему общественныхъ вопросовъ и, выслѣживая научную истину во временахъ прошедшихъ, избѣгалъ намековъ на текущій день.

Во многомъ ревностный и даже фанатичный ученикъ западныхъ учителей, онъ не охотно слѣдовалъ ихъ примѣру, когда они — какъ это чаще всего бывало въ Германіи — раскапывая старину, не переставали думать о томъ, нельзя-ли эти старые камни какъ-нибудь использовать для очередной современной постройки.

Кому памятны условія, при которыхъ въ прошломъ приходилось работать русскому историку, т. е. ученому, производящему частичное дознаніе и слѣдствіе по дѣлу, которое въ цѣломъ не подлежало откровенному и гласному разбирательству, и въ которомъ самые главные обвинительные акты могли тотчасъ-же стать предлогомъ для обвиненія самого обвиняющаго, — тотъ пойметъ русскаго ученаго и не поставитъ ему въ вину его желанія уберечь свою любимую науку отъ разныхъ умолчаній или отъ подозрѣнія въ томъ, что она не съ должнымъ безпристрастіемъ приступила къ работѣ.

Мысль о научномъ безпристрастіи больше чѣмъ иныя соображенія тревожила ученаго. Въ его распоряженіи былъ только одинъ способъ успокоить свою требовательную совѣсть, если ужъ онъ брался говорить о вопросахъ, которые не утратили для читателя своего жала. Онъ долженъ былъ поставить своей работѣ самыя высокія требованія ученой достовѣрности

и полноты. Труденъ былъ его путь — путь человѣка, который, живя и умомъ и сердцемъ въ настоящемъ временно отходилъ вдаль, обязуясь сохранить тѣсную и живую связь одновременно со стариной и современностью.

Книга А. Н. Пыпина „Общественное движенiе при Александрѣ I“ — образецъ такого строго научнаго труда, сохраняющаго за собой всю цѣнность современнаго историческаго документа. Она вышла въ свѣтъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ.

Мы находились въ самомъ разгарѣ той первой реакцiи, которая послѣдовала за движенiемъ шестидесятыхъ годовъ. Движенiе это, считавшее себя до извѣстной степени признаннымъ и узаконеннымъ, хотя-бы въ тѣхъ своихъ стремленiяхъ, которыя не ударялись въ крайности, было цѣликомъ зачислено въ разрядъ явленiй, въ государственномъ смыслѣ, вредныхъ и опасныхъ. Всѣ гуманные и либеральные устои, на которыхъ покоилось зданiе проведенныхъ реформъ, стали подозрительны, и усердная работа правительственной власти была направлена къ тому, чтобы по возможности отнять у этихъ реформъ всякую способность и силу „реформировать“ людей и учрежденiя въ томъ духѣ, какимъ эти преобразованiя были одухотворены.

Общественная атмосфера сгущалась, повышенная нервность въ обществѣ давала себя ясно чувствовать; передовые круги и „охранители“ давно утратили всякую надежду на совмѣстную работу. Сношенiя съ эмиграцiей становились болѣе тѣсны и учащались, пропаганда въ народѣ разгоралась, революцiонные кружки множились и дробились, революцiонная стратегiя и тактика послѣдовательно разрабатывались, и, наконецъ, въ Нечаевскомъ процессѣ терроризмъ обрисовался уже не какъ неожиданная случайность, а какъ пара-

графъ опредѣленной доктрины. Соотвѣтственно всѣмъ этимъ явленіямъ развѣтвлялись и совершенствовались и всѣ виды и способы побѣдоносной реакціи.

Въ это тревожное время, полное сожалѣній о недавнемъ прошломъ, разочарованія въ настоящемъ и большихъ опасеній за будущее, появилась книга Пыпина. Она отводила читателя на цѣлое полстолѣтіе отъ переживаемаго имъ дня, и она, несомнѣнно, обладала силой воскрешенія прошлаго. Покоилась она на огромныхъ знаніяхъ, вѣсъ этихъ знаній чувствовался на каждой страницѣ, научное безпристрастіе въ ней было строго соблюдено, и не признать его могли только люди, которые сами были пристрастны. Читатель становился участникомъ и свидѣтелемъ давно минувшей жизни.

Но чѣмъ больше читатель углублялся въ этотъ разсказъ о быломъ, тѣмъ тѣснѣе становилась его связь съ настоящимъ. Годы царствованія Александра II мало по малу начинали заслонять собою эпоху Александра I.

Гуманный либерализмъ въ началѣ царствованія и поворотъ къ системѣ косной правительственной опеки; личность царя-реформатора, про котораго нельзя было сказать, насколько онъ самъ душой, а не устами только, исповѣдуетъ тѣ начала свободы и справедливости, рыцаремъ которыхъ себя объявляетъ; кружокъ лицъ, близкихъ царю и искренно любящихъ родину, уступающій свое мѣсто людямъ безидейной дисциплины; политическое броженіе не останавливающееся передъ мыслью о переворотѣ, броженіе, созданное и поддержанное цвѣтомъ интеллигенціи; неудовлетворенная религіозная совѣсть, сначала какъ-будто успокоенная, а затѣмъ гонимая; просвѣщеніе и наука, которымъ было оказано сначала столько вниманія, а затѣмъ столько грубаго недовѣрія вплоть до презрѣнія...

Ни за одной страницей книги Пыпина читатель не могъ забыть о современности, и спрашивалъ

себя — да точно ли протекло полстолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ жили Александръ I, Строгановъ и Аракчеевъ, Сперанскій, Фотій, Магницкій, Пестель и Рылѣевъ?

Но читатель зналъ, что полстолѣтіе протекло несомнѣнно, потому что на каждой страницѣ и во всемъ замыслѣ книги онъ встрѣчалъ одну лишь историческую истину, неподкрашенную никакой предвзятой мыслью, истину въ ея научномъ цѣломъ, безъ умолчаній, безъ натяжекъ и хитрыхъ толкованій.

Спокойно велъ свою рѣчь ученый, но, конечно, онъ не скрывалъ своего суда ни надъ прошлымъ, ни надъ современностью. Однако, не онъ, изслѣдователь, навязывалъ исторіи свой судъ надъ жизнью, а сама исторія учила его этому суду.

Книга стала настольной книгой для всѣхъ, кто хотѣлъ развить въ себѣ способность свободнаго, трезваго и обоснованнаго сужденія о нашей гражданской жизни. Цѣлыя поколѣнія ученыхъ и вообще образованныхъ людей воспитались на ней.

Осталась она какъ живая память, одновременно, о тѣхъ годахъ, о которыхъ она говорила, о тѣхъ дняхъ, когда она сама была написана и о томъ ученомъ, который ее писалъ.

Кому въ жизни выпала благая участь знать этого человѣка, одного изъ самыхъ цѣльныхъ, типичныхъ представителей нашей передовой интеллигенціи, кто зналъ его какъ ученаго и какъ собесѣдника на темы текущей минуты, тотъ всегда бывалъ пораженъ особой его способностью — умѣніемъ заставить и вчерашній, и давно минувшій день давать правдивое, безпристрастное показаніе, которымъ можно было воспользоваться не для возбужденія повседневныхъ преходящихъ страстей, а для свободной и широкой оцѣнки совершившихся событій.

Несторъ Котляревскій.

Изъ старыхъ бумагъ.

Черновикъ письма А. Н. Пыпина къ Н. И. Тургеневу.

Послано 31 марта 1871 г.

Милостивый Государь,
Николай Ивановичъ.

На дняхъ отправленъ въ Лондонъ на ваше имя экземпляръ моей книги „Общественное движеніе при Александрѣ I“,— который я просилъ бы васъ принять, какъ выраженіе моего глубокаго уваженія къ вашей дѣятельности, и той, которая уже принадлежитъ исторіи, и современной. Не бывъ вамъ лично извѣстенъ и опасаясь быть навязчивымъ, я не позволилъ себѣ обращаться къ вамъ ни съ какими просьбами объ указаніяхъ для того труда, надъ которымъ я работалъ; я ограничилъ себя внимательнымъ изученіемъ вашей книги, которая доставила мнѣ главнѣйшее руководство въ изображеніи эпохи, въ которой вы играли вашу историческую роль. Теперь мой трудъ конченъ. И. С. Тургеневъ передалъ мнѣ, что нѣкоторыя части моей работы встрѣтили ваше сочувствіе.

Не буду говорить о томъ, какъ мнѣ было пріятно услышать объ этомъ: это будетъ вамъ понятно, если вы вспомните, что въ настоящихъ условіяхъ нашей литературы я не могъ высказать вполнѣ своихъ мнѣній о той эпохѣ и нѣкоторыхъ ея людяхъ; что сказанное составляетъ только долю того, что мнѣ хотѣлось бы сказать въ защиту времени и людей, такъ долго забытыхъ и такъ несправедливо судимыхъ. Мнѣ пріятно было также видѣть, что и здѣсь книга возбуждала много сочувствія въ людяхъ, мною цѣнимыхъ и умѣющихъ чувствовать историческую и общественную правду.

Мнѣ не хотѣлось бы, однако, считать свою работу оконченной совсѣмъ. Настоящее изданіе, повторяющее только статьи

Вѣстника Европы, носитъ на себѣ слѣды журнальнаго труда, и сдѣлано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. *)

Я съ самаго начала думалъ переработать впослѣдствіи эти статьи и дать имъ больше полноты и единства. Я думаю сдѣлать это во второмъ изданіи, если оно будетъ возможно. Многое у меня уже приготовлено. Но главное, чего бы я желалъ, что считалъ бы самымъ необходимымъ, это—исправить и дополнить, по возможности, послѣднія главы книги. Во всей этой новой работѣ и въ послѣдней указанной ея части мнѣ было бы въ высшей степени любопытно и важно имѣть ваше мнѣніе, ваши указанія и поправки, и критическія, и фактическія:—онѣ были бы для меня истинно драгоцѣнны.

Вотъ просьба, съ которой я и рѣшаюсь теперь обратиться къ вамъ въ надеждѣ, что вы оцѣните мои мотивы.

Вы остаетесь однимъ изъ немногихъ свидѣтелей и дѣятелей той исторической эпохи; на васъ, можно положительно сказать, всего больше сосредоточивается та симпатія, какую оставило то время въ позднѣйшемъ и нынѣшнемъ поколѣніи; вамъ прежде случилось больше чѣмъ кому-нибудь изъ вашихъ современниковъ высказаться о характерѣ и стремленіяхъ того времени; теперь вы можете оказать еще великую услугу той исторіи, которая начинается для этого времени. Было бы въ высшей степени интересно, еслибы вы нашли возможнымъ собрать имѣющіеся у васъ матеріалы и ваши воспоминанія, которые не вошли въ вашу прежнюю книгу. Не рѣшаюсь судить о томъ, насколько вамъ было бы возможно исполнить такой трудъ. Самъ я лично былъ бы вамъ безконечно обязанъ, если бы вы нашли, по крайней мѣрѣ, возможность сдѣлать, хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ, тѣ указанія и дополненія къ моей работѣ, о которыхъ я выше говорилъ.

Не буду говорить о томъ, какимъ великимъ удовольствіемъ былъ бы для меня вашъ благосклонный и утвердительный отвѣтъ на мою просьбу.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью

А. Пыпинъ.

*) Изд. I, Спб. 1871.

Настоящая книга является третьимъ и послѣднимъ томомъ предпринятаго издательствомъ „Огни" изданія „Изслѣдованій и статей по эпохѣ Александра I" А. Н. Пыпина.

„Общественное движеніе въ Россіи въ царствованіе Александра I" было приготовлено А. Н. Пыпинымъ къ печатанію въ 1870 году, — оно появилось впервые въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 г. (кн. 2, 4, 6, 9, 10 и 12) и 1871 г. (кн. 2) и въ томъ же 1871 г. вышло въ свѣтъ книгой въ первомъ изданіи.

Уже тогда Александръ Николаевичъ помышлялъ о дополненіяхъ и исправленіяхъ своего труда, какъ онъ говорилъ въ печатаемомъ нынѣ письмѣ своемъ къ Н. И. Тургеневу, отправленномъ въ Лондонъ въ концѣ мая 1871 г., и о переработанномъ его изданіи, но предположеніямъ этимъ не суждено было осуществиться во всей полнотѣ. Лишь частично это было сдѣлано во второмъ изданіи книги, вышедшемъ въ 1885

Въ предисловіи къ нему А. Н. Пыпинъ писалъ:

„Настоящая книга была написана пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Не однажды вызываемый къ новому ея изданію, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ раньше досуга для пересмотра книги, который при размноженіи историческаго матеріала представлялся необходимымъ.

„Наша историческая литература—хотя очень неровно—но чрезвычайно разростается матеріаломъ, въ томъ числѣ и относительно временъ императора Александра I. Въ этой литературѣ высказаны были—между прочимъ и по поводу настоящей книги—нѣкоторыя новыя точки зрѣнія на характеръ времени и на личность самого императора, отъ самаго утвердительнаго оптимизма, какъ, напр., въ извѣстномъ трудѣ Богдановича, до суровыхъ осужденій, исходившихъ изъ разныхъ даже противоположныхъ источниковъ. Такъ, съ славянофильской стороны было строго осуждено отношеніе внѣшней политики императора къ славянскому вопросу; такъ, съ другой стороны, съ неменьшимъ негодующимъ порицаніемъ изображалась внутренняя политика, слабая и колеблющаяся, допускавшаяся дѣйствительно прискорбныя противорѣчія тѣмъ мягкимъ человѣчнымъ началамъ, какими открывалось царствованіе, и политика внѣшняя, гдѣ Россія становилась игрушкой въ рукахъ Меттерниха.

„Кромѣ нѣсколькихъ частностей и оттѣнковъ, я не измѣнилъ однако характера изложенія относительно этихъ предметовъ. Точка зрѣнія моей книги была историческое сравненіе временъ, характеровъ и общественныхъ положеній: это сравненіе невольно приводитъ къ инымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ простое безотносительное наблюденіе, — то сочувственное въ этой эпохѣ и въ личности императора, на чемъ мы останавливались прежде, не потеряло для насъ своей цѣны, какъ сильно ни бросались въ глаза и прежде печальныя противорѣчія, о которыхъ упомянуто“.

Послѣдующія изданія (третье и четвертое) являлись точнымъ воспроизведеніемъ второго, равнымъ образомъ какъ и настоящее пятое, въ которомъ допущены лишь самыя незначительныя исправленія текста замѣной, для большей ясности, такихъ выраженій, какъ „прошлое“, „настоящее“ столѣтіе, словами— XVIII или XIX столѣтіе и пропускомъ въ главѣ о тайныхъ обществахъ упоминаній на отсутствіе печатныхъ матеріаловъ по ихъ исторіи, литература по которой въ настоящее время представляется очень обширной; въ примѣчаніяхъ введены также нѣкоторыя новыя библіографическія указанія.

Матеріальныя соображенія заставили отказаться отъ воспроизведенія въ новомъ изданіи большинства тѣхъ приложеній, которыя А. Н. Пыпинъ помѣщалъ въ изданіяхъ, вышедшихъ при его жизни, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя изъ нихъ были затѣмъ напечатаны другими. Сохранены лишь приложенія библіографическаго содержанія, которыя дополнены соотвѣтствующими указаніями на вновь появившіеся по тому или другому вопросу литературные матеріалы.

(1918).

Исторія понятій и вообще внутреннихъ процессовъ общественнаго развитія рѣдко укладывается въ такіе чисто внѣшніе періоды, какъ періоды царствованій; но относительно времени имп. Александра I подобное опредѣленіе историческаго періода не было бы произвольно и не служило бы только для внѣшняго удобства. Въ общемъ историческомъ ходѣ русскаго образованія и общественной жизни этотъ періодъ не представляетъ никакихъ особенно замѣтныхъ измѣненій: одни и тѣ же традиціонныя начала продолжали играть въ жизни господствующую роль, неограниченная опека государства продолжала тяготѣть надъ общественной мыслью, масса націи продолжала оставаться въ своемъ давнишнемъ пассивномъ застоѣ; но въ томъ движеніи понятій, которое тѣмъ не менѣе совершалось въ образованномъ слоѣ и подготовляло новыя основанія общественной жизни въ будущемъ, этотъ періодъ представляетъ большую своеобразность характера и направленія. Эта своеобразность Александровскаго времени опредѣляется двумя главными обстоятельствами. Во-первыхъ, личностью самого императора, вліяніе которой, то возбуждающее, то ретроградное, многоразличнымъ образомъ вмѣшивалось въ ходъ общественныхъ понятій. Во-вторыхъ, въ это царствованіе русское общество стало въ особенно тѣсныя связи съ жизнью западно-европейской и вліяніе европейскихъ идей, отличающее всю новую русскую исторію, теперь особенно глубоко подѣйствовало на умы и въ первый разъ сообщило имъ политическія стремленія. Это была новая черта въ исторіи нашего общества и возникновеніе ея принадлежитъ именно временамъ императора Александра.

Въ такихъ обществахъ, каково русское, личность правителя имѣетъ вообще несравненно больше значенія, чѣмъ то бываетъ въ обществахъ, владѣющихъ политической свободой и большею степенью образованности. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществахъ, гдѣ власть правителя не имѣетъ никакихъ границъ, его личные взгляды и даже капризы становятся могуще-

ственнымъ факторомъ всей жизни общественной и государственной: естественный ходъ развитія постоянно нарушается вмѣшательствами власти иногда благотворными, иногда вредными. Личность правителя пріобрѣтаетъ поэтому особенную историческую важность. Но оцѣняя ее, нельзя забывать также, что она сама, при всей видимой ея независимости, не есть что-либо совершенно случайное. Напротивъ, если въ самыхъ самостоятельныхъ личностяхъ, какъ Петръ Великій,—стоявшій съ своими планами почти одиноко, дѣйствовавшій съ чисто революціонными пріемами и наперекоръ огромной массѣ народа измѣнявшій привычныя формы жизни,—нельзя не видѣть глубокаго согласія съ основными потребностями націи и вѣка, то еще больше бываютъ связаны съ характеромъ времени люди обыкновенные. Они не господствуютъ надъ теченіемъ національной жизни и, напротивъ, воспринимая впечатлѣнія общества, сами очень часто становятся только тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ все окружающее, и при всей видимой возможности быть тѣмъ, чѣмъ сами они захотѣли бы быть, подчиняются свойству времени и въ борьбѣ общественныхъ элементовъ дѣлаются отголоскомъ того или другого направленія. Это въ особенности оказалось на имп. Александрѣ. По мягкому личному характеру, по идеямъ, привитымъ воспитаніемъ, онъ сначала даже пугался того положенія абсолютнаго самодержца, которое ему принадлежало, и обнаруживалъ явную антипатію къ особеннымъ свойствамъ русской верховной власти; но жизнь сдѣлала свое и, среди всѣхъ своихъ либеральныхъ намѣреній, онъ окончилъ деспотизмомъ. Во всей его дѣятельности замѣчательнымъ образомъ отражались очень различныя, даже несовмѣстимыя внушенія и стремленія времени. Въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ собой и либеральныя стремленія къ просвѣщенію и освобожденію общественной жизни, и онъ же представлялъ самую упрямую реакцію и при личной мягкости допускалъ нестерпимый произволъ и угнетеніе; притомъ онъ подчинялся этимъ различнымъ направленіямъ не только въ разные періоды своей жизни,—какъ случалось со многими правителями, которые бывали либеральны въ молодости и становились реакціонерами подъ старость,—но нерѣдко въ одно и то же время онъ колебался между двумя совершенно различными настроеніями.

Эта черта сильно бросалась въ глаза современникамъ и позднѣйшимъ историкамъ Александра. Большею частію они не находили ей другого объясненія, кромѣ безсилія хара-

ктера или двуличности; этимъ послѣднимъ особенно часто укоряли Александра, хотя едва ли было бы справедливо объяснять его колебанія и противорѣчія только отсутствіемъ доброй воли или сознательнымъ лицемѣріемъ. Характеръ Александра дѣйствительно отличался въ большой мѣрѣ двойственностью, нерѣшительностью, неувѣренностью, но значительная доля ихъ должна быть приписана и тѣмъ труднымъ положеніямъ, какія ставила ему самая жизнь. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и самыхъ строгихъ его историковъ, Гервинусъ, признаетъ, что трудности этихъ положеній бывали таковы, что успѣшно преодолѣть ихъ было бы не подъ силу и человѣку съ гораздо бо́льшимъ запасомъ нравственной энергіи. Обвиненіе въ чистомъ лицемѣріи трудно обратить противъ человѣка, который самъ страдалъ отъ предполагаемой имъ безъисходности противорѣчій, какъ бывало несомнѣнно съ Александромъ. Окруженный трудными обстоятельствами, вызываемый рѣшать роковые вопросы, Александръ часто былъ не въ силахъ рѣшить въ самомъ себѣ борьбу враждебныхъ принциповъ и впадалъ въ ошибки, которыя потомъ мучительно его преслѣдовали: отъ того въ его внутренней исторіи были моменты истинно трагическіе. Одушевленный въ началѣ наилучшими намѣреніями, онъ не въ состояніи былъ совладѣть съ обстоятельствами, которыя увлекали его на иную дорогу; онъ не отказывался отъ своихъ плановъ, но ни въ самомъ себѣ, ни въ жизни не находилъ средствъ для ихъ совершенія и поддавался заблужденіямъ, которыя приводили его къ самому печальному употребленію своей власти, къ поддержкѣ дѣйствій, самыхъ враждебныхъ общему благу. Однако онъ не успокоивался на этой реакціонной политикѣ и его внутреннія тревоги показываютъ въ немъ не безсердечнаго лицемѣра или тирана, какимъ его нерѣдко изображали, а человѣка заблуждавшагося, но способнаго вызвать къ себѣ сочувствіе, потому что во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ съ нравственными идеалами, которые были выше обыкновенной рутины въ его сферѣ и присутствіе которыхъ онъ не разъ доказывалъ своими дѣйствіями.

Такимъ образомъ, личность императора Александра особенно тѣсно связывается съ исторіей его времени. Можно даже сказать, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ представителей этого времени. Онъ самъ лично дѣлилъ различныя настроенія этого времени, и то броженіе

общественныхъ идей, которое начинало тогда проникать въ русскую жизнь, какъ будто отражалось въ немъ самомъ такимъ же нерѣшительнымъ броженіемъ, не покидавшимъ его, кажется, до послѣднихъ дней. Такъ, сперва онъ мечталъ о самыхъ широкихъ преобразованіяхъ, о какихъ только думали самые смѣлые умы тогдашняго русскаго общества; онъ былъ либераломъ, приверженцемъ конституціонныхъ учрежденій, самъ искалъ «оппозиціи»; въ другое время, смущаясь передъ дѣйствительными трудностями и воображаемыми опасностями, онъ становился консерваторомъ, реакціонеромъ, піэтистомъ. Нѣтъ надобности, наконецъ, много говорить о томъ огромномъ значеніи, которое имѣлъ онъ какъ господствующая, центральная личность великихъ событій, совершавшихся въ Европѣ и въ Россіи и производившихъ потрясающее дѣйствіе на умы; внутри самой русской жизни, въ возрастаніи и борьбѣ общественныхъ понятій, его личность опять является могущественной силой, которая своей поддержкой давала перевѣсъ то однимъ, то другимъ направленіямъ, и постоянно вмѣшивалась въ ихъ взаимныя отношенія.

Таковы различныя обстоятельства, по которымъ личность императора Александра получаетъ свое характеристическое значеніе, а время его царствованія становится не однимъ только хронологическимъ періодомъ въ исторіи общественныхъ понятій и образованія русскаго общества.

Другая черта, по которой царствованіе Александра можетъ составить отдѣльный періодъ въ этой исторіи, заключается въ самомъ содержаніи понятій, проникавшихъ теперь въ умы. Результаты прежняго развитія и болѣе тѣсное, чѣмъ когда-нибудь прежде, соприкосновеніе съ жизнью европейскою, ея политическими интересами, произвели особенное броженіе общественныхъ идей, какъ въ правительствѣ, такъ и въ средѣ самого общества, и вслѣдствіе различныхъ условій, соединившихся въ то время, это броженіе приняло направленіе политическое, которое до тѣхъ поръ оставалось обществу почти совсѣмъ чуждо и неизвѣстно.

Дѣйствительно, этотъ наплывъ общественно-политическихъ идей въ царствованіе Александра представлялъ нѣчто совершенно новое. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, оглянувшись на предъидущую судьбу русскаго общества. Она была немногосложна. Новая Россія, основавшаяся при Петрѣ, вполнѣ восприняла тотъ характеръ внутренняго устройства, какой образовался въ періодъ московскаго царства. Этотъ харак-

теръ извѣстенъ: нація потеряла свои политическія права или отказалась отъ нихъ въ пользу неограниченной верховной власти, которая казалась наилучшимъ средствомъ объединенія и для народной массы была вмѣстѣ защитой отъ боярской олигархіи. Старинные «соборы» еще въ московской Россіи потеряли дѣйствительную силу, кромѣ развѣ нѣкотораго совѣщательнаго значенія, или играли роль фиктивнаго представительства, нужнаго иногда по дипломатическимъ разсчетамъ самой власти, и забылись очень скоро, когда власть нашла ненужнымъ больше собирать ихъ. Верховная власть Петра была власть готовая, наслѣдованная. Въ волненіяхъ, наполнявшихъ его царствованіе, дѣло шло нисколько не о политическихъ свойствахъ этой власти: причины волненій были— властолюбивые планы царевны Софьи, религіозный консерватизмъ старовѣрства и бытовой консерватизмъ приверженцевъ стараго вѣка. Въ дѣятельности Петра его противникамъ была невыносима революціонная ломка стараго быта, отъ которой они боялись паденія самой націи, въ силу стараго изреченія: «которое царство начнетъ переставливати обычаи свои, и то царство недолго стоитъ». Приверженцамъ старины былъ ненавистенъ въ Петрѣ царь не довольно благочестивый, иногда совсѣмъ легкомысленный въ дѣлахъ вѣры, царь, унижавшій свое византійское достоинство всякой грубой работой, дружбой и гульбой съ иноземцами и т. д.; они не имѣли ничего противъ самой власти, но имъ хотѣлось прежняго царя въ византійско-азіатскомъ стилѣ XVI—XVII вѣка. Этотъ стиль исчезъ безвозвратно; но въ глухой враждѣ къ новымъ обычаямъ ни при Петрѣ, ни послѣ не было и тѣни политическаго элемента, а только тотъ же бытовой и религіозный консерватизмъ, позднѣе усложнившійся новыми развитіями раскола. Вся масса оставалась попрежнему безгласной и безправной, въ чисто пассивномъ положеніи, которое продолжалось въ теченіе всего XVIII вѣка и перешло въ XIX. Единственныя движенія, которыми она заявляла свою оппозицію разнымъ тяжелымъ для нея порядкамъ, были крестьянскія возстанія, очень часто съ какимъ-нибудь самозванствомъ, представлявшимъ для массы единственный доступный для нея авторитетъ; этотъ авторитетъ имѣлъ для нея чрезвычайную убѣдительность, какъ единственная политическая идея, подъ которой народъ издавна соединялъ свои благія ожиданія. Но если никакого движенія не представляла народная масса, то, со временъ Петра, начало

создаваться подъ европейскими вліяніями новое общество, которое носило въ себѣ зародыши будущаго: развитіе общественной самодѣятельности возможно было только въ немъ. Общественная мысль пробуждалась очень медленно; у Петра нашлось только немного помощниковъ, которые искренно понимали дѣло реформы и видѣли въ немъ залогъ общественнаго блага, и новое общество, представителями котораго были люди, какъ Ѳеофанъ или Кантемиръ, было весьма немногочисленно. Въ мрачный періодъ отъ смерти Петра до Екатерины II, въ эти «сатурналіи деспотизма», по выраженію Карамзина, общество наравнѣ съ народомъ оставалось пассивнымъ зрителемъ придворныхъ переворотовъ, хотя уже являются люди съ политическими идеями, какъ Волынскій, люди съ обширнымъ знаніемъ внутреннихъ отношеній Россіи, какъ Татищевъ, и наконецъ возникаетъ нѣкоторое броженіе политическихъ понятій въ самомъ обществѣ: въ той оппозиціи, которая при воцареніи Анны высказалась со стороны русскаго «шляхетства» противъ замысловъ олигархіи и закончилась полнымъ возстановленіемъ самодержавія, въ этой оппозиціи были однако и мысли объ ограниченіи монархическаго правленія. Одно время казалось, что онѣ могутъ даже осуществиться. Но затѣмъ продолжался опять тотъ же порядокъ вещей; общество и народъ отличались тѣмъ же пассивнымъ подчиненіемъ, которое, сравнительно съ XVII вѣкомъ, быть можетъ, даже усилилось. Это время по преимуществу было временемъ тайной канцеляріи, «слова и дѣла». Эта политическая инквизиція наслѣдована была еще отъ XVII вѣка; Петровскій преображенскій приказъ былъ печальнымъ орудіемъ, которое Петръ считалъ необходимымъ для утвержденія своего дѣла. Впослѣдствіи эта причина существованія тайной канцеляріи, безъ сомнѣнія, значительно ослабѣла, потому что для продолженія самой реформы нельзя было бы предвидѣть никакой опасности; тѣмъ не менѣе, тайная канцелярія дѣйствовала, можетъ быть, еще съ большей ревностью. Къ старой традиціи прибавились новыя побужденія: съ одной стороны была перенята рутина нѣмецкаго канцелярскаго деспотизма, съ другой—безпрестанные перевороты заставляли всюду видѣть опасность, подозрѣвать заговоръ, въ каждомъ невыгодномъ отзывѣ о дѣйствіяхъ правительства находить государственное преступленіе. Общество стало окончательно безгласно. Но, какъ ни убивало все это интересы общества къ его собственнымъ дѣламъ, это время не про-

падало однако даромъ для общественнаго сознанія. Преемники Петра мало думали о достойномъ продолженіи реформы и, до Екатерины II, даже не были къ этому способны, но тѣмъ не менѣе реформа вошла уже въ жизнь такъ глубоко, что даже эти тяжкія времена не остановили ея развитія. Имя Петра сохранило свой авторитетъ: дѣятельность Ломоносова и Академіи наукъ, основаніе московскаго университета, первые опыты новой литературы свидѣтельствовали, что потребность образованія продолжала дѣйствовать въ правительствѣ и пробуждалась въ обществѣ, что школьное ученье покидало устарѣлую схоластическую колею и новыя понятія уже требовали себѣ того особеннаго органа, который представляетъ собою литература въ европейской формѣ и въ европейскомъ смыслѣ. Все это были, впрочемъ, только зачатки, когда наступило царствованіе Екатерины. Это царствованіе, отличавшееся такимъ шумомъ и блескомъ, было вполнѣ выраженіемъ того «просвѣщеннаго деспотизма», который и въ западной Европѣ имѣлъ тогда представителей въ лицѣ многихъ просвѣщенныхъ государей и министровъ, и которымъ, незадолго передъ французской революціей, сама монархія свидѣтельствовала о необходимости преобразованій, какихъ требовало время, потому что онъ былъ въ сущности попыткой примиренія старой средневѣковой монархіи съ просвѣтительными идеями вѣка. Дѣятельность Екатерины въ этомъ смыслѣ также выполняла глубокую историческую потребность русскаго государства и общества; со временъ Петра это было почти первое дѣятельное стремленіе власти къ распространенію европейскаго просвѣщенія: присвоивъ себѣ исключительную иниціативу устройства общественныхъ интересовъ, власть тѣмъ самымъ, конечно, брала на себя дѣлать для этого все необходимое и дѣятельность Екатерины вспоминала наконецъ объ этой задачѣ. Съ Петра Великаго судьба русскаго общественнаго образованія почти предоставлена была случаю, и власти предстояло сдѣлать въ этомъ отношеніи еще слишкомъ многое. Царствованіе Екатерины было осыпано панегириками современниковъ и, дѣйствительно, выгодно отличалось отъ предъидущихъ, какъ и отъ послѣдующаго царствованія, хотя далеко не исполнило того, что могло бы исполнить, не отличалось послѣдовательностью и, несмотря на весь внѣшній блескъ и литературно-философскія вкусы, не могло похвалиться безкорыстной заботой о просвѣщеніи. Екатерина вначалѣ самымъ ревностнымъ образомъ

принимала и хотѣла примѣнять къ дѣлу просвѣтительныя идеи французской философіи, хотѣла даже поручить д'Аламберу воспитаніе наслѣдника престола и, слѣдовательно, обезпечить вліяніе французскихъ идей и на будущее время. Впослѣдствіи воспитателемъ Александра она выбрала человѣка такихъ же понятій, философа и республиканца Лагарпа; Монтескьё, Мабли и Беккарія доставили главное содержаніе ея «Наказа», и ея тогдашнее философское свободолюбіе внушило ей даже необыкновенное для самой тогдашней Европы учрежденіе знаменитой Комиссіи о сочиненіи новаго уложенія; дружеская переписка съ знаменитостями французской литературы и щедрое покровительство имъ доставили ей еще одно лишнее средство прославиться покровительствомъ наукамъ, философіи и свободѣ мнѣній. Нельзя отвергать, что это настроеніе императрицы отозвалось и въ русской общественной жизни благопріятными послѣдствіями; въ управленіи чувствовалось больше мягкости, чѣмъ когда-нибудь было видано въ послѣднія царствованія; Комиссія, хотя и кончилась неудачно, указывала однако, что для общества могутъ быть серьезные интересы въ обсужденіи общественныхъ предметовъ; одновременно съ ея открытіемъ, въ литературѣ разбирался вопросъ о крѣпостномъ состояніи, на извѣстную тему Вольно-Экономическаго Общества; настроеніе императрицы и заявляемые ею взгляды подѣйствовали на литературу, которая стала знакомить русскую публику съ европейскими идеями и начала свои критическіе опыты и наблюденія надъ русской жизнью. Люди болѣе образованные уже въ то время могли довольно хорошо познакомиться съ новыми философскими взглядами, и, хотя тогдашнихъ «волтеріянцевъ» винятъ обыкновенно въ большомъ легкомысліи и непрочности ихъ скептицизма, но не всѣ они были легкомысленны, и ихъ скептицизмъ не разъ указывалъ на дѣйствительные недостатки общественной жизни и ея преданій. Въ то же время развивались и идеалистическія стремленія, исходившія изъ двухъ главныхъ источниковъ: той же французской философіи, которая говорила о совершенствованіи общества, о благѣ человѣчества, о правахъ человѣка и т. д., и изъ франкмасонства. Правда, это новое общественное движеніе, начинавшееся въ русской жизни, представляется еще слишкомъ ограниченнымъ, мало реальнымъ, даже ребяческимъ, но, принявъ въ соображеніе время и нравы, господствовавшіе въ большинствѣ, мы увидимъ, что оно было

всетаки большимъ успѣхомъ. Внѣшній блескъ царствованія, болѣе частыя сношенія съ европейскимъ міромъ, распространеніе европейскихъ обычаевъ и литературы сильно способствовали измѣненію понятій, и въ обществѣ составился наконецъ довольно обширный слой людей, настолько образованныхъ, что новыя идеи могли находить себѣ достаточно приготовленную почву. Иностраннымъ наблюдателямъ [1]) казалось, что русскіе по образованности и нравамъ какъ будто составляютъ двѣ различныя націи. Подразумѣвается, что одна изъ нихъ хранила старые обычаи и старую неподвижность; другая представляла новые нравы и обычаи и образованность въ европейскомъ духѣ. Это новое общество при Екатеринѣ значительно размножилось, отчасти подъ вліяніемъ ея просвѣтительныхъ плановъ, отчасти уже независимо отъ нихъ, или даже наперекоръ ея намѣреніямъ, по собственной силѣ начавшагося развитія. Дѣло въ томъ, что въ обществѣ стали высказываться извѣстныя понятія, уже не отвѣчавшія желаніямъ Екатерины: эти понятія не исчезали, несмотря на ея заявленное неудовольствіе, и, наконецъ, вызвали съ ея стороны преслѣдованіе, когда, подъ конецъ жизни, она была напугана французской революціей и вооружилась противъ тѣхъ самыхъ правилъ и идей, которыя прежде такъ поощряла. Просвѣщенный деспотизмъ Екатерины, къ сожалѣнію, не былъ такъ широкъ и искрененъ, какъ былъ, напр., у Іосифа II, и уже въ самомъ началѣ Екатерина впадала въ противорѣчія съ собой и отвергала свои философскія идеи, какъ скоро ихъ вліяніе обнаруживалось въ обществѣ какими-нибудь ничтожными проявленіями самостоятельности. Едва ли сомнительно, что нѣчто подобное произошло съ Комиссіей объ уложеніи; несомнѣнно, что это произошло въ ея отношеніяхъ къ литературѣ, которая допускалась только до тѣхъ поръ, пока знала свое мѣсто, или къ масонскимъ ложамъ, которыя (еще до Новиковской исторіи) были непріятны Екатеринѣ тѣмъ, что имѣли притязаніе на общественную роль и на тайну, слѣдовательно, извѣстную независимость, хотя Екатерина хорошо знала невинность или пустоту этой тайны. Въ ея литературной полемикѣ обнаруживались всегда не только мнѣнія писательницы, но и повелительный авторитетъ императрицы, такъ что споръ становился невозможенъ. Подъ ко-

[1]) Mémoires secrets sur la Russie. Paris. An. VIII—X (1800—2), III, стр. 356.

нецъ царствованія нетерпимость перешла въ преслѣдованіе, мало согласное съ духомъ философской свободы, къ которому нѣкогда императрица показывала такое расположеніе. Радищевъ и Новиковское Дружеское Общество не представляли, конечно, никакой политической опасности, которою можно было бы объяснить суровость ихъ осужденія. Одинъ былъ идеалистъ, воспитавшійся на отвлеченныхъ понятіяхъ о правахъ человѣчества, и въ его смѣлости поражаетъ простодушіе, съ которымъ онъ считалъ выраженіе своихъ мнѣній возможнымъ на русскомъ языкѣ въ тогдашнія времена. Всѣ помышленія Дружескаго Общества сводились къ піэтистической филантропіи и наивному исканію алхимическихъ таинствъ. Между тѣмъ, это были два наиболѣе рѣзкія проявленія общественныхъ стремленій во времена императрицы Екатерины. Основное ихъ содержаніе—нѣсколько отвлеченныхъ положеній тогдашней нравственной и политической философіи, и здравое пониманіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ золъ и недостатковъ общественнаго устройства, какъ крѣпостное право, продажный судъ и управленіе, невѣжество и т. п.,— опредѣляетъ и весь запасъ общественныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ къ концу XVIII столѣтія. Общество несомнѣнно обнаруживаетъ признаки самодѣятельности и критическаго отношенія къ своей жизни; но эта критика всего чаще приписываетъ общественные недостатки нравственнымъ недостаткамъ и думаетъ помочь имъ, читая мораль для исправленія пороковъ. Кажется, только въ вопросѣ крѣпостного права сознана была необходимость измѣненія самаго учрежденія; въ другихъ случаяхъ общественная мысль не шла дальше поверхности дѣла и, за немногими исключеніями, политическая сторона вопроса оставалась ей совершенно чужда.

Времена императора Александра въ этомъ отношеніи уже рѣзко отличаются отъ временъ Екатерины. Въ обществѣ сначала слабо, но потомъ все замѣтнѣе обнаруживается интересъ къ его внутреннимъ дѣламъ; общественная мысль болѣе и болѣе сознательно вникаетъ въ нихъ и старается найти причины тѣхъ золъ, которыя уже давно чувствовались, но противъ которыхъ оказывалась безсильна сама неограниченная власть правительства, и старается, наконецъ, найти средства, которыя были бы въ состояніи помочь этому печальному положенію вещей. Въ этомъ исканіи общественная мысль въ первый разъ приходитъ къ нѣсколько ясной постановкѣ внутренняго политическаго вопроса.

Отыскивая начало этого новаго направленія, нельзя прежде всего не видѣть, что это было никакъ не случайное возбужденіе или мода, а напротивъ, явленіе, естественно выросшее среди общества, имѣвшее свои внутреннія и внѣшнія причины и оставившее свои вліянія въ послѣдующей исторіи общества. Главнымъ образомъ, оно было слѣдствіемъ общаго увеличенія образованности, которое, наконецъ, приводило къ подобнымъ вопросамъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ дѣлало это сознаніе общественныхъ отношеній особенно живымъ и дѣйствительнымъ. Съ другой стороны, это направленіе прививалось отъ европейскаго движенія конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Тотъ умственный и общественный переворотъ, который изъ Франціи распространялся на всю Европу, коснулся своими послѣдними вліяніями и Россіи: въ образованной части общества этотъ переворотъ отразился значительнымъ умственнымъ движеніемъ, которое усилилось отъ непосредственныхъ встрѣчъ, дружескихъ и враждебныхъ, съ европейскимъ Западомъ. Въ русскомъ обществѣ является новый вопросъ, который обозначалъ для него первые признаки зрѣлости: это былъ вопросъ объ его устройствѣ, причинахъ и послѣдствіяхъ этого устройства, о средствахъ къ его исправленію и усовершенію. Старыя преданія въ первый разъ потеряли, для значительнаго круга образованныхъ людей, свою прежнюю обязательность; они отвергались иногда не только лучшими людьми общества, но и самимъ императоромъ, такъ что ихъ несостоятельность становилась полупризнанной истиной; понятно, какимъ возбуждающимъ образомъ должно было дѣйствовать на умы подобное положеніе дѣла. Настала необходимость искать для общественнаго устройства новыхъ началъ и новыхъ ручательствъ общаго блага.

Эти первыя стремленія общественной мысли, какъ мы сказали, и составляютъ отличительную черту Александровскаго періода нашей исторіи. Въ это время общественное мнѣніе въ первый разъ съ извѣстной силой направилось на предметы внутренней политики. На этой дорогѣ наше общество движется и до сихъ поръ: общественная мысль стала шире и яснѣе, просторъ ея больше; глубже, чѣмъ когда-нибудь поставленъ вопросъ о народѣ и народной жизни; кругъ общества, заинтересованнаго внутренними политическими вопросами, гораздо обширнѣе; но самые предметы, на которыхъ останавливается общественная мысль, еще не

были исчерпаны съ тѣхъ поръ, какъ они въ первый разъ указаны были во времена Александра. Многія реформы имп. Александра II, какъ, напр., три основныя — освобожденіе крестьянъ, судебная реформа и извѣстное улучшеніе въ положеніи печати — были уже въ тѣ времена предметомъ разсужденій и горячихъ желаній; другія, болѣе широкія реформы, о которыхъ мечтали лучшіе люди тогдашняго общества, остаются вопросомъ и до сихъ поръ. Царствованіе Александра I заключилось трагической развязкой, которая рѣзко отдѣлила пройденный путь развитія. Дѣйствительно, тайныя политическія общества и дѣло декабристовъ были естественнымъ результатомъ броженія идей въ Александровское время: съ этой развязкой прежнее поколѣніе, носившее эти идеи, сошло со сцены, и съ новымъ царствованіемъ наступилъ новый поворотъ въ исторіи общества.

Указывая на это развитіе *политической* мысли, какъ отличительную черту общественнаго движенія въ царствованіе Александра, мы не преувеличиваемъ ни ея глубины, ни размѣровъ ея вліянія въ обществѣ. И то, и другое не было велико; политическая незрѣлость общества была такова, что въ первое время всего сильнѣе это направленіе заявлено было самимъ императоромъ и его ближайшими сотрудниками; само правительство питало болѣе смѣлые планы, чѣмъ кто-либо изъ передовыхъ людей тогдашняго общества; и впослѣдствіи кругъ людей, въ средѣ которыхъ совершалось это движеніе, не былъ особенно обширенъ. Но движеніе осталось однако важнымъ историческимъ моментомъ въ нашей общественной исторіи. Извѣстныя идеи проникли въ русское общество и усвоились въ немъ; съ тѣхъ поръ онѣ получаютъ все больше ясности, обнимаютъ бо̀льшій кругъ, и единство мотивовъ, которыми занята была общественная мысль со временъ Александра I, показываетъ, что уже въ то время дѣло шло о дѣйствительныхъ потребностяхъ общества, неизбѣжно вытекавшихъ изъ его исторіи. Возвращаясь къ тѣмъ временамъ и вспоминая тогдашніе интересы, борьбу мнѣній, начинавшееся столкновеніе двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, мы найдемъ новое подтвержденіе законности тѣхъ современныхъ стремленій къ общественному преобразованію, которыя и до сихъ поръ остаются непонятны для большинства и на которыя съ такою щедростью бросаютъ свои клеветы ретроградные агитаторы.

Недостаточность существующихъ матеріаловъ дѣлаетъ

еще невозможной послѣдовательную исторію выбраннаго нами предмета; мы ограничимся нѣсколькими общими очерками и нѣсколькими указаніями на любопытныя явленія этой исторіи, до сихъ поръ мало находившія мѣсто въ нашей литературѣ.

ГЛАВА I.

Воспитаніе и характеръ Александра.

Характеръ императора Александра вызывалъ самыя разнообразныя сужденія современниковъ и позднѣйшихъ историковъ; въ то время, какъ одни считали его человѣкомъ безъ сердца и принциповъ, хитрымъ до коварства деспотомъ, другіе—и въ томъ числѣ знаменитый Штейнъ, котораго нельзя было упрекнуть ни въ лицемѣріи, ни въ желаніи льстить,—съ увѣренностью говорили о высокихъ качествахъ его характера, безкорыстіи и великодушіи, глубокомъ стремленіи ко благу человѣчества; когда одни признавали за нимъ только умъ самый обыкновенный, неспособный къ широкимъ идеямъ, другіе видѣли въ Александрѣ, кромѣ рѣдкихъ достоинствъ сердца, и умъ чрезвычайно обширный и проницательный [1]).

---

[1]) Изъ прежней литературы о времени и личности имп. Александра наиболѣе важны:

— Исторія царствованія имп. Александра I и Россіи въ его время. М. Богдановича. Спб. 1869—71, 6 томовъ (въ приложеніяхъ указаніе литературы предмета).

— Theodor v. Bernhardt, Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831, Leipz. 1863—77. Три тома.

— Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатія. Сергѣя Соловьева. Спб. 1877.

Постоянно умножается литература мемуаровъ, русскихъ и иностранныхъ, и въ ряду послѣднихъ (кромѣ того, что указывается въ названныхъ сочиненіяхъ) явился замѣчательный матеріалъ для исторіи временъ Священнаго Союза и реакціи въ запискахъ Меттерниха, запискахъ и перепискѣ Генца и т. д.

Новѣйшая литература указана въ предисловіи къ настоящему изданію.

Эти противорѣчія тѣмъ поразительнѣе, что такіе отзывы исходили не отъ однихъ враговъ или слѣпыхъ панегиристовъ, но и отъ людей, которые хотѣли высказывать безпристрастное мнѣніе и основывать его на фактахъ. Мы не беремся разъяснять вполнѣ характеръ, выразившій эти противорѣчія, потому что подробности исторіи Александра еще слишкомъ мало извѣстны; но его нельзя и обойти, потому что, по самымъ фактамъ, обѣ стороны имѣютъ каждая долю правды; личность Александра и его дѣятельность въ самомъ дѣлѣ представляли столько разнорѣчащихъ проявленій, что въ нихъ необходимо дать себѣ по возможности отчетъ, потому что онѣ слишкомъ часто оказывали свое вліяніе на общественную жизнь.

Этотъ характеръ дѣйствительно поражаетъ своими неровностями и противорѣчіями; непостоянство было основная его черта, и легко себѣ представить, что проявленія этого непостоянства въ серьезныхъ дѣлахъ и въ критическія минуты, когда извѣстное рѣшеніе получало чрезвычайную важность, могли производить самое тяжелое впечатлѣніе и возбуждать сильную антипатію, которая и производила указанные нами недружелюбные отзывы; но, собирая различныя подробности біографіи Александра и вникая въ его побужденія, мы примиряемся съ его личностью, потому что въ источникѣ его недостатковъ находимъ не дурныя наклонности, а недостатокъ воспитанія воли и недостатокъ пониманія отношеній, что въ глубинѣ побужденій его лежали часто наилучшія стремленія, которымъ недоставало только школы и благопріятныхъ условій. Александръ почти съ рожденія поставленъ былъ въ очень сложныя и мудреныя отношенія, которыя рано раздвоили его сознаніе и его чувство; воспитаніе кончилось въ такую пору, когда обыкновенно оно только-что начинаетъ свои первыя серьезныя заботы, когда наступаютъ первыя серьезныя занятія юноши и знакомство съ жизнью: въ эту пору Александръ былъ уже предоставленъ самому себѣ и притомъ въ обстоятельствахъ, требовавшихъ большого нравственнаго усилія, которое было бы не легко и для человѣка, лучше приготовленнаго и болѣе опытнаго въ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе при Екатеринѣ, жизнь и «служба» при Павлѣ уже создали задатки его характера, какъ онъ обнаруживается впослѣдствіи, и съ тѣхъ поръ надломили эту восторженную и благородную натуру.

Извѣстное стихотвореніе Державина «на рожденіе пор-

фиророднаго отрока» множество разъ цитировалось какъ поэтическое предвидѣніе рѣдкихъ качествъ Александра, его душевной и физической красоты, его будущей славы. Муза Державина, которая была не прочь пріятно польстить и прилгнуть, на этотъ разъ какъ будто захотѣла говорить правду, потому что въ самомъ дѣлѣ Александръ росъ чрезвычайно привлекательнымъ ребенкомъ и юношей. Таковы были общіе отзывы о немъ въ первую пору его молодости.

Но внѣшнія обстоятельства съ самаго начала были таковы, что не могли благопріятно дѣйствовать на образованіе характера. Прежде, чѣмъ Александръ въ состояніи былъ сознавать окружающее, онъ поставленъ былъ въ странныя и фальшивыя отношенія въ самой семьѣ. Съ самаго рожденія Екатерина взяла его къ себѣ, какъ потомъ и другихъ дѣтей Павла, такъ что дѣти только изрѣдка и на короткое время могли бывать у родителей. Павелъ жилъ въ Гатчинѣ, и его отношенія съ Екатериной были крайне натянутыя, почти враждебныя. Утверждаютъ, что у нея былъ планъ устранить Павла отъ престола и сдѣлать Александра своимъ непосредственнымъ преемникомъ, и что только внезапная смерть помѣшала ей исполнить этотъ планъ [1]). Александръ могъ догадываться объ этихъ намѣреніяхъ, и во всякомъ случаѣ ему были ясно видны недовѣріе и вражда, раздѣлявшія дворы петербургскій и гатчинскій, между которыми онъ самъ былъ поставленъ въ трудное страдательное положеніе. Ни тамъ, ни здѣсь онъ не могъ быть вполнѣ искрененъ; ему, вѣроятно, трудно было и вообще съ кѣмъ-нибудь дѣлиться своими впечатлѣніями и размышленіями, и это рано сообщило ему такую сдержанность и скрытность, которыя казались удивительны въ его лѣта. Одинъ наблюдатель, близко видавшій Александра въ молодости и замѣчанія котораго относятся къ 1796 году, говоритъ о немъ: «Онъ наслѣдовалъ отъ Екатерины возвышенность чувствъ, вѣрный и проницательный умъ и рѣдкую скромность; но его сдержанность, его осторожность таковы, какихъ не бываетъ въ его возрастѣ, и они были бы притворствомъ, если бы не слѣдовало приписать ихъ скорѣе тому натянутому положенію, въ какомъ онъ

---

[1]) См. разсказъ кн. С. М. Голицына о завѣщаніи Екатерины въ этомъ смыслѣ, которое найдено было въ ея кабинетѣ и сожжено Александромъ. Фактъ передается здѣсь совершенно положительно. Р. Архивъ 1869, стр. 642—643; Mém. secr. I, 182—183. Ср. Записки Саблукова, Р. Арх. 1869, стр. 1882.

находился между своимъ отцомъ и своей бабушкой, чѣмъ его сердцу, отъ природы искреннему и открытому»[1]).

При Павлѣ положеніе его стало еще мудренѣе. Извѣстно, какою подозрительностью и какими бурными капризами отличался этотъ императоръ; онъ наводилъ страхъ на все окружающее и на самое семейство вспышками раздражительности, не знавшими никакихъ предѣловъ. Павелъ подозрѣвалъ существованіе упомянутыхъ плановъ Екатерины, и его недовѣрчивость, которую онъ, впрочемъ, старался скрывать, обратилась на Александра. Говорятъ, что въ послѣдніе часы императрицы и въ слѣдующіе дни отецъ удерживалъ сына при себѣ съ изъявленіями нѣжности, походившими на подозрительность. Павелъ удалилъ его прежнихъ друзей, окружилъ его офицерами, на которыхъ считалъ возможнымъ вполнѣ положиться, далъ ему, вмѣсто прежняго, другой полкъ и т. д. Ихъ отношенія мѣнялись различнымъ образомъ, но Александръ не могъ чувствовать себя свободно въ продолженіе царствованія, которое своими свойствами противорѣчило всѣмъ его тогдашнимъ понятіямъ. Принужденіе продолжалось въ еще болѣе тягостныхъ формахъ, чѣмъ прежде, и еще больше было основаній для скрытности и недовѣрчивости. Конецъ царствованія Павла довелъ до послѣдней степени внутреннюю безпомощность и тревогу Александра. Онъ былъ свидѣтелемъ раздраженія, собиравшагося противъ императора, былъ не въ силахъ помочь кризису и самъ былъ увлеченъ имъ. Эти событія оставили навсегда свой слѣдъ на его характерѣ; мрачный жизненный опытъ еще больше усилилъ апатію, задатки которой были въ немъ уже издавна, и недовѣрчивость къ людямъ, которая, къ сожалѣнію, имѣла довольно основаній въ обстоятельствахъ его жизни съ самой ранней молодости.

Такова была въ общихъ чертахъ неблагопріятная обстановка, въ которой должно было совершаться нравственное развитіе Александра. Его врожденныя качества подвергались здѣсь трудному испытанію. Объ этихъ качествахъ всѣ существующія извѣстія говорятъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Александръ обнаруживалъ живой умъ и прекрасныя нравственныя свойства. Сохранились, между прочимъ, записки одного изъ его воспитателей, написанныя въ 1789—94 годахъ, когда Александру было 12—17 лѣтъ, замѣтки, пи-

---

[1]) Mémoires secrets, I. 270.

санныя авторомъ для себя и безпристрастныя [1]). Описывая характеръ Александра, этотъ воспитатель съ восторгомъ говоритъ о его привлекательныхъ чертахъ, его справедливости, честности, правдивомъ сознаніи ошибокъ, добромъ и мягкомъ нравѣ и пр.; разсказываетъ различные случаи, гдѣ высказывались прекрасныя свойства его души; но въ то же время онъ съ прискорбіемъ указываетъ его недостатки, и между ними указаны такіе, которые остались и потомъ въ характерѣ императора. «Замѣчается въ его высочествѣ,—пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1792,—лишнее *самолюбіе*, а отъ того *упорство во мнѣніяхъ* своихъ, и что онъ во всемъ будто увѣритъ и переувѣритъ человѣка, какъ захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая *хитрость*, ибо въ затмеваніи истины и въ желаніи быть всегда правымъ, неминуемо нужно приступать къ подлогамъ». Фраза неясная, но описываемое свойство было, повидимому, то самое, которое стоило потомъ Александру стольких обвиненій въ двуличіи. Въ умѣ Александра несомнѣнно была черта извѣстнаго дипломатическаго лукавства, хотя она вовсе не была такой господствующей, какъ это нерѣдко представляютъ; если въ его юношескомъ характерѣ съ лукавствомъ могла соединяться искренность, то и послѣ его характеръ никогда не потерялъ вполнѣ своихъ лучшихъ прежнихъ свойствъ. Жизнь сильно нарушила ихъ правильное развитіе, но, быть можетъ, и въ позднѣйшіе годы недостатки его характера были не столько лицемѣріе или макіавелизмъ, сколько нерѣшительность и отсутствіе твердой воли, происходившія въ значительной степени отъ отсутствія ясности понятій въ предметахъ, въ которыхъ ему приходилось имѣть верховный рѣшающій голосъ. Прежде всего, на его умъ и характеръ наложило свой отпечатокъ воспитаніе.

Это воспитаніе было предметомъ большихъ заботъ Екатерины. Она составила извѣстныя наставленія для руководства лицамъ, которымъ ввѣрено было это воспитаніе. Здѣсь, какъ и въ «Наказѣ», Екатерина опять обратилась за теоретическими основаніями къ своимъ философскимъ авторитетамъ и воспользовалась идеями Локка и Руссо. Поручивъ надзоръ за воспитаніемъ графу Н. И. Салтыкову, она выбрала главнаго наставника въ той европейской сферѣ, съ которой такъ любила поддерживать сношенія. Швейцарецъ Лагарпъ былъ

---

[1]) Р. Арх. 1866, стр. 94—111. Воспитатель этотъ былъ—Александръ Яковлевичъ Протасовъ (см. дополненія).

не только философъ въ смыслѣ французскаго просвѣщенія, но и настоящій, не только теоретическій республиканецъ; посредникомъ въ его приглашеніи былъ философскій агентъ и фактотумъ тогдашнихъ либеральныхъ дворовъ, Гриммъ, извѣстный авторъ «Корреспонденціи». Лагарпъ (онъ былъ при Александрѣ въ теченіе 1783—1795 г.) стоялъ, безъ сомнѣнія, выше всѣхъ наставниковъ Александра по уму, свѣдѣніямъ и характеру и, конечно, оказалъ всего больше вліянія на складъ понятій и направленіе Александра. Но положеніе Лагарпа было очень трудно: онъ хотѣлъ строго выполнить свою обязанность и не желалъ дѣлать уступокъ придворнымъ соображеніямъ, которыхъ однако представлялось очень много. Стараясь охранять Александра отъ вліяній придворной атмосферы и не скрывая своего образа мыслей, онъ долженъ былъ тѣмъ самымъ дѣлать себѣ враговъ, которыхъ кромѣ того создавала и его политическая дѣятельность для своего отечества, продолжавшаяся и при дворѣ Екатерины. Эта вражда, шедшая отъ его швейцарскихъ непріятелей и русскихъ придворныхъ, мѣшали, наконецъ, и трудамъ его какъ воспитателя. Противъ него пущены были наконецъ политическія обвиненія, поводъ къ которымъ давала его дѣятельность по швейцарскимъ дѣламъ, хотя она и не была публичной: эти обвиненія были особенно опасны въ послѣдніе годы, когда французская революція въ своемъ террористическомъ фазисѣ навела страхъ на Екатерину. Императрица вообще поддерживала Лагарпа, и теперь, выслушавъ его объясненія противъ возведенныхъ на него обвиненій, оставила его при Александрѣ, но наконецъ, повидимому, поддалась также опасеніямъ; послѣ свадьбы великаго князя, котораго, какъ извѣстно, поженили очень юнымъ, Лагарпъ оставался въ Петербургѣ недолго и былъ отпущенъ довольно холодно.

Несмотря на затруднительность положенія Лагарпа при дворѣ, особенно въ послѣдніе годы, когда Александръ именно былъ бы всего больше способенъ понимать его уроки, несмотря на то, что вліяніе Лагарпа, такимъ образомъ, дѣйствовало только въ очень ранніе годы его воспитанника, это вліяніе было весьма сильно. Александръ чрезвычайно привязался къ своему воспитателю, потому, вѣроятно, что его уроки всего больше отвѣчали тѣмъ юношескимъ стремленіямъ, которыми Александръ былъ проникнутъ, и давали всего больше пищи его идеалистическимъ мечтаніямъ о свободѣ

и счастіи людей. По вступленіи на престолъ Александръ вызвалъ Лагарпа въ Петербургъ; во время Наполеоновскихъ войнъ онъ опять призывалъ къ себѣ Лагарпа, какъ стараго друга, и дѣлился съ нимъ своими чувствами и своими политическими заботами.

Лагарпу принадлежитъ, безъ сомнѣнія, большая доля тѣхъ отвлеченныхъ представленій Александра о человѣческомъ благѣ, о гражданской свободѣ, о равенствѣ людей, о справедливости, о гнусности деспотизма и рабства и т. д., которыя въ первое время Александръ высказывалъ съ такимъ одушевленіемъ и которыя даже впослѣдствіи, когда онъ былъ далеко не прежнимъ, никогда въ немъ не изглаживались совершенно. Этотъ идеализмъ могли поддерживать въ немъ и другіе его воспитатели, особливо извѣстный М. Н. Муравьевъ, обучавшій его русскому языку. Муравьевъ (отецъ Никиты и Александра Муравьевыхъ, впослѣдствіи декабристовъ), извѣстный въ свое время писатель въ сантиментально-философскомъ родѣ, покровительствовавшій историческому предпріятію Карамзина и по вступленіи Александра на престолъ назначенный попечителемъ московскаго университета, былъ человѣкъ умный и образованный, съ характеромъ, возбуждавшимъ большое уваженіе, и съ убѣжденіями въ духѣ французской философіи. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ проповѣдовалъ любовь къ человѣчеству, необходимость господства закона, обуздывающаго деспотизмъ, и «свободу въ разбирательствѣ мнѣній», т.-е. свободу изслѣдованій; тѣ же идеи онъ старался внушать и своему воспитаннику: когда Александру было еще только 10—12 лѣтъ, Муравьевъ, занимаясь съ нимъ русскимъ языкомъ, читалъ съ нимъ собственныя идиллическія сочиненія и давалъ ему переводить «Эмиля» Руссо, Гиббона, Монтескьё (о вольности гражданской), и т. п. [1].

---

[1]) Михаилъ Никитичъ Муравьевъ „былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина, въ прозѣ, лучшимъ у насъ писателемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ находился при воспитаніи имп. Александра, платилъ дань своему вѣку и мечталъ о народной свободѣ: кроткую душу его возмущало слово тиранство. Свои правила передалъ онъ женѣ, и они сдѣлались наслѣдіемъ его семейства". Вигель, Записки М. 1892, т. II, ч. IV, 139. См. также Р. Арх. 1866, ст. 111—113. Приводя записки Вигеля, находимъ нужнымъ сдѣлать о нихъ оговорку. Онѣ вообще представляютъ источникъ, къ которому можно обращаться только съ неохотой: до такой степени фальшивъ ихъ тонъ вездѣ, гдѣ

Эти вліянія, однако, сдерживались и ограничивались другими воспитателями, и прежде всего Н. И. Салтыковымъ. Его изображаютъ человѣкомъ добрымъ и религіознымъ; по словамъ Грибовскаго, онъ «почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т.-е. весьма твердо зналъ *придворную науку*, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное,... раболѣпствовалъ случайнымъ и чуждался впадшихъ въ немилость»; затѣмъ управляла имъ жена, а въ дѣлахъ—письмоводитель. По словамъ Массона, который былъ въ числѣ учителей великаго князя, «главное занятіе Салтыкова при великихъ князьяхъ состояло въ томъ, чтобы предохранять ихъ отъ сквозного вѣтра и отъ засоренія желудка». По всей вѣроятности, Салтыковъ не имѣлъ никакого особеннаго вліянія на умственное развитіе своего воспитанника, но онъ все-таки не былъ лишнимъ человѣкомъ, и Екатерина не даромъ поручила ему главный надзоръ. Какъ человѣкъ, изучившій придворную науку, Салтыковъ былъ вѣрнѣйшимъ ея слугой, исполнялъ всѣ ея приказанія, слѣдилъ за всей внѣшней обстановкой своего воспитанника, а въ придворномъ смыслѣ неспособенъ былъ ни къ какому упущенію, которое было бы непріятно Екатеринѣ. Потомъ онъ точно такъ же пользовался милостью Павла. По всей вѣроятности, онъ именно знакомилъ Александра съ придворной политикой, и въ этомъ смыслѣ противопоставлялъ либеральнымъ урокамъ Лагарпа свои житейскія нравоученія: по крайней мѣрѣ Александръ уже очень рано пріобрѣлъ качества, помогавшія ему маскировать свои

рѣчь касается оцѣнки направленій и людей не того разряда, къ которому самъ авторъ принадлежалъ. Записки не современны описываемымъ событіямъ, и Вигель подложилъ подъ свой разсказъ позднѣйшій тонъ чиновнически-булгаринской благонамѣренности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и злобно относился ко всему, что не подходило подъ его мѣрку. Но онъ многое видѣлъ и слышалъ, въ разсказѣ много любопытныхъ подробностей и мѣткихъ наблюденій. Читая его, надо помнить, что онъ отличается особой аттенціей къ своимъ знакомымъ, дошедшимъ послѣ до важныхъ чиновъ, но что о людяхъ тогдашняго либеральнаго направленія имъ будетъ сказано все дурное, что можно только придумать сказать о нихъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ его желчныя выходки попадаютъ и въ настоящую цѣль. — Современникъ Вигеля, близко его видавшій, Липранди дѣлаетъ объ его запискахъ весьма категорическій отзывъ: Вигель писалъ „зря“; его воспоминанія— „большею частію лишь наборъ вымысловъ и вздора“. Рус. Архивъ, 1866, ст. 1247, 1426.

мысли и чувства [1]). Остальной персоналъ преподавателей и гувернеровъ игралъ второстепенную роль.

Такимъ образомъ, Лагарпу надо приписать преобладающее влiянiе въ умственномъ воспитанiи Александра. Каково же было это влiянiе? Лагарпа цѣнили различно, по результатамъ его воспитанiя. Одни говорили о немъ только съ похвалами, какъ образцѣ безкорыстной гражданской добродѣтели; другiе винили его, что, внушая Александру свою республиканскую философiю, онъ забывалъ о русской жизни и дѣлалъ Александра мечтателемъ и космополитомъ. Оба отзыва нуждаются въ ближайшемъ опредѣленiи. Воспитательная дѣятельность Лагарпа представляетъ много сторонъ, заслуживающихъ полнаго уваженiя; нѣтъ сомнѣнiя, что его независимый характеръ, строгая выдержанность понятiй, нравственное достоинство оказывали на Александра самое благотворное дѣйствiе; Лагарпъ былъ человѣкъ, способный стать нравственнымъ авторитетомъ; но едва ли сомнительно также, что его философское воспитанiе содѣйствовало развитiю мечтательности. Сколько можно судить по извѣстнымъ даннымъ, таково дѣйствительно было его воспитанiе, хотя неблагопрiят-

[1]) И. И. Дмитрiевъ, въ своихъ запискахъ, такъ характеризуетъ графа (потомъ князя) Салтыкова:

„Въ обѣихъ столицахъ, особенно же въ Москвѣ, почитали его весьма дальновиднымъ и хитрымъ, несмотря на его наружное смиренiе. Это заключенiе основывалось болѣе на томъ, что онъ при трехъ правленiяхъ пользовался въ равной силѣ царскимъ благоволенiемъ. Не отрицаю приписываемыхъ ему достоинствъ, но разсматривая его какъ государственнаго человѣка, я не знаю, когда и чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое о немъ мнѣнiе. Въ лѣтахъ мужества, во время войны съ турками, оконченной кайнарджiйскимъ миромъ, онъ былъ, такъ сказать, рядовымъ генераломъ; ни въ одной реляцiи не шумѣло имя его... Предсѣдательствуя потомъ въ Военной Коллегiи, имѣя случай во всемъ пространствѣ разить способности государственнаго ума, онъ держался того хода въ дѣлахъ, какой былъ заведенъ предмѣстникомъ его княземъ Потемкинымъ. Лучшаго было только то, что скорѣе подписывались имъ бумаги. Я не помню, чтобы онъ когда-нибудь сказалъ въ Совѣтѣ или Комитетѣ рѣшительное, собственное мнѣнiе: брося нѣсколько словъ, ничего не значущихъ, онъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто на его счету важнѣе прочихъ, т.-е. случайнѣе. Послѣ сего, трудно ли было такъ долго держаться на своемъ мѣстѣ?" (Взглядъ на мою жизнь. М. 1866, стр. 203).

ныя послѣдствія этого воспитанія никакъ не могутъ быть поставлены въ вину только или особенно Лагарпу [1]).

Въ первое время воспитательные труды Лагарпа не представляютъ особеннаго интереса; о послѣднихъ годахъ есть нѣсколько любопытныхъ указаній. Къ тому времени, когда Лагарпъ могъ начать серьезныя бесѣды съ своимъ воспитанникомъ, говорить съ нимъ о политическихъ и общественныхъ предметахъ, французская революція напугала дворъ и общество и поставила Лагарпа въ то трудное положеніе при дворѣ, о которомъ мы упомянули; естественно должно было затрудниться самое преподаваніе, когда теоріи, какія Лагарпъ могъ сообщать въ урокахъ своему воспитаннику, впередъ уже были заподозрѣны. Французскія событія были предметомъ безпрестанныхъ разговоровъ, вызывали оживленные споры о принципахъ, и Лагарпу нельзя было избѣжать участія въ нихъ. «Когда приходилъ мой чередъ,—разсказываетъ онъ,—я откровенно высказывалъ свое мнѣніе, и если разговоръ происходилъ въ присутствіи великихъ князей, я старался *оправдать принципы* и приводилъ такіе примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый здравый смыслъ и молодыя сердца». На преподаваніи это положеніе вещей отразилось такимъ образомъ:

«Вмѣсто того,—говоритъ Лагарпъ,—чтобы предлагать имъ обыкновенный курсъ естественнаго и человѣческаго права, я предположилъ себѣ подробно и вполнѣ свободно изложить великій вопросъ о происхожденіи обществъ. Это сочиненіе было набросано, но нападки, направленныя противъ меня, помѣшали мнѣ продолжать его, потому что одно время оно слыло даже за *якобинское*. Пришлось пріостановиться, что я и сдѣлалъ, принявшись читать съ своими учениками сочиненія, въ которыхъ вопросъ о *свободѣ человѣчества* былъ энергически защищаемъ людьми замѣчательными и притомъ умершими *прежде революціи*. Это удалось, и благодаря рѣ-

---

[1]) См. о Лагарпѣ: Mémoires de Fréd. Cesar Laharpe etc. Paris et Genève 1864. Р. Арх. 1866, стр. 75—94; 1869, стр. 75—81. Mém. secr. II, 159—163, 195. La Russie et les Russes, I, 431—442. См. также Русск. Старину, 1870, I, стр. 34—44; II, 161—174, 253—266. Письма имп. Александра и другихъ особъ царств. дома къ Лагарпу, въ „Сборникѣ Имп. Р. Историческаго Общества“, т. V. Спб. 1870; Письма имп. Екатерины II къ Гримму, изд. Грота. Спб. 1878 (изъ „Сборн. Ист. Общ.“); Сухомлиновъ въ „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“ и пр. Спб. 1889, II, стр. 37—204.

чамъ Демосѳена, Плутарху, Тациту, исторіи Стюартовъ, Локку, Сидни, Мабли, Руссо, Гиббону, посмертнымъ запискамъ Дюкло, я могъ исполнить мою задачу какъ человѣкъ, сознавшій свои обязательства передъ великимъ народомъ».

Такимъ образомъ, систематическое изложеніе было оставлено и замѣнено объяснительнымъ чтеніемъ писателей; отсутствіе систематическаго объясненія Лагарпъ старался восполнить также историческимъ преподаваніемъ. Съ характеромъ послѣдняго знакомятъ насъ записки, которыя Лагарпъ составлялъ для этихъ уроковъ Александру (записки хранятся въ публичной библіотекѣ въ Лозаннѣ). Курсъ исторіи былъ у Лагарпа курсомъ общественной и политической нравственности; описывая событія, онъ обыкновенно дѣлалъ ихъ темой для нравственныхъ разсужденій, которыя примѣнялъ къ особенному положенію своего воспитанника. Съ особеннымъ сочувствіемъ онъ говорилъ о греческой и римской исторіи, которая доставляла ему всего больше случаевъ развивать свои идеи о гражданской свободѣ. По тогдашнимъ понятіямъ это былъ, вѣроятно, лучшій способъ историческаго преподаванія, и именно древняя исторія грековъ и римлянъ казалась наиболѣе благодарнымъ отдѣломъ предмета въ воспитательномъ отношеніи. Литературный классицизмъ былъ еще въ полной силѣ, и въ то время любили поучаться древностью: Фенелоновъ «Телемакъ» и «Путешествіе Анахарсиса», Бартелеми, были популярнѣйшими книгами. Плутархъ—неизбѣжнымъ спутникомъ раціональнаго воспитанія; къ «добряку Плутарху» Лагарпъ обращался въ трудныхъ случаяхъ своей петербургской жизни и въ исторіи Катона, Брута, Демосѳена, Арата и т. д. находилъ опору своему упадавшему мужеству. Словомъ, Лагарпъ употреблялъ педагогическій пріемъ, не представлявшій тогда ничего исключительнаго, и трудно сказать, чтобы по тому времени методъ представлялъ что-нибудь ошибочное. Если Лагарпъ привязывалъ свой кодексъ морали къ идеаламъ древности и могъ почерпать въ нихъ нравственное возбужденіе, то это была вещь въ то время очень нерѣдкая, образчикъ тогдашнихъ вкусовъ и воспитательныхъ пріемовъ, которыми, съ прибавкой реальныхъ знаній, цѣль нравственно-политическаго воспитанія могла быть достигнута. Александръ дѣйствительно воспринялъ очень многое изъ этой школы; но она осталась слишкомъ одинока и отвлеченна, и потому не принесла ему всего, чего надо было желать.

Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха воспитанія нужно всегда, чтобы оно было доведено до конца и чтобы рядомъ съ книжнымъ теоретическимъ, а тѣмъ больше идеалистическимъ ученьемъ шло практическое знакомство съ жизнью и приготовленіе къ ея испытаніямъ. Примѣры Катона и Арата, чтеніе Плутарха и Тацита могли стать жизненнымъ руководствомъ развѣ для человѣка, который уже умѣлъ примѣнять отвлеченные идеалы гражданской добродѣтели къ практическимъ случаямъ и понимать ихъ требованія и въ другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Но для юноши, какимъ былъ Александръ, мало было познакомиться съ этими возвышенными идеалами. Воображеніе, переносясь въ эпоху Сципіоновъ и Катоновъ, витало, собственно говоря, въ фантастической сферѣ, изъ которой мысль не умѣла переходить къ настоящему; разстояніе между идеалами и практикой жизни было очень велико, и Александру мало помогли понять должнымъ образомъ ихъ отношенія. То же надо сказать и о тѣхъ общественныхъ теоріяхъ, которыя излагалъ ему Лагарпъ по Гиббону или Сидни, Мабли или Руссо. Это были, безъ сомнѣнія, въ высшей степени освѣжающіе элементы для понятій и нравовъ такой жизни, какова была русская жизнь прошлаго столѣтія; но чтобы воспринять дѣйствительно эти элементы и провести въ жизнь ихъ благотворный смыслъ, нужны были сильный умъ и твердая воля, воспитанная нравственными усиліями и опытомъ жизни. Иначе, весь этотъ запасъ нравственнаго идеальнаго богатства долженъ былъ или остаться совсѣмъ непроизводительнымъ, или по крайней мѣрѣ не принести всѣхъ благихъ результатовъ, какихъ отъ него можно было бы ожидать. Въ большой мѣрѣ это и случилось съ Александромъ.

Несправедливо, однако, обвинять въ этомъ только Лагарпа. Если, быть можетъ, и въ его воспитательномъ трудѣ была неполнота и непослѣдовательность, то гораздо больше надо приписать недостатки и односторонность этого воспитанія обстоятельствамъ, противъ которыхъ Лагарпъ не могъ ничего сдѣлать. Прежде всего, Екатерина должна была видѣть впередъ, что могъ Александръ получить отъ наставленій республиканскаго философа, и Лагарпъ далъ дѣйствительно то, чего можно было ждать и чего желала Екатерина; это— воспитаніе отвлеченной нравственности и идеалистической

любви къ гражданскимъ добродѣтелямъ и къ свободѣ[1]. Но сама Екатерина, отдавая дань этому вкусу времени, измѣняла ему, когда нужно было примѣнять его на дѣлѣ. Общія идеи, которыя излагалъ Лагарпъ, въ большинствѣ были тѣ же, какія нѣкогда проповѣдовала сама императрица, но для нея онѣ оставались чистой теоріей, принимались, какъ модная философія, какъ умственная роскошь и украшеніе царствованія, и не считались обязательными на практикѣ. Такимъ образомъ, непослѣдовательность была уже привычна. Такъ не казалось противорѣчіемъ либеральной философіи обращеніе многихъ тысячъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ или, напр., стѣсненіе мнѣній и литературы. По всей вѣроятности, Екатерина предполагала такую же непослѣдовательность жизни съ теоріями и для Александра. Кромѣ того, едва ли сомнительно, что во многихъ случаяхъ императрица, и вообще тогдашніе поклонники этой философіи въ русскомъ обществѣ, даже не замѣчали противорѣчія между этими своими теоретическими правилами и житейской практикой. Такъ авторъ «Антидота» вѣроятно очень искренно писалъ свои возраженія французскому путешественнику, въ которыхъ вообще доказывалъ процвѣтаніе Россіи, хотя многія изъ этихъ возраженій бросаются въ глаза своей преувеличенностью и несостоятельностью. Дѣйствительная жизнь народа въ этихъ сферахъ всегда бываетъ очень мало извѣстна, и исторія декорацій, устроенныхъ Потемкинымъ на пути императрицы въ Крымъ, даетъ достаточное понятіе о томъ, до какихъ размѣровъ можетъ доходить самообманъ. Люди тогдашняго общества вообще еще не привыкли сколько-нибудь послѣдовательно понимать свои идеи, и отвлеченное вольтеріянство зачастую мирилось съ самыми грубыми преданіями и нравами старой Россіи. Если эти противорѣчія теоретическихъ понятій съ дѣйствіями были уже такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, то понятно, что они могли переходить и къ новому поколѣнію, выроставшему подъ этими вліяніями, какъ готовая привычка. Въ самомъ дѣлѣ, чувство дѣйствительности, развитіе котораго могло бы помѣшать этой привычкѣ, у Александра было также слабо, и недостатокъ его былъ потомъ для него причиной многихъ печальныхъ заблужденій.

---

[1] Екатерина вообще была очень довольна воспитательными трудами Лагарпа. Ср. ея отзывы въ Р. Архивѣ, 1865, стр. 952, 953, 958; 1866, стр. 70, 82 и друг.

Но свободолюбивая мораль, которую преподавалъ Лагарпъ Александру, не оставалась безъ возраженій. Въ упомянутыхъ замѣткахъ одного изъ воспитателей мы находимъ образчики подобныхъ возраженій. Въ 1791 году, когда Александру было около 14 лѣтъ, этотъ воспитатель внушалъ ему о вредѣ той безусловной терпимости исповѣданій, какая была тогда введена во Франціи (и которой Александръ, подъ вліяніемъ Лагарпа, повидимому, сочувствовалъ): «полное равенство вѣръ есть равнодушіе ко всѣмъ или неимѣніе никакой»; и напротивъ, объяснялъ ему превосходство того порядка вещей, какой принятъ въ этомъ отношеніи въ Россіи, гдѣ вѣротерпимость существуетъ только въ ограниченномъ видѣ, гдѣ есть «первенствующій законъ», гдѣ «государь есть глава церкви», гдѣ «никто изъ вѣры греко-россійской другой, не только языческой или магометанской, но ниже прочихъ исповѣданіевъ христіанской (вѣры), принять не можетъ, или по крайней мѣрѣ *не смѣетъ*», и т. д. Въ другой разъ, опять по поводу газетныхъ извѣстій о французскихъ дѣлахъ, зашла рѣчь о дворянскихъ привилегіяхъ. Александръ говорилъ, что «равенство между людьми хорошо и что французскіе дворяне напрасно безпокоятся лишеніемъ сего достоинства, понеже-де оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося, впрочемъ, никакой за собою ощутительной пользы». Воспитатель не оставилъ этой мысли безъ опровергенія. «Я за долгъ и честь почелъ,—говоритъ онъ,—доказать его высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей, видя, что оныя ему вложены человѣкомъ, любящимъ народное правленіе, хотя, впрочемъ, съ честнѣйшими намѣреніями. Я опровергалъ сіе умствованіе тѣмъ, что форма всякаго монархическаго правленія неотмѣнно требуетъ въ преимуществахъ разности, и что гдѣ нѣтъ дворянства, тутъ и государя быть не можетъ (?): поелику права дворянина *по собственной пользѣ* обязываютъ быть предану болѣе другихъ къ государю, и многія другія сильныя доказательства; что во Франціи уничтоженіе духовной и дворянской власти *всѣ безпорядки навлекло*, и что власть духовная, основанная не на суевѣріи, но на просвѣщеніи, можетъ служить хорошимъ вождемъ государю, при надеждѣ его на корпусъ дворянскій; что въ Россіи благородное дворянство еще болѣе уваженія достойно, по причинѣ: 1-е, что есть многія фамиліи, отъ государей россійскихъ происшедшія; 2-е, что государи вступали часто въ союзъ посредствомъ браковъ со многими дворянскими родами;

3-е, что многіе роды изъ выѣзжихъ равномѣрно отъ владѣтельныхъ особъ начало свое ведутъ; и что по выѣздѣ заслугами знаменитыми заслужили къ себѣ уваженіе и пр.; а наконецъ, что нынѣ владѣющее въ Россіи колѣно государей происходитъ отъ одной дворянской фамиліи. Повершилъ тѣмъ, что во всѣ времена смутныя, и даже въ послѣднее, Пугачевское, дворянство приверженность свою къ престолу запечатлѣло кровію, и что великая Екатерина въ правахъ, благородному дворянству пожалованныхъ, сіе засвидѣтельствовала».

По всей вѣроятности, въ такомъ же родѣ были и всѣ возраженія, которыя представляемы были Александру для опроверженія или умѣренія идей Лагарпа. То-есть, противъ отвлеченныхъ положеній естественнаго права или фактическихъ положеній права конституціоннаго, выставлялись не раціональныя опроверженія или не возраженія, извлеченныя изъ историческихъ особенностей страны или изъ требованій ея настоящаго состоянія, которая, если и не могли опровергать тѣхъ положеній, то, по крайней мѣрѣ, дѣлали необходимымъ извѣстное ихъ ограниченіе въ примѣненіи къ русской жизни,—но противъ нихъ выставлялось только голословное указаніе порядковъ, существующихъ въ Россіи, и превосходство которыхъ не доказывалось особенно убѣдительными аргументами. Тотъ фактъ, что изъ греко-россійскаго исповѣданія никто *не смѣетъ* перейти въ другое христіанское исповѣданіе, не былъ, конечно, сильнымъ доводомъ противъ теоретическихъ доказательствъ въ пользу вѣротерпимости. Тотъ аргументъ, что дворянство *по собственной пользѣ* должно быть особенно предано государямъ, былъ по меньшей мѣрѣ неловкой защитой дворянскихъ привилегій и, ничего не доказывая противъ мысли, что «равенство между людьми хорошо», могъ скорѣе пробудить антипатію къ учрежденію, смыслъ котораго объяснялся только этимъ себялюбивымъ побужденіемъ. Если бы Лагарпъ слышалъ такое объясненіе, ему не трудно было бы воспользоваться имъ, какъ новымъ доказательствомъ противъ этого учрежденія. Тотъ аргументъ, что во Франціи уничтоженіе его навлекло всѣ безпорядки, былъ невѣренъ исторически; и въ то время даже въ русскомъ обществѣ были люди (напр., Лопухинъ или Радищевъ), совершенно понимавшіе что безпорядки были навлечены совсѣмъ не этимъ, а именно, между прочимъ, испорченностью и несправедливостями этого учрежденія во Франціи, которыя и были основаніемъ для его уничтоженія во время революціи. Аргументы, почему въ

Россіи дворянство *еще болѣе* заслуживало почтенія, неудовлетворительны были тѣмъ, что тѣ же самыя преимущества (различныя связи дворянства съ владѣтельными родами, по древнему происхожденію или новому родству) дворянство имѣло почти вездѣ. Относительно правъ дворянства, пожалованіемъ которыхъ была засвидѣтельствована приверженность дворянства, то (какъ замѣтилъ уже издатель этой записки въ «Архивѣ») эти права даны были едва только за шесть лѣтъ передъ тѣмъ и самая ихъ новость ослабляла силу свидѣтельства, которое они должны были собою представлять.

По этимъ примѣрамъ можно, кажется, вообще составить понятіе о другомъ направленіи, которое противопоставлялось въ воспитаніи Александра вліяніямъ Лагарпа. Это направленіе состояло, повидимому, только въ восхваленіи русскаго status quo безъ достаточныхъ доказательствъ, которыя могли бы установить въ умѣ Александра какое-нибудь сознательное мнѣніе о предметѣ. Напротивъ, онъ, вѣроятно, оставался безпомощенъ между двумя противорѣчіями и, не находя въ своихъ свѣдѣніяхъ и въ собственной мысли, еще слишкомъ молодой въ то время, никакой опоры для ихъ разрѣшенія, колебался между ними и наконецъ разрѣшалъ ихъ тѣми инстинктами, которые вообще бываютъ такъ сильны въ образованіи мнѣній юноши. Въ этихъ инстинктахъ благородныя, безкорыстныя стремленія всего чаще берутъ верхъ надъ всѣмъ узкимъ, эгоистическимъ, несправедливымъ, и не удивительно, что Александръ, въ природѣ котораго было именно много такой инстинктивности, увлекался больше Лагарпомъ, чѣмъ его противниками [1]: самая личность Лагарпа выдѣлялась изъ обстановки Александра и производила на него сильное дѣйствіе, и въ его наставленіяхъ Александръ находилъ именно тѣ идеи о справедливости, о свободѣ, о правахъ человѣчества, къ какимъ влекли его юношескія увлеченія.

Впрочемъ, и самъ Лагарпъ вовсе не былъ какимъ-нибудь крайнимъ мечтателемъ. «Я всегда замѣчалъ,—говоритъ по этому поводу Н. И. Тургеневъ,—что республиканцы по рожденію, которыхъ я назвалъ бы республиканцами практическими, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ республиканцевъ по мнѣніямъ, которыхъ я назвалъ бы теоретическими республиканцами. Первые никогда не затрудняются формами,

[1]) Надо замѣтить, что А. Я. Протасовъ былъ изъ самыхъ мягкихъ противниковъ Лагарпа и признавалъ за нимъ „честнѣйшія намѣренія“.

предписываемыми этикетомъ и придворной лестью, которыя такъ не нравятся вторымъ. Я часто замѣчалъ, что республиканцы по рожденію, поселяясь въ странѣ, находящейся подъ правленіемъ, діаметрально противоположнымъ образу правленія на ихъ родинѣ, прекрасно умѣютъ уживаться и благоденствовать подъ деспотическимъ правленіемъ; они даже очень легко мирятся съ рабствомъ, одна идея котораго возмущаетъ теоретическихъ республиканцевъ». Такимъ образомъ въ капитальнѣйшемъ вопросѣ русскаго общественнаго устройства, вопросѣ крѣпостного права, Лагарпъ при всемъ республиканствѣ даже и впослѣдствіи, по воцареніи Александра, не высказывалъ никакого особеннаго либерализма, не говорилъ о необходимости освобожденія и даже не соглашался съ тѣми русскими прогрессистами, изъ приближенныхъ друзей Александра, которые настаивали на необходимости и на полной возможности освобожденія. Точно такъ же, въ своихъ различныхъ запискахъ, которыя онъ представлялъ императору въ началѣ царствованія, Лагарпъ, по свидѣтельству Н. И. Тургенева, не говорилъ ничего о прочныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, ничего объ исправленіи самыхъ крупныхъ злоупотребленій и недостатковъ управленія, которые не могли бы не поражать самаго равнодушнаго наблюдателя. Изъ этого видно, что старинные и новѣйшіе консерваторы, которые жаловались, что императоръ по винѣ Лагарпа черезъ мѣру увлекался западнымъ вольнодумствомъ, могли бы умѣрить свои осужденія: его республиканскій наставникъ въ русскихъ практическихъ вопросахъ былъ такимъ осторожнымъ либераломъ, какого только можно было желать. Замѣтимъ притомъ, что это не была какая нибудь перемѣна мнѣній, потому что и много времени спустя Лагарпъ оставался прежнимъ республиканцемъ, и «въ 1814 году выражался такъ же, какъ онъ долженъ былъ думать и говорить въ 1793».

Итакъ, образованіе нравственно-политическихъ понятій Александра, которыми онъ долженъ былъ руководиться, какъ правитель, совершалось съ одной стороны подъ вліяніемъ республиканской философіи въ духѣ Contrat Social, съ другой— подъ вліяніемъ внушеній самаго тѣснаго консерватизма, которыя иногда шли и отъ того же Лагарпа. Къ этому присоединялись, наконецъ, практическое вліяніе всей обстановки Александра, впечатлѣнія придворной жизни и правительственныхъ традицій, которыя онъ уже очень рано долженъ былъ замѣчать и вольно или невольно усвоивать.—Но во

всемъ этомъ не было существеннаго, что неизбѣжно необходимо для правителя, желающаго дѣйствовать сознательно, и что однако бываетъ чрезвычайно рѣдко въ этой сферѣ—не было простого реальнаго знакомства съ подлинною жизнью общества и народа: подлѣ Александра не было человѣка, который бы раскрылъ ему простыя, непосредственныя черты этой жизни, и онъ постоянно видѣлъ ее только черезъ призму своего идеальнаго свободолюбія или только съ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія создаются административными и придворными взглядами. Въ собственной природѣ Александра было много искренняго энтузіазма, но за отсутствіемъ знанія дѣйствительности онъ не развился въ прочныя, логически усвоенныя правила, а остался на степени сантиментальныхъ влеченій. Такія влеченія могутъ производить много прекрасныхъ намѣреній, но, къ сожалѣнію, всегда отличаются недостаткомъ устойчивости и послѣдовательнаго осуществленія на дѣлѣ.

Александру еще не было 15 лѣтъ, когда въ Петербургъ пріѣхали (31 октября 1792) баденскія принцессы, одна изъ которыхъ стала вскорѣ его невѣстой; въ концѣ этого года «позволено ему отъ ея величества носить обыкновенный галстухъ»; 10-го мая 1793 года было его обрученіе съ Елизаветой Алексѣевной, а 28-го сентября, когда ему еще не было 16 лѣтъ, отпразднована была свадьба. Воспитаніе оканчивалось въ такую пору, когда оно только-что должно было бы серьезнымъ образомъ начаться. Научныя занятія и въ прежнее время, кажется, мало привлекали Александра; воспитатель его не разъ жалуется на его «праздность, медленность и лѣнь»,—теперь для наукъ осталось еще меньше времени, да и охоты. «Къ сожалѣнію моему,—пишетъ воспитатель въ маѣ 1793 г.,—Александръ Павловичъ отсталъ нечувствительно отъ всякаго рода упражненія, пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли его высочество отъ всякаго прочнаго умствованія—положеніе безполезное для будущаго времени, но извинительное по его лѣтамъ и обстоятельствамъ». Потомъ опять упоминаніе о праздности. Далѣе: «Въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ (1793 г.) поведеніе Александра Павловича не соотвѣтствовало моему ожиданію»... «Въ началѣ сего 1794 года до марта мѣсяца не было большой перемѣны въ умоположеніи его высочества, хотя и начались упражненія съ Делагарпомъ и прочими, но о Россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто». Делагарпъ тоже

оставался недолго послѣ этого; въ 1795 году онъ выѣхалъ изъ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Александру данъ былъ особый дворъ и Лагарпъ оставилъ Петербургъ, обстановка Александра вообще измѣнилась, и кажется не къ лучшему [1]). При Павлѣ его положеніе стало очень труднымъ: онъ долженъ разстаться съ нѣсколькими ближайшими друзьями, съ которыми прежде онъ дѣлился своими мыслями и мечтами.

На чемъ стояли идеи и внутреннее настроеніе Александра въ концѣ его воспитанія, въ послѣдній годъ жизни Екатерины, объ этомъ есть любопытный разсказъ князя Адама Чарторыйскаго. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Чарторыйскій жилъ тогда въ Петербургѣ, какъ бы въ качествѣ польскаго аманата; братья назначены были Екатериной состоять при великихъ князьяхъ, одинъ при Александрѣ, другой при Константинѣ.

Между Александромъ и состоявшимъ при немъ Адамомъ Чарторыйскимъ вскорѣ уже начались тѣсныя дружескія отношенія; въ нихъ Александръ высказывался тогда со всѣмъ увлеченіемъ, и они вызвали въ Чарторыйскомъ сочувствіе и преданность Александру, которыя могли быть болѣе искренни, чѣмъ обыкновенно хотятъ признавать. Эти отношенія завязались тѣмъ легче, что Екатерина сама, кажется, желала ихъ, когда назначала Чарторыйскаго къ Александру. Разсказъ Чарторыйскаго объ этихъ далекихъ временахъ, повидимому, носитъ слѣды такой искренности и такъ живо рисуетъ Александра въ ту эпоху (1796), что цитата изъ его воспоминаній будетъ, вѣроятно, любопытна для читателя [2]).

Великій князь съ самаго начала оказывалъ вниманіе Чарторыйскому, и выбравъ случай для интимнаго разговора, высказалъ ему симпатію, которую внушало ему положеніе братьевъ Чарторыйскихъ при дворѣ, спокойствіе и покорность судьбѣ, какія они обнаруживали; говорилъ, что онъ угадывалъ и раздѣлялъ ихъ чувства, считалъ нужнымъ не

---

[1]) Mém. secr. I, стр. 183. „Il étoit le plus mal entouré et le plus désoeuvré des princes. Il passoit ses journées dans des tête-à-tête avec sa jeune épouse, avec ses valets, ou dans la société de sa grand'mère: il vivoit plus mollement et plus obscurement que l'héritier d'un sultan dans l'interieur des harems du sérail; ce genre de vie eut à la longue étouffé ses excellentes qualités“.

[2]) См. Alexandre I et le prince Czartoryski. Paris 1865, стр. X—XXVIII. Русскій переводъ этой книги въ „Р. Архивѣ“ 1871, стр. 697 и слѣд., съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя.

скрыть отъ нихъ своихъ мнѣній, которыя не были похожи на мнѣнія императрицы и двора,—что онъ не раздѣляетъ ея политики, сожалѣетъ о Польшѣ, что Костюшко въ его глазахъ есть великій человѣкъ по своей добродѣтели и по справедливости дѣла, которое защищалъ.

«Онъ признавался мнѣ,—продолжаетъ Чарторыйскій,—что онъ ненавидитъ деспотизмъ вездѣ и какимъ бы образомъ онъ ни совершался; что онъ любитъ свободу и что она должна равно принадлежать всѣмъ людямъ; что онъ принималъ живѣйшій интересъ во французской революціи; что хотя онъ и осуждалъ ея страшныя заблужденія, но желалъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ. Онъ съ почтеніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ, г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, съ истинной мудростью, строгими принципами, съ энергическимъ характеромъ. Ему онъ обязанъ всѣмъ, что́ въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что́ онъ знаетъ; въ особенности онъ обязанъ ему тѣми правилами добродѣтели и справедливости, носить которыя въ сердцѣ онъ считаетъ своимъ счастьемъ и которыя внушены ему г. Лагарпомъ.

«Въ то время, какъ мы (въ теченіе этого разговора) проходили садъ вдоль и поперекъ, мы нѣсколько разъ встрѣтились съ великой княгиней (Елизаветой Алексѣевной), которая также гуляла. Великій князь сказалъ мнѣ, что его жена посвящена въ его мысли, что она знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что, кромѣ нея, я былъ первый и единственный человѣкъ, съ которымъ онъ рѣшился говорить со времени отъѣзда его воспитателя; что онъ не можетъ довѣрить своихъ мыслей никому, безъ исключенія, потому что въ Россіи еще никто не способенъ раздѣлить или даже понять ихъ; что я долженъ видѣть, какъ пріятно ему будетъ имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ онъ можетъ говорить искренно и съ полнымъ довѣріемъ.

«Этотъ разговоръ, какъ можно себѣ представить, пересыпанъ былъ дружескими изліяніями съ его стороны, и удивленіемъ, благодарностью и изъявленіями преданности съ моей... Признаюсь, я уходилъ отъ него внѣ себя, глубоко тронутый, не зная, былъ ли это сонъ или дѣйствительность...

«Я былъ тогда молодъ, исполненъ экзальтированными идеями и чувствами; вещи необыкновенныя не удивляли меня, я охотно вѣрилъ въ то, что́ казалось мнѣ великимъ и добродѣтельнымъ. Я былъ охваченъ очарованіемъ, которое легко

себѣ вообразить; въ словахъ и манерахъ этого молодого принца было столько чистосердечія, невинности, рѣшимости, повидимому, непоколебимой, столько забвенія самого себя и возвышенности души, что онъ показался мнѣ привилегированнымъ существомъ, которое послано на землю Провидѣніемъ для счастія человѣчества и моей родины; я почувствовалъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, которое онъ внушилъ мнѣ въ эту первую минуту, сохранилось даже тогда, когда одна за другой исчезли иллюзіи, его породившія; оно устояло впослѣдствіи противъ всѣхъ толчковъ, какіе нанесъ ему самъ Александръ, и не угасало никогда, несмотря на столько причинъ и печальныхъ разочарованій, которыя могли бы его разрушить...

«Надо припомнить, что такъ называемыя либеральныя мнѣнія были тогда распространены гораздо меньше, чѣмъ теперь, что онѣ еще не проникли во всѣ классы общества и даже въ кабинеты государей, что, напротивъ, все, что походило на нихъ, изгонялось и проклиналось при дворахъ, салонахъ большей части европейскихъ столицъ, а особенно въ Россіи и въ Петербургѣ... Найти въ такое время принца, предназначеннаго царствовать надъ націей, имѣть громадное вліяніе въ Европѣ, съ мнѣніями такими рѣшительными, благородными, такъ противорѣчащими существующему порядку вещей, не было ли это событіемъ величайшаго и самаго счастливаго значенія?

«Если черезъ сорокъ лѣтъ разсматривать событія, совершившіяся послѣ этого разговора, то слишкомъ ясно видно, какъ мало отвѣчали они тому, что́ обѣщало себѣ наше воображеніе. Въ то время либеральныя идеи были окружены для насъ ореоломъ, который впослѣдствіи такъ поблѣднѣлъ; опыты ихъ на практикѣ еще не приводили къ жестокимъ разочарованіямъ, которыя слишкомъ часто повторялись. Французская республика, освободившись отъ террора, казалось, шла непобѣдимо къ изумительной будущности процвѣтанія и славы».

Близость Чарторыйскаго съ великимъ княземъ болѣе и болѣе возрастала.

«Эти отношенія,—продолжаетъ онъ,—не могли не внушать живѣйшаго интереса; это былъ родъ франкъ-масонства, котораго не была чужда и великая княгиня; интимность, образовавшаяся въ такихъ условіяхъ,... порождала разговоры, которые оканчивались только съ сожалѣніемъ и которые мы

всегда обѣщали возобновить. То, что, въ политическихъ мнѣніяхъ, показалось бы теперь избитымъ и полнымъ общими мѣстами, въ то время было животрепещущей новостью; и тайна, которую надо было хранить, мысль, что это происходило на глазахъ двора, застарѣлаго въ предубѣжденіяхъ абсолютизма,... прибавляли еще интереса и завлекательности этимъ отношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и интимными».

Чарторыйскій предполагалъ, вѣроятно справедливо, что императрица не догадывалась о настоящихъ предметахъ ихъ разговоровъ и сближеніе ихъ было пріятно ей по ея собственнымъ разсчетамъ; ея одобреніе поставило Чарторыйскихъ и ихъ отношенія къ великому князю (замѣтимъ, что в. кн. Константинъ, отличавшійся совсѣмъ инымъ характеромъ и нравами, чѣмъ Александръ, былъ чуждъ этимъ отношеніямъ и не былъ въ нихъ посвященъ своимъ братомъ) внѣ вліянія придворныхъ сужденій или интригъ. Свиданія ихъ стали особенно часты лѣтомъ, когда дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Они видѣлись безпрестанно, часто вмѣстѣ обѣдали или ужинали, вмѣстѣ гуляли.

«По утрамъ мы нерѣдко дѣлали прогулки пѣшкомъ, иногда на нѣсколько верстъ; великій князь любилъ гулять, обходить сосѣднія деревни, и тогда въ особенности предавался своимъ любимымъ разговорамъ. Онъ былъ подъ очарованіемъ едва начавшейся юности, которая создаетъ себѣ образы, отдается имъ, не думая о невозможностяхъ, и строитъ безчисленные проекты будущаго, которое кажется ей безконечнымъ.

«Его мнѣнія были мнѣнія юноши 1789 года, который хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считаетъ эту форму правленія единственной, сообразной съ желаніями и нравами человѣчества. Хотя я самъ также былъ очень экзальтированъ, хотя родился и воспитался въ республикѣ, гдѣ съ жаромъ приняты были принципы французской революціи, но въ нашихъ бесѣдахъ я однако былъ разсудительнымъ человѣкомъ, умѣрявшимъ крайнія мнѣнія великаго князя [1]). Онъ утверждалъ, между прочимъ, что наслѣдственность есть учрежденіе несправедливое и нелѣпое, что верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по подачѣ

---

[1]) Чарторыйскому (1770—1861) было тогда двадцать шесть лѣтъ; онъ былъ семью годами старше Александра.

голосовъ нацiей, которая съумѣла бы выбрать наиболѣе способнаго управлять ею. Я представлялъ ему, что можно сказать противъ такого мнѣнiя,—трудность и случайности избирательства, что потерпѣла отъ этого Польша, и какъ мало Россiя способна и мало приготовлена къ такому учрежденiю. Я прибавлялъ, что на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, Россiя ничего бы отъ этого не выиграла»...

Иногда разговоръ обращался на природу, красотами которой Александръ восторгался, несмотря на всю бѣдность этихъ красотъ въ окрестностяхъ Петербурга. Онъ восхищался цвѣткомъ, маленькимъ пейзажемъ, открывавшимся съ небольшого холма.

«Александръ любилъ поселянъ, и ему нравилась грубая красота крестьянокъ; занятiя, сельскiе труды, простая, спокойная и уединенная жизнь въ хорошенькомъ сельскомъ домикѣ, въ уединенной и красивой мѣстности — былъ романъ, который ему хотѣлось бы осуществить и къ которому онъ постоянно со вздохомъ возвращался.

«Я чувствовалъ, что это было не то, что было ему нужно; что для такого высокаго назначенiя и для совершенiя счастливыхъ и великихъ перемѣнъ въ общественномъ порядкѣ вещей надо было больше возвышенности, силы, ревности, увѣренности въ самомъ себѣ, чѣмъ можно было замѣтить въ великомъ князѣ; что на его мѣстѣ непозволительно было желанiе освободиться отъ громадной тяжести, ему предстоявшей, и вздыхать о лѣнивыхъ досугахъ спокойной жизни; что недостаточно было судить о трудности своего положенiя и страшиться ея, но что нужно было бы воспламениться страстнымъ желанiемъ преодолѣть ее [1]).

«Такiя разсужденiя представлялись мнѣ только отъ времени до времени, и даже тогда, когда я чувствовалъ ихъ спра-

---

[1]) Эти замѣчанiя, конечно, были очень справедливы. Странный оборотъ даетъ этимъ словамъ Богдановичъ въ своей „Исторiи" (I, стр. 19). Упомянувъ объ идиллическихъ вкусахъ Александра, онъ замѣчаетъ: „князь Чарторыйскiй считалъ такое настроенiе духа несовмѣстнымъ съ высокимъ назначенiемъ Александра. И дѣйствительно, умѣренность великаго князя была непонятна польскому магнату, въ глазахъ котораго крестьяне были немногимъ выше безсловесныхъ тварей". Это послѣднее навязано здѣсь Чарторыйскому совсѣмъ не кстати; онъ говоритъ только о крайностяхъ сантиментальности Александра, отвлекавшихъ его отъ серьезныхъ предметовъ и разслаблявшихъ его энергiю. Дѣйствительно, эта сантиментальность заставляла Александра осуждать крѣпостное право и другiя подобныя вещи, но не дала ему энергiи—уничтожить ихъ.

ведливость, онѣ не уменьшали во мнѣ моего чувства удивленія и преданности къ великому князю. Его искренность, его прямота, легкость, съ какой онъ отдавался прекраснымъ иллюзіямъ, имѣли такую прелесть, противъ которой невозможно было устоять. Притомъ, онъ былъ еще молодъ и могъ пріобрѣсти то, чего ему недоставало; обстоятельства, необходимость могли развить въ немъ способности, которыя не имѣли времени и средствъ выказаться; но его взгляды, его намѣренія оставались драгоцѣнны, какъ чистѣйшее золото, и хотя онъ сильно перемѣнился впослѣдствіи, онъ сохранилъ однако до конца своихъ дней извѣстную долю вкусовъ и мнѣній своей молодости».

Чарторыйскій говоритъ, что впослѣдствіи многіе упрекали его, что онъ слишкомъ полагался на обѣщанія Александра. Но онъ утверждаетъ, что мнѣнія Александра были искренни, и что у него самого не могло изгладиться впечатлѣніе ихъ прежнихъ отношеній.

«Когда Александръ въ девятнадцать лѣтъ говорилъ со мной, въ величайшей тайнѣ, съ откровенностью, его облегчавшей, о своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, которыя онъ скрывалъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ ихъ и имѣлъ потребность кому-нибудь ихъ довѣрить. Какой другой мотивъ онъ могъ тогда имѣть? кого онъ могъ бы хотѣть обманывать? Онъ, безъ сомнѣнія, слѣдовалъ влеченію своего сердца и довѣрялъ свои настоящія мысли».

Это и были, безъ сомнѣнія, его настоящія мысли. Всего искреннѣе онѣ были въ немъ въ это время и въ началѣ царствованія, когда Александръ былъ въ первой порѣ своихъ увлеченій и еще не видѣлъ, что онѣ не такъ легко исполняются въ жизни. Онъ высказывалъ свои мысли этого рода и тогда, когда его либеральныя идеи уже сильно колебались, и его стали обвинять, наконецъ, въ лицемѣріи. Трудно было и удерживаться отъ сомнѣній въ его правдивости, когда дѣла часто очень не отвѣчали намѣреніямъ и словамъ; тѣмъ не менѣе, въ его біографіи есть факты, свидѣтельствующіе, что въ его задушевныхъ мысляхъ еще въ послѣдніе годы, когда онъ слишкомъ измѣнился, сохранились порывы молодости, среди уступокъ реакціи еще дѣйствовали прежнія идеальныя стремленія, и эти противорѣчія, которыя такъ легко объясняютъ лицемѣріемъ, вѣрнѣе, кажется, объясняются тѣмъ отсутствіемъ воли и ясности самыхъ идей, которое не давало ему самому исхода изъ этихъ противорѣчій и создавало въ

немъ самомъ тяжелую внутреннюю борьбу. Въ его мысляхъ шли рядомъ два разныя теченія, изъ которыхъ брало верхъ то одно, то другое; но ни одно не одолѣвало другого совершенно.

Мы говорили выше, какъ самый ходъ воспитанія не далъ ему той ясности идей, которая бы дала его мыслямъ логическую неизбѣжность твердаго убѣжденія. Въ царствованіе Павла онъ долженъ былъ еще больше прежняго скрывать свои мысли: эта замкнутость усиливала сантиментальныя мечтанія и увеличивала его недостатки самой невозможностью провѣрять себя обмѣномъ мыслей и жизненнымъ опытомъ.

Если съ приведеннымъ сейчасъ эпизодомъ отношеній съ Чарторыйскимъ сравнимъ другой отзывъ о его характерѣ въ это время, отзывъ лица, также видѣвшаго его очень близко, мы встрѣтимъ тѣ же черты. Замѣчательное совпаденіе двухъ характеристикъ, совершенно одна отъ другой независимыхъ, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что черты переданы вѣрно.

«Этотъ молодой принцъ,—говоритъ авторъ, писавшій еще въ царствованіе Павла, — чистотой своихъ нравственныхъ качествъ и своей физической красотой возбуждаетъ родъ изумленія. Въ немъ почти находится осуществленнымъ тотъ идеалъ, который восхищаетъ насъ въ Телемакѣ: но хотя его мать отличается домашними добродѣтелями Пенелопы, онъ далеко не имѣетъ въ отцѣ Улисса и въ воспитателѣ Ментора [1]). Его можно было бы упрекнуть и въ тѣхъ же недостаткахъ, какіе божественный Фенелонъ приписываетъ своему идеальному воспитаннику [2]): но это, быть можетъ, не столько даже недостатки, сколько отсутствіе нѣкоторыхъ качествъ, которыя еще не развились въ немъ, или которыя были подавлены въ его сердцѣ его обстановкой»... Мы приводили выше отзывъ о его чрезвычайной осторожности и скрытности. «Природа надѣлила его щедро самыми любезными качествами; и то обстоятельство, что онъ есть наслѣдникъ престола обширнѣйшей имперіи въ мірѣ, не должно дѣлать ихъ индифферентными для человѣчества. Быть можетъ, небо предназначаетъ его сдѣлать тридцать милліоновъ рабовъ болѣе свободными и болѣе достойными свободы.

---

1) Здѣсь подразумѣвался, конечно, графъ Салтыковъ.

2) „Avec un coeur noble et porté au bien, il ne paraissait ni obligeant, ni sensible à l'amitié, ni libéral, ni reconnaissant des soins qu'on prenait pour lui, ni attentif à reconnaitre le mérite". Télémaque, liv. XVI.

«Впрочемъ, онъ отличается счастливымъ, но пассивнымъ характеромъ. У него нѣтъ смѣлости и увѣренности, чтобы найти достойнаго человѣка, всегда скромнаго и сдержаннаго: можно опасаться, чтобы имъ не овладѣлъ самый назойливый или самый безстыдный, который обыкновенно бываетъ и самый невѣжественный и самый злой [1]). Слишкомъ поддаваясь чужимъ внушеніямъ, онъ недостаточно отдается внушеніямъ собственнаго ума и собственнаго сердца. Онъ какъ будто потерялъ желаніе учиться, когда потерялъ своихъ учителей и особенно полковника Лагарпа, своего перваго наставника, которому онъ обязанъ своими знаніями. Слишкомъ ранній бракъ могъ истощить его энергію, и, несмотря на его счастливыя свойства, ему грозитъ опасность сдѣлаться когда-нибудь добычей своихъ придворныхъ и даже своихъ слугъ» [2]).

Его будущее царствованіе возбуждало надежды, что наконецъ для Россіи наступитъ время, когда, вмѣсто произвола, получитъ силу законъ, и безправному народу дана будетъ разумная общественная свобода [3]). Эту надежду, безъ сомнѣнія, питало все общество въ тяжкіе годы послѣдняго царствованія: вступленіе Александра на престолъ, какъ увидимъ, встрѣчено было съ энтузіазмомъ, какого до тѣхъ поръ не было видано.

Царствованіе Павла наложило на его характеръ новый слой, еще больше стѣснившій правильное развитіе его лучшихъ задатковъ. Съ одной стороны, Александръ долженъ былъ еще больше уходить въ самого себя, скрывать свои мысли и играть роль; съ другой — начались столкновенія съ дѣйствительностью. Новое царствованіе измѣнило все теченіе придворной и городской жизни: вездѣ водворились военные гатчинскіе порядки, началась ломка того, что сдѣлано было Екатериной, удаленіе вліятельныхъ людей прежняго двора, появленіе новыхъ, и т. д. «Одну минуту дворецъ имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ былъ взятъ чужеземцами, — разсказываетъ современникъ,—до такой степени войска, занявшія теперь караулы, не были похожи по своему тону и костюму на тѣ, которыя занимали ихъ наканунѣ». То же произошло отчасти и въ общественной жизни. Строгія и мелочныя во-

[1]) Любопытное предсказаніе объ Аракчеевѣ!
[2]) Mémoires secrets, I, 269—272.
[3]) Тамъ же, II, 23—24.

енныя формальности стали правиломъ, которому Александръ долженъ былъ подчиниться прежде всѣхъ. Это была новая школа, которую ему надо было пройти послѣ занятій съ Лагарпомъ и мечтаній съ Чарторыйскимъ. Друзья его удалились или были удалены изъ Петербурга: Новосильцевъ прожилъ это время въ Лондонѣ, Чарторыйскій назначенъ былъ посланникомъ при сардинскомъ королѣ, у котораго тогда не было королевства, и жилъ въ Италіи. Александръ получилъ нѣсколько военныхъ должностей, изъ которыхъ въ одной, въ должности петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, онъ долженъ былъ дѣлить труды съ Архаровымъ, въ другихъ—съ Аракчеевымъ, личностями, какъ извѣстно, мало склонными къ чувствительности. Положеніе вещей было крайне тяжелое: Александру приходилось видѣть жизнь въ самомъ странномъ и уродливомъ видѣ, власть — въ самыхъ непривлекательныхъ ея формахъ, надо было подавлять въ себѣ и видѣть подавленнымъ въ другихъ всякое свободное выраженіе мысли и чувства. Павелъ хотѣлъ знакомить его съ дѣлами правленія и, кромѣ упомянутыхъ военныхъ должностей, Александръ долженъ былъ присутствовать въ совѣтѣ и сенатѣ, но правительственная опытность, которую онъ могъ пріобрѣтать при этомъ порядкѣ вещей, могла быть развѣ только отрицательная; подъ конецъ самъ Александръ долженъ былъ почувствовать себя не въ безопасности. Среди этихъ условій Александръ еще меньше, чѣмъ прежде, имѣлъ возможности спокойно изучать положеніе и потребности общества и народа, — ему видно было только тягостное давленіе правительства, но онъ не находилъ никакихъ намековъ на то, чѣмъ еще, кромѣ удаленія грубѣйшихъ золъ деспотизма, могутъ правильнымъ образомъ быть удовлетворяемы общественныя потребности. Онъ попрежнему долженъ былъ довольствоваться своими одинокими мечтами; Павелъ ненавидѣлъ все, что только имѣло какое-нибудь отношеніе къ «якобинству»; онъ не любилъ Лагарпа, котораго причислялъ къ тѣмъ же якобинцамъ, и Александру было бы небезопасно чѣмъ-нибудь высказывать свой образъ мыслей; собственныя наставленія Павла были иногда такія, какихъ Александръ, вѣроятно, прежде никогда не слыхивалъ [1]). Понятно, что

[1]) Mémoires secrets, II, 169—170.

при этой необходимости скрывать любимыя мысли и при недостаткѣ реальныхъ свѣдѣній либеральное настроеніе Александра должно было еще больше получить тотъ характеръ неопредѣленной, смутной сантиментальности, которая осталась потомъ навсегда недостаткомъ его политическихъ мнѣній. Александръ сильно тяготился своимъ положеніемъ. Въ одномъ письмѣ къ Лагарпу онъ жалуется на жизнь въ Петербургѣ, гдѣ, по словамъ его, «капралъ предпочитается человѣку образованному и полезному»[1]). До чего дошло это положеніе вещей къ концу царствованія Павла, извѣстно изъ различныхъ современныхъ записокъ, между прочимъ, изъ напечатанныхъ отрывковъ изъ записокъ Саблукова[2]).

Если вспомнить, что эта тягостная жизнь продолжалась около четырехъ съ половиной лѣтъ и обнимала лучшіе юношескіе годы Александра, и что ея безотрадныя впечатлѣнія падали на человѣка, мало приготовленнаго къ жизни, то, кажется, надо признать, что все это были обстоятельства, способныя испортить самый счастливый характеръ, и если потомъ Александръ нерѣдко непріятно поражалъ своей подозрительностью, недовѣрчивостью, то этому было, къ сожалѣнію, много причинъ въ его прошедшемъ. Съ другой стороны, все это время пропадало безплодно для серьезнаго изученія; время уходило на вахтпарады и военныя упражненія, и они, кажется, наконецъ привили и самому Александру вкусъ къ милитаризму, котораго прежде у него не было замѣтно.

Съ такимъ прошедшимъ Александръ вступалъ на престолъ. Въ немъ уже съ самаго начала обнаруживались всѣ задатки позднѣйшаго царствованія. Онъ исполненъ лучшими намѣреніями и возвышенными планами, но они остаются на степени сантиментальныхъ мечтаній; медленный упорный трудъ, необходимый для выполненія этихъ предпріятій, пугаетъ его и онъ скоро охладѣваетъ къ вещамъ, которыми еще недавно увлекался. Едва начавши царствованіе, онъ уже утомляется имъ и мечтаетъ о томъ времени, когда, осчастлививъ Россію, будетъ наслаждаться вдали отъ людей плодами своихъ трудовъ. Въ письмахъ къ Лагарпу, вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ говоритъ уже о томъ, что, сдѣлавши Россію свободной и счастливой, его

[1]) Н. И. Тургеневъ, Россія и русскіе, 1915, т. I, стр. 318.
[2]) О запискахъ Н. А. Саблукова см. дополненія.

первой заботой будетъ отказаться отъ престола и поселиться въ уединенiи въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы, наслаждаясь добромъ, сдѣланнымъ отечеству [1]). Его планы были самые широкiе; но какъ прежде ему не было случая и возможности серьезно обдумывать и практически выполнять что-нибудь изъ своихъ мечтанiй, такъ и теперь исполненiе никогда не достигало широты плановъ; тотъ недостатокъ энергiи, твердой рѣшимости, упорнаго преслѣдованiя идеи, недостатокъ, который прежде былъ необходимымъ условiемъ его жизни, остался его качествомъ и теперь, когда онъ былъ полнымъ господиномъ самого себя и всего окружающаго. Онъ хочетъ преобразовать коренныя государственныя учрежденiя Россiи; но то, что такъ ясно въ мечтахъ, становится темно и трудно на дѣлѣ; изъ задуманныхъ преобразованiй выполняются только вещи менѣе важныя. Въ его мечтахъ господствуетъ великодушное стремленiе сдѣлать Россiю свободной; но воспитанiе не дало ему ясныхъ понятiй о томъ, въ чемъ могла бы заключаться эта свобода, и онъ, только-что заявивъ свои либеральныя намѣренiя, раздражался, когда видѣлъ какой-нибудь слабый проблескъ этой свободы, и напоминалъ о безусловности своего самодержавiя тѣмъ, кто хотѣлъ полагаться на высказываемые имъ либеральные принципы.

«Я никогда не буду въ состоянiи привыкнуть къ идеѣ царствовать деспотически», писалъ онъ тогда же Лагарпу, жалуясь на безграничность власти, которою онъ былъ облеченъ. «Я убѣжденъ, — говоритъ безпристрастный современникъ, — что во многихъ случаяхъ полнота власти истинно стѣсняла Александра, хотя ему легко было бы освободиться отъ нея болѣе или менѣе, если бы у него была на это твердая воля. Онъ не всегда умѣлъ быть самодержцемъ; онъ хотѣлъ иногда остаться человѣкомъ. Часто у него недоставало мужества, если не власти, чтобы поступить деспотически, какъ онъ могъ, съ людьми, которые ему не нравились. Извѣстно, что онъ на самыхъ важныхъ постахъ, напр., на мѣстахъ министровъ, терпѣлъ людей, которыхъ вполнѣ презиралъ, но которые дѣлали видъ, что не понимаютъ его холодности и его презрѣнiя. Но, наконецъ, приходитъ день, когда имъ волей-неволей приходилось оставлять мѣсто: тогда они начинали кричать о мнимой двулич-

---

1) Россiя и русскiе, стр. 319.

ности Александра, который продолжалъ сношенія съ ними еще наканунѣ ихъ немилости» [1]).

Но, какъ ни было велико непостоянство и неустойчивость его характера, были однако времена и случаи, когда онъ, напротивъ, обнаруживалъ замѣчательную твердость, удивлявшую даже строгихъ судей. Такую энергію онъ выказалъ, главнымъ образомъ, во время Наполеоновскихъ войнъ, вообще эпоху наибольшаго развитія его нравственной силы. Александръ, обыкновенно нерѣшительный и перемѣнчивый, не находившій въ себѣ силы одолѣвать препятствія, въ это время удивлялъ своимъ твердымъ стремленіемъ къ разъ положенной цѣли, хотя въ началѣ событія шли далеко несчастливо и ему приходилось выдерживать самыя трудныя положенія. Воспользуемся здѣсь словами иностранца, важными тѣмъ, что въ нихъ сказалось неподкупное сужденіе. Знаменитый прусскій министръ Штейнъ вынесъ не весьма благопріятное впечатлѣніе о характерѣ императора при первомъ съ нимъ знакомствѣ передъ тильзитскимъ миромъ, — какъ не отвѣчало надеждамъ нѣмецкаго патріотизма и тогдашнее политическое положеніе Россіи относительно Наполеона. Вызванный въ 1812 г. императоромъ Александромъ въ Россію и принятый въ высшей степени благосклонно, Штейнъ мало измѣнилъ свое прежнее мнѣніе. «Главная черта характера Александра состоитъ въ добродушіи, привѣтливости, въ желаніи содѣйствовать счастью и духовному развитію человѣчества. Его наставникъ, женевецъ Лагарпъ, рано внушилъ ему уваженіе къ человѣку и его правамъ, которое онъ, по восшествіи на престолъ, искренно пытался осуществить. Императоръ сначала занялся учебными заведеніями, улучшеніемъ быта крестьянъ. Но ему недостаетъ умственной силы для изслѣдованія истины, твердости для завершенія своихъ предпріятій, вопреки всѣмъ преградамъ и для преклоненія воли противниковъ; его добродушие искажается, становится слабостью характера, и онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ оружію лукавства и хитрости для осуществленія своихъ цѣлей. Эти послѣднія качества были развиты въ немъ наставленіями его воспитателя, фельдмаршала Салтыкова, стараго царедворца, который рано пріучалъ его угождать и бабкѣ, и ея любимцамъ, и нраву отца, а впослѣдствіи крутость отца должна была укоренить

[1]) La Russie et les Russes. Paris, 1847, II, 206.

въ немъ эти привычки». Но, вернувшись въ Германію въ 1813 году, Штейнъ удивилъ своихъ друзей безпредѣльнымъ довѣріемъ къ Александру, такъ что его обвиняли тогда въ слѣпомъ пристрастіи къ Россіи. Его отзывы того времени исполнены выраженіями величайшаго уваженія, и оно не было поколеблено даже тѣмъ различіемъ взглядовъ, которое возникло между ними въ 1814—15 годахъ. «Императоръ Александръ,—писалъ Штейнъ въ началѣ 1814 г. въ одномъ дружескомъ письмѣ,—постоянно дѣйствуетъ блестящимъ и прекраснымъ образомъ: нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этотъ государь способенъ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію за все великое и благородное; пусть не удастся низости и пошлости задержать его полетъ и помѣшать Европѣ воспользоваться во всемъ объемѣ тѣмъ счастіемъ, какое предлагаетъ ей Провидѣніе» [1]).

Это развитіе характера Александра объясняли тѣмъ, что борьба съ Наполеономъ, рѣшеніе судьбы Европы представляли дѣятельность, завлекавшую его тщеславіе и честолюбіе; но несомнѣнно, что энергія Александра возбуждена была тѣмъ, что на этотъ разъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своемъ предпріятіи, въ его необходимости и благотворности для человѣчества, а также тѣмъ, что на этотъ разъ его дѣятельность находила полную, безусловную опору въ голосѣ націи. Это вызывало всѣ его нравственныя силы и создавало твердыя рѣшенія и упорную дѣятельность, какихъ не было ни въ одномъ изъ его другихъ предпріятій. Къ этому присоединился еще новый возбуждающій элементъ, не дѣйствовавшій прежде,—элементъ религіозный. Въ первомъ періодѣ своего развитія эта религіозность усиливала его преданность своей идеѣ, еще не переходя въ піэтистическій фатализмъ. Въ 1815 году Александръ наравнѣ предавался и своему библейскому благочестію, и либеральнымъ планамъ; потомъ эти послѣдніе уже исчезли.

Конецъ Наполеоновскихъ войнъ повелъ за собою новыя черты въ настроеніи Александра. Воротившись въ Россію послѣ долговременнаго отсутствія, законченнаго блестящими тріумфами, онъ какъ будто охладѣлъ къ Россіи: европейская

---

[1]) Pertz, Stein's Leben, III, 541. Ср. книгу: Life and times of Stein, by I. R. Seeley (профессора новѣйшей исторіи въ Кэмбриджѣ), London, 1878, откуда эпизоды, относящіеся къ Россіи, переведены въ „Р. Архивѣ", 1880; см. II, стр. 437.

политика заслонила домашніе интересы, въ которыхъ онъ не находилъ удовлетворенія и гдѣ онъ долженъ былъ окончательно сознать себя безсильнымъ для какого-нибудь широкаго преобразованія. Апатическая лѣнь и безучастіе къ дѣламъ сдѣлали наконецъ то, что уже давно считалъ возможнымъ Массонъ: всемогущимъ человѣкомъ въ государствѣ сдѣлался Аракчеевъ. Всего больше вниманія оказывалъ Александръ только къ военнымъ дѣламъ, именно по связи ихъ съ европейской политикой: мысль создать огромную армію, которая бы обезпечивала вліяніе Россіи и спокойствіе Европы, произвела одно изъ несчастнѣйшихъ созданій Александровскаго времени—военныя поселенія. То незнаніе народной дѣйствительности, которое Александръ получилъ отъ всего своего воспитанія,—и которое, впрочемъ, не было только его исключительнымъ недостаткомъ,—никогда не дало ему понять всей зловредности и безчеловѣчности этого учрежденія и всей справедливости тѣхъ осужденій, какія ему приходилось о немъ слышать. Недостатки управленія, множество злоупотребленій, грабежъ казны, продажность суда—все это вызывало въ немъ только желчное негодованіе, и никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ ихъ искорененію. Эти мѣры могли быть только однѣ: распространеніе образованія и введеніе болѣе совершенныхъ учрежденій, какъ освобожденіе крестьянъ, извѣстная свобода печати, гласный судъ и т. п.,—мѣры, на которыя указывали уже въ то время лучшіе представители общественнаго мнѣнія.

Но для Александра это было невозможно. Въ началѣ царствованія онъ оказалъ незабвенныя услуги русскому образованію основаніемъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, но истинныя задачи и ходъ просвѣщенія были ему мало знакомы; піэтисты и обскуранты вопіяли тогда о ложномъ направленіи просвѣщенія, и Александръ, какъ очень часто люди его положенія, былъ, къ сожалѣнію, такъ не компетентенъ въ этомъ дѣлѣ, что далъ напугать себя мнимыми опасностями отъ просвѣщенія,—которое было еще въ пеленкахъ. Конецъ царствованія ознаменовался полнымъ господствомъ самаго грубаго обскурантизма. Съ другой стороны была та же некомпетентность: «законно-свободныя» учрежденія занимали его издавна, но мечтательный характеръ его либерализма дѣлалъ то, что его занимали только грандіозные планы, которыми онъ могъ бы за одинъ разъ облагодѣтельствовать Россію; онъ думалъ о введеніи полныхъ

конституціонныхъ учрежденій—и боялся допустить то, что было возможно безъ всякой конституціи. Дѣло въ томъ, что вопросъ учрежденій не представлялъ ему ничего реальнаго и онъ затруднялся разсчитывать ихъ практическое дѣйствіе; самая жизнь, требовавшая преобразованій, также была ему мало знакома, такъ что, съ одной стороны, онъ не отличалъ въ ней существенныхъ явленій отъ частностей и мелочей, съ другой, предполагалъ въ ней элементы, которыхъ въ ней не было. Такъ онъ мечталъ о возможности улучшенія жизни провозглашеніемъ началъ Священнаго Союза и механическимъ распространеніемъ библіи; или считалъ русское общество проникнутымъ революціонными идеями и карбонарствомъ. Вслѣдствіе этого, онъ сталъ чрезвычайно наклоненъ къ той реакціи, которая потомъ овладѣла имъ; онъ наклоненъ былъ пугаться, и реакціонеры отлично этимъ подъ-конецъ воспользовались.

Въ то же время, несмотря на то, что онъ принималъ вполнѣ программу реакціи и въ европейской, и во внутренней политикѣ, несмотря на піэтизмъ, онъ лично во многомъ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ лучшимъ наклонностямъ, обнаруживалъ нерѣдко благородную терпимость мнѣній и оказывалъ любезную внимательность къ людямъ, образъ мыслей которыхъ положительно зналъ за опасно либеральный [1].

Во времена Священнаго Союза, въ Александрѣ въ особенности стали обнаруживаться черты, которыя возбуждали къ нему антипатію даже въ средѣ русскаго общества. Безучастный къ интересамъ, волновавшимъ мыслящую часть общества, онъ желчно относился къ русской жизни, которая была бѣдна и некрасива при сравненіи съ жизнью европейской, и, напротивъ, предавался чужимъ интересамъ и строилъ планы, въ которыхъ не было ничего сочувственнаго для лучшихъ людей русскаго общества. Таковъ былъ самый планъ Священнаго Союза. Въ русскомъ обществѣ произвело непріятное впечатлѣніе, что Польша, страна, которую можно было считать завоеванною, получала представительство, въ то время какъ Россія оставалась при своихъ старыхъ порядкахъ. Александръ дѣйствительно не разъ выражалъ предпочтеніе Польшѣ: онъ сочувствовалъ ей еще со временъ Костюшки и съ тѣхъ поръ положилъ себѣ

[1]) См. примѣры у Н. И. Тургенева—Россія и русскіе, стр. 123—124 и 133—134.

устроить ея судьбу; Польша казалась ему частью Европы въ русскомъ владѣніи, и онъ задолго до вѣнскаго конгресса высказывалъ свои симпатіи къ ней такимъ способомъ, который огорчалъ русскихъ или даже приводилъ въ негодованіе. Подъ вліяніемъ такого чувства Карамзинъ написалъ извѣстную записку о Польшѣ. Впослѣдствіи отношенія Александра къ Польшѣ производили раздраженія и въ совершенно иномъ лагерѣ, чѣмъ карамзинскій,—между либеральными патріотами. Складывалось мнѣніе, что Александръ не любитъ Россіи; говорили, что онъ не любитъ русскаго языка и литературы, даже мало знаетъ ихъ, и т. п. Это послѣднее было, кажется, справедливо; первое объясняется достаточно вспышками желчнаго раздраженія отъ тѣхъ неустройствъ, которыя Александръ видѣлъ въ русской жизни и которымъ не умѣлъ помочь, а иногда вспышками мелочной досады, гдѣ онъ самъ бывалъ неправъ.

Сужденія о характерѣ Александра въ либеральномъ кружкѣ становились поэтому чрезвычайно неблагопріятны. Вотъ, напр., образчикъ изъ записокъ Фарнгагена. «У Александра никогда не было сильнаго ума,—говорилъ одинъ русскій (въ 1822),—это умъ совершенно посредственный и любитъ только посредственность. Настоящій геній, умъ и талантъ пугаютъ его, и онъ, только противъ воли и отворотясь, употребляетъ ихъ въ крайнихъ случаяхъ. У него никогда не бываетъ ни минуты искренности и простоты, всегда онъ на сторожѣ. Самыя существенныя свойства его—тщеславіе и хитрость или притворство; если бы надѣть на него женское платье, онъ могъ бы представить тонкую женщину... По-русски онъ не могъ бы вести никакого обстоятельнаго разговора» [1]).

Къ такимъ недружелюбнымъ заключеніямъ приходили люди разочарованные бездѣйствіемъ и слабостью Александра во внутреннемъ управленіи. Выводъ былъ слишкомъ рѣзкій; но дѣйствительно, умъ Александра былъ развитъ не вполнѣ правильно, только въ одну сторону. «Императоръ Александръ,—говорила г-жа Сталь, на которую онъ произвелъ сильное впечатлѣніе,—человѣкъ замѣчательнаго ума и свѣдѣній, и я не думаю, чтобы въ своей имперіи онъ могъ найти министра сильнѣе его во всемъ томъ, что нужно

---

[1]) Varnhagen von Ense, Blätter aus d. preuss. Geschichte, Leipzig, 1868—69. II, 188.

для обсужденія и направленія дѣлъ» [1]),—и такое впечатлѣніе онъ производилъ на многихъ. Это былъ умъ быстрый, проницательный, но не глубокій; всего сильнѣе онъ былъ именно въ дипломатіи, которою Александръ и любилъ заниматься; онъ обнаруживалъ здѣсь много ловкости и изворотливости, но ему недоставало реальной глубины, необходимой для пониманія практическихъ отношеній, а въ другихъ случаяхъ просто—знанія русской жизни. Оттого и во внутреннихъ дѣлахъ и во внѣшней политикѣ, когда явно обнаруживались практическія послѣдствія мѣръ, теоретически придуманныхъ, онъ нерѣшительно колебался, будучи не въ состояніи выбрать какую-нибудь одну дорогу. Такъ было въ дѣлѣ Библейскаго Общества, въ польской конституціи и во множествѣ другихъ подобныхъ случаевъ, но всего больше, кажется, въ греческомъ вопросѣ, гдѣ противорѣчіе принятой имъ противъ грековъ реакціонной политики съ очевидными требованіями справедливости и человѣколюбія, сдѣлалось для него предметомъ мучительной душевной тревоги. За грековъ рѣшительно говорило все, что только онъ думалъ когда-то о человѣческихъ правахъ и свободѣ народовъ; но его увѣрили, что эта несправедливость противъ грековъ нужна для утвержденія спасительнаго принципа и спокойствія Европы, и онъ оставался безпомощенъ между противорѣчіями и выносилъ даже униженіе Россіи, дѣлая наконецъ недостойныя уступки Турціи. Допуская начало вѣротерпимости въ библейскомъ дѣлѣ, онъ не предвидѣлъ, что она можетъ повести къ столкновенію съ традиціонною нетерпимостью, и отказался отъ принципа при первомъ такомъ столкновеніи; давая Польшѣ конституцію, онъ не допускалъ мысли, что это можетъ потребовать отъ него какихъ-нибудь уступокъ изъ его власти, и т. д. Онъ выслушивалъ всякія мнѣнія и, наконецъ, сталъ убѣждаться даже выходками Фотія.

Эта неувѣренность въ собственныхъ принципахъ дѣлала его политическую дѣятельность, и внутреннюю и внѣшнюю, колеблющейся, противорѣчивой. Въ дипломатіи Александра вообще винили въ неискренности, непослѣдовательности, не полагались на его слова, не довѣряли обѣщаніямъ. По словамъ Наполеона, это былъ «сѣверный Тальма», «византійскій грекъ». Шатобріанъ говорилъ, что Александръ

[1]) Dix années d'exil. Bruxelles, 1821, стр. 229.

«искрененъ какъ человѣкъ, въ томъ, что относится до человѣчества, но притворенъ какъ полу-грекъ въ томъ, что касается политики». Любопытную характеристику его въ этомъ отношеніи мы находимъ въ отзывѣ французскаго посланника въ Петербургѣ, виконта Ла-Ферроне, человѣка вообще ему сочувствовавшаго: «Что съ каждымъ днемъ мнѣ становится все труднѣе понять и узнать, это—характеръ самого императора, пишетъ Ла-Ферронне къ Шатобріану, въ маѣ 1823 г. [1]). Я не думаю, чтобы можно было лучше, чѣмъ онъ, говорить языкомъ откровенности и прямоты: разговоръ съ нимъ всегда оставляетъ благопріятное впечатлѣніе; вы уходите отъ него въ полномъ убѣжденіи, что этотъ государь соединяетъ съ прекрасными качествами истиннаго chevalier всѣ качества великаго монарха, человѣка съ глубокимъ умомъ и одареннаго величайшей энергіей. Онъ разсуждаетъ превосходно, аргументы его самые убѣдительные, онъ говоритъ съ краснорѣчіемъ и жаромъ человѣка убѣжденнаго. Но, въ концѣ концовъ, опытъ, исторія его жизни и то, что я вижу каждодневно, предостерегаетъ васъ не слишкомъ довѣрять всему этому. Многочисленные примѣры слабости доказываютъ вамъ, что энергія, которую онъ выражаетъ въ своихъ словахъ, не всегда есть въ его характерѣ; но, съ другой стороны, этотъ слабый характеръ можетъ вдругъ испыталъ приступы (accés) энергіи и раздраженія и такого приступа можетъ быть достаточно, чтобы принять вдругъ самыя рѣзкія рѣшенія, послѣдствія которыхъ становятся неисчислимы... Онъ немного ревнуетъ насъ; онъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что Парижъ все еще есть столица Европы, а Петербургъ остается только великолѣпной постройкой на болотѣ, которой никто не хочетъ навѣщать, и всѣ жители которой убѣгаютъ и удаляются изъ нея какъ только можно чаще. Наконецъ, императоръ до крайности недовѣрчивъ,—доказательство слабости; и эта слабость тѣмъ бо́льшее несчастье, что этотъ государь, въ полномъ смыслѣ слова (я такъ думаю, по крайней мѣрѣ), самый честный человѣкъ, какого я знаю; быть можетъ, онъ часто будетъ дѣлать зло, но онъ всегда будетъ желать дѣлать добро».

---

[1]) Это письмо было напечатано Шатобріаномъ въ его книгѣ о Веронскомъ конгрессѣ, но при изданіи книги въ свѣтъ эти страницы были выпущены, вѣроятно по какому-нибудь русскому вмѣшательству. Письмо приведено у Шницлера, Histoire intime, Paris, 1854. I, 62—63.

Въ послѣдніе годы Александръ болѣе и болѣе впадалъ въ мрачное настроеніе, не уничтожавшее, впрочемъ, его личной мягкости, и въ религіозность. Это настроеніе, отчасти происходившее отъ состоянія его организма, имѣло и нравственныя причины: онъ сознавалъ неудачи своего царствованія, потому что до него доходили голоса недовольства и самъ онъ видѣлъ много грубой безпорядочности и злоупотребленій, исходившихъ нерѣдко отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ онъ довѣрялъ разныя части управленія, онъ не могъ примирить реакціонныхъ требованій внѣшней политики, казавшихся ему неизбѣжными, съ общественнымъ мнѣніемъ и собственными его незабытыми мечтами; его честолюбіе страдало, когда онъ сравнивалъ незавидное настоящее съ прошедшимъ, свою Россію съ Европой; иногда онъ боялся внутреннихъ опасностей, потому что Меттернихъ говорилъ ему о революціонныхъ происках въ самой Россіи; наконецъ, передъ нимъ вставали мрачныя воспоминанія начала царствованія, кажется, никогда его не покидавшія [1]), и теперь еще болѣе. Онъ мало занимался внутренними дѣлами Россіи, предоставляя ихъ министрамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Аракчеевъ; искалъ развлеченія въ безпрестанныхъ путешествіяхъ за границу или внутрь Россіи и старался найти успокоеніе въ религіозности. Извѣстно, въ какихъ крайнихъ и странныхъ формахъ выражалось это его настроеніе. Онъ не удовлетворялся офиціальной религіозностью, которая такъ часто соединяется съ совершенной сухостью сердца и себялюбіемъ, и искалъ въ религіи примиряющаго и особливо мистическаго содержанія: онъ увлекался геррнгутерами, г-жей Крюднеръ, квакерами; бесѣдовалъ даже съ архимандритомъ Фотіемъ, въ которомъ предполагалъ высокое благочестіе [2]). Но какъ ни удивительно читать описанія его молитвъ съ квакерами, какой упадокъ духа ни выражался въ его смиренномъ униженіи, нельзя не отдать ему печальной симпатіи, потому что здѣсь все-таки высказывались человѣчныя движенія этого характера.

---

[1]) Въ 1812 г. это замѣчалъ кн. Козловскій. Dorow, Fürst Kosloffsky Leipz. 1846, стр 8.

[2]) См. статьи о Библейскомъ Обществѣ: Вѣстн. Евр. 1868, кн. 8—9, 11—12; „Имп. Александръ и квакеры", Вѣстн. Евр. 1869. „Г-жа Кюрднеръ", тамъ же, 1869, кн. 8 и 9. Эти статьи вошли въ составъ тома I Историческихъ очерковъ А. Н. Пыпина — „Религіозныя движенія при Александрѣ I". Изд. Огни, Петроградъ, 1916 г.

Такъ различны были проявленія этой личности, то свѣтлыя и благотворныя, то мрачныя и тяжелыя для общественной жизни. Каковы бы ни были источники ея двойственности, она не случайнымъ образомъ совпадала съ двойственнымъ характеромъ самаго времени, въ которое приходилось дѣйствовать Александру. Въ Европѣ это время было наполнено борьбой началъ, выставленныхъ революціей, съ обратнымъ движеніемъ консерватизма,—борьбой, которая захватывала самыя коренныя политическія и соціальныя представленія стараго общества, нанесла рѣшительный ударъ старой монархической традиціи и передѣлала систему европейскихъ государствъ. Въ русской общественной жизни начиналась также, подъ вліяніемъ европейскихъ идей и подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ совершавшихся событій, борьба двухъ разныхъ направленій,—стремленія усвоить русской жизни европейскія общественно-политическія идеи и учрежденія, и консервативнаго застоя, который, съ своей стороны, начинаетъ пользоваться понятіями и пріемами европейской обскурантной реакціи. Александръ не стоялъ выше своего времени, и въ его дѣятельности отразились безпокойное броженіе и борьба этихъ элементовъ, европейскихъ и домашнихъ. Но мы больше оцѣнимъ нравственное достоинство Александра, если вспомнимъ, что современные ему монархи и его союзники особенно, не задумываясь и съ полнымъ удовольствіемъ отдавались реакціи; что они не имѣли и такихъ сомнѣній, какъ Александръ, и что наконецъ стать открыто на либеральную дорогу и выдержать ее было въ то время, въ положеніи Александра и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Европы, дѣломъ, на которое были бы способны только истинно геніальный умъ и великая смѣлость.

Въ подобномъ положеніи вещей трудно опредѣлять, насколько эта дѣятельность способствовала общественному развитію однѣми своими сторонами, и насколько мѣшала и препятствовала ему другими. Свести подобный счетъ не легко, но едва ли онъ не въ пользу этой дѣятельности. По своему непосредственному отношенію къ общественной жизни, Александръ, при всѣхъ недостаткахъ, вообще представлялъ собой явленіе весьма необычное въ русскихъ нравахъ. Самодержавная власть и въ его рукахъ была нерѣдко суровая и деспотическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ обнаруживалъ столько искренняго желанія добра и справедливости, что возбуждалъ къ себѣ теплое чувство даже въ людяхъ,

которые видѣли обманутыми свои надежды на его общественныя преобразованія. Нѣтъ сомнѣнія, что его личныя стремленія сильно способствовали самому возбужденію общественныхъ интересовъ. Но кромѣ этой иниціативы, большое вліяніе имѣла его разумная терпимость мнѣній,—по крайней мѣрѣ въ его лучшія минуты. Въ русскихъ нравахъ эта терпимость была нѣчто новое: правда, Екатерина смягчила старинную суровость правительственныхъ нравовъ и повидимому желала уничтожить старинную безгласность общества (отчасти по естественному благоразумію, удалявшему ненужную грубость и жестокость, отчасти по философско-филантропической модѣ; отчасти эта мягкость ограничивалась вещами безразличными), но Екатерина вовсе не отличалась терпимостью къ мнѣніямъ,—даже въ литературныхъ мелочахъ противорѣчіе вызывало съ ея стороны неудовольствіе, которое было, вѣроятно, довольно страшно, потому что немедленно внушало молчаніе. У Александра эта терпимость къ мнѣніямъ была внушаема искреннимъ желаніемъ безпристрастія, которому онъ не одинъ разъ подчинялъ даже свое личное раздраженіе; противорѣчіе его идеямъ и даже положительно вредный, по его мнѣнію, образъ мыслей онъ не хотѣлъ считать за личное оскорбленіе себѣ или за государственное преступленіе, какъ это бывало обыкновенно и прежде, и послѣ. Таковы были его отношенія къ Парроту, Карамзину, Н. Тургеневу. Уничтоживши въ началѣ царствованія тайную экспедицію, онъ имѣлъ слабость допустить потомъ возобновленіе тайно-полицейскаго вѣдомства, но это вѣдомство никогда не имѣло при немъ такого значенія, какимъ обыкновенно пользуется; онъ не любилъ шпіонства; какъ говорятъ, оставлялъ безъ вниманія политическіе доносы, и дѣйствительно, не преслѣдовалъ тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ было ему извѣстно, или, закрывши масонскія ложи, какъ вещь политически опасную, не думалъ дѣлать изъ нихъ предмета для инквизиціонныхъ розысковъ. Хотя и въ этомъ отношеніи Александръ не былъ послѣдователенъ, и было нѣсколько примѣровъ противнаго [1]), но при всемъ томъ общественная мысль въ его время имѣла возможность существовать: первые проблески ея развились при немъ настолько, что могли выдержать потомъ гнетъ неблаго-

[1]) См. объ отношеніяхъ къ Сперанскому, въ запискахъ де Санглена, о которыхъ дальше.

пріятныхъ обстоятельствъ, и положили начало тѣмъ стремленіямъ къ самостоятельной дѣятельности, въ которыхъ заключается единственное ручательство общественнаго блага.

Современникъ Александровской эпохи, разсказывая, между прочимъ, о множествѣ записокъ и мнѣній, которыя подавались Александру по разнымъ предметамъ частными лицами, замѣчаетъ: «Конечно, самодержецъ можетъ избавить себя отъ затрудненій, которыя необходимо долженъ былъ испытывать Александръ, видя себя осажденнымъ этой массой представленій, записокъ, мемуаровъ, и т. д.,—онъ можетъ разъ навсегда запретить подавать ихъ ему. Но именно потому, что Александръ не сдѣлалъ этого; потому, что его сердце не позволяло ему оставаться совершенно недоступнымъ для тѣхъ желаній, которыя диктовало стремленіе къ общему благу; именно поэтому онъ заслужилъ почтеніе и уваженіе честныхъ людей. Это чувство и эта ревность къ общему благу хотя и не были обильны полезными результатами, тѣмъ не менѣе сдѣлаютъ то, что имя его будетъ съ честью жить въ исторіи» [1]).

Тѣмъ болѣе, что это стремленіе къ общему благу въ значительной мѣрѣ было вызвано его собственнымъ примѣромъ и возбужденіемъ.

---

[1]) Н. И. Тургенева, La Russie et les Russes I, 519.

ГЛАВА II.

Первые годы царствованія. — Планы преобразованій.

Извѣстно изъ множества разсказовъ, съ какимъ восторгомъ встрѣчено было воцареніе Александра. Народъ, кажется, остался довольно равнодушенъ къ происшедшему; но въ обществѣ вступленіе Александра на престолъ было всеобщею радостью.

Исторія наша до сихъ поръ совершенно обходила царствованіе Павла, и дѣйствительно еще трудно, въ условіяхъ нашей литературы, нарисовать его вѣрными чертами [1]; но есть, однако, весьма опредѣленное представленіе объ этомъ времени, какъ времени произвола, наводившаго страхъ и трепетъ. Правда, по отзывамъ людей, хорошо знавшихъ Павла, въ его характерѣ были черты, внушавшія уваженіе, были инстинкты безпристрастія, рыцарской честности, великодушія, справедливости, но надъ всѣмъ этимъ до того господствовалъ безпредѣльный произволъ, минутная раздражительность, готовая вспыхнуть при самомъ ничтожномъ поводѣ, что самыя лучшія качества могли проявляться только чисто случайно; притомъ и они проявлялись почти всегда въ самыхъ своеобразныхъ формахъ, внушавшихъ одинъ

---

[1] Исторія этого царствованія донынѣ еще не написана; въ послѣднее время собирается все больше и больше матеріала, разсказано много отдѣльныхъ эпизодовъ, но истинный характеръ лица и времени все еще не имѣетъ настоящей оцѣнки. Въ числѣ важныхъ источниковъ можно назвать записки Кутлубицкаго, Комаровскаго, Дмитріева, Саблукова, Mèmoires secrets Массона, записки Державина и проч. Для предшествующей эпохи множество важныхъ свѣдѣній собрано въ книгѣ

страхъ [1]). Онъ обнаруживалъ желаніе ввести справедливость, уничтожать злоупотребленія и т. п., но съ самаго начала его правленіе приняло самыя суровыя формы. При всей умѣренности, съ какою мы ни стали бы судить объ этомъ времени, было бы крайнимъ извращеніемъ истины говорить, будто бы «гоненіе круглыхъ шляпъ и французскихъ костюмовъ, ненавистныхъ Павлу со временъ революціи, и взысканія съ лицъ, не успѣвшихъ при встрѣчѣ съ государемъ остановиться и отдать ему должную почесть,—быть можетъ, эти мелочныя непріятности казались массѣ общества наиболѣе несносными изъ всѣхъ нововведеній императора Павла» [2]). Нѣтъ, было, къ сожалѣнію, слишкомъ много вещей, несравненно болѣе несносныхъ. Самое обстоятельство, что императоръ считалъ не ниже своего достоинства заниматься преслѣдованіемъ круглыхъ шляпъ, характеризуетъ духъ управленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гатчинѣ въ постоянномъ раздраженіи отъ хода дѣлъ и придворныхъ условій, въ характерѣ Павла пріобрѣла полное господство эта раздражительная мелочность, отъ которой онъ не избавился и на престолѣ: какъ прежде, когда кругъ его власти ограничивался Гатчиной, онъ не стѣснялъ себя ничѣмъ, такъ теперь гатчинскія привычки перенесены были на управленіе имперіей. Мили-

---

г. Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 1754—1796" (Спб. 1882: 2-е изд. 1883; 3-е изд. доп. 1887). Въ послѣднее время собрано много офиціальныхъ приказовъ Павловскаго времени, дѣйствительныхъ или, быть можетъ, легендарныхъ анекдотовъ и т. п. Цѣннымъ историческимъ разсказомъ является статья Шницлера: „Kaiser Paul I vor und nach seiner Thronbesteigung. Eine Hofgeschichte als psychologische Studie" въ Раумеровомъ Histor. Taschenbuch, 4-te Folge, 8-er Jahrgang. Leipzig 1867, стр. 271—377.

[1]) „Награда утратила свою прелесть; наказаніе — сопряженный съ нимъ стыдъ", такъ выражался даже Карамзинъ.

[2]) Исторія царств. имп. Александра I. Сочиненіе автора исторіи Отеч. войны 1812 года. I. 44. Но тотъ же авторъ говоритъ рядомъ съ этимъ „Вообще народъ, несмотря ни на благія намѣренія сего монарха, ни на добро имъ уже сдѣланное, вспоминалъ съ *сожалѣніемъ* времена „матушки Екатерины" и съ *надеждою* обращалъ взоры къ наслѣднику престола, — а о воцареніи Александра: „Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, *поздравляли другъ друга*, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось, *милліоны* людей *возродились* къ новой жизни" (I, стр. 46)—неужели отъ открывавшейся возможности носить круглыя шляпы и французскіе костюмы? И какъ, кромѣ того, объяснить равнодушіе народа и общества къ катастрофѣ?

таризмъ сталъ господствовать надо всѣмъ и здѣсь: начато было преобразованіе арміи только съ цѣлью придать ей гатчинскую внѣшность и исполнялось съ такой нетерпимостью, что создавало недовольныхъ даже между солдатами Управленіе началось такими же передѣлками, въ которыхъ слишкомъ замѣтно было желаніе подорвать или уничтожить учрежденія Екатерины. Словомъ, личный произволъ, воспитавшійся въ Гатчинѣ и который привыкъ тамъ къ безусловному подчиненію, перенесенъ былъ на арену цѣлой имперіи: очевидно, въ такой многосложной сферѣ эти привычки должны были оказываться по меньшей мѣрѣ неумѣстными; странности, къ которымъ привыкла немногочисленная гатчинская обстановка, должны были бросаться въ глаза всѣмъ, когда стали проявляться на обширной сценѣ государственыхъ дѣлъ и столичной жизни; и, кромѣ того, изъ-за мелочныхъ фрунтовыхъ и подобныхъ формальностей, которымъ была придана величайшая важность, должны были ускользать отъ вниманія, и дѣйствительно ускользали, самые крупные интересы государства и общества. Къ этому прибавлялось у императора Павла особенное, нѣсколько фантастическое представленіе о достоинствѣ его власти: онъ понималъ ее, какъ нѣчто въ родѣ власти Гаруна-аль-Рашида, хотѣлъ все знать, все видѣть, водворять добродѣтель и преслѣдовать порокъ,—онъ дѣйствительно попадалъ на отдѣльные случаи и строго каралъ ихъ, но онъ былъ безсиленъ противъ общихъ явленій: современники говорили, что, какъ ни сильно было желаніе Павла быть справедливымъ, оно всего меньше осуществлялось на практикѣ. Самыя кары теряли свой смыслъ и не оказывали дѣйствія, потому что его гоненія часто падали и на людей совсѣмъ неповинныхъ, но какой-нибудь мелочью вызвавшихъ его раздраженіе. Не довольствуясь обычными атрибутами русской власти, какъ она создалась вѣками, онъ хотѣлъ придать ей новое величіе магистерствомъ средневѣковаго ордена. Въ такой чрезвычайной роли онъ являлся въ самой семьѣ. Для подданныхъ онъ хотѣлъ быть недостижимымъ божествомъ, требовалъ самаго униженнаго положенія, которое становилось тягостно для самыхъ простыхъ частныхъ людей. По идеѣ о своемъ всемогуществѣ, онъ требовалъ вообще моментальнаго исполненія своихъ приказовъ, и часто требовалъ совершенно невозможнаго. Милость его всегда была на волоскѣ; она каждую минуту могла превратиться въ необузданный

гнѣвъ,—удаленіе изъ службы, арестъ, ссылка были вещи самыя обыкновенныя: по разсказамъ современниковъ, люди, отправляясь къ своимъ служебнымъ мѣстамъ, всегда бывали готовы къ такимъ случайностямъ; офицеры держали всегда при себѣ запасъ денегъ, потому что могло не быть времени, чтобы собрать ихъ въ случаѣ внезапной ссылки[1]).

Во всемъ этомъ поражало отсутствіе принципа и послѣдовательности. Единственное, что было ясно, это—господство фрунтовой субординаціи, пріемы которой были распространены на самыя сложныя государственныя дѣла, и преслѣдованіе якобинства. Объ этомъ послѣднемъ Павелъ имѣлъ тѣ самыя понятія, какія уже въ то время распространялись европейскими обскурантами различныхъ школъ—іезуитской, феодально-аристократической, піэтистическо-масонской: всѣ эти элементы были кругомъ Павла, и онъ какъ нельзя больше былъ имъ доступенъ,—вспомнимъ, напр., милость, какой пользовались у него іезуитъ Груберъ и мальтійское рыцарство. Началось преслѣдованіе революціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, которому пришлось расплачиваться за европейскіе безпорядки. По упомянутой программѣ сочтено было зловреднымъ все, приходившее изъ Европы: поэтому запрещенъ былъ въѣздъ иностранцевъ, запрещенъ ввозъ *всякихъ* книгъ, запрещено было русскимъ подданнымъ отправляться въ нѣмецкіе университеты и велѣно возвратиться

---

[1]) „Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали въ караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаймы деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность".—Записки Саблукова, Русскій архивъ 1869, стр, 1903, также стр. 1904—1908; Записки Комаровскаго, Рускій Архивъ 1867, стр. 540. 544; Mémoires secrets I, 198—201 и др. Разсказы А. П. Ермолова, въ Чтен. Моск. Общ. 1863, IV, стр. 214 и др. Въ дружескомъ письмѣ Евгенія (потомъ митр. Кіевскаго), въ февралѣ 1880, изъ Москвы: „На прошедшей недѣлѣ полученъ здѣсь указъ выслать изъ Москвы *всѣхъ* исключенныхъ изъ службы, и *не велѣно съ ними никому ни знакомства, ни переписки вести.* Причиною сему Балкъ-Полевъ, выключенный камергеръ, который отважился по Москвѣ ходить во фракѣ и въ круглой шляпѣ, не слушаясь запрещеній и отъ полицеймейстера. Государю донесено, и онъ предписалъ графу Салтыкову (Ивану Петровичу, моск. воен. генералъ-губернатору) *выгнать изъ Москвы всѣхъ исключенныхъ шалуновъ и впредь не пускать, да и запретить съ ними всякое сообщеніе на дѣлахъ и письмѣ подъ опасеніемъ*" (Русск. Арх. 1870, стр. 770).

тѣмъ, которые тамъ были, наконецъ запрещались костюмы, напоминавшіе французскія моды, запрещались слова: «гражданинъ» и «отечество, запрещался вальсъ и т. д. и т. д.[1]).

Въ результатѣ такихъ пріемовъ правленія былъ всеобщій страхъ: никто не былъ гарантированъ отъ опасности, за себя или за близкихъ. «Оба великіе князья (Александръ и Константинъ),—разсказываетъ современникъ,—смертельно боялись своего отца, и когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали какъ осиновый листъ»[2]).

Положеніе вещей было такимъ образомъ натянутое до послѣдней степени. Какъ принята была перемѣна царствованія въ массѣ общества, мы упоминали. Общество не скрывало своей радости и, странно сказать, какъ ни были чрезвычайны событія, на нихъ весьма недвусмысленно намекалось даже въ печати. Александра встрѣтили множествомъ одъ, это было въ духѣ времени; оду написалъ и Державинъ. Ему немного стоило восторгаться теперь, какъ незадолго передъ тѣмъ онъ восторгался мальтійскимъ орденомъ; но ода придворнаго піиты на восшествіе Александра на престолъ тѣмъ не менѣе любопытна:

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ,—

говоритъ онъ, между прочимъ, въ этой одѣ,—

На лицахъ Россовъ радость блещетъ.

---

1) Образчикомъ того, до какихъ необузданныхъ крайностей доходили преслѣдованія, постигавшія даже ни въ чемъ неповинныхъ людей, можетъ послужить по-истинѣ страшная исторія пастора Зейдера, наказаннаго кнутомъ и сосланнаго при Павлѣ, и возвращеннаго Александромъ. См. его книжку: Der Todeskampf am Hochgericht, oder Geschichte des unglücklichen Dulders F. Seider, ehemaligen Predigers zu Randen in Ehstland. Von ihm selbst erzählt. Hildesheim und Leipzig 1803. Въ послѣдніе годы исторія Зейдера была разсказана и въ нашей литературѣ. Русскій переводъ исторіи—въ Русск. Старинѣ, 1878, т. XXI—XXII; документы, относящіеся къ его казни и ссылкѣ—тамъ же, 1882, т. XXXIII; указъ о возвращеніи его изъ ссылки, 1801 г.—1878, т. XXI, стр. 489. См. также 1873, т. VIII, стр. 589, 812, 1003 и далѣе.

Въ другомъ родѣ замѣчательны гоненія, которымъ подвергался графъ Никита Петровичъ Панинъ и разсказъ, о которыхъ см. въ письмахъ И. М. Муравьева-Апостола къ графу С. Р. Воронцову (Русск. Архивъ, 1876, I, стр. 121 и слѣд.)—Вообще примѣровъ множество.

2) Зап. Саблукова; Русск. Арх., 1869, стр. 1896).

По словамъ М. Дмитріева, Державина упрекали за эти стихи, находя въ нихъ изображеніе Павла. Самъ Дмитріевъ замѣчаетъ: «изображеніе дѣйствительно вѣрное, и въ намѣреніи поэта *нѣтъ сомнѣнія»* [1]). Въ другомъ мѣстѣ ода опять намекаетъ на Павла въ такомъ же тонѣ:

Что престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ нрава,
И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что *полки* и *стѣны*,
Коль насъ невинность не стрежетъ?

Далѣе:

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій,
И зарождаютъ *громъ средь тучъ:*
Онъ вержется, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно.
О, власти сильныя, и вы!
Внемлите—и *тѣснить* блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Въ этихъ словахъ не было особеннаго гражданскаго мужества, потому что слова относились къ прошедшимъ властямъ,—Александръ былъ не таковъ:

Нѣтъ, Ангелъ кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ Небесъ!
Ты не таковъ...

Когда эти прежнія власти еще жили, Державинъ предпочиталъ кадить имъ и ублажать ихъ своимъ стихотворствомъ; но, каково бы ни было личное отношеніе автора къ событіямъ, его намеки и призыванія любопытны, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія. Если Державинъ говорилъ такъ открыто въ печати, надо думать, что онъ только повторялъ общее настроеніе въ первыя минуты новаго царствованія, что можно было совсѣмъ безопасно высказать его въ такихъ прозрачныхъ намекахъ. Ода заключаетъ въ себѣ еще одну любопытную черту. Поэту, среди его восторговъ, представляется въ облакахъ сама Екатерина:

---

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869. стр. 40. Ср. Сочиненія Державина, изд. академика Грота, т. II, стр. 355—363.

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
„Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя.—
Внимать вы прежде не хотѣли,
И *презрили* мою любовь;
Вы *сами отъ себя* терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь".—
Рекла,—и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.

Изъ этихъ словъ ясно, кажется, слѣдуетъ, что Державинъ ставилъ обществу въ вину, что оно прежде не заботилось о возведенiи Александра на престолъ, какъ этого желала Екатерина; что обществу должно было бы не допускать Павла до престола,—оно этого не сдѣлало, и потому терпѣло «само отъ себя». Если Державинъ доходилъ до такого вольнодумства, то надо предполагать, что подобныя сужденiя слышались въ цѣлой массѣ общества. Дѣйствительно, по словамъ Карамзина, у котораго мудрено предположить здѣсь преувеличенiе,—«вѣсть объ этомъ событiи (вступленiи на престолъ Александра) была въ цѣломъ государствѣ *вѣстью искупленiя*; въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенiя». Другiе замѣчаютъ, правда, что «этотъ восторгъ изъявляло одно дворянство, прочiя сословiя приняли эту вѣсть довольно равнодушно» [1],—народная масса, дѣйствительно, издавна была довольно равнодушна къ подобнымъ перемѣнамъ, ничего не измѣнявшимъ въ ея положенiи,—но восторгъ въ самомъ дѣлѣ должны были чувствовать всѣ болѣе или менѣе образованные люди, всѣ, кто испытывалъ на себѣ тяжкiй произволъ предыдущаго царствованiя, кто сколько-нибудь сознавалъ свое человѣческое и гражданское достоинство.

Серьезное, конечно, соединялось съ мелочнымъ и пошлымъ. Въ первые моменты новаго царствованiя,—разсказываетъ Саблуковъ [2],—общество предалось необузданной и ребяческой радости. Какъ только узнали о смерти Павла, тотчасъ исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа à la Titus, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами; дамы одѣлись въ новые костюмы, на улицахъ понеслись экипажи съ запрещенной и еще не до-

[1] Записки М. Фонъ-Визина, изд. 1861, стр. 78.
[2] Р. Архивъ, 1869, стр. 1947.

зволенной вновь упряжью. Но если это и имѣло видъ ребячества, то оно было естественно, потому что и это жалкое право на упряжь и сапоги было отнято. По другимъ разсказамъ, Зубовъ, вскорѣ послѣ катастрофы, устроилъ для своихъ сотоварищей оргію, на которой явился во фракѣ и жилетѣ, и металъ банкъ, что строго запрещалось при Павлѣ,—какъ будто весь переворотъ нуженъ былъ только для возвращенія той нравственной разнузданности, къ которой высшее барство привыкло при Екатеринѣ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Саблукова, «это движеніе дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что точно какимъ-то волшебствомъ съ рукъ ихъ свалились цѣпи и что нація была вызвана изъ гроба къ жизни и движенію»[1]).

Во всякомъ случаѣ, характеръ правленія имп. Павла наводилъ уже тогда значительный кругъ людей на размышленія о традиціонномъ характерѣ власти: они стали сомнѣваться, чтобы эта власть, предоставленная самой себѣ, могла успѣшно достигать своей истинной цѣли—общественнаго блага, и начинали думать, что для нея необходимы извѣстныя границы. Державинъ высказывалъ это въ своемъ совѣтѣ властямъ—остерегаться «тѣснить народъ»; другіе начинали думать, какими средствами можно было бы предотвратить это притѣсненіе. Современники разсказывали, будто бы въ первые моменты новаго царствованія гр. Паленъ и гр. Н. П. Панинъ предложили императору принять конституціонный актъ, но что императоръ, предупрежденный генераломъ Талызинымъ, устоялъ противъ ихъ настойчивыхъ требованій[2]). Мы не имѣемъ пока никакихъ достовѣрныхъ извѣстій о томъ, было это дѣйствительно или нѣтъ,—но вообще едва ли сомнительно, что идея конституціоннаго ограниченія власти вызвана была въ умахъ тягостными годами правленія Павла. Самое воз-

---

[1]) Митр. Евгеній въ октябрѣ 1802 пишетъ къ своему другу: „Нашихъ новостей писать къ вамъ нѣтъ у меня охоты, потому что вы, кажется, не занимаетесь ими, не знаю, *по скромности ли* (т. е. по страху), *которая въ нынѣшнюю пору уже излишня и безвременна, ибо все слава Богу безопасно,*— или по невниманію“ (Р. Арх. 1870, стр. 818).

[2]) Записки М. Фонъ-Визина. Въ разборѣ „Донесенія“ Слѣдственной Комиссіи 1826 г. Никиты Муравьева объ этомъ говорится: „Въ 1801 году графъ Никита Петровичъ Панинъ, сынъ побѣдителя Пугачева, племянникъ Н. И. Панина, и графъ Паленъ хотѣли водворить конституцію. Изъ заговорщиковъ, желавшіе только перемѣны государя были награждены; искавшіе прочнаго устройства отдалены на вѣкъ“ (Зап. декабристовъ, вып. 2–3, стр. 130).

никновеніе подобныхъ слуховъ свидѣтельствуетъ, что общественная мысль уже стала обращаться къ этому предмету.

Тотъ же Саблуковъ, свидѣтель безпристрастный, такъ разсказываетъ объ этомъ положеніи вещей: «Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своего государства, и если бы она могла заставить наслѣдника престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ государемъ, она умерла бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, *уже начертанной* (?), и въ этомъ случаѣ наслѣдникомъ былъ бы назначенъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію. Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однакоже говорили съ увѣренностью, что 1 января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то же время было замѣчено, что вел. князь Павелъ Петровичъ является ко двору рѣдко, и то лишь въ торжественные пріемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опрусаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ...» [1]).

Мы опять не имѣемъ пока прочныхъ данныхъ, чтобы принять это извѣстіе о «начертанной» уже конституціи, которою хотѣли обязать Павла; и слово «конституція» разумѣется у Саблукова не какъ формальное представительное правленіе, а въ болѣе обширномъ смыслѣ основныхъ законовъ, обязательныхъ для главы государства. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни оказалось неточнымъ или преувеличеннымъ это извѣстіе, и другія подобныя (напр., о конституціи, составленной Н. И.

---

[1]) Р. Арх. 1869, стр. 1882—83. Подъ *начертанной конституціей*, можетъ быть, разумѣются тѣ законодательныя работы, о которыхъ (по свѣдѣніямъ въ бумагахъ Строганова) Безбородко говорилъ своему племяннику Кочубею. „По словамъ Безбородки, онъ самъ занимался составленіемъ проекта реформы управленія по порученію императрицы Екатерины; дворянская грамота и городовое положеніе были началомъ предначертанныхъ ею преобразованій; но бѣдствія, порожденныя французскою революціею, заставили великую государыню усомниться въ пользѣ предположенныхъ ею нововведеній". Такъ передаетъ это Богдановичъ, Истор. I, стр. 131.

Панинымъ, объ упомянутомъ намѣреніи гр. Палена и Н. П. Панина, и т. п.), остается несомнѣннымъ фактъ, что Екатерина дѣйствительно желала устранить Павла отъ престола, потому что, зная его характеръ, она опасалась за собственныя учрежденія и труды, которые при Павлѣ легко могли быть извращены или уничтожены: она опасалась, что образъ правленія Павла будетъ походить на правленіе его отца; она могла считать его даже совершенно неспособнымъ къ трудамъ правленія [1]) и могла желать, по крайней мѣрѣ, ограничить нѣсколько его произволъ. Эти взгляды императрицы не остались неизвѣстны въ высшихъ и образованнѣйшихъ кругахъ общества, и планы ея, дѣйствительные и предполагаемые, должны были возбуждать интересъ въ этихъ кругахъ и въ среднемъ дворянствѣ, на которыхъ прежде всего должны были отразиться самодержавныя дѣйствія Павла. Такимъ образомъ, мысль объ извѣстномъ ограниченіи или болѣе точномъ опредѣленіи дѣйствій верховной власти уже въ эти послѣдніе годы Екатерины должна была занимать умы образованнѣйшей части общества. Сама Екатерина очень мало была склонна къ чему-нибудь конституціонному, но ея законодательство имѣло все-таки извѣстное стремленіе ввести въ Россіи правильную общественную организацію и, по крайней мѣрѣ, начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій, для ихъ *гражданской* самодѣятельности [2]). Воспитаніе Александра, начатое въ очень либеральномъ стилѣ и почти въ томъ же стилѣ веденное Екатериной до конца, несмотря на перемѣну ея личнаго настроенія, показываетъ, что для будущаго правителя Россіи она все-таки желала того склоннаго къ свободѣ направленія, которое было бы благопріятно для дальнѣйшаго гражданскаго развитія общества. Слухи о планахъ ея, долженствовавшихъ ограничить произволъ Павла, если и были не

---

[1]) „Lorsque Paul fut d'âge à s'occuper des affaires d'état, Catherine essaya de l'associer à ses travaux: mais le secrétaire d'état, prince Besborodko, qui assistait aux séances, déclarait que ni l'impératrice, ni lui n'avaient jamais pu rien lui faire comprendre, et qu'il entendait tout de travers. Alors, de peur d'irr ter ses passions et dans l'espoir de l'adoucir par l'indulgence, Catherine l'abandonna à lui-même“... Mémoires de l'amiral Tchitchagoff. Leipz. 1862, стр. 22. Такіе слухи о намѣреніяхъ Екатерины упомянуты и въ запискахъ Энгельгардта, М. 1868, стр. 195.

[2]) Грамота дворянству, мѣры по устройству городского управленія и т. п.

вполнѣ основательны, показываютъ, что въ обществѣ зарождался политическій вопросъ. Въ старой аристократіи являлись уже либеральные люди въ родѣ Воронцова, покровительствовавшаго Радищеву; въ молодомъ поколѣніи образованнаго класса европейскія событія производили свое впечатлѣніе и, мы видѣли, въ воспитаніи самого Александра находили себѣ почву идеи общественной справедливости, мечтанія о равенствѣ и свободѣ.

Царствованіе Павла было рѣзкимъ перерывомъ въ этомъ броженіи понятій. Павелъ желалъ истребить всѣ эти якобинскія наклонности и успѣлъ въ короткое время навести такой страхъ, что общество стало совершенно безгласно: наступила атмосфера заговоровъ. Въ результатѣ это время принесло совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какихъ Павелъ ожидалъ. Его собственные взгляды выражались такими отрывочными, противорѣчивыми и ничѣмъ необъяснимыми распоряженіями, что въ нихъ нельзя было усмотрѣть никакой, хотя бы ложной, системы; онъ не въ состояніи былъ привязать къ себѣ даже упорныхъ приверженцевъ старыхъ порядковъ. Люди, мѣнявшіеся вокругъ него, не представляли ничего похожаго на какое-нибудь направленіе: это были или простые угодники, или невольные исполнители приказаній; характеристическими представителями *этого* времени были только люди, какъ Архаровъ (родоначальникъ знаменитыхъ въ свое время «архаровцевъ»), Обольяниновъ, Аракчеевъ, Эртель и т. п. Четыре года этого правленія практически доказывали справедливость прежнихъ опасеній; опытъ заставлялъ возвращаться къ идеямъ, появившимся при Екатеринѣ, и реакціей безсодержательному правленію естественно должно было быть желаніе какого-нибудь прочнаго разумнаго порядка вещей. Первый манифестъ Александра высказывалъ эту мысль, когда заявлялъ желаніе управлять «по законамъ и сердцу Екатерины»: невозможно было сослаться на ближайшаго предшественника — напротивъ, надо было отказываться отъ солидарности съ нимъ.

Таковы были впечатлѣнія, подъ которыми открывалось новое царствованіе. Всеобщее сочувствіе, какимъ оно было встрѣчено, совпадало въ глубинѣ съ настроеніемъ самого Александра; всѣ радовались потому, что отъ Александра именно ждали новаго правленія, гдѣ на мѣсто произвола и насилія явился бы наконецъ законъ и справедливость. Дѣятелями новаго царствованія явились люди молодого по-

колѣнія того круга, старшіе представители котораго были дѣятелями временъ Екатерины. Кочубей былъ племянникъ и воспитанникъ Безбородка; Павелъ Строгановъ—сынъ знаменитаго вельможи Екатерининскихъ временъ А. С. Строганова; Новосильцовъ также близкій родственникъ этого Строганова. Всѣ они, какъ и Чарторыйскій, воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ времени и всѣ болѣе или менѣе ревностно преданы были новымъ общественнымъ идеямъ, какія распространялись тогда изъ Франціи и преобразовывали европейскую жизнь.

Для Александра начинались лучшіе дни его жизни и правленія. Онъ тотчасъ вызвалъ въ Петербургъ Кочубея, который въ послѣднее время предъидущаго царствованія былъ въ опалѣ и жилъ въ своемъ имѣніи; тотчасъ были посланы письма къ Чарторыйскому въ Италію и Новосильцову въ Лондонъ. Чарторыйскому писалъ самъ императоръ отъ 18-го марта; Новосильцову написали общую записку Строгановы и Муравьевъ въ первыя минуты воцаренія Александра [1]). Друзья императора собрались вокругъ него, и этотъ кружокъ сталъ выражать собой характеръ правительства.

Первые годы, когда Александръ былъ окруженъ этими своими друзьями, приблизительно до Тильзитскаго мира, были, безъ сомнѣнія, лучшимъ временемъ его царствованія. Онъ дѣйствовалъ подъ первой силой своихъ идеальныхъ воззрѣній, столько времени подавляемыхъ и впервые вырвавшихся на свободу и вооруженныхъ теперь всѣмъ могуществомъ русскаго самодержавія. Принципъ, въ силу котораго онъ хотѣлъ и старался дѣйствовать, былъ принципъ *законности*, которому онъ хотѣлъ подчинить и неограниченность своей собственной самодержавной власти. Извѣстно нѣсколько анекдотическихъ случаевъ, когда императоръ Александръ довольно твердо заявлялъ принятое имъ

[1]) Письмо Александра къ Чарторыйскому: „Vous avez déjà appris, mon cher ami, que, par la mort de mon père, je suis à la tête des affaires. Je tais les détails pour vous en parler de bouche. Je vous écris pour que vous remettiez sur le champ toutes les affaires de votre mission à celui qui s'y trouve le plus ancien après vous, et que vous vous mettiez en route pour venir à Pétersbourg. Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience je vous attends. J'espère que le Ciel veillera sur vous pendant votre route et vous amènera ici sain et sauf. Adieu, mon cher ami, je ne puis vous en dire davantage; je joins ici un passeport pour montrer à la frontière". (См. „Alexandre I-er et le prince Czartorysky", стр.

правило; оно должно было очень неправиться людямъ стараго общества, особливо избалованной аристократіи, — это общество издавна привыкло къ тому, что не только власть государя, но и власть фаворита, если захочетъ, можетъ сдѣлать все, что бы ни говорили справедливость и законъ. Для примѣра укажемъ извѣстныя слова Александра въ письмѣ къ княгинѣ Голицыной (урожденной Вяземской), которая въ основаніе своей, несогласной съ законами, просьбы приводила то, что императоръ выше закона. Александръ отвѣтилъ ей, что если бы даже могъ, то не захотѣлъ бы нарушить закона, потому что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила изъ закона [1]). Какое впечатлѣніе производила правительственная обстановка императора Александра, можно, между прочимъ, видѣть изъ сообщенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ замѣтокъ швейцарца Дюмона [2]).

Новое царствованіе съ самаго начала заявляло себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно пересмотрѣть указы, вышедшіе въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы понять увлеченіе, съ какимъ тогда выражалась привязанность къ Александру.

Эти первые указы вносили совершенно новый, небывалый элементъ мягкой терпимости, справедливости, открытаго

3—4). О письмѣ къ Новосильцову Богдановичъ (I, стр. 80) говоритъ: „Увѣряли, что, по кончинѣ императора Павла, Строгановъ написалъ Новосильцову въ Лондонъ: „Arrivez, mon ami... Nous allons avoir une constitution“. Это, кажется, совсѣмъ невѣрно. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о томъ письмѣ, которое сохранилось въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова, извлеченія изъ которыхъ были напечатаны въ В. Евр. 1870, и въ 1-мъ изданіи настоящей книги; выраженія письма характеристичны, но въ нихъ нѣтъ тона ребяческой поспѣшности, на какую намекаетъ Богдановичъ. Вотъ эта записка гр. П. и Г. Строгановыхъ къ Новосильцову въ Лондонъ (безъ помѣты; въ мартѣ 1801), сохранившаяся въ бумагахъ Новосильцова: „Mon bon ami, le courier part, je n'ai le temps que de vous dire deux mots: l'Empereur 'Alexandre I-er reigne. Revenez, revenez, revenez“. (Мой добрый другъ, курьеръ сейчасъ отправляется, и я имѣю время сказать вамъ только два слова: императоръ Александръ I царствуетъ. Возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь).

[1]) Эти слова приведены у Шторха, Russland unter Alexander dem Ersten, I, 20. Самое письмо въ „Р. Старинѣ“ 1870, I, стр. 44.

[2]) Русскія отношенія Бентама, въ „Вѣстн. Евр.“ 1869, кн. 2, 804; эта статья вошла въ 2-ой „Историческихъ очерковъ“—„Очерки литературы и общественности при Александрѣ I“, изд. „Огни“, П. 1917.

признанія недостатковъ правленія и желанія исправить ихъ; это былъ цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ разнаго рода; почти каждый указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ. Нигдѣ, понятнымъ образомъ, не называлось имя Павла, но въ указахъ, между прочимъ, очевидна поспѣшность исправить вредъ, нанесенный его мѣрами.

13-го марта, т.-е. на другой день послѣ вступленія на престолъ—повелѣніе о выдачѣ указовъ объ отставкѣ военнымъ, выключеннымъ изъ службы по сентенціямъ военнаго суда и безъ суда по приказамъ. Затѣмъ черезъ два дня такой же указъ о гражданскихъ чиновникахъ. Чтобы понять эту мѣру, надо припомнить разсказы современниковъ (напр., Саблукова) о томъ, какъ дѣлались при Павлѣ эти суды и отставки. По словамъ Стурдзы, число лицъ, возвратившихся на службу и получившихъ прежнія права по этому указу, простиралось до 12.000 человѣкъ [1]).

14-го марта—снятіе запрещенія на вывозъ различныхъ товаровъ и продуктовъ изъ Россіи.

15-го марта—освобожденіе людей, заключенныхъ въ крѣпостяхъ, сосланныхъ въ каторжную работу, лишенныхъ чиновъ и дворянства, сосланныхъ и состоявшихъ подъ полицейскимъ надзоромъ, по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи, и возвращеніе имъ ихъ прежняго достоинства, котораго они были лишены. Въ четырехъ спискахъ, приложенныхъ къ указу, перечислено 156 человѣкъ, между которыми мы находимъ «бывшаго коллежскаго совѣтника Радищева» (жившаго тогда въ Калужской губерніи, по возвращеніи изъ Сибири при Павлѣ) и «артиллеріи подполковника Ермолова» (знаменитаго впослѣдствіи генерала), жившаго въ ссылкѣ въ Костромѣ.

Того же дня—манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывшимся въ заграничныхъ мѣстахъ: они могли безопасно возвратиться въ Россію, и всѣ вины ихъ, кромѣ смертоубійства, предавались забвенію.

Того же дня—возстановленіе дворянскихъ выборовъ.

16-го марта—снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

19-го марта—указъ, внушавшій полиціи, чтобы она не выходила изъ границъ своей должности и не причиняла

---

[1]) Записки А. Стурдзы (о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе имп. Александра I), въ „Р. Старинѣ“ 1876, т. XV, стр. 268.

никому обидъ и притѣсненій,—что доходило до вопіющихъ размѣровъ при Павлѣ.

22-го марта—о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта—отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

31-го марта—объ отмѣнѣ запрещенія (наложеннаго 18-го апрѣля 1800 года) ввозить изъ-за границы всякія книги и музыкальныя ноты; о распечатаніи частныхъ типографій, закрытыхъ указомъ 5 іюня 1800 г., и о дозволеніи имъ печатать книги и журналы.

2-го апрѣля—пять манифестовъ: о возстановленіи жалованной дворянству грамоты; о возстановленіи городового положенія и грамоты, данной городамъ; о свободномъ отпускѣ русскихъ произведеній за границу и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены учрежденнымъ лѣснымъ управленіемъ; объ уничтоженіи тайной экспедиціи; объ облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій.

8-го апрѣля—объ уничтоженіи висѣлицъ, которыя поставлены были при Павлѣ въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ и къ которымъ прибивались имена опальныхъ чиновъ.

9-го апрѣля—объ обрѣзаніи пуклей у солдатъ (пукли эти введены Павломъ для всей арміи по гатчинскимъ образцамъ и были для солдатъ истиннымъ мученіемъ).

13-го апрѣля—объ отпускѣ Вольному экономическому обществу ежегодно по 5,000 рублей.

5-го мая—о возстановленіи различныхъ статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ указами императора Павла, напр., о возстановленіи свободы отъ тѣлеснаго наказанія (которому дворяне при Павлѣ были подвергаемы въ противность жалованной грамотѣ), разныхъ преимуществъ относительно службы, выборовъ и т. п.

2-го мая—объ освобожденіи священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія.

28-го мая—указъ президенту Академіи наукъ о непринимаціи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли—первое осторожное заявленіе Александра противъ крѣпостного права.

5-го іюня—указъ Сенату о представленіи имъ особаго доклада о правахъ его и обязанностяхъ. Это было первое заявленіе широкихъ административныхъ преобразованій, пред-

положенныхъ Александромъ. Въ тотъ же день былъ данъ другой указъ объ устройствѣ Комиссіи составленія законовъ, которая поручена была гр. Завадовскому.

13-го іюня—указъ о возстановленіи ежегоднаго отпуска въ 6,250 р. на содержаніе Россійской Академіи, и т. д.

Мотивы, приводимые въ указахъ, говорили о желаніи дать наконецъ дѣйствительную силу закону, внести въ общество начала права, справедливо опредѣлить отношенія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Одной изъ самыхъ крупныхъ мѣръ было уничтоженіе тайной экспедиціи,—и одной изъ первыхъ, которую въ самомъ дѣлѣ должно было бы принять, когда правительство хотѣло дѣйствительно законности. 2-го апрѣля 1801 г. императоръ самъ прибылъ въ Сенатъ и, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи Сената, велѣлъ прочесть рядъ манифестовъ, въ тотъ день изданныхъ. Знаменитый манифестъ о тайной экспедиціи говорилъ:

«Нравы вѣка и особенныя обстоятельства временъ протекшихъ побудили Государей Предковъ Нашихъ между прочими временными постановленіями учредить Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, которая подъ разными именами и на разныхъ правилахъ даже до временъ вселюбезнѣйшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II существовала. Признавъ судилище сіе установленному въ Россіи образу Правленія несвойственнымъ и собственнымъ правиламъ Ея толико противнымъ, въ 1762 году изданнымъ Манифестомъ Она торжественно его уничтожила и отвергла. Такимъ образомъ, имя сей Канцеляріи было уже въ положеніяхъ закона изглажено; между тѣмъ однако же по уваженію обстоятельствъ, признано было нужнымъ продолжать ея дѣйствіе подъ названіемъ Тайной Экспедиціи, со всевозможнымъ умѣреніемъ правилъ ея личною мудростію и собственнымъ Высочайшимъ всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ. Но какъ съ одной стороны въ послѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленію, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость, а съ другой разсуждая, что *въ благоустроенномъ Государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона*: Мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной Экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла, въ оной бывшія, отдать въ Государственный Архивъ къ вѣчному

забвенію; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1 и 5 Департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ Присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Сердцу Нашему пріятно вѣрить, что, сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая *единому дѣйствію закона* охраненіе Имени Нашего и Государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены Мы въ вѣрности ихъ къ намъ и Престолу Нашему, и что пользъ Нашихъ никогда не раздѣляемъ Мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли. Въ прочемъ предоставляемъ Сенату постановить и пополнить порядокъ производства дѣлъ сего рода въ мѣстахъ, до коихъ они принадлежатъ».

Какое впечатлѣніе произвелъ указъ 5-го іюня, гдѣ повелѣвалось Сенату представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, можно судить по разсказу Шторха: «Принимая различныя мѣры, имѣвшія цѣлью преимущественно исправленіе господствующихъ понятій (именно понятій, смѣшивавшихъ верховную власть съ произволомъ и ставившихъ ее выше и внѣ всякаго закона), императоръ Александръ въ то же время неутомимо изучалъ существующій порядокъ правленія. Личная дѣятельность правителя есть вмѣстѣ и лучшая школа политической мудрости; на своемъ высокомъ постѣ императоръ могъ достаточно узнать недостатки и слабыя стороны различныхъ отраслей управленія, потому что его собственная дѣятельность обнимала всѣ эти отрасли. Что замѣтки, которыя собиралъ онъ въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, могутъ стать основаніемъ къ новой организаціи государственнаго управленія, быть можетъ, видно было только немногимъ, даже изъ тѣхъ дѣловыхъ людей, которые окружали его ежедневно. Указъ 5-го іюня 1801, поручавшій Сенату представить императору докладъ о сущности его правъ и обязанностей, нѣсколько раскрылъ намѣренія императора. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ *могъ безъ шума* (ohne Aufsehen), болѣе краткимъ и вѣрнымъ путемъ, *получить тѣ свѣдѣнія*, какихъ онъ требовалъ здѣсь столь публично и столь торжественно; мы въ правѣ предположить, что онъ не безъ важныхъ причинъ отдалъ предпочтеніе *публичному* запросу, и потому можемъ съ вѣроятностью принять, что этотъ первый шагъ предназначенъ былъ къ тому, чтобы *испытать*

общественное мнѣніе и приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ. И эта мѣра не осталась безъ своего дѣйствія. Впечатлѣніе (Sensation), произведенное этимъ указомъ въ Сенатѣ, было всеобщее и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы. Вмѣсто того, чтобы ограничиться *историческими объясненіями* о томъ, чѣмъ *былъ* до сихъ поръ Сенатъ по существующимъ постановленіямъ и законамъ, это почтенное сословіе, напротивъ, собрало *политическія мнѣнія* (staatsrechtliche Meinungen) своихъ членовъ о томъ, чѣмъ Сенатъ *могъ бы быть* собственно въ новомъ порядкѣ вещей, и въ числѣ этихъ мнѣній находилось много такихъ, которыя были весьма свободно высказаны и довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи. Для простого философа-наблюдателя эти событія представляли самое интересное зрѣлище: но другъ человѣчества, который захотѣлъ бы разсчитывать результаты этого нравственнаго броженія по тѣмъ посылкамъ, какія давали ему исторія и опытъ, никакъ не могъ ожидать отъ него многаго. Въ самомъ дѣлѣ, какой государь, въ положеніи Александра, не отступилъ бы передъ симптомами этого рода, или по крайней мѣрѣ не остановился бы на полъ-дорогѣ? Нужно было болѣе чѣмъ обыкновенное самоотверженіе, нужно было живѣйшее и самое глубокое убѣжденіе въ безусловной необходимости начатыхъ мѣръ, чтобы не стать на ложный путь въ виду этихъ явленій, и кто осмѣлился бы предполагать это самоотверженіе, это убѣжденіе въ двадцати-четырехъ-лѣтнемъ государѣ—и въ Россіи? Но этотъ государь былъ Александръ! Надежды человѣчества не были обмануты».

Шторхъ объясняетъ, что реформа была необходима, что Сенатъ, составлявшій нѣкогда высшую судебную инстанцію, бывшій хранителемъ законовъ и центромъ управленія, упалъ до того, что ему осталось только исполненіе однѣхъ формальностей управленія. Александръ хотѣлъ возстановить его прежнее значеніе и сдѣлать его посредствующимъ звеномъ между народомъ и правителемъ. Шторхъ изображаетъ затѣмъ страшный упадокъ правосудія, крайнюю превратность понятій о законѣ, которымъ считался только произволъ государя, и превратныя дѣйствія самой верховной власти, которая по волѣ и по неволѣ рѣшала всѣ дѣла указами мимо существующихъ законовъ. «Если нужно было достигнуть порядка въ дѣлахъ, правильности въ дѣйствіяхъ судовъ,

если нужно было достигнуть законности въ понятіяхъ и представленіяхъ народа, то первымъ условіемъ для этого было именно *смягченіе самодержавія* и *приближеніе его къ законно-монархической формѣ правленія*». «Это преобразованіе послѣдовало... въ двухъ, чрезвычайно замѣчательныхъ указахъ отъ 8 сентября 1802 г.»,—т.-е. въ указахъ о преобразованіи сената и учрежденіи министерствъ [1]).

Таково было представленіе разумныхъ и благожелательныхъ людей тогдашняго общества объ этихъ начинаніяхъ императора, и мы увидимъ, что здѣсь довольно вѣрно изображены были и тогдашнія мысли самого Александра.

Далѣе, въ указѣ сенату и въ рескриптѣ гр. Завадовскому объ устройствѣ *Комиссіи составленія законовъ* [2]), мотивы высказаны слѣдующимъ образомъ:

...«Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но *одинъ законъ* можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія Моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ Я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи.

«Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней Нашихъ, то-есть въ теченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто *противуположными* путями, и бывъ издаваемы *болѣе по случаямъ*, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, *не могли имѣть ни связи* между собою, *ни единства* въ ихъ намѣреніяхъ, *ни постоянности* въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее *смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*», и т. д.

Въ указѣ о возстановленіи жалованной грамоты дворянству Александръ остался на старой почвѣ и говорилъ о заслугахъ этого сословія въ томъ самомъ тонѣ, въ какомъ поучалъ его относительно этого предмета упомянутый нами прежде наставникъ; но въ кругу ближайшихъ довѣренныхъ лицъ онъ говорилъ, что издавалъ подобные указы по необ-

---

[1]) Storch, Russland, I, стр. 20—23.

[2]) Отъ 5-го іюня 1801; Полное Собраніе Законовъ, XXVI, № 20.041.

ходимости и противъ своего личнаго убѣжденія: онъ и впослѣдствіи не любилъ лѣнивой аристократіи, которая довольствовалась одной придворной службой,—какъ онъ доказалъ это знаменитымъ указомъ о камеръ-юнкерахъ и камергерахъ. Другой указъ того же времени объ экзаменахъ на чины (1809) имѣлъ, между прочимъ, невысказанную цѣль сократить умноженіе дворянскаго сословія посредствомъ выслуги чиновъ[1].

Въ мотивахъ манифеста отъ того же 2-го апрѣля 1801 г. объ отпускѣ за границу русскихъ произведеній и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, высказана забота о сельскомъ населеніи: «Объемля попеченіемъ Нашимъ всѣ состоянія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и зная, сколько въ общемъ составѣ силы государственной уважительно и всякаго ободренія достойно званіе земледѣльцевъ и поселянъ, Мы признали за благо обратить на нихъ Монаршее Наше вниманіе и Императорскимъ Нашимъ словомъ удостовѣрить, что отъ нынѣ впредь безъ важныхъ и особенныхъ государственныхъ причинъ къ существующей теперь узаконенной подъ разными именами подати, никакого прибавленія и новаго налога Мы не допустимъ: напротивъ, пещись будемъ, дабы лежащія нынѣ повинности могли быть съ бо́льшею удобностію поселянами отправляемы» и проч.

Указъ сенату объ *уничтоженіи пытки*[2]) вызванъ былъ однимъ частнымъ случаемъ, который дошелъ до Александра. Указъ и начинается съ изложенія этого случая и тяжелаго прискорбнаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на императора:

«Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія Моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался; преданъ суду.—Въ теченіе суда вездѣ, гдѣ было можно, но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе, и онъ онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу—осудили на казнь.—Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога во

[1]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, 184.
[2]) Отъ 27-го сентября 1801; Полное Собр. законовъ, XXVI, № 20.022.

свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили Меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго»...

Посланный флигель-адъютантъ подтвердилъ, что это не былъ единственный случай употребленія пытки. Виновныхъ велѣно было предать суду, и сенатъ долженъ былъ строжайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ управленіямъ и судамъ въ имперіи, чтобы не допускалось ни подъ какимъ видомъ никакихъ истязаній подъ страхомъ строгаго наказанія, и чтобы присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, *въ основаніе* своихъ сужденій и приговоровъ полагали *личное обвиняемыхъ* предъ судомъ сознаніе, что *въ теченіе слѣдствія* не были они подвержены какимъ-либо *пристрастнымъ допросамъ,* и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной.

Прибавимъ еще нѣсколько подробностей.

Извѣстный И. М. Муравьевъ-Апостолъ въ апрѣлѣ 1801 г. писалъ въ Лондонъ къ графу С. Р. Воронцову:

«...Я бы хотѣлъ передать Вамъ точное понятіе о благополучіи, которымъ всѣ теперь пользуются въ Россіи, но эта задача слишкомъ превышаетъ мои силы...

«По воцареніи, однимъ изъ первыхъ дѣйствій нашего ангела, нашего обожаемаго государя, было освобожденіе невинныхъ жертвъ, которыя цѣлыми тысячами стонали въ заточеніи, сами не зная, за что они были лишены свободы. Замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ государственныхъ узниковъ былъ Иловайскій, казацкій атаманъ, тотъ самый, котораго отличала Екатерина II-я. Я былъ свидѣтелемъ, какъ этотъ почтенный старецъ въ первый разъ выглянулъ на свѣтъ божій послѣ трехлѣтняго заключенія. Имя Божіе мѣшалось въ его устахъ съ именемъ Александра; онъ просилъ, чтобы ему дали взглянуть на сына. Сынъ былъ уже въ его объятіяхъ, но онъ не могъ его распознать: до такой степени горе обезобразило этого замѣчательнаго молодого человѣка, который также въ теченіе трехъ лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, не подозрѣвая, что только одна стѣна отдѣляла его отъ того каземата, гдѣ томился несчастный его отецъ. Вообразите себѣ,

что подобныхъ сценъ, какая произошла съ Иловайскимъ, насчитывалось до 15 тысячъ по всему пространству Россіи, и ваше сіятельство составите себѣ понятіе, что такое воцареніе Александра.

«Нѣжный и почтительный къ матери, обходительный со всѣми нашъ любезный государь суровъ только къ самому себѣ. Въ строгости при исполненіи своихъ обязанностей онъ точно ученикъ Епиктета...

«Г-нъ Трощинскій представилъ къ подписанію милостивый манифестъ, начинавшійся извѣстными словами: «По сродному намъ къ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію» и пр. Императоръ зачеркнулъ эти слова, сказавъ: «Пусть народъ это думаетъ и говоритъ, а не намъ этимъ хвастаться».

«Другой разъ тотъ же Трощинскій принесъ указъ Сенату съ обыкновеннымъ началомъ. «Указъ нашему Сенату».— «Какъ,—сказалъ съ удивленіемъ государь,—нашему сенату! Сенатъ есть священное хранилище законовъ; онъ учрежденъ, чтобы насъ просвѣщать. Сенатъ не нашъ, онъ — Сенатъ Имперіи». И съ этого времени стали писать въ заголовкѣ: «указъ правительствующему сенату».

«Г-нъ Ламбъ, завѣдующій военною частію, возражая однажды противъ какого-то распоряженія, сказалъ: «Извините меня, государь, если я скажу, что это дѣло не такъ»... «Ахъ, мой другъ,—сказалъ императоръ, обнявъ его:—пожалуй, говори мнѣ чаще *не такъ*. А то вѣдь насъ балуютъ».

«Я бы не кончилъ, если бы сталъ записывать вамъ подобнаго рода анекдоты нынѣшняго восхитительнаго царствованія; ихъ слышишь каждый день новые. Счастливые россіяне, съ радостью и признательностью въ сердцѣ и со слезами на глазахъ, восторженно повторяютъ всякое слово, исходящее изъ устъ своего обожаемаго государя»...[1]).

Въ это же время, въ мартѣ 1801, гр. Н. П. Панинъ пишетъ: «Если говорить тебѣ о добродѣтеляхъ нашего новаго повелителя и о чувствахъ, которыя онъ внушаетъ всѣмъ, кто къ нему приближается, то я бы никогда не кончилъ. Это— сердце и душа Екатерины II-й, и во всѣ часы дня онъ исполняетъ обѣщаніе, данное въ манифестѣ»[2]).

---

[1]) Р. Архивъ, 1876, I, стр. 129—128.

[2]) Р. Архивъ. 1874, стр. 709. Ср. объ этомъ времени также статью: „Оды на восшествіе на престолъ имп. Александра I", въ „Русской Старинѣ", 1877, т. XX, стр. 569—578.

Первая правительственная дѣятельность Александра возбуждала сочувствіе не только между образованными людьми, но узнали о ней и въ народной массѣ. Восторженная встрѣча Александра въ Москвѣ во время коронаціи не была однимъ обыкновеннымъ преклоненіемъ толпы передъ блескомъ и властью; это была дѣйствительная привязанность и искренняя надежда[1].

Во главѣ управленія сталъ вскорѣ кружокъ приближенныхъ императора. Понятно, что ихъ дѣятельность шла въ томъ же направленіи, въ какомъ шли тогда идеи самого Александра. Планъ исправленія общественнаго устройства, задуманный въ широкихъ размѣрахъ, скоро поставилъ ихъ въ то опасное положеніе, въ какое становятся нововводители въ обществѣ, мало развитомъ и издавна наклонномъ къ застою: у нихъ не было достаточной поддержки изъ среды общества, и напротивъ они вызвали противъ себя вражду консервативнаго большинства, а наконецъ оказалось, что они не имѣли за себя и твердой воли императора. Этихъ людей столько потомъ винили и современные ихъ противники и потомки, что должно нѣсколько остановиться на характерѣ этого кружка. Мы думаемъ, что обвиненія, противъ нихъ собранныя, въ очень большой степени несправедливы къ этимъ людямъ, которые, напротивъ, въ своемъ тогдашнемъ характерѣ самымъ привлекательнымъ образомъ выдаются изъ массы людей Александровскаго времени.

Этотъ кружокъ былъ вообще естественнымъ порожденіемъ умственной и нравственной жизни нашего общества Екатерининскихъ временъ, съ ихъ лучшей стороны. Это обстоятельство однако постоянно забывалось ихъ противниками, которые, не находя словъ для прославленія мудрости Екатерины, съ озлобленіемъ опрокидывались на людей, только продолжавшихъ то, что было теоретически хорошаго въ ея идеяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ противникамъ нужно было бы признать всѣ либеральныя заявленія Екатерины громаднымъ лицемѣріемъ, длившимся десятки лѣтъ, если бы они захотѣли отвергать это; потому что направленіе этого кружка выростало именно изъ идей, которыя она поощряла и заявляла.

---

[1]) См. Зап. Вигеля, I, 199—203; Зап. Комаровскаго, Р. Арх., 1867, стр. 563—565. Митр. Евгеній говоритъ въ письмѣ, отъ января 1802, о крещенской церемоніи, на которой была царская фамилія: „Народу было безчисленно... У всѣхъ на лицахъ написано было благонадежное, безбоязненное взираніе на высочайшую фамилію“ (Р. Арх. 1870, стр. 806).

Всѣ умственные интересы образованнѣйшаго общества тѣхъ временъ (тогда это было, въ особенности, высшее знатное общество) направлялись къ французской литературѣ и философіи и ихъ свѣтиламъ: это общество принимало французскія книги, многіе завершили свое воспитаніе въ Парижѣ подъ руководствомъ болѣе или менѣе выдающихся людей. Понятно, что если императрица вела дружбу съ Вольтеромъ, Дидро, д'Аламберомъ, питалась сочиненіями Монтескьё, то этимъ однимъ уже открывался путь всѣмъ вліяніямъ идей, которыхъ они служили представителями. Эти идеи, конечно, различно дѣйствовали на различные характеры и особенно на различныя поколѣнія. Старшія поколѣнія были не особенно расположены къ идеальнымъ увлеченіямъ, и напротивъ, больше отличались эгоистическимъ хладнокровіемъ, которое тонкости французскихъ нравовъ и гуманность французской философіи спокойно мирило съ остатками грубаго варварства въ русскихъ нравахъ. Но естественно, что въ новыхъ поколѣніяхъ дѣйствіе этихъ идей принимало иной характеръ; извѣстный тонъ цивилизаціи уже вошелъ въ жизнь, когда начиналось ихъ нравственное воспитаніе, и они сдѣлали новый шагъ въ этомъ направленіи. Они принимали эти идеи искреннѣе, и въ виду противорѣчія ихъ съ жизнью, не остались равнодушны, а напротивъ, искали разумнаго исхода, старались дать новымъ понятіямъ мѣсто въ жизни. Но сущность этихъ понятій усвоивалась людьми новаго поколѣнія не только съ вѣдома, но часто подъ прямымъ вліяніемъ стараго, которому принадлежалъ выборъ системы воспитанія.

Путь пріобрѣтенія новыхъ понятій оставался одинъ; это были непосредственныя вліянія европейскаго движенія, и дѣйствовали они одинаково въ людяхъ весьма различныхъ положеній, какъ скоро эти вліянія имѣли возможность проникать довольно глубоко въ умы. Примѣромъ можетъ служить Радищевъ: его мнѣнія не представляли ничего особеннаго въ сравненіи съ тѣмъ, что нѣсколько раньше думала или по крайней мѣрѣ высказывала сама импер. Екатерина, и что нѣсколько позднѣе думали люди, составлявшіе ближайшій кружокъ Александра, и самъ Александръ. Ненависть къ произволу деспотизма, требованіе законности, стремленіе къ смягченію общества, въ частности осужденіе крѣпостного права, негодности судовъ и т. п., все это были черты имъ общія. Происходили онѣ изъ одного источника: русская мысль приходила къ нимъ подъ вліяніемъ воспитанія, европейской литературы и европейской жизни.

Печальная необходимость — отсутствіе порядочныхъ средствъ воспитанія — дѣлала то, что очень большая доля воспитанія въ среднемъ и высшемъ дворянскомъ кругу принадлежала иностранцамъ, преимущественно французамъ, отчасти нѣмцамъ. Въ числѣ ихъ были люди разнаго сорта, но между прочимъ было много людей дѣйствительно образованныхъ и съ полнымъ сочувствіемъ къ просвѣщенію и человѣчности[1]). Наши писатели XVIII-го вѣка и позднѣйшіе ихъ критики много занимались обличеніемъ этого иноземнаго воспитанія,—но чтобы судить его по справедливости, не надо забывать, что другихъ средствъ воспитанія сама тогдашняя русская жизнь не давала: большинство училось на мѣдные гроши, и государственные люди, какъ Трощинскій, и также общественные и литературные дѣятели, какъ Новиковъ; московскій университетъ былъ единственный, и въ немъ много лекцій читалось по-латыни и по-нѣмецки, за неимѣніемъ русскихъ профессоровъ. Русская школа долго не могла стать какъ слѣдуетъ на ноги и удовлетворить даже тѣмъ потребностямъ въ образованіи, какія были на лицо: не забудемъ, что еще въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ XIX-го столѣтія русскіе университеты должны были допускать иностранныхъ профессоровъ, читавшихъ свои лекціи по-латыни, по-нѣмецки и по-французски. Съ другой стороны, французское воспитаніе не мѣшало воспитанникамъ оставаться русскими во всѣхъ своихъ правахъ и помышленіяхъ, или выработываться въ хорошихъ людей и горячихъ патріотовъ. То дурное, что такъ легко и дешево было сваливать на французское воспитаніе, гораздо больше происходило не отъ одного французскаго гувернера, а отъ цѣлаго склада жизни, еще преисполненной крѣпостнымъ варварствомъ и стариннымъ невѣжествомъ. Карамзина въ свое время обвиняли во «французскомъ духѣ», но этотъ французскій духъ, доходившій до почитанія Робеспьера, не помѣшалъ Карамзину остаться полнымъ консерваторомъ; подъ вліяніемъ того же французскаго духа и на французскомъ языкѣ возникали лучшіе планы Александра, и обдумывались благотворныя мѣры, въ родѣ заботъ о народномъ образованіи или объ освобожденіи крестьянъ. Франція уже давно, и не у насъ только, считалась отечествомъ вкуса и образованности: она сохраняла свое очарованіе и теперь,

---

[1]) Ср. Mém. secr. II. 172—182; Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe, Paris 1796, т. 4, стр. 74 и слѣд.

когда къ намъ перебиралось много эмигрантовъ, людей именно стараго режима. «Русскіе (т.-е. изъ высшихъ слоевъ общества), почти всѣ воспитанные французами,—говоритъ современникъ въ 1800 г.,—съ дѣтства пріобрѣтаютъ очевидное предпочтеніе къ этой странѣ... Они узнаютъ Францію только en beau, какой она кажется издали... Они считаютъ ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусствъ, изящныхъ наслажденій и любезныхъ людей; они уже считаютъ ее убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ сумрачное отечество. Французскіе эмигранты, загнанные, наконецъ, къ новѣйшимъ киммерійцамъ, съ удивленіемъ нашли здѣсь людей, которые лучше ихъ самихъ знали дѣла ихъ собственной родины: есть русскіе молодые люди, которые размышляютъ надъ Руссо, которые изучаютъ рѣчи Мирабо»... Французское воспитаніе открывало естественный путь вліяніямъ литературы. Павелъ чувствовалъ, что здѣсь, черезъ книги, идетъ пропаганда идей, которыя онъ хотѣлъ преслѣдовать во всѣхъ видахъ: ему казалось, что онъ уже много успѣлъ, истребивши французскіе костюмы и шляпы, но подъ конецъ правленія нашелъ необходимымъ ближе позаботиться и объ этомъ предметѣ, и въ 1800 г. (18 апрѣля) совершенно запретилъ ввозъ въ Россію *всѣхъ* иностранныхъ книгъ. Но «якобинскія» книги уже настолько проникли въ публику, что запрещеніе, при Павлѣ достаточно страшное, не остановило ихъ распространенія. Александръ въ первые же дни царствованія (31 марта 1801) издалъ указъ, отмѣнявшій это запрещеніе; другой указъ (9 февр. 1802), отмѣнявшій павловскія цензуры въ городахъ и портахъ, говоритъ, что эти средства, по пятилѣтнему опыту, между прочимъ, оказались «недостаточны» для предположенной цѣли. «Конечно, недостаточны, — говоритъ по этому поводу Шторхъ,—потому что даже во время запрещенія всякаго ввоза книгъ въ Петербургѣ и Москвѣ обращались иностранныя книги, вышедшія во время этого запрещенія или незадолго до него. Такъ какъ идти на такой рискъ, какой связывался со ввозомъ книгъ, стоило только для *самыхъ пикантныхъ* вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опас-

нымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханной смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика» [1]). Наконецъ, путешествія, жизнь и ученье за границей доставляли практическія, живыя впечатлѣнія, которыя должны были имѣть значительную силу. Путешествіе за границу до сихъ поръ имѣетъ для русскаго общества особенное очарованіе: вспомнимъ, какъ все, что могло, бросилось за границу во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда сняты были паспортныя стѣсненія; и если европейская жизнь, самыми внѣшними формами своими, производитъ и теперь сильное впечатлѣніе даже на мало развитыхъ людей, то надо предположить, что въ тогдашнее время дѣйствіе ея было тѣмъ сильнѣе. Многіе ѣздили въ иностранные университеты, и когда Павелъ запретилъ эти поѣздки и велѣлъ вызвать тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые въ то время находились въ иностранныхъ университетахъ, оказалось, что въ Лейпцигѣ было русскихъ подданныхъ 36, въ Іенѣ 65 человѣкъ [2]). Для русскихъ молодыхъ аристократовъ, отправлявшихся тогда за границу, открывались, конечно, всѣ салоны и слѣдовательно вся возможность познакомиться съ движеніемъ умовъ и съ послѣдними новостями литературы. Изъ различныхъ данныхъ можно видѣть, что всѣ эти вліянія вмѣстѣ создавали въ молодыхъ поколѣніяхъ образованнаго класса то направленіе мыслей, которое у людей стараго покроя разумѣлось подъ именемъ волтеріанства и якобинства.

Такого именно характера былъ и кружокъ первыхъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ императора Александра. На всѣхъ время наложило отпечатокъ идеалистическаго либерализма. Такъ составились взгляды самого Александра, для котораго проводникомъ европейскихъ идей былъ Лагарпъ; такъ было и съ его друзьями. Всѣ они получили аристократическое воспитаніе того времени, законченное путешествіями и жизнью за границей. Новосильцовъ, самый старшій изъ нихъ по лѣтамъ и, какъ говорятъ, самый талантливый, увлекался англійской жизнью и учрежденіями, которыя узналъ во время четырехъ-лѣтняго пребыванія въ Англіи при Павлѣ. Кочубей оканчивалъ свое воспитаніе сначала въ Женевѣ, которая издавна была пріютомъ для либеральныхъ элементовъ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ занимался

[1]) Storch, Russland unter Alex. dem Ersten, I, 130.

[2]) Mémoires secrets. II, 199.

политическими науками и вынесъ то же стремленіе къ преобразованіямъ въ европейскомъ смыслѣ. Графъ Павелъ Строгановъ также получилъ французское воспитаніе; современники разсказываютъ, что его наставникомъ былъ Роммъ, который пріобрѣлъ потомъ извѣстность какъ одинъ изъ монтаньяровъ временъ Конвента [1]). Въ Женевѣ Строгановъ былъ уже знакомъ съ Дюмономъ, сотрудникомъ Мирабо и другомъ Бентама. Чарторыйскій получилъ также блестящее воспитаніе, и мы видѣли, какъ онъ самъ характеризовалъ свой политическій образъ мыслей. Всѣ они представляютъ много сходнаго и въ воспитаніи, и въ общественныхъ понятіяхъ, къ которымъ приводили это воспитаніе и впечатлѣнія жизни. Но любимцы Александра не были какими-нибудь случайными людьми, которымъ только личная дружба императора дала незаслуженную власть; они вовсе не были чуждыми своему обществу и непрошенными реформаторами—какъ ихъ и тогда, и потомъ часто изображали; напротивъ, вмѣстѣ съ самимъ Александромъ, они были изъ лучшихъ представителей образованнаго молодого поколѣнія,—ихъ недостатки были только отчасти ихъ личные недостатки, но всего больше недостатки общества и времени. Мы постараемся это показать.

Ихъ преобразовательныя стремленія съ самаго начала возбудили злобу въ старомъ поколѣніи сановниковъ Екатерининскаго времени. Нападенія направились особенно, ка-

---

[1]) См. о Роммѣ у Шлоссера, Исторія XVIII-го стол., рус. перев. новое изд. V. стр. 457—462; подробнѣе у Луи-Блана, Histoire de la Révolution, т. XI—XII; Claretie, Les Montagnards. Любопытныя подробности о Роммѣ и одномъ изъ его учениковъ, заѣхавшемъ въ Россію при Павлѣ, разсказаны въ посмертномъ сборникѣ сочиненій Герцена (1871) Это было далеко не единственный случай, гдѣ въ русское воспитаніе проникали непосредственно вліянія французскаго революціоннаго броженія. Воспитателемъ дѣтей самого М. Н. Муравьева былъ какой-то якобинецъ, проклинаемый Вигелемъ (Зап. III, ч. V, стр. 51). Въ домѣ Салтыковыхъ былъ гувернеромъ родной братъ Марата: „этотъ Маратъ хотя и осуждалъ свирѣпости своего брата, вовсе не скрывалъ отъ друзей своихъ республиканскихъ мнѣній и спокойно проживалъ, иногда приводя даже своего воспитанника ко двору“. Только послѣ казни короля онъ просилъ позволенія перемѣнить свое имя и сталъ называться Будри (Mém. secr. II, 199). Впослѣдствіи этотъ Будри былъ преподавателемъ французской словесности въ царскосельскомъ лицеѣ и былъ учителемъ Пушкина. См. „Воспоминанія лицеиста“, Р. Архивъ, 1866, стр. 131; „Старина царскосельскаго лицея“, Я. Грота, Р. Арх. 1876, I, стр. 481; „Альбомъ Пушкина“, М. 1882, стр. 29.

жется, на Новосильцова, какъ болѣе предпріимчиваго и вліятельнаго. Надъ нимъ смѣялись, называя его le grand homme, le grand ministre, le génie à toute sauce, издѣвались надъ его презрѣніемъ къ орденамъ, удивлялись, какъ его не поставятъ во главѣ арміи и т. п. [1]). Дмитріевъ, въ своихъ запискахъ, осторожно противополагаетъ «молодымъ людямъ, получившимъ *слегка* понятія о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ»— «служивцевъ вѣка Екатерины, опытныхъ, осторожныхъ, привыкшихъ къ старому ходу, нарушеніе коего имъ казалось возстаніемъ противъ святыни» [2]); но его собственныя симпатіи, очевидно, были на этой послѣдней сторонѣ. Настоящіе служаки Екатерининскихъ временъ не щадили выраженій, говоря о нововводителяхъ. Державинъ злобно говоритъ объ нихъ: «тогда всѣ окружающіе государя были *набиты* французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ» [3]). Въ любопытномъ письмѣ С. Р. Воронцова къ Ростопчину, писанномъ впрочемъ уже позднѣе (повидимому, въ 1814 году, послѣ Шатильонскаго конгресса), находимъ слѣдующую рѣзкую характеристику совѣтниковъ Александра, — въ которую входятъ, правда, лица и событія не одной первой эпохи, занимающей насъ теперь, но которая касается и этого времени.

«Надо надѣяться,—говоритъ Воронцовъ объ Александрѣ,— что онъ увидитъ, что пора организовать порядокъ и управленіе (l'ordre et l'administration de la justice) въ своей странѣ, которые погибнутъ, если онъ не приведетъ дѣла въ тотъ же видъ, въ какомъ онѣ были въ этомъ отношеніи со временъ учрежденія сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной императрицы. Она начала дѣлать нововведенія, сынъ ея все низвергнулъ, не ставя ничего на мѣсто того, что было имъ разрушено, а ея внукъ *имѣлъ несчастіе* быть окруженнымъ людьми (faiseurs), которые, будучи исполнены самолюбіемъ и тщеславіемъ, считали себя выше великаго основателя русской имперіи (?). Эти господа начали работать надъ *бѣдной Россіей* учрежденіями, появлявшимися каждый день; эти господа были настоящими маши-

---

[1]) Богдановичъ I, 74.

[2]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 180.

[3]) Записки Державина (въ Сочиненіяхъ, изд. Грота, т. VI,) стр. 787. Въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же записокъ Державинъ называетъ приближенныхъ Александра (Чарторыйскаго, Новосильцова, Кочубея и Строганова) „коварными и корыстными" или прямо „якобинскою шайкою" (стр. 807, 812).

нами для изготовленія учрежденій (machines à reglement); они только и дѣлали, съ такой же быстротой, каково было ихъ невѣжество и легкомысліе. Эти указы основывались на гипотетическихъ идеяхъ ихъ воображенія и не переваренномъ чтеніи; это были опыты, которые они хотѣли производить надъ *бѣдной Россіей*, и они не знали, что *опыты хороши только въ физикѣ и химіи*, и что они гибельны (fatales) въ юриспруденціи, въ администраціи и въ политической экономіи. Но бѣшенство (rage) этихъ нововводителей было таково, что, видя себя стѣсненными первоначальной властью, возвращенной императоромъ сенату въ сентябрѣ 1802 г., они нашли средство отдѣлаться отъ нея и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уничтожить ее. Россія устояла противъ всей континентальной Европы, которую влекъ за собой Бонапарте, но она не устоитъ противъ внутренняго безпорядка, и только одинъ сенатъ и учрежденія коллегій, основанные Петромъ Великимъ, могутъ помочь злу, какое дѣлаютъ и будутъ всегда дѣлать министры, которые работаютъ съ государемъ наединѣ и могутъ вводить его въ заблужденіе вольно или невольно, по незнанію или обманываемые другими», и пр. [1]).

Карамзинъ въ запискѣ о древней и новой Россіи, гдѣ большая часть полемики направлена противъ Сперанскаго, столько же неблагопріятно смотритъ и на то, что было сдѣлано въ первые годы царствованія еще безъ участія Сперанскаго, напр., на преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ, и на внѣшнюю политику этого времени (въ которой, впрочемъ, всего больше дѣйствовали взгляды самого императора Александра).

У новѣйшихъ историковъ высказано также не мало неблагопріятныхъ отзывовъ. Одни по крайней мѣрѣ отдаютъ справедливость личнымъ качествамъ и намѣреніямъ совѣтниковъ Александра, хотя и указываютъ недостатокъ опытности [2]); зато другіе относятся къ нимъ крайне недоброжелательно. Такъ, напр., въ особенности Богдановичъ. Его отзывы, даже при благопріятныхъ фактахъ набрасывающіе тѣнь на этихъ людей, представляютъ цѣнный взглядъ на эту эпоху царствованія Александра.

«Новосильцовъ, извѣстный своими свѣдѣніями и рвеніемъ къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ *самъ*

---

[1]) Сборн. Ист. Общ. III, 8, прим.
[2]) Бар. Корфъ, Жизнь Сперанскаго, I, 91—94.

понималъ его, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ»... (Но каждый серьезный человѣкъ стремится къ общему благу такъ, какъ *самъ* понимаетъ его). «Россія была ему неизвѣстна, *тѣмъ болѣе*, что въ молодости онъ не управлялъ никакою частію». (Доказательствъ незнанія не приводится). «Тѣ, которые знавали его въ позднѣйшее время, думали, что онъ измѣнилъ прежнимъ своимъ либеральнымъ склонностямъ; въ дѣйствительности же онъ всегда былъ абсолютистомъ и постоянно стремился къ централизаціи управленія и къ слитію въ одну общую форму всѣхъ національностей Россіи» и пр. (Но возможно было и въ централизаторскихъ стремленіяхъ руководиться либеральными понятіями; Новосильцовъ могъ быть централизаторомъ и въ началѣ своей дѣятельности и въ концѣ ея, но эти начало и конецъ тѣмъ не менѣе были слишкомъ непохожи).

«Графъ Павелъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасною, благородною душою..., получивъ исключительно французское воспитаніе, принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и гласно изъявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей». (Припомнимъ, что Карамзинъ былъ почитателемъ Робеспьера; что въ 1802 г. въ петербургскомъ обществѣ и даже при дворѣ очень любезно принимали друга и сотрудника Мирабо, швейцарца Дюмона). «Само собою разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ поддѣлаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества». (Отчего *разумѣется*, не видно, и напротивъ непонятно, какимъ образомъ человѣкъ «съ прекрасною, благородною душою» упадалъ до того, чтобы *поддѣлываться* подъ тонъ общества, и если *господствующій тонъ* общества былъ таковъ, то ему нечего было и поддѣлываться, когда онъ по своему «исключительно французскому воспитанію» былъ уже готовымъ почитателемъ Мирабо).

О Кочубеѣ говорится только: «Современники находили, что онъ зналъ Англію лучше Россіи, и что, передѣлывая многое на англійскій ладъ, онъ, какъ львенокъ Крылова, училъ звѣрей вить гнѣзда».

Не будемъ входить въ характеристику Чарторыйскаго, потому что это отвлекло бы насъ въ долгое объясненіе отношеній тогдашней Польши.

Общій отзывъ Богдановича говоритъ слѣдующее: «Таковы были первые приближенные Александра, первоначальные сотрудники его въ управленіи судьбами обширной имперіи. Ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполнѣ на *высотѣ* своего *призванія,* какъ по недостаточному знанію Россіи, такъ и по малой опытности въ дѣлахъ, совершенно для нихъ новыхъ. Довѣріе къ нимъ монарха было основано не столько на ихъ способностяхъ, сколько на привычкѣ къ нимъ и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодые любимцы, люди благонамѣренные, каждый по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ Государя, столь же благонамѣреннаго, столь же мало опытнаго, столь же не знавшаго страны своей. Вмѣсто того, чтобы явиться на поприще государственнаго управленія во *всеоружіи* положительныхъ свѣдѣній, они, управляли дѣлами, учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи». Еще недружелюбнѣе другой отзывъ, изъ котораго видно однако, что и дѣльцы стараго поколѣнія не подавали хорошаго примѣра: «...Такимъ образомъ сотрудниками Александра, въ первые годы его царствованія, являются и дѣльцы вѣка Екатерины, люди, искусившіеся опытами жизни, и юные дѣятели [1]), вступившіе на невѣдомое имъ поприще съ душою, незатвердѣвшею отъ житейскихъ неудачъ и треволненій. Казалось бы, что соединеніе противоположныхъ началъ—съ одной стороны, осторожности и привычки къ прежнему ходу дѣлъ, а съ другой—новѣйшей образованности и благонамѣреннаго, хотя и *безсознательнаго (?)* стремленія къ улучшеніямъ, казалось бы, что такое соединеніе началъ, умѣряемыхъ и дополняемыхъ одно другимъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, вышло иначе. По собственному сознанію одного изъ людей прежняго времени, люди *опытные,* вмѣсто того, чтобы содѣйствовать юному императору въ управленіи государствомъ... предались радости при восшествіи на престолъ государя милостиваго, невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ, читали восторженные стихи и громко прославляли, *не стѣсняясь присутствіемъ служителей своихъ,* прекращеніе прежней строгости и возстановленіе спокой-

---

[1]) Не лишнее замѣтить, что изъ этихъ „юныхъ дѣятелей", „юныхъ сподвижниковъ" (Богдановичъ I, 77, 87.) Новосильцову около 1801 г. было уже 40 лѣтъ, Кочубею 34 года—„юность" очень относительная.

ствія. А между тѣмъ молодые люди, окружавшіе императора Александра, пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ (?), окружали престолъ, и съ самонадѣянностью, свойственною *невѣдѣнію* и неопытности, порицая *всѣ (?)* уставы и законы, существовавшіе въ Россіи, считали ихъ отсталыми, отжившими вѣкъ свой. Полагая, что достаточно было природныхъ способностей, сознаваемыхъ ими въ самихъ себѣ, чтобы сдѣлаться законодателями, полководцами (?), просвѣтителями милліоновъ людей, они вызывались (?) начертать законы, болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что однакоже не мѣшало имъ съ непостижимою неосновательностью подрывать уваженіе ко *всѣмъ* (?) уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ предложенныхъ ими преобразованій въ дѣйствительности были *хороши*, но, будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системою управленія, не всегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію» [1]).

Трудно сдѣлать оцѣнку, болѣе неблагопріятную для совѣтниковъ Александра,—она завершаетъ все, что было говорено въ ихъ обвиненіе современниками. На чемъ же основаны такія суровыя осужденія?

Въ послѣднихъ приведенныхъ словахъ авторъ ссылается на записки Дмитріева и Шишкова. Записки Дмитріева, кромѣ отзывая,выше нами приведеннаго, заключаютъ еще нѣсколько словъ, весьма неопредѣленныхъ [2]). Отзывы именно Шишкова всего менѣе могутъ быть принимаемы въ качествѣ историческаго приговора. У него были прекраснѣйшія намѣренія и искренній патріотизмъ: но это былъ простодушный старовѣръ, доходившій до такого ребячества, что его *мнѣній*

---

[1]) Богд. Ист. Алекс. I, 82, 87—88.

[2]) Упомянувъ о двухъ партіяхъ, молодой и старой, окружавшихъ Александра, Дмитріевъ говоритъ только слѣдующее: „Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе“ (Взглядъ на мою жизнь, стр. 181). И только. Чьи благородныя души не освободились отъ эгоизма, молодыя или старыя, неизвѣстно.

нѣтъ возможности принимать серьезно, и въ особенности прямо дѣлать изъ нихъ историческое сужденіе. Мнѣнія его любопытны, какъ образчикъ понятій извѣстнаго круга тогдашнихъ людей, но довольно знать его литературную дѣятельность, чтобы не имѣть сомнѣній объ исторической цѣнѣ его отзывовъ.

Обвиненія, извлеченныя изъ такихъ источниковъ, не знаютъ никакой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ, что молодые совѣтники Александра окружали престолъ, «пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ»? Неужели они дѣйствительно порицали *всѣ* уставы (что̀ повторено дважды)? Кто изъ нихъ собирался въ *полководцы*? Когда они *вызывались* составлять совершенные законы? Какимъ образомъ, при такомъ невѣдѣніи, неопытности, самонадѣянности, непостижимой неосновательности, при такомъ превратномъ и уродливомъ разглагольствованіи о свободѣ и равенствѣ, какъ при всѣхъ этихъ грубыхъ недостаткахъ могло у нихъ выйти что-нибудь хорошее? И однакоже оказывается, что многое было хорошо, только поспѣшно выполнено. Однимъ словомъ, историкъ дѣлаетъ грубую ошибку, повторяя безъ всякой критики тѣ озлобленныя нападенія, какія дѣлались тогда противъ друзей Александра въ кругу стараго вельможества и чиновничества. Въ самомъ разсказѣ видимъ однако нѣкоторое объясненіе этихъ отношеній: въ самомъ дѣлѣ, можно ли было Александру ждать чего-нибудь отъ «опытныхъ» людей, которые при вступленіи на престолъ государя невзыскательнаго провожали время въ пиршествахъ и кромѣ этого ни о чемъ не помышляли? Понятно, что императоръ предпочелъ совѣтоваться съ людьми другого качества, какихъ онъ и находилъ въ своихъ друзьяхъ. «Опытные» люди, конечно, были крайне этимъ озлоблены, и имъ все не нравилось въ новомъ царствованіи. «Весьма замѣчательно, — говоритъ тутъ же Богдановичъ,—что нѣкоторые *похвальныя* качества государя, его простота вкусовъ, его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались превратнымъ толкамъ». Недовольны были, что дворъ будто бы «утратилъ величіе»— оттого что Александръ не дѣлалъ безумныхъ издержекъ на это «величіе», какъ дѣлалось прежде [1]; что императоръ

[1] „Величіе“ временъ Екатерины извѣстно; о временахъ Павла читаемъ въ запискахъ И. И. Дмитріева: „*Никогда* не было при дворѣ такого великолѣпія, такой пышности и строгости въ обрядѣ“ и т. д. („Взглядъ на мою жизнь“, стр. 149).

«не отличался отъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни»; что онъ былъ вѣжливъ, предпочиталъ законъ своему произволу, что въ одномъ манифестѣ онъ нѣсколько разъ употребилъ слово «отечество» и т. д. Неудивительно, что Александръ не былъ расположенъ выбирать своихъ совѣтниковъ изъ людей, гдѣ были *такіе* недовольные—и въ чемъ виноваты были здѣсь его молодые совѣтники? [1]).

Далѣе, что эти люди не стояли на высотѣ своего призванія, не будемъ спорить: но часто ли вообще являлись въ нашей новѣйшей исторіи люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія, если понимать «призваніе», т.-е. служеніе дѣйствительному благу отечества и націи—серьезнымъ образомъ? Можно сказать развѣ только о Петрѣ Великомъ, что онъ стоялъ на высотѣ своего призванія; но кто затѣмъ достигалъ этой высоты или устоялъ на ней? Сама Екатерина передъ строгимъ историческимъ судомъ далеко не всегда можетъ быть поставлена на эту высоту. Если же ограничить требованія и сравнивать совѣтниковъ Александра хоть со «старыми дѣльцами», то по содержанію понятій, которое представляли эти люди, придется не только не попрекать совѣтниковъ Александра, но поставить ихъ гораздо выше множества разныхъ министровъ и приближенныхъ, какіе бывали у насъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Прежде всего, эти приближенные Александра совсѣмъ не были похожи на прежнихъ временщиковъ и фаворитовъ XVIII столѣтія. Всѣми тогда и послѣ чувствовалось, что ихъ соединяло съ Александромъ согласіе въ основныхъ убѣжденіяхъ, и это одно выгодно отдѣляетъ ихъ отъ обыкновенныхъ любимцевъ. Они были дѣйствительно, а не лицемѣрно скромны; они не искали себѣ добычи и не грабили государства; причина ихъ близости къ государю, дружба, основанная на сходствѣ понятій, была непохожа на тѣ обстоятель-

---

[1]) Въ позднѣйшихъ разсказахъ своихъ противъ этихъ друзей Александра возстаетъ и кн. А. Н. Голицынъ, который и самъ былъ его любимцемъ (см. „Разсказы кн. А. Н. Голицына, записанные Ю. Н. Бартеневымъ", въ Русской Старинѣ 1884, т. XLI. стр. 123—134). Разсказчикъ очень откровененъ относительно своего тогдашняго характера: это былъ свѣтскій атеистъ, острякъ и бонвиванъ—въ качествѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода! Его собственная роль была гораздо удивительнѣе, и государственная премудрость и польза его дѣятельности не менѣе сомнительна и послѣ его обращенія,—или даже болѣе сомнительна.

ства, какія прежде возвышали людей, попадавшихъ въ «случай». «Недостаточное знаніе Россіи», «малая опытность въ дѣлахъ»—обвиненіе весьма серьезное: ему подлежалъ, какъ выше замѣчено въ не меньшей, если не большей степени самъ императоръ Александръ и въ началѣ своей дѣятельности, и послѣ. Но, принявъ въ соображеніе обстоятельства и время, должно снять съ этихъ людей значительную долю этого обвиненія. Можно уступить обвиненію «малую опытность въ дѣлахъ, потому что, дѣйствительно, это было дѣло рутины, которой они не успѣли пріобрѣсть, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, ихъ могъ превзойти неглупый выслужившійся приказный, который въ разныхъ ступеняхъ своей службы приглядѣлся къ канцелярскимъ порядкамъ. Что же касается до *знанія Россіи*, то это было уже нѣчто иное: очень вѣроятно, что сотрудники имп. Александра уступали многимъ изъ тогдашнихъ сановниковъ въ знаніи частностей существующаго законодательства и управленія, но это знаніе частностей, какимъ только и отличалось большинство «опытныхъ служивцевъ», еще не составляетъ всего, что необходимо знать людямъ, стоящимъ во главѣ управленія. Кромѣ этого знанія, нужно другое, которое идетъ дальше простой исполнительности, которое обнимаетъ основныя черты положенія вещей, видитъ его существенные недостатки и слабыя стороны и ищетъ разумныхъ средствъ ихъ устраненія. Эти два рода знанія пріобрѣтаются различно. Одно можно пріобрѣтать простымъ нагляднымъ знакомствомъ съ практикой жизни, для котораго не требуется даже особеннаго образованія и усилія мысли, и которое, дѣйствительно, очень часто имѣютъ простые, «бывалые» люди и практическіе дѣльцы. Другое дается просвѣщеніемъ, которое сообщаетъ людямъ лучшія представленія объ условіяхъ общественности, и одушевляетъ ихъ ревностью къ улучшенію нравовъ и учрежденій; или также это желаніе улучшеній въ честныхъ и серьезныхъ умахъ внушается глубокимъ сознаніемъ общественныхъ несправедливостей. Есть, однимъ словомъ, разница между канцелярскимъ знаніемъ рутины, годнымъ только для продолженія старыхъ порядковъ, и общественно-политическимъ пониманіемъ общаго состоянія и потребностей страны. Которое изъ двухъ можно справедливѣе назвать «сознательнымъ», и которое изъ нихъ необходимѣе для государственнаго дѣятеля? Всего лучше, конечно, когда и то и другое соединено, когда знаніе фактическихъ отношеній освѣщается указаніями

просвѣщенной любви къ отечеству и служитъ помощью для плановъ преобразованій, внушаемыхъ политическимъ пониманіемъ національной пользы и доброжелательнымъ отношеніемъ къ интересамъ человѣчества. Такіе случаи, къ сожалѣнію, рѣдки; изъ двухъ односторонностей у насъ всего чаще господствуетъ первая, но въ историческомъ развитіи общественнаго сознанія, конечно, сдѣлано было гораздо больше энтузіастами общаго блага, чѣмъ людьми канцелярій. Къ подобнаго рода энтузіастамъ, вовсе однако не лишеннымъ извѣстнаго знанія страны, принадлежали и первые сотрудники Александра. Имъ могло недоставать практическихъ свѣдѣній о различныхъ отрасляхъ управленія, но общій характеръ управленія не былъ для нихъ загадкой; коренные недостатки его были имъ больше понятны, чѣмъ самымъ опытнымъ служивцамъ стараго времени, которые всего чаще ихъ совсѣмъ не подозрѣвали; и улучшенія, ими предпринятыя, вовсе не были безуспѣшны. Далѣе, сказать, что довѣріе Александра къ нимъ основано было «*не столько* на ихъ способностяхъ, сколько на *привычкѣ* и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ», — также будетъ неточно. Со всѣми своими любимцами—Новосильцовымъ, Чарторыйскимъ, Кочубеемъ (кромѣ, кажется, одного Строганова)—Александръ разлучился довольно давно; съ Новосильцовымъ—въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ царствованія Павла,—такъ что привычка могла бы изгладиться. Напротивъ, прежнія дружескія отношенія вовсе не были единственнымъ основаніемъ довѣрія Александра, потому что и «способности» этихъ людей вовсе не были дюжинныя; само обвиненіе признаетъ ихъ за Новосильцовымъ, и за Кочубеемъ и за Чарторыйскимъ. Всѣ они были люди весьма образованные: Кочубей, еще въ 1792 году, всего двадцати четырехъ лѣтъ, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь, «умѣлъ поддержать достоинство представителя могущественной государыни». Во времена Павла, Кочубей, при всей силѣ своего дяди, Безбородко, едва-ли задаромъ сдѣлалъ свою блестящую карьеру (онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графское достоинство и званіе вице-канцлера, когда ему едва было тридцать лѣтъ). Извѣстно, наконецъ, что это былъ положительно человѣкъ талантливый и благородный. Довѣріе Александра основывалось собственно на томъ, что эти люди, кромѣ прежнихъ дружескихъ связей, были единственные люди въ обстановкѣ Александра, съ которыми онъ

былъ связанъ общимъ *направленіемъ понятій,* и которыхъ притомъ онъ не могъ бы заподозрить въ какомъ-нибудь своекорыстіи или интригѣ. Онъ былъ увѣренъ, что они совершенно понимаютъ и раздѣляютъ его благія желанія и стараются содѣйствовать ихъ выполненію. Винить ихъ, что они не явились на поприще государственнаго управленія «во всеоружіи положительныхъ свѣдѣній»—не позволяетъ простая справедливость: гдѣ было *въ то время* получать это всеоружіе? Многіе ли вообще могли имъ хвастаться? И что придется сказать о дѣятеляхъ Екатерининскихъ и разныхъ другихъ временъ, если приложить къ нимъ такую строгую мѣрку? Въ какомъ «всеоружіи» являлись на это поприще Орловы или Зубовы, или потомъ Аракчеевы и Голицыны? Кромѣ того, друзьямъ Александра не легко было и пріобрѣтать всеоружіе, когда, при воцареніи Павла, имъ пришлось удаляться отъ центра дѣлъ, или добровольно, по чувству самосохраненія, или невольно, потому что они были удалены. Выше упомянуто, наконецъ, о томъ, что сотрудники Александра не были совсѣмъ безоружны. «Управляя дѣлами, они учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи»—можно подумать, что эти люди въ самомъ дѣлѣ вздумали основывать въ Россіи Платонову республику или Утопію и въ жертву своей метафизической теоріи приносили судьбу милліоновъ. На дѣлѣ милліоны могли бы гораздо меньше жаловаться на управленіе этихъ людей, чѣмъ многихъ другихъ прежде и послѣ; именно въ эту первую эпоху царствованія Александра судьба милліоновъ принималась къ сердцу гораздо больше, чѣмъ въ какое-нибудь другое время этого царствованія, и не было виною этихъ однихъ людей, что планы ихъ могли осуществиться далеко не вполнѣ... Не совсѣмъ ясно, но въ сущности вѣрно они угадывали историческую необходимость, которая начинаетъ въ наши дни оправдываться и осуществляться.

Наконецъ, о людяхъ этого времени надо судить по сравненію. Мы видѣли, какимъ взрывомъ радости началось правленіе Александра: эта радость говорила достаточно, каковъ былъ прежній порядокъ и прежніе люди... Приближенные Александра въ эту пору дѣйствительно не были похожи на старыхъ фаворитовъ и «дѣльцовъ»—на Орловыхъ и Зубовыхъ, или Кутайсовыхъ, Вяземскихъ и Обольяниновыхъ. Въ первые дни Александръ обращался и къ старымъ дѣль-

цамъ, Беклешову и Трощинскому; но вотъ какъ говоритъ о нихъ человѣкъ ихъ же времени и врагъ молодыхъ друзей Александра: «Беклешовъ и Трощинскій,—разсказывается въ «Запискахъ» Державина,—бывшіе тогда приближенные къ государю чиновники и имѣющіе, такъ сказать, всю власть въ своихъ рукахъ, *оказывали себя по прихотямъ своимъ выше всѣхъ законовъ*, а какъ они между собою поссорились и, противоборствуя другъ другу, ослабили свою въ государѣ довѣренность, то и *сбили его съ твердаго пути*, такъ что онъ *не зналъ, кому изъ нихъ вѣрить*» [1]). Между тѣмъ, въ первое время именно они «ворочали государствомъ», по словамъ Державина. Кто же виноватъ, если Александръ перестaлъ полагаться на подобныхъ людей [2]). Если у молодыхъ совѣтниковъ Александра не было на первое время опредѣленной программы, то ея не было также и у «старыхъ служивцевъ». По отзывамъ новѣйшаго историка-юриста, «у людей, окружавшихъ Екатерину въ послѣдніе годы ея жизни и теперь снова призванныхъ дѣйствовать, былъ взглядъ болѣе установленный, но зато они не шли далѣе частныхъ мѣръ. Направленіе ихъ заключалось всего болѣе въ неодобреніи тѣхъ перемѣнъ, которыя съ такою быстротой происходили въ царствованіе Павла. У нихъ было однако вѣрное преимущество: они ближе знали администрацію и, при ограниченности требованій, планы ихъ созрѣвали быстрѣе»... Таковъ былъ планъ преобразованія государственнаго совѣта, составленный Трощинскимъ и утвержденный Александромъ черезъ двѣ недѣли по восшествіи на престолъ. «Трощинскій, который не зналъ ничего, кромѣ русской грамоты, придавалъ своей реформѣ большое значеніе; но, разсматривая ее, трудно понять, чѣмъ новый совѣтъ отличался отъ того, который игралъ такую жалкую роль при Екатеринѣ. Перемѣна ограничивалась измѣненіемъ личнаго состава и такимъ устройствомъ канцеляріи (управляемой Трощинскимъ), которое должно было выдвинуто самого Трощинскаго» [3]). Не болѣе благопріятный отзывъ даетъ тотъ же историкъ-юристъ о

---

[1]) Записки, въ изданіи Грота, стр. 758—759. Ср. разсказъ о тѣхъ же Беклешовѣ и Трощинскомъ въ запискахъ Комаровскаго, Русск. Архивъ, 1867, стр. 561—569.

[2]) Ср. сходные отзывы Дюмона о недовольствѣ противъ императора Александра въ началѣ его царствованія. Вѣстн. Евр. 1869, февр. 806—807.

[3]) Ѳ. Дмитріевъ, въ „Русск. Архивѣ“, 1868, стр. 1582—83.

Державинѣ, который такъ кичился своей административной опытностью и такъ безапеляціонно осудилъ молодыхъ совѣтниковъ Александра. «Державинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей стараго покроя, которые поклонялись Екатеринѣ, совершенно не понимая ни ея генія, ни значенія ея эпохи. Вотъ почему, съ горячностью напоминая государю обѣщаніе его «царствовать по законамъ и сердцу Екатерины» и вызвавшись подать особое мнѣніе о преобразованіи сената, онъ сочинилъ такую «организацію», которую едва ли бы приняла сама Екатерина. Эта «организація» чрезвычайно любопытна, какъ доказательство совершеннаго отсутствія политическаго смысла и полнаго пренебреженія къ недавнимъ опытамъ [1])... Болѣе понимающіе люди искренно сознавались въ томъ, что предчувствовали молодые совѣтники императора. «Можно сказать, къ сожалѣнію, — писалъ Александру графъ А. Р. Воронцовъ,—что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было» [2]).

Къ счастію, мы имѣемъ драгоцѣнные историческіе документы, по которымъ можно познакомиться съ характеромъ мнѣній молодыхъ совѣтниковъ императора Александра въ эту пору, съ ихъ планами и ихъ долей въ исполненіи. Это— засѣданія того интимнаго дружескаго комитета (1801—1803 г.), гдѣ императоръ Александръ вмѣстѣ съ своими друзьями обсуждалъ предпринимаемыя преобразованія. Протоколы этихъ засѣданій сохранились въ бумагахъ графа П. А. Строганова, и ихъ первое изданіе было большой заслугой книги Богдановича [3]). Нѣкоторыхъ примѣровъ будетъ довольно для нашей цѣли.

Въ тѣхъ мнѣніяхъ, какія высказывались въ совѣщаніяхъ этого интимнаго комитета, достаточно обнаруживается характеръ отношеній. Совѣтники не всегда сходились во мнѣніяхъ, но мнѣнія ихъ не представляли никакого особеннаго не-

---

1) Тамъ же, стр. 1585 и далѣе.

2) Записка графа А. Р. Воронцова, представленная императору Александру (1801)—Архивъ князя Воронцова, т. XXIX, 453.

3) См. „Вѣстн. Евр.“ 1866, т. I, статья Богдановича, и его же книгу: „Ист. Александра“, т. I, прил., стр. 38—91. Мы находили нѣкоторую разницу въ изложеніи засѣданій комитета въ этихъ двухъ текстахъ, и въ настоящихъ цитатахъ заимствованы изъ нихъ обоихъ тѣ выраженія, которыя кажутся намъ болѣе соотвѣтствующими подлиннику.

знанія русской жизни: вездѣ очевидно только одно тяготѣющее (и совершенно понятное) затрудненіе—какъ примирить и связать ихъ идеальныя желанія съ русскими фразами. Читая протоколы, не трудно убѣдиться, что это были отношенія свободныя и добровольныя, что совѣтники не только не навязывали императору своихъ мнѣній, но не имѣли и возможности навязывать, что они имѣли здѣсь одну привилегію — свободу высказывать свое мнѣніе и иногда не соглашаться съ нимъ. Ихъ вліяніе заключалось единственно въ довѣріи, которое онъ самъ имъ далъ, — они удалились тотчасъ, какъ скоро увидѣли, что ихъ понятія перестаютъ совпадать съ мыслями императора. Такъ что критики ихъ дѣятельности, если бы хотѣли быть вполнѣ правдивы, должны были бы винить за идею преобразованія не столько ихъ, сколько самого императора, которому всего чаще принадлежала инициатива и всегда окончательное рѣшеніе,—причемъ не всегда получало верхъ лучшее предложеніе.

Комитетъ составился, по желанію имп. Александра, изъ лицъ, удостоившихся довѣрія, для нѣкотораго сотрудничества съ нимъ «въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія имперіи (réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire). Работа должна была начаться обозрѣніемъ настоящаго состоянія разныхъ частей управленія, и затѣмъ рѣшено было «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи, и наконецъ увѣнчать всѣ эти различныя учрежденія обезпеченіемъ, которое можетъ представить *уложеніе*, установленное на основаніи истиннаго народнаго духа (et enfin couronner ces différentes institutions par une *garantie* offerte dans une *constitution* réglée d'après le véritable esprit de la Nation)».

Это послѣднее и было господствующей мыслью Александра, и сочувствіе къ ней онъ находилъ въ своихъ сотрудникахъ. Слова эти надобно понимать въ ихъ прямомъ смыслѣ. Александръ чувствовалъ отвращеніе къ деспотизму, отличавшему русское правленіе; онъ стѣснялся неограниченностью своей власти, и, съ первыхъ дней царствованія, его занимала мысль о томъ, какъ подчинить деспотизмъ закону, неопредѣленность абсолютной монархіи привести въ извѣстныя твердыя нормы. «Старые служивцы», какъ Державинъ, терпѣть не могли его либеральныхъ сотрудниковъ, «набитыхъ французскимъ конституціоннымъ духомъ», но брань на вольнодумство была лицемѣрная, потому что служивцамъ

очень хорошо было извѣстно, что тѣмъ же духомъ отличался самъ Александръ. Они, какъ послѣ Карамзинъ и новѣйшіе историки, предпочитали умалчивать о послѣднемъ и сваливать всю вину на совѣтниковъ. Протоколы Строганова положительно доказываютъ, что инипіатива принадлежала самому императору. Слово «уложеніе», которое употреблялось и впослѣдствіи въ законодательныхъ планахъ императора Александра (проекты Сперанскаго), было старое слово, но смыслъ, который давался ему теперь, не былъ смыслъ «уложенія» царя Алексѣя Михайловича, а именно смыслъ французскаго слова constitution. Это слово, конечно, и употреблялось, такъ какъ самыя совѣщанія, повидимому, всегда велись на *французскомъ* языкѣ. Рѣчь именно шла о такомъ государственномъ устройствѣ, которое опредѣляло бы закономъ кругъ дѣйствія верховной власти (и, слѣдовательно, извѣстнымъ образомъ ее ограничивало) и въ которомъ впослѣдствіи должно было играть извѣстную роль представительство. Къ этимъ планамъ мы возвратимся; теперь достаточно замѣтить, что «конституціонный духъ» не былъ изобрѣтенъ совѣтниками Александра, а былъ его собственнымъ, давнишнимъ помышленіемъ.

При началѣ работъ императоръ *«выразилъ нетерпѣніе* перейти прямо къ административному отдѣлу и *началъ* говорить о сенатѣ»,—и впослѣдствіи настаивалъ на своихъ личныхъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ.

Въ обсужденіи иностранной политики между совѣтниками Александра преобладали мирные взгляды, и, сообразно съ мнѣніемъ Чарторыйскаго, положено было: «быть искренними въ иностранной политикѣ, но *не связывать себя никакими договорами* относительно кого бы то ни было; относительно Франціи искать возможности обуздать ея честолюбіе, *не вовлекаясь* однако самимъ *въ крайнія мѣры*, и быть въ согласіи съ Англіей, потому что Англія—нашъ естественный другъ». Такимъ образомъ, мнѣнія совѣтниковъ были именно тѣ, за отсутствіе которыхъ упрекали ихъ потомъ порицатели, обвинявшіе воинственную политику, начатую вскорѣ имп. Александромъ. Если первоначальный взглядъ совѣтниковъ Александра не осуществился въ дальнѣйшихъ событіяхъ, то еще мудрено сказать—насколько ходъ событій опредѣлялся ихъ вліяніями, а не собственной волей императора Александра и обстоятельствами. Между прочимъ, сильнымъ партизаномъ англійскаго союза противъ Франціи былъ че-

ловѣкъ стараго поколѣнія, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, мнѣнія котораго должны были имѣть большой вѣсъ.

Проектъ манифеста къ предстоящей коронаціи составленъ былъ другимъ Воронцовымъ, Александромъ Романовичемъ. Проектъ былъ повтореніемъ грамоты дворянству, но представлялъ и много вставокъ, которыя подали поводъ къ преніямъ; между прочимъ и нѣкоторые изъ прежнихъ пунктовъ грамоты вызвали несогласія. Новосильцовъ настаивалъ, чтобы льготы, даваемыя грамотой, не распространялись на *дворянъ безграмотныхъ*. Въ концѣ преній, не приведшихъ къ чему-либо опредѣленному, императоръ замѣтилъ, что «онъ востановляетъ дворянскую грамоту противъ собственной воли, вслѣдствіе исключительности ея правъ, которая всегда была ему противна». О послѣднемъ ему замѣтили, что «ничто не мѣшало со временемъ распространить эти права и на прочія сословія», и онъ, кажется, былъ доволенъ этимъ замѣчаніемъ. Далѣе, въ томъ же проектѣ Воронцова предлагалось дать крестьянамъ право пріобрѣтать въ собственность общинныя земли,—предлагалось уничтожить шлагбаумы и паспортныя формальности, которыя, по замѣчанію членовъ комитета, дѣйствительно мѣшаютъ только честнымъ людямъ въ ихъ полезной дѣятельности и нисколько не стѣсняютъ воровъ и мошенниковъ въ ихъ злыхъ умыслахъ. Воронцовъ предлагалъ наконецъ ввести, въ судебномъ порядкѣ, нѣкоторыя правила, заимствованныя изъ Habeas corpus. По мнѣнію Новосильцова, которое раздѣлялъ и императоръ, прежде чѣмъ вводить такое право (право гражданина требовать своего освобожденія въ случаѣ несправедливаго ареста,—важное право личной неприкосновенности), надо хорошенько подумать, не будетъ ли иногда правительство вынуждено нарушать это правило,—и въ такомъ случаѣ лучше вовсе не принимать его.

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій главнымъ предметомъ совѣщаній было устройство сената и крестьянскій вопросъ.

Преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ стало послѣ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ обвиненіямъ противъ совѣтниковъ Александра. Эта реформа прежняго порядка изображалась ихъ противниками, какъ уничтоженіе одного изъ лучшихъ созданій Петра, почти какъ предательство и измѣна. Наши историки и юристы, кажется, еще не разъ-

яснили этого вопроса [1]), который заслуживалъ бы вниманія по возбужденному имъ въ тѣ времена враждебному столкновенію мнѣній и партій. Довольно указать нѣсколько подробностей.

Побудительнымъ основаніемъ къ реформѣ сената, по словамъ протоколовъ, было слѣдующее: «Императору больно было видѣть сенатъ впавшимъ въ *унизительное состояніе*, въ какомъ онъ находился при покойномъ, и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который должна имѣть себѣ неограниченная власть (voyant dans ce corps le contrepoid, qui devrait exister au pouvoir absolu), желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и къ утвержденію его авторитета на основаніи достаточно твердомъ».

Для начала дѣла указомъ поручено было самому сенату составить докладъ о своихъ правахъ. Въ сенатѣ и въ публикѣ этотъ указъ произвелъ сильное впечатлѣніе, о которомъ приведенъ выше разсказъ Шторха. Державинъ въ своихъ запискахъ также разсказываетъ о немъ съ своей точки зрѣнія: «При слушаніи сего указа въ общемъ сената собраніи произошли разныя мнѣнія—графы Воронцовъ и Завадовскій [2]) весьма въ темныхъ выраженіяхъ или, такъ сказать, тонкихъ жалобахъ на прежнее (т.-е. Павлово) правленіе словами Тацита, что *говорить было опасно, а молчать бѣдственно*, хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ то: чтобъ доходами располагать» и т. д. [3]). Сенатъ составилъ свой докладъ; кромѣ того представлено было нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній, между прочимъ, А. Р. Воронцова; кн. Зубовъ и Державинъ представили проекты совершеннаго преобразованія сената, которые «заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся государю». Проектъ Зубова отличался отъ державинскаго тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе. Державинъ, столько возстававшій противъ вольно-

---

[1]) Баронъ Корфъ касается его только въ общихъ выраженіяхъ, авторъ „Исторіи Мин. Внутр. Дѣлъ“ обходитъ его; Богдановичъ положительно не высказывается въ ту или другую сторону и т. д. См. также „Высшая администрація въ XVIII вѣкѣ“, Градовскаго, стр. 246 и слѣд., рецензію этой книги въ „Вѣстн. Евр.“ 1867, стр. 58 и т. д.

[2]) „Старые служивцы“.

[3]) Зап. Державина, изд. Грота, стр. 76. Записка Завадовскаго въ „Чтеніяхъ Моск. Общ.“ 1864, кн. I, смѣсь.

думства, кажется, также захотѣлъ сдѣлать изъ сената что-то конституціонное.

Докладъ сената былъ разсмотрѣнъ Новосильцовымъ, который читалъ свое донесеніе въ комитетѣ. Исходной точкой его была та мысль, не лишенная основанія, что сенатъ нельзя разсматривать, какъ законодательное учрежденіе, что при самомъ основаніи его Петръ I предоставлялъ ему власть не иначе, какъ для пользованія *подъ своимъ предсѣдательствомъ*, т.-е. подъ своимъ руководствомъ, потому что президентъ, имѣющій всю власть въ своихъ рукахъ, не можетъ имѣть съ своими подчиненными другихъ отношеній, какъ отношенія *хозяина къ управляющимъ*. Поэтому законодательной власти и нельзя вручать подобному собранію, которое по самому своему составу не можетъ *пользоваться довѣріемъ націи* и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховной властью, не допускаетъ и мысли объ *участіи* большинства *общества въ изданіи* тѣхъ *законовъ*, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, если бы императоръ расширилъ права этого учрежденія, то, кромѣ этого, (въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и при тогдашнемъ составѣ этого собранія) еще *связалъ бы себѣ руки* такъ, что былъ бы не въ состояніи исполнить всего задуманнаго имъ для блага націи, потому что въ *невѣжествѣ* этихъ людей встрѣтилъ бы себѣ помѣху, которая могла бы имѣть опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы, всегда вредной, между верховной властью и назначенными ею учрежденіями. Все это приводило Новосильцова къ заключенію, что власть сената должна быть въ сущности ограничена одной судебной части (въ качествѣ высшей судебной инстанціи), но здѣсь ему должно было бы дать весь необходимый просторъ власти. — Императоръ предложилъ, наконецъ, комитету прочесть еще записку графа Воронцова. Онъ также говорилъ въ ней *о предѣлахъ, которые необходимо положить произвольной власти*, но говорилъ не совсѣмъ удовлетворительно, и императоръ остался недоволенъ запиской, находя, что средства указаны были недостаточно ясно. Записка Воронцова, очевидно, имѣла въ основѣ конституціонную точку зрѣнія, но въ ней находили тотъ же общій недостатокъ, что она вносила всю власть въ сенатъ, — которому комитетъ предполагалъ, какъ мы замѣтили, предоставить одну высшую судебную власть, и въ которомъ комитетъ не находилъ достаточныхъ данныхъ для конституціонной роли. Записка Воронцова ничего не из-

мѣнила въ составившихся мнѣніяхъ. Записка Державина также оставлена была безъ вниманія, потому что Державинъ ошибочно понималъ раздѣленіе властей, которыя всѣ онъ видѣлъ въ сенатѣ. По словамъ протокола, «императоръ не могъ не высказать съ нѣкоторой грустью той мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной цѣли его—обуздать деспотизмъ нашего правленія (de mettre un frein au despotisme de notre gouvernement)». Ему дали понять, что если онъ устроитъ одну судебную часть, то и это будетъ хорошо, и что онъ напрасно отчаивается такъ скоро.

Вопросъ о сенатѣ возвратился на засѣданіяхъ комитета въ Москвѣ, во время коронаціи. Разсуждали объ исполнительной и охранительной власти, которую также думали предоставить сенату, и возникла мысль о томъ, что лучше поручать различныя части управленія отдѣльнымъ лицамъ, на которыхъ возложена была бы и отвѣтственность. Возраженія и идеи императора, по словамъ Строганова, не всегда были основательны, но противорѣчить ему не рѣшались; «вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêta), и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого времени»...

Въ такомъ видѣ шелъ вопросъ о преобразованіи сената. Очевидно, что совѣтники императора далеко не были въ положеніи людей, руководящихъ рѣшеніями императора. Онъ, повидимому, былъ всѣхъ чувствительнѣе къ вопросу объ ограниченіи деспотизма и огорчался тѣмъ, что не представлялось удовлетворительныхъ средствъ къ рѣшенію этого вопроса. Молодые сотрудники Александра раздѣляли, вѣроятно, его желанія въ этомъ отношеніи, но любопытно, что и «старые служивцы», «опытные», «осторожные», искусившіеся опытами жизни и т. д., также заговорили объ этомъ предметѣ, разсуждали о немъ либерально въ сенатѣ и въ своихъ запискахъ и проектахъ, требовали сенату новыхъ прерогативъ, воображали превратить его въ законодательное собраніе. Припомнивъ всѣ случаи, гдѣ высказалась тогда мысль о представительствѣ (въ какой бы ни было степени, все равно), кажется, надо заключить, что ея проявленія были не одной мечтой идеалиста-императора и не однимъ угодничествомъ придворныхъ, желавшихъ поддѣлаться подъ его вкусы: здѣсь высказывалась также, хоть на первый разъ не ясно, не смѣло и разрозненно, исторически выроставшая потребность, особенное возбужденіе которой теперь объяснялось свѣ-

жимъ воспоминаніемъ о только-что окончившемся царствованіи и возникавшимъ еще полу-сознательнымъ чувствомъ общественнаго права.

Только съ этой точки зрѣнія, кажется, можно справедливо оцѣнить дѣятельность этихъ людей, которыхъ нѣтъ основанія винить въ легкомысліи и подозрѣвать въ своекорыстіи и властолюбіи. Ихъ ошибокъ отвергать не будемъ; но ошибки не были такъ велики, потому что, въ сущности, они справедливо предчувствовали историческую необходимость какой-либо реформы существовавшаго порядка вещей, а ошибки были слишкомъ возможны въ подобномъ предпріятіи. Но и тѣ, главнымъ образомъ, падаютъ на самого Александра: власть императора во всякомъ случаѣ была главнымъ рычагомъ, и онъ обнаруживалъ достаточно ревниваго упрямства, передъ которымъ его совѣтники были безсильны.

Размѣръ ошибокъ,—собственно административныхъ, къ которымъ обыкновенно сводятся обвиненія,—еще не былъ опредѣленъ съ точностью. Быть можетъ, «образованіе министерствъ 1802 г. не было соглашено ни съ образованіемъ только-что передъ тѣмъ учрежденнаго совѣта, ни съ правами и властію древняго (?) установленія сената» и пр., но была ли въ этомъ такъ заинтересована «судьба милліоновъ»? было ли это такой существенной и неисправимой ошибкой, и не была ли бы она однимъ только канцелярскимъ неудобствомъ на нѣсколько времени? Что касается до ссылокъ на уничтоженіе благодѣтельнаго коллегіальнаго порядка, на безотвѣтственность министровъ, на старыя права, утраченныя сенатомъ,—то изъ словъ Шторха видно, что уже въ то время съ большимъ и справедливымъ скептицизмомъ смотрѣли на прежнюю роль сената, и сомнительно, чтобы практическіе результаты управленія по стариннымъ методамъ были лучше управленія по новымъ. Вообще говоря, выгоды коллегіальнаго управленія были мнимыя, когда въ концѣ-концовъ дѣла все-таки рѣшались произволомъ или фаворита, господствующаго въ данную минуту, или представителя интересовъ верховной власти, генералъ-прокурора [1]. Что, наконецъ, ка-

[1]) Весьма компетентные знатоки дѣла и въ то время не преувеличивали историческаго значенія и власти сената (со временъ Петра). „...Отъ самой кончины императора Петра I,—говоритъ въ своемъ мнѣніи гр. Завадовскій,—во всѣ времена властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ (т. е. правительственнымъ учрежденіямъ, и сенату прежде всего) властвовать, но никогда толико не успѣли въ униженіи сената, какъ

сается политическаго значенія сената, то оно оказывалось, какъ извѣстно, совершенно ничтожнымъ. Сенатъ былъ безсиленъ во всѣ критическіе моменты, гдѣ онъ могъ бы проявлять какое-нибудь значеніе; достаточно вспомнить дворцовыя революціи, наполняющія XVIII-е столѣтіе; и, быть можетъ, взглядъ совѣтниковъ Александра (въ особенности Новосильцова) на значеніе сената имѣлъ то великое достоинство, что тутъ въ первый разъ дѣло поставлено было прямо, безъ всякихъ преувеличеній его мнимой власти и значенія. Къ спорамъ о министерствахъ еще возвратимся.

Относительно крестьянскаго вопроса извѣстно было, что императоръ имѣетъ глубокое желаніе исправить это зло и улучшить положеніе крѣпостныхъ. «Съ нѣкотораго времени,—замѣчаетъ протоколъ 4 ноября,—многія лица и въ особенности г. де-Лагарпъ и Мордвиновъ, а особенно послѣдній, говорили императору о необходимости сдѣлать что-нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго состоянія, не имѣя никакого гражданскаго существованія». Но это должно было, по ихъ мнѣнію, дѣлаться постепенно и нечувствительно, и Мордвиновъ на первый разъ предлагалъ разрѣшить людямъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

Эти первые приступы къ крестьянскому вопросу отличаются большой робостью, неясностью, неувѣренностью, и и это неудивительно. Крѣпостное право такъ въѣлось въ жизнь, что первая мысль объ его отмѣнѣ или ограниченіи, у человѣка, незнакомаго, какъ Александръ, съ настоящимъ положеніемъ вещей, естественно была очень боязливая. Нѣкоторые изъ его совѣтниковъ также были нерѣшительны, потому что хотя и отвергали крѣпостное право съ нравственной точки зрѣнія, но по давней привычкѣ считали его все еще необходимымъ политическимъ зломъ, видѣли въ немъ средство дисциплины и порядка. Самъ Мордвиновъ при всей филантропіи и при всей смѣлости своихъ мнѣній въ другихъ отно-

---

въ послѣдніе годы" и пр. „Чтенія Моск. Общ." 1864, кн. I, стр. 103, смѣсь). „Не знаю,—говоритъ Дмитріевъ,—какъ далеко простиралось вліяніе генералъ-прокурора на государственныя дѣла до временъ императрицы Екатерины Второй: но съ ея царствованія до учрежденія министерствъ, за исключеніемъ воинской, всѣ прочія части государственнаго управленія были ему подчинены. При ней одинъ только генералъ-рекетмейстеръ, имѣвшій по должности своей личный доступъ, могъ нѣкоторымъ образомъ ослаблять могущество генералъ-прокурора" и т. д. („Взглядъ" и пр., стр. 138).

шеніяхъ, въ крестьянскомъ вопросѣ былъ консерваторомъ и находилъ возможными только самые легкіе и осторожные приступы къ этому дѣлу.

Александръ принималъ мнѣніе Мордвинова, стоявшее въ сущности очень далеко отъ настоящей цѣли, но дополнялъ его другимъ предположеніемъ—дозволить вмѣстѣ съ покупкой земель и покупку крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне, принадлежащіе не-дворянамъ, подчинены были болѣе умѣреннымъ правиламъ и не были полными крѣпостными. Трудно сказать, было ли это усиленіемъ или смягченіемъ и безъ того мягкой мѣры Мордвинова. Но комитетъ нашелъ предложеніе непрактичнымъ и не ожидалъ пользы отъ такой мѣры. Осталась мысль о позволеніи не-дворянамъ покупать земли, которая и была вскорѣ осуществлена закономъ.

Въ комитетѣ говорили потомъ о личной продажѣ крестьянъ, о необходимости уничтожить этотъ варварскій обычай и о проектѣ Зубова, который, раздѣляя крестьянъ отъ дворовыхъ, предлагалъ запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и выкупъ дворовыхъ отъ казны. Эта послѣдняя мѣра въ особенности затрудняла комитетъ: во-первыхъ, на этотъ выкупъ потребовалась бы громадная сумма денегъ; во-вторыхъ, являлся вопросъ: что дѣлать потомъ съ выкупленными дворовыми? Императоръ поручалъ Новосильцову вновь переговорить съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ объ этихъ новыхъ мѣрахъ. Ни тотъ, ни другой не обнаруживали особенной смѣлости; они склонны были только къ тому, чтобы нѣсколько смягчить положеніе крестьянъ, но затѣмъ держались за status quo по различнымъ опасеніямъ; ихъ мнѣніе раздѣлялъ и Новосильцовъ. Но другіе совѣтники Александра смотрѣли на вопросъ прямѣе, и лучшее въ тогдашнихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ было высказано Кочубеемъ, Чарторыйскимъ и Строгановымъ.

Императоръ склонялся на сторону мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, что предположенныя мѣры надо вводить медленно, отдѣльно одну отъ другой, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ. Кочубей, Чарторыйскій и Строгановъ были противнаго мнѣнія. Кочубей говорилъ, что «было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя права свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ (право покупки земель) и ничего не сдѣлать въ пользу крѣпостныхъ: послѣдніе живутъ съ первыми бокъ-о-бокъ и, видя новыя преимущества сосѣдей, еще

болѣе почувствуютъ тягость своего положенія. «Дворяне,— говорилъ Кочубей,—будутъ также недовольны: видя, что всѣ отдѣльныя мѣры клонятся къ освобожденію крестьянъ, они будутъ находиться въ постоянномъ опасеніи новыхъ мѣръ, и потому *лучше рѣшить этотъ вопросъ однимъ разомъ»*. Кочубей дѣлалъ, кромѣ того, практическое замѣчаніе, что запрещеніе личной продажи не будетъ вовсе новостью въ имперіи, потому что въ Малороссіи, Польшѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, отчасти въ Балтійскихъ провинціяхъ личной продажи никогда не было, и это правило стоитъ только распространить на всю имперію.

Чарторыйскій замѣтилъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ *столь ужасно* (si horrible), что *не должно ничего опасаться при его нарушеніи.*

Наконецъ, Строгановъ представилъ цѣлую аргументацію противъ мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, ставившую вопросъ еще рѣшительнѣе. Не будемъ приводить записки Строганова, довольно длинной и, къ сожалѣнію, напечатанной только съ значительными пропусками. Основная мысль ея заключалась въ доказательствѣ того, что правительству, при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, нечего опасаться никакихъ волненій, что ихъ нельзя никакъ ожидать ни со стороны дворянства, неспособнаго ни къ какой оппозиціи, ни со стороны крестьянъ, въ пользу которыхъ совершалось бы это дѣло. Въ запискѣ Строганова есть много вѣрнаго пониманія вещей, и тѣмъ, кто обвиняетъ молодыхъ совѣтниковъ Александра въ «незнаніи Россіи», можно было бы именно указать на эту записку, гдѣ изображеніе политическаго и умственнаго ничтожества массы тогдашняго дворянства и изображеніе народныхъ понятій представляютъ достаточное знаніе отношеній, и замѣчательны отсутствіемъ реторики и простымъ пониманіемъ вещей, какъ онѣ есть.

Въ крестьянскомъ вопросѣ—въ этомъ «великомъ дѣлѣ», какъ называетъ его Строгановъ,—было вообще много колебаній; люди боязливые становились иногда смѣлѣе, болѣе рѣшительные впадали въ сомнѣнія, но конечнымъ результатомъ этихъ разсужденій осталось нѣсколько правительственныхъ мѣръ въ пользу крѣпостного крестьянства. Какъ ни были мягки эти мѣры, онѣ всполошили помѣщиковъ; нѣсколько случаевъ, гдѣ императоръ Александръ строго наказывалъ жестокое обращеніе съ крестьянами и притомъ дѣлалъ эти наказанія публичными, еще усилили впечатлѣніе,—

и хотя вопросъ остался все-таки нерѣшеннымъ, но первыя вмѣшательства власти показали, хотя въ дальней перспективѣ, возможность его рѣшенія. Въ общество съ тѣхъ поръ въ первый разъ прочно запала идея объ освобожденіи крестьянъ; съ тѣхъ поръ она развивалась постоянно, и въ концѣ царствованія Александра было уже не мало людей, которымъ она была совершенно ясна и которые ея распространеніе и защиту ставили своей гражданской обязанностью...

Выберемъ изъ протоколовъ комитета еще нѣсколько подробностей, характеризующихъ взгляды совѣтниковъ императора и собственную роль Александра.

Когда обдумывался планъ министерствъ, онъ былъ, между прочимъ, показанъ Лагарпу и Воронцову. Лагарпъ восхвалялъ этотъ планъ; Воронцовъ былъ «въ восторгѣ» отъ этой идеи. Лагарпъ вообще не былъ склоненъ къ смѣлымъ планамъ; относительно Александра онъ игралъ роль ревниваго охранителя его независимости и рекомендовалъ спокойное благоразуміе. Воронцовъ считался вообще однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и знающихъ стариковъ: молодые друзья Александра просили его совѣтовъ и замѣчаній. Мнѣнія совѣтниковъ Александра были совершенно открыты для критики въ этомъ кругу, тѣмъ болѣе, что и сами они не всегда сходились въ своихъ понятіяхъ. Вопросъ о преимуществахъ министерскаго управленія или коллегій, не опредѣленный и до сихъ поръ, былъ еще болѣе спорнымъ въ то время, когда путаница управленія коллегій была налицо: новая система представляла, по крайней мѣрѣ, болѣе шансовъ послѣдовательности и порядка, въ особенности при дальнѣйшемъ ея развитіи, которое имѣлось въ виду. Установленіе обязанностей и отвѣтственности министровъ, распредѣленіе дѣлъ по министерствамъ были много разъ предметомъ обсужденій, несогласій и споровъ; трудности были весьма видны, и тогда еще заявлялись мнѣнія, предупреждавшія позднѣйшую критику. Такъ Чарторыйскій и Строгановъ желали *дѣйствительной отвѣтственности* министровъ; такъ нѣкоторые не соглашались на учрежденіе особаго министерства коммерціи, на основаніи котораго настоялъ самъ Александръ; такъ, по поводу распредѣленія дѣлъ, Лагарпъ выражалъ мысль, что можно не гоняться за окончательнымъ раздѣленіемъ, *предоставя себѣ впослѣдствіи удобнѣйшее размѣщеніе частей* по министерствамъ, какъ это сдѣлано въ Швейцаріи и во Франціи, и какъ это потомъ сдѣлано было

въ нашихъ министерствахъ. Воронцовъ представилъ свои замѣчанія на сообщенный ему проектъ министерствъ. Замѣчанія эти были разсмотрѣны въ комитетѣ, который «не могъ пройти молчаніемъ, какъ удивила его *ничтожность замѣчаній* графа Воронцова». Это довольно характеристично, потому что Воронцовъ хорошо зналъ старую рутину дѣлъ [1]).

Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи Строгановъ весьма здраво предлагалъ образецъ французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведеній для общаго образованія, къ которымъ должна была примыкать дальнѣйшая ступень заведеній для образованія спеціальнаго. Императоръ возражалъ на это, что чужіе образцы не всегда могутъ быть примѣнимы у насъ и что у насъ есть старыя учрежденія, къ которымъ надо привязывать новыя. Обѣ стороны были правы: старыя учрежденія, духовныя, свѣтскія, военныя и другія спеціальныя учебныя заведенія остались, и къ нимъ привязаны были новыя, но рядомъ съ этимъ основалась система новыхъ учрежденій, гимназій и университетовъ, т.-е. среднихъ общеобразовательныхъ заведеній и высшихъ спеціально-факультетскихъ курсовъ. До какой степени все еще непрочна была почва, на которой должны были трудиться эти нововводители, и какими странными опасеніями должна была сопровождаться работа, можно видѣть изъ слѣдующаго. Шелъ вопросъ о томъ, какъ назвать министерство, завѣдующее учеными и учебными учрежденіями: назвать ли его министерствомъ *общественнаго образованія*, или *воспитанія*. «Графъ Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово: *воспитаніе*—потому что оно менѣе громко, и напротивъ того, слово: *образованіе* поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предразсудку, будто бы просвѣщеніе опасно. Но прочіе члены думали, что слово:

---

[1]) „Старые служивцы", вопіявшіе противъ вольнодумныхъ нововведеній, повидимому, не оказывали никакой твердой и толковой оппозиціи. Ихъ собственныя идеи справедливо казались странными. Державинъ, подлаживаясь подъ новый тонъ, предлагалъ свои нововведенія. Въ своемъ проектѣ преобразованія сената онъ хотѣлъ предоставить выборъ кандидатовъ изъ лицъ первыхъ 4-хъ классовъ дворянамъ первыхъ 8-ми классовъ, и затѣмъ назначать сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ. На эту избирательную теорію новаго рода въ комитетѣ замѣтили, что эти лица первыхъ 4-хъ классовъ могутъ не быть извѣстными избирателямъ и что выборы всегда у насъ много зависятъ отъ произвола губернаторовъ. Самъ комитетъ считалъ подобное избирательство пока несвоевременнымъ.

образованіе болѣе точно, что *воспитаніе*—совершенно иное дѣло, о которомъ нельзя и помышлять, и что не слѣдовало смѣшивать этихъ понятій; притомъ терминъ: *образованіе* не могъ повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе, распространяемое правительствомъ, не возбудитъ ничьихъ сомнѣній». Послѣ довольно долгихъ разсужденій принято было названіе: «министерство народнаго просвѣщенія». Кочубей, однако, не преувеличивалъ «господствующаго предразсудка»: Александру только-что передъ тѣмъ пришлось отмѣнять запрещеніе привозить въ Россію *всякія книги*,—таковы были взгляды самой верховной власти за два года назадъ.

Противники либеральныхъ совѣтниковъ императора нападали также на приглашеніе иностранныхъ юристовъ къ содѣйствію при составленіи русскаго кодекса и на самое составленіе этого кодекса, вмѣсто котораго просто надо было сдѣлать собраніе прежнихъ законовъ. Въ протоколахъ мы находимъ любопытныя указанія и объ этомъ вопросѣ. Приглашеніе къ иностраннымъ юристамъ предположено было самимъ императоромъ. Чарторыйскій (засѣд. 10 марта 1802), по его приказанію, составилъ проектъ письма, но, посовѣтовавшись съ членами комитета, убѣдился, что теперь трудно приступать къ составленію окончательнаго кодекса, такъ какъ имѣлись въ виду большія перемѣны во всемъ, относящемся къ гражданскому праву. Чарторыйскій полагалъ, что сначала «слѣдуетъ ограничиться *собраніемъ всѣхъ существующихъ у насъ законовъ*, по предметамъ, въ томъ порядкѣ, который окажется наиболѣе удобнымъ». Новосильцовъ сочувствовалъ этой мысли и желалъ скорѣйшаго ея осуществленія. Императоръ, повидимому, согласился съ этимъ, но тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ знаменитѣйшимъ европейскимъ юристамъ. Отъ нихъ хотѣли собственно получить теоретическую программу, указанія о методѣ труда и конспектъ для распредѣленія матеріала.

Это обращеніе къ иностранцамъ осуждалось противниками нововведеній; оно не покажется, однако, страннымъ, если вспомнимъ тогдашнее состояніе у насъ юридическаго образованія. Если являлась совершенно естественная мысль составить, наконецъ, раціональный сборникъ дѣйствующихъ законовъ, то необходимость метода была очевидна, и удовлетворить ей не могла тогдашняя русская юридическая рутина. Кромѣ того, дѣло не могло ограничиться однимъ собраніемъ

существующихъ законовъ. Совѣтники императора понимали его необходимость, но совершенно справедливо считали эту работу только, какъ приготовительную, какъ средство осмотрѣться въ существующемъ матеріалѣ; но не думали, что это будетъ окончательнымъ рѣшеніемъ задачи. Напротивъ, въ виду имѣлось произвести много преобразованій, уничтожить много старыхъ и ввести новыхъ законовъ, болѣе отвѣчающихъ духу времени; для этого, конечно, требовалось установить извѣстныя основныя положенія кодификаціи, и здѣсь-то въ особенности могла чувствоваться необходимость въ содѣйствіи раціональнаго юридическаго метода. Александръ и его сотрудники также могли находить нужнымъ искать подобнаго содѣйствія, какъ нѣкогда Петръ Великій обращался къ шведскому законодательству, какъ Екатерина II писала «Наказъ», повторяя французскіе образцы, какъ и въ наше собственное время русское законодательство считало нужнымъ заимствоваться у иностранныхъ, какъ было, напр., въ судебной реформѣ, въ новыхъ цензурныхъ установленіяхъ, въ устройствѣ народнаго просвѣщенія и во многихъ другихъ случаяхъ [1]. Наконецъ, въ то время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, эти обращенія къ европейской наукѣ объясняются еще особенными вліяніями вѣка. Въ европейской жизни послѣ взрыва революціи продолжалось сильное броженіе; у насъ, въ упомянутой средѣ, это броженіе отражалось — хотя въ слабѣйшей степени—тѣми же стремленіями къ построенію новыхъ формъ государственной и общественной жизни, и тѣми же космополитическими идеями объ естественныхъ человѣческихъ правахъ, которымъ это построеніе должно было удовлетворять. Въ планахъ Александра, въ его тогдашнемъ стремленіи къ законности, въ торопливости основать новыя учрежденія и т. д., эти космополитическія идеи имѣли, очевидно, свою долю, и, при такомъ пониманіи вопроса въ образованныхъ кругахъ, мысль о содѣйствіи иностранцевъ въ законодательствѣ не представляла чего-нибудь необыкновеннаго.

Въ другомъ мѣстѣ мы разсказывали о сношеніяхъ съ Бентамомъ и упоминали, какой успѣхъ имѣло тогда въ

[1]) Правда, заимствованія бывали иногда странны (напр., иныя цензурныя заимствованія), но вопросъ въ томъ, чтобы умѣть выбирать; худо, если выбирается дурной образецъ, но выбирались и хорошіе (въ судебной реформѣ).

Петербургѣ изданіе его сочиненій, сдѣланное Дюмономъ. «Сочиненіе Бентама ставится выше всего, что было подобнаго прежде, — пишетъ Дюмонъ изъ Петербурга къ Ромильи, — Бентамъ представляетъ два великіе desiderata, *классификацію* и *принципы*». «Книгѣ удивляются..., но что изумило меня всего больше, это—впечатлѣніе, какое произвели (на здѣшнихъ читателей) *опредѣленія классификаціи* и *методъ*, и отсутствіе тѣхъ декламацій, которыя были такъ скучны для людей съ серьезнымъ умомъ»,—т.-е. декламацій, которыми наполнялись прежнія сочиненія этого рода, не дававшія взамѣнъ того послѣдовательно развитыхъ, точныхъ принциповъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь узнали Бентама, думаютъ, что могутъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ иностранныхъ корреспондентовъ». Совѣтники Александра вовсе притомъ не отказывались отъ критики и не подчинялись слѣпо авторитетамъ. «Они обращались къ нѣмецкимъ юристамъ, къ одному англійскому (Макинтошу), и не были удовлетворены ихъ отвѣтами, — пишетъ Дюмонъ. — Эти корреспонденты не знали ихъ страны, и въ большей части ихъ писаній не было ничего, кромѣ старой рутины и римскаго права».

Противники нововведеній, между прочимъ Карамзинъ, утверждали, что въ новомъ законодательствѣ совсѣмъ не было надобности, потому что и прежнее было хорошо, и слѣдовало только привести его въ порядокъ. Это былъ взглядъ, совершенно противоположный тому, какому хотѣли слѣдовать Александръ и его сотрудники. Одни, которымъ жилось хорошо и при старомъ порядкѣ, предпочитали этотъ старый порядокъ, мало помышляя о тѣхъ, кому при немъ было очень дурно; другіе, хотя также могли быть лично довольны, не остались глухи къ внушеніямъ справедливости и политическаго благоразумія. Для однихъ русское управленіе было такъ хорошо, что слѣдовало только беречь его обычаи, для другихъ это было «безобразное зданіе». Двумъ сторонамъ мудрено было тогда договориться до истины; но едва ли сомнительно, что послѣдняя не безъ основанія находила въ русской жизни слишкомъ много недостатковъ грубости и невѣжества, произвола и несправедливостей, которые и хотѣли исправлять.

Мы объясняли выше, подъ какими вліяніями у Александра явилась мысль о введеніи представительныхъ формъ правленія. Едва ли сомнительно, что учрежденіе министерствъ,

преобразованіе сената, учрежденіе совѣта задумывались именно для выполненія этого плана; та же мысль выражалась такъ или иначе и у тѣхъ людей, которые, не принадлежа къ ближайшему кругу императора, хотѣли участвовать въ преобразованіяхъ своими предложеніями,—людей какъ Воронцовъ, Зубовъ, Державинъ, Мордвиновъ, Завадовскій и др. Отсюда предположенія объ отвѣтственности министровъ, о присвоеніи сенату права дѣлать представленія на указы и т. п. Но ни Александръ, ни сотрудники его не думали, чтобы новыя формы правленія можно было ввести скоро; напротивъ, они имѣли, быть можетъ, слишкомъ невысокое мнѣніе о политическомъ смыслѣ не только массы общества, но и представителей его въ высшемъ правительственномъ учрежденіи, какъ сенатъ. Они иногда какъ будто думали, что сенатъ можетъ представлять собой нѣчто въ родѣ законодательнаго собранія, можетъ считаться представительствомъ, можетъ служить для того «обузданія деспотизма», которое было предметомъ желаній Александра; но они скоро покидали эту мысль: настоящее положеніе сената казалось имъ «унизительнымъ», они опасались «невѣжества этихъ людей», которые могли даже просто мѣшать благимъ намѣреніямъ правительства. Не мудрено себѣ представить, что императоръ и его совѣтники часто приходили въ затрудненіе съ своими планами, особенно самъ императоръ; но они надѣялись, что мало-по-малу будутъ находить средства и людей и вводили то, что казалось необходимымъ и болѣе возможнымъ для исполненія. Преобразованіе администраціи дѣлалось въ ожиданіи преобразованій политическихъ. Въ протоколѣ засѣданія 17 марта 1802 г. записано, что Новосильцовъ сообщалъ Лагарпу начертаніе *организаціи будущаго управленія*—«въ такомъ видѣ, какъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести *представительный образъ правленія*». Лагарпъ, въ подобныхъ предметахъ очень осмотрительный, высказалъ весьма выгодное мнѣніе объ этомъ проектѣ...

Дѣятельность комитета прекратилась въ концѣ 1803 года. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій (9 ноября 1803) находимъ любопытный отголосокъ мнѣній общества. «Въ продолженіи совѣщанія члены комитета старались убѣдить государя, что всѣ толки, поселявшіе въ публикѣ неудовольствіе, исходили отъ петербургскихъ кружковъ (coteries), и что въ губерніяхъ господствовало совсѣмъ иное настроеніе. При

этомъ былъ сдѣланъ слегка намекъ, что въ подобныхъ толкахъ принимали участіе ближайшіе къ государю люди». По свидѣтельству гр. Строганова, «эти господа старались все выставить *въ мрачномъ видѣ* и даже убѣдить самого государя, будто бы у насъ въ Россіи господствовало *общее неудовольствіе»*. Любопытно, что это уже предвѣщаетъ записку Карамзина 1810 года: люди извѣстныхъ воззрѣній толковали уже объ «общемъ неудовольствіи», хотя въ 1803 г. для этого могло быть еще очень немного основаній. Очевидно, что coteries, о которыхъ говоритъ Строгановъ, были оцѣнены confederacies недовольныхъ, о которыхъ говоритъ Дюмонъ въ 1802 году. Первыя мѣры Александра, напротивъ, были оцѣнены благомыслящими людьми, свободными отъ себялюбивыхъ предубѣжденій. Недовольны *впередъ* были люди другого рода: старое чиновничество, которое тревожили въ привычной его рутинѣ и которое опасалось потерять значеніе при новыхъ порядкахъ; лѣнивое барство и дворянство, которое страшилось попытокъ освобожденія крестьянъ; недовольны были и философы крѣпостного права, въ число которыхъ не усумнился стать Карамзинъ.

Изъ протоколовъ комитета можно видѣть, наконецъ, и характеръ отношеній, въ какихъ Александръ стоялъ къ своимъ совѣтникамъ. Александръ желалъ знать ихъ мнѣнія, предлагалъ различные вопросы на ихъ обсужденіе, но вовсе не подчинялся ихъ выводамъ. Нерѣдко онъ только слушалъ, не высказывая своего мнѣнія, такъ что сотрудники его оставались въ невѣдѣніи, къ какому заключенію придетъ онъ самъ. Это была его привычная сдержанность и осторожность: онъ какъ будто присматривался и обдумывалъ вещи про себя. Когда онъ останавливался на какомъ-нибудь мнѣніи, особенно если вопросъ возбуждалъ оживленные споры, онъ обыкновенно отличался чрезвычайнымъ упорствомъ: опасеніе, чтобы онъ «не заупрямился», часто являлось у его совѣтниковъ; они надѣялись побѣждать это упорство, потому что черезъ нѣсколько времени оно ослабѣвало само собой, и онъ опять способенъ былъ выслушивать возраженія. У Строганова не одинъ разъ указана эта черта: «на этомъ окончилось дѣло,—замѣчаетъ онъ по поводу одного ихъ спора,—однакоже, казалось, что *со временемъ* можно будетъ убѣдить императора» въ пользѣ предложенія, которое онъ тогда отвергалъ. Особенно рѣзкій примѣръ его чрезвычайнаго упрямства представляетъ записанная Строгановымъ сцена

16-го марта 1802, при совѣщаніи о дѣлахъ со Швеціей. Александръ принялъ рѣзкое рѣшеніе, составившееся тутъ же въ увлеченіи споромъ, и комитету стоило большого труда отклонить его отъ немедленнаго его исполненія. Кромѣ того, по замѣчанію Строганова, «императоръ (при этомъ случаѣ) желалъ высказать твердость въ глазахъ публики, которая доселѣ полагала, что онъ неспособенъ къ сколько-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ»,—побужденіе, которое бываетъ именно у людей нерѣшительныхъ.

Лагарпъ старался внушать ему независимость отъ постороннихъ вліяній и желалъ видѣть его дѣйствующимъ самостоятельно и смѣло. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ (упомянутомъ у Строганова) онъ давалъ понять Александру необходимость не терпѣть надъ собой опеки, внушалъ ему довѣріе къ своимъ силамъ и въ примѣръ указывалъ Моро и Бонапарте, которые были не старше его, когда начинали свое поприще, и совѣтовалъ не думать, что «однѣ только сѣдыя головы могутъ сдѣлать что-нибудь хорошее». По всей вѣроятности, совѣты его не допускать надъ собой опеки относились и къ этимъ молодымъ сотрудникамъ Александра: въ нѣкоторыхъ вопросахъ Лагарпъ не сходился съ ними и вѣроятно считалъ ихъ мнѣнія и планы слишкомъ смѣлыми. Впослѣдствіи онъ, кажется, еще больше разошелся съ ними.

Такимъ образомъ, Александръ въ средѣ комитета сохранялъ всю свою независимость, хотя она не всегда происходила изъ дѣйствительной твердости его мысли и характера, и напротивъ, нерѣдко была слѣдствіемъ его недовѣрчивости или упрямства; ему несомнѣнно принадлежитъ иниціатива мѣръ и учрежденій этого времени. Его совѣтникамъ принадлежитъ въ этомъ также большая доля, но самъ Александръ остается главнымъ дѣятелемъ, и ему надо приписать большую часть и похвалъ, и осужденій. Многія изъ лучшихъ мѣръ этого времени были результатомъ его гуманныхъ побужденій; въ худшихъ мѣрахъ очень часто была виной его нерѣшительность и слабость и отсутствіе здраваго знанія жизни. Но ему въ особенности принадлежатъ проявленія мягкаго человѣколюбія и уклончивой скромности, съ какой нерѣдко онъ пользовался своей властью: это не нравилось людямъ стараго вѣка, выросшимъ въ рабскомъ страхѣ и привыкшимъ думать, что власть должна являться только въ видѣ пугала. Такъ они были недовольны, когда Александръ употреблялъ

слово «отечество»! Въ протоколахъ Строганова записано, что въ манифестѣ, изготовлявшемся по крестьянскому дѣлу, Александръ не желалъ допустить выраженія: «наши подданные», котораго, по его словамъ, онъ избѣгалъ во всѣхъ своихъ указахъ, и желалъ, чтобы вмѣсто этого поставлено было: «русскіе подданные».

Эти первыя работы императора Александра и его совѣтниковъ представляютъ любопытный моментъ въ русскомъ общественномъ развитіи. Александръ и его сотрудники были передовыми людьми общества, въ массѣ котораго мы напрасно искали бы такого ревностнаго стремленія къ преобразованіямъ, къ распространенію просвѣщенія, къ законности. Большинство жило совсѣмъ довольное старыми порядками; болѣе образованное меньшинство было еще слишкомъ немногочисленно, чтобы заявлять свои требованія, и сотрудники Александра именно принадлежали къ числу лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ представителей этого меньшинства. Личные взгляды Александра дали мѣсто мнѣніямъ образованнаго меньшинства въ дѣйствіяхъ правительственныхъ. По своему содержанію эти первыя идеи Александра, какъ мы замѣчали, были послѣдовательнымъ развитіемъ идей Екатерининскаго времени, вліяніе и движеніе которыхъ задержаны были двойной реакціей,—при самой Екатеринѣ, подъ вліяніемъ себялюбивыхъ разсчетовъ и нетерпимости и подъ страхомъ французской революціи, и при Павлѣ, когда къ этимъ мотивамъ присоединились еще вспышки традиціоннаго деспотизма, напоминавшія, что московская Русь еще живетъ въ новой Россіи. Александръ избѣгалъ говорить объ этомъ времени и желалъ представлять свое царствованіе продолженіемъ временъ Екатерины: онъ возстановляетъ ея учрежденія, уничтоженныя Павломъ, и съ тѣмъ же философскимъ либерализмомъ, какимъ отличалась Екатерина въ первое время, начинаетъ свое правленіе. Онъ уничтожаетъ тайную экспедицію, какъ она уничтожала тайную канцелярію; онъ желаетъ уничтожить слово «пытка», какъ она хотѣла истребить слово «рабъ»; не желаетъ, какъ она, примѣнять строгихъ законовъ объ оскорбленіи величества и т. д. Но движеніе, какъ ни оказалось оно потомъ нетвердо, шло все-таки дальше прежняго, и Александръ искреннѣе приступалъ къ внутреннему полити-

ческому вопросу. Признавая, что настоящее представительство еще рано было бы вводить въ Россію, онъ тѣмъ не менѣе считалъ его «вѣнцомъ» своего зданія, и преобразованіе администраціи предпринято было въ видахъ будущаго полнаго конституціоннаго устройства, планъ котораго уже *существовалъ*. Подъ вліяніемъ теоретическихъ понятій и имъ самимъ испытанныхъ впечатлѣній, Александръ ставитъ себѣ принципомъ законность, добивается, какими средствами «ограничить деспотизмъ нашего правленія», и съ первой поры царствованія задаетъ себѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Правда, къ сожалѣнію, онъ тотчасъ же не выдерживалъ границъ, поставленныхъ имъ себѣ, но великой заслугой было и то, что онъ заявлялъ свои теоретическія начала, потому что это давало извѣстнымъ идеямъ право гражданства въ русской жизни, и, безъ сомнѣнія, дѣйствовало на умы оживляющимъ образомъ. Можетъ быть, что учрежденія Александра, не доведенныя до конца, напр., министерское управленіе, не принесли ожидаемаго результата и впослѣдствіи, въ другія эпохи, были даже источникомъ новаго лишняго зла, но въ первомъ это первое время произвело свои благотворные результаты для общественнаго развитія—тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ возбужденіемъ, которое осталось въ обществѣ, несмотря на позднѣйшія непослѣдовательности и реакцію.

Не входя въ подробности, довольно указать нѣкоторые изъ важнѣйшихъ результатовъ этого періода его правленія. Главнѣйшей заслугой этого времени, самой благотворной и долговѣчной, были заботы о народномъ просвѣщеніи. Здѣсь основаніе особаго министерства было несомнѣнно благопріятной мѣрой. Въ новомъ министерствѣ началась усиленная дѣятельность, въ которой приняли болѣе или менѣе живое участіе и сотрудники императора. Въ главномъ правленіи училищъ собрались достойные представители интересовъ образованія, которые проводили въ учрежденія свою искреннюю любовь къ просвѣщенію и свои гуманные взгляды. «Время управленія министерствомъ Завадовскаго,—говоритъ спеціальный историкъ этого предмета,—останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи» [1]). «При Завадовскомъ,—говоритъ Богдановичъ,—благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа,

---

[1]) Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи" I, стр. 9.

устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части *болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе»* [1]. Это преувеличено, но со временъ Петра дѣйствительно не было столько заботъ объ установленіи школъ, какъ въ эти годы. Съ Завадовскимъ работали искренніе и лучшіе друзья просвѣщенія изъ высшей аристократіи и немногочисленнаго тогда ученаго сословія, люди какъ Муравьевъ, Новосильцовъ, Строгановъ, Северинъ По-

---

[1]) Богдановичъ, т. I, стр. 140. О роли Завадовскаго въ министерствѣ есть указанія въ письмахъ Строганова къ Новосильцеву (В. Евр. 1870, и 1-е изданіе настоящей книги). Такъ Строгановъ пишетъ отъ 28 октября 1804: „Notre instruction publique va un peu lentement. Dieu, après avoir fait le monde en six jours, se reposa le septième, mais notre ministre fait mieux: il ne fait rien les six jours et néanmoins se repose le septième. Depuis un mois nous n'avons pas eu de séance du *правленіе*. Il est certain qu'il empechote car j'ai eu toutes les peines du monde à obtenir l'argent pour arranger le Collège des manufactures pour les séances publiques. Il me fait encore des difficultés pour indemniser l'Académie des sciences, mais enfin j'espère venir à bout de tout cela". (Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавши міръ въ шесть дней, почилъ въ седьмой, а нашъ министръ дѣлаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ шесть дней и, несмотря на то, отдыхаетъ въ седьмой. Цѣлый мѣсяцъ у насъ не было засѣданія въ правленіи училищъ. Онъ положительно дѣлаетъ препятствія, потому что мнѣ стоило величайшаго труда получить деньги, чтобы устроить коллегію мануфактуръ для публичныхъ собраній. Онъ дѣлаетъ мнѣ затрудненія и въ томъ, чтобы дать вознагражденіе академіи наукъ, но я надѣюсь наконецъ добиться всего этого).—Что это было похоже на правду, видимъ изъ любопытнаго отзыва самого императора о Завадовскомъ въ одномъ изъ писемъ его къ Лагарпу, напечатанныхъ въ 5-мъ томѣ „Сборника Историческаго Общества". Въ письмѣ отъ 7-го іюля 1803 г. Александръ пишетъ къ Лагарпу: „Сожалѣнія ваши о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія весьма бы уменьшились если бы вамъ извѣстна была организація его министерства. Онъ не имѣетъ никакого значенія. *Всѣмъ управляетъ* совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторыйскаго, Новосильцова и др., *нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими.* Частыя сношенія мои, въ особенности *съ двумя послѣдними,* мѣшаютъ министру ставить какія-либо преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его уступчивымъ до нельзя: настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ" (стр. 39). Такимъ образомъ, наибольшая доля въ устройствѣ министерства и въ его первой дѣятельности должна быть отдана друзьямъ Александра и ими выбраннымъ людямъ.

тоцкій, Румовскій, Озерецковскій, Фусъ; здѣсь же много трудился извѣстный энтузіастъ Каразинъ; и работа была тѣмъ спорѣе, что атмосфера того времени была исполнена великодушнымъ стремленіемъ къ общему благу, что эти люди могли свободно высказывать свои мысли и искать ихъ практическаго осуществленія, не опасаясь воплей невѣжества и мракобѣсія. Любовь къ просвѣщенію, которая лежала въ основѣ начинаній этого почтеннаго кружка людей, и благосклонность правительства къ его планамъ, благосклонность, которая, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи русскаго образованія, принесли свои результаты. Дальше скажемъ, что и эта лучшая и достойная дѣятельность сотрудниковъ Александра подвергалась злостнымъ нападеніямъ, но исторія возьметъ подъ свою защиту благородные труды, оказавшіе русскому просвѣщенію великую помощь.

«Предварительныя правила народнаго просвѣщенія» (24-го января 1803 г.) изложили планъ, выработанный министерствомъ для учрежденія и управленія высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Главная забота направлена была на устройство университетовъ: три существовавшіе университета—московскій, виленскій (польскій) и дерптскій (нѣмецкій)—были преобразованы; затѣмъ предположено было основать еще три университета: въ Харьковѣ, Казани и Петербургѣ, которые постепенно и были устроены и открыты. Собственно русскій университетъ былъ до тѣхъ поръ только одинъ; теперь ихъ становилось четыре; основано было кромѣ того нѣсколько лицеевъ (Демидовскій—въ Ярославлѣ; Царскосельскій; позднѣе гимназія высшихъ наукъ Безбородко—въ Нѣжинѣ), много гимназій, нѣсколько спеціальныхъ заведеній, не говоря о низшихъ школахъ. По этому можно составить понятіе о томъ, насколько усилились вдругъ средства русскаго образованія. Внутреннее устройство университетовъ совершалось обдуманно и съ любовью. Русскіе университеты рѣдко имѣли, если только потомъ имѣли, попечителей такого характера, какъ были Муравьевъ и Северинъ Потоцкій—въ этой области одни изъ лучшихъ представителей этого направленія образованныхъ умовъ. Понятно, что университетскія каѳедры не могли быть наполнены одними русскими учеными: стали приглашать иностранцевъ, въ числѣ которыхъ многіе были хорошими представителями своей спеціальности, а иные имѣли уже заслуженное

имя въ европейской ученой литературѣ. Таковы были вызванные въ это время или нѣсколько позже ученые: Буле, Шлёцеръ-сынъ, Маттеи (во второй разъ), Литтровъ, Шадъ,Роммель, Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, Гольдбахъ, Рейсъ, Френъ, Грефе, Шармуа, Эрдманъ, Лодій, Балугьянскій и др.—классики, историки, юристы, философы, оріенталисты, натуралисты, изъ которыхъ многіе достойнымъ образомъ послужили изученію Россіи и развитію самой русской науки. Эти вывозы иностранцевъ, подвергшіеся потомъ мнимо-патріотическимъ нападеніямъ, служатъ прекраснымъ памятникомъ той солидарности просвѣщенія, какую должны были сознавать люди образованные.

Организація университетовъ могла имѣть свои непрактическія стороны, какія и указывало время; внутренній бытъ университетовъ сложился не вдругъ, нарушался иногда серьезными, иногда комическими несогласіями; наука, введенная въ патріархально-грубую жизнь общества, не могла занять въ ней съ перваго раза подобающаго ей мѣста; ея представители, даже иностранцы, принимали не всегда привлекательные нравы общества,—но въ новой академической жизни были при всемъ томъ элементы высокаго нравственнаго значенія, которые оказывали свое образующее дѣйствіе. Въ русской глуши стали раздаваться имена великихъ мыслителей и ученыхъ, излагались идеи новѣйшей философіи и изслѣдованія науки; правда, это необычное содержаніе не всегда находило себѣ достаточно подготовленную почву и воспринималось пока не вполнѣ успѣшно, но иначе едва ли могло и быть на первый разъ, и съ теченіемъ времени дѣло должно было установиться и принести свои плоды. Университетская аудиторія стала новой нравственно-общественной школой. Преподаваніе не стѣснялось полицейскими подозрѣніями обскурантизма; между профессорами было много послѣдователей Кантовой философіи, которую стали потомъ преслѣдовать, какъ тлетворный ядъ и разрушительное безбожіе. Любопытную черту времени представляетъ выборъ иностранцевъ, которыхъ университеты дѣлали своими почетными членами и корреспондентами. Такъ въ Казани избрали въ почетные члены извѣстнаго дѣятеля временъ революціи, епископа Грегуара; въ Харьковѣ выбранъ былъ женевскій гражданинъ Дюмонъ (издатель Бентама) корреспондентомъ по политической экономіи. Въ отношеніяхъ власти къ учащемуся юношеству преобладала благоразумная снисходитель-

ность и довѣріе къ молодому чувству. Любопытный примѣръ этого представляютъ замѣтки, сдѣланныя императоромъ Александромъ въ правилахъ для дерптскихъ студентовъ, въ 1803 г.; вотъ, напр., одинъ параграфъ, гдѣ курсивомъ поставлены слова, приписанныя Александромъ: (§ 20, с.) «По открытія намѣреваемаго поединка, университетъ для доставленія обиженнаго надлежащаго удовлетворенія наряжаетъ подъ предсѣдательствомъ ректора судъ, къ которому приглашаются два студента, *извѣстныхъ по своему благонравію и честности и избранныхъ своими товарищами,* и по большинству голосовъ опредѣляется обиженному удовлетвореніе. Если вызывавшій или вызываемый будутъ принадлежать постороннему начальству, въ такомъ случаѣ *приглашаются въ судъ сей два чиновника по выбору того начальства; и если университетъ не успѣетъ примирить, то* сообщаетъ оному, да поступитъ по законамъ» [1]).

Въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова находимъ отголосокъ этой эпохи нашихъ университетовъ. Аксаковъ былъ студентомъ въ эти первые годы и сохранилъ объ этомъ времени самыя теплыя воспоминанія. Въ студентскомъ кругу того времени, по словамъ его, «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и непримѣтно для него освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу» [2]).

Въ то же время заботливость правительства обращалась и на другія образовательныя учрежденія. Въ 1801 г. возстановлена была Россійская Академія, бывшая въ совершенномъ загонѣ при Павлѣ; ей назначено ея прежнее содержаніе (6,250 р. въ годъ) и въ 1802 г. приказано было печатать издаваемыя ею сочиненія на счетъ кабинета. Вольно-Экономическое общество получило 5,000 р. ежегоднаго пособія. Расширена была Медико-хирургическая Академія; даны новые уставы и штаты Академіи художествъ и Академіи наукъ, и т. д. Императоръ вообще покровительствовалъ открытію ученыхъ и литературныхъ обществъ. Нѣсколько таковыхъ

---

[1]) Сухомлиновъ, тамъ же, I, стр. 154.

[2]) Семейная хроника, М. 1862, стр. 448.

обществъ открылось при университетахъ, напр., съ этого времени ведетъ свое начало московское Общество Исторіи и Древностей; въ то же время и послѣ учреждены были литературно-ученыя общества при харьковскомъ и казанскомъ университетахъ; въ Петербургѣ еще въ половинѣ 1801 г. основалось Вольное Общество любителей наукъ, словесности и художествъ.

Покровительство оказано было и литературѣ. «Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ императоръ Александръ,—говоритъ его лѣтописецъ Шторхъ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать па приличный гонораріи за большія серьезныя сочиненія; примѣры, въ родѣ Карамзина, принадлежатъ къ исключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и, если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета, и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ». «Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили орденъ св. Анны 2-й степени, напримѣръ, Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ, Севергинъ, Гурьевъ, Палласъ, Крафтъ, Георги, Фусъ, Шубертъ, Ловицъ и мн. др., и въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, императоръ почти въ каждомъ случаѣ именно объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ». Шторхъ упоминаетъ затѣмъ денежныя пособія, которыя назначалъ императоръ на изданіе полезныхъ трудовъ. Такъ онъ далъ нѣкоему Лебедеву на изданіе путевыхъ замѣтокъ по Европѣ и Азіи 10,000 р.; московскому профессору Страхову на изданіе перевода «Путешествія младшаго Анахарсиса», Бартелеми—6,000 р.; Политковскому на изданіе Адама Смита 5,000 р. и др. «Множество русскихъ писателей, представлявшихъ императору свои сочиненія, награждены были перстнями, табакерками и другими драгоцѣнными подарками. Случаи этого рода такъ обыкновенны.

что мы не будемъ здѣсь упоминать о нихъ. Но ни одинъ изъ русскихъ писателей не можетъ похвалиться въ этомъ отношеніи бо̀льшимъ отличіемъ, чѣмъ любимый теперь русскій писатель Карамзинъ», и пр. Сумма, употребленная кабинетомъ на этотъ предметъ, за одинъ 1802 годъ простиралась до 160,000 рублей [1].

Система покровительства не всегда служитъ къ истиннымъ успѣхамъ литературы; но эта система становится благотворной, когда правительство поощряетъ образовательную дѣятельность въ мало развитомъ обществѣ. Такъ это было теперь. Въ русскомъ обществѣ, которое до сихъ поръ слишкомъ отличается грубой практичностью, сопутствующей малому образованію, и съ пренебреженіемъ относится къ литературѣ и наукѣ, а въ то время отличалось этими недостатками еще больше, — должно было производить полезное впечатлѣніе это поощреніе литературы и награды ученымъ людямъ не за «службу», а именно за умственный трудъ, тѣмъ больше, что наградъ и поощреній было много и ихъ нельзя было не замѣчать.

Основаніемъ этого щедраго покровительства было не пустое меценатство, а именно желаніе дѣйствовать литературой на развитіе общественныхъ понятій. Ближайшій кружокъ императора также бралъ на себя эти литературныя заботы. «Pour le moment, nous nous occupons de faire traduire en russe plusieurs bons ouvrages»,—писалъ императоръ къ Лагарпу вскорѣ по вступленіи на престолъ [2]. Такъ изданы были по высочайшему повелѣнію сочиненія Бентама, переведенныя по изданію Дюмона; по порученію комитета переведены были книги: Стюарта, Recherches sur l'économie politique; Bibliothèque de l'homme publique, par Condorcet, и Economie politique, par Verri [3]). Выборъ книгъ показываетъ, что хотѣли внушить интересъ именно къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, и дать по этимъ предметамъ серьезное чтеніе. Въ литературѣ это отразилось появленіемъ серьезныхъ книгъ общественно-политическаго содержанія. Такъ, Политковскій издалъ Адама Смита (1803—1806); явилось два перевода Беккаріи—Дм. Языкова (1803)

---

[1]) Storch, Russland, I, 134 и слѣд.
[2]) La Russie, I, 433.
[3]) Сухомлиновъ, тамъ же, I, стр. 14.

и Хрущова (1806); тотъ же Языковъ издалъ переводъ Монтескье (О существѣ законовъ, 1809—1814); вышелъ также переводъ Кантовой «Метафизики нравовъ», посвященный Мордвинову (1803) и проч.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же просвѣщенныхъ идей былъ предпринятъ и исполненъ, въ Главномъ правленіи училищъ, трудъ по предмету, составляющему вѣчный камень преткновенія въ странахъ, не достигшихъ умственной и общественной самобытности. Это—составленіе новаго цензурнаго устава. Не приводя подробностей, которыя читатель найдетъ у спеціальныхъ историковъ этого предмета [1]), замѣтимъ, что въ русской правительственной сферѣ цензурный вопросъ еще никогда не ставился такимъ здравымъ образомъ и съ такимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ въ литературѣ. Надъ разъясненіемъ этого предмета въ особенности работали тогда Новосильцовъ и академики Озерецковскій и Фусъ.

Новымъ благотворнымъ началомъ, которое императоръ и его сотрудники въ первый разъ желали привить къ русской государственной и общественной жизни, была публичность правительственной дѣятельности. Съ этою цѣлью основанъ былъ полу-офиціальный «С.-Петербургскій журналъ», о характерѣ котораго намъ случилось говорить въ другомъ мѣстѣ [2]). Отчеты министровъ должны были издаваться во всеобщее свѣдѣніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей первый подалъ примѣръ въ своемъ отчетѣ, изложенномъ съ нѣкоторой откровенностью; это нововведеніе показалось инымъ такъ страшно, что они напоминали о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ compte rendu Неккера [3]).

Такою же новостью въ русскихъ административныхъ нравахъ была религіозная терпимость, которую Александръ обнаруживалъ съ первыхъ лѣтъ царствованія и какую, на-

---

[1]) Сухомлиновъ, I, стр. 398 и дал.; Скабичевскій: „Очерки исторіи русской цензуры“. Спб. 1892.

[2]) Русскія, отношенія Бентама“, „Историческіе Очерки“, II, П. 1917, стр. 34—36.

[3]) Но болѣе образованнымъ людямъ, даже стараго вѣка, нововведеніе очень понравилось. Митр. Евгеній пишетъ отъ декабря 1804: „Читаете ли вы журналъ внутреннихъ дѣлъ министра, издаваемый подъ именемъ „Санктпетербургскій журналъ“? Для меня это кажется прекраснѣйшая книга. А особливо отчетъ за 1803 г. Книга сія есть во всѣхъ губернскихъ правленіяхъ“ (Р. Арх. 1870, стр. 841). Тотъ же Митр. Евгеній пишетъ отъ ноября 1805 къ своему другу, ко-

примѣръ, онъ показалъ тогда относительно духоборцевъ.

Нововведеніемъ, для многихъ очень непріятнымъ, была, наконецъ, бережливость Александра. Онъ прекратилъ раздачу крѣпостныхъ крестьянъ, которая доходила до такихъ ужасающихъ размѣровъ при Екатеринѣ и при Павлѣ; награды, которыя онъ давалъ, были очень умѣренны и казались просто скупыми; онъ не любилъ безполезной роскоши, не любилъ чисто придворныхъ должностей, и придворныхъ, которые не имѣли никакой другой службы, называлъ полотерами,—«величіе» двора упало. Съ января 1802 г. содержаніе двора должно было производиться по новому штату, въ которомъ уничтожено было много придворныхъ должностей, и сокращеніе издержекъ вообще предполагалось въ 4.000,000 рублей [1].

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы указать направленіе понятій, руководившихъ правительствомъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра. Правительство одушевлено было намѣреніями, которымъ нельзя не отдать полнаго сочувствія. Ихъ нравственное достоинство произвело сильное дѣйствіе и на лѣнивое или запуганное общество. Заявленіе принциповъ справедливости и человѣколюбія, искренность заботъ правительства о распространеніи образованія, наконецъ, примѣръ самого императора, который оказывалъ такое вниманіе къ наукѣ, который надѣлялъ университеты и другія ученыя учрежденія богатыми пожертвованіями—денегъ, библіотекъ и разныхъ коллекцій,—принесли уже скоро богатые плоды: общество отозвалось, когда затронуты были его лучшіе инстинкты. Мысль императора объ освобожденіи крестьянъ, хотя и успѣла высказаться только въ немногихъ осторожныхъ полумѣрахъ, встрѣтила сочувствіе въ лучшихъ людяхъ общества: графъ С. П. Румянцевъ представилъ императору свой проектъ освобожденія, вслѣдствіе котораго состоялся извѣстный указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ [2]; нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ получили полную свободу. Филантропическія наклонности императора вы-

торый спрашивалъ его, какъ начать службу его сыну: „Еслибы я былъ въ Петербургѣ, то увязалъ бы его въ какую-нибудь министерскую канцелярію, а особливо въ Кочубеевскую, въ коей *лучше всѣхъ можно поучиться*“. Отъ военной службы рѣшительно отговаривалъ онъ (Тамъ же, стр. 846).

[1] Storch, Russland. I, 251.

[2] Этотъ проектъ напечатанъ въ Русск. Архивѣ 1869 г., стр. 1953.

звали такой же отголосокъ: богачъ Шереметевъ пожертвовалъ въ 1803 г. до 2½ миллiоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ на разныя благотворительныя цѣли; множество жертвований болѣе скромныхъ заявляемо было безпрестанно. Но съ особенной ревностью дѣлались пожертвованiя на цѣли просвѣщенiя. Особенное спечатлѣнiе произвело тогда одно пожертвованiе Демидова, простиравшееся цѣнностью до миллiона рублей—деньгами, имѣнiемъ (представлявшимъ капиталъ въ 450 тысячъ р.), библiотекой и нѣсколькими кабинетами, и предназначенное для московскаго университета и для будущихъ университетовъ, объ открытiи которыхъ шла тогда рѣчь, и для основанiя высшаго учебнаго заведенiя въ Ярославлѣ (Демидовскiй лицей). Въ письмѣ къ гр. Завадовскому (въ мартѣ 1803), гдѣ онъ дѣлаетъ первое предложенiе объ этомъ пожертвованiи, Демидовъ именно заявляетъ, что живое стремленiе быть полезнымъ для отечественнаго просвѣщенiя явилось у него отъ глубокаго удовольствiя, съ какимъ онъ читалъ только-что вышедшiй планъ общаго образованiя въ Россiи («Предварительныя правила народнаго просвѣщенiя», утвержденныя 24 января 1803). Другое событiе того же рода, произведшее тогда большое впечатлѣнiе, было пожертвованiе въ 400 тысячъ руб., сдѣланное для харьковскаго университета дворянствомъ этой губернiи вслѣдствiе воззванiй упомянутаго Каразина. Не будемъ упоминать о множествѣ другихъ пожертвованiй, которыя сдѣланы были тогда въ пользу университетовъ и которыя нерѣдко имѣли весьма значительную цѣнность, какъ пожертвованiя Безбородка, Голицына, Дашковой и пр.; о множествѣ пожертвованiй въ пользу другихъ учебныхъ заведенiй, напр., военныхъ дворянскихъ школъ, которыя предполагалось учредить по губернiямъ, и т. д. Наконецъ, подъ влiянiемъ тѣхъ же великодушныхъ стремленiй къ общей пользѣ, возбужденныхъ первыми временами Александра, сдѣланы были пожертвованiя графа Н. П. Румянцова: важныя (и великолѣпно исполненныя) изданiя по древней русской исторiи, покровительство ученымъ предпрiятiямъ, наконецъ, драгоцѣнный музей, пожертвованный имъ (вмѣстѣ съ домомъ) «на благое просвѣщенiе» и перенесенный теперь въ Москву, составляли истинную заслугу русскому образованiю.

Какъ бы ни думали о тогдашней неразвитости нашей общественной жизни, но факты, въ родѣ исчисленныхъ нами,

до сихъ поръ остаются рѣдкими примѣрами ревности къ просвѣщенію и общему благу. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе они должны были имѣть въ свое время; размѣры русскаго образованія были гораздо ограниченнѣе, ему больше нужна была помощь, и эти многочисленныя пожертвованія по тому времени значили гораздо больше, чѣмъ значили бы теперь. Если припомнить, что все это дѣлалось, когда еще недавно только

„Умолкъ ревъ Норда сиповатый",

и что заслуга возбужденія этихъ невиданныхъ явленій принадлежитъ всего больше именно Александру, который подавалъ обществу примѣръ, то должно отдать полную справедливость его намѣреніямъ и усиліямъ его молодыхъ сотрудниковъ, которые всего больше поддерживали его на этой дорогѣ. Пусть другіе корятъ ихъ за «незнаніе Россіи», за признанныя ошибки, за нѣкоторыя увлеченія,—въ это лучшее свое время они были честными совѣтниками императора и сдѣлали не мало для своего отечества.

Итакъ, передовыми людьми общественнаго движенія были люди молодого поколѣнія аристократіи, составлявшіе ближайшій кружокъ императора,—это обстоятельство даетъ отчасти и мѣрку движенія. Общество значительно оживилось въ эти годы уже отъ одной мягкости правленія; но это оживленіе было еще далеко отъ сознательной самодѣятельности. Масса была попрежнему пассивна, мало думала сама о своихъ интересахъ, ожидала всего отъ правительства или принимала участіе въ его дѣятельности потому только, что призывъ шелъ сверху, отъ начальства; большинство, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ механическимъ образомъ привыкло къ новымъ понятіямъ, какъ бываетъ обыкновенно, пока оно не пріучится понимать и ихъ сущность. Но главнымъ образомъ новое движеніе находило партизановъ въ наиболѣе образованномъ высшемъ и среднемъ классѣ, отчасти въ людяхъ Екатерининскаго времени, сохранившихъ старое свободно-мыслящее направленіе и уваженіе къ просвѣщенію [1],

---

[1]) Назовемъ, напр., Завадовскаго, Муравьевыхъ, А. Р. Воронцова, Румянцовыхъ, Демидова, Разумовскихъ, Безбородка, Дашкову и мн. др., которые или прямо участвовали въ либеральномъ направленіи правительства, или содѣйствовали ему значительными пожертвованіями.

и особенно въ молодомъ поколѣніи, образовавшемся подъ новыми вліяніями европейской жизни[1]). Въ этомъ классѣ поддерживалось движеніе и потомъ, когда само правительство начало покидать его. Выше упомянуто, что была и своего рода оппозиція, въ духѣ старыхъ нравовъ; но сама по себѣ она была такъ безсодержательна, что еще ничего не находилась возражать: она пока молчала или подлаживалась подъ новые вкусы правительства и стала заявлять себя громче только позднѣе, когда увидѣла себѣ опору въ измѣнявшемся направленіи самихъ властей.

Эти первые годы производили вообще такое впечатлѣніе, что лучшіе люди того времени начинали съ нихъ новую эпоху русской жизни и пророчили Александру славу и величіе въ исторіи. Серьезный и достойный ученый, Шторхъ, хотѣлъ быть лѣтописцемъ его великихъ и чрезвычайныхъ

[1]) Однимъ изъ характерныхъ людей тогдашняго молодого поколѣнія былъ названный нами Василій Назаровичъ Каразинъ (1773—1842). Онъ выдвинулся впервые въ 1801 г., когда, спустя десять дней по вступленіи Александра на престолъ, доставилъ императору безъимянную записку, написанную съ увлеченіемъ, гдѣ онъ высказывалъ великія надежды Россіи отъ императора и излагалъ свои политическіе взгляды, стремившіеся къ водворенію законности—съ извѣстной помощью представительства—и въ частности, къ надѣленію помѣщичьихъ крестьянъ „человѣческими правами". По приказанію Александра, авторъ записки былъ разысканъ, былъ очень милостиво принятъ императоромъ и получилъ мѣсто въ новомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ былъ правителемъ дѣлъ сначала въ комиссіи училищъ, а потомъ въ главномъ правленіи училищъ, и принималъ самое дѣятельное участіе въ планахъ и предпріятіяхъ министерства. Предполагаютъ, что упомянутыя выше „Предварительныя правила министерства народнаго просвѣщенія" (высочайше утвержденныя 24 января 1803) были составлены именно Каразинымъ. Въ это время, благодаря его смѣлости и настойчивости, состоялось основаніе Харьковскаго университета, для котораго онъ добился большого денежнаго пожертвованія отъ харьковскаго дворянства. На службѣ онъ остался недолго; уже въ 1804 онъ долженъ былъ выйти въ отставку, причиною которой были, какъ говорятъ, интриги его непріятелей, а также, вѣроятно, и собственная неумѣренная рьяность. Съ тѣхъ поръ онъ много разъ обращался къ правительству съ записками о разныхъ общественно-политическихъ предметахъ, не безъ надежды возвратить себѣ прежнее положеніе, но надежды его не осуществились. Онъ писалъ о самыхъ разнообразныхъ вещахъ; между прочимъ, еще въ 1820 г., 21 апрѣля, онъ писалъ имп. Александру объ опасности отъ распространявшихся тайныхъ обществъ, на которыя слѣдовало обратить „недреманное око". Крестьянское дѣло онъ понималъ не въ смыслѣ полнаго, а только ограниченнаго освобожденія; всѣ политическія права и преимущества сосредоточивалъ на

дѣлъ и предпріятій [1]). Но это время, для котораго впередъ готовился историческій памятникъ, имѣло свою оборотную сторону медали: для совершенія задуманныхъ предпріятій, у Александра не достало ни твердаго характера, ни прочно сознанныхъ принциповъ. Въ его дѣйствіяхъ съ самаго начала обозначались слабыя стороны его природы и его образованія, неувѣренность въ самомъ себѣ и своихъ планахъ, и потому мнительность при первомъ серьезномъ вопросѣ, боязнь при каждомъ препятствіи и желаніе примирять противоположности интересовъ, иногда несоединимыя. Оттого громко высказанныя обѣщанія не исполнялись, высокія идеи приносились въ жертву частнымъ мелкимъ соображеніямъ. При этомъ, онъ отличался крайнимъ упрямствомъ, давнишнимъ свойствомъ, проистекавшимъ, вѣроятно, и отъ направленнаго дурно самолюбія, и отъ наслѣдственныхъ инстинктовъ, которымъ нѣсколько противодѣйствовало воспитаніе, но которымъ зато содѣйствовали всѣ вліянія жизни и обстановки. Когда сознаніе принятыхъ имъ правилъ вполнѣ имъ владѣло, онъ былъ готовъ предоставлять другимъ свободу мнѣнія, самъ вызывалъ противорѣчія [2]); но очень часто сами ближайшіе

дворянствѣ; былъ частію либераломъ, частію формальнымъ консерваторомъ, мечталъ о панславизмѣ и т. д.

О Каразинѣ собралась уже значительная литература изъ біографическихъ разсказовъ о немъ и его собственныхъ записокъ.

— Свѣдѣнія о немъ, въ „Чтеніяхъ моск. Общ. исторіи и древностей" 1861, кн. III; 1863, кн. III, и тамъ же его: „Мысли относительно присутственныхъ мѣстъ", и письмо о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы, 1809 г.; 1866, кн. III: попытка Каразина бѣжать за-границу.

— Отдѣльныя письма и документы въ „Русск. Старинѣ" 1870—73 г., т. II—V, VII; объ исторіи основанія Харьковскаго университета, тамъ же, 1875, т. XII—XIV.

— Воспоминаніе о Каразинѣ, Н. Лавровскаго, въ „Журн. мин. нар. просв." 1873, февр., стр. 294—311.

[1]) Съ этой цѣлью начато было его періодически выходившее изданіе: Russland unter Alexander dem Ersten.

[2]) Такъ, въ 1806 г., когда его отношенія съ первымъ его министерствомъ были уже готовы окончательно порваться, онъ писалъ Чарторыйскому: „Pour nous réunir, il faudrait préalablement faire un accord: c'est celui que, malgré tout ce qui pourra se dire dans ce comité, nos relations individuelles et mutuelles restâssent intactes, et que, prenant pour exemple les membres du Parlement anglais, qui, après s'être dit dans la séance les choses les plus fortes, emportés par la chaleur qu'inspire le bien des affaires, en sortant se trouvent les meilleurs amis du monde Alexandre I-er, etc., стр. 59).

совѣтники теряли надежду на спокойное рѣшеніе вопроса, потому что онъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій. Его нетерпимость бывала еще сильнѣе, когда противорѣчіе выходило отъ людей менѣе ему близкихъ; но при этомъ случалось, что, какъ будто желая прикрыть свое упрямство, онъ прибѣгалъ къ искусственнымъ толкованіемъ и уклоненіямъ, лишь бы поставить благовидно на своемъ. Для людей наблюдательныхъ все это уже тогда было дурнымъ предзнаменованіемъ, и совѣтники Александра уже вскорѣ стали тяготиться этими чертами его характера. Теоретически онъ сознавалъ, что многое въ существующемъ порядкѣ вещей фальшиво, вредно, жестоко; самый принципъ преобразованія стоялъ для него внѣ всякаго сомнѣнія, — но практическое осуществленіе пугало его, онъ впадалъ въ нерѣшительность, и въ результатѣ получалось нѣчто «вялое и трусливое» [1]).

Поэтому уже въ самое первое время дѣятельность Александра отличается двойственностью и недоконченностью, — и въ этомъ собственно состоитъ недостатокъ его тогдашняго и еще больше послѣдующаго правленія, а не въ сущности понятій, которымъ онъ хотѣлъ служить въ то время,—какъ упрекали его тогдашніе и позднѣйшіе обвинители: потому что едва ли можно сказать, что были бы дурны или вредны—ограниченіе дурныхъ сторонъ стараго порядка вещей, освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе «Тайной», основаніе университетовъ, введеніе вѣротерпимости, наконецъ, подготовленіе извѣстной самодѣятельности общества и т. д. Напротивъ, вредно и печально было только то, что эта борьба противъ стараго невѣжества и грубости нравовъ въ пользу просвѣщенія и нравовъ цивилизованныхъ не была введена съ твердостью и убѣжденіемъ, какихъ бы требовало достоинство дѣла. Трудъ былъ бы великъ и тяжелъ, но въ помощь ему пришло бы все, что было лучшаго въ нравственномъ запасѣ общества, и все что обрадовалось бы освобожденію.

Александръ, безъ сомнѣнія, былъ искрененъ, когда въ первые годы, послѣ недавнихъ впечатлѣній безграничнаго произвола, тяготѣвшаго надъ нимъ самимъ, высказывалъ свое отвращеніе къ нему и хотѣлъ поставить предѣлъ власти въ законѣ,—но у него не достало характера или убѣжденія

---

[1]) По выраженію гр. Строганова въ одномъ письмѣ къ Новосильцову.

принять первый выводъ этого принципа, что для такого ограниченія надо было признать и уважать какое-нибудь право за другими. Въ нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ онъ обнаружилъ большую умѣренность и не хотѣлъ пользоваться произволомъ, на который его вызывали, — но въ первомъ серьезномъ дѣлѣ онъ отказался отъ принципа. Въ новомъ опредѣленіи правъ и обязанностей сената (8 сент. 1802) сенату дозволено было дѣлать представленія о такихъ указахъ, исполненіе которыхъ соединено съ большими неудобствами или которые были несогласны съ другими законами. Но когда сенатъ захотѣлъ однажды воспользоваться этимъ правомъ, то указъ 8 сент. былъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что это право сената дѣлать представленія относится только къ тѣмъ законамъ или указамъ, которые вышли *до* манифеста 8 сент., а не къ тѣмъ, которые изданы *послѣ*. Понятно. что разъясненіе уничтожало весь первоначальный смыслъ этой мѣрѣ[1]). При учрежденіи министерствъ имѣлась въ виду конституціонная идея объ отвѣтственности министровъ, которая обезпечивала бы строгую законность управленія. На дѣлѣ, министры уже вскорѣ стали обходить эту отвѣтственность, и управленіе, сдѣлавшись чисто личнымъ, до нѣкоторой степени справедливо заставляло жалѣть о прежнемъ коллегіальномъ порядкѣ. По разсказамъ адмирала Мордвинова, когда обсуждалось устройство министерствъ, то Александръ непремѣнно хотѣлъ, чтобы министры были объявлены отвѣтственными. «Но если бы министръ отказался подписать указъ в. величества, — возражали ему, — будетъ ли этотъ указъ обязателенъ безъ этой формальности? — «Конечно, отвѣчалъ онъ; указъ долженъ былъ исполненъ во всякомъ случаѣ». Такъ неясно понимался вопросъ объ отвѣтственности[2]). Далѣе, Александръ торжественнымъ образомъ уничтожилъ Тайную Экспедицію; но, какъ при Екатеринѣ это учрежденіе возродилось изъ пепла Тайной Канцеляріи, такъ и теперь уничтоженная Экспедиція черезъ нѣсколько времени возстановилась опять подъ другими формами. Правда, эти формы были гораздо болѣе мягки и умѣренны, и впослѣдствіи человѣкъ, управлявшій этимъ вѣдомствомъ, считался за очень честнаго человѣка, — но тѣмъ не менѣе принятая секретно система шпіонства и такъ называемыхъ экстра-

[1]) La Russie et les Russes, II. 294.

[2]) Тамъ же, II, 291.

легальныхъ и административныхъ мѣръ, арестовъ, удаленій, ссылокъ и т. п. безъ суда, уничтожали все значеніе перваго манифеста объ этомъ предметѣ и подрывали всѣ заботы о введеніи законности. Въ крестьянскомъ вопросѣ имп. Александръ опять несомнѣнно питалъ самыя лучшія намѣренія, но исполненіе ихъ было такъ боязливо, что даже предположивъ все сопротивленіе, какого онъ опасался со стороны дворянства, онъ не достигъ результатовъ, которые были возможны. Въ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ освобожденіе крестьянъ обставлено было такимъ количествомъ формальностей, что указъ дѣйствовалъ отчасти только въ первое время, при свѣжемъ впечатлѣніи, но потомъ дѣйствіе его значительно замедлилось, почти прекратилось. Стѣснительныя формальности могли имѣть какой-нибудь смыслъ скорѣе въ первое время, когда опасались раздражить помѣщиковъ, и могли бы быть постепенно ослабляемы потомъ, но случилось какъ разъ наоборотъ: очевидно, что само правительство потеряло прежнюю добрую волю. Александръ и послѣ, правда, не забывалъ своихъ филантропическихъ стремленій, и крестьянское дѣло лежало у него на совѣсти, но въ позднѣйшее время онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, держался извѣстнаго принципа абсолютной власти: онъ считалъ это дѣло *своимъ личнымъ* дѣломъ, съ нетерпимостью отвергалъ въ этомъ вопросѣ всякую частную иниціативу, какъ вмѣшательство въ *его* исключительное право,—но самъ этимъ правомъ не пользовался. Вопросъ былъ похороненъ имъ самимъ. Далѣе, возвращаясь къ учрежденіямъ Екатерины и желая продолжать ея правленіе, Александръ возстановлялъ дворянскую грамоту, городовое положеніе и т. п., но эти учрежденія не получили дальнѣйшаго развитія. Къ дворянству, какъ исключительному сословію, онъ не имѣлъ особенной любви, но не далъ и другимъ классамъ сословныхъ правъ, которыя подняли бы ихъ общественную самостоятельность.

Такимъ образомъ Александръ съ первыхъ шаговъ, нечувствительно и вѣроятно незамѣтно для себя самого, возвращался на старую дорогу. По теоріи онъ стремился водворить новый порядокъ вещей, обдумывая формы общественнаго освобожденія, но на практикѣ забывалъ самыя существенныя условія задачи и въ своей нетерпимости къ самымъ умѣреннымъ заявленіямъ самостоятельности оставался вѣренъ преданіямъ стараго порядка. Неограниченная монархія слишкомъ часто бываетъ враждебна общественной иниціативѣ, и это соста-

вляетъ роковую, слабую ея сторону: истинныя цѣли государства могутъ быть достигнуты только съ развитіемъ общественной силы; когда инціатива общества подавляется, внутренняя сила его глохнетъ и остается непроизводительной; но стѣсненіе общества вредно отражается потомъ и на самомъ государствѣ, которое, наконецъ, начинаетъ терять свой нравственный авторитетъ. Екатерина не разрѣшала этой дилеммы; Александръ своими инстинктами сильнѣе чувствовалъ необходимость рѣшенія, но не имѣлъ довольно характера, чтобы приступить къ нему открыто.

Къ концу этого періода Александръ сталъ все больше увлекаться вопросами внѣшней политики. Это еще больше затрудняло успѣхъ его первыхъ начинаній, вліяніе которыхъ въ обществѣ въ большой степени зависѣло отъ его непосредственнаго участія. Съ этого времени его внутренній разладъ съ самимъ собой и обществомъ начинаетъ усиливаться.

ГЛАВА III.

Сперанскій.

Кружокъ друзей, съ которыми императоръ дѣлилъ свои первые планы, держался недолго. Съ 1806 года они мало-по-малу устраняются отъ дѣлъ, и Тильзитскій миръ начинаетъ новый періодъ въ жизни Александра и въ его царствованіи. Но Александръ не покидалъ своихъ либеральныхъ намѣреній, и вопросъ о представительствѣ, поставленный въ началѣ царствованія, продолжалъ занимать его почти до послѣднихъ лѣтъ его жизни. Въ этомъ второмъ періодѣ конституціонные планы получили новое замѣчательное развитіе въ рукахъ Сперанскаго. Позднѣе, удаленіе Сперанскаго, какъ удаленіе перваго кружка, также не остановило конституціонныхъ мечтаній Александра. Въ 1812 г., въ извѣстномъ разговорѣ съ г-жей Сталь, онъ полувысказываетъ свое желаніе дать «не случайныя» ручательства хорошаго правленія [1]). Въ томъ же, быть можетъ, еще болѣе оживленномъ настроеніи онъ былъ въ теченіе Наполеоновскихъ войнъ, когда онъ самъ и подъ его вліяніемъ, союзные государи говорили о свободѣ и обѣщали своимъ народамъ учрежденія, которыя должны были обезпечить эту свободу. Императоръ Александръ, въ то время тѣсно сблизившійся съ знаменитымъ Штейномъ, первый настаивалъ на либеральной программѣ, которую должны были принять правительства;

[1]) „Императоръ,—разсказываетъ г-жа Сталь,—съ энтузіазмомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и обо всемъ, чѣмъ этотъ народъ способенъ сдѣлаться. Онъ высказалъ мнѣ желаніе, о которомъ знаютъ всѣ — улучшить положеніе крестьянъ, еще находящихся въ крѣпостномъ рабствѣ. „Государь, сказала я, вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи, и ваша совѣсть есть ея гарантія".—Еслибъ это было и такъ, отвѣчалъ онъ, я все-таки былъ бы только счастливой случайностью!—Прекрасныя слова, я думаю — первыя слова такого рода, произнесенныя абсолютнымъ государемъ". (Dix années d'exil, Brux. 1821, стр. 231. Эти слова были уже приведены въ 3-мъ томѣ „Considérations sur la révolution française").

мнѣнія, которыя онъ высказывалъ тогда почти публично, многимъ напоминали идеи лучшихъ временъ революціи [1]). На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ упорно стоялъ за конституціонное устройство Польши, противъ мнѣнія почти всѣхъ безъ исключенія своихъ совѣтниковъ (Каподистрія, Поццо-ди-Борго, самъ Штейнъ и т. д.) и противъ мнѣнія другихъ державъ, и дѣйствительно въ Польшѣ введено было представительное правленіе. Александръ не только явился въ Польшѣ конституціоннымъ королемъ, но объявилъ, что такія же учрежденія онъ готовитъ и для Россіи (рѣчь при открытіи варшавскаго сейма, 15-го марта 1818). Эта русская конституція дѣйствительно приготовлялась; ее составляли, кажется, по образцу той, какая дана была Польшѣ (Новосильцовскій проектъ, о которомъ скажемъ далѣе). Александръ былъ конституціоннымъ государемъ и въ другомъ мѣстѣ—въ завоеванной у шведовъ Финляндіи. Современникъ разсказываетъ объ этомъ: «Своимъ благороднымъ образомъ дѣйствій относительно Финляндіи императоръ Александръ какъ будто желалъ заставить забыть несправедливый способъ ея пріобрѣтенія, и вознаградить новыхъ подданныхъ за перемѣну правленія, которой они подверглись. Онъ далъ Финляндіи новое устройство и конституцію и оставилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ: законодательномъ, административномъ и судебномъ,—независимой отъ остальной имперіи. Тамъ установлено было національное представительство... Его благія намѣренія въ пользу этой части имперіи увѣнчаны были полнымъ успѣхомъ: во все его царствованіе Финляндія процвѣтала подъ сѣнью учрежденій, которыми обязана была великодушію этого государя» [2]).

Такимъ образомъ, въ разные періоды царствованія до самыхъ послѣднихъ годовъ обнаруживались конституціонныя влеченія Александра, какъ ни колебалось въ то же время его политическое настроеніе. Мы остановимся теперь на томъ періодѣ его плановъ, когда сотрудникомъ его былъ

[1]) Фарнгагенъ, жившій въ Парижѣ въ 1814 г. въ военной и дипломатической средѣ и видѣвшій также императора Александра, говоритъ въ своихъ запискахъ: „Многіе питали тогда искреннюю надежду и даже на союзныхъ монарховъ смотрѣли съ довѣріемъ; они энергично и благоразумно вели свое дѣло, ихъ умѣренность была очевидна, и императоръ Александръ говорилъ языкомъ, напоминавшимъ прекраснѣйшія изліянія первыхъ временъ революціи“ (Denkwürdigkeiten, 2-te Ausg. Leipz. 1843, III, 165).

[2]) La Russie, III, стр. 122—123.

Сперанскій и когда его реформаторскія намѣренія относительно самой Россіи отличались, кажется, наибольшей степенью увлеченія.

Эти планы Александра были продолженіемъ той же старой мысли, которая высказалась въ мѣрахъ и проектахъ первыхъ лѣтъ царствованія. Теперь его опытность увеличилась настолько, что онъ, повидимому, долженъ былъ еще больше прежняго видѣть недостатки прежняго порядка вещей. Реакціонныя партіи не выставили пока ничего, что походило бы на какую-нибудь раціональную систему и что могло бы отвратить Александра отъ его намѣреній. Внѣшнія дѣла, которыя съ первой войны противъ Наполеона стали особенно отвлекать его вниманіе отъ внутреннихъ русскихъ дѣлъ, повидимому не уменьшали либеральнаго настроенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще поддерживали его. Первыя войны съ Наполеономъ въ свое время вызывали осужденіе домашнихъ консервативныхъ политиковъ, какъ, напр., въ запискѣ Карамзина. Дѣйствительно, русская политика, можетъ быть, выказала въ нихъ лишній задоръ и охоту мѣшаться въ чужія дѣла, но были обстоятельства, объясняющія тогдашнюю роль Россіи. Строгіе судьи, какъ Карамзинъ, начавшіе смѣло судить и рядить о русской политикѣ при Александрѣ, прежде всего забывали, что политика, враждебная Франціи, начата была не Александромъ: она была принята уже Екатериной и Павломъ, и тогда имѣла даже гораздо меньше основаній,—потому что была исключительно дѣломъ реакціоннаго раздраженія противъ переворота во Франціи, ничѣмъ не грозившаго Россіи. Можно было сказать, что Александръ въ своихъ войнахъ только продолжалъ политику Екатерины,—для мудрости которой упомянутые судьи не находили вообще достаточныхъ похвалъ. Съ другой стороны, враждебное отношеніе къ Франціи имѣло теперь и иныя основанія: Наполеоновскіе захваты и нарушенія международнаго права наконецъ задѣвали и Россію. Война была ведена неискусно, даже плохо; Александръ самъ сдѣлалъ много ошибокъ, между прочимъ, увлекшись желаніемъ явиться въ роли полководца, и т. п., но онъ могъ не безъ основанія говорить, что война велась за независимость и права народовъ и за политическое достоинство Россіи. При всѣхъ неудачахъ войны, достоинство Россіи получило однако отъ Наполеона удовлетвореніе, и Тильзитскій миръ былъ заключенъ.

Въ массѣ общества этотъ миръ не былъ популяренъ по разнымъ обстоятельствамъ и, между прочимъ, потому, что въ ней развивались уже особыя представленія о противникѣ Александра. Наполеонъ уже въ то время возбуждалъ въ русскихъ ненависть, которая дошла потомъ до послѣдняго предѣла въ 1812 году; его еще не называли и не считали антихристомъ, но въ немъ уже видѣли исчадіе революціи и олицетвореніе якобинства. Наполеонъ доставлялъ, наконецъ, опредѣленную цѣль для той ненависти, которую незатѣйливое въ своихъ идеяхъ большинство общества почувствовало къ французской революціи еще съ конца правленія Екатерины. Эта вражда въ массѣ была совершенно искренняя, и литература, которой правительство по своимъ соображеніямъ позволило въ теченіе военныхъ дѣйствій говорить что угодно противъ Наполеона, постаралась раздуть ее еще больше. Со временъ революціи въ русскомъ обществѣ стала особенно развиваться вражда къ французскимъ вліяніямъ—французскому воспитанію, литературѣ, нравамъ. Собственно говоря, вражда началась уже давно, со временъ «Живописца» и «Бригадира», и въ ней сказывались равно и сатирическая реакція противъ поверхностнаго подражанія, и староверческая нелюбовь къ нововведеніямъ, и возбужденіе къ самостоятельности. Борьба противъ «галломаніи»—въ этомъ очень двусмысленномъ значеніи—совпадала съ политическими планами правительства противъ Франціи и «якобинскихъ идей» при Екатеринѣ и Павлѣ; теперь она опять совпадала съ войной. Понятно, поэтому, то впечатлѣніе, которое произвелъ въ обществѣ Тильзитскій миръ. Если были недовольные самымъ началомъ войны, потому что не видѣли для Россіи достаточнаго повода мѣшаться въ нее и тратить силы; если другіе были недовольны войной по той причинѣ, что она велась плохо (что было справедливо), то, быть можетъ, еще больше недовольны были миромъ: съ этого мира начинались дружескія отношенія между русскимъ императоромъ и «исчадіемъ революціи», которое успѣли возненавидѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинались для Россіи торговыя стѣсненія континентальной системы.

Александръ мало руководился взглядами общества, которые потомъ вовсе не остались для него тайной. Миръ былъ вынужденъ необходимостью: воевать дольше физически было нельзя; кромѣ того, Александръ былъ раздраженъ противъ Англіи за ея слабое содѣйствіе, и это раздраженіе почти

уничтожало поводы къ непріязни со стороны Наполеона. Условія мира—кромѣ континентальной системы, которая, впрочемъ, не особенно строго исполнялась съ русской стороны,— были неожиданно выгодны и извѣстнымъ образомъ почетны для Россіи: съ ней трактовали какъ съ державой равной, а не какъ съ побѣжденной. Это объяснялось тѣмъ, что обстоятельства самого Наполеона требовали отъ него уступчивости и умѣренности.

Въ личной исторіи Александра Тильзитскій миръ отразился новыми вліяніями. Наполеонъ произвелъ на Александра сильное впечатлѣніе. Мудрено опредѣлять, въ чемъ именно состояло это впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ необыкновенная энергія геніальнаго авантюриста, широкіе, полуфантастическіе планы господства надъ Европой, ловкая лесть подѣйствовали на Александра. Однако, въ Эрфуртѣ только черезъ годъ послѣ Тильзита Александръ былъ, кажется, уже гораздо сдержаннѣе; отвѣчая на лесть и любезности тѣмъ же, онъ однако не поддавался такъ скоро на предложенія, и его подозрительность яснѣе указывала ему, и даже нѣкоторымъ изъ его окружающихъ, тѣ причины, которыя заставляли Наполеона расточать передъ нимъ свою внимательность [1].

Въ Эрфуртъ императоръ взялъ съ собою и Сперанскаго. Въ это время Сперанскій вступалъ на высшую ступень своего значенія; какъ прежде своимъ первымъ приближеннымъ, такъ теперь ему Александръ сообщилъ свои планы и обдумывалъ съ нимъ проекты всеобщаго преобразованія русскаго государственнаго устройства и управленія. На Сперанскаго, какъ разсказываютъ, Наполеонъ произвелъ также чрезвычайное впечатлѣніе, по которому отчасти можно, вѣроятно, судить и о впечатлѣніяхъ самого Александра. Отношенія Александра къ Наполеону были, конечно, весьма сложны. Здѣсь были чисто политическія отношенія, гдѣ дѣйствовалъ простой разсчетъ и понимаемыя какъ обыкновенно «государственныя пользы», которыхъ искали въ дипломатическихъ побѣдахъ, въ пріобрѣтеніи новыхъ земель и т. п.; были отношенія личныя, гдѣ Наполеонъ возбуждалъ въ Александрѣ удивленіе и, быть можетъ, невыгодно дѣйствовалъ на его характеръ [2]),

---

[1]) См. любопытныя замѣчанія объ ихъ сношеніяхъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ у Ланфре, Histoire de Napoléon, IV, 113—134, 393—415.

[2]) Александръ еще въ 1812 г. говорилъ г-жѣ Сталь о своемъ тогдашнемъ удивленіи Наполеону, который, какъ замѣчаетъ она, между

но ихъ встрѣча имѣла и обширный историческій смыслъ. Личность и дѣятельность Наполеона имѣли вообще двойственный характеръ, вслѣдствіе котораго Наполеонъ и въ то время одинаково справедливо вызывалъ и энтузіазмъ и ненависть, и въ исторіи является орудіемъ свободы и орудіемъ угнетенія. Человѣкъ, одушевляемый только безграничнымъ властолюбіемъ, съ крайнимъ безсердечіемъ и даже презрѣніемъ къ человѣчеству, онъ все-таки оставался «сыномъ революціи», и въ его дѣятельности, хотя среди множества противорѣчій, продолжали жить идеи, выработанныя французскихъ XVIII-мъ вѣкомъ. При всей жадности къ власти, онъ оставался представителемъ націи, которая произвела громадный переворотъ въ своей внутренней жизни и, уничтоживъ въ ней средневѣковыя традиціи, стояла впереди Европы, еще погруженной въ эти традиціи. Имперія была реакціей противъ революціоннаго погрома, но реакція не была и не могла быть полной; многое было завоевано окончательно, и возстановленіе монархическихъ формъ было возможно только подъ условіемъ сохраненія завоеванныхъ общественныхъ принциповъ. Эти принципы имперія вносила и въ свои завоеванія; отсюда то странное явленіе, что Наполеоновское иго надъ Германіей послужило для нея началомъ освободительнаго движенія. Уничтожая политическую независиомсть цѣлыхъ странъ, завоеваніе полагало для нихъ зачатки независимости гражданской. Германскій феодализмъ былъ подорванъ такъ же, какъ былъ подорванъ французскій. Необыкновенный организаторскій талантъ Наполеона дѣлалъ то, что учрежденія, законодательство, имъ наслѣдованныя отъ революціи и собранныя имъ въ систему, быстро бросали свои корни и сохранили свое вліяніе на умы и тогда, когда самого Наполеона уже не было. Новый Атилла былъ вмѣстѣ представителемъ исторически созрѣвшей идеи, требовавшей обновленія политической жизни.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ этомъ историческомъ своемъ значеніи Наполеонъ имѣлъ вліяніе и на Александра. Тѣсная встрѣча открывала этотъ характеръ не только въ его мрачныхъ, отталкивающихъ сторонахъ, но и въ его преобразующемъ значеніи. Едва ли совсѣмъ случайно было то обстоятельство, что съ этого времени начинается новый порывъ императора Александра къ реформамъ въ русской

прочимъ, внушалъ ему макіавелическое презрѣніе къ людямъ—какъ и слѣдовало ожидать (Dix années d'exil, стр. 229).

жизни, къ которымъ, повидимому, онъ нѣсколько охладѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ распался «комитетъ», работавшій столь малоуспѣшно, и съ тѣхъ поръ, какъ потребность въ разнообразіи и въ шумной роли увлекла Александра въ путаницу европейскихъ дѣлъ. Въ такомъ же смыслѣ Наполеонъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Сперанскаго, который былъ теперь главнымъ дѣльцомъ при Александрѣ. Такимъ образомъ, вліянія совпадали, и это способствовало согласію взглядовъ въ начавшихся теперь совмѣстныхъ работахъ императора и его перваго статсъ-секретаря.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать этого вліянія. Этотъ періодъ правленія Александра называютъ обыкновенно «французскимъ», какъ предшествовавшій называютъ «англійскимъ»—названія, которыя могутъ имѣть смыслъ развѣ по указанію на внѣшнія политическія связи Россіи за эти два періода, но затѣмъ едва ли что объясняютъ. Сперанскаго винили въ наклонности къ «французской системѣ»; онъ, кажется, и самъ не спорилъ, что она ему нравилась, но несправедливо было бы сказать, что только здѣсь и былъ источникъ реформатскихъ плановъ, надъ которыми думали теперь Александръ и Сперанскій. У Александра эти мысли были давнія; вѣроятно, онѣ не были новы и у Сперанскаго, — здѣсь они оба могли встрѣтить только новое возбужденіе, которое придало имъ предпріимчивости.

Мы не будемъ входить въ подробности дѣятельности Сперанскаго и ограничимся указаніемъ на книгу барона Корфа, гдѣ читатель найдетъ массу свѣдѣній объ его служебной дѣятельности, и на нѣкоторые разборы этой книги [1].

---

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго“ барона М. А. Корфа, 2 т., Спб. 1861; „Русскій Реформаторъ“, Современникъ, 1861, окт., стр. 211—250; „Сперанскій и его государственная дѣятельность“, Ѳ Дмитріева, въ газетѣ „Наше время“, 1862, откуда статья перепечатана потомъ въ „Русск. Архивѣ“, 1863 ст. 1527—1668.

После книги бар. Корфа явилось много новаго біографическаго матеріала. Упомянемъ, напр: Дружескія письма гр. М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому, писанныя съ 1798 по 1819 годъ, съ историческими поясненіями, составленными К. Масальскимъ, Спб. 1862; большое количество отдѣльныхъ матеріаловъ и переписки, помѣщенныхъ въ историческихъ журналахъ, какъ „Русская Старина“ и „Русскій Архивъ“ (переписка съ Столыпинымъ, Цейеромъ, Лопухинымъ и др.); изданный Публичною Библіотекою по случаю столѣтія годовщины дня рожденія Сперанскаго сборникъ „Въ память гр. М. М. Сперанскаго“, Спб. 1872, гдѣ напечатаны изъ принесенныхъ Библіотекѣ въ даръ его дочерью бумагъ—дневникъ, веденный во время поѣздокъ по Сибири, переписка

Мы желали бы дать понятіе только объ основномъ содержаніи реформъ, задуманныхъ Сперанскимъ. Эти реформы осуществились на дѣлѣ только въ второстепенныхъ своихъ частяхъ; главныя положенія остались на бумагѣ. И тогда и послѣ эти основныя положенія не были почти извѣстны въ русскомъ обществѣ, и еще менѣе въ печати: онѣ не нашли мѣста даже и въ біографіи барона Корфа, которая ограничилась изложеніемъ частей цѣлаго плана, исполненныхъ на практикѣ.

Сперанскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей молодого поколѣнія въ первые годы царствованія Александра. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ его біографію. Сперанскій родился 1 января 1772 г. [1]) въ селѣ Черкутинѣ, владимірской губерніи, въ бѣдной семьѣ духовнаго званія. Семи лѣтъ онъ поступилъ во владимірскую семинарію; съ дѣтства отличался понятливостью и трудолюбіемъ. Семинарское ученіе не было богато, но пріучало къ упорному труду, и Сперанскій съ его живымъ, дѣятельнымъ умомъ самъ дополнялъ чтеніемъ то, чего недоставало въ школѣ. Когда въ 1790 г. при основаніи въ Петербургѣ главной семинаріи (преобразованной потомъ въ духовную академію) вызывали въ нее лучшихъ учениковъ провинціальныхъ заведеній, изъ Владиміра былъ посланъ Сперанскій. Здѣсь его необыкновенная даровитость рано обратила на него вниманіе. По окончаніи курса онъ остался въ главной семинаріи преподавателемъ математики. Еще въ семинаріи онъ выучился по-французски, и его литературныя упражненія отличались ровнымъ и щеголеватымъ языкомъ, который былъ замѣчателенъ для того времени, когда Карамзинъ едва начиналъ свою дѣятельность и еще не произвелъ реформы въ

и нѣкоторыя сочиненія; „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири, съ 1819 по 1821 г." В. Вагина, 2 ч. Спб. 1872, и о томъ же предметѣ статья Ядринцева въ „Живописной Россіи" изд. Вольфа, томъ XI, 1884.

За послѣднее время въ средѣ Историческаго Общества при Петроградскомъ университетѣ возникла мысль приступить къ изданію собранія бумагъ, сочиненій и писемъ Сперанскаго. Избранная для этого комиссія, при содѣйствіи Академіи наукъ, выпустила въ свѣтъ первый выпускъ своихъ „Трудовъ" (П. 1916), въ которомъ, подъ редакціей кн. Н. В. Голицына, издана „Опись бумагъ М. М. Сперанскаго 1812 года".

[1]) Онъ былъ, такимъ образомъ, почти шестью годами старше императора Александра (род. 12 дек. 1777).

литературномъ языкѣ. Преподавателемъ Сперанскій остался не долго. Князю Куракину, занимавшему важное мѣсто въ сенатѣ, понадобился домашній секретарь, и ему рекомендовали Сперанскаго. Куракинъ, говорятъ, былъ изумленъ быстротой и дѣльностью его работы; положеніе Сперанскаго въ домѣ высокомѣрнаго барина мало отличалось отъ положенія слуги,—но отсюда начинается однако его быстрое возвышеніе. По воцареніи Павла, князь Куракинъ сдѣланъ былъ генералъ-прокуроромъ: Сперанскій, зачисленный на службу при немъ въ апрѣлѣ 1707 г. съ чиномъ титулярнаго совѣтника, по званію магистра, въ сентябрѣ 1708 г. былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, — Куракинъ не усумнился показать, что 25-лѣтній секретарь его уже десять лѣтъ состоитъ въ званіи магистра. Въ царствованіе Павла люди возвышались и падали очень быстро: въ четыре года смѣнилось четыре генералъ-прокурора, но Сперанскій (въ роли «экспедитора», въ сущности—правителя дѣлъ) уцѣлѣлъ. Въ немъ уже давно, по словамъ его біографа, «являлся зародышъ той ловкой вкрадчивости, того умѣнья выказывать себя, которыя остались при немъ на всю жизнь»; притомъ по своимъ знаніямъ и дѣятельности это былъ человѣкъ необходимый. Сперанскій удержался даже при бѣшеномъ Обольяниновѣ, но ему приходилось выносить тяжелыя начальническія оскорбленія. «Угодливость, эта не лучшая черта его характера,—говоритъ Ѳ. Дмитріевъ,—искупается его постояннымъ трудомъ и другими свойствами его истинно-гуманной личности. Къ тому же, нравы того времени выносили многое, и находчивость Сперанскаго была не очень виновнымъ орудіемъ среди безстрашныхъ витязей тогдашней администраціи». Со вступленіемъ на престолъ Александра Трощинскій, по внушенію котораго основанъ былъ государственный совѣтъ въ его первомъ видѣ, помѣстилъ Сперанскаго въ 1801 г. въ канцелярію совѣта, съ званіемъ статсъ-секретаря. Въ то же время ему сталъ поручать разныя работы Кочубей, безъ вѣдома Трощинскаго, а въ 1803 г. Сперанскій совсѣмъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1806 г. Сперанскій, во время болѣзни Кочубея, былъ посылаемъ имъ съ докладами къ императору: эти личныя сношенія стали вскорѣ очень близкими; Сперанскій оставилъ министерство и въ качествѣ статсъ-секретаря работалъ только по порученіямъ самого Александра. Въ 1808 г. Сперанскій былъ въ свитѣ государя въ Эрфуртѣ, въ числѣ его ближайшихъ довѣренныхъ лицъ.

Въ эти годы началась организаторская дѣятельность, о которой будемъ дальше говорить. въ 1812 г. эта дѣятельность уже кончилась: Сперанскій сталъ жертвою интриги, не вполнѣ разъясненной до сихъ поръ. Сосланный безъ суда сначала въ Нижній, потомъ въ Пермь, потомъ получившій позволеніе жить въ своей деревнѣ, въ новгородской губерніи, онъ тщетно искалъ оправдаться; письма къ императору оставались безъ отвѣта. Сперанскій упалъ духомъ, его характеръ былъ окончательно надломленъ преслѣдованіемъ; онъ имѣлъ слабость обращаться съ льстивыми просьбами къ людямъ, которыхъ не уважалъ, долженъ былъ выносить ихъ ядовитыя любезности. Наконецъ, въ 1816 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Пензу, въ 1819 г.—генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. Его административная дѣятельность, особенно въ Сибири, была новымъ благороднымъ подвигомъ и заслугой: далекая страна была издавна жертвой страшнаго чиновническаго угнетенія и грабежа, и Сперанскому Сибирь обязана впервые искорененіемъ старыхъ злоупотребленій и водвореніемъ какого нибудь порядка. Въ 1821 г. Сперанскій получилъ, наконецъ, разрѣшеніе явиться въ Петербургъ; онъ все еще надѣялся, если не на возстановленіе прежнихъ отношеній, то на примиреніе; но надежды не оправдались: Александръ былъ уже въ иномъ настроеніи, его «другомъ» былъ Аракчеевъ.

Новая дѣятельность началась для Сперанскаго уже въ царствованіе Николая I. Ему порученъ былъ громадный трудъ надъ «Сводомъ Законовъ»,—совершенный имъ въ короткій срокъ 1826—33 годовъ. Въ 1839 г. Сперанскій награжденъ былъ графскимъ титуломъ, съ характеристическимъ девизомъ въ гербѣ: in adversis sperat (въ невзгодѣ уповаетъ). „Онъ вскорѣ умеръ[1], —замѣчаетъ Ѳ. Дмитріевъ,—оставивъ по себѣ какую-то сомнительную память, на которой долго лежали различные упреки. Къ Сперанскому еще вѣрнѣе можно приложить слова поэта, обращенныя имъ къ другому дѣятелю той же эпохи, который также понесъ, за совершенный имъ подвигъ, незаслуженную кару общественнаго мнѣнія: это былъ одинъ изъ тѣхъ—

...Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье [2]).

---

[1]) Серанскій умеръ 11 февраля 1839 г.

[2]) Слова Пушкина о Барклаѣ-де-Толли, въ стихотвореніи „Полководецъ“.

Возвращаемся къ началу дѣятельности Сперанскаго въ первые годы царствованія Александра.

Министерство Кочубея получало особенное значеніе по обширному кругу дѣйствій и оживленной работѣ; въ глазахъ умныхъ людей служба въ его канцеляріи стала считаться своего рода школой, образовательнымъ средствомъ; журналъ этого министерства вызывалъ сочувствіе [1]). Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ здѣсь Сперанскій. Онъ не имѣлъ еще вполнѣ самостоятельной роли, но въ немъ уже опредѣлился человѣкъ новаго образа мыслей, партизанъ новой системы, какую заставляли предполагать мѣры правительства. Съ 1803 года Сперанскому поручались уже особыя важныя дѣла по новымъ преобразованіямъ. Когда около времени Тильзитскаго мира Александръ разошелся съ своими прежними совѣтниками, онъ тотчасъ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, и на него возложена была такая же масса разнообразныхъ дѣлъ, какая прежде была на рукахъ Новосильцова. Передъ поѣздкой въ Эрфуртъ Александръ назначилъ Сперанскаго въ комиссію законовъ, а вскорѣ по возвращеніи сдѣлалъ его товарищемъ министра юстиціи, что должно было утвердить его значеніе въ комиссіи, отъ которой ожидались теперь капитальныя законодательныя работы. Сперанскій, по словамъ Розенкампфа, еще прежде былъ усерднымъ почитателемъ французской системы централизаціи и Наполеонова кодекса, и теперь, когда императоръ Александръ, въ своемъ новомъ настроеніи, опять сталъ думать о широкой политической реформѣ, онъ не могъ найти сотрудника и исполнителя лучше Сперанскаго: порывистымъ желаніямъ и торопливости императора совершенно отвѣчала и смѣлая, неутомимая, и систематическая дѣятельность Сперанскаго.

Съ такимъ направленіемъ мыслей Сперанскій приступалъ къ работамъ, о которыхъ будемъ говорить. Его личный характеръ и въ то время, и послѣ до сихъ поръ подвергался многоразличнымъ осужденіямъ. Не только враги, ненавидѣвшіе его за образъ мыслей или вслѣдствіе личныхъ столкновеній, взваливали на него всевозможныя обвиненія, но и люди, расположенные цѣнить многія блага его начинанія, строго осуждали недостатки его характера и вообще невы-

---

[1]) Мы указывали выше не лишенные интереса отзывы Евгенія, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, въ его частныхъ письмахъ 1804—1805 г. „Русскій Архивъ", 1870, стр. 841, 846.

соко цѣнили его нравственное достоинство. Нечего опровергать тѣ безсмысленныя клеветы, которыя распространялись его непріятелями: обвиненія въ измѣнѣ, которымъ какъ будто повѣрилъ и самъ имп. Александръ, во взяткахъ и т. п. Но объ немъ строго судятъ и такіе современники, какъ Н. И. Тургеневъ.

«Ни на одного изъ русскихъ государственныхъ людей не клеветали столько, какъ на Сперанскаго; а по разбору фактовъ онъ оказывается человѣкомъ очень рѣдкаго природнаго благородства»,—говоритъ одинъ изъ критиковъ книги барона Корфа и свое послѣднее заключеніе выводитъ изъ разныхъ данныхъ, собранныхъ въ этой книгѣ и свидѣтельствующихъ о прямотѣ этого характера. Прибавимъ еще отзывъ сухого и безпристрастнаго И. И. Дмитріева, который говоритъ, что любилъ Сперанскаго, когда тотъ еще не имѣлъ своего высокаго служебнаго положенія, находя въ немъ «просвѣщеніе, благородство и привѣтливость». Впослѣдствіи въ ихъ служебныхъ отношеніяхъ была между ними «нѣкоторая холодность»; «но это не мѣшало мнѣ,—говоритъ Дмитріевъ,—отдавать ему полную справедливость и желать искренно, чтобы важный трудъ его, новое уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный государственнымъ совѣтомъ, и впослѣдствіи собственною опытностью, скорѣе былъ довершенъ и обнародованъ. Тогда бы имя его дошло до потомства» [1]). Припомнимъ, что это писалъ почитатель Державина и ближайшій другъ Карамзина.

Отзывы Тургенева [2]) безжалостны и объясняются, вѣроятно, тѣмъ положеніемъ, въ какое сталъ Сперанскій по возвращеніи изъ ссылки, и особенно его ролью въ началѣ новаго царствованія. Тургеневъ, вѣроятно, и зналъ Сперанскаго только по его возвращеніи въ Петербургъ, а въ это время въ немъ произошла сильная перемѣна, достаточно характеризованная въ книгѣ барона Корфа и въ статьѣ «Современника». Сперанскій послѣ ссылки былъ уже человѣкъ сломленный.

---

[1]) „Взглядъ на мою жизнь", стр. 199.

[2]) La Russie, I, 573—576: „le peu de valeur de l'homme moral"; „la pusillanimité de Speransky"; „il a pu donner quelque méthode a ses créations, mais il lui a été impossible de leur donner de l'âme, par la simple raison que lui même n'avait pas d'âme".

Въ это позднѣйшее время, когда онъ сталъ уклончивъ и искателенъ, когда онъ сталъ добиваться дружбы сильныхъ людей, какъ Аракчеевъ, и, принося такія жертвы своему положенію, дошелъ до того, что даже написалъ похвальное слово военнымъ поселеніямъ,—его новыя связи набрасывали дѣйствительныя пятна на его характеръ: его обвиняли въ безсердечномъ честолюбіи. Но если справедливо, что и въ это позднѣйшее время Сперанскій (по словамъ автора статьи «Современника») «былъ честолюбивъ, но не въ томъ дюжинномъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяется съ этимъ словомъ: онъ хотѣлъ великой исторической дѣятельности, онъ хотѣлъ заслужить славу въ потомствѣ государственными преобразованіями, и человѣка, имѣющаго такую цѣль, нельзя упрекать въ тщеславной суетности, когда онъ хлопочетъ о власти»,—то едва ли можно сомнѣваться, что въ прежнее время его побужденія были столько же безкорыстны, что онъ дѣйствительно искалъ великой исторической дѣятельности.

Говоря объ этихъ преобразованіяхъ, большая часть которыхъ осталась въ видѣ проектовъ, никогда не увидѣвшихъ свѣта, біографъ Сперанскаго не разъ называетъ его мечтателемъ, забѣгавшимъ въ будущее, дѣлавшимъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго. Не трудно придти къ такому заключенію, когда мы знаемъ, какія событія совершались на дѣлѣ, какъ мало успѣха имѣла потомъ идея этихъ преобразованій и какъ обманчивы оказались надежды; но таковы бываютъ сужденія *a posteriori* о всякихъ неудавшихся планахъ. Репутація синицы, зажигающей море, легко остается за людьми, широкіе планы которыхъ не исполнились; но не всегда неудача бываетъ слѣдствіемъ самой сущности плана: вина ея можетъ быть въ недостаткѣ характера, въ непригодности средствъ, а вовсе не въ намѣреніи и не въ мысли преобразованія. У Сперанскаго не было тогда умѣнья предвидѣть и бороться съ интригой, не было безжалостной рѣшимости раздавить своихъ враговъ и не было низости, какою свергли его самого. Всѣ его надежды опирались на личность Александра. Остались неизвѣстны подробности ихъ «стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій», гдѣ они только вдвоемъ, втайнѣ отъ всѣхъ, обсуждали всеобщую реформу государственнаго устройства, и, слѣдовательно, трудно судить о томъ, какое впечатлѣніе могла производить на Сперанскаго эта личность въ тѣ минуты, когда онъ пред-

лагалъ Александру свои проекты, когда императоръ «поправлялъ и дополнялъ» его планъ. Этотъ планъ, какъ увидимъ, былъ исполненъ смѣлыхъ вещей, и что было думать Сперанскому, когда Александръ самъ поручалъ ему этотъ трудъ и одобрялъ эти смѣлыя вещи? Какое предвидѣніе могло ему открыть неуловимую подвижность этого характера, всю непрочность опоры, на которой онъ хотѣлъ утвердить свое предпріятіе? Правленіе Александра въ то время еще не обнаружило до такой степени тѣхъ свойствъ, съ которыми оно неразлучно въ исторіи. Напротивъ, надежды вовсе еще не были разрушены, а впереди ожидалось преобразованіе Россіи.

Къ 1808 году старое министерство окончательно разсѣялось,—Новосильцовъ, сдѣланный сенаторомъ, оставилъ всѣ дѣла и уѣхалъ надолго за-границу; Чарторыйскій замѣненъ былъ въ иностранныхъ дѣлахъ Будбергомъ и остался только попечителемъ виленскаго учебнаго округа; П. А. Строгановъ съ началомъ войны 1807 года перешелъ въ военную службу; наконецъ, въ ноябрѣ этого года Кочубей также оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ былъ замѣненъ Куракинымъ. Сперанскій, до сихъ поръ не имѣвшій никакой самостоятельной роли, работавшій много, но только по чужимъ указаніямъ, сталъ теперь при Александрѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

«Пора пристрастія ко всему англійскому, господствовавшаго при прежнихъ любимцахъ, окончательно миновала,— разсказываетъ баронъ Корфъ. Если уже Тильзитскій миръ произвелъ совершенную перемѣну и въ политикѣ нашего кабинета, и въ личныхъ чувствахъ русскаго государя къ императору французовъ, то Эрфуртъ довершилъ ее окончательно. Александръ воротился въ Петербургъ, очарованный Наполеономъ, а его статсъ-секретарь — и Наполеономъ, и всѣмъ французскимъ. Послѣ видѣннаго и слышаннаго при блестящемъ французскомъ дворѣ Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать, что—по любимымъ тогдашнимъ его выраженіямъ— il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap. Данное ему новое, самостоятельное положеніе освобождало его отъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній, а милость Государя вдохнула въ него полную отвагу. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодого преобразователя; онъ снова находился какъ бы въ чаду, но уже съ тою разницею, что, найдя

себѣ готовый образецъ для подражанія, совсѣмъ откинулъ прежнюю робость малоопытности. Вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго».

Въ своемъ письмѣ къ императору изъ Перми въ январѣ 1813 года [1]) Сперанскій указываетъ ходъ предпріятія, исполненія котораго поручилъ ему Александръ. По возвращеніи въ Петербургъ, императоръ, занятый своей давнишней мыслью о преобразованіи имперіи, передалъ Сперанскому разные прежніе матеріалы и работы этого рода и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи сочиненій, относящихся къ этому предмету. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ и изъ личныхъ разговоровъ и мнѣній Александра надо было составить одно цѣлое. Выработанный такимъ образомъ «планъ государственнаго преобразованія», по словамъ Сперанскаго, въ сущности своей не представлялъ ничего новаго, но идеи, съ 1801 г. занимавшія Александра, приведены были въ систему. «Весь разумъ сего плана,—говорилъ Сперанскій, — состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на *началахъ постоянныхъ* и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы».

По словамъ барона Корфа, Сперанскій въ видѣ вступленія къ разрѣшенію этой задачи представилъ обширную записку о свойствѣ и предметахъ законовъ государственныхъ вообще, о раздѣленіи ихъ на преходящіе и коренные или неподвижные, и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. «Потомъ онъ принялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета государева до волостнаго правленія».

«Колоссаленъ былъ этотъ планъ, — продолжаетъ баронъ Корфъ,—исполненъ смѣлости, какъ по основной своей идеѣ, такъ и въ подробностяхъ развитія. Все еще живя жизнью болѣе мыслительною, кабинетною, нежели практическою, Сперанскій не чувствовалъ или скрывалъ отъ себя, что онъ по крайней мѣрѣ частью своихъ замысловъ опережаетъ и возрастъ своего народа, и степень его образованности; не

[1]) Письмо, давно извѣстное по копіямъ. впервые издано по подлиннику Н. К. Шильдеромъ въ „Русскомъ Архивѣ" за 1891 г., а затѣмъ помѣщено въ приложеніи къ тому III-му его труда „Императоръ Александръ первый", С.-Пб. 1897, стр. 515—527.

чувствовалъ, что строитъ безъ фундамента, т.-е. безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ; наконецъ, что, увлекаясь живымъ стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ возвышенному, онъ, какъ сказалъ когда-то нѣмецкій писатель Гейне, хочетъ ввести будущее въ настоящее или, какъ говорилъ Фридрихъ Великій про Іосифа II-го, дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго...

«Какъ бы то ни было, но работа создавалась, подъ перомъ смѣлаго редактора, съ изумительною быстротою. Не далѣе октября 1809 года весь планъ уже лежалъ на столѣ Александра. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи разныхъ его частей, въ которыхъ государь дѣлалъ свои поправки и дополненія [1]). Наконецъ положено было приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе».

Но когда нужно было сдѣлать это, Александромъ, повидимому, овладѣла обычная нерѣшимость.

«Тутъ начались колебанія,—продолжаетъ баронъ Корфъ.— Свѣтлый умъ Александра постигъ, что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное, и что, во всякомъ случаѣ, необходимы сперва разныя переходныя мѣры». Сперанскій, повидимому, соображаясь съ измѣнившимся мнѣніемъ или нерѣшительностью Александра, предлагалъ программу исполненія, по которой слѣдовало, избѣгая всякой торопливости, открывать новыя установленія только тогда, когда все образованіе ихъ будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учрежденій къ новымъ сдѣлать постепеннымъ, и наконецъ устроить такъ, чтобы имѣть всегда возможность остановиться и сохранить во всей силѣ прежній порядокъ, въ случаѣ если бы для устройства новаго представились какія-нибудь неодолимыя препятствія. Срокомъ окончательнаго введенія учрежденій онъ предлагалъ опредѣлить 1-го сентября 1811 г. Если бы это осуществилось, онъ ожидалъ, что тогда Россія «воспріиметъ *новое бытіе* и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится».

«Но въ книгѣ судебъ было написано другое,—говоритъ его біографъ.—Сперанскому все казалось уже совершеннымъ, поконченнымъ, и исполненіе своего плана онъ раздѣлялъ на сроки единственно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе обезпечить его успѣхъ. Вмѣсто того, важнѣйшія части этого плана ни-

[1]) Объ этомъ говоритъ самъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ.

когда не осуществились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то, что самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша»...

Біографъ Сперанскаго и не нашелъ нужнымъ или возможнымъ останавливаться на этомъ общемъ планѣ и ограничился только тѣми частями проекта, которыя получили дѣйствительное исполненіе.

Этотъ общій планъ преобразованія, въ свое время оставшійся глубокою тайною, былъ чрезвычайно мало извѣстенъ и впослѣдствіи. Единственное небольшое извлеченіе изъ него сдѣлано въ много разъ выше цитированной книгѣ Н. И. Тургенева, откуда заимствовалъ потомъ Гервинусъ основанія своей характеристики Сперанскаго [1]), которой, между прочимъ, даетъ высокую цѣну и баронъ Корфъ. Изъ этого источника и мы заимствуемъ немногія, приводимыя ниже свѣдѣнія о планахъ Сперанскаго.

Но обратимся сначала къ тому, что́ было изъ нихъ исполнено на дѣлѣ. Это были только отдѣльныя и не самыя важныя части самаго плана; да и тѣ не даютъ точнаго понятія о характерѣ цѣлаго: по словамъ біографа Сперанскаго, онѣ получили исполненіе только «порознь, разновременно, во многомъ даже на другихъ основаніяхъ», и потому «далеко отошли отъ первоначальнаго общаго плана и почти потеряли всякую съ нимъ связь»; онѣ «не могли принять полной жизни въ томъ объемѣ и духѣ, какіе имъ предназначались». Самъ Сперанскій, по открытіи одного изъ этихъ новыхъ учрежденій — преобразованнаго государственнаго совѣта, еще въ то время говорилъ въ своемъ общемъ отчетѣ за 1810 г. императору Александру: «тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню».

Въ такомъ отношеніи были новыя учрежденія къ настоящему плану. Это была слабая тѣнь цѣлаго, отдѣльные отрывки, значительно смягченные Сперанскимъ въ практиче-

---

[1]) La Russie, III, 423—508, гдѣ кромѣ извлеченій изъ плана помѣщены также отрывки изъ пермскаго письма и записка Розенкампфа противъ Сперанскаго. Ср. Gervinus, Geschichte des neunzehnten Jahrh. II, стр. 707—716.

скомъ исполненіи не только для массы общества и членовъ правительства, которымъ хотѣли представить ходъ учрежденій постепеннымъ,—но, какъ намъ кажется, смягченные Сперанскимъ и для самого императора Александра...

Цѣль новыхъ плановъ Александра была та же самая, къ которой стремились идеи, «занимавшія императора съ 1801 г». Какъ ни далеко отстояли учрежденія, осуществленныя на дѣлѣ, отъ первоначальнаго проекта, можно видѣть, что и въ нихъ все-таки проглядываютъ эти идеи.

Преобразованія, къ которымъ приступлено было послѣ колебаній императора и которыя были произведены или только успѣли начаться до паденія Сперанскаго, состояли въ новомъ «образованіи»: 1) государственнаго совѣта; 2) министерствъ; 3) сената; въ законодательствѣ представленъ былъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ гражданскаго уложенія [1]).

Государственный совѣтъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ первые годы царствованія Александра, представлялъ собой учрежденіе, не имѣвшее опредѣленной роли и круга дѣйствій, учрежденіе безгласное, и имѣлъ мало вліянія. Сперанскій хотѣлъ расширить его значеніе и дать ему «публичныя формы». Въ одной изъ своихъ записокъ онъ указывалъ два обстоятельства, дѣлавшія преобразованіе старыхъ учрежденій необходимымъ: во-первыхъ, положеніе нашихъ финансовъ, требовавшее непремѣнно новыхъ и значительныхъ налоговъ, и затѣмъ, дошедшее до послѣдней степени безпорядка, смѣшеніе въ сенатѣ дѣлъ суда и управленія. Относительно перваго Сперанскій писалъ: «Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся *произвольными*. Нельзя каждому съ очевидностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить *убѣжденіемъ* въ томъ, что *не дѣйствіемъ произвола*, но точно необходимостію, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ *власть державная* сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастія самого народа; она охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ *нареканій*, заградитъ уста злонамѣренности и злословію, и самые налоги не будутъ казаться столь *тягостными* съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми». Относительно

---

[1]) Касаемся этихъ предметовъ только въ общихъ чертахъ; подробности читатель найдетъ въ книгѣ барона Корфа.

смѣшенія суда и управленія онъ говорилъ, что въ этомъ отношеніи исправленій отлагать больше нельзя, и что сдѣлать ихъ слѣдуетъ отдѣленіемъ извѣстной части управленія и назначеніемъ для нея особеннаго порядка. Предлогами для образованія государственнаго совѣта онъ указывалъ: 1) разсмотрѣніе проекта гражданскаго уложенія, часть котораго была имъ къ тому же времени окончена, и 2) упомянутыя финансовыя дѣла.

Преобразованіе государственнаго совѣта готовилось въ величайшей тайнѣ; о немъ не зналъ даже Аракчеевъ и былъ въ бѣшенствѣ отъ этого. Проектъ показанъ былъ только значительнѣйшимъ лицамъ—графу Салтыкову, князю Лопухину, графу Кочубею, канцлеру Румянцову; Аракчееву показали его почти наканунѣ обнародованія.

Новый государственный совѣтъ открытъ былъ въ особенномъ торжественномъ собраніи 1-го января 1810 года, рѣчью императора. Эта рѣчь (написанная Сперанскимъ, но исправленная Александромъ),—по словамъ барона Корфа,—была исполнена чувства, достоинства и такихъ идей, которыхъ никогда еще Россія не слышала съ престола. Затѣмъ Сперанскій, въ качествѣ государственнаго секретаря, прочелъ манифестъ объ образованіи совѣта, положеніе о немъ, списокъ вновь назначенныхъ членовъ его и чиновниковъ. Это учрежденіе,—говоритъ біографъ Сперанскаго,—для всѣхъ присутствовавшихъ въ этомъ собраніи было совершенно ново по своему духу и содержанію. Въ манифестѣ, открывавшемъ государственный совѣтъ, «Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды*; совѣтъ и сенатъ прямо названы были *сословіями*; впервые всенародно выражено сознаніе, что *положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія*; впервые возвѣщено, что разумъ всѣхъ усовершеній государственныхъ долженъ состоять въ *учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона*; наконецъ, все образованіе совѣта, въ которомъ была особая глава подъ названіемъ *коренныхъ его законовъ*, носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ». Все это было ново для членовъ совѣта, большинство которыхъ всѣ свои политическія понятія извлекло изъ нравовъ Екатерининскихъ и Павловскихъ временъ,—

потому что въ выраженіяхъ манифеста, какъ ни были они неопредѣленны или общи, говорилъ уже не прежній тонъ абсолютной власти, не допускавшей мысли о раздѣленіи своего права; слухъ, привычный къ этому прежнему тону, открывалъ въ выраженіяхъ манифеста то, что и хотѣли сказать ими, но все еще опасались сказать совершенно ясно. Мы видѣли прежде, какъ въ подобномъ случаѣ комментировалъ Шторхъ слова указа объ опредѣленіи правъ и обязанностей сената. То, въ чемъ мы затрудняемся видѣть что-нибудь чрезвычайное и можемъ увидѣть, только особенно взвѣшивая выраженія, въ то время казалось гораздо болѣе яркимъ и сильнымъ.

Дѣйствительно здѣсь можно прослѣдить тѣ же давнишнія мысли Александра о преобразованіи характера нашей верховной власти, объ ограниченіи «произвола нашего правленія»: отсюда заботы о томъ, чтобы добиться образа управленія, учрежденнаго на «твердыхъ и непремѣняемыхъ» основаніяхъ закона; отсюда заботы о государственныхъ «установленіяхъ», безъ которыхъ не могутъ и законы имѣть силы. Всѣмъ этимъ Александръ и его совѣтникъ хотѣли обозначить учрежденія, которыя были бы независимы отъ «произвола», въ состояніи были бы поставить ему преграду. Отсюда и названіе совѣта и сената «сословіями»—терминъ, который въ собственномъ смыслѣ вовсе не соотвѣтственъ тѣмъ учрежденіямъ, какимъ былъ приданъ: ни государственный совѣтъ, ни сенатъ не составляютъ «сословій»,—но это выраженіе намекало на тѣ états, Stände и т. п., которыя въ другихъ странахъ выражали собой извѣстную представительную дѣятельность общества.

Такой смыслъ новаго учрежденія еще болѣе указывали другія его подробности. Манифестъ [1]). упоминалъ въ самомъ началѣ, что внутреннія установленія русскаго государства, съ самаго основанія его «постепенно усовершаясь, *прелагаемы были* по разнымъ *степенямъ* гражданскаго его существованія», и цѣлью этихъ усовершенствованій и перемѣнъ, происходившихъ въ русскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, по словамъ манифеста, было именно достигнуть управленія, основаннаго на (упомянутыхъ выше) «твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона», т.-е. достигнуть прекращенія произвола и утвержденія такъ-называемой тогда «истинной монархіи».

---

[1]) См. Полное собраніе законовъ № 24064.

Сказавъ о приготовляемомъ изданіи гражданскаго уложенія, императоръ обѣщалъ—«по примѣрамъ древняго отечественнаго нашего законодательства, назначить порядокъ, коимъ Уложеніе сіе *совокупнымъ разсмотрѣніемъ избраннѣйшихъ сословій* имѣетъ быть *уважено* и достигнетъ своего совершенства». Подъ «примѣрами древняго законодательства» разумѣлись, вѣроятно, старинные соборы и, можетъ быть, Екатерининская комиссія. Государственному совѣту предназначалось образованіе, свойственное «*публичнымъ установленіямъ*». Во главѣ «коренныхъ законовъ государственнаго совѣта» дѣятельность его опредѣлялась тѣмъ, что въ совѣтѣ соображаются всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, и потому въ немъ предлагаются и разсматриваются всѣ законы, уставы и учрежденія въ ихъ первообразныхъ начертаніяхъ для представленія верховной власти, которой принадлежитъ окончательное ихъ утвержденіе,—и затѣмъ на предварительное разсмотрѣніе его представлялись еще слѣдующіе предметы (§ 29): во-первыхъ, всѣ предметы и случаи, требующіе новыхъ законовъ, отмѣны, измѣненія или разъясненія прежнихъ, и мѣры для успѣшнаго ихъ исполненія; далѣе, *общія* внутреннія *мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; объявленіе войны, заключеніе мира* и подобныя внѣшнія мѣры, когда онѣ по обстоятельствамъ могутъ подлежать предварительному обсужденію; *ежегодныя смѣты* государственныхъ приходовъ и расходовъ, и чрезвычайныя финансовыя мѣры...; наконецъ, *отчеты министерствъ* по ихъ управленіямъ. Въ этомъ опредѣленіи круга дѣйствій государственнаго совѣта опять обнаруживается желаніе предоставить «сословію» хотя-бы предварительное обсужденіе тѣхъ мѣръ, въ которыхъ бываютъ особенно заинтересованы общество и нація, и которыя въ странахъ конституціонныхъ предоставляются на разсмотрѣніе національнаго представительства.

Мы скажемъ далѣе о томъ, какой результатъ дало это учрежденіе и насколько Александръ и особенно его совѣтникъ могли быть удовлетворены его дѣятельностью на практикѣ въ сравненіи съ тѣми ожиданіями, какія на него возлагались.

Другое преобразованіе совершено было въ министерствахъ. Первоначальное ихъ устройство въ 1802 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики, обнаружило различныя несовершенства. Сперанскій указывалъ ихъ въ слѣдующемъ:

1) въ недостаткѣ настоящей *отвѣтственности министровъ*; 2) въ неточномъ распредѣленіи дѣлъ между министерствами и 3) въ недостаткѣ учрежденій, т.-е. въ недостаточномъ устройствѣ административнаго механизма министерствъ. Предложенныя имъ преобразованія внесены были на предварительное разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но прошли въ немъ безъ всякихъ замѣчаній и перемѣнъ, и затѣмъ приведены были въ дѣйствіе двумя манифестами,—отъ 25 іюля 1810 г., при которомъ обнародовано было новое распредѣленіе дѣлъ по министерствамъ, и манифестомъ отъ 25 іюня 1811 г., при которомъ издано было „общее образованіе министерствъ".

Такимъ образомъ, за устройствомъ совѣта, стоявшаго во главѣ законодательства, послѣдовало преобразованіе учрежденія, которое становилось во главѣ администраціи. Подробности и высокую оцѣнку этого новаго огромнаго труда Сперанскаго читатель найдетъ въ книгѣ барона Корфа. По словамъ его, какъ бы мы ни смотрѣли на основную мысль этого произведенія, оно по стройности системы, по логической послѣдовательности ея развитія и по необыкновеннымъ достоинствамъ изложенія можетъ одно составить славу своего автора и могло справедливо быть предметомъ его гордости.

«Перемѣнялись царствованія,—говоритъ біографъ Сперанскаго,—перемѣнялись многократно люди и системы, передѣлывались всѣ уставы, старые и новые, а общее учрежденіе министерствъ полвѣка стоитъ неподвижно, не только въ главныхъ началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ, будто изданное вчера, хотя въ практическомъ приложеніи его къ каждому министерству порознь, даже и въ общемъ его дѣйствіи, оно развилось *не на тѣхъ*, можетъ быть, *нитяхъ, которыя были приготовлены Сперанскимъ*. Прибавимъ, что и всѣ тѣ организаціонныя работы, которыя впослѣдствіи были произведены у насъ другими, представляютъ постоянно сколокъ съ этого образцоваго творенія, не въ одной только мысли, но въ самомъ ея выраженіи, въ планѣ, въ раздѣленіяхъ, почти въ словахъ».

Эта исторія учрежденія, послѣднее устройство котораго было вполнѣ дѣломъ Сперанскаго, показываетъ конечно, что Сперанскій обладалъ большимъ талантомъ организаціи, въ которомъ впослѣдствіи рѣдко кто могъ съ нимъ равняться. Но если устроенная имъ административная система

стала потомъ обильнымъ источникомъ бюрократизма,— вслѣдствіе чего Сперанскаго и обвиняютъ всего чаще какъ родоначальника бюрократіи,—то едва ли справедливо приписывать именно ему этотъ плачевный результатъ министерской реформы. Сперанскій давалъ формы администраціи, но не его вина, если эти формы не наполнялись содержаніемъ; бюрократія создалась не отъ силы самыхъ формъ, а отъ всего склада жизни, въ которомъ власть административная (въ томъ ли, другомъ ли видѣ) всегда была всесильна надъ лицомъ и надъ обществомъ. Наконецъ, позднѣйшее развитіе министерствъ дѣйствительно совершилось далеко *не на тѣхъ нитяхъ*, которыя Сперанскій приготовлялъ. *Отвѣтственность* министровъ на дѣлѣ вышла призрачная или совершенно никакая, но это и не было то, чего собственно хотѣлъ Сперанскій.

Затѣмъ, стояло на очереди преобразованіе сената. Какъ въ реформѣ министерствъ Сперанскій старался дать ихъ дѣйствіямъ больше правильности съ конституціонной мыслью объ отвѣтственности министровъ за ихъ управленіе, такъ здѣсь онъ желалъ уничтожить ту путаницу дѣлъ, какая господствовала въ сенатѣ отъ смѣшенія судебной и административной властей. Уже первые совѣтники Александра приходили къ мысли дать сенату значеніе только высшей судебной инстанціи. Сперанскій также хотѣлъ отдѣлить части правительственныя отъ судныхъ и изъ соединенія первыхъ составить сенатъ правительствующій, изъ вторыхъ—судебный: первый, одинъ для всей имперіи, долженъ былъ состоять изъ министровъ и ихъ товарищей, изъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій; второй долженъ былъ состоять изъ сенаторовъ отъ короны и сенаторовъ *по выбору* отъ дворянства и долженъ былъ размѣститься по четыремъ судебнымъ округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Проекты обоихъ учрежденій были выработаны Сперанскимъ въ теченіе 1810 и въ началѣ 1811 года разсмотрѣны сначала въ особомъ комитетѣ изъ Завадовскаго, Лопухина и Кочубея, разосланы потомъ ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта и въ іюнѣ 1811 г. внесены въ его общее собраніе, гдѣ разсмотрѣніе проектовъ продлилось до половины сентября. Новое учрежденіе встрѣтило здѣсь весьма упорную оппозицію. Возраженія сводились вообще къ тому, что «перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ *печальное впечатлѣніе*

на умы»—какъ будто бы прежнія времена могли внушить такой интересъ къ этому учрежденію и какъ будто возражатели въ самомъ дѣлѣ привыкли обращать вниманіе на «печальныя впечатлѣнія»; что раздѣленіе сената уменьшитъ его *важность*; что вдали отъ монарха въ него легче могутъ проникнуть слабость и пристрастіе, и что раздѣленіе повлечетъ большія издержки и трудность пріисканія людей на разныя сенатскія должности; что назначеніе сенаторовъ *по выбору* противорѣчитъ духу самодержавія и можетъ еще обратиться во вредъ, потому что выборы могутъ подпасть вліянію богатыхъ помѣщиковъ, которые черезъ это пріобрѣтутъ возможность тѣснить кого захотятъ; что окончательное рѣшеніе дѣлъ сенатомъ также умаляетъ прерогативы самодержавія, тѣмъ болѣе, что преобразованіе еще не ручается за улучшеніе вмѣстѣ съ тѣмъ способности и свойства судящихъ; наконецъ, что выраженіе «державная власть», употребленное въ проектѣ, несвойственно Россіи, гдѣ есть только «самодержавная» власть. Въ этихъ возраженіяхъ была доля правды, но еще больше было, кажется, лицемѣрнаго подслуживанія передъ властью; при подачѣ голосовъ большинство совѣта все-таки, по разнымъ личнымъ соображеніямъ, высказалось за проектъ. Александръ утвердилъ мнѣніе большинства, но исполненіе не состоялось, отчасти потому, что требовало многихъ приготовительныхъ мѣръ и значительныхъ издержекъ, отчасти потому, что внѣшнія обстоятельства заставляли готовиться къ войнѣ. По убѣжденіямъ самого Сперанскаго, какъ онъ говоритъ въ пермскомъ письмѣ, Александръ отложилъ исполненіе этого преобразованія до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ его царствованіе такихъ обстоятельствъ уже не наступало.

Мы упоминали, что во вновь образованный государственный совѣтъ предполагалось съ самаго начала внести на разсмотрѣніе «проектъ гражданскаго уложенія» и планъ финансовъ. И то, и другое было также трудомъ Сперанскаго. Эти труды, въ которыхъ опять высказывались новые пріемы и новый взглядъ на вещи, въ особенности послужили цѣлью нападеній противъ Сперанскаго. Читатель найдетъ достаточно подробностей объ этомъ въ книгѣ барона Корфа. Въ уложеніи, изготовленномъ слишкомъ поспѣшно, было много недостатковъ, хотя, кажется, до сихъ поръ не была по справедливости оцѣнена основная мысль этой работы

хотя и неудовлетворительно исполненной [1]). Съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ вообще Сперанскій въ то время и въ которой надо признать много справедливаго, уложеніе по своей мысли было совершенно параллельно тому цѣлому проекту, изъ котораго выходили, какъ отдѣльныя части, реформы совѣта, министерствъ и сената, и долженъ былъ выйти еще цѣлый рядъ новыхъ учрежденій. Не забудемъ, что Сперанскій предлагалъ только проектъ; дѣло того собранія, въ которое онъ былъ внесенъ, было принять и развить его, или разобрать и отвергнуть; авторъ отвѣчалъ бы не за учрежденіе, а только за личное мнѣніе. Но сущность поднятаго вопроса была вполнѣ дѣломъ Сперанскаго, и свободная отъ предубѣжденій исторія русскаго законодательства, вѣроятно, признаетъ, что Сперанскій былъ очень правъ во многихъ своихъ мнѣніяхъ о недостаткахъ прежняго русскаго законодательства и частью правъ въ самомъ пріемѣ, которымъ хотѣлъ исправить эти недостатки [2]). Мнѣнія Сперанскаго, какъ дальше можно видѣть, не были лишены основаній и доказательствъ.

Такъ шли задуманныя преобразованія. Въ этой формѣ онѣ были, однако, чрезвычайно далеки отъ того идеала, который онъ составилъ себѣ и который раздѣлялъ съ нимъ Александръ. Баронъ Корфъ приводитъ любопытный отрывокъ изъ его общаго отчета государю за 1810 годъ (первый годъ существованія преобразованнаго совѣта), гдѣ ясно высказываются и исходная точка реформъ, и нѣкоторое удовольствіе (быть можетъ, преувеличенное отчасти для императора) отъ пріобрѣтеннаго успѣха, и возраженія недовольнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прискорбное сознаніе несовершенства дѣла, для полноты котораго недоставало необходимыхъ дальнѣйшихъ реформъ, а также недоставало и людей, способныхъ какъ слѣдуетъ понять и то, что сдѣлано.

---

[1]) Впрочемъ, въ книгѣ барона Корфа опровергнуто нѣсколько несправедливыхъ обвиненій противъ Сперанскаго, выставленныхъ въ запискѣ Карамзина „О древней и новой Россіи“.

[2]) По словамъ барона Корфа, Сперанскій въ то время „не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію“. Въ письмѣ къ Столыпину, въ августѣ 1809 г., Сперанскій говоритъ: „Здѣсь хотятъ насъ увѣрить, что сенатъ вашъ (Столыпинъ служилъ въ сенатѣ) есть самый высшій образъ благоустроеннаго судилища. Вы знаете, склоненъ ли *я симъ чудесамъ въ Россіи вѣрить*“ (Р. Арх. 1870, стр. 882).

«Излишне бы было изображать здѣсь пользу сего установленія,—говоритъ Сперанскій. Приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ вашимъ дѣйствіемъ, В. В. лучше другихъ можете объять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы *власти законодательной*, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, *дать* первый видъ, *первое очертаніе правильности*, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ большею зрѣлостью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, самодержавецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ *самовластія* къ *истиннымъ формамъ монархическимъ*. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта“ [1]); два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, *кои не знаютъ* связи и *истиннаго мѣста*, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню.

«Но сколь далеко еще отстоитъ установленіе сіе отъ совершенства!—говоритъ онъ дальше. Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще непродолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избирать только тѣхъ, кои *по чинамъ ихъ и званіямъ* могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ *составѣ совѣта* нельзя, конечно, и требовать, что съ перваго шага поравнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои *въ семъ родѣ* въ *другихъ государствахъ* существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однакоже, быть предметомъ важныхъ заботъ. По

---

[1]) О судьбѣ этой формулы впослѣдствіи біографъ Сперанскаго говоритъ, что „*на практикѣ* она была употребляема весьма недолго послѣ паденія Сперанскаго, но *въ законѣ* она оставалась до изданія новаго образованія совѣта 15 апрѣля 1842 года и включена была и въ первое изданіе Свода (1832)“ (Жизнь Сперанскаго, I, 137, прим.).

мѣрѣ успѣха въ *прочихъ политическихъ установленіяхъ*, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится».

Эти «прочія политическія установленія» не увидѣли свѣта, и тѣ слабые элементы «истинной монархіи», которые Сперанскій ввелъ въ учрежденіе совѣта и министерствъ и которые могли развиться только съ другими широкими реформами, были теперь предоставлены самимъ себѣ, и, не поддерживаемые ничѣмъ, слились и затерялись въ традиціонномъ теченіи государственныхъ дѣлъ. Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій, вѣроятно уже предчувствовавшій полное паденіе своихъ плановъ, съ тяжелымъ чувствомъ говоритъ о возраженіяхъ, какими встрѣченъ былъ проектъ преобразованія сената: «Возраженія сіи, большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, *не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка*, чтобъ признать благотворныя ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, *еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія*, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія».

Между тѣмъ, противъ Сперанскаго уже начиналась вражда, которая добилась наконецъ его низверженія. Источники этой вражды достаточно разъяснены въ его біографіи и въ указанной статьѣ «Современника». Сперанскій держался исключительно расположеніемъ императора Александра. Это былъ человѣкъ, чуждый придворной и высшей чиновничьей сферѣ. Онъ былъ въ ней выскочка, тѣмъ болѣе ненавистный, что и не хотѣлъ сближаться съ ней: обремененный множествомъ дѣлъ, онъ и прежде былъ довольно недоступенъ; теперь онъ еще рѣже сталъ показываться въ свѣтѣ. Занятый своими проектами, которыми самъ увлекался, онъ велъ уединенную, скромную жизнь; онъ не могъ дѣлиться тайной своихъ работъ; его интересы слишкомъ расходились съ обыкновенными интересами того общества, къ которому онъ принадлежалъ теперь по своему положенію. Въ немъ заискивали [1]), пока считали его обыкновеннымъ временщи-

---

[1]) Даже высшіе государственные сановники униженно за нимъ ухаживали. „Всякій разъ, говоритъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ,— когда онъ ни входилъ отъ государя въ залу общаго собранія совѣта, нѣкоторые изъ членовъ обступали съ шептаньемъ, отбивая одинъ другого, между тѣмъ какъ многіе изъ-за нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и домогались ласковаго его воззрѣнія" („Взглядъ", стр. 194).

комъ, дружба съ которымъ даетъ выгоды и почести; но какъ скоро поняли, что онъ пользуется расположеніемъ императора вовсе не для своихъ личныхъ цѣлей, что онъ дѣйствительно думаетъ о государственныхъ дѣлахъ, что онъ вовсе не собираетъ своей партіи, не возвышаетъ друзей,—къ нему стали относиться совершенно иначе. При всемъ своемъ умѣ Сперанскій не понялъ достаточно всей опасности своего положенія въ подобныхъ условіяхъ. Баронъ Корфъ сообщаетъ любопытный фактъ, характеризующій нравы и объясняющій паденіе Сперанскаго. «Два лица, уже облеченныя до нѣкоторой степени довѣріемъ государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ *своимъ видамъ* и учредить изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій. Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе; но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или можетъ быть по другому тонкому чувству, умолчать о томъ передъ государемъ». Онъ далъ этимъ оружіе своимъ врагамъ противъ самого себя.

Къ этому присоединились другія обстоятельства. Сперанскій прямо вооружилъ противъ себя придворную среду и огромную чиновничью массу знаменитыми указами о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на чины (1809 г.). Оба указа, данные Александромъ по совѣщанію съ однимъ Сперанскимъ, приписаны были исключительно его вліянію, и возбужденное ими озлобленіе, безъ сомнѣнія, очень содѣйствовало тому, что на Сперанскаго легко стало сваливать потомъ всякія мѣры, которыя были или считались стѣснительными, какъ потомъ сваливались на него финансовыя затрудненія и т. п., а затѣмъ взводить на него и совсѣмъ фантастическія обвиненія.

Какъ ни были осторожны новыя учрежденія, вводимыя Сперанскимъ, какъ ни была опредѣлена переспектива дальнѣйшаго, предполагаемаго ими, государственнаго преобразованія, но консервативныя части общества тѣмъ не менѣе почуяли здѣсь что-то грозившее старому порядку. Услужливые и, можетъ быть, дальновидные сановники упрямо отвергали ту долю самостоятельности, какую само правительство желало представить обществу, и охраняли абсолютность самодержавія даже отъ тѣхъ умѣренныхъ смягченій, которыя отдавалъ на ихъ обсужденіе самъ императоръ. Въ большинствѣ общества было такъ мало мысли о какихъ-нибудь улучшеніяхъ, такъ силь-

на была грубая любовь къ старому застою, что нововведеніе, нарушавшее старину, становилось настоящимъ преступленіемъ. Въ оппозиціи, которую встрѣтили въ обществѣ планы Сперанскаго, были уже не только люди съ своекорыстными разсчетами, не только легковѣрные невѣжды, но даже и люди болѣе или менѣе порядочные. Въ запискѣ Карамзина, кромѣ его личныхъ мнѣній, конечно, повторено много толковъ и «московскихъ вѣстей», которыя онъ слышалъ въ своемъ и другихъ кругахъ. Озлобленный тонъ записки достаточно показываетъ настроеніе большинства, которое теперь уже дѣлало Карамзина своимъ оракуломъ.

Сперанскій задолго до печальной развязки, разрушившей всю его дѣятельность и съ злой ироніею опровергавшей его политическій идеализмъ,—начиналъ уже чувствовать невозможность удержаться. За годъ до ссылки, въ февралѣ 1811 года, въ отчетѣ императору онъ изображалъ свое трудное положеніе и свои столкновенія съ людскими страстями, «а еще болѣе съ неразуміемъ», и настойчиво просилъ разрѣшенія покинуть всѣ свои занятія по текущимъ дѣламъ и работать только въ комиссіи законовъ. Александръ удержалъ его [1]. Къ концу 1811 г. Сперанскій, повидимому, уже покидалъ свои надежды. Въ октябрѣ 1811 года онъ пишетъ къ своему другу Столыпину: «...Поѣздка (въ деревню) и паче воздержаніе отъ *излишнихъ затѣй* по службѣ возвратили мнѣ почти все мое здоровье. Я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе *двинуть грубую толщу*, которую никакъ съ мѣста сдвинуть неможно. Пусть же она остается спокойна; а я не буду терять моего здоровья въ тщетныхъ усиліяхъ. Вотъ вамъ краткое описаніе физическаго и политическаго моего бытія. Девизъ мой: *хоть трава не рости...*» [2] Это былъ совершенно естественный исходъ.

Извѣстно, какой оборотъ получило дѣло подъ конецъ, когда усилилась тревога передъ войной. Сперанскій былъ уже

---

[1]) Въ запискахъ И. И. Дмитріева сообщается любопытное свѣдѣніе, что уже *съ августа 1811 г.* министръ полиціи „получилъ тайное приказаніе примѣчать за поступками Сперанскаго" („Взглядъ" стр. 194). Біографъ Сперанскаго, имѣвшій въ рукахъ записки Дмитріева, не объяснилъ этой странной черты въ образѣ дѣйствій имп. Александра; также и авторъ „Исторіи Александра I", т. III. стр. 190 и слѣд. Новыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Сперанскаго за это время даны въ трудѣ Н. К. Шильдера.

[2]) Р. Арх. 1870, стр. 884.

вольнодумецъ, революціонеръ, мартинистъ, иллюминатъ; теперь его назвали прямо измѣнникомъ. Всѣ темныя обвиненія чрезвычайно легко распространяются въ грубомъ обществѣ, притомъ лишенномъ публичной жизни и сколько-нибудь свободной печати. Интрига поразила Сперанскаго на повалъ. Александръ подъ первымъ впечатлѣніемъ доносовъ хотѣлъ будто бы разстрѣлять его! При послѣднемъ докладѣ Сперанскаго, въ концѣ котораго императоръ высказалъ ему свою немилость и свои обвиненія, Александръ, повидимому, не рѣшился даже сказать ему *всего,* въ чемъ его заподозрилъ, но, несмотря на этотъ остатокъ справедливости къ Сперанскому, императоръ не далъ ему возможности что-нибудь сказать въ свое оправданіе. Сперанскій все-таки осужденъ былъ на ссылку. Здѣсь мечтателю-патріоту пришлось вынести тяжелыя испытанія— его удалялись или оскорбляли какъ измѣнника: темное обвиненіе натравляло на него народную злобу [1]).

Обвиненія, заключавшіяся въ доносахъ, и обстоятельства въ какихъ эти доносы были сдѣланы, до сихъ поръ не могли быть рзъяснены вполнѣ,—но сущность обвиненій сводилась къ государственной измѣнѣ и къ намѣренію вооружить народъ противъ правительства. [Въ книгѣ барона Корфа собрано много свѣдѣній и объ этомъ предметѣ. Обвиненія не заслуживаютъ, конечно, опроверженій. Сперанскій чрезвычайно

---

[1]) Чрезвычайно любопытный матеріалъ относительно ссылки Сперанскаго является въ запискахъ Я. И. Де-Санглена („Русская Старина“, 1882, декабрь; 1883, январь и февраль; сюда относятся гл. XIII—XVII февральской книги), который служилъ тогда по тайной полиціи при Балашовѣ. Но при всемъ ихъ интересѣ, эти записки такъ темны и, быть можетъ, намѣренно двусмысленны, что по нимъ все-таки нелегко увидѣть ходъ запутанной интриги.—О Де-Санглѣнѣ см. также статью Погодина,—„Р. Архивъ“, 1871, стр. 1097 и далѣе.

Въ связи съ ссылкою Сперанскаго любопытны два „подметныхъ письма“ къ имп. Александру 1812 года; одно подъ именемъ сенатора Теплова; другое—„московскаго дворянскаго депутата“ графа Ростопчина „отъ себя и отъ москвитянъ“ (въ „Чтеніяхъ Москв. Общ. Исторіи и Древн.“ 1873, III, стр.154—162). Издатель этихъ писемъ, Бодянскій, усумнился въ принадлежности писемъ и Теплову, и Ростопчину,—но въ характерѣ обвиненій противъ Сперанскаго, заключающихся въ послѣднемъ письмѣ, ему не уступитъ клеветническій отзывъ о Сперанскомъ, находящійся на этотъ разъ уже въ подлинной „Запискѣ о мартинистахъ“, представленной въ 1811 г. гр. Ростопчинымъ вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ (Р. Архивъ. 1875, III, стр. 75—81).

О ссылкѣ Сперанскаго см. также въ воспоминаніяхъ Шенига, (Русскій Архивъ, 1880, III, стр. 311—313), и особливо въ трудѣ Н. К. Шильдера.

просто, съ большимъ достоинствомъ и чувствомъ полной правоты, объяснилъ и оправдалъ свою политическую дѣятельность въ томъ письмѣ, которое удалось ему только съ помощью небольшой хитрости, обманувшей его враговъ, переслать къ императору Александру изъ Перми въ январѣ 1813 года. [1]).

Обратимся къ первоначальнымъ проектамъ, къ тому «колоссальному плану», которому суждено было погубить своего автора, но никогда не осуществиться.

Біографъ Сперанскаго, не входя въ разборъ этого плана, этихъ «начинаній, не достигшихъ полной зрѣлости и самимъ Сперанскимъ впослѣдствіи покинутыхъ», не сомнѣвается при этомъ, что «подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ исторіи Россіи и въ біографіи императора Александра». Но кромѣ того, эти подробности существенно необходимы и для полноты біографіи самого Сперанскаго. Можно положительно сказать, что безъ нихъ его характеръ и лучшая половина его жизни и трудовъ останутся неясными, безъ нихъ невозможно дать достаточнаго оправданія дѣятельности, которая въ свое время подверглась такой озлобленной враждѣ и которую иначе такъ удобно обвинять въ легкомысліи. Въ этомъ проектѣ мы находимъ положительное разъясненіе тѣхъ реформъ, которыя были осуществлены въ неполномъ видѣ; находимъ ключъ къ отдѣльнымъ мѣрамъ и мнѣніямъ, и готовый отвѣтъ на многія возраженія и обвиненія, которыя дѣлались потомъ противъ Сперанскаго его критиками и его врагами. Во многихъ случаяхъ съ своей точки зрѣнія Сперанскій могъ справедливо говорить, что въ реформахъ «порицали то, чего еще не знали», и «искали тамъ конца, гдѣ полагалось только начало».

Выше замѣчено, что этотъ планъ, въ свое время составлявшій тайну, былъ очень мало извѣстенъ и впослѣдствіи; никакого обзора его содержанія не было даже въ обширной біографіи, написанной Корфомъ. Теперь, кажется, можетъ наступить время для исторической оцѣнки, или, по крайней мѣрѣ, для ея начала

Проектъ Сперанскаго для нашего времени потерялъ уже свой непосредственный интересъ: за нимъ остается интересъ чисто историческій. Если русская жизнь достигла тѣхъ формъ, идея которыхъ проникаетъ планы Сперанскаго, то

---

[1]) Объ этомъ письмѣ см. примѣчаніе на стр. 144.

исторія сдѣлала однако свое дѣло: она разъяснила вопросъ, открыла въ немъ новыя стороны и, въ частности, произвела въ русской жизни капитальный переломъ, на который Сперанскій въ свое время не рѣшался разсчитывать и безъ котораго, однако, самая идея его не могла осуществиться разумно. Освобожденіе крестьянъ, о которомъ Сперанскій думалъ только отдаленнымъ образомъ, поставило русскую жизнь на такой путь, гдѣ его идеалъ не можетъ имѣть непосредственнаго значенія.

Можно думать, что и въ свое время проектъ Сперанскаго, при всей широтѣ его, не удовлетворилъ бы стремленіямъ лучшихъ передовыхъ людей,—правда, очень немногочисленныхъ,—не удовлетворилъ бы именно отсутствіемъ рѣшенія крестьянскаго вопроса; при всемъ томъ, въ виду общаго характера понятій и общаго хода дѣлъ онъ дѣйствительно представляетъ собой трудъ смѣлый и колоссальный. Оставшись совершенно неизвѣстнымъ, онъ не имѣлъ практическаго вліянія на развитіе общественныхъ идей (или только очень небольшое, ограниченное людьми, которые могли съ нимъ познакомиться и ему сочувствовать), но самъ по себѣ остается любопытнымъ моментомъ въ ихъ развитіи. Объ его исторической цѣнности даютъ понятіе слова современника, который самъ вовсе не расположенъ къ Сперанскому, судитъ его, быть можетъ, слишкомъ строго и который, однако, говоритъ объ его проектѣ слѣдующимъ образомъ:

«Если Россія когда-нибудь будетъ имѣть безпристрастную исторію, имя Сперанскаго будетъ въ ней упомянуто съ нѣкоторой честью. Потомство забудетъ, или никогда не будетъ знать нравственную незначительность этого человѣка (le peu de valeur de l'homme moral), оно не остановится на тѣхъ его дѣлахъ, которыя увидѣли свѣтъ и которыя не заслуживаютъ большого вниманія (за исключеніемъ „Свода“); но оно отдастъ ему справедливость, что онъ обращалъ свои мысли къ лучшему будущему для своего отечества и выразилъ ихъ въ проектѣ государственнаго устройства. Этотъ проектъ, составленный, такъ сказать, на глазахъ императора и имъ одобренный, есть одно изъ столь многочисленныхъ доказательствъ либеральныхъ влеченій Александра. Малодушіе Сперанскаго никогда не позволило бы ему высказываться такъ смѣло, какъ онъ высказывается въ этомъ трудѣ, если бы онъ не получилъ на это надлежащаго полномочія. Проектъ Сперанскаго былъ очень мало извѣстенъ въ Россіи... въ немъ говорится

о различныхъ учрежденіяхъ, которыя должны были привести русскихъ къ легальному правленію, къ конституціонной представительной формѣ правленія. Онъ написанъ откровеннымъ языкомъ, что производитъ пріятное впечатлѣніе въ читателѣ, любящемъ свое отечество. Если вспомнить, что этотъ трудъ былъ написанъ до 1812 года, то нельзя не признать, что Сперанскій былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего времени не только для Россіи, но и для континентальной Европы» [1]).

Мы возвратимся къ историческому значенію плановъ Сперанскаго, и перейдемъ теперь къ самому проекту. Выше было упомянуто, что ему предшествуетъ обширная вступительная записка объ общихъ вопросахъ государственнаго устройства, и затѣмъ слѣдуетъ самый проектъ. Не имѣя подлиннаго документа, пользуемся тѣмъ, что было извлечено Тургеневымъ, и, слѣдовательно, переводимъ съ французскаго [2]).

Во-первыхъ, приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ введенія къ проекту.

Въ самомъ началѣ авторъ обращается къ исторіи для указанія той потребности, которая всегда чувствовалась въ правильномъ порядкѣ государственнаго устройства, т.-е. въ представительствѣ. Сперанскій говоритъ:

«Уже въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича была почувствована необходимость положить границы абсолютной власти. Нравы того вѣка не позволили установить въ этомъ отношеніи учрежденій прочныхъ; но по крайней мѣрѣ внѣшнія формы достаточно открывали желаніе достигнуть нѣкогда такихъ учрежденій. Во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ считали необходимымъ совѣтоваться съ боярами, составлявшими тогда образованнѣйшую часть народа, и испрашивать для принимаемыхъ мѣръ благословеніе патріарха.

«Во внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству во времена Петра I, нисколько не думали о свободѣ политической; но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ дорогу и свободѣ. Не имѣя никакого яснаго намѣренія дать Россіи политическое бытіе, этотъ государь приготовилъ для него путь уже тѣмъ однимъ, что онъ имѣлъ инстинктъ цивилизаціи.

---

[1]) La Russie, I, 573—574.

[2]) La Russie et les Russes, III, 423—486; сравни въ приложеніи къ тому II труда Н. К. Шильдера—„Опытъ государственнаго образованія, представленный Сперанскимъ имп. Александру въ 1809 году“.

«Основанія, установленныя Петромъ I, получили такую твердость, что при вступленіи на престолъ императрицы Анны сенатъ могъ счесть себя въ правѣ требовать политическаго бытія и явиться посредникомъ между народомъ и престоломъ. Но эта попытка была преждевременна, и довольно было придворной интриги, чтобъ сдѣлать ее неудачной.

«Царствованіе императрицы Елизаветы, безплодное для славы государства, не болѣе благопріятно было и для политической свободы; но промышленность и торговля скрывали въ себѣ сѣмена этой свободы, которыя только выростали и развивались съ ними.

«Настало наконецъ царствованіе Екатерины II. Все, что сдѣлано было въ другихъ странахъ для устройства сословныхъ собраній, все, что политическіе писатели того времени предлагали наилучшаго для содѣйствія успѣху свободы, все, что пытались сдѣлать во Франціи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ для предупрежденія того великаго переворота, настоятельность котораго предвидѣли,—все это Екатерина употребила при устройствѣ Комиссіи объ уложеніи. Созваны были депутаты націи, и созваны въ строгихъ формахъ національнаго представительства; для этой Комиссіи составленъ былъ Наказъ, заключавшій въ себѣ собраніе лучшихъ политическихъ истинъ того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собраніе всѣми гарантіями свободы и всѣми аттрибутами достоинства, чтобы дать ему, чтобы дать Россіи, которую оно представляло, политическое бытіе. Но все это было такъ незрѣло, такъ преждевременно, что только величіе первой мысли и блескъ послѣдовавшихъ военныхъ и политическихъ подвиговъ могли спасти эту попытку отъ всеобщаго неодобренія. Съ тѣхъ поръ мысли Екатерины II, какъ это можно видѣть по ея дальнѣйшему образу дѣйствій, совершенно измѣнились. Неуспѣхъ этой попытки, кажется, охладилъ ее и, такъ сказать, устрашилъ ее отъ внутреннихъ политическихъ реформъ.

«Царствованіе императора Павла I замѣчательно закономъ о престолонаслѣдіи и также закономъ, который установляетъ за правило, что крестьяне должны работать на помѣщика не больше трехъ дней въ недѣлѣ. Это былъ первый законъ, обнаружившій благопріятное расположеніе къ крестьянамъ со времени ихъ подчиненія землевладѣльцамъ.

«Въ настоящее царствованіе можно указать слѣдующія государственныя установленія:

«1) Дозволеніе всѣмъ свободнымъ сословіямъ владѣть землями.

«2) Учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ.

«3) Учрежденіе министерствъ, съ отвѣтственностью министровъ.

«4) Мѣры, принятыя для Лифляндіи, какъ опытъ и примѣръ общаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

«Все это доказываетъ, что Россія, не смотря на свое абсолютное правленіе, очевидно идетъ къ свободѣ».

О необходимости представительныхъ формъ, вытекающей изъ настоящаго положенія дѣлъ, Сперанскій говорилъ:

«Всѣ жалуются на смѣшеніе, которое царствуетъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ; но гдѣ средство улучшить ихъ, ввести въ нихъ желаемый порядокъ, когда мы не имѣемъ законовъ политическихъ! Къ чему служатъ законы, опредѣляющіе права собственности каждаго, когда сама эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день разбиться о первый камень абсолютизма? Жалуются на безпорядокъ въ финансахъ: но можно ли устроить хорошо финансы тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго кредита, гдѣ не существуетъ никакого политическаго учрежденія, которое могло бы обезпечивать его прочность? Жалуются на медленность, съ какой распространяются просвѣщеніе, промышленность: но гдѣ принципъ, который могъ бы оживотворить ихъ? Къ чему стараться просвѣщать раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другого дѣйствія, кромѣ того, что оно заставитъ его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія? Наконецъ, это общее недовольство, эта наклонность все критиковать, суть ни что иное, какъ выраженіе скуки отъ нынѣшняго порядка вещей.

«...Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ; и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ мнѣніяхъ, только желаніемъ другого правленія, желаніемъ, пожалуй, неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ... Все это доказываетъ, что существующая система правленія не соотвѣтствуетъ болѣе состоянію общественнаго мнѣнія и что пришло время замѣнить эту систему другою».

О недостаточности и неопредѣленности существующихъ законовъ Сперанскій говорилъ:

«Въ хаосѣ указовъ есть распоряженія не только темныя

и недостаточныя, но и противорѣчащія одно другому. Повѣрятъ ли, что у насъ нѣтъ точнаго закона о наслѣдствѣ ab intestato, о завѣщаніяхъ? Въ уголовномъ законодательствѣ не опредѣлены вещи самыя простыя, самыя обыкновенныя: такъ, всегда судили и приговаривали, и продолжаютъ судить и приговаривать за переливъ монеты, и однако-же въ законахъ нѣтъ ни слова, гдѣ бы предписывалось наказывать это дѣйствіе. Не говорю здѣсь о предметахъ болѣе важнаго свойства, именно объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, т.-е. объ отношеніяхъ милліоновъ людей, составляющихъ полезную часть населенія, съ горстью тунеядцевъ [1]), которые присвоили себѣ, Богъ знаетъ, почему и какъ, всѣ права, всѣ привилегіи».

За этими отрывками изъ вступительной записки слѣдуютъ въ нашемъ источникѣ извлеченія изъ самаго плана государственнаго образованія. Въ этихъ извлеченіяхъ указаны только главнѣйшіе пункты плана, чтобы дать только самое общее понятіе о трудѣ Сперанскаго. Извлеченія буквально слѣдуютъ выраженіямъ самаго проекта.

И здѣсь опять, прежде всего, выставлены общія соображенія.

«Найти средства сдѣлать основные государственные законы ненарушимыми и священными для всѣхъ, не исключая особы монарха,—говоритъ Сперанскій,—всегда было предметомъ размышленій для всѣхъ добрыхъ царей, для лучшихъ умовъ, для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ свое отечество и не отчаявается въ его благоденствіи».

Относительно формъ правленія авторъ, послѣ многихъ теоретическихъ разсужденій, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, указывающимъ на близость того времени къ эпохѣ 1789 года:

«Никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны... Источникъ всякой власти есть государство, страна. Всякое правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ, и законно только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія.

«Въ дѣтствѣ обществъ форма правленія могла быть только деспотическая... Но когда государи перестали быть отцами своихъ подданныхъ, когда они начали пользоваться своимъ мо-

---

1) Въ одной изъ рукописей это выраженіе (fainéants) зачеркнуто и замѣнено: горстью людей. (Примѣчаніе Тургенева).

гуществомъ противно истиннымъ интересамъ подданныхъ, тогда къ общимъ условіямъ, на которыхъ воля народа основала правленіе и которыя, по своей неопредѣленности и недостаточности, привели наконецъ къ произволу, найдено было необходимымъ прибавить спеціальныя правила, опредѣлить болѣе строго предметъ желаній народа. Эти правила названы были *основными законами* страны, и ихъ цѣлость—учрежденіями (конституціей).

«Правленіе, устроенное такимъ образомъ, можетъ быть или ограниченная монархія, или ограниченная аристократія.

«Отсюда слѣдуетъ: 1) что основные законы государства должны быть дѣломъ націи; 2) что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти.

«Всѣ государства имѣли всегда и будутъ всегда имѣть двѣ формы правленія: форму внѣшнюю и форму внутреннюю. Первая состоитъ въ грамотахъ, основныхъ законахъ, учрежденіяхъ, внѣшнимъ образомъ опредѣляющихъ взаимныя отношенія различныхъ силъ государства; вторая состоитъ въ такомъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла получить господства надъ другими.

«Внѣшняя форма не имѣетъ никакой важности; дѣйствительную важность имѣетъ только форма внутренняя. Со всѣми внѣшними признаками свободы, законности, народъ въ дѣйствительности можетъ быть рабомъ.

«Когда народъ установилъ основные законы, когда онъ взялъ клятву отъ исполнительной власти въ ихъ сохраненіи, когда онъ устроилъ какой-нибудь парламентъ, сенатъ, онъ еще не основалъ этимъ свободы, если могущество правительства остается тѣмъ же, чѣмъ оно было до существованія этихъ учрежденій. Одна внѣшняя форма никогда не въ состояніи была бы установить въ Англіи правленіе, какое мы въ ней видимъ. Правленіе Рима при цезаряхъ было въ сущности деспотическое, между тѣмъ какъ внѣшняя форма была совершенно республиканская.

«Тотъ, кто захотѣлъ бы судить о Россіи по внѣшней формѣ правленія, по грамотамъ, даннымъ различнымъ сословіямъ націи, по ея сенату, по ея дворянству, учрежденному въ наслѣдственное сословіе, не сказалъ ли бы тотъ, что она имѣетъ правленіе монархическое? Однако-же, это далеко не такъ».

О внутренней формѣ правленія Сперанскій говорилъ:

«Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. Сила можетъ быть ограничена

только силою... Созданія, исходящія только изъ личной воли монарха, не могутъ служить противовѣсомъ силѣ; приписывать имъ это значеніе значило бы измѣрять пространство тяжестью... Итакъ, власть правительства можетъ быть ограничена только властью народа. Обѣ эти власти имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, такъ какъ правительство не можетъ имѣть иной власти, какъ та, которую вручилъ ему народъ».

Изъ этого основного начала авторъ извлекаетъ, между прочимъ, то слѣдствіе, что «всякое правленіе абсолютное или произвольное есть правленіе узурпированное и никогда не можетъ быть законно. Власть или силы народа, дѣйствительно, всегда бываютъ больше силъ правительства, такъ какъ народъ самъ создаетъ свои силы, между тѣмъ какъ правительство бываетъ сильно и могущественно только въ той степени, въ какой допускаетъ это народъ. Но силы народа слишкомъ часто бываютъ на дѣлѣ парализованы: 1) отъ незнанія народомъ его правъ; 2) отъ различія интересовъ и недостатка связи между отдѣльными лицами. Распаденіе народа на различныя сословія, на различныя корпораціи можетъ считаться причиной всякаго абсолютнаго правленія. Divide, ut imperes. Первый шагъ, который нужно сдѣлать для ограниченія абсолютной власти, это — положить конецъ раздорамъ, существующимъ между различными сословіями и различными состояніями, соединить ихъ всѣ, чтобы уравновѣсить силу правительства. Такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то совершенно необходимо, чтобы было сословіе, которое, становясь между нимъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщенно, чтобы понимать, какіе должны быть истинные предѣлы власти, и достаточно независимо, чтобы не бояться ея, и достаточно связано интересами съ народомъ, чтобы никогда не имѣть покушенія измѣнить ему. Отсюда слѣдуетъ, что въ ограниченной монархіи нужно установить два большіе отдѣла: высшій классъ, обязанный блюсти за исполненіемъ законовъ, и низшій классъ, отдѣленный отъ перваго по имени и по наружности, но тождественный съ нимъ по своимъ интересамъ».

Въ устройствѣ этого высшаго класса авторъ взялъ образцомъ англійскую аристократію. Изложивши устройство этой аристократіи, онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ положеніе и особенности низшаго класса.

1) Народъ состоитъ изъ всего того, что не входитъ въ

аристократію. Дѣти перваго государственнаго сановника, кромѣ старшаго, принадлежатъ къ народу. 2) Никакой классъ народа не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на владѣніе той или другой собственностью; но всѣ граждане должны имѣть пользованіе тѣмъ, что они пріобрѣтаютъ. 3) Народъ долженъ участвовать въ составленіи законовъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. 4) Народъ довѣряетъ артистократіи блюсти за исполненіемъ законовъ, такъ какъ она обязана представлять его. 5) Всякая собственность народа наслѣдственна; но его должности избирательны. 6) Никто не долженъ быть судимъ иначе, какъ своими равными».

«Если, несмотря на всѣ предосторожности, какія найдутъ нужнымъ принять, власть, глухая къ воплю народа и презирающая его гнѣвъ, доходитъ до всѣхъ крайностей, какія произволъ можетъ себѣ дозволить въ своемъ безуміи, то какія средства представитъ предлагаемая нами форма правленія, чтобы воспротивиться имъ? Отвѣтъ легкій: какія средства могутъ человѣческія силы противопоставить Тамерлану и другимъ подобнымъ чудовищамъ? Какіе законы могли когда-нибудь держаться, когда государства падали въ развалинахъ?»

Авторъ оканчиваетъ эти общія соображенія цитатой изъ Монтескье: «point de noblesse, point de monarchie».

Затѣмъ слѣдуютъ частныя соображенія собственно о Россіи въ до-александровскую эпоху и при Александрѣ I.

«Я не знаю, — говоритъ авторъ въ началѣ, — въ чемъ состояли истинныя намѣренія русскихъ государей со времени Петра I относительно устройства Россіи; однако-же ихъ величайшей заботой было, кажется, дать этой имперіи всѣ внѣшніе признаки монархическаго правленія, сохраняя въ своихъ рукахъ власть самую абсолютную. Думали ли они дѣйствительно, что права и грамоты, данныя на бумагѣ, достаточно опредѣляли форму правленія, или, напротивъ, не считали ли они необходимымъ пріучить народъ къ словамъ, прежде чѣмъ позволить ему обладать вещами, дѣйствительностью? Признавали ли они, въ своей совѣсти, справедливыми и полезными принципы, которыхъ они не рѣшались обращать въ факты? Наконецъ, не дѣйствовали ли они только вслѣдствіе внезапныхъ вдохновеній, безъ всякаго опредѣленнаго плана? Какъ бы то ни было, нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ слова соотвѣтствуютъ вещамъ меньше, чѣмъ въ Россіи.

«Всѣ установленныя власти, какъ административныя, такъ и судебныя, имѣютъ свои имена и представляютъ монархиче-

скіе внѣшніе признаки. Сенатъ называется хранителемъ законовъ; дворянство есть природный хранитель ихъ. Мы также имѣемъ въ народѣ свободные классы: развѣ купцы, мѣщане, даже государственные крестьяне не имѣютъ своихъ правъ, своихъ привилегій? Развѣ они не судятся своими равными?

«Вотъ источникъ ошибки, въ которую необходимо впадаютъ всѣ, кто судитъ о Россіи по внѣшнимъ признакамъ. По внѣшности у насъ есть все, а на дѣлѣ у насъ нѣтъ ничего; и въ особенности у насъ еще нѣтъ монархическаго правленія.

«Не говоря о другихъ учрежденіяхъ, что такое само русское дворянство, когда личность всякаго дворянина, его собственность, его честь, все, наконецъ, зависитъ не отъ закона, но только отъ воли абсолютнаго властителя? Самый законъ не зависитъ ли также отъ этой воли, которая одна дѣлаетъ и провозглашаетъ этотъ законъ?...Право собственности только право, терпимое верховной властью, и собственники только люди, имѣющіе эту собственность въ своемъ пользованіи (usufruitiers)».

«Я желалъ бы,—продолжаетъ авторъ,—чтобы кто-нибудь показалъ мнѣ, какая есть разница между отношеніемъ крѣпостныхъ къ ихъ господамъ и отношеніемъ дворянъ къ верховной власти. Развѣ послѣдняя не имѣетъ надъ дворянами той же самой власти, какъ дворяне надъ крѣпостными? Итакъ, вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это—рабы верховной власти и рабы землевладѣльцевъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ; въ дѣйствительности въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ.

«Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, это—тѣ отношенія, въ которыхъ поставлены между собою эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ... Престолъ всегда представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ».

Авторъ объясняетъ, что однимъ изъ слѣдствій этого порядка вещей является невозможность для народа вообще сдѣлать какой-нибудь дѣйствительный успѣхъ въ просвѣщеніи.

«Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—что такое образованіе, знанія для народа несвободнаго, какъ не средства живѣе почувствовать бѣдственность своего положенія, какъ не источникъ волненій, которыя могутъ только способствовать къ большему

его порабощенію, или могутъ навлечь на страну ужасы безначалія? Изъ человѣколюбія столько же, какъ изъ политики, слѣдуетъ оставить рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободы».

«Полагаютъ,—продолжаетъ авторъ,—что просвѣщеніе должно предшествовать свободѣ. Но что разумѣютъ подъ этимъ словомъ просвѣщеніе? Если оно означаетъ возвышенный образъ мыслей, способность понимать тонкія различія, существующія между истиной и ложью, наконецъ, если оно означаетъ чувство нравственнаго добра, тогда надо признать, что ни одинъ народъ на свѣтѣ никогда не достигалъ до этой степени совершенства, что еще долго ни одинъ народъ не достигнетъ ея, въ чемъ я и не вижу, впрочемъ, никакой необходимости. Нравственное чувство замѣняется у народа религіей, которая говоритъ ему, безъ сомнѣнія, менѣе тонкимъ образомъ, но во всякомъ случаѣ довольно ясно,—въ чемъ состоитъ грѣхъ, въ чемъ спасеніе; за отсутствіемъ логики, простой здравый смыслъ показываетъ ему, сколько нужно, добро и зло, истину и ложь. А что касается до способности обнять мыслью неизмѣримость вселенной, уразумѣть ничтожество желаній, человѣческихъ страстей, ничтожество самой науки, то я не знаю, къ чему вся эта возвышенная философія можетъ служить земледѣльцу. Если же, напротивъ, подъ просвѣщеніемъ разумѣютъ знаніе полезныхъ истинъ, которое почерпается изъ книгъ, усовершенствованіе промышленности, общественной жизни, то я не понимаю, какимъ образомъ рабъ могъ бы пріобрѣсти подобное воспитаніе; я думаю даже, что ему надо было бы имѣть сначала нѣкоторую свободу для того, чтобы разумъ его могъ просвѣтиться, и воля—перестать быть безплодной...

«Такимъ образомъ,—продолжаетъ авторъ,—Россія, раздѣленная на различные классы, истощаетъ свои силы въ борьбѣ, которую эти классы ведутъ между собой, и оставляетъ правительству весь объемъ безграничной власти.

«Государство, устроенное такимъ образомъ, если оно и будетъ имѣть то или другое внѣшнее устройство, тѣ или другія грамоты дворянству, грамоты городамъ, два сената и столько же парламентовъ, есть государство деспотическое, и пока оно будетъ состоять изъ тѣхъ же элементовъ, ему невозможно будетъ быть государствомъ монархическимъ...

«Если не хотятъ рѣшиться коснуться до этого основного порядка вещей, всѣ усилія правительства должны ограничиться слѣдующими второстепенными предметами:

«1) Населить и расчистить необработанныя и ненаселенныя земли, потому что человѣческое племя можетъ плодиться даже подъ абсолютнымъ правленіемъ, если оно не слишкомъ дурно.

«2) Держать подъ ружьемъ сильную армію.

«3) Улучшить полицію.

«4) Упростить судебный порядокъ: безъ сомнѣнія, подъ абсолютнымъ правленіемъ судъ никогда не можетъ быть совершаемъ вполнѣ справедливымъ образомъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ быть скорый.

«5) Собрать въ систематическомъ порядкѣ законы и указы.

«6) Упорядочить налоги и финансовое управленіе.

«Вотъ все, что можно, все, что должно стремиться сдѣлать при нынѣшнемъ правленіи. Но, чтобъ остаться вѣрнымъ своимъ планамъ, чтобъ не уничтожить того немногаго счастія, какое дозволено народу имѣть при этомъ правленіи, чтобъ не расточить національныхъ богатствъ въ безполезныхъ попыткахъ, правительство въ то же время должно отказаться:

«1) Отъ всякой мысли имѣть твердые и прочные законы, потому что подъ такимъ правленіемъ подобные законы невозможны.

«2) Отъ всякихъ усилій въ пользу народнаго образованія: человѣколюбіе повелѣваетъ принять этотъ послѣдній принципъ, потому что образованный рабъ есть несчастнѣйшій изъ людей; сдѣлать это было бы также и хорошей политикой, потому что, давая образованіе массѣ народа, нельзя было бы не повредить абсолютному правленію, не вызвать къ волненію и неповиновенію.

«3) Отъ всякихъ предпріятій, которыя имѣли бы цѣлью усовершенствовать національную промышленность, т.-е. отъ основанія всякихъ фабрикъ и мануфактуръ, требующихъ примѣненія свободныхъ искусствъ.

«4) Отъ всякаго возвышенія національнаго характера, такъ-какъ рабъ не можетъ имѣть національнаго характера; рабъ можетъ быть здоровъ тѣломъ, крѣпокъ своими физическими силами, но онъ никогда не способенъ къ великимъ дѣламъ; безъ сомнѣнія, есть исключенія, но они не уничтожаютъ правила.

«5) Отъ всякаго замѣтнаго увеличенія національнаго богатства: главное основаніе всякаго богатства заключается въ религіозномъ уваженіи права собственности, а это уваженіе становится невозможно при отсутствіи законовъ.

«6) Тѣмъ болѣе еще надо будетъ отказаться отъ улучшенія

положенія низшаго класса народа: плодъ его трудовъ будетъ всегда истребляемъ роскошью высшаго класса»...

«Предполагая,—говоритъ авторъ дальше,—что благодѣтельныя намѣренія императора встрѣтятъ препятствія въ силѣ обстоятельствъ, мы постараемся, по крайней мѣрѣ, съ большей заботливостью изыскать, какія средства улучшенія можетъ допустить настоящее положеніе вещей.

«Совершенная невозможность обезпечить счастіе Россіи, не касаясь нынѣшняго устройства различныхъ классовъ націи, достаточно доказываетъ необходимость подвергнуть ихъ преобразованію. Уже полвѣка назадъ признано было, что ни одно европейское государство, находясь въ сношеніяхъ съ другими государствами, не могло бы надолго сохранить деспотическое правленіе. Довольно принять въ соображеніе ту степень, какой вообще достигло просвѣщеніе, довольно видѣть примѣръ, представляемый другими націями, и его заразительность, наконецъ, спросить внутреннее чувство, прислушаться къ желаніямъ народа, какъ ни слабо онъ ихъ выражаетъ,—чтобы убѣдиться въ необходимости преобразованія и узнать положительно, въ чемъ состоятъ желанія и надежды всѣхъ.

«Въ чемъ должно состоять это преобразованіе?... Преобразованіе должно стремиться, по крайней мѣрѣ, изгладить то вопіющее противорѣчіе, которое существуетъ у насъ между наружной формой и дѣйствительной формой правленія; исполнить то, о чемъ государи въ теченіе столѣтія не переставали говорить народу; укрѣпить престолъ, не удерживая народъ въ его летаргическомъ снѣ и въ его предразсудкахъ, но ставя основаніемъ этого престола законъ и всеобщій порядокъ...

«Мудрость правительства состоитъ не въ томъ, чтобы ожидать событій и подчиниться имъ, но въ томъ, чтобы управлять ими, умѣть отнять у случая то, что этотъ случай можетъ принести вреднаго.

«Предпринимая преобразованіе, надо начать съ того, чтобы организовать иначе, чѣмъ есть, различные классы народа и измѣнить отношеніе ихъ между собою и къ престолу.

«Мы видѣли выше, что въ хорошо организованномъ государствѣ вся масса національныхъ силъ должна быть раздѣлена на два класса: классъ высшій и классъ низшій.

«Высшій классъ долженъ быть основанъ на правѣ первородства (майоратѣ). Онъ предназначенъ занимать первыя государственныя должности и блюсти за сохраненіемъ зако-

новъ. Связанный съ народомъ неразрѣшимыми связями родства, владѣнія онъ будетъ связанъ съ престоломъ столь же неразрѣшимыми связями почестей и отличій, также какъ и привилегіей короны вводить въ ряды этого класса всѣхъ тѣхъ, кого она сочтетъ того достойнымъ. Этотъ классъ составитъ истинную монархическую аристократію.

«Низшій классъ будетъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ, по праву первородства или по волѣ монарха, призванъ въ классъ высшій. Этотъ классъ будетъ привязанъ къ престолу гражданскою и военною службой, почестями, богатствами, и къ высшему классу связями родства, уваженія, мыслью, что этотъ послѣдній будетъ хранителемъ законовъ. Низшему классу необходимо будетъ принадлежать большая часть богатствъ и образованности страны. Въ немъ нельзя будетъ установить другихъ отличій, кромѣ дарованій способностей и добродѣтели. Кто осмѣлится тогда угнетать его или смотрѣть на него съ презрѣніемъ?

«Ничто не помѣшало бы правительству отдѣлить три или четыре первые класса нынѣшней дворянской іерархіи отъ остального дворянства и начать съ установленія для этихъ четырехъ классовъ права первородства. Собственно говоря, это не было бы нововведеніемъ.

«Такая реформа не была бы ущербомъ для самого этого высшаго класса.

«Здѣсь было бы, конечно, и свое неудобство, происходящее изъ того, что четыре первые класса въ настоящее время заключаютъ въ себѣ много дворянъ безъ значенія, безъ заслугъ, и которые, слѣдовательно, не внушаютъ никакого уваженія. Но это неудобство будетъ только временное: не пройдетъ столѣтія, какъ это дворянство очистится и пріобрѣтетъ весь необходимый блескъ и значеніе. Притомъ отъ воли императора будетъ зависѣть ввести въ него нѣкоторыхъ изъ богатыхъ лицъ низшаго класса. Наперекоръ всѣмъ химерамъ людей, мечтающихъ о метафизическомъ равенствѣ, великое государство должно имѣть не только Юліевъ Цезарей, но и Крассовъ. Пока эти послѣдніе существуютъ, другіе не осмѣливаются узурпировать высшую власть.

«Нынѣшнее мелкое дворянство также не будетъ имѣть разумнаго основанія жаловаться на такую реформу... Развѣ оно уже теперь не засѣдаетъ въ судахъ рядомъ съ людьми изъ низшихъ классовъ, и развѣ императоръ не можетъ возвести въ дворянство половину населенія страны?..

«Остается только опредѣлить время, когда это раздѣленіе произойдетъ, и способъ, какимъ оно должно быть исполнено.

«То же народное собраніе [1]), которое созвано будетъ для изготовленія законовъ, положитъ и первыя основанія этого раздѣленія.

«Чтобы не рисковать ничѣмъ, нужно — 1) чтобы это раздѣленіе было съ самаго начала указано распоряженіями, которыя будутъ приняты для созыва собранія и въ которыхъ сказано будетъ, что дворяне, принадлежащіе къ первымъ четыремъ классамъ, составятъ особую палату, а остальное дворянство будетъ засѣдать съ депутатами отъ народа; 2) чтобы среди работъ собранія первой палатѣ предложено было возстановить древній законъ Петра I о первородствѣ, ограничивая его примѣненіе высшимъ классомъ; вторая палата не будетъ имѣть повода возражать, такъ какъ этотъ законъ не будетъ прямо къ ней относиться; 3) чтобы въ то же время предложенъ былъ законъ въ томъ смыслѣ, что за исключеніемъ первыхъ четырехъ классовъ не будетъ больше классовъ или номинальныхъ степеней: совѣтникъ какого-нибудь управленія будетъ совѣтникъ, копіистъ будетъ копіистъ и ничего больше; этимъ уничтожены будутъ всѣ отличія классовъ или іерархическихъ чиновъ; останется только отличіе, связанное съ занимаемымъ мѣстомъ, съ исполняемой должностью; 4) нужно поставить правиломъ и повелѣть, чтобы всѣ дѣла, приносимыя въ суды, рѣшаемы были всѣми засѣдателями совмѣстно [2]), исключая, однако, дѣла уголовныя первыхъ четырехъ классовъ, которыя должны быть судимы въ высшемъ судѣ. Исполненіе подобнаго закона такъ легко, что даже въ наше время не доставало только двухъ или трехъ голосовъ, чтобы онъ былъ принятъ сенатомъ.

«Эти четыре распоряженія, когда время освятитъ ихъ, изгладятъ всѣ нелѣпыя различія, существующія теперь, и соединятъ всѣ части народа въ одно цѣлое. Дворянинъ сохранитъ свой дворянскій титулъ и, если это ему нравится, можетъ имъ гордиться; но весь русскій народъ будетъ пользоваться тѣми же правами, какъ онъ.

«Правда, что, несмотря на эти перемѣны, дворянство сохранитъ еще прерогативу, которая и послѣ будетъ отли-

[1]) У Тургенева: „le même congrès national".

[2]) Выборные засѣдатели принимали участіе только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались лицъ ихъ сословія.

чать его отъ другихъ классовъ: оно будетъ попрежнему имѣть крестьянъ. Но, какія бы трудности ни могло представить освобожденіе, крѣпостное рабство есть вещь, столь противорѣчащая здравому смыслу, что его нельзя считать иначе какъ временнымъ зломъ, которое неминуемо должно имѣть свой конецъ».

«Мнѣ кажется,—продолжаетъ авторъ, — что, раздѣливъ дѣло освобожденія на двѣ эпохи, можно было бы привести его къ счастливому рѣшенію.

«Въ первой эпохѣ ограничатся тѣмъ, чтобы опредѣлить повинности, которыя владѣлецъ можетъ законно требовать отъ крестьянина. Въ то же время, въ интересѣ самихъ владѣльцевъ, установлена будетъ какая-нибудь судебная власть, которая будетъ рѣшать споры между владѣльцами и земледѣльцами. Подобное учрежденіе указано уже въ Наказѣ императрицы Екатерины II... Такимъ образомъ, и безъ особеннаго формальнаго закона, крестьяне изъ крѣпостныхъ или рабовъ, каковы они теперь, сдѣлаются только приписанными къ землѣ, glebae adscripti. Это будетъ первая степень ихъ освобожденія.

«Къ этой мѣрѣ можно было бы прибавить двѣ другія, которыя состояли бы: первая—въ томъ, чтобы обратить подушную подать въ поземельный налогъ, вторая—въ томъ, чтобы предписать, при совершеніи актовъ, указывать не число душъ, но пространство земель, составляющихъ предметъ сдѣлки.

«Во второй эпохѣ, которой, впрочемъ, должны предшествовать различныя распоряженія второстепенныя, крѣпостнымъ крестьянамъ возвращено будетъ ихъ древнее право свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Этимъ совершится ихъ окончательное освобожденіе».

«Представляя всѣ эти соображенія, — говоритъ авторъ въ заключеніи этого отдѣла,—мы не имѣли въ виду ни устанавливать основные законы, ни излагать внѣшнюю форму, которую слѣдуетъ дать правленію; мы хотѣли только изыскать основанія, на которыхъ эти законы должны быть утверждены, если когда-либо Провидѣніе, которое нынѣ столь очевидно покровительствуетъ Россіи, удостоитъ благопріятствовать такому дѣлу. Поэтому, мы только вкратцѣ указали нѣкоторыя, впрочемъ весьма важныя, частности,—что отняло у цѣлаго ту ясность, какую оно могло бы имѣть. Это цѣлое было бы

полнѣе, если бы начерченъ былъ впередъ планъ зданія, котораго мы стараемся утвердить основы».

Въ новомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ «о духѣ предпринимаемыхъ реформъ». Прежде, чѣмъ перейти къ нему, замѣтимъ, что, по предположенію Н. И. Тургенева, разныя части проекта были написаны въ разное время, чѣмъ онъ и объясняетъ нѣкоторыя, неважныя впрочемъ, противорѣчія въ отдѣльныхъ трактатахъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ихъ нашъ источникъ не представляетъ уже прямыхъ извлеченій изъ Сперанскаго и сообщаетъ только главные принципы, къ которымъ Сперанскій приходитъ «послѣ долгихъ разсужденій». Здѣсь уже начинается проектъ самой регламентаціи новыхъ отношеній, которыя реформаторъ хотѣлъ внести въ русскую жизнь. Это была самая трудная часть плана, потому что всегда легче видѣть ненормальность извѣстнаго порядка вещей, чѣмъ найти настоящія средства къ исправленію; естественно, что эта часть проекта довольно легко поддается критикѣ.

Цѣль реформы, по объясненіямъ Сперанскаго, не можетъ быть иная, какъ основать правленіе, до тѣхъ поръ абсолютное, на «твердыхъ и непремѣняемыхъ» законахъ.

Иниціатива новыхъ законовъ должна исключительно принадлежать исполнительной власти.

Власть судебная, по своей сущности, входитъ въ атрибуты исполнительной власти; но эта послѣдняя предоставляетъ отправленіе ея судьямъ, избираемымъ самими тѣми, кто нуждается въ этомъ ея отправленіи. Исполнительная власть оставляетъ себѣ только право блюсти за строгимъ исполненіемъ судебныхъ формъ.

Всѣ гражданскія права не могутъ быть даны всѣмъ безразлично. Такъ какъ земли, занятыя земледѣльцами, могутъ быть во владѣніи только у извѣстнаго привилегированнаго класса, это обстоятельство составитъ въ такомъ случаѣ исключеніе. Впрочемъ, владѣніе землями должно бы всегда быть сообразно съ законами, опредѣляющими этотъ предметъ.

Это различіе въ правѣ владѣнія есть первый источникъ неравенства состояній.

Второй источникъ неравенства указывается владѣніемъ, собственностью вообще. Лица, не владѣющія совершено ничѣмъ, не должны имѣть участія въ пользованіи политическими правами.

Этихъ правъ не должны также имѣть слуги, рабочіе, поденщики и пр.

Всѣ гражданскія и политическія права могутъ быть раздѣлены на три разряда: 1) общія гражданскія права, принадлежащія всѣмъ гражданамъ; 2) особенныя гражданскія права принадлежащія только лицамъ, которыя могутъ пользоваться ими по своему воспитанію и роду жизни; 3) политическія права, принадлежащія собственникамъ.

Отсюда три слѣдующія состоянія: 1) дворянство; 2) среднее сословіе; 3) рабочій классъ.

Дворяне будутъ пользоваться всѣми гражданскими правами, принадлежащими русскимъ подданнымъ.

Они будутъ изъяты отъ личной очередной службы; но каждый дворянинъ обязанъ будетъ вступать на государственную службу, по гражданской или по военной части, и оставаться въ ней не менѣе десяти лѣтъ, не перемѣняя рода службы.

Дворяне одни будутъ имѣть право владѣть населенными землями, управляя ими по предписаніямъ закона.

Дворяне, смотря по значенію ихъ собственности, будутъ пользоваться политическими правами, т.-е. тѣми, которыя даютъ возможность быть избирателемъ или избираемымъ.

Дворянамъ разрѣшается заниматься всякаго рода промышленностью; они могутъ быть негоціантами, купцами и т. д., не теряя этимъ правъ, связанныхъ съ дворянствомъ.

Дворянство бываетъ двухъ родовъ: личное и потомственное. Дѣти потомственныхъ дворянъ дѣлаются сами дворянами, только прослуживши предписанный закономъ срокъ. Дѣти личныхъ дворянъ принадлежатъ къ среднему сословію. Личные дворяне не дѣлаются потомственными отъ того только, что провели на службѣ предписанный закономъ срокъ; для этого нужно еще, чтобы они оказали особенныя заслуги. Потомственное дворянство теряется по отказѣ вступить въ государственную службу или оставаться въ ней требуемое время. Оно теряется также по судебному приговору, а также вступленіемъ дворянина въ рабочій классъ.

Среднее сословіе пользуется общими гражданскими правами, но не всѣми особенными гражданскими правами и не всѣми правами политическими.

Личная служба людей средняго сословія должна быть опредѣлена закономъ, смотря по ихъ положенію и роду промышленности, которою они занимаются.

Имъ можно будетъ пріобрѣтать личное дворянство, добро-

вольно поступая на службу, по исполненіи той, которую наложитъ на нихъ вышеуказанный законъ.

Среднее сословіе составляется изъ негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и также крестьянъ, владѣющихъ извѣстной поземельной собственностью.

Рабочій классъ будетъ пользоваться общими гражданскими правами.

Вступленіе въ высшій классъ будетъ разрѣшено для каждаго человѣка изъ рабочаго сословія, который успѣетъ пріобрѣсти извѣстное количество поземельной собственности и удовлетворить требованіямъ службы, опредѣленной закономъ для его сословія.

Къ рабочему классу будутъ принадлежать всѣ крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, ремесленники и ихъ работники и, наконецъ, слуги.

Такимъ образомъ, всѣ классы народа будутъ связаны другъ съ другомъ. Лица низшихъ классовъ, отправленіемъ своего промысла, своими трудами, всегда будутъ имѣть возможность достигнуть вступленія въ высшее сословіе.

Наконецъ, въ трактатѣ «о духѣ органическихъ законовъ» Сперанскій излагаетъ ту самую систему учрежденій, которую начали-было приводить въ исполненіе преобразованіемъ государственнаго совѣта и новымъ устройствомъ министерствъ. Мы прослѣдимъ въ немногихъ словахъ главные пункты этой системы; изъ короткаго обзора будетъ достаточно видно, что Сперанскій былъ съ своей точки зрѣнія правъ, когда говорилъ, что выполненіе цѣлой системы дало бы иной видъ тѣмъ реформамъ, которыя безъ этого казались отрывочными и непонятными.

Органическіе законы опредѣляютъ форму учрежденій, которыя служатъ средствами дѣйствія для силъ государства. Во главѣ этихъ учрежденій долженъ стоять государственный совѣтъ, въ которомъ Сперанскій видѣлъ послѣднее звено всей государственной организаціи. Затѣмъ слѣдуютъ другія учрежденія: министерство, государственная дума, сенатъ. Въ этихъ трехъ учрежденіяхъ заключаются всѣ государственныя силы или власти, именно: законодательство ввѣрено государственной думѣ; судъ или судебная часть—сенату; администрація—министерству. Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій соединяется въ государственномъ совѣтѣ и черезъ него восходитъ къ престолу.

Государственный Совѣтъ, во внѣшней своей формѣ, повидимому, устроенъ былъ такъ, какъ и предполагалось въ проектѣ;

но ему недоставало подготовительныхъ учрежденій и — людей.

Дальнѣйшія правительственныя учрежденія предполагалось устроить слѣдующимъ образомъ:

Государственная дума должна была имѣть значеніе законодательнаго собранія. Она должна была составиться изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ, выбираемыхъ, какъ видно дальше, въ губернскихъ собраніяхъ. Предсѣдатель думы назначается изъ трехъ кандидатовъ, выбираемыхъ собраніемъ.

Законы предлагаются вообще правительствомъ; они обсуждаются въ государственной думѣ и утверждаются императоромъ.

Дума получаетъ отчеты отъ министровъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія государственной конституціи, дума имѣетъ право требовать отвѣта у министровъ и дѣлать по этому предмету представленія престолу.

Никакой новый законъ не можетъ быть обнародованъ безъ участія думы. Всѣ законы финансовые, установленіе новыхъ налоговъ, какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы въ думѣ. Законъ, принятый думой, представляется на утвержденіе императора. Законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, останется недѣйствителенъ. Для разсмотрѣнія законопроектовъ дума назначаетъ изъ среды своей спеціальныя комиссіи.

Дума собирается ежегодно, въ извѣстный срокъ, безъ всякаго особеннаго призыва. Засѣданія продолжаются сообразно количеству разсматриваемыхъ дѣлъ. Полномочія думы прекращаются: отсрочкой до слѣдующаго года и распущеніемъ,— то и другое совершается верховною властью, по представленію государственнаго совѣта.

Дѣла предлагаются на разсмотрѣніе думы, отъ имени верховной власти, однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Отсюда исключаются: 1) представленія о нуждахъ государства; 2) представленія объ отвѣтственности; 3) представленія относительно мѣръ, противныхъ основнымъ законамъ государства. Въ этихъ трехъ случаяхъ депутаты сами могутъ взять иниціативу, исполняя предписанныя на этотъ случай формальности.

Сенатъ представляетъ высшую инстанцію судебную. Сенаторы назначаются государственной думой. Сенатъ дѣлится на

четыре департамента; два гражданскихъ и два уголовныхъ, распредѣленныхъ между двумя столицами. Всѣ судебныя дѣла подлежатъ ревизіи сената и его департаментовъ. При сенатѣ будетъ также высшій уголовный судъ, составленный изъ членовъ государственнаго совѣта, государственный думы и сената. Этому высшему суду подлежатъ государственныя преступленія, а также преступленія, совершенныя министрами, членами совѣта, сенаторами, генералъ-губернаторами и т. п. Министръ юстиціи есть блюститель судебныхъ формъ въ судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ, какъ въ сенатѣ, такъ и во всѣхъ другихъ судахъ. Засѣданія сената публичны; его рѣшенія печатаются.

Министерство представляетъ собой высшую административную власть.

Главные недостатки устройства министерствъ 1802 г. Сперанскій указываетъ здѣсь въ слѣдующемъ: 1) въ недостаткѣ отвѣтственности; 2) въ недостаткѣ точности въ раздѣленіи дѣлъ; 3) въ недостаткѣ учрежденій [1]).

Относительно перваго, въ проектѣ изложены слѣдующія соображенія. Не одинъ разъ являлась мысль дать или возвратить сенату нѣкоторыя политическія права, чтобы поднять его на высоту учрежденія, передъ которымъ министры были бы отвѣтственны за свое управленіе. Но подобныя попытки не могли бы привести ни къ какому результату. Собраніе, совершенно зависящее отъ верховной власти, никогда не могло бы замѣнить собранія, составленнаго изъ выборныхъ націи.

Недостатокъ отвѣтственности даетъ всѣмъ дѣйствіямъ министровъ видъ произвола и дѣлаетъ то, что, вмѣсто серьезныхъ сужденій, эти дѣйствія встрѣчаютъ только такіе отзывы, которые приводятъ въ заблужденіе публику; въ самомъ дѣлѣ мнѣніе публики, не находя никакой точки опоры, теряется въ пустыхъ предположеніяхъ, все осмѣиваетъ и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать правительству, нападаетъ и клевещетъ на него.

Такое положеніе вещей, дѣйствуя обратно на правительство, производитъ въ немъ робость; оно боится браться за вопросы, требующіе силы, твердости. Оттого его дѣятельность направляется главнымъ образомъ на текущія дѣла, и вся тактика министровъ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать важныхъ

---

[1]) Ср. Корфа, Жизнь Сперанскаго, I, стр. 122—123.

вещей, имѣя однако видъ, что они неутомимо дѣйствуютъ и много хлопочутъ.

Для устраненія этого недостатка и исправленія другихъ слабыхъ сторонъ министерскаго устройства, крайне вредившихъ правленію и затруднявшихъ его, Сперанскій предлагалъ свои мѣры, которыя, относительно распредѣленія дѣлъ и установленія правилъ администраціи, были до значительной степени осуществлены въ состоявшемся преобразованіи министерствъ 1810 года. Что касается отвѣтственности министровъ, то Сперанскій (въ излагаемомъ здѣсь проектѣ) полагалъ, что она установится сама собой при существованіи государственной думы, которая будетъ имѣть право требовать у нихъ отчета въ веденіи порученныхъ имъ дѣлъ: нужно будетъ только опредѣлить правила этой отвѣтственности. (Предположенная здѣсь отвѣтственность никогда не была введена).

Въ такомъ видѣ предполагалъ Сперанскій устроить высшія учрежденія власти—законодательной, судебной и административной. Онъ начертилъ и цѣлый планъ правительственной іерархіи отъ этихъ высшихъ пунктовъ до низшихъ мѣстъ управленія, отъ государственнаго совѣта до волостного правленія.

Онъ предполагалъ, между прочимъ, для этого новое дѣленіе имперіи на области и губерніи; первыя должны были заключать тѣ части имперіи, которыя по своему пространству и населенію не могли входить въ общую систему государственнаго управленія, какъ Сибирь, Кавказъ, Земля Войска Донского и т. п. Затѣмъ—новое распредѣленіе на губерніи, уѣзды и волости. Эти дѣленія должны были служить для различныхъ степеней учрежденій, которыя должны были быть устроены въ правильной градаціи,—учрежденій порядка законодательнаго, судебнаго и административнаго. Всѣ эти учрежденія должны были имѣть четыре степени.

Въ порядкѣ *законодательномъ*.

Первую степень составляетъ „волостная дума".

Въ главномъ мѣстечкѣ волости каждые три года собирается волостная дума, составленная изъ всѣхъ поземельныхъ собственниковъ; въ нее посылаютъ и казенные крестьяне своихъ депутатовъ, по одному съ пятисотъ душъ.

Эта волостная дума назначаетъ членовъ волостного правленія, которому принадлежитъ управленіе волостью; она контролируетъ волостные доходы и расходы, выбираетъ депутатовъ въ уѣздную думу и составляетъ списокъ двадцати зна-

чительнѣйшихъ лицъ волости, не исключая и отсутствующихъ [1]). Окончивъ свои занятія, дума расходится и мѣсто ея занимаетъ волостное правленіе.

Вторую степень составляетъ „уѣздная дума".

Депутаты, выбранные волостными думами, собираются, каждые три года, въ уѣздную думу, которая выбираетъ: 1) членовъ уѣзднаго правленія или совѣта; 2) членовъ уѣздныхъ судовъ; 3) депутатовъ въ губернскую думу.

Уѣздная дума разбираетъ желанія и представленія волостей и передаетъ ихъ въ губернскую думу. На основаніи списковъ, доставленныхъ волостными думами, она составляетъ новый списокъ въ двадцать человѣкъ, выбирая ихъ изъ значительнѣйшихъ лицъ уѣзда. Послѣ этихъ занятій она расходится.

Третью степень составляетъ «губернская дума».

Она составляется тѣмъ же порядкомъ изъ депутатовъ отъ уѣздныхъ думъ и выбираетъ: 1) членовъ губернскаго правленія или совѣта; 2) членовъ губернскаго суда, и 3) депутатовъ въ государственную думу. Эти послѣдніе депутаты выбираются изъ двухъ сословій, имѣющихъ политическія права; число ихъ отъ каждой губерніи опредѣляется закономъ.

Губернская дума составляетъ, на основаніи уѣздныхъ списковъ, свой списокъ двадцати значительнѣйшихъ лицъ губерніи, не исключая отсутствующихъ. Она контролируетъ доходы и расходы губерніи и на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ уѣздными думами, составляетъ представленія о нуждахъ края.

По закрытіи засѣданій губернской думы, предсѣдатель ея посылаетъ списки выборныхъ должностныхъ лицъ, волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ, къ канцлеру юстиціи (въ сенатѣ), а къ канцлеру государственной думы посылаетъ также списокъ депутатовъ, выбранныхъ отъ губерніи въ государственную думу, списокъ значительнѣйшихъ лицъ и наконецъ представленія о нуждахъ губерніи.

Четвертую и послѣднюю степень учрежденій законодательнаго порядка составляетъ „государственная дума", состоящая изъ депутатовъ отъ губерній, и по достоинству равная сенату и министерствамъ. Устройство ея мы видѣли выше.

---

[1]) По замѣчанію Тургенева, это составленіе списковъ, повторяющееся на каждой степени, напоминаетъ списки нотаблей въ конституціи, составленной Сіэсомъ.

Въ порядкѣ *судебномъ*:

Первая степень есть волостной судъ. Онъ разбираетъ споры частныхъ лицъ третейскимъ судомъ и старается примирить ихъ. Въ дѣлахъ по нарушенію полицейскихъ правилъ онъ долженъ употреблять скорѣе суммарное, чѣмъ формальное и письменное производство.

Волостной судъ состоитъ изъ судьи, его помощника и судей, выбранныхъ различными частями волости и находящихся въ разныхъ мѣстахъ волости. Въ извѣстныхъ дѣлахъ и преступленіяхъ волостной судья не можетъ рѣшать, не вызвавъ отъ волостного правленія двухъ депутатовъ, которые будутъ исполнять должность присяжныхъ. Судья будетъ président du jury [1]). Эти присяжные должны быть взяты изъ того класса, къ которому принадлежитъ подсудимый. Если таковыхъ не окажется, подсудимый передается уѣздному суду. Дѣла, подлежащія волостному суду, и способъ его дѣйствій предполагалось опредѣлить особымъ закономъ.

Вторая степень—уѣздный судъ, составляющій первую инстанцію въ судебной процедурѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, гражданскаго и уголовнаго. Число членовъ его, компетентность, способъ дѣйствія и пр. должны были быть опредѣлены особымъ закономъ.

Предсѣдатель уѣзднаго суда выбирается изъ числа двадцати значительнѣйшихъ лицъ уѣзда и его назначеніе утверждается министромъ юстиціи; онъ будетъ имѣть не обязанность судьи, а долженъ быть блюстителемъ законныхъ формъ и производства. Въ этомъ судѣ также являются присяжные.

Третья степень—губернскій судъ. Онъ устраивается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ уѣздный. Предсѣдатели, изъ списка губернскихъ думъ, назначаются министромъ юстиціи и утверждаются въ должности государственнымъ совѣтомъ.

Четвертая степень—сенатъ, предполагавшееся устройство котораго мы видѣли.

Въ порядкѣ *административномъ*:

Управленіе состоитъ изъ четырехъ главныхъ элементовъ: 1) управленіе государственное, или министерство; 2) управленіе губернское; 3) уѣздное; 4) волостное. Такъ какъ администрація можетъ исходить только отъ верховной власти, то всѣ второстепенныя и низшія подраздѣленія должны быть устроены сколько

---

[1]) По замѣчанію Тургенева, эти слова такъ и стоятъ въ проектѣ по-французски.

возможно сообразно съ высшимъ учрежденіемъ. Поэтому прежде всего должно быть организовано министерство. (Выше указаны предположенія и исполненія по этому предмету).

Мѣстное управленіе въ губерніяхъ должно имѣть то же единство, которое свойственно организаціи исполнительной власти вообще. Губернія представляетъ, въ меньшихъ размѣрахъ, ту же администрацію, какъ министерство. При настоящемъ порядкѣ (т.-е. порядкѣ того времени) въ прямое вѣдѣніе губернатора входитъ только полиція; на другія части администраціи онъ имѣетъ только косвенное дѣйствіе. Отсюда смѣшеніе въ администраціи.

Сперанскій предполагалъ соединить губернское правленіе и казенную палату въ одно управленіе (подъ названіемъ «губернскаго правительства»), раздѣливъ его на нѣсколько отдѣленій. При этомъ «правительствѣ» долженъ былъ находиться «совѣтъ» изъ депутатовъ отъ поземельныхъ собственниковъ губерніи, безъ различія состояній. Этотъ совѣтъ будетъ собираться ежегодно; губернаторъ будетъ представлять ему отчетъ во всѣхъ доходахъ и расходахъ и бюджетъ на слѣдующій годъ: разсмотрѣвъ отчетъ, совѣтъ будетъ распредѣлять налоги на слѣдующій годъ.

Уѣздное управленіе должно устроиться въ меньшихъ размѣрахъ, на томъ же основаніи. Мѣсто губернатора займетъ здѣсь вице-губернаторъ.

Волостное управленіе сохранитъ тѣ же формы въ еще меньшихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, всѣ части государственной администраціи будутъ имѣть однообразное устройство; отъ министра до волостного правителя дѣла будутъ идти, такъ сказать, по прямой линіи и не будутъ уклоняться безпрестанно въ стороны,—какъ теперь, когда теряется даже слѣдъ всякихъ злоупотребленій, которыя правительство хотѣло бы уничтожить.

Упомянемъ, наконецъ, спеціальный проектъ Сперанскаго объ устройствѣ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій въ имперіи. По этому проекту значительная доля должностныхъ лицъ, какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ вѣдомствѣ, должны были назначаться путемъ выборовъ.

Таковъ былъ проектъ.

«Читая трудъ Сперанскаго,—говоритъ Тургеневъ,—я въ особенности искалъ какихъ-нибудь рѣшеній о капитальномъ для

Россіи предметъ, который, если бы начата была какая-нибудь реформа, долженъ предшествовать всему: отмѣнѣ крѣпостного права. Я не нашелъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго. Правда, цѣлый проектъ организаціи для имперіи показывалъ, что крѣпостное право не могло найти въ немъ мѣста; но входя въ подробности о многихъ другихъ вопросахъ гражданскаго и политическаго устройства, Сперанскій, кажется, хотѣлъ избѣгать этого. Но онъ открыто нападалъ на нѣкоторыя финансовыя учрежденія, связанныя съ крѣпостнымъ правомъ, напр., на подушную подать. Вообще,—говоритъ авторъ,—если этотъ трудъ носитъ на себѣ очевидные слѣды легкомыслія, съ которымъ этотъ реформаторъ брался за самые важные вопросы и трактовалъ ихъ, тѣмъ не менѣе, при всей неполнотѣ и необработанности, этотъ трудъ сохранитъ отъ забвенія имя своего автора».

«Я не хочу оспаривать заслуги проектовъ Сперанскаго,—говоритъ тотъ же писатель далѣе,—я убѣжденъ, что исполненіе его плана, даже въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ проектѣ общей организаціи, было бы прогрессомъ и, слѣдовательно, благодѣяніемъ для страны; но я не могу не сказать, что въ этомъ трудѣ, какъ и во всѣхъ другихъ трудахъ своихъ, Сперанскій слишкомъ много заботится о формѣ и не достаточно о сущности вещей. Онъ видѣлъ безпорядокъ, хаосъ повсюду; онъ признавалъ нелѣпость основныхъ учрежденій и порядка вещей, устроеннаго по этимъ учрежденіямъ; и отъ всего этого зла онъ хотѣлъ помочь болѣе систематической, болѣе связной организаціей различныхъ государственныхъ вѣдомствъ, законодательнаго, административнаго и судебнаго. Онъ передѣлывалъ сенатъ, раздѣлялъ министерства, назначалъ каждому сферу, которой они должны ограничиться; онъ установлялъ порядокъ, которымъ дѣла должны были переходить изъ одной канцеляріи въ другую, отъ одной власти къ другой; онъ предписывалъ форму, какую должны имѣть дѣловыя бумаги; однимъ словомъ, онъ какъ будто вѣровалъ во всемогущество уставовъ, правилъ, писанныхъ на бумагѣ, во всемогущество формы. Онъ могъ дать своимъ твореніямъ нѣкоторую методу, но онъ не въ состояніи былъ дать имъ душу, по той простой причинѣ, что у него самого не было души. Во всѣхъ опытахъ, какіе дѣлалъ Сперанскій, во всѣхъ его вдохновеніяхъ нѣтъ ничего такого, что было бы способно интересовать массы, ничего, что обращалось бы къ тѣмъ благороднымъ и сильнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, которыя однѣ

способны произвести какой-нибудь порывъ къ добру, къ прогрессу, къ совершенствованію» [1]).

Въ этихъ словахъ писателя, какъ замѣчено, вовсе не расположеннаго къ Сперанскому, отдана справедливость его труду, но вмѣстѣ рѣзко высказалось довольно распространенное неблагопріятное мнѣніе о Сперанскомъ. Выше упомянуто, что отзывы Тургенева, который, повидимому, зналъ Сперанскаго только по возвращеніи его изъ ссылки, съ одной стороны вызывались характеромъ Сперанскаго за это время, съ другой усиливались особенно его ролью въ началѣ слѣдующаго царствованія. Между тѣмъ это едва ли могъ быть его прежній характеръ: Сперанскій, въ прежнее время смѣло выносившій ожесточенную ненависть многочисленныхъ враговъ, былъ надломленъ тяжкими испытаніями. Довольно представить себѣ, какія безотрадныя разочарованія должны были представляться ему въ эти годы ссылки, когда онъ долженъ быть предчувствовать и полное разрушеніе своихъ плановъ, и выносить тупую ненависть того самаго общества, для котораго хотѣлъ работать,— чтобы понять возможность этой перемѣны и этого паденія. Общественныя идеи, которыми онъ былъ проникнутъ, были еще очень новы въ русской жизни или даже совсѣмъ исключительны. Сперанскаго, даже въ разгарѣ его дѣятельности, нельзя было бы сравнивать, напримѣръ, съ энтузіастами того поколѣнія, къ которому принадлежалъ его критикъ: ихъ взгляды были сходны только въ одной общей идеѣ,— но стремленія ихъ развивались различными путями и въ различной сферѣ. Сперанскій совершенно не имѣлъ той общественной школы, въ которой образовались мнѣнія позднѣйшихъ поколѣній, и его развитіе было лишено оживляющей среды, вліяніе которой даетъ убѣжденіямъ ихъ силу и солидарность по крайней мѣрѣ съ извѣстной долей общества. Напротивъ, по самымъ условіямъ его положенія, мысли его созрѣвали въ одиночествѣ и въ тайнѣ. Составляясь путемъ одинокой теоретической мысли, понятія Сперанскаго естественно не могли пріобрѣсти большой устойчивости, съ другой стороны, по возвращеніи изъ ссылки, ему казалось, что еще возможна дальнѣйшая дѣятельность. Сперанскій не вдругъ, вѣроятно, отказался отъ своихъ прежнихъ понятій и надеждъ, но въ новыхъ условіяхъ ему не представлялось никакой возможности борьбы; теперь своими уступками онъ,

---

[1]) La Russie I, 574—576.

быть можетъ, надѣялся возстановить свое значеніе для будущаго времени. Но уступки всего чаще требуютъ все новыхъ и новыхъ уступокъ.

Признавъ эту перемѣну характера, надо быть безпристрастнѣе къ прежнему времени, когда составлялся приведенный проектъ. Правда, онъ очень неполонъ, въ немъ есть ошибки, но есть и положительныя достоинства. У Сперанскаго нѣтъ прямого рѣшенія крестьянскаго вопроса, но онъ и не забываетъ его: самъ Тургеневъ находилъ, что въ его планѣ не остается мѣста для крѣпостного права; мало того, Сперанскій положительно указываетъ необходимость и предлагаетъ форму рѣшенія вопроса. Предложенная форма неудовлетворительна и слаба съ современной точки зрѣнія, потому что предполагаетъ «полнымъ» освобожденіе крестьянъ безъ земли; но это было довольно обычное представленіе того времени. Едва-ли можно винить Сперанскаго и въ томъ, что его проекты не могли «интересовать массы», не обращались къ благороднымъ и сильнымъ чувствамъ человѣческаго сердца: по своей формѣ проекты и не могли имѣть подобнаго дѣйствія, а эта форма необходимо опредѣлялась всѣми условіями его работы. Проекты не предназначались для массы; они по самой программѣ должны были состоять въ развитіи политической теоріи и въ планѣ учрежденій,—первое необходимо отвлеченно, второе необходимо сухо и формально. Проекты Сперанскаго были дѣловыя бумаги, исполнявшія волю императора, а не убѣжденія, обращенныя къ самому обществу. Но общественной мысли, лежащей въ ихъ основаніи, нельзя отказать въ серьезности. Холодный бюрократъ, какимъ привыкли считать Сперанскаго, не въ состояніи былъ-бы написать многихъ страницъ проекта, которыя были своего рода подвигомъ. Какъ ни сильна могла быть поддержка императора Александра въ этой работѣ, строгая постановка вопроса была со стороны Сперанскаго большою смѣлостью, которая далеко не была въ русскихъ нравахъ, и ея нельзя не оцѣнить, если вспомнить всеобщее раболѣпство и крайнюю боязнь сколько-нибудь свободнаго выраженія мысли.

Проектъ Сперанскаго—столько же любопытный историческій документъ, какъ протоколы Строганова: и въ томъ, и въ другомъ мы видимъ самый процессъ развитія политическихъ и общественныхъ элементовъ, какъ онъ обнаруживался въ высшей правительственной сферѣ, которая въ эту пору еще продолжала сохранять передовое значеніе, какое имѣла

въ первые годы царствованія. Правительство продолжало быть представителемъ новаго направленія, которое начинало обнаруживаться въ наиболѣе образованномъ, хотя очень немногочисленномъ, меньшинствѣ. Выполненный только одной небольшой частью, въ цѣломъ оставшійся никому неизвѣстнымъ, проектъ Сперанскаго остается, однако, историческимъ указателемъ движенія идей. Онѣ уже бросили корень въ жизни; непосредственные практическіе планы не удались, личность стерлась, самая сфера потомъ совершенно измѣнилась,—но идеи не погибли: онѣ нашли потомъ новыхъ приверженцевъ уже въ самомъ обществѣ.

Мы упоминали, что, по словамъ самого Сперанскаго въ пермскомъ письмѣ, его планъ всеобщаго государственнаго образованія «въ существѣ своемъ не содержалъ ничего новаго», но что «идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ императора, дано въ немъ систематическое расположеніе». Въ какомъ именно отношеніи стоялъ трудъ Сперанскаго къ прежнимъ работамъ (которыя сообщилъ ему императоръ Александръ) мы не можемъ рѣшить съ точностью, за неимѣніемъ этихъ прежнихъ работъ. Но, ограничившись общими чертами, можно видѣть, что связь между ними, конечно, была. Одна основная мысль занимала Александра тогда и теперь, это—забота объ ограниченіи «произвола нашего правленія». Къ ней сводились разсужденія въ «комитетѣ», записки, представляемыя довѣренными государственными людьми, и проекты, которые вырабатывались въ самомъ комитетѣ. Была связь и въ частностяхъ мѣръ, которыя предлагались для достиженія этой цѣли тогда и предлагались теперь: въ этихъ мѣрахъ имѣлось въ виду приблизить русскую форму правленія «къ истинной монархіи» или къ формамъ констутиціоннаго характера; была мысль о представительствѣ; было желаніе установить отвѣтственность министровъ, отдѣлить судебную власть отъ административной, изъ числа прежнихъ учрежденій вычеркнута тайная экспедиція, введены вновь министерства и государственный совѣтъ.

Съ другой стороны едва ли сомнительно, что работы Сперанскаго не ограничивались однимъ сводомъ прежнихъ мнѣній, трудъ «систематическаго расположенія» былъ самостоятельный до очень значительной степени. Въ этомъ, кажется, убѣждаетъ сличеніе его проекта съ тѣми прежними матеріалами, по крайней мѣрѣ, которые до сихъ поръ извѣ-

стны [1]). Разница между ними бросается въ глаза: то, что въ прежнихъ проектахъ высказывается какъ неопредѣленная, нерѣшительная мысль, въ планѣ Сперанскаго развивается въ положительную и ясную теорію; колеблющіяся и отрывочныя предположенія выростаютъ въ систему учрежденій, которой нельзя отказать ни въ смѣлости, ни въ умной комбинаціи. Словомъ, работа Сперанскаго отличается отъ прежнихъ своей цѣльностью; здѣсь общая мысль находитъ практическое цѣлесообразное исполненіе, и указываются способы для достиженія предположенной цѣли. Когда болѣе будутъ извѣстны историческіе документы того времени, можно будетъ съ большей точностью опредѣлить отношеніе этихъ работъ; но едва ли сомнительно, что шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Наконецъ, между работами этихъ двухъ періодовъ, какъ было упомянуто прежде, мудрено указать ту разницу, которую обыкновенно указываютъ въ нихъ, называя одинъ періодъ англійскимъ, другой французскимъ. Напротивъ, въ обоихъ періодахъ можно находить одинаково слѣды и французскихъ, и англійскихъ образцовъ. Сперанскій могъ имѣть, и вѣроятно имѣлъ, въ виду какія-нибудь французскія конституціи (начиная съ 1791 и пр.), но имѣлъ въ виду и англійскія учрежденія, напр., майоратъ, на которомъ онъ хотѣлъ построить новую аристократію. Точно такъ же прежніе реформаторы не заимствовались своими образцами только изъ Англіи, какъ напримѣръ, въ устройствѣ министерствъ. Однимъ словомъ, у тѣхъ и другихъ гораздо больше высказываются общія стремленія къ «истинной монархіи», чѣмъ увлеченіе какими-нибудь спеціальными образцами учрежденій, и существенное различіе двухъ періодовъ заключается только въ степени и сознательности этого стремленія: у Сперанскаго оно было во всякомъ случаѣ сильнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ.

Кромѣ этого общаго историческаго значенія, планъ Сперанскаго любопытенъ въ частности для опредѣленія его собственной дѣятельности. Можно сказать, что этотъ проектъ во многихъ отношеніяхъ есть его зищита и оправданіе. По этому плану можно судить, въ чемъ состояли его настоящія желанія, насколько исполненіе отстояло отъ цѣлаго объема задуманныхъ преобразованій, и насколько истинный смыслъ

---

[1]) Отчасти они были указаны нами прежде: протоколы Строганова, записки Лагарпа, А. Р. Воронцова, Державина, Зубова, отрывокъ „Уложенія", сохранившійся въ бумагахъ Строганова, и т. п.

учрежденій, осуществленныхъ на дѣлѣ, зависѣлъ именно отъ исполненія цѣлаго плана. Дѣйствительно, исполненіе было крайне неполно. Изъ цѣлой системы остались только отрывки, сами по себѣ не представлявшіе, наконецъ, никакого собственно политическаго улучшенія, о которомъ всего больше и говорилъ императоръ Александръ. Государственный совѣтъ, которому въ проектѣ предоставлялось довольно хорошо соображенная дѣятельность при сенатѣ, министерствахъ и «думѣ» далеко не имѣлъ того смысла безъ этой системы учрежденій. Сенатъ остался безъ преобразованія. Министерства были исправлены въ административномъ, исполнительномъ отношеніи, но остались попрежнему безъ противовѣса въ отвѣтственности передъ «думой». Существенный элементъ плана, первый опытъ представительства, былъ вовсе покинутъ: отъ него уцѣлѣлъ только темный намекъ въ двухъ-трехъ выраженіяхъ манифеста о государственномъ совѣтѣ. Не говоримъ, наконецъ, о цѣломъ рядѣ учрежденій низшихъ степеней, которыя остались также совсѣмъ незатронутыми. Словомъ, о преобразованіяхъ Сперанскаго можно судить справедливо только въ связи ихъ съ планомъ...

Въ планѣ есть недостатки и очень крупные, но не слѣдуетъ ихъ преувеличивать. Для многихъ и въ то время, а теперь въ особенности, самымъ кореннымъ недостаткомъ показалось бы то, что Сперанскій вообще очень мало опирался на «историческія основанія», или совсѣмъ не опирался на нихъ. Сперанскій и здѣсь, какъ въ проектахъ гражданскаго уложенія, хотѣлъ строить заново, мало соображался съ преданіями и существующимъ порядкомъ вещей; но что касается основной мысли, едва ли есть справедливый поводъ обвинять Сперанскаго въ «легкомысліи».

Во-первыхъ, повторимъ, что его планъ былъ дѣйствительно планъ, проектъ, не болѣе. Многія части его были совершенно не отдѣланы; для многихъ предположенныхъ учрежденій еще надо было составить спеціальныя правила и уставы. По всей вѣроятности, проектъ долженъ былъ быть внесенъ на окончательное разсмотрѣніе въ открытый уже государственный совѣтъ, черезъ который прошло образованіе министерствъ, черезъ который проходило преобразованіе сената и гражданское уложеніе. Такимъ образомъ, въ планѣ мы имѣемъ не готовую къ исполненію государственную мѣру, а только единоличный проектъ, который могъ испытать съ вѣдома и добровольнаго участія автора значительныя видоиз-

мѣненія; итакъ во всякомъ случаѣ здѣсь было не окончательное рѣшеніе практическаго реформатора, а только предположенія, открытыя для критики. Во-вторыхъ, по сущности дѣла, Сперанскому не представлялось иной дороги кромѣ нововведеній, потому что старая, до и послѣ-Петровская, жизнь (напр., съ приказными и судейскими притѣсненіями, крѣпостнымъ правомъ и т. д.) давала мало «историческихъ основаній», на которыхъ можно было бы органически развить новыя учрежденія. Какъ ни странно, но и впослѣдствіи, при всемъ господствѣ консервативныхъ взглядовъ, нерѣдко можно убѣждаться въ подобномъ положеніи дѣла [1]). Сперанскій, въ началѣ проекта, ссылался на извѣстныя данныя прошедшей исторіи, которыя, по словамъ его, доказывали историческое существованіе той идеи государственнаго преобразованія, которую хотѣлъ выполнить императоръ Александръ. Въ манифестѣ 1 января 1810 г. также сдѣлана неясная историческая ссылка. Но Сперанскій едва ли серьезно понималъ эту ссылку, потому что она могла быть справедлива только въ самомъ общемъ смыслѣ и едва ли приходилась къ тому спеціальному примѣненію, въ которомъ хотѣли ее употребить. Исторически, развитіе шло иначе. Идея представительства, какъ разумѣлъ ее планъ Сперанскаго, не имѣла основанія въ прошедшемъ; въ этомъ видѣ она никогда не существовала въ русской жизни, она не имѣла ничего общаго съ древними демократическими учрежденіями и съ позднѣйшими думами и соборами. Съ московскаго царства до Петра В., и послѣ, въ русской жизни не было учрежденія или преданія, которыя бы могли имѣть смыслъ какого-нибудь ограниченія верховной власти, и съ этой стороны для новѣйшаго реформатора невозможно было найти никакихъ «историческихъ основаній». Но основанія могли заключаться въ иномъ условіи—въ развитіи самого общества, развитіи, которое совершалось подъ вліяніемъ европейской образованности и хотя и не опиралось пока ни на какихъ учрежденіяхъ, но, расширяя кругъ общихъ знаній и сообщая новыя общественныя понятія, наконецъ производило и къ извѣстному политическому сознанію. Единственное и очень достаточное «основаніе», которое имѣлъ здѣсь Сперанскій, было то, что практическая жизнь, государственная

---

[1]) Лучшія реформы царствованія Александра II трудно натянуть на „историческія основанія",—сколько ни старались иногда толковать нашу старину въ этомъ смыслѣ.

и народная, страдала множествомъ очевидныхъ неустройствъ, и что въ людяхъ наиболѣе образованныхъ уже являлось сознанiе неудовлетворительности прежняго порядка и желанiе улучшить его по тѣмъ требованiямъ, какiя указывали новыя понятiя о благѣ государства и о достоинствѣ самой власти. Изъ этихъ требованiй дѣйствительно и исходили всѣ преобразовательныя мечты императора и планы Сперанскаго. Понятно, что съ этой точки зрѣнiя передъ реформаторомъ открывался значительный просторъ: онъ не могъ дѣйствовать иначе, какъ путемъ нововведенiй.

Нововведенiя были не всегда удачны; иногда были слишкомъ произвольны. Такъ, мысль объ установленiи майората была произвольная; самое средство, предлагаемое Сперанскимъ для его введенiя, какъ справедливо замѣтилъ Н. И. Тургеневъ, похоже на фокусъ, tour de passe-passe; другiя средства, которыми Сперанскiй хотѣлъ ввести равенство правъ и уничтожить различiя сословiй, также мелочны. Способъ и объемъ исполненiя вообще мало соотвѣтствуютъ постановкѣ началъ и своей крайней осторожностью свидѣтельствуютъ о желанiи ввести новый порядокъ вещей сколько возможно незамѣтнымъ образомъ,—какъ будто авторъ плана хотѣлъ, чтобы общество и народъ даже не почувствовали сильной перемѣны, которая произошла бы въ ихъ жизни. Это старанiе избѣгать всего, сколько-нибудь похожаго на крутой переворотъ, вѣроятно, всего больше происходило отъ крайней мнительности самого императора Александра и составляетъ самую слабую сторону цѣлаго предпрiятiя и вмѣстѣ характерную черту времени.

Но при всѣхъ недостаткахъ проектъ Сперанскаго имѣетъ и свои замѣчательныя достоинства. Въ основанiи всякой разумной реформы должно лежать ясное критическое отношенiе къ существующему порядку, и въ этомъ отношенiи трудъ Сперанскаго стоитъ, быть можетъ, выше всего, что только было сдѣлано русской мыслью до тѣхъ временъ. Примѣры такой здравой критики являются уже давно, — ихъ можно находить еще съ Котошихина; въ теченiе XVIII-го вѣка они изрѣдка повторялись въ публицистическихъ трудахъ въ родѣ Посошкова, въ цѣломъ рядѣ сатирической литературы, доходя, наконецъ, до Новикова, Радищева и реформаторовъ первыхъ лѣтъ царствованiя императора Александра, но едва гдѣ-нибудь были такъ положительно и опредѣленно указаны общiя основанiя. Самая теорiя не нова и не оригинальна; она несомнѣнно

составилась подъ вліяніемъ европейскихъ теорій конца XVIII-го вѣка, начиная съ Монтескье; но она была усвоена Сперанскимъ достаточно серьезно, что можно видѣть изъ самихъ примѣненій къ русскимъ государственнымъ отношеніямъ, въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Эти политическія отношенія и ихъ частныя явленія и слѣдствія опредѣляются имъ иногда чрезвычайно вѣрно. Таково, напр., историческое замѣчаніе, что крѣпостное подчиненіе крестьянства отражалось усиленіемъ верховной власти до абсолютизма, такъ какъ интересъ крестьянства требовалъ, чтобы надъ помѣщиками стояла безграничная власть, которая бы могла внушать имъ спасительный страхъ и ограничивать ихъ деспотизмъ надъ крестьянами. Дѣйствительно, таковъ былъ инстинктъ самого крестьянства: царская власть всегда была его надеждой, которая долго поддерживалась только слабо фактами, но наконецъ оправдалась, потому что эта власть совершила освобожденіе. Справедливо также было мнѣніе Сперанскаго о томъ, должно ли вообще просвѣщеніе предшествовать свободѣ, какъ многіе думали тогда. Замѣчанія Сперанскаго впередъ опровергаютъ приторныя разсужденія Карамзина, который именно развивалъ мысль, что надо *сначала* просвѣтить крестьянъ, а потомъ освобождать ихъ: крестьяне, конечно, никогда бы не были освобождены по этой программѣ. Наконецъ, нельзя не признать большой силы въ той дилеммѣ, которую Сперанскій ставитъ между предлагаемыми реформами и старымъ порядкомъ, гдѣ съ одной стороны открывалась обширная перспектива благотворныхъ улучшеній въ цѣлой національной жизни при новомъ порядкѣ, а съ другой — только возможность однѣхъ частныхъ и мелкихъ починокъ въ старомъ зданіи. Любопытно видѣть, какъ въ этой послѣдней категоріи вещей, которыя можно сдѣлать только на худой конецъ, указанъ былъ тотъ трудъ собиранія старыхъ указовъ, которымъ потомъ ограничилась послѣдняя дѣятельность Сперанскаго.

Языкъ Сперанскаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проекта можетъ показаться очень смѣлымъ: иначе и не могло быть при той сильной мысли, которую онъ высказывалъ. Сперанскій рѣзко ставитъ вопросъ объ учрежденіяхъ и очень невысокаго мнѣнія о старыхъ порядкахъ вообще, и чтобы понять суровость нѣкоторыхъ его отзывовъ, которую вообще объясняли въ немъ самонадѣянностью, надо только вспомнить, что всего десять лѣтъ передъ тѣмъ окончилось наше XVIII-е

столѣтіе, которое доставляло слишкомъ много документальныхъ доказательствъ для его мнѣній.

Вообще, проектъ Сперанскаго наглядно представляетъ пунктъ столкновенія традиціоннаго порядка вещей съ новыми идеями времени, которыя заявляли о своемъ существованіи въ русскомъ обществѣ. Несвободный отъ произвольныхъ гипотезъ относительно будущаго устройства государства, проектъ любопытенъ яснымъ пониманіемъ результатовъ прошедшаго и недостатковъ настоящаго. Эти недостатки, замѣчаемые прежде только немногими лучшими умами, признавались теперь, втайнѣ, на самой вершинѣ правительства. Это критическое отношеніе къ прошедшему и настоящему было важнымъ фактомъ въ цѣломъ историческомъ движеніи; съ этого долженъ былъ начаться поворотъ въ сознаніи общества: дальше жизнь должна была вступить на другую дорогу, и дѣйствительно вступала на нее; общество, сначала мало замѣтно, съ остановками и колебаніями, но больше и больше обнаруживало попытки самодѣятельности и открывало себѣ независимый путь развитія. Проекты Сперанскаго важны какъ начало критики, — хотя въ мысляхъ Сперанскаго были неполноты и ошибки, и хотя съ нашей точки зрѣнія ихъ можетъ набраться больше еще, чѣмъ съ тогдашней.

Мы упоминали выше, какимъ тяжелымъ осужденіямъ подвергся этотъ проектъ даже съ точки зрѣнія тогдашней либеральной партіи, и объясняли, что въ этихъ осужденіяхъ было несправедливаго. Достаточно вникнуть въ нѣсколько характерныхъ фразъ проекта, чтобъ увидѣть въ немъ «душу», которой не хотѣлъ замѣчать строгій судья Сперанскаго. «Весь русскій народъ» — вотъ послѣдняя цѣль желаній Сперанскаго, и онъ во многомъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ лучшихъ стремленій своего времени.

Но пріемы исполненія, — не зависѣвшіе отъ собственнаго выбора Сперанскаго, — показываютъ, что еще слишкомъ сильны были привычки стараго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, въ проектѣ, какъ вообще во всѣхъ тогдашнихъ планахъ императора Александра, идетъ дѣло именно о томъ, чтобы ограничить въ русской жизни угнетающее начало безграничнаго авторитета, предоставить извѣстный просторъ самому обществу, возбудить его участіе къ общественно-политическимъ вопросамъ, — и между тѣмъ, самая мысль объ этомъ сколько возможно прячется отъ общества, важныя государственныя

преобразованія готовятся втайнѣ даже отъ членовъ высшаго правительства. Этотъ пріемъ, отражавшій обыкновенную нерѣшительность императора Александра, заключалъ въ себѣ странное недоразумѣніе. Императоръ имѣлъ великодушный планъ дать обществу свободу, но самъ пугался рѣзкой перемѣны; онъ старался дать исполненію самыя мягкія формы, произвести освобожденіе самыми незамѣтными переходами: думали, что это можно сдѣлать безъ вѣдома самого общества, и не думали, что, напротивъ, для этого надо было открыто начать съ первыхъ вопросовъ освобожденія — съ защиты крестьянина, съ распространенія образованія, съ освобожденія литературы, съ гласнаго суда и т. п. Тогда только либеральныя начинанія правительства нашли бы отвѣтъ въ обществѣ и дѣло реформы воспользовалось бы всѣми лучшими силами той части общества, которая уже чувствовала въ нихъ потребность. На дѣлѣ вышло наоборотъ: наиболѣе просвѣщенная доля общества не могла высказываться и оставалась подъ страхомъ, потому что еще властвовали старые порядки, между тѣмъ для консервативной оппозиціи была вся возможность интриговать и выдавать свои интриги за спасеніе отечества. Но Сперанскій мало былъ виноватъ въ этомъ ходѣ дѣла. Это была обыкновенная опасливая осторожность императора Александра, отчасти—пріемъ, наслѣдованный отъ прежней правительственной практики, которая никогда не хотѣла дозволять обществу самому думать объ общественныхъ дѣлахъ. Правительство, не довѣряя обществу, въ то же время мало знало его внутреннюю жизнь и его интересы. Объ его настроеніи, его желаніяхъ или неудовольствіяхъ знали только по слухамъ, всего чаще неполнымъ, ошибочнымъ или преувеличеннымъ. Понятно, въ какую сторону ловкіе люди эксплуатировали эти слухи при извѣстномъ характерѣ императора. Сперанскій не могъ бы, еслибъ и хотѣлъ, помѣшать этому. Это былъ давнишній взглядъ, историческое недовѣріе и недоразумѣніе, и наконецъ самъ Сперанскій сдѣлался его жертвою.

Къ сожалѣнію, это прискорбное явленіе находило себѣ обильную пищу въ существующихъ нравахъ: огромное большинство общества и не думало о какихъ-нибудь гражданскихъ улучшеніяхъ, было довольно стариной и не искало никакой свободы. Доказательствомъ былъ оракулъ этого большинства, Карамзинъ.

ГЛАВА IV.

Карамзинъ.

Записка „О древней и новой Россіи".

Начиная говорить о Карамзинѣ, мы невольно вспоминаемъ слова, сказанныя о немъ Бѣлинскимъ:

«...Вотъ имя, за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружій?... И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нѣтъ! Съ одной стороны, насъ, «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны», призываютъ «молиться на могилѣ Карамзина» и «шептать его святое имя»; а съ другой— слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой. Любопытное зрѣлище! Борьба двухъ поколѣній, непонимающихъ другъ друга!...

«Карамзинъ... mais je reviens toujours à mes moutons...,— продолжаетъ Бѣлинскій.— Знаете ли, что наиболѣе вредило, вредитъ и, какъ кажется, еще долго будетъ вредить распространенію на Руси основательныхъ понятій о литературѣ и усовершенствованію вкуса? Литературное идолопоклонство! Дѣти, мы еще все молимся и поклоняемся многочисленнымъ богамъ нашего многолюднаго Олимпа и нимало не заботимся о томъ, чтобы справляться почаще съ метриками, дабы узнать, точно ли небеснаго происхожденія предметы нашего обожанія. Чтò дѣлать! Слѣпой фанатизмъ всегда бываетъ удѣломъ младенчествующихъ обществъ... Да—много, слишкомъ много нужно у насъ безкорыстной любви къ истинѣ и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетикъ, не только что авторитетъ: развѣ пріятно вамъ будетъ, когда васъ во всеуслышаніе ославятъ ненавистникомъ отечества, завистникомъ таланта, бездушнымъ зоиломъ... И кто же? Люди, почти без-

грамотные, невѣжды, ожесточенные противъ успѣховъ ума, упрямо держащіеся за свою раковинную скорлупку, когда все вокругъ нихъ идетъ, бѣжитъ, летитъ! И не правы ли они въ семъ случаѣ? Чего остается имъ ожидать для себя, когда они слышатъ, что Карамзинъ не художникъ, не геній и другія подобныя безбожныя мнѣнія?» [1]).

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, и они остаются въ общемъ смыслѣ вѣрны. До сихъ поръ, если заходитъ рѣчь о Карамзинѣ, онъ вызываетъ весьма различныя мнѣнія: съ одной стороны, насъ, «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны», все еще приглашаютъ «шептать святое имя», съ другой — точно такъ же слушаютъ эти призывы недовѣрчиво и насмѣшливо. Споръ поколѣній продолжается; они все еще не понимаютъ другъ друга.

Это довольно понятно. Карамзинъ былъ въ литературѣ однимъ изъ очень крупныхъ людей; борьба мнѣній литературныхъ и общественныхъ естественно захватывала писателя, который былъ въ свое время представителемъ цѣлаго направленія. Но споръ о значеніи Карамзина ведется уже съ другихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ въ тѣ времена, о которыхъ говорилъ Бѣлинскій. Теперь не спорятъ о «старомъ» и «новомъ слогѣ», о красотахъ «Бѣдной Лизы», о научномъ достоинствѣ «Исторіи Государства Россійскаго», о которыхъ спорили при появленіи сочиненій Карамзина и еще не кончили спорить, когда началъ писать Бѣлинскій. Чисто литературная сторона дѣла отступаетъ на второй планъ: она разъяснена, или потеряла интересъ; взамѣнъ ея критика старается опредѣлить общее содержаніе понятій Карамзина, въ особенности его понятій о характерѣ и положеніи нашихъ внутреннихъ дѣлъ,— понятій, въ которыхъ всего яснѣе должно сказаться его историческое значеніе, какъ дѣятеля общественной жизни.

Современники восхищались въ сочиненіяхъ Карамзина новымъ легкимъ стилемъ, трогались его сантиментальностью, которая — худо ли, хорошо ли — сообщала или дѣлала имъ доступными извѣстныя гуманныя идеи, но не думали доискиваться глубокихъ корней его образа мыслей: крайняя партія литературныхъ старовѣровъ, съ Шишковымъ во главѣ, возстала-было противъ нововведеній его въ языкѣ и предполагавшагося французскаго вольномыслія,— но ея нападенія уже вскорѣ оказались въ одномъ отношеніи нелѣпыми, да и въ

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, I, 60—62. Писано въ 1834 году.

другомъ весьма неосновательными; въ «Исторіи» современники изумлялись потомъ произведенію дѣйствительно еще невиданному, его ученымъ и литературнымъ достоинствамъ, но опять мало отдавали себѣ отчетъ въ цѣломъ его направленіи [1]). Только немногіе представители новой школы пытались приложить къ ней эту болѣе широкую критику. Большинство восхищалось безусловно и не мудрствуя лукаво. Въ первомъ періодѣ дѣятельности Карамзина, до выхода въ свѣтъ «Исторіи», этого вопроса объ его общественномъ направленіи и вовсе не было: во-первыхъ, оно недостаточно высказывалось въ печатныхъ сочиненіяхъ; во-вторыхъ, и читатели еще мало задавались этими вопросами, и развѣ только упомянутые старовѣры заподозривали Карамзина въ вольнодумствѣ.

Чрезвычайно характерно, что то сочиненіе Карамзина, въ которомъ всего ярче выразились его общественныя понятія и гдѣ онъ непосредственно говоритъ о внутреннихъ политическихъ вопросахъ своего времени, осталось — точно такъ же, какъ изложенный нами планъ Сперанскаго—совершенно неизвѣстнымъ современникамъ. Два эти произведенія, составляющія два противоположные полюса тогдашнихъ понятій и выражавшія ихъ наиболѣе яснымъ и открытымъ образомъ, остались для публики секретомъ, столь великимъ, что дѣйствіе его длилось и до послѣдняго времени. «Планъ» Сперанскаго оставался государственной тайной и не былъ изложенъ даже въ обширной біографіи, барона Корфа. Записка «О древней и новой Россіи» въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ не могла быть напечатана въ Россіи, какъ это ни странно при ея характерѣ [2]). Оба произведенія, какъ нарочно, писаны были

---

[1]) Въ письмѣ объ „Исторіи“ Карамзина, Сперанскій, который долженъ былъ хорошо ее понимать, считаетъ, что тогда не время (т.-е. безполезно) было бы доискиваться этого. Онъ очень хвалилъ книгу и замѣчаетъ только: „Есть точка зрѣнія, съ коей можно *совсѣмъ иначе* и, можетъ быть, *справедливѣе* смотрѣть на нашу исторію и написать ее, но сей видъ должно *предоставить потомству* и будущимъ томамъ“. (Р. Арх. 1869, стр. 920). Это писано было въ мартѣ 1818 г. Понятно, что и въ „будущихъ томахъ“ Карамзинъ не могъ дойти до точки зрѣнія, о которой говорилъ Сперанскій.

[2]) Отрывки ея въ первый разъ напечатаны были въ „Современникѣ“ 1837 г. т. V, стр. 89—112; потомъ, нѣсколько полнѣе въ Эйнерлинговомъ изданіи „Исторіи Государства Россійскаго“ III, стр. XXXIX—XLVII. Затѣмъ содержаніе ея изложено было въ статьѣ Лонгинова о Сперанскомъ, Рус. Вѣстн. 1859, № 20, стр. 535—547, и отдѣльныя части приведены въ „Жизни Сперанскаго“, бар. Корфа, 1861. Инымъ, вѣроятно,

въ одно и то же время (1810—1811); авторы защищали два совершенно различные взгляда и такимъ образомъ, сражаясь между собою, не знали одинъ о другомъ. Оба автора одинаково не имѣли въ виду другихъ читателей, кромѣ императора. Только здѣсь, въ этомъ центрѣ сходились идеи, выражавшія собой стремленія общества, однѣ — зарождавшіяся, другія — господствовавшія въ житейской практикѣ; только сюда простиралась свобода мнѣній...

Эта внѣшняя судьба произведеній опредѣляетъ историческій моментъ. Общественному мнѣнію, до тѣхъ поръ совершенно безгласному и едва существовавшему какимъ-то темнымъ образомъ, только-что дана была первая возможность высказаться, столь ограниченная, что выслушалъ его только одинъ императоръ. Люди, которые представляли собой двѣ стороны общественнаго мнѣнія, оба были люди замѣчательные, каждый въ своей сферѣ, а потому ихъ мнѣнія особенно исключали одно другое. Если бы поставленные ими вопросы были хоть нѣсколько доступны для взаимной критики обѣихъ сторонъ, они могли бы найти себѣ какое-нибудь разъясненіе. Но этого не случилось; вся практика жизни не допускала ничего подобнаго. Императоръ Александръ хотѣлъ одинъ быть рѣшителемъ основного вопроса общества и народа,— и не рѣшилъ его: все время своего правленія онъ колебался между двумя дорогами – и не могъ одолѣть задачи. Между тѣмъ, задача дѣйствительно стояла; два направленія дѣйствительно зародились въ обществѣ, и нерѣшенный вопросъ стала разъяснять сама жизнь — тѣмъ сложнымъ и труднымъ процессомъ, которымъ она наперекоръ препятствіямъ ищетъ своихъ цѣлей.

Теперь гораздо яснѣе обнаруживается общественное значеніе Карамзина, чѣмъ то было для современныхъ ему критиковъ. Съ одной стороны стали извѣстны матеріалы, характеризующіе его личность и для нихъ неизвѣстные; съ

извѣстно заграничное изданіе Записки (хотя не безошибочное): „О древней и новой Россіи“ (вмѣстѣ съ запиской о Польшѣ, 1819), Берлинъ, Шнейдеръ, 1861. Далѣе, значительная часть ея, во французскомъ переводѣ, помѣщена была въ книгѣ Н. И. Тургенева: „La Russie et les Russes (также съ запиской о Польшѣ), т. I, стр. 469—517. Наконецъ, она была напечатана Бартеневымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г. (не совсѣмъ исправно) и авторомъ настоящихъ „Очерковъ“ въ приложеніи къ ихъ 3-ему изданію (1900). Въ 1914 г. „Записка“ издана вновь правнучкой Карамзина гр. М. Н. Толстой, подъ редакціей В. В. Сиповскаго, по списку, хранившемуся въ собственной Его Величества библіотекѣ.

другой—понятія, которыя онъ защищалъ, имѣли свою исторію въ дальнѣйшемъ общественномъ движеніи. Борьба понятій, которая шла въ его время, съ той поры уже прошла нѣсколько періодовъ, и сама исторія дала ясно видѣть, къ чему вела точка зрѣнія Карамзина,—что значили собственно его идеи и кто былъ поклонникомъ этихъ идей въ послѣднее время.

Между прочимъ, это отчасти высказалось въ празднованіи 100-лѣтняго юбилея рожденія Карамзина (1 декабря 1865). Юбилейная литература отличается вообще свойствами, которыя не всегда способствуютъ всей исторической истинѣ. Юбилей Карамзина получилъ (довольно, впрочемъ, естественно) тенденціозный охранительный характеръ. Панегирики вообще не отличались умѣренностью. Въ Карамзинѣ восхваляли не только его дѣйствительныя заслуги въ свое время, но и выставляли его какъ образецъ; не только изображали его *историческое* значеніе, но опять приглашали „какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны“—„шептать святое имя“, выводили изъ Карамзина мораль для данной минуты и въ довершеніе всего извлекли изъ него даже аргументы въ пользу охранительно-крѣпостническихъ тенденцій, особенно разыгравшихся ко времени этого юбилея [1])...

По цѣли настоящихъ очерковъ, мы не входимъ въ полную оцѣнку значенія Карамзина; мы коснемся только нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ въ опредѣленіи его характера какъ общественнаго писателя, преимущественно въ описываемое время, до 1812 года, въ эпоху Записки «О древней и новой Россіи». Такъ какъ общественныя тенденціи Карамзина нашли свой отголосокъ въ извѣстныхъ направленіяхъ позднѣйшаго времени, то намъ необходимо будетъ коснуться и тѣхъ оцѣнокъ, какія высказались въ юбилейной литературѣ. Эта литература иногда какъ будто прямо возвращаетъ насъ къ десятымъ и двадцатымъ годамъ,—начиная съ громоздкой компиляціи Погодина «Н. М. Карамзинъ» (2 ч., М. 1866), собирающей старательно все, что могло служить для обогащенія панегирика, и какъ будто даже приноровленной ad usum delphini. Часто не соглашаясь съ наиболѣе распространенными взглядами, мы по необходимости должны ссылаться на юбилейную лите-

---

[1]) Юбилейная литература о Карамзинѣ указана въ книгѣ Межова: „Юбилеи Ломоносова, Карамзина и Крылова. Библіографическій указатель книгъ и статей, вышедшихъ по поводу этихъ юбилеевъ“. Спб. 1871.

ратуру и обращаться къ самымъ сочиненіямъ Карамзина,— чтобы дать нашимъ словамъ наглядную доказательность.

Рано начавши свою литературную дѣятельность, Карамзинъ очень скоро занялъ видное мѣсто въ литературѣ. Одаренный отъ природы, онъ рано началъ умственную жизнь и успѣлъ пріобрѣсти много свѣдѣній, преимущественно литературныхъ, которыя—особенно при тогдашнемъ уровнѣ нашего просвѣщенія—дѣлали его однимъ изъ образованнѣйшихъ людей его поколѣнія. Карамзинъ много читалъ еще дома, много пріобрѣлъ отъ профессора Шадена, у котораго учился, еще больше пріобрѣлъ въ Дружескомъ Обществѣ, гдѣ нашелъ въ Петровѣ товарища, котораго умъ и характеръ онъ высоко цѣнилъ и авторитетъ котораго, кажется, охотно признавалъ во многихъ случаяхъ. Ихъ переписка открываетъ намъ маленькую перспективу въ умственную дѣятельность этого круга, гдѣ сектантски упрямый мистицизмъ старыхъ масоновъ соединялся съ ревностными заботами о распространеніи образованія и литературныхъ вкусовъ въ малограмотной публикѣ и подавалъ руку молодымъ поколѣніямъ, которыя должны были продолжать эти заботы. Странное соединеніе разнорѣчащихъ элементовъ представляли эти люди, у которыхъ чистые порывы къ общественному благу своимъ нравственнымъ достоинствомъ далеко превышали достоинство тѣхъ умственныхъ средствъ, какими они владѣли. Люди новаго поколѣнія какъ Петровъ и Карамзинъ, проходили уже иную, болѣе прочную школу, чѣмъ ихъ предшественники; степень образованія была выше, но общій тонъ Дружескаго Общества все-таки въ нихъ отражался и вѣроятно глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Не говоря о разныхъ внѣшнихъ примѣтахъ, которыя носятъ масонскій характеръ, напр., что въ письмахъ Петрова не разъ упоминается «Іоанновъ день» (масонскій праздникъ), какъ исключительная эпоха, что у Карамзина былъ свой масонскій псевдонимъ, повидимому вообще употребительный въ томъ дружескомъ кругу, что друзья Карамзина, Петровъ и Кутузовъ, были, особенно послѣдній, близкими довѣренными людьми старшаго масонскаго кружка [1],— не говоря о всемъ этомъ, въ тогдашнемъ настроеніи Карам-

---

[1] Кутузовъ былъ агентомъ московскаго общества у берлинскихъ розенкрейцеровъ; Петрову, кажется, готовилась масонская миссія въ провинціи.

зина, какъ оно выразилось въ его перепискѣ того времени, въ самыхъ «Письмахъ русскаго путешественника», отразился мистическій тонъ кружка, и притомъ не въ видѣ преходящаго настроенія, а болѣе глубокимъ и дѣйствительнымъ образомъ.

Обыкновенно полагаютъ, что когда, передъ поѣздкой за границу, Карамзинъ разстался съ кружкомъ старшихъ масоновъ, заявивъ свое несогласіе съ нѣкоторыми ихъ воззрѣніями и обычаями, то онъ уже вступилъ на иную дорогу. Это не вполнѣ такъ. Карамзинъ дѣйствительно отказался отъ крайностей розенкрейцерской школы, и могъ это сдѣлать по разнымъ основаніямъ: болѣе свѣжее образованіе помогло развиться въ немъ здравому смыслу и внушило ему недовѣріе къ апокрифической таинственности, масонско-алхимическимъ костюмамъ и обрядамъ: сравнительное короткое пребываніе въ этомъ обществѣ могло не дать ему настолько сродниться съ его учрежденіями, чтобы сдѣлать такое удаленіе особенно труднымъ. Быть можетъ, другія постороннія вліянія и соображенія внушали ему и нѣкоторую осторожность: въ своихъ письмахъ и въ самой книгѣ онъ не разъ высказываетъ, въ очень темныхъ выраженіяхъ, какую-то тяжелую свою заботу,—быть можетъ, она исходила изъ опасеніи за кружокъ и за самого себя. Но при всемъ томъ, несмотря на внѣшнее разъединеніе, несмотря на дѣйствительную неохоту къ алхимическимъ волшебствамъ, вліянія мистицизма остались въ немъ, одѣвшись въ иную форму. Въ розенкрейцерствѣ, какъ въ мартинизмѣ, было, среди всѣхъ странностей, извѣстное идеалистическое воззрѣніе на природу. Наши масоны, какъ извѣстно, ушли недалеко въ степеняхъ своего ордена, въ практической алхиміи и магіи, и какъ сами они, такъ особенно ихъ младшіе друзья должны были ограничиваться только самыми общими представленіями о могуществѣ природы, объ ея таинственныхъ отношеніяхъ къ человѣку. Въ нравственныхъ понятіяхъ они были мистическіе піэтисты и филантропы, ихъ возбужденное чувство переходило границы спокойныхъ ощущеній, легко становилось паѳосомъ, аскетизмомъ, а также—меланхоліей или сантиментальностью.

Слѣды этого хода понятій и настроенія мы найдемъ и въ Карамзинѣ. Панегиристы вообще стараются приписать развитіе Карамзина его личнымъ силамъ, и то новое, что съ нимъ входило въ литературу, сдѣлать его исключительной заслугой. Но отдавъ его личному дарованію всю справедливость, не слѣдуетъ преувеличивать дѣла. Напримѣръ, панегиристы удивляются обширнымъ свѣдѣніямъ Карамзина, его большому зна-

комству съ литературой, его необыкновенной оцѣнкѣ—Шекспира [1]), тому, что въ 1787 году Карамзинъ «выразилъ вѣрное мнѣніе о великомъ англійскомъ трагикѣ, о которомъ тогда не только въ Россіи, но *и вообще* въ Европѣ господствовали очень смутныя понятія». Будто бы? Панегиристъ забылъ или не зналъ, что «Литературныя письма», гдѣ Лессингъ началъ свою знаменитую борьбу противъ псевдо-классицизма, вышли въ свѣтъ, когда Карамзина еще не было на свѣтѣ, а «Гамбургская Драматургія», гдѣ былъ уже вполнѣ развитъ взглядъ Лессинга на Шекспира, вышла, когда Карамзину было два года. Карамзинская оцѣнка Шекспира была только отголоскомъ Лессинга—не болѣе.

Карамзинъ дѣйствительно стоялъ выше массы своихъ современниковъ по образованію, но его средства въ этомъ отношеніи не были созданы только имъ самимъ и не были такъ глубоки, какъ обыкновенно полагаютъ. До сихъ поръ еще не вполнѣ разъясненъ характеръ кружка, въ которомъ жилъ Карамзинъ въ первые годы молодости, но умственное содержаніе этого кружка было, очевидно, несравненно выше, чѣмъ у старшаго литературнаго поколѣнія. Сохранившіяся письма Петрова показываютъ, что его познанія были едва ли не значительнѣе, чѣмъ у его друга; мы мало знаемъ о Кутузовѣ, но дружба его съ Радищевымъ можетъ указывать, что это не могъ быть только ограниченный мистикъ; поэтъ Ленцъ, котораго судьба занесла въ Москву, былъ живымъ представителемъ нѣмецкихъ «бурныхъ стремленій» и вѣроятно не мало помогъ московскимъ друзьямъ освоиться съ поэтическими и умственными запросами времени; Дружеское Общество слѣдило за явленіями нѣмецкой литературы, которая давала пищу для его масонскихъ и образовательныхъ цѣлей. Знакомство съ нѣмецкимъ литературнымъ движеніемъ, которое обнаруживается въ «Письмахъ русскаго путешественника», нерѣдко, вѣроятно, идетъ изъ этого источника: Карамзинъ знаетъ полемику Николаи по поводу іезуитства и криптокатолицизма, знаетъ гоф-предигера Штарка и питаетъ къ нему уваженіе, знаетъ Морица, автора «Антона Райзера», ему извѣстны похожденія масонскаго шарлатана Шрепфера, онъ еще въ Москвѣ преклоняется передъ Лафатеромъ и т. п. Съ одной стороны, эти вещи лежали въ предѣлахъ масонскаго горизонта

[1]) Погодинъ, I, 57,—хотя въ другихъ мѣстахъ у него же (напр., I, 37) приводятся указанія, по которымъ дѣло объясняется проще.

и любознательности; съ другой—Карамзинъ не обнаруживаетъ особенно глубокаго знакомства съ тѣми вещами, которыя лежали внѣ этого горизонта (исключая только чисто литературные предметы). Далѣе, въ молодомъ кружкѣ еще могли сохраняться слѣды преподаванія Шварца, у котораго масонская мистика и «орденская» дѣятельность соединялись съ извѣстнымъ ученымъ образованіемъ, какъ это видно по его лекціямъ.

При помощи этого руководства Карамзинъ могъ ознакомиться съ главнѣйшими явленіями тогдашней литературы, главнымъ образомъ нѣмецкой, а также французской и англійской,— безъ особыхъ геніальныхъ усилій, какія ему приписываютъ. Объ этомъ можно судить по тому, какъ онъ пользовался своими средствами [1]).

Карамзинъ до большой степени остается на томъ уровнѣ идей, который давала масонская мистика. Новый слой образованія видоизмѣнилъ эту основу, удаливши ея крайности, въ особенности ея алхимическій костюмъ; поэтическіе элементы расширили, уяснили и облагородили это содержаніе, но затѣмъ на его взглядахъ остался отпечатокъ какой-то вялости общихъ воззрѣній, гдѣ сомнѣніе никогда не доростало до освѣжающаго анализа, а гуманныя идеи останавливались на степени разслабленной чувствительности, которая доходила до приторности на словахъ, и бывала однако весьма черствой на дѣлѣ.

«Письма русскаго путешественника», гдѣ въ первый разъ Карамзинъ выразился и пріобрѣлъ популярность, какъ писатель, были важнымъ явленіемъ въ русской литературѣ. Заслуга Карамзина съ внѣшней стороны, въ преобразованіи языка, въ улучшеніи формы, не подлежитъ спору; содержаніе, разсказы о европейской жизни, было очень любопытно; мечтательная чувствительность трогала читателей,—но многаго недоставало.

Его взгляды, въ отвлеченныхъ предметахъ, были еще въ той мистической сферѣ, въ которой витала масонская школа. Его занимаютъ вопросы: «кто я, что я, откуда я?» и т. д.,— вопросы, совершенно естественные въ человѣкѣ, котораго интересуютъ высшіе вопросы жизни,—но у него не было энергіи мысли, которая бы приводила къ ясной постановкѣ ихъ. Его

---

[1]) Ср. объ этомъ въ книгѣ Алексѣя Веселовскаго: „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ", 2-е изд. М. 1896, стр. 138 и дал. Въ книгѣ Незеленова „Н. И. Новиковъ", Спб. 1875, сдѣланы любопытныя изслѣдованія объ отношеніяхъ Карамзина къ Дружескому Обществу, между прочимъ, сдѣланы указанія о томъ, что вліяніе Новикова отразилось и на историческихъ изученіяхъ Карамзина.

внутреннія сомнѣнія выражались и ограничивались мистической чувствительностью и меланхоліей; въ сущности, эта черта осталась за нимъ навсегда: «меланхолическіе припадки», на которые онъ самъ жаловался, современемъ изъ острыхъ сдѣлались хроническими и наложили отпечатокъ на весь складъ его понятій. Въ старшемъ поколѣніи это броженіе мысли у многихъ кончилось, какъ извѣстно, настоящимъ религіознымъ квіетизмомъ; нѣчто похожее на квіетизмъ нравственный мало-по-малу развилось въ Карамзинѣ. Увидимъ дальше образчики этого настроенія. Въ литературѣ онъ останавливается всего больше на томъ, что питаетъ эту безплодную сантиментальность; гораздо меньше дѣйствуетъ на него то, въ чемъ обнаруживалась прямая литературная и общественная борьба, гдѣ ставились положительные вопросы философіи и рѣшались споры дѣйствительной жизни. Онъ былъ хорошо приготовленъ къ путешествію, — говорятъ о немъ,—его начитанность открывала передъ нимъ возможность воспринять все, что было сдѣлано лучшаго европейской мыслью. Дѣйствительно, онъ знаетъ многое, онъ стремится видѣть знаменитости нѣмецкой литературы, знакомится и со многими второстепеными дѣятелями; слава Канта, Гердера, Виланда, Гете наполняетъ его великимъ почтеніемъ къ нимъ; онъ очень любознателенъ; онъ спѣшитъ извлечь изъ счастливыхъ встрѣчъ что нужно ему для рѣшенія его недоумѣній, повѣряетъ эти послѣднія и Канту, и Виланду, и т. д.; повидимому, онъ наблюдательно и серьезно вникаетъ въ то, что слышитъ, — и что же въ результатѣ? Въ результатѣ, къ сожалѣнію, очень немного, — напримѣръ, въ результатѣ для Карамзина что Кантъ, что Лафатеръ— все равно, или даже Лафатеръ несравненно интереснѣе. По своему мечтательному настроенію Карамзинъ имѣлъ полное право предпочитать Лафатера, но когда онъ говорилъ, что искалъ рѣшенія вопросовъ о натурѣ и человѣчествѣ, когда потомъ его превозносятъ, какъ олицетвореніе мудрости, можно удивиться нетребовательности философа, который, насказавши комплиментовъ Канту, предпочелъ поучаться изреченіями, записочками и манускриптами Лафатера. Карамзинъ былъ тогда еще молодъ, но молодость именно и бываетъ богата одушевленіемъ къ возвышеннымъ идеаламъ, къ рѣшенію своихъ сомнѣній широкими и смѣлыми теоріями. Кантъ былъ извѣстенъ Карамзину, der alles zermalmende Kant, какъ повторяетъ онъ самъ эпитетъ, данный Канту Мендельсономъ; но тѣмъ не менѣе онъ ищетъ откровенія у Лафатера и глубокихъ объясненій «натуры» у Боннета.

Надо прочесть «Письма», чтобы видѣть, какимъ удивленіемъ проникнутъ былъ Карамзинъ къ Лафатеру. Карамзинъ упоминаетъ объ одномъ сочиненіи, которое Лафатеръ разрѣшилъ открыть только черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и завидуетъ девятнадцатому столѣтію: «Девятыйнадесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что теперь почитается тайною!» И надо вспомнить, что такое былъ Лафатеръ, чтобы понять, какое умственное дѣйствіе могла производить его личность и его сочиненія [1]). Человѣкъ, съ извѣстнымъ талантомъ и всего больше съ чрезвычайно возбужденнымъ воображеніемъ, Лафатеръ представлялъ собой странную нравственную смѣсь: въ одно и то же время послѣдователь Руссо и Сенъ-Мартена, онъ соединялъ республиканскую любовь къ свободѣ съ самымъ темнымъ мистицизмомъ, искреннее благочестіе съ натянутыми и насильственными экстазами, чисто средневѣковое суевѣріе съ новѣйшимъ идеализмомъ; теплое чувство переходило въ фальшивую сантиментальность, а умъ слишкомъ часто переставалъ дѣйствовать въ самыхъ дикихъ фантазіяхъ. Знаменитая «Физіономика», которую онъ выдавалъ за «науку», была пародіей на нее, какъ это уже тогда доказывалъ Лихтенбергъ.

Онъ писалъ множество, имѣлъ огромную массу почитателей между людьми, у которыхъ воображеніе преобладало надъ здравымъ смысломъ и недостатокъ серьезныхъ свѣдѣній былъ причиной крайняго легковѣрія. Лафатеръ не былъ именно такой шарлатанъ, какъ Каліостро, но въ немъ были черты, по которымъ онъ вовсе не годился и въ пророки, какимъ хотѣли его видѣть его поклонники. Его собственное самообольщеніе доходило до размѣровъ, не внушавшихъ уваженія, напримѣръ тогда, когда онъ самъ преклонялся передъ Каліостро. Удивленіе Карамзина передъ Лафатеромъ даетъ чрезвычайно характерный образчикъ его собственнаго настроенія. Этотъ хаосъ республиканства, мистицизма, сантиментальности увлекалъ Карамзина, потому что въ немъ самомъ бро-

---

[1]) О Лафатерѣ есть значительная литература; между прочимъ, любопытную характеристику даетъ Шлоссеръ, Исторія XVIII столѣтія, новое изд., II, 439—446; IV, 161—175 и др. Изъ старыхъ книгъ очень интересно сочиненіе, написанное Мирабо, или ему приписанное. Въ нѣмецкомъ переводѣ оно называется: Schreiben des Grafen von Mirabeau an***, die Herren von Cagliostro und Lavater betreffend. Berlin und Libau. 1786. Эту книжку уже могъ знать Карамзинъ, какъ могъ вообще знать сочиненія противниковъ Лафатера, и напр., въ особенности уничтожающую критику и сатиру Лихтенберга.—О Боннетѣ тамъ же у Шлоссера, II, стр. 441—442.

дили всѣ эти мечтанія и подобная непримиренная неурядица была въ его собственныхъ мысляхъ и ощущеніяхъ. Русская жизнь была далека отъ тѣхъ условій, какія создавали вліяніе Лафатера въ нѣмецкомъ обществѣ, и Карамзинъ, въ первый разъ знакомясь съ Лафатеромъ, могъ имѣть въ рукахъ достаточно средствъ понять эту личность и ея характеръ. Полемика Лафатера съ его противниками, съ которой не трудно было познакомиться Карамзину, могла открыть ему глаза.

Но онъ съ сантиментальной точки зрѣнія не вѣрилъ критикѣ и, напримѣръ, удивлялся нетерпимости Николаи къ его противникамъ. «Тотъ есть для меня истинный философъ,—говорилъ Карамзинъ, — кто *со всѣми можетъ ужиться* въ мірѣ, кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей». Прекрасная максима, безъ сомнѣнія, но трудно исполнимая на практикѣ; дальше увидимъ, какъ онъ самъ въ другихъ случаяхъ исполнялъ ее. Очень желательно, чтобы въ литературной борьбѣ господствовала терпимость къ чужому мнѣнію, но «со всѣми ужиться въ мірѣ» можно было развѣ только въ литературѣ, гдѣ не о чемъ было спорить, гдѣ ни одна мысль не принимается серьезно и не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій. Если такое правило Карамзинъ могъ примѣнять къ тогдашней русской литературѣ, то нѣмецкая литература того времени уже захватывала дѣйствительные спорные пункты общественной жизни; терпимость была очень мудрена, потому что и борьба «просвѣтителей», между прочимъ, направлялась противъ тупого обскурантизма, который являлся и въ образѣ самого Лафатера.

Съ чувствительной точки зрѣнія вещи получали, такимъ образомъ, особую окраску, на дѣлѣ дававшую имъ совершенно фальшивый видъ. Изъ указанныхъ примѣровъ можно видѣть, какая неясность господствовала въ философскихъ и литературныхъ воззрѣніяхъ Карамзина. То же самое было и въ его понятіяхъ о политической и общественной жизни, — та же поверхностная чувствительность, погоня за красивыми словами и крайнее противорѣчіе ихъ съ непосредственнымъ пониманіемъ дѣйствительности.

Карамзинъ былъ великимъ поклонникомъ Руссо. Ему казалось, что здѣсь онъ находитъ то-же родственное ему содержаніе, какое онъ отыскивалъ у сантиментальныхъ поэтовъ періода Sturm und Drang, у Томсона, у мистическихъ поклонниковъ «натуры», у Лафатера и Боннета; и какъ онъ не отличалъ философіи Канта отъ философіи Лафатера, такъ и

здѣсь онъ мало чувствовалъ, какой глубокій протестъ противъ существующаго порядка вещей скрывался въ мечтахъ Руссо, и находилъ въ нихъ только «сладкую чувствительность». Въ то время уже ясно увидѣли, что значила та французская литература, къ которой принадлежалъ Руссо; это слышалъ и Карамзинъ, но тѣмъ не менѣе онъ остается какъ будто въ невѣдѣніи относительно смысла этой литературы; онъ восторгается фразами книги и не хочетъ видѣть, что книга означаетъ въ дѣйствительности. Не мудрено, что онъ и самъ говорилъ много фразъ, не отдавая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ, — какъ упрекалъ его еще Бѣлинскій.

Карамзинъ былъ въ восторгѣ отъ Парижа. «Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій». Это было, какъ извѣстно, общее впечатлѣніе русскихъ образованныхъ людей тогдашняго времени, которые вообще видѣли въ Парижѣ «столицу ума и вкуса». Но Парижъ, восхитившій Карамзина, былъ именно Парижъ стараго режима; его восхищаетъ Версаль и Тріанонъ, дворецъ графа д'Артуа и французская артистократія, онъ самъ познакомился съ какимъ-то богатымъ домомъ, участвуетъ на литературномъ чтеніи, разсказываетъ содержаніе «розовой тетрадки» аббата, заключавшей разсужденіе о любви, пишетъ нѣжные стишки. Но онъ не видѣлъ, что значила новая политическая жизнь, которая въ то время уже охватила Парижъ и, по его собственнымъ словамъ, занимала всѣ умы. Онъ не разумѣлъ, чего хотятъ французы; ему очень прискорбно, что французы думаютъ нынѣ о революціи, а не о памятникахъ любви и *нѣжности*; народъ, возставшій противъ феодальнаго угнетенія столькихъ вѣковъ, и представители этого народа просто — «парижскіе варвары», дерзкіе смѣльчаки, «поднявшіе сѣкиру на священное дерево», т.-е. на старую монархію, «при которой, по мнѣнію Карамзина, *все благоденствовало*». Въ одномъ и томъ же письмѣ (изъ Франкфурта, 29 іюля) Карамзинъ восхищается монологомъ Фіески въ трагедіи Шиллера [1]),

---

1) „...Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фіеска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды, кромѣ любви своихъ согражданъ, или во-

проникнутой республиканскими идеями, и презрительно отзывается о парижскихъ событіяхъ: такъ расходились въ его понятіяхъ книга и фраза съ жизнью. На французскія событія вообще ложится неблагопріятная тѣнь, самый размѣръ ихъ ограничивается, какъ будто дѣйствовала только шайка буяновъ,—хотя еще до пріѣзда его въ Парижъ совершались факты, которые были возможны только потому, что были дѣломъ народной массы, и хотя ему самому приходится упоминать, что «цѣлыя *деревни* вооружаются», «солдаты не слушаютъ офицеровъ», «бабы говорятъ о революціи»; и даже тѣ, кто могъ дѣйствительно «благоденствовать» при старой монархіи, «французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Онъ скорбитъ, что «грозная туча носится надъ башнями Парижа», что «златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками»; онъ скорбитъ о «прекрасной Маріи», о какомъ-то «кавалерѣ св. Людовика», выгнанномъ «бунтующими поселянами» изъ своего помѣстья... Все движеніе представляется ему общимъ бунтомъ; онъ не задаетъ себѣ вопроса, чѣмъ были «кавалеры» для поселянъ. забываетъ, что, «грозная туча», между прочимъ, пронеслась надъ башнями Бастильи, и наконецъ, что идеи народнаго права, которыя теперь такъ бурно высказывались, были идеи его Руссо, что онъ уже требовалъ справедливости и свободы, отказъ въ которыхъ вызвалъ наконецъ это страшное потрясеніе. Поклонникъ Руссо, наблюдая французское движеніе, оказался на сторонѣ салонныхъ франтовъ и аббатовъ съ розовыми тетрадками о любви... Панегиристы Карамзина возстаютъ противъ критиковъ, которые удивлялись, что письма Карамзина изъ Франціи обнаруживаютъ такое непониманіе событій, совершавшихся у него на глазахъ; они возражаютъ, что «это были письма интимныя», письма къ Алексѣю Александровичу и Настасьѣ Ивановнѣ (Плещеевымъ, съ которыми онъ былъ въ дружбѣ), что «съ ними онъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ, вотъ и все»; что изъ писемъ Мелодора къ Филарету и обратно можно опредѣлить отношеніе Карамзина къ французскому перевороту: началось оно сочувствіемъ, а кончилось разочарованіемъ, и что, ко-

спользоваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: избери первое! Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ; вообще Фіеско тронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ“...

нечно, этотъ интересъ его къ французскому перевороту начался не въ 1794, когда писаны были упомянутыя письма, а гораздо ранѣе: «какъ доказать, что не ранѣе? И нужно ли это доказывать?» Другой апологистъ замѣчаетъ, что Карамзинъ «хотѣлъ изучить въ Парижѣ *веселую французскую жизнь стараго времени*, видѣть зданія и чудеса искусства, набраться новыми впечатлѣніями. Странно было бы ожидать отъ Карамзина, чтобъ онъ слѣдилъ въ Парижѣ за новыми явленіями (?). На волненіе его онъ смотрѣлъ «съ тихою душою, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море», и т. д. [1]).

Эти возраженія однако неудовлетворительны, и прежде всего тотъ аргументъ, что письма были писаны къ Настасьѣ Ивановнѣ, имѣлъ бы силу только въ томъ случаѣ, если бы онѣ и остались у нея въ ящикѣ или читались только въ семейномъ кругу: какъ скоро онѣ были напечатаны, то публикѣ все равно, кому онѣ присылались первоначально. Что Карамзинъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ — также невѣрно, потому что письма преисполнены сужденіями о такихъ матеріяхъ, именно о философскихъ матеріяхъ первой важности, о крупныхъ явленіяхъ литературы и самой политики,— сужденіями, которыя часто дѣлаютъ честь уму писателя, но часто были и указаннаго выше свойства. Въ какое время составлялись взгляды Филалета и Мелодора, въ 1794 или въ 1790, это, пожалуй, все равно; но «Письма русскаго путешественника» печатались уже въ 1791—1792 годахъ. Далѣе, приписывать Карамзину желаніе изучать въ Парижѣ только веселую жизнь стараго времени—было бы довольно странной цѣлью путешествія; цѣль и не была такова. Карамзинъ, какъ вообще путешественникъ, желалъ просто видѣть европейскую жизнь, какъ она была въ то время. Отъ него не требовалось, чтобы онъ «слѣдилъ» за новыми явленіями, но онъ безпрестанно о нихъ говоритъ и судитъ, и потому можно удивляться, какъ онъ не понялъ того, что передъ нимъ происходило во Франціи и что уже въ то время привлекало вниманіе всей Европы. Всего скорѣе можно было бы (какъ иные и дѣлали) ссылаться на цензурныя опасенія, которыя могли мѣшать ему говорить искренно свои мысли; но тогда замѣтна была бы эта вынужденная сдержанность, которой однако нѣтъ, и Карамзинъ вообще весьма опредѣленно высказался о француз-

---

[1]) Галаховъ, Исторія русской словесности, т. II, стр. 9 и др. (1-е изд.); Казанскій юбилей Карамзина, стр. 65 и др.

скомъ переворотѣ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ цитатъ. Сущность взгляда его сводится къ тому, что при старой монархіи все во Франціи благоденствовало, но затѣмъ явились дерзкіе смѣльчаки и подняли сѣкиру на священное дерево говоря: «мы лучше сдѣлаемъ»; вслѣдствіе того раздался грозный крикъ парижскихъ варваровъ, поселяне начали бунтовать, солдаты перестали слушаться офицеровъ, дворянство и духовенство оказались плохими защитниками трона, и печальнымъ результатомъ этого было то, что златая роскошь съ горестью поднялась на воздухъ и скрылась за облаками, «кавалеры» страдали, изгнанные бунтующими поселянами, и наконецъ французы вообще перестали думать о памятникахъ любви и нѣжности, и нація, столь веселая, остроумная и любезная, должна была, вѣроятно, утратить свой пріятный характеръ.

Здѣсь не прибавлено ни одной черты, которой нѣтъ у Карамзина, и намъ кажется, что такая картина французскаго переворота достаточно ясно опредѣляетъ взгляды наблюдателя. Не требуя вовсе отъ Карамзина, «чего онъ не можетъ дать», кажется, слѣдуетъ требовать отъ человѣка, выражающагося такъ рѣшительно, чтобы онъ ясно понималъ, что говоритъ. Карамзинъ восхищается Руссо и дѣлитъ его мечтанія; онъ знаетъ вообще французскую литературу, возстававшую противъ всякихъ несправедливостей и бѣдствій стараго порядка и создававшую новые идеалы свободы и просвѣщенія; онъ могъ быть этимъ хоть нѣсколько подготовленъ къ уразумѣнію того броженія идей, какое онъ встрѣтилъ во французской жизни. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ, когда уже совершились первыя сцены революціи. Никто не станетъ требовать, чтобы Карамзинъ, воспитанный въ повиновеніи властямъ и чувствительный, одобрялъ эти мрачныя сцены, чтобы ему нравились народныя волненія; но серьезный человѣкъ, если уже начинаетъ говорить о нихъ, долженъ бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, *отчего же*, наконецъ, происходили эти сцены и эти волненія. Карамзинъ отвѣчаетъ, что это «бунтъ» —хотя легко могъ узнать въ Парижѣ, почему разрушена была Бастилья, почему поселяне изгоняли кавалеровъ, почему солдаты переставали повиноваться офицерамъ, и почему, наконецъ, вся эта народная масса стала такъ легко поддаваться революціонному потоку, конечно, не обѣщавшему ничего добраго для Версаля, Тріанона и для «памятниковъ нѣжности». Всѣ эти вопросы какъ будто не существуютъ для

Карамзина,—а между тѣмъ ему не трудно было бы, хотя нѣсколько, разъяснить ихъ себѣ, безъ чего онъ и не могъ высказать благоразумно своего приговора. Онъ даже лицомъ къ лицу видѣлъ нѣкоторыя событія, онъ бесѣдовалъ съ «французскимъ Платономъ», былъ въ національномъ собраніи, слушалъ Мирабо...

Не будемъ винить Карамзина за эти противорѣчія: онъ былъ еще молодъ, не умѣлъ понимать дѣйствительности, не могъ согласить своихъ сантиментальныхъ теорій съ жизнью, ему трудно было осмотрѣться въ событіяхъ—все это было очень возможно для человѣка, впервые увидѣвшаго Европу послѣ патріархальныхъ нравовъ и бѣдной умственной жизни русскаго общества; мы хотимъ только сказать, что не находимъ въ «Письмахъ» основанія для преувеличенныхъ восхваленій, которыхъ такъ много собрано было въ юбилейной литературѣ, и все-таки находимъ гораздо болѣе справедливыми слова обличаемаго ею Бѣлинскаго. «Столько ли Карамзинъ сдѣлалъ, сколько могъ, или меньше?—спрашиваетъ Бѣлинскій. Отвѣчаю утвердительно: „*меньше*". Онъ отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоялъ ему развернуть передъ глазами своихъ соотечественниковъ великую и обольстительную картину вѣковыхъ плодовъ просвѣщенія, успѣховъ цивилизаціи и общественнаго образованія благородныхъ представителей человѣческаго рода!.. Ему такъ легко было это сдѣлать!.. И что-жъ онъ сдѣлалъ вмѣсто всего этого? Чѣмъ наполнены его Письма Русскаго Путешественника?.. Карамзинъ видѣлся со многими знаменитыми людьми Германіи, и что же онъ узналъ изъ разговоровъ съ ними? То, что всѣ они люди добрые, наслаждающіеся спокойствіемъ совѣсти и ясностью духа. И какъ скромны, какъ обыкновенны его разговоры съ ними!»... При всемъ томъ, Бѣлинскій справедливо замѣчалъ, что недостатки «Писемъ» происходили больше отъ личнаго характера автора, чѣмъ отъ недостатка въ свѣдѣніяхъ. Карамзинъ мало зналъ умственныя нужды русскаго общества,—но кромѣ того онъ и самъ не выработалъ себѣ прочнаго образа мыслей, который бы предохранилъ его отъ странныхъ колебаній и противорѣчій между возвышенными сантиментальностями въ теоріи и поверхностными, узкими взглядами на дѣлѣ. Не надо думать, чтобы лучшіе взгляды были невозможны. Такъ относительно французской революціи, господствующаго политическаго явленія той эпохи. въ русскомъ обществѣ уже въ то время существовали очень

вѣрныя представленія. Назовемъ книгу Радищева: каковы бы ни были неровности и увлеченія ея автора, нельзя не признать, что въ ней есть замѣчательное пониманіе совершавшихся событій; Радищевъ также осуждаетъ «необузданности» революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ здраво судитъ объ ея происхожденіи и общемъ смыслѣ. Былъ и другой современникъ, который точно такъ же очень ясно видѣлъ значеніе событій: это масонъ И. В. Лопухинъ, членъ Дружескаго Общества.

Но, при всей неясности взглядовъ Карамзина, мы находимъ у него сочувствіе тѣмъ идеямъ, которыя хотѣла осуществлять французская революція, т.-е. этимъ идеямъ, какъ онѣ представлялись ему въ книгахъ, а не въ бурномъ историческомъ процессѣ, гдѣ онъ ихъ не понялъ. Въ кругу отвлеченныхъ понятій Карамзинъ,— нѣжнѣйшій другъ человѣчества [1]), защитникъ его правъ, просвѣщенія, человѣческаго достоинства; его идеалы — идеалы просвѣтительной литературы конца XVIII-го вѣка. Это совершенно ясно выразилось въ его тогдашнихъ сужденіяхъ о реформѣ Петра, особенно интересныхъ при сравненіи ихъ съ его позднѣйшими мнѣніями объ этомъ предметѣ, которыя приведемъ дальше. Статуя Людовика XIV напомнила ему о Петрѣ Великомъ, и Карамзинъ называетъ Петра «лучезарнымъ богомъ свѣта», освѣщающимъ кругомъ себя глубокую тьму; онъ считаетъ его «благодѣтелемъ человѣчества» — въ томъ смыслѣ, какъ благодѣтелей человѣчества разумѣли философы просвѣщенія. Карамзинъ — самый пламенный поклонникъ реформы, потому что «путь просвѣщенія одинъ для всѣхъ народовъ»; сожалѣнія о русской старинѣ кажутся ему «жалкими іеруміадами» или «шуткою, происходящею отъ недостатка въ основательномъ размышленіи». «Мы не таковы, какъ брадатые предки наши — тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, праздность, скука были ихъ долею, и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. *Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло стать людьми, а не славянами.* Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для

---

1) Нѣсколько позднѣе, въ 1793 г., въ частномъ письмѣ къ Дмитріеву онъ выражается такъ: „ужасныя происшествія Европы волнуютъ всю душу мою... Назови меня Донъ-Кишотомъ: но сей славный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ страстно, какъ я люблю человѣчество“.

русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо *я человѣкъ*».

Панегиристы Карамзина, указывая эти его мнѣнія, спѣшатъ обыкновенно успокоить читателя, что позднѣйшее развитіе мыслей Карамзина, въ особенности глубокое изученіе русской исторіи, совершенно излечили его отъ этой космополитической ереси и привели къ другимъ, очень противоположнымъ понятіямъ, которыхъ онъ постоянно и держался впослѣдствіи. Панегиристы вообще считаютъ приведенныя выше мысли Карамзина заблужденіемъ молодости. Можно согласиться съ ними, что этого мнѣнія вовсе нельзя считать характеристическимъ мнѣніемъ настоящаго Карамзина, но трудно согласиться, чтобы онъ пришелъ къ лучшему, когда отказался отъ прежняго взгляда, или точнѣе, когда отказался впослѣдствіи развить этотъ взглядъ въ болѣе совершенное воззрѣніе при помощи тѣхъ средствъ, какія давало ему изученіе русской исторіи.

Дѣйствительно, бросить прежнюю точку зрѣнія нельзя было безнаказанно. Оставивъ ее, Карамзинъ очень послѣдовательно пришелъ къ консерватизму, вообще весьма непривлекательному. Новѣйшіе славяне радуются, что Карамзинъ впослѣдствіи такъ измѣнилъ свои мнѣнія, что сказалъ бы свои прежнія фразы въ обратномъ порядкѣ,—предпочелъ бы народное человѣческому, и посовѣтовалъ бы соотечественникамъ сначала быть славянами, а потомъ людьми. Но «человѣческое» есть только тотъ запасъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, и запасъ научнаго знанія, который собранъ коллективнымъ трудомъ цѣлаго человѣчества, и въ этомъ смыслѣ не можетъ представлять чего-либо несовмѣстнаго съ сущностью какой-либо національной природы, или ей противоположнаго; съ другой стороны, «народное», совмѣщая въ себѣ всѣ индивидуальныя особенности націи, ея достоинства и ея недостатки, представляетъ собой тотъ же запасъ идеаловъ и знанія, только болѣе тѣсный, потому что ограниченъ средствами одной націи. Такимъ образомъ, «человѣческое» и «народное» въ смыслѣ просвѣщенія—не противоположности, а только градаціи. Когда индивидуально-народное дѣло или идея становятся общечеловѣческими, это—высшая историческая заслуга и величіе націи; но чтобы достигать этого, нація необходимо должна воспринять и разработать въ себѣ интересъ общечеловѣческій. Въ этомъ взаимодѣйствіи совершается дви-

женіе цивилизаціи и отъ него зависитъ различіе въ относительномъ значеніи націй. Такимъ образомъ «человѣческое» является необходимымъ элементомъ въ жизни народа, если онъ стремится къ историческому значенію. Можно спорить о практическихъ средствахъ и путяхъ, которыми отставшій народъ можетъ усвоить себѣ существующій запасъ общечеловѣческаго содержанія, должно признать различіе историческихъ формъ внѣшняго быта, но не можетъ быть рѣчи о противоположеніи народнаго и человѣческаго въ знаніи и нравственномъ идеалѣ. Поэтому, исключительные защитники «народнаго», понимаемаго въ грубомъ специфическомъ смыслѣ, какъ противоположности «человѣческому», «космополитическому», въ концѣ концовъ всегда впадаютъ въ узкій консерватизмъ, крайне вредный для интересовъ общества и народа, когда такіе люди, становясь общественной и политической партіей, пріобрѣтаютъ практическую силу. Этотъ вредъ является необходимо, потому что, защищая народное, обыкновенно защищаютъ вмѣстѣ его недостатки и отсталость. Замѣтимъ, что такіе споры о народномъ и человѣческомъ и боязнь этого послѣдняго составляютъ въ особенности принадлежность обществъ, которыя не успѣли еще воспринять достаточно обще-человѣческихъ идей, знаній и учрежденій; другія общества и націи, уже владѣющія запасомъ этого обще-человѣческаго содержанія и много работавшія для него, напротивъ, стремятся отождествлять себя съ человѣчествомъ, считать себя его представителями. Довольно вспомнить, *какъ* говорятъ въ подобныхъ случаяхъ французы, нѣмцы, англичане.

Измѣненіе взглядовъ Карамзина, восхваляемое позднѣйшими панегиристами, особенно рельефно высказалось на его сужденіяхъ о Петрѣ Великомъ, что и естественно. Изъ великаго поклонника реформы Карамзинъ сталъ строгимъ ея порицателемъ. Защищая «народное», т.-е., какъ обыкновенно, старину, Карамзинъ долженъ былъ и въ новой жизни защищать все, что наслѣдовала она отъ старины или въ чемъ продолжала ее. Ему надо было защищать недавній складъ русской жизни отъ всякихъ реформъ — онъ и защищалъ его съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, потому что ему пришлось восхвалять то, что далеко не заслуживало похвалы, и умалчивать о томъ, что требовало осужденія.

Далѣе увидимъ, какъ эти мнѣнія и это фальшивое положеніе Карамзина высказались особенно въ запискѣ «О древней и новой Россіи». Впрочемъ, эта перемѣна не была

какимъ-нибудь рѣзкимъ поворотомъ въ мнѣніяхъ Карамзина. Онъ и послѣ, какъ въ періодѣ «Писемъ», говорилъ о страстной любви къ человѣчеству, о добродѣтели, о натурѣ; но въ сущности не приходилъ къ какому-нибудь ясному общественно-политическому воззрѣнію, и повторяя тѣ же сантиментальныя фразы, онъ могъ прежде извлекать изъ нихъ одни заключенія, потомъ совершенно другія.

Въ «Письмахъ» — въ то время, когда онъ, по его словамъ, «ожидалъ торжества разума» и, говорятъ, въ концѣ концовъ сочувствовалъ французскому движенію, — онъ разсуждалъ о событіяхъ такимъ образомъ: «Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ *несовершеннѣйшемъ* надобно *удивляться чудесной гармоніи*, благоустройству, порядку (?)... Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія *добродѣтель* необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во *всякомъ* правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни (?). Всякія же насильственныя потрясенія гибельны... Предадимъ себя во власть Провидѣнію. Оно, конечно, имѣетъ свой планъ; въ его рукѣ сердца государей — и довольно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; *мудрые* знаютъ опасность *всякой* (?) перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ: подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево», и проч.

Панегиристы замѣчаютъ, что въ это время Карамзину было только 23 года и удивляются мудрости изреченій. Признаемся, находимъ изреченія вполнѣ соотвѣтственными возрасту, не столько мудрыми, сколько не вполнѣ послѣдовательными. Если Карамзинъ думаетъ, что надо предаться Провидѣнію и что оно, конечно, имѣетъ свой планъ, въ такомъ случаѣ и разсуждать о событіяхъ было безполезно, а тѣмъ болѣе было бы ошибочно осуждать ихъ. Онъ не могъ имѣть притязанія, что ему извѣстны планы Провидѣнія, и могъ ли онъ оспаривать, что тѣми событіями, какія совершались, Провидѣніе именно хотѣло наказать несправедливость стараго порядка и само разрушило власть, злоупотребившую своей силой: можно ли тогда осуждать людей, которые исполнили его волю? Трудно понять далѣе, какъ въ «несовершеннѣй-

шемъ» порядкѣ вещей бываетъ «чудесная гармонія», какимъ образомъ люди увѣрятся въ «необходимости добродѣтели», въ чемъ ихъ тщетно убѣждаютъ съ сотворенія міра; какъ могутъ быть опасны «всякія» перемѣны, если въ исторіи несомнѣнно бывали перемѣны благодѣтельныя для народа? Наконецъ, утвержденія о всеобщемъ благоденствіи при старой монархіи несогласны съ указаніями исторіи.

Критики Карамзина составляютъ по его сочиненіямъ цѣлую нравственно-политическую философію и называютъ ее оптимизмомъ; можетъ быть, но въ примѣненіяхъ къ фактамъ эта философія скорѣе похожа на туманный фатализмъ, обыкновенно сантиментальный, а иной разъ, при всей чувствительности автора, забывающій требованія простого человѣколюбія и справедливости и въ концѣ концовъ дающій событіямъ и общественнымъ явленіямъ самыя странныя толкованія.

Чтобы закончить съ разсужденіями Карамзина объ европейскихъ событіяхъ, остановимся еще на послѣднихъ его выводахъ о французской революціи, высказанныхъ уже въ царствованіе Александра, въ «Вѣстникѣ Европы». Прошло много времени, совершилось много потрясающихъ событій, общественное настроеніе въ Россіи вызывало интересъ къ политическимъ вопросамъ, авторъ былъ въ полной силѣ своей литературной дѣятельности, — но въ сущности его пониманія вещей не произошло большой перемѣны.

Карамзинъ желаетъ, чтобъ началась новая эпоха не только для политики, но и для самого человѣчества. «По крайней мѣрѣ истинная философія ожидаетъ хотя сего единственнаго счастливаго дѣйствія ужасной революціи, которая останется пятномъ восьмого-надесять вѣка, слишкомъ рано названнаго философскимъ. Но девятый-надесять вѣкъ долженъ быть счастливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а государей — въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца»... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Революція *объяснила идеи*: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій;... что всѣ смѣлыя теоріи ума... должны *остаться въ книгахъ* (!); ... что учрежденія *древности* имѣютъ *магическую силу*, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума;

что одно *время* и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ... То-есть, французская революція, грозившая испровергнуть всѣ правительства, *утвердила* ихъ... *Теперь* гражданскія начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума». Упомянувъ, какъ съ половины XVIII-го вѣка всѣ сильные умы желали перемѣнъ, какъ вездѣ обнаруживалось *неудовольствіе*, «люди скучали и жаловались *отъ скуки* (?), видѣли одно зло и не чувствовали цѣны блага; проницательные наблюдатели ожидали бури, Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію»,—Карамзинъ заключаетъ, что: «теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, *не думая о новостяхъ*... Съ другой стороны, правительства *чувствуютъ важность* сего союза и *общаго мнѣнія, нужду въ любви народной*, необходимость истребить злоупотребленія».

Такимъ образомъ прошло много лѣтъ, и мнѣнія Карамзина мало измѣнились. Сужденіе его о смыслѣ господствующаго событія той эпохи остается столь же неопредѣленнымъ. Французскій переворотъ дѣлаетъ стыдъ восемнадцатому вѣку и былъ только ужаснымъ бѣдствіемъ. Но проницательные люди ждали бури, даже съ разительной точностью предсказали ее: были, слѣдовательно, основанія предвидѣть переворотъ,—Карамзинъ ихъ не замѣчаетъ и находитъ только, что люди почему-то хотѣли перемѣнъ и жаловались *отъ скуки!* Онъ смѣло затѣмъ утверждаетъ, будто французская революція, грозившая испровергнуть правительства, только утвердила ихъ,—точно Бурбоны тогда королевствовали въ Парижѣ, а не кочевали въ Европѣ изгнанниками. Далѣе Карамзинъ настаиваетъ, что смѣлыя теоріи ума должны остаться въ книгахъ, а что учрежденія древности имѣютъ магическую силу,—какъ будто европейскіе умы восемнадцатаго вѣка работали только для книгъ; онъ забываетъ, что «смѣлыя теоріи» угадывали и высказывали потребности времени, что развитыя XVIII-мъ вѣкомъ идеи терпимости, общественной и умственной свободы, гражданскаго достоинства и были предметомъ революціонныхъ стремленій, которыя во многомъ и достигли своей цѣли; «магическая сила» древности, напротивъ, не спасла старой монархіи и ея аттрибутовъ. Но, доказывая безплодность переворота, самъ Карамзинъ находитъ, однако, что когда ужасныя бѣдствія кончились, то въ

результатѣ правительства чувствуютъ важность «общаго мнѣнія», нужду «въ любви народной» и т. д.; — но откуда и что такое эта важность «общаго мнѣнія»?...

Для русскихъ читателей и людей русскаго общества онъ дѣлаетъ одно замѣчаніе:... «мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ». Совѣтъ быть «разсудительнымъ» и «тихимъ» онъ повторяетъ нѣсколько разъ, — хотя совѣтъ былъ совершенно излишній: съ давнихъ временъ русское общество было очень тихо. Общій нравственно-политическій выводъ Карамзина былъ тотъ, что народамъ и отдѣльнымъ людямъ нужно только повиновеніе, что волненія и теоріи гибельны, и что все слѣдуетъ предоставить «времени» и «Провидѣнію». Это былъ прямой общественный квіетизмъ. Правда, Карамзинъ говорилъ, что нужно «просвѣщеніе», но онъ остерегался говорить, должно ли это быть настоящее просвѣщеніе, или что съ нимъ дѣлать, если оно будетъ приходить къ «теоріямъ»? На всѣхъ разсужденіяхъ лежитъ отпечатокъ чего-то крайне неяснаго: обществу Карамзинъ рекомендуетъ только просвѣщеніе, повиновеніе и добродѣтель, но нигдѣ не говоритъ ясно о прямыхъ вопросахъ внутренней жизни, тѣхъ вопросахъ, гдѣ обнаруживались общественныя противорѣчія и гдѣ надо было сказать, чего же онъ хочетъ. Далѣе увидимъ, что когда онъ прилагалъ свои разсужденія къ русскимъ дѣламъ, онъ или просто умалчиваетъ объ извѣстныхъ вещахъ, или замаскировываетъ ихъ благовидными уклоненіями, когда ихъ смыслъ не совсѣмъ укладывался въ его теорію. А теорія при всей благовидности фразъ была та самая, которую нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя проповѣдовала другая школа, какъ высокую русскую добродѣтель, подъ именемъ «приниженія личности».

По возвращеніи изъ-за границы Карамзинъ сталъ издавать журналъ, потомъ издалъ нѣсколько альманаховъ и т. п. Литературная дѣятельность его, основавшая извѣстную сантиментальную школу, имѣла большой успѣхъ, но Карамзинъ не былъ спокоенъ и жаловался въ письмахъ къ Дмитріеву, что теряетъ охоту «ходить подъ черными облаками». Біографы Карамзина объясняютъ, что эти черныя облака, «помрачавшія всѣ цвѣты жизни», могли означать только то, что Карамзина огорчало равнодушіе и холодность императрицы Екатерины къ его трудамъ. Во время Новиковскаго дѣла названо

было имя Карамзина, хотя самъ Прозоровскій тотчасъ увидѣлъ, что Карамзинъ не имѣетъ къ дѣлу никакого отношенія. Біографы предполагаютъ, что на Карамзинѣ могли остаться темныя подозрѣнія, которыя и безпокоили его. «Какъ бы то ни было, — говорилъ Погодинъ, — не находя возможности дѣйствовать на избранномъ имъ поприщѣ, по желанію, *съ полною свободою*, Карамзинъ оставилъ его, но *умѣя находиться* во всякихъ данныхъ обстоятельствахъ... *безъ напрасныхъ жалобъ*, онъ *спокойно* перешелъ на другое поприще... *завелъ себѣ четверню лошадей* и началъ *разъѣзжать по городу*. Его любезность, образованность, его слава обезпечили ему успѣхъ въ большомъ свѣтѣ» [1]). Такимъ образомъ, Карамзинъ замѣчалъ нѣкоторыя неудобства тогдашнихъ порядковъ, хотя, какъ видимъ, для него лично они не были особенно тяжелы. Онъ провелъ царствованія Екатерины и Павла совершенно спокойно; черныя облака прошли мимо. Это и не мудрено. Въ изданіяхъ его попадались иногда мысли, которыя могли давать поводъ считать его за вольнодумца, но рядомъ съ ними шли самыя благонамѣренныя разсужденія «Писемъ русскаго путешественника»; всѣ литературныя связи Карамзина были солидныя, какъ, напр., Державинъ, Херасковъ, Дмитріевъ и т. п., — и вольнодумство не навлекло ему никакихъ дѣйствительныхъ непріятностей. При Павлѣ на него дѣлали доносы, — вѣроятно, тотъ же Голенищевъ-Кутузовъ, не однажды доносившій на Карамзина, теперь и впослѣдствіи, при Александрѣ, — но эти доносы были такъ невѣжественны (хотя Голенищевъ-Кутузовъ все-таки могъ быть при Александрѣ попечителемъ московскаго университета), такъ грубы и аляповаты, что не только при Александрѣ, но даже раньше, при Павлѣ, не имѣли никакого вліянія. Доносы, конечно, были и несправедливы, потому что даже въ ту эпоху, когда онъ «сочувствовалъ» французскому перевороту, когда онъ, какъ говорятъ, удивлялся Робеспьеру, — все это сочувствіе и удивленіе оставались столь платоническими, что не мѣшали ему въ то же самое время писать о французскомъ переворотѣ отзывы, какіе приведены выше.

Правленіе имп. Павла заставило думать о положеніи дѣлъ въ обществѣ даже людей, которыхъ прежде эти дѣла вовсе не интересовали. Смыслъ происходившаго долженъ былъ быть ясенъ для людей образованныхъ, которымъ были доступны нѣкоторыя нравственно-общественныя понятія. Это

[1]) „Н. М. Карамзинъ", I, 245.

время явилось характернымъ образчикомъ нашего общественнаго устройства. Карамзинъ не извлекъ изъ него никакого опыта.

Наступило наконецъ время Александра.

Можно было бы не придавать особеннаго значенія тому, что Карамзинъ, вмѣстѣ съ литературной толпой, писалъ восхвалительныя оды, свойство которыхъ бывало обыкновенно то, что онѣ переходили всякую мѣру лести предержащимъ властямъ. Написавши оду въ 1796 году, онъ потомъ разочаровался; но съ новой ревностью писалъ оды въ 1801. Это послѣднее легко объяснить всеобщимъ восторженнымъ настроеніемъ, съ которымъ принято было воцареніе Александра; но отъ писателя, какъ Карамзинъ, надо было бы, по крайней мѣрѣ, ожидать, что онъ не хочетъ только льстить, какъ толпа тогдашнихъ риѳмотворцевъ, что онъ не говоритъ на вѣтеръ и несетъ отвѣтственность за свои слова. Карамзинъ получилъ отъ императора нѣсколько подарковъ за свои панегирики и, къ сожалѣнію, забылъ объ этомъ, когда писалъ свою «Записку о древней и новой Россіи»: быть можетъ, воспоминаніе о прежнихъ одахъ внушило бы большую осмотрительность карательному краснорѣчію «Записки»...

Кромѣ двухъ одъ, которыми Карамзинъ привѣтствовалъ новаго императора, онъ въ первое же время написалъ похвальное слово Екатеринѣ II. По словамъ новѣйшихъ біографовъ, Карамзинъ, ободренный благосклоннымъ принятіемъ его одъ «вознамѣрился выразить яснѣе свои мысли о желаемомъ правленіи» посредствомъ описанія дѣлъ Екатерины. Цѣль была такимъ образомъ дипломатическая. «Примѣръ казался для Карамзина гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе всѣхъ умозрительныхъ, отвлеченныхъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что они могли подать еще поводъ къ невыгоднымъ предположеніямъ о непрошенныхъ наставленіяхъ, а по мнѣнію другихъ, пожалуй, и дерзкихъ. Подъ щитомъ императрицы Екатерины, *которой имя было возвѣщено* въ первомъ манифестѣ, Карамзинъ могъ гораздо безопаснѣе проводить свои собственныя мысли». При этомъ Карамзинъ забылъ свои собственныя непріятныя воспоминанія о томъ времени, или объяснялъ ихъ тревожными обстоятельствами конца правленія Екатерины, и «хотѣлъ только почтить благодѣянія». Вообще, онъ «пропустилъ и даже не намекнулъ объ ея недостаткахъ и порокахъ, потому ли, что считалъ неприличнымъ принимать на себя слишкомъ явно учительный тонъ, опасался оскорбить

тѣмъ самолюбіе молодого государя, или считалъ неумѣстнымъ, *въ похвальномъ словѣ*, судить обо всей жизни въ совокупности, или, наконецъ, до того очаровался общимъ впечатлѣніемъ блистательнаго царствованія, что всѣ тѣни ускользнули (?) въ эту минуту отъ его вниманія»[1]).

Біографъ самъ чувствуетъ, что подобное описаніе царствованія нуждается въ объясненіи и приводитъ ихъ сколько можетъ. Относительно перваго можно замѣтить, что какое дипломатическое значеніе ни придавалъ бы Карамзинъ своему труду, ничто не мѣшало ему сказать хотя часть правды, вовсе не впадая въ учительный тонъ и не оскорбляя ничьего самолюбія, особенно съ тѣмъ медовымъ стилемъ, какимъ онъ отличался. Онъ могъ «считать это неумѣстнымъ въ похвальномъ словѣ», — но его добрая воля была выбирать эту несчастную форму, которая вмѣстѣ съ одой распложала въ старой литературѣ столько искаженія правды и столько рабской лести: ему никто не мѣшалъ дать своему труду форму историческаго обозрѣнія, которая была бы естественна и открывала бы полную возможность для критическихъ замѣчаній, хотя бы самыхъ тонкихъ и деликатныхъ. Если Карамзинъ «очаровался» такъ внезапно и заднимъ числомъ, то это во всякомъ случаѣ было нѣсколько странно въ глубокомъ историкѣ и политикѣ, какимъ изображаютъ его біографы. Онъ не въ первый разъ знакомился съ царствованіемъ Екатерины: онъ прожилъ въ немъ лѣтъ пятнадцать своей сознательной жизни, когда могъ достаточно судить о вещахъ. Ему должны были быть особенно памятны послѣдніе годы царствованія, когда онъ «ходилъ подъ черными облаками, которыхъ тѣнь помрачала въ его глазахъ всѣ цвѣты жизни»[2]), — и если бы онъ хотѣлъ серьезно смотрѣть на вещи, то могъ бы видѣть, что «облака» не были случайностью, что, напротивъ, это былъ цѣлый порядокъ вещей, который повторялся и потомъ, и который онъ самъ опять хорошо чувствовалъ, когда писалъ въ августѣ 1801 г. объ императорѣ Александрѣ: «мы при немъ *отдохнули;* главное то, что можемъ *жить спокойно*». Со стороны Карамзина было бы великодушно, если бы въ своемъ панегирикѣ онъ забывалъ только свои личныя испытанія и тягости, но онъ забывалъ тягости общества, а главное, тягости народа, который при

---

[1]) Погодинъ, I. стр. 326.

[2]) Въ письмѣ къ Дмитріеву, 14 іюня 1795 г.

Екатеринѣ дорого расплачивался за блестящее царствованіе. Забыть, очаровавшись, дѣйствительную исторію — не было особой заслугой ни для историка, ни особымъ выигрышемъ для дипломата, потому что въ обоихъ случаяхъ дѣло было поставлено фальшиво: исторически постановка была одностороння и невѣрна; въ публицистическомъ отношеніи сочиненіе не достигало цѣли, потому что терялось въ кучѣ похвалъ и лести, ничего не дѣлало для общественной свободы (о которой Карамзинъ въ это время все-таки говорилъ) и для объясненія потребностей общества монарху. Дипломатическій разсчетъ былъ тѣмъ болѣе невѣренъ, что императоръ Александръ самъ видѣлъ, и очень близко, царствованіе Екатерины, еще юношей замѣчалъ его слабыя и непривлекательныя стороны, и неумѣренная похвала поэтому уже могла возбудить въ немъ сомнѣніе и не достигнуть цѣли.

Въ сочиненіяхъ Карамзина, писанныхъ за первые годы царствованія императора Александра, господствуетъ тотъ же общій характеръ, какимъ отличаются его «Письма», — тотъ же сантиментальный туманъ и уклончивое, неясное отношеніе къ практическимъ фактамъ въ исторіи и въ настоящемъ. Такъ, въ русскомъ XVIII-мъ столѣтіи, только-что пережитомъ, Карамзинъ находитъ сюжетъ лишь для панегирика. Въ его постоянномъ противорѣчіи между чувствительными увлеченіями и практическими взглядами, между словами и дѣломъ, не трудно видѣть задатки позднѣйшаго упорнаго консерватизма. Либерализмъ его отвлеченныхъ принциповъ, его любовь къ «человѣчеству», къ «просвѣщенію», восхваленіе «республиканскихъ» добродѣтелей были слишкомъ книжно изысканны, въ нихъ слишкомъ большую роль играла старательно обдѣланная и украшенная фраза, чтобы за нею можно было ожидать настоящаго чувства и точной положительной мысли. Но на первое время его консерватизмъ не высказывался такъ откровенно, какъ впослѣдствіи; онъ раздѣляетъ либеральныя увлеченія времени и говоритъ тѣмъ же свободнымъ тономъ, въ какомъ былъ настроенъ императоръ Александръ и его первые сотрудники.

Въ первой одѣ Александру Карамзинъ повторяетъ то сравненіе, какимъ воспользовался и Державинъ; онъ радуется, что —

...милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Во второй одѣ онъ говоритъ о томъ, —

Сколь трудно править *самовластно*
И небу лишь отчетъ давать.

и замѣчаетъ тутъ же: —

Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу (!) подражать...
Онъ можетъ *все*, но *свято чтитъ*
Его-жъ премудрости *законы*.

Народу нужны законы и свобода:

Короны блескомъ ослѣпленный!
Другой въ подвластныхъ зритъ—рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ.
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но *можно ли рабу любить?*
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ несовмѣстна.
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Далѣе, призванія къ свободѣ:

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, *свобода*, намъ *мила*
И съ пользою царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была...

И желаніе, чтобы новый царь давалъ новые законы:

Трудись, давай уставы намъ...

Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ авторъ приходитъ въ восторгъ отъ «Наказа», «лобызаетъ державную руку», которая «подъ божественнымъ вдохновеніемъ души» начертала тѣ его строки, гдѣ говорится, что самодержавство разрушается, когда государи... собственныя мечты уважаютъ болѣе законовъ», что «несчастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить свое мнѣніе» и т. д. Карамзинъ восхваляетъ либеральныя разсужденія императрицы о свободѣ выраженія мнѣній и о свободѣ печати, стѣсненіе которой будетъ «угнетеніемъ разума, производитъ невѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума»; — онъ восхваляетъ ея заботы о просвѣщеніи народа; — восторгается комиссіей объ уложеніи, которая была «славнѣйшей эпохой славнаго царствованія». Въ историческомъ отношеніи Карамзинъ далъ здѣсь слишкомъ пристрастную и подкрашенную картину царствованія Екатерины, но по тѣмъ общественно-политическимъ мнѣніямъ, которыя

онъ хотѣлъ тутъ высказать, находимъ у него тотъ же общій тонъ, какимъ говорили наиболѣе либеральные люди того времени, и какимъ говорили совѣтники Александра. Желаніе свободы и просвѣщенія, основаніе правленія на законахъ, необходимость свободы слова и печати, даже одобреніе представительства въ видѣ восхваленія Екатерининской «коммиссіи» — вотъ предметы, которые были указаны Карамзинымъ.

Когда онъ издавалъ «Вѣстникъ Европы», въ теченіе 1802 и 1803 года, онъ нерѣдко обращался къ общественнымъ вопросомъ того времени. Царствованіе Александра уже заявило свои тенденціи, и Карамзинъ опять является въ роли восторженнаго хвалителя либеральныхъ мѣръ.

По поводу новаго плана народнаго просвѣщенія Карамзинъ, называя указъ объ этомъ «безсмертнымъ», смѣло говоритъ: «Многіе государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едва ли кто-нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія... Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи моральнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія... Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію, скажемъ, что *всѣ* новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха». Относительно исполненія плана Карамзинъ говоритъ, что, конечно, только въ будущемъ явятся плоды и вѣнецъ дѣла, потому что просвѣщеніе идетъ обыкновенно медленными и неровными шагами; а пока — «довольно, что сей безсмертный уставъ для совершеннаго просвѣщенія имперіи нашей требуетъ только — вѣрнаго исполненія; а *можно ли сомнѣваться* въ исполненіи того, что монархъ Россіи повелѣваетъ россіянамъ?»

Вспомнимъ мимоходомъ, что въ новомъ министерствѣ былъ между прочимъ М. Н. Муравьевъ, покровитель Карамзина, доставившій ему званіе исторіографа и состоявшій тогда попечителемъ московскаго университета. Въ 1803 г. Карамзинъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» статью о публичныхъ лекціяхъ, которыя были тогда устроены въ этомъ университетѣ; въ этой статьѣ, по словамъ Погодина, «онъ хотѣлъ въ особенности доставить удовольствіе своему покро-

вителю, М. Н. Муравьеву», и панегирикъ выходитъ изъ береговъ. «Послѣ всего, что великодушный Александръ сдѣлалъ и дѣлаетъ для укорененія наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, если будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли учиться тому, что преподается въ нашихъ университетахъ (!). Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными мужами: скоро новые профессоры, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножатъ число ихъ, и первый университетъ россійскій, подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и ревностнаго къ успѣху наукъ попечителя, возвысится еще на степень славнѣйшую въ ученомъ свѣтѣ».

Указъ о правахъ и должностяхъ сената и манифестъ объ учрежденіи министерствъ не только не вызываетъ возраженій, но, напротивъ, новый потокъ панегирика. «Читая указъ о правахъ и должностяхъ сената, россіянинъ благоговѣетъ въ душѣ своей передъ симъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которое никакому правительству въ мірѣ не можетъ завидовать въ величіи (!), будучи храмомъ вышняго правосудія и блюстителемъ законовъ, столь священныхъ нынѣ въ Россіи. Сей указъ напоминаетъ намъ славное начало сената, когда первый императоръ Россіи, побѣдивъ шведовъ и приготовляясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основалъ его, какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства», и проч. О новыхъ министрахъ: «Кто не увѣренъ въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именемъ министровъ Россіи, державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ?.. Не одна Францiя должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами, не одна Данія должна прославлять своихъ Бернсторфовъ (!)... *Уже прошло* то время въ Россіи, когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II...; теперь лестно и славно заслужить, вмѣстѣ съ милостію государя, и любовь просвѣщенныхъ россіянъ».

Уничтоженіе тайной экспедиціи вызвало у Карамзина воспоминаніе объ ужасахъ тайной канцеляріи. «Воспоминаніе, конечно, горестное; но въ ту же самую минуту вы произносите имя Александра, и сердце ваше отдыхаетъ!».

Въ числѣ желаній, которыя заявлялъ Карамзинъ для

благополучія отечества, было желаніе имѣть систематическій кодексъ: — вѣкъ Александра украсится великимъ дѣломъ, «когда будемъ имѣть полное *методическое* собраніе гражданскихъ *законовъ, ясно и мудро написанныхъ*... Александръ даруетъ намъ собраніе законовъ; то-есть кодексъ, или *систему гражданскихъ законовъ*, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою» и пр. Нельзя, кажется, обманываться, что въ этихъ словахъ Карамзинъ желалъ не одного простого сбора старыхъ указовъ, какъ онъ настаивалъ на этомъ впослѣдствіи, а желалъ именно *новаго* систематическаго законодательства, о которомъ тогда думало правительство.

Общее состояніе Россіи представлялось Карамзину въ тѣ годы въ самомъ блистательномъ свѣтѣ: «Взоръ русскаго патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы (успокоеніе революціи при Наполеонѣ), съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлить съ другими европейскими народами, мы, *осыпанные блескомъ славы* и благотвореніями человѣколюбиваго монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Итальянская война доказала міру, что колоссъ Россіи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля. Когда другія державы трепетали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величественно... Она судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ». Внутри онъ видитъ спокойствіе сердецъ, «вѣрное доказательство мудрости начальства въ гражданскомъ порядкѣ». «Съ другой стороны, другъ людей и патріотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ россіянъ возвышается»...

Перечитывая все это, наконецъ, утомляешься нескончаемымъ потокомъ лести, преклоненія и восторга. Правда, Карамзинъ въ значительной степени выражалъ дѣйствительную радость общества въ первые недѣли и мѣсяцы правленія Александра, и мы были бы готовы помириться съ этимъ тономъ; но онъ тянется годы, когда было бы наконецъ возможно сказать и нѣчто болѣе критически-хладнокровное, серьезное и нужное. Карамзинъ уже въ то время пользовался авторитетомъ; способъ дѣйствій правительства давалъ воз-

можность болѣе открытаго изложенія мыслей; самъ Карамзинъ говорилъ о свободѣ, которая нужна и которая приходила къ обществу,—но, вмѣсто того, чтобы пользоваться этой свободой, онъ три года не дѣлаетъ даже попытки выйти изъ тона панегирика или отвлеченно-чувствительныхъ взываній къ добродѣтели согражданъ; нѣтъ рѣчи о какой-либо серьезной критикѣ общественныхъ или правительственныхъ недостатковъ: въ «нравахъ» есть, конечно, недостатки, потому что «*разныя обстоятельства* измѣнили нашъ простой, добрый характеръ»,—но о чемъ-либо болѣе осязательномъ, о какихъ-нибудь недостаткахъ въ устройствѣ жизни не говорится, или же говорится съ смиреніемъ, преувеличеннымъ до непріятной степени [1]). Если мы опять спросимъ: столько ли онъ сдѣлалъ въ это время, сколько могъ, или меньше? Надо снова отвѣтить: меньше. Въ то время, когда передъ серьезнымъ писателемъ открывалась именно возможность говорить о дѣйствительныхъ интересахъ общества и съ пользой служить самому правительству, Карамзинъ довольствуется восхваленіями, какими литература и безъ того была издавна наполнена черезъ мѣру, и возбужденіемъ національнаго самодовольства.

Только въ одномъ вопросѣ Карамзинъ хотѣлъ разсуждать нѣсколько самостоятельно, и гдѣ онъ уже не раздѣлялъ «истинно-человѣческихъ идей»—это былъ крестьянскій вопросъ, едва затронутый тогда императоромъ Александромъ. Мы остановимся дальше на этихъ мнѣніяхъ Карамзина.

Могутъ сказать, что въ тогдашнемъ положеніи общественнаго развитія было много и то, что дѣлалъ тогда Карамзинъ; что общество только впервые начинало знакомиться съ подобными предметами, и сдѣлать больше не позволили бы самыя условія. Но это едва ли такъ: условія нисколько не требовали этого приторно-льстиваго тона, и Карамзинъ могъ бы говорить иначе, если бы хотѣлъ. Наконецъ, Карамзину нельзя

[1]) Въ одной статейкѣ „Вѣстника Европы", писанной, вѣроятно, самимъ Карамзинымъ, авторъ возстаетъ противъ заѣзжихъ иностранцевъ, которымъ у насъ поручали воспитаніе, и обличаетъ неблагодарность тѣхъ изъ нихъ, которые, оставивъ Россію, бранятъ ее. Онъ собирался сдѣлать выписку изъ одной книги подобнаго рода, но не сдѣлалъ: „Мнѣ совѣстно,—говоритъ онъ,—что я имѣлъ любопытство читать такую книгу и не хочу въ нее снова заглядывать". Такъ велика скромность автора.

было бы и ставить такихъ требованій, если бы ему не приписывали вообще такого господствующаго значенія его высокомѣрнымъ наставленіямъ, и въ особенности, если бы онъ немного лѣтъ спустя не явился такимъ нетерпимымъ судьей современныхъ людей и событій въ запискѣ «О древней и новой Россіи».

Эта записка вообще вызываетъ самыя усердныя восхваленія почитателей Карамзина. «Важнѣйшее государственное сочиненіе, — говорилъ Погодинъ, — стоитъ политическаго завѣщанія Ришельё, которое могъ написать только Карамзинъ съ его яснымъ умомъ, съ его наблюдательнымъ расположеніемъ, съ его долговременнымъ изученіемъ Россіи... Можетъ быть, онъ самъ удивился своему труду». Другой критикъ хотя дѣлаетъ неясную оговорку о возможности нѣкоторыхъ ошибокъ въ мнѣніяхъ Карамзина, но все-таки говоритъ о «Запискѣ» весьма патетически. «Записка о древней и новой Россіи представляетъ, послѣ Исторіи, самое замѣчательное произведеніе Карамзина, его послѣдняго, *зрѣлаго* періода литературной дѣятельности, тѣмъ особенно, что, отрываясь отъ прошедшаго... Карамзинъ высказываетъ здѣсь свой взглядъ на современное состояніе Россіи и въ *первый разъ* (а прежде?) становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію. *Съ глубокимъ чувствомъ гражданина*, оставаясь во всей Запискѣ *вѣрнымъ эпиграфу*, взятому имъ изъ псалма: «нѣсть льсти во языцѣ моемъ», Карамзинъ хочетъ говорить монарху одну истину, какъ она представляется его уму и душѣ, какъ она *давно* созрѣла въ его убѣжденіяхъ, воспитанная внимательнымъ и глубокимъ изученіемъ прошедшаго родины... Записка Карамзина имѣетъ мѣсто въ его біографіи, какъ доказательство, что историкъ, занимаясь прошедшимъ, былъ не чуждъ вопросовъ времени и *живо, сознательно,* съ *глубокимъ чувствомъ понималъ, чего недостаетъ* его родинѣ, *гдѣ* болѣзни ея и чѣмъ могутъ быть излечимы онѣ... Карамзинъ былъ *вообще* правъ, потому что въ выводахъ своихъ опирался на исторію прошлаго. Больше другихъ его современниковъ, увлеченныхъ легкостью дѣлать бумажные опыты надъ жизнью народа, какъ историкъ, онъ уважалъ и цѣнилъ эту жизнь и понималъ только то крѣпкимъ и прочнымъ въ ней, что выросло изъ нея самой, а не набросано сверху творчески самовластною рукою чиновника-администратора, воображающаго

себя Пигмаліономъ (!) передъ бездушною статуею страны... Тайна скрыла отъ насъ то впечатлѣніе, какое произвела искренняя и смѣлая рѣчь патріота-историка на сердце царя»...

Такимъ образомъ юбилейные панегиристы даютъ «Запискѣ» чрезвычайное значеніе: не только Карамзину отдается за нее великая похвала, не только обличается «самовластный» Сперанскій, но изъ нея дѣлается настоящая программа для предбудущихъ временъ — «стоитъ политическаго завѣщанія Ришелье». Раздражительный консерватизмъ Карамзина нашелъ отголосокъ въ позднѣйшихъ охранителяхъ.

Изъ этого восхищенія можно угадывать значеніе «Записки». Она дѣйствительно очень любопытна исторически, потому что Карамзинъ высказывалъ здѣсь не только свои личные взгляды, но во многихъ случаяхъ излагалъ мнѣнія цѣлаго консервативнаго большинства. Самъ Карамзинъ высказывается, наконецъ, весь, потому что «Записка», безъ сомнѣнія, была однимъ изъ наиболѣе искреннихъ и наименѣе искусственныхъ и натянутыхъ его сочиненій: для изученія его общественныхъ понятій она представляетъ наиболѣе характеристическихъ данныхъ. Что касается внутренняго достоинства ея содержанія,—глубины и справедливости ея основной мысли, доказательности аргументовъ, отличающаго ее настроенія чувства — то, разсматриваемая внѣ тенденціозныхъ соображеній, она представится далеко въ иномъ свѣтѣ.

Не станемъ оспаривать ея литературныхъ достоинствъ,— она прекрасно выражаетъ охранительную точку зрѣнія на русскую исторію древнюю и новѣйшую, нерѣдко мужественна по языку, — но нельзя не видѣть, что она крайне непослѣдовательна, во многихъ случаяхъ опровергаетъ самого Карамзина и, наконецъ, что политическая мудрость, на которой она построена, подлежитъ большому сомнѣнію, и крайняя нетерпимость мало способна вызывать симпатію.

Записка «О древней и новой Россіи» имѣетъ задачей представить внутреннюю политическую исторію Россіи и ея современное состояніе. Основная тема Записки — доказать, что все величіе, вся судьба Россіи заключается въ развитіи и могуществѣ самодержавія, что Россія процвѣтала, когда оно было сильно, и падала, когда оно ослабѣвало. Урокъ, слѣдовавшій изъ этой темы для Александра, долженъ былъ быть тотъ, что и въ настоящую минуту Россіи ничего не нужно больше, что либеральныя реформы только вредны, что нужна только «патріархальная власть» и «добродѣтель». «Настоящее

бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго», — этими словами Карамзинъ началъ свою Записку. Это прошедшее должно было доставить ему основаніе для выводовъ о настоящемъ: вся сущность Записки и цѣль ея заключается собственно въ разсмотрѣніи и критикѣ царствованія императора Александра. Характеристика древней русской исторіи, на которой не будемъ долго останавливаться, соотвѣтствуетъ всему направленію его тогдашнихъ историческихъ трудовъ и черезъ мѣру окрашена тенденціозными красками, которыхъ не слѣдовало бы употреблять и по тогдашнему состоянію нашей исторической науки. Для доказательства основной темы Карамзину нужно было показать, что въ древности единовластіе основало величіе Россіи, которое потомъ пало отъ раздѣленія княжеской власти и отъ удѣльной системы, и онъ утверждаетъ, что «въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже *не менѣе* нынѣшней, то-есть, во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго», — чего на дѣлѣ вовсе не было; далѣе, что въ половинѣ XI столѣтія «Россія была не только обширнымъ, но, въ сравненіи съ другими, и *самымъ образованнымъ* государствомъ», — чего также не было. Но когда наступила удѣльная система, для Россіи наступилъ и упадокъ: «вмѣстѣ съ причиною ея могущества (единовластіемъ), столь необходимаго для благоденствія, исчезло все могущество и благоденствіе народа», — положеніе, которое опять лишь до нѣкоторой степени совпадало съ фактами.

Въ московскомъ періодѣ всѣ похвалы сосредоточиваются на мудрой политикѣ московскихъ князей, которые успѣли освободить Россію отъ монгольскаго ига и создать изъ нея могущественное государство. Восхваляя единовластіе, основанное московскими князьями, Карамзинъ всячески прикрашиваетъ тѣ времена, опять не безъ насилія исторіи. Все получаетъ благовидную внѣшность. Татарское иго не благопріятствовало наукамъ и искусствамъ, и, кажется, можно бы признать, что науки и искусства были плохи, — «однакожъ, Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе сдѣлались у насъ извѣстны *весьма скоро* по ихъ изобрѣтеніи»; — книги стали печататься только черезъ сто лѣтъ по изобрѣтеніи книгопечатанія, управляться съ порохомъ и пушками не умѣли хорошенько до самаго Петра Великаго. «Библіотеки царская и митрополитская, наполненныя рукописями греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ европей-

цевъ»—тѣмъ больше, что въ Москвѣ некому было пользоваться этими рукописями, по незнанію греческаго языка. «Политическая система государей московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію»,—хотя всѣ путешественники удивлялись азіатскому деспотизму власти и рабству, грубости и невѣжеству народа, и хотя самъ историкъ тутъ же говоритъ, что «жизнь, имѣніе зависѣли отъ *произвола* царей». Народъ, по словамъ Карамзина, былъ доволенъ. «Народъ, избавленный князьями отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, *не жалѣлъ* о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ»,—хотя уходилъ цѣлыми толпами въ казачество и грабилъ ту же Россію.

Приступая къ временамъ Петра, Карамзинъ собираетъ всю силу своихъ аргументовъ, чтобы доказать ошибку реформы. Теперь онъ думалъ о ней совсѣмъ иначе, нежели въ Парижѣ. Эта перемѣна его мнѣній не имѣла вообще значенія такого строго послѣдовательнаго развитія взглядовъ отъ космополитизма къ національности, отъ свободомыслія къ покорной умѣренности, какъ обыкновенно изображаютъ; напротивъ, какъ мы видѣли, у него издавна, въ пору самыхъ свободолюбивыхъ увлеченій, были всѣ задатки консерватизма—въ видѣ восхваленія старой французской монархіи, въ видѣ проповѣди повиновенія, отвращенія къ новостямъ, приверженности къ «магической силѣ древности». Теперь только сильнѣе стала выдвигаться эта послѣдняя сторона его мнѣній. Ей всего больше благопріятствовала обстановка русской жизни. Сантиментализмъ Карамзина никогда не доходилъ до опредѣленныхъ общественныхъ представленій; его идеалы, всегда туманные, остановились въ концѣ концовъ на общественной неподвижности и безмолвной покорности, которыми издавна была преисполнена русская жизнь. Реформа Петра была единственнымъ фактомъ нашей исторіи, который нарушалъ теорію неподвижности суровою рѣзкостью преобразованія, и Карамзину надо было доказывать, что реформа была вредна, что перемѣны не были и нужны, потому что и до Петра Россія уже принимала спокойно и умѣренно плоды европейской образованности. Въ XVII столѣтіи «еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣт-

скомъ обхожденіи... Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно... Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ». Нѣтъ спора, что Петръ дѣйствовалъ круто, но историкъ могъ бы поставить вопросъ: не былъ ли именно вынужденъ крутой переворотъ; не потому ли только дѣло Петра и удержалось впослѣдствіи, что на этотъ переворотъ потрачено было столько неукротимой энергіи? И эта самая энергія не выражала ли только національную, понятую геніальнымъ умомъ, потребность вырваться изъ слишкомъ долго длившагося полу-варварства? Прежнее, до-Петровское движеніе Россіи къ просвѣщенію въ самомъ дѣлѣ было такъ тихо и «едва замѣтно», что въ національной жизни вовсе не представляло собой никакой дѣйствительной силы, какою стала потомъ реформа. На многія жалобы противъ Петра отвѣчалъ очень удовлетворительно самъ Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника».

Аргументы Карамзина противъ реформы, благовидные по наружности, въ сущности были очень натянуты и далеко не доказательны.

Петръ Великій унижалъ народный духъ, пренебрегалъ старыми обычаями, представлялъ ихъ смѣшными и глупыми; «государь Россіи унижалъ россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ: презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ?» Карамзинъ припоминаетъ, что этотъ народный духъ и вѣра спасли Россію при самозванцахъ. Этотъ духъ «есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству... Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія: художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ» и т. д. Это справедливо было относительно одежды, пищи и бороды, не только съ сантиментальной точки зрѣнія можно было думать, что просвѣщеніе могло обойтись безъ столкновенія съ нравами. Просвѣщеніе, конечно, заключается въ знаніи нужнаго для благоденствія, но въ томъ и состоитъ спорный пунктъ, что благоденствіе представляется совершенно различно на разныхъ ступеняхъ просвѣщенія. Есть обыкновенно большое разстояніе

между людьми, стоящими на различныхъ ступеняхъ просвѣщенія, и это различіе всегда бывало въ практической жизни источникомъ недовѣрія двухъ сторонъ другъ къ другу и борьбы. Самая скромная доля просвѣщенія способна вызвать въ грубой массѣ подозрительность и вражду, и опредѣляя дѣло исторически, трудно сказать, съ которой стороны эта вражда высказалась раньше, которая сдѣлала вызовъ и которая была болѣе неправа. Карамзину могло быть извѣстно, что народный разладъ изъ-за стараго и новаго начался еще задолго до Петра, что даже то «медленное и тихое» движеніе, которое обнаруживала Россія XVI—XVII вѣка и которое выразилось и въ Никоновской реформѣ книгъ, взволновало народную массу до того, что она раскололась на двѣ смертельно враждебныя стороны. Петръ еще въ дѣтствѣ пережилъ впечатлѣнія этого страшнаго раздора; вражда старой Россіи противъ него началась еще въ то время, когда онъ самъ не сдѣлалъ еще ничего противъ нея: настоящая старая Россія ушла въ расколъ еще при Никонѣ, и слѣдствія *этого* раздора, явившагося задолго до Петра и независимо отъ него, играли на дѣлѣ весьма важную роль въ томъ разладѣ, вину котораго сваливаетъ Карамзинъ на одного Петра. Каковы могли быть отношенія между двумя сторонами въ то время, когда реформа еще только возникала и когда, однако, противъ нея уже *готова* была оппозиція настоящей, т.-е. раскольничьей древней Россіи, объ этомъ даютъ понятіе факты стрѣлецкаго бунта. Что могъ думать Петръ, объ этомъ Карамзинъ могъ судить по тому, что въ прежнее время онъ самъ находилъ, что Петръ долженъ былъ «свернуть голову» старому русскому упорству и невѣжеству» (см. «Письма русскаго путешественника»).

Карамзинъ могъ бы и съ другой стороны изслѣдовать, насколько «униженіе народнаго духа» было ошибкой и виной Петра, а не готовымъ фактомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это униженіе было естественнымъ результатомъ давнишней крайней загнанности народа, и «чернаго» и бѣлаго. Иванъ Грозный говорилъ о русскихъ съ презрѣніемъ, на которое, конечно, имѣлъ не больше права, чѣмъ Петръ Великій; у Петра этого презрѣнія *не было*, а пренебреженіе къ *нѣкоторымъ* только народнымъ обычаямъ не было вовсе явленіемъ безумнаго произвола и вызывалось мотивами, которые все-таки понятны; его собственныя побужденія часто были истинно возвышенны. «Униженіе народнаго духа» дошло до него, какъ готовая традиція, потому что еще съ Ивана IV верховная

власть московская уже вполнѣ приняла характеръ восточнаго деспотизма, который не останавливался ни передъ какими соображеніями человѣческаго достоинства и уваженія къ народу. Послѣ того, что позволялось противъ народа въ прежнія и въ позднѣйшія времена, странно обвинять одного Петра. До какой степени это «униженіе» вытекало изъ цѣлаго характера жизни, — страннымъ образомъ обнаружилось потомъ въ царствованіе самого Александра, когда, по возвращеніи изъ Европы, онъ не разъ высказывалъ пренебреженіе къ русскому и русскимъ, которое едва ли было извинительнѣе, чѣмъ нарушеніе народныхъ обычаевъ Петромъ Великимъ.

Въ сужденіяхъ о реформѣ еще разъ обнаружилось свойство взглядовъ Карамзина. Онъ всегда рекомендовалъ «просвѣщеніе» и «добродѣтель», какъ панацею всѣхъ гражданскихъ и государственныхъ золъ, но онъ какъ будто никогда не думалъ о томъ, что въ дѣйствительной жизни «просвѣщеніе» не можетъ же оставаться однимъ «пріятнымъ украшеніемъ ума», а что оно можетъ повести за собой такую перемѣну понятій, которая будетъ отражаться перемѣнами и волненіемъ въ самой общественной и государственной жизни, въ ея правахъ и устройствѣ. Съ этимъ туманнымъ представленіемъ Карамзинъ остался на вѣкъ: если онъ, какъ замѣчалъ Бѣлинскій, дурно понималъ умственныя потребности русскаго общества, когда писалъ свои «Письма», то онъ не понималъ ихъ и послѣ, черезъ двадцать и тридцать лѣтъ; — онъ мало видѣлъ ихъ условія и въ прошедшемъ.

Карамзинъ считаетъ вредной ошибкой уничтоженіе патріаршества и жалуется, что со временъ Петра духовенство въ Россіи упало. По его мнѣнію, патріаршество не было опасно для самодержавія, потому что «первосвятители имѣли у насъ одно право — вѣщать истину государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать». Но Петръ уже испытывалъ противодѣйствіе церковной власти, которая, по низкому уровню тогдашняго образованія въ русскомъ духовенствѣ, пожалуй, не замедлила бы и болѣе сильнымъ противодѣйствіемъ, если бы патріаршество продолжало существовать въ старинной формѣ временъ Никона. Столкновеніе было неизбѣжно, потому что въ сущность реформы Петра входила секуляризація верховной власти, которая прежде имѣла сильная теократическія примѣси, отживавшія свой вѣкъ въ XVIII столѣтіи. Упадокъ вліянія духовенства не подлежитъ сомнѣнію, но онъ произошелъ не отъ того, что духовенство хотѣли унижать, а отъ того, что

оно само отстало отъ движенія, которое шло въ свѣтской образованности. Петръ легко сходился съ тѣмъ духовенствомъ, которое могло, по своему образованію, помогать его планамъ: оттого выдвигаются при немъ духовныя лица западно-русскаго, кіевскаго образованія, какъ Стефанъ Яворскій или Ѳеофанъ. Несмотря на мирный характеръ духовенства, Карамзинъ видитъ, однако, возможность столкновеній, но на этотъ случай онъ рекомендуетъ нѣсколько макіавелическіе пріемы, не совсѣмъ согласные съ «добродѣтелью», которую онъ обыкновенно рекомендуетъ государямъ: «*Умный* монархъ въ дѣлахъ государственной пользы всегда найдетъ способъ согласить волю митрополита или патріарха съ волею верховною; но лучше, если сіе согласіе *имѣетъ видъ свободы* и внутренняго убѣжденія, а не вѣрноподданнической покорности», т.-е. другими словами,—съумѣетъ втихомолку произвести то же принужденіе, которое Петръ предпочелъ сдѣлать болѣе откровенно. Это дѣйствительно и практиковалось не одинъ разъ на дѣлѣ, и нельзя сказать, чтобы эта практика, — которую въ концѣ концовъ, нельзя скрыть, — содѣйствовала возвышенію значенія духовенства въ глазахъ общества.

Свои выводы о реформѣ и ея слѣдствіяхъ Карамзинъ высказываетъ въ сожалѣніи о томъ, что мы, хотя во многомъ лучше нашихъ предковъ, но съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскія. «*Имя русскаго*, — говоритъ онъ, — имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое государство. Пусть назовутъ то *заблужденіемъ*; но какъ оно *благопріятствовало любви къ отечеству* и нравственной силѣ его! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; *спрашиваю:* кому бы легче было покорить Россію, — невѣрнымъ или братьямъ? т.-е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ, или Ѳеодорѣ вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣкъ оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газе-

тахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы *стали* гражданами міра (!), но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною — Петръ».

Здѣсь опять исторически ошибочно преувеличеніе «многихъ выгодъ иноземныхъ обычаевъ», будто бы пріобрѣтенныхъ русскими *до* Петра, и чрезвычайно странны разсужденія о *гражданскихъ* добродѣтеляхъ старины, утраченныхъ потомками. Чтобы выставить дѣло ярче, Карамзинъ, по обыкновенію, не побоялся преувеличеній. Обвинять русскихъ, что они стали «гражданами міра» — можно было развѣ только для смѣха, потому что «гражданъ міра», если ужъ они были, было развѣ пять человѣкъ, а масса народа и общества оставалась совершенно вѣрна взглядамъ древней Руси. Въ слѣдующемъ же году Карамзинъ долженъ былъ увидѣть доказательства; народъ считалъ Наполеона Антихристомъ, его войско — нехристями, не людьми; больше нечего было желать. Въ образованномъ меньшинствѣ были, правда, люди, въ которыхъ Карамзинъ могъ справедливо находить упадокъ этой древне-русской добродѣтели, — были люди, которые дѣйствительно сомнѣвались, что «правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ» и проч., — но совершенно непонятно, что хотѣлъ сказать Карамзинъ и чего онъ хотѣлъ требовать отъ этихъ людей? Если «имя русскаго» въ самомъ дѣлѣ для многихъ потеряло теперь ту «силу неисповѣдимую», какую имѣло въ тѣ времена, когда думали, что «правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое государство», это объяснялось тѣмъ, что многіе стали считать эти древнія мнѣнія патріархальнымъ самообольщеніемъ, которое въ концѣ концовъ могло быть вредно и опасно: неужели надо было сохранять это самообольщеніе людямъ, которые были уже нѣсколько образованы, знали другіе примѣры и могли сравнивать? Но утрата этого заблужденія нисколько не мѣшала самой искренней любви къ отечеству. Смѣшно было говорить, что русскіе заразились космополитизмомъ; но у людей образованныхъ дѣйствительно являлось новое понятіе о національномъ достоинствѣ и «совершеннѣйшемъ гражданинѣ», понятіе, при которомъ они не могли сохранить патріархальнаго простодушія старины и вмѣстѣ не могли восхищаться настоящимъ порядкомъ вещей, гдѣ «совершеннѣйшее гражданство» было невозможно. Весь смыслъ новой исторіи общества состоялъ именно въ томъ, что съ увеличеніемъ образованія оно прі-

обрѣтало новыя нравственно-общественныя понятія и стремилось дать имъ мѣсто въ жизни. Только такой смыслъ и могло имѣть «просвѣщеніе», если оно имѣло какой-нибудь смыслъ, и этого опять не хотѣлъ понимать писатель, который такъ много и съ такимъ жаромъ говорилъ о просвѣщеніи.

Свои жалобы на упадокъ старинныхъ гражданскихъ добродѣтелей Карамзинъ подтверждаетъ ссылкой на вельможъ, которые столь охладѣли къ отечеству, что спокойно читаютъ въ европейскихъ столицахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ. Это — извѣстный вопросъ объ абсентеизмѣ, который и впослѣдствіи много разъ трактовался въ нашей литературѣ. Причины абсентеизма были довольно ясны: для однихъ это было тягостное чувство отъ отсутствія сколько-нибудь свободной умственной и гражданской жизни дома; для другихъ, — и особенно для тѣхъ, кого разумѣлъ Карамзинъ, — полная гражданская испорченность, источникъ которой лежалъ въ тѣхъ же домашнихъ условіяхъ. Эти послѣдніе были обыкновенно люди, которые, воспитавшись въ аристократической или потомъ плутократической средѣ, никогда не имѣли никакого интереса къ народу, избалованные крѣпостными (или впослѣдствіи денежными) богатствами, видѣли въ русскомъ народѣ только мужиковъ, доставлявшихъ деньги. Нѣтъ надобности подробно объяснять, что виной этого явленія была вовсе не реформа Петра, вовсе не то, что эти люди вмѣсто русскаго надѣли французскій кафтанъ, — а именно тотъ порядокъ вещей, который осыпается похвалами Карамзина и который онъ совѣтуетъ еще укрѣпить и усилить.

«Петръ великъ безъ сомнѣнія, — заключаетъ Карамзинъ, — но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей». Мы видѣли отчасти, насколько можно приписывать Петру упадокъ русскихъ гражданскихъ добродѣтелей. Карамзинъ соглашается, что самая дѣятельность Петра была возможна только при безграничности его власти: «въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной: ничто не казалось ему страшнымъ». Такая власть создана была древней Россіей, такой власти и желалъ Карамзинъ для Россіи, и можно было бы спросить: на какихъ же основаніяхъ можно указывать ей образъ дѣйствій? Что можетъ удерживать ея заблужденія и излишества, если по мнѣнію Карамзина, она

не должна имѣть никакихъ ограниченій? Карамзинъ отвѣчаетъ вообще: «добродѣтель», а здѣсь приводитъ еще аргументы, вычитанные изъ «Общественнаго Договора». Сказавъ о томъ, какъ Петръ Великій попиралъ народные обычаи, т.-е. одежду, пищу, бороду, патріарха и т. д., Карамзинъ говоритъ: «Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ, *въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами*, сказалъ имъ: блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго,— но не сказалъ: противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Но что извѣстно о «первоначальномъ завѣтѣ», или когда возможны были ссылки на этотъ завѣтъ?

Итакъ, древняя Россія была создана и возвеличена единодержавіемъ и самодержавіемъ. Тѣмъ же самодержавіемъ она была преобразована при Петрѣ. Петръ былъ великій мужъ, который самыми ошибками доказываетъ свое величіе: «какъ хорошее, такъ и худое онъ дѣлаетъ на вѣки». Но дѣло его осталось неконченнымъ и преемники его до самой Екатерины неспособны были быть его продолжателями.

Картина XVIII вѣка въ «Запискѣ» Карамзина довольно безпристрастна, хотя она опять не приводитъ его къ правильному уразумѣнію настоящаго состоянія народа и общества. Въ первое время послѣ Петра «пигмеи спорили о наслѣдіи великана; аристократія, олигархія губили отечество»; вслѣдствіе того, «самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка». При Аннѣ оно и возстановилось вполнѣ, — но дѣло не поправилось: «истинные друзья престола и Анны гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давалъ право ждать милостей царскихъ». Затѣмъ два новыхъ заговора, Биронъ и правительница Анна теряютъ власть и свободу, вступаетъ на престолъ Елизавета. «Усыпленная нѣгою монархиня давала канцлеру Бестужеву волю торговать политикою и силами государства»: только счастье спасло Россію отъ чрезвычайныхъ золъ, но «счастіе не могло спасти государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова». Характеръ правленія не отличался мягкостью; «грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей; осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильнаго; еще пытки и тайная канцелярія существовали». Потомъ новый заговоръ, и за нимъ

паденіе и смерть «жалкаго» Петра III, и воцареніе Екатерины.

Мы указывали выше, какими неумѣренными восхваленіями Карамзинъ прославлялъ Екатерину въ своемъ «Похвальномъ Словѣ». Проходитъ немного лѣтъ, и тотъ же историкъ самъ опровергаетъ свой панегирикъ, потому что, хотя и здѣсь онъ преклоняется передъ «истинною преемницей величія Петрова и второю образовательницей новой Россіи», но видитъ и слабыя стороны царствованія, которыхъ даже на его взглядъ оказывается очень много. Не будемъ спорить о томъ, насколько «ею смягчилось самодержавіе», дѣйствительно ли «страхи тайной канцеляріи исчезли» и т. д. Для примѣра противорѣчій пришлось бы перебрать все «Похвальное Слово» и все, что говорится объ Екатеринѣ въ «Запискѣ». Довольно нѣсколькихъ указаній. Такъ, по «Похвальному Слову», Екатерина «научила насъ любить въ порфирѣ добродѣтель», а здѣсь тотъ же Карамзинъ, говоря о нравахъ тогдашняго двора, спрашиваетъ: «богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лицо красивое?» Картина, которую онъ рисуетъ теперь, ясно показываетъ, что внѣшній блескъ того времени покрывалъ чрезвычайную внутреннюю неурядицу. Указавъ въ числѣ «нѣкоторыхъ пятенъ» царствованія Екатерины на испорченность придворныхъ нравовъ, Карамзинъ продолжаетъ: «Замѣтимъ *еще*, что *правосудіе не цвѣло* въ сіе время... Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе *блеска*, нежели *основательности*: избиралось не лучшее по состоянію вещей, но *красивѣйшее по формамъ*... Екатерина дала намъ суды, не образовавъ судей, дала правила безъ средствъ исполненія... Чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ[1]; дворъ *забылъ языкъ русскій;* отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши *дворянство одолжало; дѣла безчестныя*, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали *обыкновенны*... Екатерина,— великій мужъ въ главныхъ соображеніяхъ государственныхъ,— являлась женщиною въ подробностяхъ монаршей дѣятельности, *дремала на розахъ, была обманываема:* не видала или *не хотѣла видѣть* многихъ злоупотребленій»... и т. д.

---

[1]) Карамзинъ ставитъ это въ число „вредныхъ слѣдствій Петровой системы"; вѣрнѣе было бы поставить это въ число вредныхъ слѣдствій стариннаго невѣжества, потому что потребности въ образованіи нельзя было удовлетворить русскими средствами, которыя были еще слишкомъ слабы.

Несмотря на то, царствованіе Екатерины осталось для него идеаломъ и онъ указываетъ въ немъ Александру образецъ для подраженія!

Итакъ, Карамзинъ могъ самъ видѣть, когда хотѣлъ видѣть, потому что если приведенныя слова и не заключаютъ полнаго изображенія тѣхъ неустройствъ и общественныхъ тягостей, которыхъ много представляло прославленное царствованіе, то все-таки здѣсь указано многое. Понятно, что все это стало ясно Карамзину не теперь только; онъ самъ говоритъ, что «въ послѣдніе годы ея жизни... мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину». Въ описаніи царствованія Павла Карамзинъ говорилъ всю правду, и относительно общественнаго настроенія высказываетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, россіяне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили, и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное *остервенѣніе противъ злоупотребленій власти* заглушало голосъ личной осторожности»[1]. Всѣ эти опыты, повидимому, могли бы навести на нѣкоторыя сомнѣнія, или по крайней мѣрѣ, если Карамзинъ былъ слишкомъ привязанъ къ своей системѣ, внушить больше осмотрительности въ ея доказательствахъ. Но онъ, по обыкновенію, всѣ трудности обходитъ словами,—всѣ опыты были напрасны. Увидѣвъ и испытавъ даже на себѣ недостатки правленія Екатерины, онъ способенъ былъ потомъ писать самый неумѣренный панегирикъ, старательно обдѣлывая его риторическія украшенія, и послѣ царствованія Павла, описавъ «остервенѣніе», неспособенъ былъ понять, что при такомъ ходѣ вещей въ людяхъ, истинно преданныхъ отечеству, именно могло явиться сомнѣніе, если не въ самой системѣ, то въ способахъ ея дѣйствія, и искреннее желаніе найти какую-нибудь гарантію безопасности и спокойствія, не только личнаго, но и народнаго.

Карамзинъ говоритъ, что благоразумнѣйшіе россіяне сожалѣли, что зло вреднаго царствованія было пресѣчено

[1]) Карамзинъ говоритъ, что это было „дѣйствіе Екатеринина человѣколюбиваго царствованія“, которое не могло быть истреблено въ четыре года Павлова“,—дѣло достаточно объясняется чувствомъ „общаго бѣдствія“.

способомъ вреднымъ. Сожалѣніе было справедливо. Онъ разсуждаетъ далѣе, что подобные заговоры сдѣлаютъ самодержавіе только игралищемъ олигархіи и поведутъ къ безначалію, которое ужаснѣе самаго злѣйшаго властителя. «Кто вѣритъ Провидѣнію,—говоритъ онъ,—да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго! Снесемъ его какъ бурю, землетрясеніе, язву, феномены страшные, но рѣдкіе: ибо мы въ теченіе 9-ти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ... Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія государей! Да устрашаютъ и государей для спокойствія народа!».

Этими словами Карамзинъ устранялъ самый вопросъ о преобразованіяхъ, поставленный Александромъ въ началѣ царствованія. Въ словахъ Карамзина заключалась цѣлая политическая система. Карамзину нужно было сказать эти слова, чтобы поддерживать потомъ теорію слѣпой безправной покорности и изображать врагами божескими и человѣческими людей, которые думали бы объ улучшеніи общественнаго быта. Карамзинъ хочетъ отнять у общества самую мысль объ усовершенствованіи порядка вещей, подъ которымъ оно живетъ. Это—воля Провидѣнія! сносите ее какъ бурю, какъ землетрясеніе, и не помышляйте о томъ, чтобы могъ наступить иной порядокъ вещей, въ которомъ право и законъ устраняли бы необходимость подвергаться землетрясеніямъ. Мы уже видѣли эти ссылки на Провидѣніе, которыми такъ часто злоупотребляютъ въ подобныхъ случаяхъ. Чѣмъ могъ онъ ручаться, что вѣрно истолковываетъ событія, что волю Провидѣнія исполняло именно то, а не другое событіе? Если онъ въ одномъ случаѣ будетъ указывать намъ бичъ гнѣва небеснаго для народа (и за что?), то другіе объясняютъ другія событія какъ наказаніе для самой власти за неисполненіе обязанностей?

Далѣе, Карамзинъ пугаетъ опасностью заговоровъ. «Заговоры суть бѣдствія, — говоритъ онъ тамъ же, — колеблющія основу государства и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно губить монарховъ, или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи, и должно скоро обратиться въ безначаліе»... Справедливо; но этотъ самый порядокъ вещей, обычный нѣкогда только въ византійскомъ и турецкомъ Константинополѣ, проходитъ черезъ все наше XVIII столѣтіе, благодаря безсилію закона и безправности общества. Потому именно желаніе Александра избѣжать подобныхъ колебаній установленіемъ прочныхъ за-

коновъ и возбужденіемъ подавленнаго до тѣхъ поръ общества и было вѣрнымъ чувствомъ исторической потребности.

Карамзинъ говоритъ въ утѣшеніе, что «мы въ теченіе 9-ти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ»,—утѣшеніе или простодушное, или лицемѣрное... Онъ самъ передъ тѣмъ только называлъ тираническими многія мѣры самого Петра; онъ самъ только-что разсказывалъ объ угнетеніи отъ разныхъ властолюбивыхъ олигарховъ при Екатеринѣ I, при Аннѣ, при Елизаветѣ. Или тиранство есть только прямое истребленіе людей огнемъ и мечемъ, какъ было при Иванѣ Грозномъ?..

Съ такимъ предисловіемъ приступаетъ онъ къ царствованію Александра. Эта часть «Записки» — самое рѣшительное отрицаніе либеральныхъ предпріятій первыхъ годовъ царствованія.

Мы видѣли, что эти предпріятія были часто очень несостоятельны, по нерѣшительности императора и недостатку свѣдѣній у него самого и его помощниковъ. Когда прошло нѣсколько времени, эти свойства дѣла стали обнаруживаться сами собой, и потому не особенно трудно было видѣть ихъ слабыя стороны и противорѣчія, и Карамзинъ часто указываетъ ихъ довольно искусно. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ правъ въ своей критикѣ. Во-первыхъ, она была ошибочна теоретически, потому что для исправленія неудачъ предлагала полную общественную и государственную неподвижность. Нравственно, онъ не былъ правъ потому, что винилъ Александра не только за его личныя ошибки, но и за ошибки цѣлой эпохи, цѣлаго общественнаго настроенія, отъ которыхъ не былъ вовсе свободенъ и критикъ, потому что самъ былъ въ числѣ людей, которые прежде создавали кругомъ Александра фальшивыя и вредныя иллюзіи.

Указавъ, что въ началѣ царствованія господствовали въ умахъ два мнѣнія: одно, желавшее ограниченія самовластія, другое, хотѣвшее только возстановленія Екатерининской системы, Карамзинъ присоединяется къ послѣднему и смѣется надъ тѣми, кто думалъ «законъ поставить выше государя». Ему можно было бы напомнить, что самъ онъ тогда въ своихъ одахъ Александру «пѣлъ» свободу («сколь ты, свобода, намъ мила!»), вызывалъ Александра «давать уставы» («свобода тамъ, гдѣ есть уставы»), и въ примѣръ указывалъ самого Бога (!):

Его велѣнью нѣтъ препоны

. . . .

Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его жъ премудрости законы, —

другими словами, Карамзинъ говорилъ то же самое, надъ чѣмъ теперь насмѣхался. Ему бы слѣдовало, по крайней мѣрѣ, быть умнѣе прежде, потому что, какъ теперь оказывалось по его словамъ, дѣло было совсѣмъ невѣроятное.

«Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона?—спрашиваетъ онъ. Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они—угодники царя, во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти; вижу аристократію, а не монархію. Далѣе: что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто»... Карамзинъ грозитъ, что съ перемѣною государственнаго устава Россія должна погибнуть, что самодержавіе необходимо для единства громадной и состоящей изъ разнообразныхъ частей имперіи, что, наконецъ, монархъ не имѣетъ права законно ограничить свою власть, потому что Россія вручила (!) его предку самодержавіе нераздѣльное; наконецъ, предположивъ даже, что Александръ предпишетъ власти какой-нибудь уставъ, то будетъ ли его клятва уздою для его преемниковъ, безъ иныхъ способовъ, невозможныхъ или опасныхъ для Россіи? «Нѣтъ,—продолжаетъ онъ,—оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіяхъ власти: да царствуетъ добродѣтельно! да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? *страхомъ* возбудить *всеобщую ненависть* въ случаѣ противной системы царствованія»...

Здѣсь высказаны, конечно, всѣ возраженія, какія можно было сдѣлать противъ такого установленія конституціонныхъ учрежденій, о какомъ тогда думали. Эти возраженія очень сильны, и для тогдашнихъ отношеній справедливо ука-

зывали если не невозможность, то чрезвычайную затруднительность предпріятія. Но мысль, отчасти вѣрная для данной минуты, заключала въ себѣ ту всегдашнюю ошибку фанатическаго консерватизма, что Карамзинъ рѣшалъ за будущее. Въ этомъ отношеніи либералы видѣли дальше или предчувствовали вѣрнѣе. Для общества, раньше или позже, долженъ былъ наступить періодъ, когда оно пойметъ необходимость преобразованія и когда его все-таки пришлось бы совершить въ томъ или иномъ видѣ и степени. Либералы и не думали тогда о полной конституціонной реформѣ, а только о первыхъ освободительныхъ мѣрахъ, первомъ возбужденіи общественной дѣятельности, безъ которой, наконецъ, немыслимы были благосостояніе страны и «обычаи спасительные». Вопросъ шелъ только *о приготовленіи* другого лучшаго порядка, и забота была основательна, потому что для разсудительныхъ людей негодность стараго была очевидна. Карамзинъ для большей убѣдительности опять прибѣгаетъ къ системѣ устрашенія и пугаетъ Александра двумя львами, терзающими другъ друга въ одной клѣткѣ. Само собою разумѣется, что «двухъ львовъ» въ тогдашней Россіи не могло бы отыскаться, и дѣло шло вовсе не о борьбѣ двухъ равныхъ политическихъ силъ, а только объ уничтоженіи безурядицъ, одинаково тяжелыхъ и для власти, и для общества, и противъ которыхъ правительство, чувствуя себя безсильнымъ, хотѣло воспользоваться и содѣйствіемъ общества. Средства, предложенныя самимъ Карамзинымъ, были, конечно, ученическимъ мудрствованіемъ: что значитъ править добродѣтельно, пріучать ко благу? Это были въ данномъ случаѣ ничего не значущія фразы: чтобы править по-истинѣ «добродѣтельно», надо было бы прежде всего сдѣлать такія вещи, отъ которыхъ Карамзинъ первый пришелъ бы въ ужасъ,—напримѣръ, хотя бы освободить съ хорошимъ надѣломъ крестьянъ. И отчего монархъ не могъ бы быть «добродѣтеленъ» при томъ порядкѣ вещей, противъ котораго Карамзинъ вооружался? Онъ тогда не посмѣялся бы «десять разъ» на дѣлаемыя ему представленія, напротивъ, соглашался бы съ ними, когда онѣ справедливы, и дѣло пошло бы какъ нельзя лучше. Въ концѣ концовъ, послѣ внушеній о добродѣтели, Карамзинъ находитъ только одно средство «удержать будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти»—это страхъ народной ненависти, конечно съ ея послѣдствіями. Это дѣйствительно заставляетъ иногда государей воздерживаться отъ слишкомъ жестокой тираніи; но неужели

для правителей нѣтъ другого побужденія оставаться въ предѣлахъ справедливости, кромѣ страха, и неужели неправы были люди, которые стремились къ такому государственному порядку, гдѣ можно было бы избѣгать этого ужаснаго крайняго средства? Наконецъ, настоящихъ «тирановъ» подобный страхъ никогда не удерживалъ.

Рѣшивъ этотъ первый вопросъ, Карамзинъ переходитъ къ разсмотрѣнію внѣшней и внутренней дѣятельности правительства. Указавъ, какъ всѣ «россіяне» согласны были въ добромъ мнѣніи о качествахъ монарха, его ревности къ общему благу и т. д., Карамзинъ собираетъ твердость духа, чтобы «сказать истину», что «Россія наполнена недовольными: жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры»... Что Россія могла быть наполнена недовольными, это было возможно, — но если исключить чиновническій міръ, раздраженный тогда указомъ объ экзаменахъ, и дворянство, боявшееся либеральныхъ мѣръ правительства по крестьянскому вопросу, — это недовольство едва ли не было преувеличено Карамзинымъ въ смыслѣ его тенденціи. По крайней мѣрѣ, люди той же тенденціи говорили эти самыя вещи уже на второй и третій годъ царствованія Александра, когда было гораздо меньше поводовъ къ недовольству и когда Карамзинъ еще писалъ панегирики.

Карамзинъ начинаетъ съ суроваго осужденія внѣшней политики, ошибокъ дипломатическихъ и военныхъ. Онъ осуждаетъ въ особенности посольство графа Маркова, его высокомѣріе въ Парижѣ и воинственный задоръ нѣкоторыхъ лицъ при дворѣ. По дешевому способу — осуждать вещи, не имѣвшія успѣха, онъ сурово обличаетъ дѣйствія, результатъ которыхъ былъ неудаченъ, и не забываетъ «стараго министра», который, «съ тонкою улыбкою давалъ чувствовать, что онъ способствовалъ графу Маркову получить голубую ленту въ досаду консулу». Въ самомъ дѣлѣ, воинственный азартъ есть одна изъ самыхъ антипатичныхъ и пошлыхъ вещей, какими могутъ страдать народы и правительства; но Карамзину могли бы возразить, что въ дѣлахъ съ Наполеономъ замѣшивалась наконецъ и національная честь, которою правительства не могутъ не дорожить. Кромѣ того, на правительствѣ могли отражаться и взгляды тѣхъ «добрыхъ россіянъ», на которыхъ такъ часто ссылается Карамзинъ: что они говорили тогда, и какой образъ дѣйствій могло бы извлечь правительство изъ

ихъ сужденій, если бы къ нимъ прислушивалось? Масса «добрыхъ россіянъ» была издавна проникнута полнѣйшимъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости «россовъ» и предавалась національному самохвальству, которое происходило отъ того древняго убѣжденія, что «правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое государство», которое съ XVIII вѣка въ особенности распространяла рабски-льстивая литература одъ, похвальныхъ словъ и т. д., а въ первые годы XIX вѣка по мѣрѣ силъ поощрялъ самъ Карамзинъ въ своемъ «Вѣстникѣ Европы». Въ отвѣтъ на обвиненія графъ Марковъ и «старый министръ» (съ тою же «тонкой улыбкой») могли бы сказать Карамзину, что они въ его собственномъ журналѣ въ то самое время вычитали, и имѣли неблагоразуміе повѣрить, что «колоссъ Россіи ужасенъ», что «рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля», что «никогда величіе Россіи не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ», что «она можетъ презирать обыкновенныя хитрости дипломатики» и т. д.

Въ разборѣ внутреннихъ преобразованій Карамзинъ находитъ еще больше поводовъ къ осужденіямъ. Измѣнять было нечего, по его словамъ, — стоило только возстановить Екатерининскіе порядки и все было бы прекрасно. «Сія система правительства (Екатерининская) не уступала въ благоустройствѣ никакой иной европейской, заключая въ себѣ, кромѣ общаго со всѣми, нѣкоторыя особенности, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами имперіи». Этого и слѣдовало держаться. Но, — «вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ, исправить по основательному размышленію, совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правило мудрыхъ (?), что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгнуть только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ лучше отъ привычки».

Такова была основа мнѣнія Карамзина. Но онъ только-что передъ тѣмъ, изображая правленіе Екатерины, описывалъ (и все еще очень не полно) то жалкую, то ужасную картину внутренней неурядицы, какую создавала «сія система». Императоръ Александръ былъ почти юношей, когда вступалъ на престолъ, конечно, далеко еще не имѣлъ практическаго знанія жизни,—но онъ уже въ то время гораздо яснѣе «глубокаго

знатока исторіи» понималъ недостатки этой системы и больше имѣлъ сердца къ тому бѣдственному положенію вещей, которое при ней развивалось, — къ угнетенію народной массы, ко всеобщему грабежу, ко всеобщему неправосудію и т. д. Конечно, глубже чувствовали историческую потребность тѣ, кто желалъ широкой реформы, нежели тѣ, кто желалъ только штопанья стараго хлама. Исполненіе было неудачно потому, между прочимъ, что и задача была трудна, — но основная мысль, выставленная совѣтниками Александра, сдѣлаетъ имъ честь въ исторіи. «Исправить по основательному размышленію», — но если основательное размышленіе приводило къ мысли, что старыми способами нельзя ничего поправить? «Правило мудрыхъ» подлежитъ большому сомнѣнію, потому что въ государственномъ порядкѣ всякая новость есть благо, когда она устраняетъ какое-нибудь застарѣлое зло, — а этого, по крайней мѣрѣ, желали (и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достигли) совѣтники Александра.

Переходя къ частностямъ Карамзинъ строго критикуетъ новыя учрежденія Александра, напр., учрежденіе министерствъ, мѣры по министерству народнаго просвѣщенія, устройство милиціи, предположенія объ освобожденіи крестьянъ, мѣры финансовыя, проекты законодательные и т. д. Не будемъ подробно приводить его обличеній, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, относящіяся къ дѣятельности Сперанскаго, были уже вѣрно оцѣнены авторомъ «Жизни Сперанскаго»; ограничимся общими замѣчаніями и тѣми подробностями, которыя менѣе извѣстны.

Карамзинъ считалъ министерства вещью вовсе ненужной и предпочиталъ старыя коллегіи [1]. Онъ ставитъ въ великое преступленіе авторамъ новаго учрежденія поспѣшность, съ какой оно было введено, и тѣ временныя практическія неудобства, которыя были почти неизбѣжны при установленіи новой администраціи. Все новое для него дурно, все старое прекрасно: «съ сенатомъ, съ коллегіями съ генералъ-прокурорами у насъ шли дѣла и прошло *блестящее* царствованіе Екатерины II» (*какъ* прошло, это онъ только-что разсказывалъ за нѣсколько страницъ); въ коллегіяхъ трудились «знаменитые чиновники», у нихъ былъ «долговременный навыкъ», «строгая отвѣтственность» — въ министерствахъ ничего этого не было. Біографъ Сперанскаго показалъ уже, насколько

---

[1]) См. „Жизнь Сперанскаго", I, 132—144.

правды было въ этомъ восхваленіи старыхъ коллегій и дѣйствительно ли таковы были труды «знаменитыхъ чиновниковъ». Онъ замѣтилъ и то противорѣчіе, какихъ вообще не мало въ запискѣ Карамзина и которыя производятъ непріятное впечатлѣніе, заставляя предполагать въ авторѣ или крайнюю забывчивость, или не совсѣмъ хорошій выборъ полемическихъ средствъ. Карамзинъ въ одномъ мѣстѣ претендуетъ, что правительство, создавая учрежденія, не объясняло своихъ основаній и побужденій: «Говорятъ россіянамъ: было такъ, отнынѣ будетъ иначе; для чего? — не сказываютъ», и ссылается на Петра: «Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ *давалъ отчетъ народу*: взгляните на Регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего устава». Но въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ съ такой же смѣлостью утверждаетъ, что «въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государевой». Къ чему же было ссылаться на Петра, который и раскрывалъ свою душу именно затѣмъ, чтобы внушить одобреніе къ своимъ законамъ? Немного далѣе, Карамзинъ, отвергая мысль объ отвѣтственности министровъ, разсуждаетъ такъ: «Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ *безъ шума, тихо и скромно*. Худой министръ есть ошибка государева; должно исправлять подобныя ошибки, но *скрытно*, чтобъ народъ *имѣлъ довѣренность* (!) къ личнымъ выборамъ царскимъ». Опять рекомендація способа дѣйствовать «шито и крыто», въ которомъ Карамзинъ, очевидно, считалъ государственную мудрость. Эта система дѣйствій «подъ рукой», «тихо и скромно», «безъ шума», — система, по которой практиковали старинные и позднѣйшіе Архаровы, Еропкины, Эртели и т. п. [1]), — которую такъ усердно рекомендуетъ Карамзинъ Александру, и для министровъ, и для духовенства, и для жестокихъ помѣщиковъ, — сама по себѣ достаточно характеристична.

Мѣры по министерству народнаго просвѣщенія вызываютъ суровѣйшія осужденія Карамзина. Императоръ Александръ — «употребилъ милліоны для образованія универси-

---

[1]) Ср., напр., въ изданныхъ наказахъ отъ присутственныхъ мѣстъ депутатамъ въ Екатерининскую Комиссію о сочиненіи новаго уложенія, наказъ отъ главной полиціи, пункты 21, 31—34. Сборникъ Русскаго Истор. Общества, томъ 43-й, Спб. 1885, стр. 299—301.

тетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества (!!). Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ латинскій и число ихъ такъ невелико, что профессоры теряютъ охоту ходить въ классы». «Вся бѣда оттого, что мы образовали свои университеты по нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства». Тамъ множество слушателей, а у насъ — «у насъ *нѣтъ охотниковъ* для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ (!), а купцы желаютъ знать существенно ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли; ...наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ» (?), а выгоды «ученаго состоянія» еще неизвѣстны. Карамзинъ думалъ, что слѣдовало, вмѣсто 60-ти профессоровъ, вызвать не больше 20-ти и только увеличить число казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ, тогда «призрѣнная бѣдность черезъ 10—15 лѣтъ произвела бы ученое состояніе». Карамзинъ еще въ «Вѣстникѣ Европы» думалъ, что у насъ ученыхъ людей и воспитателей юношества слѣдовало бы приготовлять изъ «мѣщанскихъ дѣтей»: для дворянина, очевидно, это была бы вещь унизительная! «...Строить и покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ — есть пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани?» и проч. Карамзинъ сильно осуждаетъ порученіе университетскаго хозяйства совѣту, осмотръ училищъ профессорами, жалуется на недостатокъ русскихъ учителей и наконецъ рѣшаетъ, что «вообще министерство такъ называемаго (!) просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности, и какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя».

Эпизодъ о министерствѣ народнаго просвѣщенія — одно изъ самыхъ печальныхъ мѣстъ въ Запискѣ «О древней и новой Россіи». Въ словахъ Карамзина слышится такое недоброжелательство, которое даже нелегко себѣ объяснить и которое производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, если вспомнить, что эти слова говорились однимъ изъ первыхъ людей тогдашней литературы и образованнаго общества — и го-

ворились безъ риска встрѣтить отпоръ отъ другой стороны. Чѣмъ же онъ недоволенъ? Основанie университетовъ кажется ему только прискорбнымъ убыткомъ для казны! У него нѣтъ и мысли о томъ, что если бы даже были какiя ошибки въ дѣйствiяхъ министерства, то онѣ были бы весьма извинительны при первыхъ опытахъ и особенно, когда эти опыты надо было дѣлать въ странѣ, къ сожалѣнiю, слишкомъ невѣжественной. Вмѣсто доброжелательнаго совѣта у Карамзина нашлись только раздражительныя осужденiя. Не говоря о томъ, что человѣку, истинно любящему просвѣщенie, не пришло бы въ голову жаловаться на *такiя* траты правительства, Карамзинъ забываетъ, что если бы тутъ и въ самомъ дѣлѣ иныя траты остались на первое время непроизводительными, *этотъ* убытокъ все-таки не могъ быть такъ великъ и вреденъ, какъ другого рода убытки, къ которымъ издавна привыкла русская казна,—убытки отъ всякаго чиновническаго грабежа и воровства, убытки въ родѣ тѣхъ, на какie жалуется Карамзинъ, говоря о временахъ Екатерины и т. д.; наконецъ, что этотъ убытокъ долженъ былъ вознаграждаться полезнымъ дѣйствiемъ на общество правительственной заботы о просвѣщенiи (какъ это и было) и тѣмъ дальнѣйшимъ развитiемъ, какого можно было ожидать отъ учебныхъ учрежденiй уже вскорѣ. Онъ жалуется, что правительство основало университеты, но не приготовило учениковъ; — но, во-первыхъ, рядомъ съ университетами основаны были приготовительныя школы и гимназiи, которыя открывали путь въ университетъ; во-вторыхъ, правительство могло разсчитывать на прежнiя учебныя заведенiя и на тѣ Екатерининскiя школы, которыя уже существовали и о которыхъ съ такимъ краснорѣчiемъ говорилъ и Карамзинъ въ своемъ Похвальномъ Словѣ Екатеринѣ. Если правительство не принялось тотчасъ же само за отысканie учениковъ для университетовъ, то странно его въ этомъ винить: оно естественно могло ждать, что общество отзовется сколько-нибудь на его заботы, и не нужно будетъ «призрѣвать» только одну бѣдность, чтобы «добрые россiяне» стали чему-нибудь учиться. «Дворяне служатъ», возражаетъ Карамзинъ; но правительство могло ожидать, что съ открытiемъ университетовъ, съ возможностью учиться, дворяне захотятъ «служить» уже не такими невѣждами, какими они бывали (Новосильцовъ указывалъ на дворянъ безграмотныхъ)... Карамзинъ страннымъ образомъ полагаетъ, что университеты основаны только для того, чтобы произвести какое-то особое «ученое

состоянiе», какъ будто образованiе должно ограничиваться однимъ, нарочно къ тому назначеннымъ сословiемъ; онъ думаетъ, что рѣшилъ дѣло, сказавши, что «дворяне служатъ», что «наши стряпчiе и судьи не имѣютъ нужды въ знанiи римскихъ правъ» и т. д. — что же, ни дворяне, ни судьи, ни священники не нуждались въ образованiи, какое доставляли университеты?

И все это говорилъ тотъ же человѣкъ, который съ чувствительностью и жаромъ толковалъ о просвѣщенiи, которое должно привести людей къ благополучiю; тотъ же человѣкъ, который при первыхъ мѣрахъ этого министерства осыпалъ ихъ самыми преувеличенными восхваленiями. «Я чту великiя твои дарованiя, краснорѣчивый Руссо!... но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами», — восклицаетъ Карамзинъ въ статьѣ «Нѣчто о наукахъ» и защищаетъ просвѣщенiе отъ обвиненiй Руссо, между прочимъ, такими словами: «Такъ! просвѣщенiе есть *палладiумъ благонравiя* — и когда вы, вы, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ *область добродѣтели*, то любите науки и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы *какое-нибудь состоянiе* въ гражданскомъ обществѣ долженствовало *пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ* — нѣтъ! *Сiе златое солнце* сiяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; *сей текущiй кристаллъ* утоляетъ жажду и властелина, и невольника; *сей столѣтнiй дубъ* обширною своею тѣнiю прохлаждаетъ и пастуха, и героя... *Цвѣты грацiй* украшаютъ всякое состоянiе — просвѣщенный земледѣлецъ...» — впрочемъ, довольно.

Обличенiе указа объ экзаменахъ приведено и объяснено въ книгѣ барона Корфа (I, стр. 180). Указъ былъ черезъ мѣру требователенъ, и не мудрено было возражать на него; но и здѣсь Карамзинъ не могъ обойтись безъ преувеличенiй и карикатуры. Намѣренiе и влiянiе этого указа достаточно опредѣлены въ «Жизни Сперанскаго». Карамзинъ справедливо говорилъ, что правительство, «съ неудовольствiемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканiи ученыхъ свѣдѣнiй въ университетахъ, желало насъ *принудить къ тому*», — дѣйствительно желало принудить, когда увидѣло, какъ упрямо старое невѣжество. Указъ былъ неудаченъ, но учиться принудилъ, и трудно винить правительство, что оно употребило такое средство, когда даже лучшiе представители образованнаго

общества могли разсуждать о просвѣщеніи, какъ разсуждалъ Карамзинъ. Клинъ приходилось выбивать клиномъ

Далѣе Карамзинъ говоритъ о крестьянскомъ вопросѣ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ освобожденія. Нельзя было бы оспаривать у него права быть человѣкомъ своего времени, дѣлить предразсудки и заблужденія этого времени,— если бы онъ не давалъ права предъявлять къ нему болѣе высокія требованія, чѣмъ къ массѣ его современниковъ, если бы самъ онъ не говорилъ такъ много о натурѣ, о свободѣ, о просвѣщеніи, о человѣчествѣ: естественно требовать, чтобы онъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ хоть сколько-нибудь слѣдовалъ на дѣлѣ тѣмъ прекраснымъ отвлеченнымъ правиламъ, которыми его сочиненія переполнены. Къ сожалѣнію, изъ-за красивыхъ фразъ о натурѣ и человѣчествѣ безпрестанно выглядываетъ самое дюжинное крѣпостничество.

Онъ осуждаетъ указъ, запрещающій продажу и покупку рекрутовъ, которая сдѣлалась въ то время цѣлымъ гнуснымъ промысломъ. Карамзинъ защищаетъ эту торговлю въ интересѣ «небогатыхъ владѣльцевъ», которые «лишились бы средства сбывать худыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей съ пользою для себя и для общества»; онъ знаетъ о «дворянахъ-извергахъ, которые торговали крестьянами безчеловѣчно»,— но полагаетъ, что довольно было бы «грознымъ указомъ» запретить такой промыселъ. Если дѣйствительно жаль было, что «лучшіе земледѣльцы» теряли возможность сохранить семью наймомъ рекрута, какъ утверждаетъ Карамзинъ, это могло быть неудобствомъ указа; но въ цѣломъ онъ, конечно, вызванъ былъ примѣрами ужасной торговли людьми, существованіе которой Карамзинъ признаетъ самъ и которую правительство хотѣло прекратить окончательно. Что касается до «худыхъ крестьянъ», которыхъ надо было сбывать небогатымъ владѣльцамъ и число которыхъ, по словамъ его, стало больше, чѣмъ прежде («крестьяне стали хуже въ селеніяхъ», замѣчаетъ онъ вообще), то поклонникъ «натуры», влюбленный въ человѣчество, не подумалъ даже спросить себя: отчего же стали умножаться эти худые крестьяне и могутъ ли вообще *улучшаться* крѣпостные?

«Ухудшеніе» крестьянъ было бы въ сущности только новымъ аргументомъ за тѣ освободительныя мѣры, къ которымъ робко приступало тогдашнее правительство. Карамзинъ не могъ пропустить того обстоятельства, что «нынѣшнее правительство имѣло, *какъ увѣряютъ*, намѣреніе *дать господ-*

скимъ людямъ свободу», и излагаетъ свои резоны противъ этого. Его теорія та же, какую выставляли и впослѣдствіи всѣ крѣпостники, считавшіе возможнымъ только личное освобожденіе крестьянъ съ вознагражденіемъ помѣщика. Онъ начинаетъ крѣпостное право съ IX-го вѣка (холопство) и утверждаетъ, что крестьяне никогда не были владѣльцами земли, которая есть неотъемлемая собственность дворянъ; что крестьяне, происшедшіе изъ холоповъ, также законная собственность дворянъ и не могутъ быть освобождены даже лично «безъ особеннаго нѣкотораго удовлетворенія помѣщикамъ», что только вольные крестьяне, закрѣпленные Годуновымъ, могутъ «по справедливости» требовать прежней свободы; но такъ какъ *мы не знаемъ нынѣ*, кто изъ нынѣшнихъ крестьянъ происходитъ отъ холоповъ, кто отъ вольныхъ людей,—то законодателю очень трудно было бы рѣшить этотъ вопросъ, если бы онъ не имѣлъ смѣлости разсѣчь Гордіева узла, то-есть дать свободу всѣмъ по праву естественному и праву самодержавія. «Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому, и что благоразумный самодержавецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими». А вреднымъ крѣпостное право Карамзинъ и не думалъ считать и, напротивъ, рисуетъ бѣдственное и опасное состояніе крестьянъ, освобожденныхъ *безъ земли*,—«которая, *въ чемъ не можетъ быть спора*, есть собственность дворянская». Крестьяне будутъ пьянствовать и злодѣйствовать; помѣщики, которые прежде «щадили въ крестьянахъ свою собственность» (!), не будутъ ихъ щадить; крестьяне начнутъ ссориться между собой и, не имѣя прежняго «суда помѣщичьяго, рѣшительно безденежнаго», станутъ жертвой мздоимныхъ исправниковъ и «безсовѣстныхъ судей»[1]); начнется затрудненіе въ уплатѣ податей и отъ буйства крестьянъ опасность для государства, и т. д., и т. д. Напугавъ всѣмъ этимъ своего читателя, Карамзинъ кончаетъ: «Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое *прежде тебя существовало (положимъ,* что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло),—но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное

---

[1]) Таковыми, слѣдовательно, оказывались судьи, которымъ не для чего было учиться въ университетахъ.

слѣдствіе своихъ собственныхъ уставовъ». Это «положимъ» довольно характерно: Карамзину какъ будто досадно, что приличіе не позволяетъ ему оспаривать это мнѣніе[1]).

Крѣпостничество Карамзина тѣмъ удивительнѣе, что отъ знатока исторіи можно было бы ждать нѣкотораго пониманія тѣхъ вліяній, которыя оказывало на жизнь крѣпостное право, какъ, съ другой стороны, можно было бы ждать болѣе человѣчнаго взгляда на бѣдственное положеніе крѣпостного населенія отъ писателя, который все-таки размышлялъ, который хвалился нѣжностью сердца и страстной любовью къ человѣчеству. Къ сожалѣнію, здѣсь еще разъ приходится убѣждаться, что такая преувеличенная чувствительность слишкомъ часто бываетъ одной фразой и можетъ граничить съ совершеннымъ безсердечіемъ на дѣлѣ. Въ словахъ Карамзина, при всемъ старанiи, нельзя услѣдить ни малѣйшей тѣни сочувствія къ подчиненному классу; это только отношеніе барина, который считаетъ, что дѣло иначе и быть не должно, который въ книжкѣ съ нѣжностью описываетъ «поселянъ», а на дѣлѣ съ пренебреженіемъ говоритъ о «господскихъ людяхъ», требуетъ отъ нихъ только исполненія работы, негодуетъ на ихъ пьянство, буйство и т. п., и не хочетъ вѣрить, чтобы правительство на самомъ дѣлѣ хотѣло дать этимъ «господскимъ людямъ» свободу. Конечно, онъ не одобряетъ «дворянъ изверговъ», но это нисколько не измѣняетъ его мнѣнія. Указывая на трудности даже личнаго освобожденія, Карамзинъ замѣчаетъ: «Тогда (при Годуновѣ, который закрѣпилъ крестьянъ) они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ *навыкъ рабовъ*; мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго *безопаснѣе паробощать людей*, нежели дать имъ не во-время (?) свободу». Безопасность порабощенія даже такихъ темныхъ, забитыхъ и безпомощныхъ людей, какъ были крестьяне, показали возстанія Стеньки Разина и Пугачева, показалъ разбродъ русскаго населенія, бѣжавшаго толпами

---

[1]) Карамзинъ еще въ „Вѣстникѣ Европы“ высказался противъ освобожденія; онъ считалъ возможнымъ только ограниченіе власти помѣщиковъ, но оставлялъ за ними и владѣніе, и право непосредственнаго надзора. „Многія замѣчанія Карамзина,—говорилъ Погодинъ (I, стр. 360),—остаются вѣрными и требуютъ до сихъ поръ вниманія: освобожденные и надѣленные землею крестьяне *не могутъ быть предоставлены себѣ*, особенно при неограниченномъ распространеніи кабаковъ, и имѣютъ нужду *въ ближайшемъ надзорѣ и руководствѣ*“. Это постоянно утверждала крѣпостническая газета „Вѣсть“, при чемъ пользовалась иногда тѣми самыми аргументами, какіе указывалъ Карамзинъ.

куда только можно, — въ высшемъ быту порабощеніе обезсилило русское общество, въ крѣпостномъ быту оно подавило народную жизнь, довело ее до страшнаго отупѣнія и безсилія. «Знатокъ» исторіи не видѣлъ ничего этого; онъ остался чуждымъ и тѣмъ протестамъ противъ крѣпостного права, которые еще за десятки лѣтъ до того времени исходили отъ его наставниковъ въ Дружескомъ Обществѣ и потомъ отъ Радищева; въ то время, когда снова возрождались инстинкты человѣколюбія и справедливости и начиналось сознаніе объ общественномъ вредѣ крѣпостного права, когда даже въ остзейскомъ краѣ высказывались потрясающія и глубокія обличенія Меркеля,—къ сожалѣнію, очень приложимыя и къ русской тогдашней жизни, — Карамзинъ, какъ историкъ, «уважающій жизнь», предпочиталъ нравы добраго стараго времени и строго осуждалъ либеральное вольнодумство, которое вообразило, что слова «любовь къ человѣчеству» могутъ имѣть какой-нибудь серьезный смыслъ.

Впрочемъ, въ *этихъ* мнѣніяхъ Карамзина нисколько не была виновата исторія, изученію которой его біографы приписываютъ консерватизмъ его мнѣній въ эпоху «Записки». Отношеніе Карамзина къ живому народу, въ которомъ столько было «господскихъ людей», всегда было чисто барское. Когда онъ переносилъ къ намъ литературную сантиментальную школу и перелагалъ ее на русскіе нравы въ «Бѣдной Лизѣ» или «Фролѣ Силинѣ», онъ и тогда понималъ свои возвышенныя чувства только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ Карамзинъ представлялъ жизнь «поселянъ» (пейзанъ) въ видѣ той же старинной пасторали и идилліи, а на жизнь настоящаго народа смотрѣлъ съ брезгливостью помѣщика, считавшаго, что крестьяне принадлежатъ къ другой породѣ. Образчиковъ мнѣній обоего рода можно было бы привести не мало изъ его сочиненій, гдѣ онъ является въ декламаторскомъ костюмѣ, и изъ его писемъ, гдѣ видимъ его въ домашнемъ халатѣ: какъ старательно, напримѣръ, разбираетъ онъ, въ бесѣдѣ съ Дмитріевымъ, всѣ тонкости сантиментальной фразы для *книги*, подбираетъ чувствительные эффекты и удаляетъ все «низкое»; какъ просто, съ другой стороны, онъ понимаетъ практическія дѣла. На офиціальной литературной сценѣ онъ не можетъ говорить о «поселянинѣ» безъ нѣжнаго чувства; онъ желаетъ ему всякихъ благъ, и, напримѣръ, просвѣщенія. Въ указанной статьѣ «Нѣчто о наукахъ», онъ говоритъ: «Цвѣты грацій украшаютъ всякое состояніе — просвѣ-

щенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени, съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ счастію роскошнѣйшаго сатрапа» (!!). Гдѣ видывалъ Карамзинъ *такого* земледѣльца, неизвѣстно; но вотъ практическій образчикъ того просвѣщенія, какое устраивалось для земледѣльца настоящаго: «Мальчикъ форейторъ, — пишетъ онъ брату въ 1800 году, — кажется мнѣ мало способнымъ къ поваренному искусству. Развѣ не отдать ли Вуколку къ хорошему повару на годъ? Онъ уже нѣсколько времени учился... Есть ли вамъ угодно, то мы помѣнялись бы: я доставилъ бы вамъ чрезъ годъ очень хорошаго повара, а вы мнѣ лакея. Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Есть ли прикажете, то я отдамъ учиться и мальчика... Между тѣмъ, буду искать нанять вамъ повара. И купить хорошаго повара никакъ нельзя; продаютъ однихъ несносныхъ пьяницъ и воровъ».

Какъ же было не исполниться негодованіемъ на либерализмъ, который хотѣлъ истребить торговлю и мѣну дрессированными людьми, какъ собаками?

О томъ, какъ пріобрѣтались «поселянами» на практикѣ нѣжныя подруги, можно видѣть изъ писемъ Карамзина къ его бурмистру: парни женились и дѣвки выходили замужъ по барскому и бурмистрову приказанію, — хотя бывали примѣры, что противъ этихъ мѣропріятій крестьяне возставали «міромъ», — вѣроятно, не безъ причины [1]).

Слѣдуетъ въ «Запискѣ» критика финансовыхъ мѣръ; не будемъ останавливаться на ней, по спеціальности вопроса [2]). Достаточно сказать, что здѣсь указано нѣсколько ошибокъ, или непрактическихъ мѣръ, но есть, по обыкновенію, преувеличенія и опять недостатокъ безпристрастія, чтобы оцѣнить то, что было справедливаго въ нѣкоторыхъ мысляхъ Сперанскаго.

Далѣе, одно изъ самыхъ раздражительныхъ обвиненій направлено противъ законодательныхъ предпріятій царство-

[1]) Нечего говорить о томъ, чтобы *такое* отношеніе къ крестьянамъ было у Карамзина только непремѣнной чертой времени. Не всѣ помѣщики бывали таковы, какъ описанные С. Т. Аксаковымъ, и Карамзину можно было бы отличаться даже отъ большинства, если бы оно было таково. Невольно, въ контрастъ Карамзину, вспоминается Шишковъ, человѣкъ стараго покроя, и однако относившійся къ своимъ крестьянамъ съ замѣчательной мягкостью, или еще болѣе старый С. И. Гамалѣя и другіе.

[2]) Эта часть записки передана также, хотя не вполнѣ, въ „Жизни Сперанскаго" I, 224—230.

ванія и въ частности противъ работъ Сперанскаго. Въ этомъ отдѣлѣ «Записки» есть мѣста, гдѣ Карамзинъ былъ всего больше правъ; онъ справедливо смѣялся надъ первыми работами «Комиссіи законовъ», когда главнымъ дѣльцомъ ея былъ Розенкампфъ, указывалъ слабыя стороны проекта «Уложенія» Сперанскаго [1] — но, какъ всегда, Карамзинъ не заботился о точности, когда нужно бросить лишнюю тѣнь на вещь ему ненавистную, а то, что онъ выставляетъ взамѣнъ, далеко не серьезно, а иногда ребячески наивно.

«Какое изумленіе для россіянъ!» — восклицаетъ онъ, назвавъ проектъ «Уложенія» переводомъ Наполеонова кодекса. «Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя, у насъ еще не Вестфалія» и пр., и вооружается противъ самого кодекса. «Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія (Карамзинъ разумѣлъ различныя коммиссіи, которыя со временъ Петра учреждались для составленія законовъ), чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однакоже не велѣлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, взять, напримѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими, ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ»... Тысяча лѣтъ существованія Россіи вставлена только для украшенія, потому что и за тысячу лѣтъ у насъ брались цѣликомъ византійскіе законы, потомъ брались татарскіе обычаи, при Петрѣ именно шведскіе законы, при Екатеринѣ во времена «наказа» собирались подражать французскимъ моднымъ идеямъ и т. д. Карамзинъ не хотѣлъ знать, *каковы* были труды, надъ которыми сто лѣтъ работали старыя комиссіи: между прочимъ, эти труды, такъ долго безплодные, и усиливали государственную потребность въ цѣломъ здравомъ законодательствѣ. Высокомѣрное отношеніе къ Наполеонову кодексу объясняется, конечно, только незнаніемъ [2], и указаніе на эксъ-якобинцевъ

---

[1] Тамъ же, I, стр. 161—165. Самъ Сперанскій, въ пермскомъ письмѣ, называлъ работы Розенкампфа „безобразными компиляціями“.

[2] Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій, отвѣчая на обвиненія и какъ будто зная о запискѣ Карамзина, говорилъ: „Другіе искали доказать,

едва ли не было предназначено внушить Александру новое понятіе о характерѣ Сперанскаго. Ссылаясь на Петра Великаго, Карамзинъ въ той же запискѣ жаловался, что Петръ хотѣлъ сдѣлать Россію Голландіею; біографъ Сперанскаго замѣтилъ уже, что Карамзинъ, завѣдомо или невѣдомо, дѣлалъ здѣсь ошибку, потому что нѣкоторые законы Петра были именно цѣликомъ переведены съ шведскаго, голландскаго и нѣмецкаго, какъ, напр., часть воинскаго устава, генеральный регламентъ, военные артикулы и др.

Взгляды самого Карамзина на законодательные предметы иногда приводятъ въ недоумѣніе. «Кстати ли, — говоритъ онъ, — начинать, напр., Русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ *не было* и *нѣтъ* въ Россіи? У насъ только *политическія* или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч., всѣ они имѣютъ свои особенныя права, общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ». Біографъ Сперанскаго замѣчаетъ, что «такое странное утвержденіе можно объяснить въ критикѣ только однимъ движеніемъ раздраженной страсти».

Но, осуждая проектъ, Карамзинъ, тѣмъ не менѣе, самъ признавалъ необходимость «систематическаго» кодекса, только онъ желалъ строить его не на кодексѣ Наполеона, а на Юстиціановыхъ законахъ и на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ-то и былъ споръ, и, конечно, задумывая планъ новаго систематическаго кодекса не съ археологическими вкусами, естественнѣе было подумать о новомъ европейскомъ законодательствѣ, чѣмъ о византійскомъ и томъ старомъ русскомъ, гдѣ и Карамзинъ считалъ необходимымъ исправить нѣкоторые, особенно уголовные, законы, «жестокіе, варварскіе», — да и одни ли уголовные? — которые, хотя и не исполнялись, но существовали «къ стыду нашего законодательства». Этотъ-то стыдъ и почувствовали люди, которые предпочли искать образца въ Наполеоновомъ кодексѣ. Если бы это систематическое законодательство оказалось слишкомъ труднымъ, Карамзинъ предлагалъ простое собраніе существующихъ законовъ, — какъ это самое предлагалъ, въ худшемъ случаѣ, и Сперанскій.

Указавъ двумя словами еще нѣсколько ошибочныхъ

что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе: ложь или незнаніе, кои изобличить не трудно, ибо то и другое напечатано"...

мѣръ правительства, Карамзинъ приходитъ къ такому общему заключенію о положеніи вещей: «...Удивительно ли, что общее мнѣніе столь не благопріятствуетъ правительству? Не будемъ скрывать зла, не будемъ обманывать себя и государя, не будемъ твердить, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ, но сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ государствѣ».

Онъ предлагаетъ затѣмъ свои собственныя мнѣнія о томъ, что надо было сдѣлать для благосостоянія Россіи и въ чемъ должна была состоять сущность правленія. Главную ошибку новыхъ законодателей онъ видитъ въ «излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности»; — дѣла не лучше ведутся, только въ мѣстахъ и чиновниками другого названія. По его мнѣнію, важны не формы, а люди: министерства и совѣтъ могутъ, пожалуй, существовать и будутъ полезны, если только въ нихъ будутъ «мужи, знаменитые разумомъ и честію». Поэтому главный совѣтъ Карамзина — «искать людей», и не только для министерствъ, но въ особенности на губернаторскія мѣста. Онъ полагаетъ, что все пойдетъ отлично, и министрамъ можно будетъ «отдыхать на лаврахъ», если найдутъ 50 хорошихъ губернаторовъ: они обуздаютъ корыстолюбіе чиновниковъ, укротятъ жестокихъ господъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ (?), ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Онъ желалъ, чтобы губернаторы были тѣмъ, что были при Екатеринѣ намѣстники, т.-е. полными хозяевами края, и сожалѣетъ, что губернаторамъ оставались не подчинены многія части и дѣла въ губерніи: школы, удѣльныя имѣнія, почта и проч.

Итакъ, слѣдуетъ только «искать людей». Карамзинъ не вѣритъ въ силу «закона», объ утвержденіи котораго «пѣли сирены вокругъ трона». Онъ стоитъ на томъ, что «въ Россіи государь есть живой законъ», что «въ монархѣ россійскомъ соединяются всѣ власти; наше правленіе есть отеческое, патріархальное», и главнымъ средствомъ власти указываетъ награды и въ особенности наказанія, ссылаясь на слова Макіавеля, что «страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ». Государь добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, судитъ и наказываетъ безъ протокола, какъ отецъ семейства. «Строгость, безъ сомнѣнія, непріятна для сердца чувствительнаго», но она необхо-

дима. Въ Россіи не будетъ правосудія, если государь не будетъ «смотрѣть за судьями». «Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви», и пусть каждый начальникъ отвѣчаетъ за подчиненныхъ. «Не должно позволять, чтобы кто-нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно (?) представлять лицо недовольнаго... Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью. Скажите имъ слово на ухо, они лежатъ у ногъ вашихъ (!)».

Указавъ потомъ, какъ ошибочно правительство употребляло иногда другое средство — награды, Карамзинъ повторяетъ еще разъ: «Сіе искусство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для государя россійскаго; безъ сего искусства тщетно будетъ искать народнаго блага въ органическихъ уставахъ!»...

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ Карамзинъ присоединяетъ нѣкоторыя частныя. Во-первыхъ, онъ защищаетъ интересы дворянства, къ которому предполагалъ въ Александрѣ нерасположеніе. Онъ развиваетъ извѣстную тему, которую мы встрѣтили даже въ запискѣ Сперанскаго — point de noblesse, point de monarchie, — но съ тою разницей, что, по мнѣнію Сперанскаго, у насъ еще нужно было основать и политически приготовить настоящую аристократію, а Карамзинъ находилъ, что она уже есть, какъ слѣдуетъ; далѣе у Сперанскаго, аристократія должна была составить конституціонный элементъ, а по Карамзину, дворянство есть только привилегированный классъ ближайшихъ слугъ государя, — «не отдѣлъ монаршей власти, но главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный». Нація распредѣляется самымъ простымъ образомъ: «народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ». Карамзинъ дѣлаетъ оговорку въ пользу «превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи», но настаиваетъ на томъ, чтобы государь «имѣлъ правиломъ возвышать санъ дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ царскаго сіянія»...

Во-вторыхъ, Карамзинъ совѣтуетъ возвысить духовенство. Онъ «не предлагаетъ возстановить патріаршество», но желаетъ, чтобы синодъ имѣлъ больше важности, чтобы въ немъ были, напримѣръ, одни архіепископы, чтобы онъ вмѣстѣ съ сенатомъ сходился для выслушанія новыхъ законовъ, для принятія ихъ въ свое хранилище и обнародованія, — «*разумѣется,* безъ всякаго противорѣчія». Кромѣ хорошихъ губернаторовъ, надо дать Россіи и хорошихъ священниковъ:

«безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ».

Въ заключеніи своемъ Карамзинъ повторяетъ свои мнѣнія о вредѣ нововведеній, о необходимости спасительной строгости, о выборѣ людей, о разныхъ частныхъ мѣрахъ, и выражаетъ надежду на исправленіе ошибокъ и успокоеніе недовольства. Свою програму онъ еще разъ совмѣстилъ въ такія слова: «дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей. Вотъ основаніе россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ»...

Возвратимся еще къ послѣднему отрывку. Слова Карамзина объ излишнемъ уваженіи формъ казались вообще его біографамъ мѣткой критикой преобразовательныхъ плановъ Александра. И дѣйствительно, пристрастіе къ формѣ было крупнымъ недостаткомъ этихъ плановъ; государственныя преобразованія остались чисто формальными; но формы имѣли однако свое значеніе, и самъ Александръ, въ свои либеральныя минуты, и особенно его совѣтники вовсе не думали ограничиваться введеніемъ однѣхъ новыхъ формъ, но хотѣли и тѣхъ вещей, которыя изображались этими формами. Дѣло шло о томъ, чтобы измѣнить или дополнить традиціонный характеръ власти извѣстнымъ участіемъ общества въ управленіи, а для этого созданіе новыхъ формъ являлось необходимымъ: какимъ бы образомъ иначе могла обнаружиться самостоятельная дѣятельность общества? Изложенный выше планъ Сперанскаго показываетъ, что новыя учрежденія были бы не одной внѣшней перемѣной. Планъ могъ остаться неудачнымъ, вызвавъ противъ себя приверженцевъ патріархальной старины [1]), но въ тѣхъ формахъ, которыя онъ хотѣлъ ввести, было все-таки больше смысла, чѣмъ въ мнѣніяхъ Карамзина.

Въ самомъ дѣлѣ, эти мнѣнія ровно ничего не говорили. Легко сказать — «выбрать людей», но ихъ надо было выбрать изъ того же испорченнаго общества, и что сдѣлаетъ самый добродѣтельный человѣкъ тамъ, гдѣ всѣ условія жизни, создавшіяся десятками и сотнями лѣтъ, дѣлали невозможной желаемую добродѣтель въ управляемыхъ? Могъ ли бы онъ, напр., уничтожить хотя «мздоимныхъ» чиновниковъ, когда этимъ чиновникамъ съ однимъ ничтожнымъ жалованьемъ пришлось бы

[1]) Ср. „Жизнь Сперанскаго", I, стр. 143.

нищенствовать, когда само общество совершенно понимало эту причину мздоимства, и вообще довольно спокойно его выносило? Понятно, что общій ходъ дѣлъ долженъ былъ овладѣть, наконецъ, и тѣмъ человѣкомъ, который предназначался исправить его. Да и этотъ человѣкъ самъ вышелъ изъ того же общества и самъ зналъ все это. То же самое произошло бы и въ разныхъ другихъ случаяхъ, гдѣ Карамзинъ возлагалъ на 50 добродѣтельныхъ губернаторовъ свои фантастическія надежды.

Правленіе должно быть «отеческое», «патріархальное», точно въ самомъ дѣлѣ для управленія огромнымъ государствомъ годились средства, употреблявшіяся для помѣщичьихъ имѣній. Положимъ, монархъ добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ и смотритъ за судьями, но какъ ему узнать добрыхъ и злыхъ, какъ усмотрѣть за судьями? Карамзинъ пересмотрѣлъ цѣлое столѣтіе; въ самыя блестящія царствованія, даже въ царствованія людей какъ Петръ и Екатерина, онъ не находитъ исполненія своего идеала и не думаетъ спросить себя: достижимъ ли вообще когда-нибудь этотъ идеалъ такими патріархальными путями? Далѣе, главнѣйшее средство, которое рекомендуетъ Карамзинъ для достиженія народнаго благополучія,—страхъ есть конечно сильное обуздывающее патріархальное средство, но опять странно видѣть въ писателѣ, влюбленномъ въ человѣчество, такое пристрастіе къ этому средству. Онъ забываетъ всѣ общественныя влеченія человѣка, всѣ средства, какія даетъ просвѣщеніе, и не заботится о воспитаніи въ людяхъ чувства человѣческаго достоинства и сознанія права и справедливости: взамѣнъ всего этого, онъ предпочитаетъ страхъ, для правителя—страхъ, что его возненавидятъ и составятъ противъ него заговоръ, для управляемыхъ — что ихъ «казнятъ», словомъ, предпочитаетъ патріархальныя бухарскія средства.

Защита интересовъ дворянства у Карамзина была предисловіемъ той дворянской теоріи, которая и до новѣйшаго времени находитъ своихъ представителей. Карамзинъ извлекалъ теорію изъ барскихъ преданій своего сословія, къ которымъ прибавляетъ ребяческія ссылки на Монтескье, — ребяческія потому, что аристократія, о которой говорилъ Монтескье, была совсѣмъ не то, что было русское дворянство...

Совѣты Карамзина относительно духовенства напоминаютъ приведенныя выше слова его о томъ, какъ можетъ обращаться «умный монархъ» съ митрополитами. Онъ, возста-

вавшій противъ формъ, предлагаетъ здѣсь еще худшую форму — внѣшнее возвеличеніе синода — «разумѣется, безъ всякаго противорѣчія», т.-е. безъ всякой самостоятельности: понятно, что роль такого синода могла быть одна — онъ долженъ былъ лишнимъ лицемѣріемъ и обманомъ усилить «добродѣтель» правленія.

Мы должны были остановиться подробнѣе на «Запискѣ» Карамзина, потому что до сихъ поръ она мало извѣстна большинству читателей и, между тѣмъ, чрезвычайно характерна. Какъ планъ Сперанскаго представляетъ собой одну сторону тогдашнихъ мнѣній, крайній выводъ тогдашняго либеральнаго движенія, такъ «Записка» Карамзина представляетъ другой полюсъ этихъ мнѣній, оппозицію мнимо-историческаго консерватизма, высказанную замѣтнѣйшимъ представителемъ старшаго поколѣнія [1]. Это крайніе пункты, которые даютъ мѣрку всего движенія: здѣсь оно выразилось ярче и яснѣе, чѣмъ въ какихъ-нибудь произведеніяхъ тогдашней печатной литературы и другихъ явленіяхъ общественной жизни.

Выше упомянуто, какое великое значеніе придаютъ Запискѣ Карамзина его новѣйшие біографы и панегиристы. Имъ кажется, что здѣсь заключается цѣлое откровеніе объ истинномъ политическомъ устройствѣ Россіи: юбилей Карамзина совпалъ съ наибольшей крѣпостнической реакціей, и печально сказать, что онъ послужилъ однимъ изъ заявленій этой реакціи. Это уже бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на смыслъ общественныхъ идеаловъ Карамзина.

Собирая наши замѣчанія, не можемъ не обратиться еще къ сужденіямъ писателя, почти современнаго той эпохѣ, еще видѣвшаго дѣятельность Карамзина и его самого. Отзывъ Н. И. Тургенева любопытенъ и тѣмъ, что въ немъ сказывается не одно личное мнѣніе, но отчасти и взгляды молодого либеральнаго поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, въ которомъ направленіе Карамзина, насколько оно обнаружилось въ его сочиненіяхъ и мнѣніяхъ его кружка, уже начинало возбуждать антипатію.

Самъ Тургеневъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ личному характеру Карамзина и о «Запискѣ» думаетъ, что въ ней «нельзя не признать нѣсколькихъ взглядовъ, достойныхъ

---

[1] Конечно, эти выраженія нѣсколько условны: собственно Карамзинъ былъ старше Сперанскаго только на пять лѣтъ.

настоящаго государственнаго человѣка». Указавши на смѣлость «Записки», хотя, какъ увидимъ, она была только относительная, и очертивъ ея содержаніе, Тургеневъ высказывается о ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ [1]):

«Что меня особенно непріятно поразило въ этой Запискѣ, это то, что Карамзинъ иногда ставитъ себя какъ будто органомъ дворянства. Онъ забываетъ приличія, которыя долженъ соблюдать всякій разсудительный и умный человѣкъ; онъ забываетъ свое собственное достоинство до того, что серьезно говоритъ о привилегіяхъ, данныхъ государемъ этому сословію.

«Не знаю, ошибался ли я, но мнѣ всегда казалось, что въ томъ, что написалъ Карамзинъ о Россіи, онъ хотѣлъ сказать русскимъ: «Вы неспособны ни къ какому прогрессу: довольствуйтесь быть тѣмъ, чѣмъ васъ сдѣлали ваши правители; не пробуйте никакой реформы, чтобы не надѣлать глупостей». Это объясняетъ, какимъ образомъ онъ могъ всегда сохранить дружбу Александра. Несмотря на всю свою искренность и доброту, Александръ былъ все-таки монархъ, и притомъ абсолютный. Быть можетъ, онъ разсердился бы, наконецъ, на человѣка, который не говорилъ ему всегда лести, а иногда говорилъ даже немного жесткія вещи, — если бы возраженія Карамзина не основывались, въ концѣ концовъ, на уваженіи, на любви къ абсолютной власти, на какомъ-то поклоненіи передъ ней. Если бы такіе принципы проповѣдывалъ рабъ, они могли бы не понравиться Александру; но въ устахъ человѣка образованнаго и человѣка честнаго они пріятно щекотали тайные инстинкты монарха [2]).

«...Карамзинъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и съ умомъ просвѣщеннымъ; онъ былъ одаренъ благородной и

---

[1]) См. La Russie, I, стр. 462—469. Приводимъ въ главныхъ чертахъ отзывъ Тургенева между прочимъ потому, что его еще ни разу не принимали въ соображеніе критики и біографы Карамзина, хотя этотъ отзывъ могъ бы представить для нихъ не малый интересъ.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ, по поводу извѣстной записки Карамзина о Польшѣ (1819), Тургеневъ замѣчаетъ тоже: „Правда, что хотя Карамзинъ—по его мнѣнію—защищалъ только интересы Россіи, въ сущности онъ говорилъ въ пользу императорской власти; и если подобной оппозиціей можно на минуту задѣть капризъ самодержавнаго монарха, то здѣсь нѣтъ, однако, опасности возстановить его противъ себя серьезно и надолго"... (La Russie, I, стр. 89). Наши критики не дѣлали такого психологическаго наблюденія, между тѣмъ, оно именно объясняетъ отношенія.

возвышенной душой. Но эти качества не помѣшали ему провозглашать необходимость и пользу абсолютизма для Россіи. Онъ долженъ былъ выражаться такъ по убѣжденію, потому что былъ неспособенъ къ лицемѣрію или лжи. Однакоже, извѣстно было, что онъ вовсе не былъ врагомъ формъ правленія, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія управляютъ Россіей; онъ былъ даже энтузіастомъ ихъ. «Я республиканецъ въ душѣ, говорилъ онъ иногда; но Россія прежде всего должна быть велика, а въ томъ видѣ, какъ она есть, только самодержавный монархъ можетъ сохранить ее сильною и страшною». — Въ молодости Карамзинъ видѣлъ Европу; онъ пріѣхалъ во Францію во время террора [1]). Робеспьеръ внушалъ ему чуть не поклоненіе. Его друзья разсказывали, что при извѣстіи о смерти страшнаго трибуна онъ пролилъ слезы; въ старости онъ еще говорилъ о немъ съ уваженіемъ, удивляясь его безкорыстію, серьезности и твердости его характера, и даже его скромному костюму, который, по словамъ его, былъ контрастомъ костюму людей этого времени».

Изученіе русской исторіи приводило Карамзина къ заключенію, что всѣ успѣхи и величіе Россіи были достигнуты самодержавіемъ.

«Изъ этихъ соображеній, — продолжаетъ Тургеневъ, — проистекали, по мнѣнію Карамзина, необходимость и непогрѣшимость автократіи не только для излеченія золъ русской имперіи, но и для сохраненія ея величія. Карамзинъ, повидимому, думалъ, что это величіе было единственное, на какое только можетъ имѣть притязаніе русскій народъ. Онъ любилъ свое отечество съ энтузіазмомъ, и его любящая и благородная душа не могла оставаться равнодушной къ счастію людей; но *считать народъ за ничто* и желать величія только той, конечно привлекательной, отвлеченности, которую называютъ отечествомъ, значитъ не признавать естественныхъ правъ, значитъ слишкомъ дешево цѣнить достоинство человѣка. Соотечественники Карамзина не могли считать лестнымъ для себя такое вѣрованіе.

«Карамзину отвѣчали на его мнѣніе о необходимости абсолютизма: — «признайтесь, по крайней мѣрѣ, что если Россія поднялась при помощи абсолютной власти, то она поднялась только на колѣняхъ». И это разсужденіе было такъ

---

[1]) Это не совсѣмъ точно; Карамзинъ въ эпоху террора былъ уже въ Россіи.

справедливо, что его дѣлали всѣ разсудительные люди при чтеніи исторіи Карамзина, который дѣлаетъ апотеозъ автократіи... Но все это онъ отвѣчалъ только, что Россія велика, сильна, и что ея боятся въ Европѣ».

Наконецъ, Тургеневъ въ особенности не прощаетъ Карамзину его уклоненій говорить о крѣпостномъ правѣ. «Онъ легко скользитъ по этому предмету (т.-е. въ «Исторіи Государства Россійскаго») всякій разъ, когда онъ является подъ его перомъ, и если встрѣчаются вещи, которыхъ онъ положительно не можетъ пропустить, онъ относитъ ихъ въ примѣчанія. Онъ не только не осуждаетъ роковыхъ законовъ, прикрѣпившихъ русскаго крестьянина къ землѣ, но, кажется, извиняетъ ихъ и дѣлаетъ имъ родъ апологіи, рисуя печальную картину нищеты, въ которой находились крестьяне въ то время, когда пользовались своей свободой. Дѣйствительно, въ это время земледѣльцы въ Россіи, какъ и вездѣ, были чрезвычайно бѣдны, но потомъ въ другихъ странахъ ихъ положеніе улучшилось, между тѣмъ какъ въ Россіи мѣра, почти просто полицейская, прикрѣпившая крестьянъ къ землѣ, которую они обработывали, произвела съ теченіемъ времени настоящее рабство».

Довольно понятно, почему Александръ въ первую минуту былъ пораженъ «Запиской» Карамзина очень непріятно: сначала и тонъ, и содержаніе «Записки» могли вызывать въ немъ очень справедливое неудовольствіе; но затѣмъ Александръ помирился съ Карамзинымъ подъ вліяніемъ другихъ ея сторонъ. Это послѣднее указано Тургеневымъ; этого не могъ не замѣтить и біографъ Сперанскаго, который говоритъ, что, «вникнувъ ближе въ *истинный смыслъ* «Записки», Александръ простилъ смѣлую ея искренность» [1]). Она противорѣчила многимъ мѣрамъ и мнѣніямъ Александра, во многомъ была совершенно несправедлива, не разъ должна была задѣвать его самолюбіе и даже его искреннія добрыя побужденія, но въ концѣ концовъ она льстила инстинкту безграничной власти.

Панегиристы Карамзина превозносятъ государственную мудрость «Записки»; даже тѣ изъ нихъ, которые какъ будто хотѣли относиться къ ней критически, находятъ, что онъ «былъ вообще правъ». Намъ кажется, напротивъ, что если въ «Запискѣ» и есть вѣрныя замѣчанія о нѣсколькихъ неудач-

---

[1]) „Жизнь Сперанскаго", I, 133.

ныхъ мѣрахъ тогдашняго правительства, то въ цѣломъ раздражительная вражда Карамзина противъ какихъ-нибудь перемѣнъ вовсе не говоритъ о широтѣ его государственныхъ взглядовъ, потому что взамѣнъ онъ не представилъ ничего лучшаго, а развѣ худшее, и «вообще» онъ былъ совершенно неправъ.

Въ Запискѣ Карамзина и въ планахъ Сперанскаго встрѣтились два начала русской общественно-политической жизни, одинъ — давній, другой — только-что появлявшійся. Европейское вліяніе, постоянно возраставшее съ Петра Великаго, въ его время подѣйствовало на общественныя понятія. Первые признаки сознанія выразились въ критическомъ отношеніи къ прежнему порядку вещей и затѣмъ въ желаніи достигнуть лучшаго порядка, гдѣ общество могло бы освободиться отъ неограниченнаго владычества государства и начать болѣе самостоятельную дѣятельность, въ которой и должно было ждать прочныхъ залоговъ общественнаго и національнаго блага въ будущемъ. Таковы были тогда стремленія еще немногихъ людей, которые однако были лучшими представителями общественнаго интереса, потому что понимали его всего яснѣе. Существовавшее устройство общественныхъ отношеній состояло въ тѣхъ же порядкахъ XVI—XVII вѣка, мало измѣнившихся и отъ Петровской реформы. Это былъ завѣщанный до-Петровской Россіей, почти восточный абсолютизмъ, при которомъ и отдѣльная личность, и цѣлое общество были безправны. Европейскіе нравы смягчили внѣшность, но не измѣнили сущности. Между тѣмъ въ русскую жизнь съ XVIII вѣка проникли нѣкоторыя вліянія европейской образованности; въ лучшихъ людяхъ созрѣвало сознаніе личнаго и общественнаго достоинства и ихъ начинало тяготить сознаніе безправности; для успѣховъ внутренняго развитія уже чувствовалась потребность въ большей долѣ общественной самостоятельности. Европейское вліяніе XVIII вѣка отразилось въ обществѣ понятіями о гражданской жизни, которыя дали этой практически выроставшей потребности извѣстныя теоретическія основанія. Правленіе Павла наводило на мысль о необходимости какого-нибудь преобразованія, и въ царствованіе Александра видимъ уже первое столкновеніе старыхъ преданій и новыхъ потребностей общества. Новое направленіе было еще слабо; приверженцы немногочисленны; дѣйствія часто неудачны, но въ основной мысли новое направленіе вытекало изъ исторіи возникавшей общественности, — новой

силы, необходимой для прочности цѣлаго національнаго развитія: будущее зависѣло отъ успѣховъ общественной самодѣятельности; правительственная мудрость должна была заключаться въ расширеніи народной образованности и въ освободительныхъ реформахъ.

Таковъ былъ историческій моментъ, который надо было понять человѣку, желавшему стать судьей общества и его исторіи и указывать его будущее. Для яснаго, истинно государственнаго или философскаго ума потребности этого будущаго могли бы быть понятны, для этого уже тогда были достаточныя указанія исторіи и существовавшаго быта, если и оставить въ сторонѣ внушенія простого чувства справедливости. Громадная разница между Сперанскимъ и Карамзинымъ, или тѣми направленіями, какія они собою представляли, была въ томъ, что Сперанскій довольно понималъ этотъ историческій моментъ и, хотя не вполнѣ удачно, для него работалъ, а Карамзинъ совершенно не понялъ его.

Карамзинъ не совсѣмъ ошибался исторически, когда утверждалъ, что величіе Россіи было создано однимъ абсолютизмомъ, но, не говоря объ историческихъ натяжкахъ, съ какими онъ защищаетъ свое мнѣніе, онъ преувеличилъ и выводъ, распространяя его не только на настоящее, но и на будущее. Настоящее уже самыми противорѣчіями своими указывало на необходимость видоизмѣнить прежніе порядки жизни: Карамзинъ не хотѣлъ понимать этого, и въ самомъ прошедшемъ не увидѣлъ того важнаго обстоятельства, что «величіе» Россіи достигнуто слишкомъ тяжелыми жертвами, и потому было слишкомъ односторонне и неполно. Жертвы эти состояли, съ самаго начала Московскаго царства, въ страшномъ истребленіи людей, въ насиліяхъ, разогнавшихъ цѣлыя массы населенія, въ уничтоженіи мѣстнаго преданія и самодѣятельности, въ порчѣ національнаго характера и въ подавленіи національнаго ума. Если тяжкія жертвы людей могли быть нужны въ свое время для достиженія политическаго единства, то нравственный вредъ продолжалъ свое дѣйствіе во все теченіе новѣйшей русской исторіи и страшно замедлилъ развитіе русскаго народа въ смыслѣ цивилизаціи. Вслѣдствіе того «величіе», достигнутое такими средствами, было пока только внѣшнее, завоевательное и военное, которое нисколько не предполагало истиннаго величія, состоящаго въ успѣхахъ гражданской жизни, умственнаго развитія и внутренняго благосостоянія. И дѣйствительно, величіе военной имперіи XVIII

и XIX вѣка далеко не сопровождалось равными внутренними успѣхами: въ гражданской жизни господствовало всеобщее безправіе, которое Карамзинъ фальшиво и неудачно старался прикрашивать патріархальностью, въ умственномъ отношеніи господствовала крайняя отсталость и невѣжество, благосостояніе матеріальное обнаруживалось азіатской роскошью аристократіи и нищетой крестьянства. Если даже признать, что исторически, для укрѣпленія государства, нужно было это внѣшнее завоевательное величіе, то, разъ оно было пріобрѣтено, для государства являлась все-таки другая, внутренняя задача, и она оставалась почти нетронутой. Карамзинъ видѣлъ много недостатковъ русской жизни и не могъ понять, что они всего чаще были органически необходимымъ послѣдствіемъ той самой системы, которую онъ защищалъ. Изученіе исторіи не объяснило ему, что патріархальная старина, имъ превозносимая, отживала свое время и, какъ часто бываетъ съ великими историческими принципами, изъ орудія успѣха становилась орудіемъ застоя. «Величіе», какого она достигала, становилось кажущимся; просвѣщеннѣйшіе люди отдѣлялись отъ національной жизни, въ которой чувствовали себя чужими, или боролись безуспѣшно для ея обновленія. Историческая необходимость указывала, что власть, подавившая нѣкогда земскія (общественныя) силы народа, должна вновь вызвать ихъ къ жизни, когда внѣшнее единство и сила государства были обезпечены, — это была необходимость, потому что безъ развитія этихъ внутреннихъ земскихъ силъ государству грозилъ застой, безсиліе и упадокъ. Эта необходимость совпадала съ внушеніями истиннаго патріотизма и истинной образованности, и ее чувствовали, инстинктивно или сознательно, совѣтники Александра. А «знатокъ» вынесъ изъ исторіи только одинъ идеалъ той подавленной, отупѣвшей жизни XVII вѣка, которая была только печальной ступенью для новой Россіи.

Таковъ былъ существенный порокъ мнѣній Карамзина и его «Записки». Понятно, что его взгляды вели къ совершенно иной программѣ, чѣмъ предполагавшаяся программа императора Александра. Карамзинъ не могъ не видѣть внутреннихъ неурядицъ, и вину всего этого свалилъ на новый образъ мыслей Александра и его совѣтниковъ. Карамзинъ стоялъ за старое и желалъ только усиленія абсолютизма; тѣ справедливѣе думали, что неурядица происходила скорѣе отъ крайностей стараго порядка и отъ подавленія общественныхъ силъ.

Карамзинъ требовалъ «добродѣтели», Александръ желалъ учрежденій. Карамзинъ думалъ, что все хорошо, что нужно только выбрать людей; другой взглядъ находилъ, что безъ новыхъ учрежденій никакіе люди не помогутъ, потому что недостатокъ лежалъ въ самомъ складѣ старой жизни, въ ея застоѣ и безправіи, открывавшихъ полный просторъ всякому произволу. Зло Карамзинъ хотѣлъ лечить тѣмъ же, отъ чего оно произошло,—лечить усиленіемъ той же системы, тѣмъ же произволомъ и безправностью массы. Карамзинъ винилъ нововводителей, что они только мѣняютъ формы, не мѣняя сущности, но вина того же стараго порядка вещей, который онъ защищалъ, была въ томъ, что цѣльное преобразованіе не могло осуществиться. Новыя учрежденія были однако необходимы для новой жизни: при той системѣ мирнаго преобразованія «сверху», какъ имѣлась въ виду, законъ самъ долженъ былъ открыть пути для общественной дѣятельности, для выраженія общественнаго мнѣнія и народныхъ желаній,—для этого и были нужны новыя учрежденія, потому что безъ нихъ всякое вмѣшательство общества въ дѣла правленія было бы недозволительно, противозаконно, преступно.

Свою точку зрѣнія Карамзинъ защищалъ въ «Запискѣ» съ тенденціозностью, какой не долженъ бы былъ позволять себѣ писатель, у котораго было уже свое прошедшее. Не говоримъ о томъ, какъ въ разсказѣ о «древней» Россіи онъ скрашиваетъ все, что мѣшало его предвзятой мысли; не говоримъ о томъ, какъ онъ, смотря по надобности, совершенно разными красками изображалъ правленіе Екатерины въ «Запискѣ» и въ «Похвальномъ Словѣ»,—но чрезвычайно странно читать въ «Запискѣ» о самомъ царствованіи Александра вещи прямо противоположныя тому, что самъ Карамзинъ говорилъ за немного лѣтъ въ своихъ публицистическихъ сочиненіяхъ. Онъ тогда безусловно восхищался всѣмъ (кромѣ развѣ предположеній объ освобожденіи крестьянъ—въ этомъ вопросѣ онъ всегда себѣ вѣренъ); теперь безусловно осуждаетъ. И если самъ онъ хотѣлъ, чтобы правительство соображалось съ мнѣніями «добрыхъ россіянъ», то кто же заставлялъ его тогда съ такимъ легкомысліемъ предаваться необузданному панегирику, восхвалять внутреннія мѣры правительства, преувеличивать военную силу «ужаснаго колосса», питать національныя страсти и вводить въ заблужденіе правительство и самихъ «добрыхъ россіянъ». Карамзинъ жалуется, говоря о царствованіи Александра, что надежды перваго времени не оправдались, но кто

столько подслащалъ тогда общественное мнѣніе и усыплялъ его панегириками? Скажутъ: Карамзинъ могъ перемѣнить свои мнѣнія; но въ такомъ случаѣ собственный примѣръ долженъ былъ научить его умѣренности, потому что и у другихъ возможно было заблужденіе, совершенно искреннее и честное, — каково, безъ сомнѣнія, было его собственное.

Вмѣсто того Карамзинъ съ какимъ-то злорадствомъ, котораго мы не умѣемъ помирить съ отзывами о безупречныхъ достоинствахъ его характера, обвиняетъ «неблагомысленныхъ» совѣтниковъ Александра. Выше упомянуто, какой смыслъ должны были получать эти обвиненія при извѣстной и тогда подозрительности и мнительности Александра. Одинъ изъ панегиристовъ Карамзина выражаетъ мысль, что «можетъ быть, и *ссылка* Сперанскаго, главнаго творца реформъ, имѣла нѣкоторую связь съ Запискою» [1]). Признаемся, — какъ мы ни мало расположены раздѣлять идеи Карамзина и способъ ихъ защиты, — мы не желали бы думать, чтобы это предположеніе имѣло основанія; не желали бы, чтобы и на него упалъ упрекъ за это черное пятно въ царствованіи Александра.

Что же, наконецъ, ставилъ самъ Карамзинъ на мѣсто той системы, которую онъ съ такимъ раздраженіемъ обвинялъ? Біографъ Сперанскаго, разбирая одно мѣсто «Записки», замѣчаетъ: «Карамзинъ, какъ человѣкъ умный и добросовѣстный, не могъ... не видѣть всѣхъ недостатковъ прежняго порядка дѣлъ и не желать улучшеній. Но чего именно онъ желалъ, то остается, для насъ по крайней мѣрѣ, неразгаданнымъ» [2]). И дѣйствительно, мудрено понять, какимъ образомъ могла дѣйствовать система правленія, рекомендованная Карамзинымъ. По всему ея изображенію это выходитъ та же система, по которой онъ управлялъ своими двумя Макателемами. Власть должна быть отеческая, патріархальная, монархъ долженъ самъ за всѣмъ присматривать, наказывать виновныхъ, награждать достойныхъ, правленіе должно утверждаться на добродѣтели и мудромъ избраніи людей, управляемые должны повиноваться и безмолвствовать — такова собственно программа Карамзина, слишкомъ наивная, чтобы быть выполнимой.

Тургеневъ, по нашему мнѣнію, очень вѣрно замѣтилъ,

---

[1]) Казанскій юбилей, стр. 101.

[2]) Жизнь Сперанскаго, I, 141.

что въ основанiи мнѣнiй Карамзина лежало невысокое мнѣнiе о русскомъ народѣ, мысль, что русскiй народъ и не способенъ ни къ чему иному, кромѣ того, что сдѣлаютъ изъ него его правители. Дѣйствительно, безпристрастное наблюденiе, съ какимъ еще мало обращались къ Карамзину, покажетъ, что у него не одинъ разъ высказывается это сухое — скажемъ ближе — помѣщичье отношенiе къ крестьянскому народу. Выше указано, какъ легко эти вещи мирились у него съ сладкой чувствительностью на словахъ; онъ могъ по-своему любить отвлеченный народъ, какъ любилъ отвлеченное человѣчество, но къ живому народу онъ относился съ пренебреженiемъ, почти презрѣнiемъ, поражающимъ крайне непрiятно. Въ русскомъ обществѣ было потомъ не мало людей, которые приходили къ скептическому мнѣнiю о народѣ, но въ ихъ мнѣнiяхъ была, однако, громадная разница съ мнѣнiями Карамзина. Для тѣхъ недостатки народа являлись результатомъ несчастной исторiи, бѣдственныхъ обстоятельствъ; они не скрывали отъ себя слабыхъ сторонъ народа; сомнѣнiе приводило иныхъ, какъ Чаадаева, къ отчаянiю въ будущемъ, приводило къ раздраженному недовольству, какъ Бѣлинскаго и многихъ другихъ; — но эти люди мучились своимъ сомнѣнiемъ, со страстью отдавались всему, въ чемъ видѣли залогъ лучшаго успѣха въ будущемъ, и никогда не выдѣляли себя изъ среды этого народа, не показывали къ нему того высокомѣрнаго пренебреженiя, какое проходитъ скрываемой, но замѣтной чертой въ понятiяхъ Карамзина. Какъ бы ни легка была эта черта, ея присутствiе было достаточно, чтобы внушить людямъ иного взгляда антипатiю къ писателю, при всѣхъ его другихъ заслугахъ. И если вспомнить, что въ то же время Карамзинъ защищалъ безусловно патрiархальный порядокъ вещей, не желая замѣчать его историческаго вреда, и поощрялъ его даже тогда, когда онъ самъ готовъ былъ къ уступкамъ; что онъ отвѣчалъ только враждой на всѣ попытки улучшенiй, какъ будто и въ самомъ будущемъ желалъ закрыть для нацiи путь къ болѣе совершенному порядку вещей, мы поймемъ, почему молодое либеральное поколѣнiе десятыхъ и двадцатыхъ годовъ уже высказалось противъ Карамзина, и не поймемъ, какъ могли преклоняться передъ авторомъ «Записки» славянофильскiе народолюбцы... Во всякомъ случаѣ, это отношенiе Карамзина къ народу «нуждается въ оправданiи», какъ говорилъ когда-то кн. Вяземскiй о характерѣ Фонъ-Визина.

Мы видѣли, въ какомъ свѣтѣ Карамзинъ выставляетъ роль дворянства; онъ настаиваетъ на необходимости аристократіи, и въ самомъ дѣлѣ какъ будто хочетъ выступить органомъ дворянства и его интересовъ. Едва ли онъ могъ представлять себя говорящимъ отъ лица другого сословія, когда онъ обращался къ императору Александру со словами «требуемъ», «хотимъ», которыя не разъ употреблены въ «Запискѣ». Но кто же далъ вамъ право чего-нибудь «требовать»?—можно было бы спросить его. Это притязаніе есть еще одно изъ противорѣчій, которыхъ мы уже не мало видѣли въ «Запискѣ»: по его собственной теоріи, «добрые россіяне» должны были только повиноваться.

Послѣ всего этого можно себѣ представить, что надо думать, когда тотъ же Карамзинъ называетъ себя республиканцемъ. Такимъ же образомъ признавали себя республиканцами и другія историческія лица. Такъ императрица Екатерина говорила о себѣ въ письмахъ къ Вольтеру. Если въ тѣ времена это была мода, то во времена Карамзина это была пустая фраза, новый образчикъ самомнѣнія и высокомѣрія, о которомъ мы говорили. Это слово со временъ классическихъ трагедій, Телемака и Анахарсиса, совмѣщало тогда всякія возвышенныя добродѣтели—слыть республиканцемъ, конечно, значило стоять выше презрѣнной толпы, которая неспособна къ свободѣ и не можетъ понимать республиканства избранныхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было совершенно безопасно и невинно, такъ какъ настоящаго республиканства никто и не опасался, потому что никто въ него не вѣрилъ,—даже императоръ Павелъ не вѣрилъ доносамъ на Карамзина. Республиканство Карамзина именно была только фраза сантиментальнаго самохвальства, потому что его политическими взглядами ни мало не подтверждалась. Въ идеалѣ «величія», какое представлялось ему для собственнаго отечества, нѣтъ ничего, что сколько-нибудь походило бы на народную и общественную свободу. Напротивъ, свобода была ему ненавистна, и величіе отечества представлялось только въ громадности государства, въ наружномъ порядкѣ, въ перепугѣ сосѣдей: «колоссъ Россіи ужасенъ» — говоритъ Карамзинъ съ самодовольствомъ.

Во взглядахъ Карамзина, которые въ «Запискѣ» выразились только яснѣе, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, было такимъ образомъ много положительно фальшиваго и въ его отношеніяхъ къ народу, и къ исторіи, и къ настоящему. Подобныя вещи повторялись и вообще въ охранительныхъ кру-

гахъ, но Карамзинъ, по своему литературному вліянію и общественному положенію, въ особенности придавалъ имъ авторитетъ. Въ концѣ концовъ дѣйствіе подобныхъ воззрѣній было, конечно, вредное, деморализующее. Идеалъ, изображаемый Карамзинымъ, представлялъ такое отсутствіе живого общественнаго содержанія, что не могъ имѣть другого дѣйствія. Неумѣренное восхваленіе патріархальной власти съ отеческими мѣрами «подъ рукой», «безъ шуму» и т. п., съ пренебреженіемъ ко всѣмъ желаніямъ привести ее въ нормальныя формы закона; грубое и фальшивое стремленіе къ внѣшнему «величію»; стараніе вздувать сомнительную силу аристократіи и рядомъ требованіе безмолвнаго повиновенія; помѣщичье пренебреженіе къ народу и т. д.—все это не могло быть полезно для воспитанія общественнаго мнѣнія. Толки о «величіи» поощряли тотъ ложный патріотизмъ, который изъ-за внѣшняго шума и блеска не видитъ внутреннихъ бѣдствій страны и любовь къ отечеству превращаетъ въ самохвальство и воинственный задоръ. Карамзину принадлежитъ большая доля въ развитіи подобнаго національнаго самообольщенія, которое нанесло и еще наноситъ много глубокаго вреда нашему общественному развитію,—и «Записка», гдѣ онъ всего больше высказалъ свои общественные взгляды, была трудомъ, потраченнымъ на защиту отжившихъ нравовъ и преданій, человѣкомъ, котораго по другимъ его трудамъ и таланту печально видѣть партизаномъ стараго общественнаго рабства и застоя.

Далѣе скажемъ о впечатлѣніи, какое произвела «Исторія государства Россійскаго» (1818) на общество и особенно на молодое поколѣніе. До послѣднихъ годовъ своей жизни Карамзинъ пользовался полной милостью двора, и новое царствованіе началось для него изъявленіями особеннаго благоволенія.

Смерть императора Александра опечалила его, и ему пришлось, между прочимъ, увидѣть, чѣмъ бываетъ общество, живущее въ томъ порядкѣ вещей, который онъ такъ рекомендовалъ. «Можно ли читать безъ умиленія, — пишетъ онъ въ декабрѣ 1825 г. Дмитріеву, — что пишутъ объ Александрѣ умнѣйшіе французы и англичане? Намъ лучше безмолвствовать краснорѣчиво. Отъ русской фабрикаціи *тошнитъ*»... Какъ жаль, что онъ не замѣчалъ этого прежде.

Есть не малыя основанія думать, что идеи Карамзина, воплотившіяся въ «Запискѣ», имѣли практическое вліяніе на

высшія сферы новаго наступившаго періода. Когда русская общественная мысль въ началѣ новаго царствованія переживала трагическій кризисъ, Карамзинъ со всей нетерпимостью и ожесточеніемъ, какія производила его система, внушалъ свои идеи людямъ новаго періода и возбуждалъ въ нихъ вражду къ либеральнымъ идеямъ прошлаго царствованія. Этими совѣтами и внушеніями онъ, съ своей стороны, наносилъ свою долю зла начинавшемуся умственному пробужденію общества; онъ рекомендовалъ программу застоя и реакціи, и его имя дало лишній авторитетъ идеямъ этого рода, господствовавшимъ и въ высшихъ сферахъ, и въ массѣ общества въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій. Многіе изъ его поклонниковъ, «шептавщихъ святое имя», заняли потомъ важныя мѣста въ разныхъ отрасляхъ управленія и вѣрно послужили его идеямъ... Система, имъ рекомендованная, оказалась очень примѣнимой на практикѣ; для нея не требовалось никакихъ нововведеній, никакихъ усилій мысли надъ преобразованіями, — и довольно извѣстно, какими плодами обнаружилось ея дѣйствіе: общественная жизнь была совершенно подавлена; русская мысль, имѣвшая въ этомъ періодѣ многихъ блестящихъ представителей, едва могла существовать подъ суровой опекой; сухой формализмъ господствовалъ въ управленіи; въ массѣ общества процвѣталъ невѣжественно-хвастливый патріотизмъ, прозванный тогда квраснымъ, крайнее отсутствіе и боязнь мысли; каковы были суды и внутреннее управленіе, это еще памятно: — по наружности и на бумагѣ все обстояло благополучно, пока не наступило тяжелое разочарованіе Крымской войны. Едва ли можно оспаривать, что общественно-политическая система, господствовавшая въ эти десятилѣтія, — по всѣмъ основнымъ чертамъ своимъ, — была та самая, горячимъ адвокатомъ которой явился Карамзинъ въ своей «Запискѣ». Едва ли Карамзинъ могъ желать тѣхъ результатовъ, какіе принесла въ концѣ концовъ эта система, но они были необходимы по всей ея сущности. Эти результаты, которые въ эпоху Крымской войны испугали все, даже мало о чемъ думавшее русское общество и возбудили въ немъ, правда, не на долго, порывъ къ общественнымъ улучшеніямъ, эти результаты, раскрытые восточной войной, и даютъ возможность опредѣлить практическій смыслъ идей, которыхъ представителемъ былъ Карамзинъ, и характеръ того общественнаго круга, отъ лица котораго онъ хотѣлъ говорить.

ГЛАВА V.

Переходное время.

Возбужденіе умовъ послѣ 1812 года.

«Планъ» Сперанскаго и «Записка» Карамзина представляютъ крайніе пункты, до которыхъ дошелъ общественный вопросъ въ первую половину царствованія: «Планъ» былъ крайнимъ пунктомъ того, что думало сдѣлать правительство, стоявшее въ тѣ годы во главѣ либеральнаго меньшинства; «Записка» выказывала настроеніе большинства, т.-е. главнымъ образомъ дворянскаго общества, недовольнаго нововведеніями, между прочимъ, грозившими крѣпостному праву.

Къ этимъ главнымъ направленіямъ приводится и содержаніе литературы. Мы до сихъ поръ почти не упоминали о ней, потому что эта литература, издавна пріученная къ почтительному молчанію обо всемъ, что именно и должно бы быть ея серьезнымъ содержаніемъ, по своимъ условіямъ и позднѣе, собственно говоря, не могла служить настоящей мѣркой общественнаго мнѣнія, а тогда въ особенности. Либерализмъ правительства расширилъ нѣсколько рамку дозволенныхъ разсужденій, и сравнивая тонъ литературы съ прежнимъ, можно и въ теченіе этихъ лѣтъ найти извѣстный успѣхъ. Говоря вообще, литература еще слишкомъ мало касалась общественно-политической жизни, или касалась слишкомъ отвлеченнымъ и далекимъ образомъ, и со времени книги Радищева никогда не касалась ея въ такой прямой формѣ, какъ мы видимъ это въ изложенныхъ выше трудахъ Сперанскаго и Карамзина.

Собственно говоря, эти труды и не принадлежали литературѣ. Одинъ былъ секретной офиціальной работой, другой — частной запиской, предназначенной также только для государя. Литература, въ своемъ обыкновенномъ содержаніи, не представляла и тѣни подобной прямоты и смѣлости изло-

женія; вмѣстѣ съ тѣмъ она не выражала и дѣйствительнаго состоянія мнѣній, до которыхъ доходили болѣе просвѣщенные и смѣлые умы: *такого* рода выраженіе не было бы дозволено, а въ большинствѣ и *не было* еще этихъ попытокъ свободной мысли и слова. Это безсиліе литературы было весьма естественнымъ результатомъ всей ея исторіи. Со временъ Петра и до Александра литература играла почти чисто служебную роль, какъ одно изъ орудій реформы: это былъ долго ея главнѣйшій, даже исключительный характеръ, котораго она не покидаетъ вполнѣ даже тогда, когда въ ней выступаютъ «свободныя» силы — поэзія и научное изслѣдованіе. Въ этомъ служеніи дѣлу реформы литература имѣла вообще двойную задачу: ей предстояло усвоивать русскому сознанію тѣ общія понятія цивилизаціи, которыхъ не давала сама русская жизнь и ея прошедшее; во-вторыхъ, уразумѣть и изображать собственную жизнь нашего общества. Извѣстно, какъ для исполненія перваго она должна была просто заимствоваться у западной литературы, брать изъ нея не только содержаніе, но и формы: она повторяла тѣ же мысли, вводила у себя всѣ литературныя формы, какія находила въ литературѣ иностранной. Съ такого же подражательнаго пріема начала она и исполненіе второй задачи: Кантемиръ вставлялъ черты русской жизни въ передѣлки Буало и Ювенала; зависимость отъ чужого образца очень замѣтна даже у Фонъ-Визина. Въ теченіе XVIII вѣка отношеніе литературы къ русской жизни остается въ сущности то же, какое такъ рѣзко отличаетъ первый образникъ ея — сатиру Кантемира. Литература еще не можетъ назваться свободнымъ выраженіемъ идей, выросшихъ въ самомъ обществѣ, зрѣлымъ произведеніемъ умственной жизни, независимой отъ правительственнаго руководства; этой самостоятельности еще нѣтъ, и литература продолжаетъ свою служебную роль — воспѣваетъ дѣянія оффиціальныя, каретъ и осмѣиваетъ въ обществѣ недостатки, мѣшающіе намѣреніямъ правительства и ему непріятные. Единственнымъ исключеніемъ остаются въ XVIII столѣтіи Новиковъ и Радищевъ; поэтому съ нихъ и начинается исторія попытокъ самостоятельной общественной литературы. Но характеръ жизни былъ таковъ, что эти попытки обошлись авторамъ очень дорого. Послѣ того литература возвращается въ свой уголокъ, изъ котораго хотѣла-было выглянуть, и опять довольствуется скромными разсужденіями объ отвлеченной нравственности, которыя однѣ ей предоставлялись...

Впрочемъ, въ этомъ распространеніи отвлеченнаго умственнаго и нравственнаго образованія литература дѣлаетъ успѣхи. Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, уже выступившій съ романтизмомъ, были большимъ успѣхомъ противъ XVIII вѣка и вели дѣло впередъ, потому что общественная мысль все-таки нѣсколько развилась подъ вліяніемъ новыхъ понятій и идеаловъ, которые выставляла литература, хотя по дѣйствію практическому это было движеніе медленное. Въ изученіи и изображеніи собственно русской жизни литература начала царствованія Александра сдѣлала мало успѣховъ, сравнительно съ прежнимъ: она больше начинаетъ приглядываться къ этой жизни, лучше схватываетъ нѣкоторыя ея черты, старается усвоить ея языкъ и ввести его въ книгу на мѣсто прежняго искусственнаго и схоластическаго, но она еще далека отъ дѣйствительности, еще не понимаетъ настоящей народной жизни, ея нужды и горя, ея надеждъ и мучительныхъ ожиданій. Протестъ, нѣкогда выставленный Радищевымъ, оставался неподдержаннымъ. Александръ снялъ съ писателя опалу, но ожидалъ, конечно, что и онъ измѣнитъ свои мнѣнія. Смерть Радищева была страшнымъ предзнаменованіемъ, что времена гоненій еще не кончились; два-три голоса изъ новаго литературнаго поколѣнія почтили его память выраженіями горячаго сочувствія къ его личности, но его критическое направленіе не нашло продолжателей даже въ смягченной формѣ. Преобладающій тонъ былъ все еще тонъ Державина, который и самъ продолжалъ дѣйствовать.

Державинская поэзія (разумѣемъ тѣ его произведенія, которыя относятся къ событіямъ времени), въ которой такъ господствуетъ неумѣренно хвалебная ода, имѣетъ свое историческое значеніе. Это — поэзія того періода, когда Россія доканчивала завоевательную программу Петра Великаго и утверждала свое политическое значеніе въ Европѣ, когда вся политическая жизнь сосредоточивалась въ правительствѣ, и когда дворъ, торжествуя счастливыя побѣды, желалъ присоединить къ своему величію блескъ европейской изящной обстановки и свѣтскихъ нравовъ. Дворъ былъ блестящимъ фокусомъ этой жизни; общество почти впервые начало образовываться; оно хранило старые нравы служебной и помѣщичьей неподвижности и едва начинало воспринимать вліянія литературы. Поэзія Державина воспѣла, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ идеалъ самодержавной власти, и гиперболическій способъ ея выраженія считался высокимъ образцомъ для патріотиче-

скихъ пѣснопѣній. Быть можетъ, онъ и былъ нуженъ для грубоватаго эстетическаго вкуса тогдашней публики, на которыя могли не подѣйствовать болѣе тонкія вещи. Вмѣстѣ съ восхваленіемъ «богоподобной царицы», Державинъ покушался въ своихъ одахъ говорить «истину», но истина была обыкновенно такъ переплетена съ лестью, что мудрено сказать, могла ли она имѣть какое-нибудь дѣйствіе.

Державинъ былъ самымъ крупнымъ и характернымъ представителемъ этой литературы: въ результатѣ поэзіи и общественной жизни XVIII вѣка остался въ нашей литературѣ панегиристическій тонъ, который сталъ почти обязательнымъ, и тотъ особый патріотизмъ, сущность котораго состоитъ въ самовосхваленіи и воинственномъ азартѣ, не сопровождаемыхъ достаточнымъ сознаніемъ общественнаго достоинства. Вслѣдъ за Державинымъ цѣлая толпа риѳмотворцевъ развивала его темы. Эта поэзія перешла въ цѣлости и въ Александровскія времена. Можно было бы привести длинный рядъ образчиковъ этого рода; возьмемъ первый, который встрѣчается. Торжество коронованія праздновалось въ Москвѣ, между прочимъ, особеннымъ собраніемъ университета съ обильными рѣчами и стихами. Торжественная ода написана была Мерзляковымъ, который, между прочимъ, призывалъ русскихъ къ наукамъ, просвѣщенію, благотворенію, словомъ, къ мирнымъ добродѣтелямъ, но и этотъ мирный призывъ выражается слѣдующимъ образомъ:

Гдѣ, гдѣ неслышно имя Россовъ?
Какъ *буря*, міръ они прошли!
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли! (?)
Куда еще имъ бросить громы?..
Постойте, пламенные сонмы!
Вамъ новый къ славѣ путь открытъ!
Пусть Россъ наукой, просвѣщеньемъ,
Добротою, благотвореньемъ,
Въ другой разъ міръ сей побѣдитъ!

Такимъ образомъ гордость націи, даже по мнѣнію скромнаго служителя науки и изящнаго, состоитъ въ томъ, чтобъ народъ былъ бурей, бросалъ громы, побѣждалъ, разрушалъ и т. д. Правда, поэтъ указываетъ и другой путь къ славѣ, но самые успѣхи просвѣщенія понимаются тоже какъ побѣда надъ другими, не какъ желаніе мирной образованности для самихъ себя, а какъ желаніе заткнуть за поясъ другихъ. Восхваленіе нашихъ военныхъ дѣяній въ тогдашней поэзіи всегда

превышало мѣру вѣроятія и здраваго смысла: у Державина русскій полководецъ «ступитъ на горы, горы трещатъ», «башни рукою за облакъ бросаетъ» и творитъ другія невѣроятности. Здѣсь являются какіе-то сто колоссовъ, «россы» проходятъ «міръ» и смотрятъ, «куда еще имъ бросить громы»— какъ будто только въ этомъ должно состоять ихъ занятіе.

У себя дома эти страшные россы, метавшіе громы по всему міру, были тише воды, ниже травы. Бывали у нихъ минуты шалости, когда они мечтали о прелестяхъ республиканской свободы: «счастливые швейцары,—восклицалъ Карамзинъ,—при всякомъ ли біеніи пульса благословляете вы свою долю, живя въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и и *предъ однимъ Богомъ наклоняя гордую выю свою?*» Старшіе прощали эти шалости по ихъ совершеной невинности. Помышленія большинства не доходили и до этого. Смѣлѣйшіе представители литературы намѣревались иногда возвѣщать «истину», но на дѣлѣ на это не рисковали и въ концѣ концовъ придумали способъ «истину царямъ *съ улыбкой* говорить», такъ что слушающій истины все-таки не узнавалъ, а видѣлъ улыбку и преданность.

Таковъ былъ наиболѣе распространенный тонъ. Онъ не свидѣтельствовалъ о высокомъ уровнѣ общественной мысли. Такъ оно дѣйствительно и было, по собственному сознанію корифеевъ литературы: Державинъ еще не такъ давно предавался радости, что ему—

И знать, и мыслить позволяютъ,

а Карамзинъ утверждалъ, что Екатерина «научила насъ разсуждать».

Понятно, что при этой степени развитія большинство мало разумѣло общественные вопросы, которые возбуждало въ первые годы царствованія Александра само правительство. Правда, литература не осталась безотвѣтной на эти поощренія. Въ журналахъ стали появляться статейки политическаго и общественнаго содержанія, переводы изъ иностранныхъ политическихъ писателей; вопросы объ общественномъ устройствѣ, о дворянствѣ, о свободѣ печати и т. п. обсуждались по мѣрѣ силъ; иногда высказывались здравыя замѣчанія и честныя понятія авторовъ, но серьезныхъ людей и мнѣній было немного; по всему видно было, что это были еще первыя упражненія, часто искреннія и благородныя, но робкія и поверхностныя.

Литература этихъ годовъ какъ будто боялась повѣрить приглашеніямъ къ свободѣ, какъ будто ей еще памятно было, какъ, несмотря на позволеніе мыслить и разсуждать, настоящія разсужденія дорого обходились тѣмъ, кто повѣрилъ позволенію. Хотя теперь наступило царствованіе Александра, котораго литература поголовно восхваляла за кротость, «небесную» милость и т. д., но тѣмъ не менѣе продолжается старая боязнь сказать что-нибудь, что могло бы не понравиться ближайшему начальству. Какая громадная разница была между литературой, существовавшей офиціально, и дѣйствительными мыслями людей, мы видѣли на Карамзинѣ: безъ сомнѣнія, онъ не рѣшился бы сказать въ печати десятой доли того, что говорилъ въ «Запискѣ».

Литературныя партіи этого времени, споръ стараго и новаго слога, который сталъ потомъ споромъ классицизма и романтизма, довольно характерно свидѣтельствуютъ объ уровнѣ понятій. Цѣлью нападеній Шишкова былъ собственно Карамзинъ, въ которомъ люди стараго вѣка на первыхъ порахъ заподозрили якобинца. Въ сумароковскія и державинскія времена, когда еще не былъ конченъ трудъ перваго внѣшняго устройства литературы, великая важность придавалась именно слогу, внѣшней формѣ: мысль не возбуждала споровъ, потому что всегда была достаточно благонамѣренной и невинной,—зато все вниманіе критики направлялось на внѣшнюю отдѣлку фразы, на выборъ словъ, на удачныя или неудачныя риѳмы, на соблюденіе правилъ о трехъ извѣстныхъ степеняхъ слога. Поэтому, когда стали появляться первыя сочиненія Карамзина и въ нихъ обнаружилось стремленіе освѣжить литературныя формы, это нововведеніе сильнѣе всего бросилось въ глаза писателямъ старой школы, и они вооружились на ересь; новость была и въ самомъ содержаніи, и они заключили, что измѣненіе слога, которое они сочли непозволительнымъ нарушеніемъ правилъ и достоинства языка, предполагаетъ и зловредное направленіе писателя. Въ карамзинской манерѣ замѣтно было французское вліяніе; отсюда заключили, что онъ вообще заразился французскимъ духомъ. Шишковъ съ жаромъ доказывалъ, что порча языка свидѣтельствовала о порчѣ нравственной, потому что съ неуваженіемъ къ старинному языку соединялось вообще неуваженіе къ стариннымъ русскимъ добродѣтелямъ, словомъ, вольнодумство и потеря любви къ отечеству. Карамзинъ не отвѣчалъ, но писатели его школы отвѣтили на нападенія Шишкова насмѣш-

ками надъ ошибками его собственнаго слога, которыхъ онъ надѣлалъ въ пылу старовѣрческой ревности.

На дѣлѣ между Шишковымъ и Карамзинымъ, — кромѣ разницы въ языкѣ,—не было существеннаго различія. Впослѣдствіи Шишковъ самъ имѣлъ случай убѣдиться, что въ основныхъ общественныхъ вопросахъ имъ не о чемъ спорить. Ихъ патріотизмъ былъ одинаково консервативный. Оба они писали о любви къ отечеству и говорили въ сущности одно и то же; оба не любили нововведеній и предпочитали старую патріархальность, оба возставали противъ иностранныхъ учителей, которымъ поручалось у насъ воспитаніе, и Шишковъ, конечно, принялъ бы всѣ выводы «Записки» Карамзина. Во внѣшности между ними была разница: въ Шишковѣ было нѣчто церковно-архаическое, Карамзинъ нѣкогда былъ деистомъ и отличался свѣтской образованностью во французскомъ родѣ; Шишковъ въ своей литератуной внѣшности былъ аляповатъ, Карамзинъ всегда приглаженъ, — но при всей этой разницѣ оба приходили къ той же консервативной нетерпимости: Карамзину не помѣшали въ этомъ ни деизмъ, ни «республиканскія» чувства.

Какъ не понялъ Шишковъ самого Карамзина, такъ вообще не понималъ молодыхъ писателей, противъ которыхъ направлялось его обличеніе «новаго слога». Онъ видѣлъ въ нихъ что-то для него новое, въ ихъ писаніяхъ—явный ущербъ старому слогу, но никакъ не могъ понять сущности ихъ мнѣній. Онъ взваливалъ на нихъ такія вещи, въ которыхъ они были совершенно неповинны, — обвинялъ ихъ въ пристрастіи къ французскому, т.-е. революціонному и вольнодумному, чуть не въ измѣнѣ и въ союзѣ съ Наполеономъ. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ литературой въ пользу новаго образованія, въ пользу нѣсколькихъ общихъ гуманныхъ понятій, было ему довольно, чтобы поднять самыя озлобленныя обвиненія...

Такова была тогдашняя война противъ «галломаніи», въ которой ревностные консерваторы находили тогда источникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій: эта война можетъ служить образчикомъ ясности понятій въ большинствѣ общества.

Съ начала Наполеоновскихъ войнъ, когда «россы» потерпѣли нѣсколько пораженій и «громы» оказались недѣйствительными, въ этомъ обществѣ начинается сильное раздраженіе противъ «исчадія революціи» и національная вражда къ французамъ. Воинственный задоръ нѣсколько утихъ, но вражда становилась тѣмъ сильнѣе и у себя дома нашла себѣ

исходъ въ литературномъ обличенiи галломанiи и французскаго воспитанiя. Эту тему начали еще журналы Екатерининскаго времени, нападавшiе на «петиметровъ», воспитанныхъ на французскихъ манерахъ, но никогда она не разработывалась съ такимъ усердiемъ, какъ въ это время. По словамъ обличителей, можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ вся бѣда заключалась только въ пристрастiи къ французскому, что не будь этого, все бы у насъ шло отлично. Обличители, во главѣ которыхъ стояли Шишковъ и Ростопчинъ, видѣли во французскихъ обычаяхъ и воспитанiи язву, которая подкапываетъ всѣ наши добродѣтели. Шишковъ утверждалъ это во всей сердечной простотѣ; насколько эта проповѣдь была искренна и имѣла смыслъ у Ростопчина, можно видѣть изъ того, что этотъ прославляемый писатель, «столь извѣстный у насъ за самаго русскаго», по замѣчанiю о. Морошкина, поощрялъ самую худшую форму галломанiи, когда писалъ хвалебные гимны iезуитскому пансiону аббата Николя[1]).

Люди болѣе разумные осмѣливались замѣчать, что однако не все французское дурно, ссылались въ подтвержденiе на знаменитыхъ французскихъ писателей и т. п., но резоны не помогали и обличенiе галломанiи, какъ обличенiе «новаго слога», превратилось въ преслѣдованiе вольнодумства, представляющее чрезвычайно много сходства съ травлей «интеллигенцiи» впослѣдствiи: даже люди, повидимому честные, вопiяли о воображаемыхъ опасностяхъ отъ вольнодумства, жаловались, что мы забываемъ добрые русскiе нравы и почтенную старину, и считали нашихъ вольнодумцевъ настоящими агентами и союзниками революцiи. Эти люди чувствовали что-то неладное въ общественной жизни, но не были въ силахъ сообразить, что именно неладно и куда оно идетъ, и накидывались на французское влiянiе, какъ на источникъ всего зла. Это былъ дешевый способъ рѣшить вопросъ, не ломая головы, — способъ, который у насъ вообще въ большомъ употребленiи. На дѣлѣ вольнодумство того времени было такъ невинно и его было такъ немного, что говорить объ опасности его для государства было просто нелѣпо. Подражанiе французскимъ обычаямъ въ полуобразованномъ дворянствѣ или страсть къ французскому языку были больше забавны, чѣмъ опасны. Но никто изъ обличителей, и даже изъ тѣхъ, кто спорилъ съ ними, не подумалъ о томъ, отчего

---

[1]) Морошкинъ, Iезуиты, Спб. 1867—70, II, стр. 112 и въ друг. мѣст.

же въ русскомъ обществѣ могла развиться до такой степени эта подражательность и отчего мы такъ легко забывали добрые русскіе нравы. Обличители и ихъ противники не подумали оглянуться на состояніе русскаго общества, которое могло бы объяснить это равнодушіе къ старымъ нравамъ и податливость къ чужому вліянію; они не видѣли, что это было состояніе безпомощное въ умственномъ отношеніи, что въ этой подражательности обнаруживалось, только грубымъ образомъ, желаніе получить какіе-нибудь цивилизованные обычаи, какую-нибудь внѣшность образованія, что французскіе учителя были въ модѣ, потому что русскихъ и вовсе не было. Первый примѣръ подражательности подавалъ старый дворъ восемнадцатаго вѣка, т.-е. именно того времени, когда предполагалось существованіе добрыхъ старыхъ нравовъ; потомъ примѣръ подавало высшее общество, гдѣ иностранные воспитатели были нерѣдко дѣйствительно образованные люди, безъ сомнѣнія, принесшіе свою немалую долю пользы русскому образованію. Средній дворянскій классъ искалъ такого же воспитанія, потому что таковое требовалось и что другого и не было, потому что и власть, и само общество были вовсе невзыскательны относительно образованности, и кое-какого знанія французскаго языка было довольно, чтобы начать дворянскую карьеру. Сами консерваторы находили, что университеты для дворянства не нужны, что «дворяне служатъ», — а на службѣ требовалось хорошее происхожденіе и связи, нѣкоторый лоскъ и французскій языкъ. Было много случаевъ, что брали въ учителя поваровъ и парикмахеровъ, но виноваты были не парикмахеры и повара, а собственное невѣжество людей, которые ихъ не умѣли разобрать, т.-е. невѣжество самого общества.

Съ такимъ характеромъ являются въ литературѣ общественные вопросы. Состояніе общественнаго мнѣнія было не блестящее. Въ образованномъ меньшинствѣ бродили мысли о необходимости улучшеній и преобразованій, было искреннее сочувствіе къ либеральнымъ нововведеніямъ правительства, но какъ самыя нововведенія были нерѣшительны, такъ были нерѣшительны и мнѣнія либеральнаго меньшинства. Приверженцы стараго порядка были смѣлѣе: они видѣли колебанія правительства и перестали слишкомъ опасаться за порядокъ вещей, при которомъ въ прежнее время процвѣтали. Но первые годы царствованія встревожили ихъ спокойствіе, и теперь они отплачивали обличеніемъ французскаго вольнодумства.

Паденіе Сперанскаго развязало руки реакціонной партіи въ высшемъ обществѣ. Въ Сперанскомъ видѣли представителя этого безпокойнаго вольнодумства; на него взвалили всѣ обвиненія, какія могли придумать. Въ его ссылкѣ, сначала въ Нижній, потомъ дальше, въ Пермь, можно было указывать подтвержденіе повсюду распространяемыхъ толковъ объ его «измѣнѣ». Эти безсмысленные толки убѣждали простодушную массу общества, что дѣйствительно люди, хотѣвшіе передѣлывать русскую жизнь, были враги Россіи и союзники революціи. Александръ, въ ожиданіи приближавшейся войны и послѣ удаленія Сперанскаго, остановилъ свои преобразованія и хотя, какъ увидимъ, въ самое время ссылки Сперанскаго съ жаромъ говорилъ о своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ, тѣмъ не менѣе въ его обстановкѣ люди либеральныхъ взглядовъ отступили окончательно на задній планъ.

Не лишенную интереса характеристику русскаго общества этой эпохи оставила, между прочимъ, г-жа Сталь. Загнанная въ 1812 году въ Россію, она въ свое короткое пребываніе въ Москвѣ и Петербургѣ съумѣла вѣрно замѣтить нѣкоторыя существенныя черты русской жизни, — какъ вообще это нерѣдко удается иностраннымъ писателямъ о Россіи, хотя въ подробностяхъ они часто дѣлаютъ грубыя ошибки. Г-жа Сталь вращалась только въ высшемъ кругу, но слова ея часто могутъ относиться и ко всему русскому обществу. Какъ европейская знаменитость, она была встрѣчена въ Россіи съ самымъ любезнымъ гостепріимствомъ и скорѣе была расположена судить о русскомъ обществѣ благопріятно; тѣмъ не менѣе отзывы ея очень недовѣрчивы.

«Большая часть русскихъ аристократовъ, — разсказываетъ она, — говоритъ такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ *иллюзію* относительно степени ума и знаній у людей, съ которыми говоришь. Начало почти всегда показываетъ умнаго человѣка или умную женщину; но въ заключеніе иногда только и находишь одно начало. Въ Россіи не привыкли говорить отъ глубины души или ума; еще недавно русскіе такъ боялись своихъ повелителей, что не могли привыкнуть къ разумной свободѣ, которою они обязаны характеру Александра.

«Образованность распространена еще мало для того, чтобы могло составиться общественное мнѣніе, образуемое мнѣніями каждаго отдѣльнаго лица. У русскихъ слишкомъ увлекающійся характеръ, чтобы они могли любить *идеи*, а

особенно идеи отвлеченныя: ихъ занимаютъ только *факты;* у нихъ еще нѣтъ ни времени, ни вкуса на то, чтобы переводить эти факты въ общія понятія. Да притомъ всякая сильная мысль всегда болѣе или менѣе опасна среди двора, гдѣ люди подстерегаютъ другъ друга и всего чаще завидуютъ другъ другу».

Она восхваляетъ любезность русскихъ вельможъ, напр., Ростопчина, Румянцова, Орлова, Нарышкина и т. д., описываетъ великолѣпные праздники и всякія развлеченія, въ которыхъ проводитъ время аристократическое общество. «Восточное молчаніе, — продолжаетъ она, — превратилось у русскихъ въ любезныя слова, но эти слова обыкновенно не проникаютъ до сущности вещей. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ; но, въ концѣ концовъ, въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ».

Русское общество, особенно высшая аристократія, гораздо менѣе либерально, чѣмъ самъ императоръ. «Привыкнувъ быть абсолютными господами своихъ крестьянъ, они хотятъ, чтобы монархъ въ свою очередь былъ всемогущимъ, чтобы поддерживать іерархію деспотизма».

Образованность даже высшаго сословія показалась ей весьма неполной, даже ограниченной. Она съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣчала, что «дворяне служатъ», не успѣвши получить никакого правильнаго образованія, что всѣ дворяне идутъ обыкновенно въ военную службу и «образованіе кончается въ 15 лѣтъ»[1]. Это еще понятно было въ то время, при военныхъ обстоятельствахъ, но — «въ болѣе спокойное время справедливо можно было бы сказать, что въ гражданскомъ отношеніи во внутреннемъ управленіи Россіи есть *большіе пробѣлы.* У націи есть энергія и величіе; но *порядка*

---

[1] Въ письмахъ Евгенія Болховитинова (въ маѣ 1804) читаемъ: „Вы все дожидаетесь открытія харьковскаго университета, но и открытые *едва дышатъ* о сю пору. *Ни учить, ни учиться некому.* Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія (т. е. съ приготовительнымъ ученьемъ). Кто-жъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ", и пр. (Р. Арх. 1870, стр. 838). Эту дворянскую „службу" Карамзинъ, какъ мы видѣли, считалъ совершенно въ порядкѣ вещей и „ученое сословіе" предполагалъ всего лучше устроить изъ мѣщанства!

и образованности часто еще недостаетъ и въ правительствѣ, и въ частной жизни». Она ожидала, что по возстановленіи мира императоръ займется улучшеніемъ своей страны въ этихъ отношеніяхъ.

Нравы съ прошлаго столѣтія улучшились подъ вліяніемъ новаго двора, — «но и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, принципы нравственности не установились хорошенько въ головахъ русскихъ. Вліяніе повелителя было всегда такъ сильно, что съ перемѣной царствованія могутъ перемѣниться всѣ понятія обо всѣхъ предметахъ».

Свойство правленія сдѣлало русскихъ крайне робкими и сдержанными. «Эта сдержанность была, въ разныя царствованія, слишкомъ необходима для нихъ, и ей надо приписать недостатокъ правдивости, въ которомъ ихъ обвиняютъ. Утонченности цивилизаціи вездѣ вытѣсняютъ искренность характера; но когда государь имѣетъ неограниченную власть ссылать, сажать въ тюрьму, посылать въ Сибирь и пр., и пр., его могущество есть уже нѣчто слишкомъ сильное для человѣческой природы. Можно было бы встрѣтить людей, которые изъ гордости пренебрегали милостями, но надо имѣть героизмъ, чтобы идти на преслѣдованіе, а героизмъ не можетъ быть качествомъ всѣхъ». Это не относится къ настоящему царствованію, — замѣчаетъ г-жа Сталь, — «но подданные сохраняютъ *недостатки рабства* долго послѣ того, какъ даже самъ государь хотѣлъ бы уничтожить въ нихъ эти недостатки»[1]).

Остальныя ступени общества отличались тѣмъ же отсутствіемъ самостоятельности и недостаткомъ прочнаго образованія. Только небольшой кругъ общества чувствовалъ потребность въ лучшемъ порядкѣ вещей; теперь и онъ долженъ былъ замолчать. Либеральное направленіе было подавлено съ паденіемъ Сперанскаго; программа Карамзина могла бы осуществиться, если бы великое историческое потрясеніе не дало жизни новаго толчка, который снова пробудилъ въ ней засыпавшія силы. Это потрясеніе произвелъ Двѣнадцатый годъ.

Война Двѣнадцатаго года была изъ тѣхъ великихъ войнъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память и производятъ сильное дѣйствіе на народную жизнь. Таковы бываютъ тѣ войны, въ которыхъ выражается извѣстное историческое

[1]) Dix années d'exil. Brux, 1821, стр. 226—227, 231—232, 238—240.

начало, сильно затрогивающее народныя понятія, или рѣшается вопросъ національной независимости, — войны, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является не одна армія, но и народъ. Со временъ Петра, когда Россія завоевала свое положеніе въ системѣ европейскихъ государствъ, не было войны, которая бы такъ сильно повліяла на національное сознаніе. Войны прошлаго вѣка, турецкія, польскія, шведскія, прусскія и т. д., имѣли большое внѣшнее политическое значеніе, но оставались довольно безразличными для народа, тѣмъ болѣе еще, что шли обыкновенно внѣ предѣловъ Россіи: къ народу доносилась темная молва о событіяхъ, оставалось нѣкоторое сознаніе силы русскаго царства, но вообще народъ былъ довольно чуждъ къ этимъ войнамъ, резонъ которыхъ былъ для него неизвѣстенъ, и чувствовалась только тягость. Не то было теперь. Нѣсколько предыдущихъ войнъ уже сдѣлали имя Наполеона извѣстнымъ всякому: неудачи русскаго войска, прежде почти неизмѣнно побѣждавшаго, а теперь нерѣдко побѣждаемаго, внушали тревожное опасеніе, которое переходило, наконецъ, въ національную ненависть къ врагу. Въ обществѣ стали раздаваться озлобленные голоса противъ французовъ и противъ пристрастія къ нимъ многихъ русскихъ; эта ненависть стала сообщаться и народу. Начало войны отвѣчало ожиданіямъ. Наполеонъ пришелъ съ арміей, которая своей громадностью подтверждала опасенія, что она предназначена, если не покорить Россію, то много отнять у нея. Ходъ войны, разрушеніе городовъ, страшное истребленіе людей, занятіе Москвы, не видавшей непріятеля со временъ междуцарствія, пожаръ первопрестольной столицы, все это производило потрясающее дѣйствіе и дало войнѣ страшный видъ борьбы за существованіе. Среди всѣхъ пораженій и бѣдствій народъ не упалъ духомъ; напротивъ, опасность, въ которой понадобилась его прямая помощь, подняла его; исходъ войны, — отступленіе и истребленіе Наполеоновской арміи, — усилилъ въ обществѣ и даже въ народѣ пробудившееся чувство національнаго достоинства...

Война Двѣнадцатаго года стала великимъ національнымъ событіемъ. Упорство и единодушіе борьбы свидѣтельствовали о сильномъ народномъ чувствѣ; война должна была подѣйствовать на современниковъ, какъ общее дѣло, въ которомъ приняли участіе всѣ слои народа, и осталась историческимъ воспоминаніемъ, которое поддерживало вѣру въ силы народа и въ его будущее. Наконецъ, война, указывавшая такую

національную энергію, произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ, пріобрѣла Россіи извѣстныя симпатіи и, въ особенности, содѣйствовала той роли, какую Россія занимала въ теченіе послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ.

Труднѣе опредѣлить частное значеніе этой войны и ея непосредственныя послѣдствія въ общественномъ отношеніи.

Въ разныхъ слояхъ народа и общества война подѣйствовала различно. Въ народной массѣ ненависть къ нашествію приняла религіозно-суевѣрный оттѣнокъ; книжники и грамотѣи открыли, что Наполеонъ, въ имени котораго скрывается апокалиптическое число, есть воплощеніе Антихриста, который пришелъ съ войскомъ нехристей истреблять народъ и вѣру. Это убѣжденіе, которое народъ сохранилъ надолго, еще усиливало ненависть къ французамъ долей религіознаго фанатизма. Общая опасность, грозившая цѣлой націи, произвела единодушіе, какого никогда не видала русская жизнь въ обыкновенное время. Всѣ соединялись въ пожертвованіяхъ, всѣ готовы были вооружаться. Записки того времени разсказываютъ о «добромъ согласіи между всѣми состояніями», объ «общемъ братствѣ». Народная сила дѣйствовала по своимъ инстинктамъ и оказала великую помощь усиліямъ правительства. «Всѣ распоряженія и усилія правительства, — замѣчаетъ одинъ современникъ,—были бы недостаточны..., если бы народъ попрежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы... Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ... Конечно, никогда прежде и никогда послѣ не былъ онъ [императоръ Александръ] такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время; въ это время онъ его любилъ и уважалъ»[1]). Другой современникъ разсказываетъ, что по изгнаніи непріятеля крестьяне, также по-своему воевавшіе съ французами, думали, что ихъ усилія и жертвы даютъ имъ право на свободу, и между ними стали оказываться случаи неповиновенія. Правительство показало здѣсь большую умѣренность; но прежній порядокъ былъ мало-по-малу возстановленъ. «Если бы русская армія,—прибавляетъ

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, стр. 1.

тотъ же авторъ, — заключала тогда въ себѣ тѣ элементы прогресса, зародыши которыхъ она представила впослѣдствіи, то попытки освобожденія, вѣроятно, обнаружились бы не только между крѣпостными, — такъ велико было въ русскомъ народѣ, въ эту минуту, чувство своей силы и своего достоинства» [1]).

Но это чувство, какъ и другія движенія, возбужденныя событіями въ народной массѣ, не имѣли дальнѣйшаго дѣйствія. Война, вызвавшая столько жертвъ со стороны народа, не сдѣлала никакой перемѣны въ его положеніи, ничѣмъ не улучшила его судьбы. «Чувство достоинства» заглохло снова, и этотъ печальный результатъ понятенъ: народъ стоялъ только за свою національную цѣлость, руководился однимъ инстинктомъ самосохраненія, но ни прежде, ни послѣ онъ не былъ въ силахъ заявить о другихъ своихъ интересахъ, и ничто пока не обѣщало ему лучшаго порядка вещей. Народная жизнь вскорѣ вернулась на старую колею...

Относительно другихъ слоевъ общества вліяніе Двѣнадцатаго года было несомнѣнно глубже. Давно стали сознавать у насъ, что Двѣнадцатый годъ былъ эпохой въ исторіи нашего внутренняго развитія въ томъ отношеніи, что съ него начинается сильный поворотъ къ національному сознанію, что русская жизнь съ этого времени, оставивъ прежнюю подражательность, выходитъ на дорогу народности, что литература съ этихъ поръ принимаетъ національный характеръ, и первый поэтъ, выросшій подъ впечатлѣніями знаменательнаго времени, былъ Пушкинъ.

Дѣйствительно, Двѣнадцатый годъ оказалъ сильное вліяніе въ подобномъ смыслѣ; но, опредѣляя точнѣе факты, вѣрнѣе было бы сказать, что это оживленіе русскаго общества произведено было не однимъ взрывомъ народнаго возстанія противъ нашествія, но цѣлымъ періодомъ войнъ противъ Наполеона, и далѣе, что эта эпоха не кончила періода заимствованій, и, напротивъ, даже усилила европейскія вліянія, но въ то же время, и это главное, навела русское общество на его внутренніе вопросы, углубила инстинкты національнаго достоинства и общественности, которые и были зародышемъ позднѣйшаго движенія въ смыслѣ такъ называемой «народности». Первый толчекъ былъ данъ внутреннимъ потрясеніемъ и экзальтаціей Двѣнадцатаго года, но

---

[1]) См. Н. И. Тургеневъ, „Россія и Русскіе“, М. 1915, стр. 17—18.

потомъ еще усиленъ событіями послѣдующихъ годовъ и сближеніемъ съ Европой, которыя открывали новый путь для вліяній европейскаго либерализма. Результатомъ движенія не была, однако, народность въ томъ смыслѣ патріархальной старины, какъ ее часто понимаютъ и какъ ее тогда призывали одинаково Карамзинъ и Шишковъ. Напротивъ, событія вызвали и возбудили въ обществѣ броженіе самыхъ разнообразныхъ элементовъ нравственныхъ и общественно-политическихъ, которое, въ молодыхъ поколѣніяхъ того времени, обратилось къ вопросамъ русской жизни именно съ политической точки зрѣнія, и рѣшало ихъ не въ смыслѣ стараго преданія, какъ его защищалъ Карамзинъ, а въ смыслѣ европейскихъ политическихъ идей, которыя привились въ русскомъ обществѣ преимущественно послѣ Наполеоновскихъ войнъ отъ тѣснаго сближенія съ европейскою жизнью, отъ вліянія идей, наполнявшихъ само европейское общество.

Ближайшимъ слѣдствіемъ войны было то, что она вызвала и раздула ненависть къ иностранцамъ, къ французамъ и нѣмцамъ, которые доставили главный контингентъ нашествія: эта ненависть была всеобщая, не только въ народѣ, но и въ среднемъ, даже высшемъ классѣ. Подозрителенъ сталъ даже Барклай-де-Толли. Въ Россію прибыло и поступило въ русскую армію много нѣмецкихъ, особенно прусскихъ офицеровъ, покидавшихъ родину, чтобы сражаться противъ Наполеона; составлялся даже цѣлый нѣмецкій легіонъ, — но положеніе этихъ иностранцевъ было очень трудное все время, пока война шла въ Россіи; имъ не вѣрили и ихъ подозрѣвали. Общій голосъ потребовалъ, чтобы главнокомандующимъ былъ русскій генералъ; указывали на Кутузова, и Александръ долженъ былъ уступить, хотя лично Кутузова не любилъ. Въ обществѣ произошло мнимое возвращеніе къ народности, стало входить въ моду все русское; люди, весь вѣкъ говорившіе по-французски, стали говорить по-русски; барыни стали носить сарафаны и кокошники; губернаторы и ихъ чиновники надѣвали ополченскіе мундиры и т. п.

Въ литературѣ патріотическое одушевленіе выразилось одами стараго поколѣнія и романтической поэзіей новаго. Среди старомодныхъ шумливыхъ и хвастливыхъ одъ слышались истинно-поэтическіе отголоски общественнаго одушевленія, какъ, напр., въ «Пѣвцѣ» Жуковскаго. Цѣлую патріотическую пропаганду предпринялъ Глинка, «первый ратникъ московскаго ополченія», едва ли не самый характерный пред-

ставитель этого стиля тогдашней литературы. Очень популярный въ народной массѣ, безкорыстный патріотъ, немного взбалмошный, но смѣлый «гражданинъ», поклонникъ и защитникъ всего русскаго и довольно образованный, чтобы въ другое время не остаться слѣпымъ къ тому, что дѣлалось въ русской жизни, Глинка представлялъ собой то смѣшеніе горячаго патріотизма съ довѣрчивымъ простодушіемъ, которыхъ было много въ тогдашнемъ общественномъ настроеніи и которые потомъ принесли такъ мало дѣйствительныхъ результатовъ для улучшенія внутреннихъ порядковъ. «Русскій Вѣстникъ» Глинки посвященъ былъ возбужденію національнаго чувства и любви къ отечеству, восхваленію патріотическихъ подвиговъ, превознесенію доблестей русской старины и т. п. Это послѣднее онъ продолжалъ и потомъ, и если его патріотическая пропаганда заслуживала полнаго сочувствія и была совершенно естественна въ минуту опасности, то его ретроспективный патріотизмъ, его «бесѣда съ праотцами» бывала въ самомъ началѣ смѣшна: сравненіе мнѣній боярина Матвѣева съ философіей Локка, сравненіе «Кормчей» съ Солономъ, Шатобріаномъ и Монтескьё нравились многимъ «почтеннымъ старикамъ», читавшимъ его журналъ, но другіе только поднимали Глинку на-смѣхъ. Графъ Ростопчинъ взялся также обличать французовъ и восхвалялъ простыя русскія добродѣтели: его читали и онъ нравился, — въ то время не замѣчали натянутой манерности мнимо-народнаго прибауточнаго языка, которымъ онъ писалъ свои филиппики. Народность Ростопчина, поддѣльная и преувеличенная, не мѣшала ему, какъ мы замѣтили, восхвалять іезуитскіе пансіоны для русскаго знатнаго юношества, быть самымъ ревностнымъ защитникомъ крѣпостного права и въ сущности ровно ничего не желать для блага народа. Онъ былъ крайній консерваторъ, т.-е. человѣкъ, у котораго не было никакой серьезной мысли объ улучшеніи существующаго порядка; впослѣдствіи, удалившись изъ Россіи, онъ держалъ себя въ нѣкоторой оппозиціи, — какъ человѣкъ умный, Ростопчинъ видѣлъ слабыя стороны правленія и новыхъ предпріятій императора Александра, — но едва ли не главный источникъ его оппозиціи была неудача плановъ его собственнаго честолюбія. Третій рьяный защитникъ благочестивой страны, не мудрствующей народности и врагъ всего иноземнаго былъ Шишковъ. Въ свои свѣтлыя, спокойныя минуты Шишковъ съ большой разсудительностью говорилъ о необходимости

русскаго воспитанія, о необходимости для русскихъ знать свой народъ и свою исторію. Въ его мнѣніяхъ бывали нерѣдко преувеличенія, странности, многое онъ понималъ крайне ограниченно, но, очищенныя отъ этого сора, его мнѣнія представляли много справедливаго, и искреннее чувство его угадывало и нѣкоторыя дѣйствительныя потребности русскаго образованія. Что же онъ вынесъ теперь изъ этихъ событій? Послѣ войны Двѣнадцатаго года Шишковъ убѣдился, что его литературные противники дѣйствительно вели отечество къ погибели. Слѣдующій отрывокъ изъ письма его къ одному пріятелю въ 1813 г. наглядно показываетъ, какъ онъ понималъ свое ревнованіе за старый слогъ и чѣмъ онъ считалъ своихъ противниковъ: «Вы знаете, — говорилъ онъ, — какъ господа *Вѣстники* и *Меркуріи* противъ меня возстали[1]... Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество... Тогда они могли такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ поневолѣ воздерживаться; но теперь *я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы* и громко имъ сказалъ: *вотъ чего вы хотѣли!* Богъ не наказалъ насъ, но послалъ милость свою къ намъ, ежели сожженные города наши сдѣлаютъ насъ русскими». Нелегко представить себѣ процессъ мысли, которымъ Шишковъ дошелъ до столь твердаго убѣжденія, что Каченовскій и Макаровъ хотѣли обращенія Москвы въ пепелъ.

Такъ путались въ то время вообще впечатлѣнія и выводы, внушенные событіями. Съ ребяческими разсужденіями, съ наивнымъ или надутымъ самохвальствомъ соединялось и теплое патріотическое чувство, народная гордость и стремленіе къ общественному благу или инстинктивное чувство общественной потребности. Дальнѣйшіе результаты были столь же сложные: одни еще больше бросались въ тупое упрямство застоя, для другихъ начиналась новая школа общественныхъ понятій.

Рядомъ съ этимъ патріотическимъ движеніемъ начинались новыя связи съ либерализмомъ или закрѣплялись прежнія. Война Двѣнадцатаго года приводила къ новому сближенію съ Европой, и уже въ это время видимъ первые примѣры

---

[1] Рѣчь идетъ о журналахъ „Сѣверный Вѣстникъ“ (1804—1805) и „Московскій Меркурій“ (1803). Издателемъ перваго былъ извѣстный Ив. Мартыновъ, переводчикъ классиковъ, и статья противъ Шишкова была писана Каченовскимъ; издателемъ второго былъ П. Макаровъ.

той тѣсной связи съ европейскими дѣлами и людьми, которая потомъ оказала сильное вліяніе на умы образованнѣйшаго молодого поколѣнія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Съ самаго начала Наполеоновскихъ войнъ императоръ Александръ принималъ живое участіе въ европейской политикѣ, руководясь иногда не столько интересами Россіи, сколько желаніемъ имѣть рѣшающій голосъ въ европейскихъ дѣлахъ. Ко времени послѣдней войны Наполеонъ деспотически господствовалъ надъ большей частью западной Европы, и война Двѣнадцатаго года съ самаго начала представлялась Александру не только какъ защита Россіи, но и какъ освобожденіе Европы отъ ига. Отсюда начинаются довольно характерныя отношенія императора Александра со Штейномъ.

Знаменитый министръ, которому новая Пруссія такъ много обязана своимъ возвышеніемъ, потому что его либеральныя реформы въ первый разъ и энергично открыли для страны, стоявшей на краю гибели послѣ страшнаго іенскаго пораженія, истинный и единственный путь къ спасенію въ развитіи внутреннихъ силъ народа, — какъ извѣстно, долженъ былъ удалиться изъ Пруссіи въ 1808 г., по требованію Наполеона, который справедливо опасался, что дѣятельность Штейна снова можетъ сдѣлать Пруссію опаснымъ врагомъ. Штейнъ былъ безспорно однимъ изъ величайшихъ государственныхъ людей Пруссіи. Онъ принадлежалъ къ высшей феодальной аристократіи, но, несмотря на нѣкоторый аристократическій оттѣнокъ его мнѣній, обширный и благородный умъ ставилъ его выше пошлыхъ предразсудковъ касты. Его любовь къ народу, искреннее желаніе народнаго блага были рѣдкимъ феноменомъ между тогдашними государственными людьми; его реформы, съ которыхъ Пруссія считаетъ свою новѣйшую исторію, были реформами чисто демократическими. Впослѣдствіи на Вѣнскомъ конкурсѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ феодальной аристократіи и не скрывалъ своего презрѣнія въ массѣ владѣтельныхъ принцевъ, чаявшихъ тогда движенія воды, т.-е. возвращенія своего феодальнаго господства. Теперь онъ видѣлъ полное безсиліе правительствъ противъ Наполеона и ожидалъ освобожденія только отъ возстанія самихъ народовъ, за которыми и должна была остаться эта завоеванная ими свобода. Энергичный и въ высшей степени независимый характеръ давалъ особенную силу его мнѣніямъ и словамъ: онъ высказывалъ правду тамъ, гдѣ всѣ молчали, и если не

всегда убѣждалъ другихъ, то, по крайней мѣрѣ, не уступалъ ея и самъ не измѣнялъ ей. Когда основался нѣмецкій Тугендбундъ, «Союзъ добродѣтели», направленный противъ французскаго владычества, то сильно было распространено мнѣніе, что тайнымъ главою «Союза» былъ именно Штейнъ.

Послѣ іенскаго пораженія и войны 1807 года нѣмцы начали поступать въ русскую службу; въ Двѣнадцатомъ году число такихъ выходцевъ стало еще больше, и между ними были извѣстныя потомъ имена, какъ напр., замѣчательный партизанъ Теттенборнъ, Клаузевицъ, Вольцогенъ, Мюффлингъ, эксцентричный генералъ Пфуль и другіе. Всѣ шли въ Россію, чтобы сражаться за свою національную свободу. Въ началѣ 1812 года императоръ Александръ, какъ говорятъ, вспомнилъ въ критическую минуту нѣсколько пророческихъ словъ, сказанныхъ ему Штейномъ наканунѣ тильзитскаго мира, и послалъ къ нему приглашеніе пріѣхать въ Россію. Любопытны выраженія его письма, написаннаго 27 марта 1812 года, слѣдовательно, черезъ десять дней послѣ удаленія Сперанскаго. «Рѣшительныя обстоятельства настоящей минуты,— писалъ императоръ Александръ къ Штейну,—должны соединить всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ *друзей человѣчества и либеральныхъ идей*. Дѣло идетъ о томъ, чтобы *спасти ихъ отъ варварства и рабства*, которыя готовятся поглотить ихъ... Друзья добродѣтели и всѣ, одушевленные чувствомъ независимости и любви къ человѣчеству, заинтересованы въ успѣхѣ этой борьбы». Александръ говорилъ о блестящихъ заслугахъ Штейна и просилъ его совѣтовъ изъ-за границы или въ Россіи, куда онъ его призывалъ. «Я прошу васъ,—продолжалъ онъ,—зрѣло обдумать важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и сдѣлать то, что покажется вамъ наиболѣе полезнымъ для великаго дѣла, которому принадлежимъ *мы оба*. Я не имѣю нужды увѣрять васъ, что вы будете приняты въ Россіи съ отверстыми объятіями».

Письмо императора дошло къ Штейну въ Троппау только 10-го мая; черезъ нѣсколько дней онъ отвѣчалъ Александру; 27-го онъ выѣхалъ въ Россію и 12-го іюня былъ въ Вильнѣ; оттуда онъ отправился вслѣдъ за императоромъ въ Москву, наконецъ въ Петербургъ. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Вильну, онъ представилъ Александру записку о томъ, какъ воспользоваться для дѣла силами Германіи. Онъ изображалъ угнетеніе Германіи, ожесточеніе ея противъ французскаго господства, но указывалъ

вмѣстѣ съ тѣмъ, что народъ видитъ, какъ его независимость, жизнь и собственность покинуты его государями, которые его предавали изъ своей личной выгоды. Штейнъ совѣтовалъ поддерживать этотъ духъ недовольства, мѣшать дѣйствіямъ Наполеона и возбудить наконецъ открытое сопротивленіе. Онъ совѣтовалъ поддерживать литературную пропаганду противъ Наполеона и предлагалъ разныя другія мѣры противодѣйствія французамъ.

Воззваніе къ нѣмцамъ составлено было Штейномъ и, смягченное Александромъ, напечатано было отъ имени главнокомандующаго Барклая-де-Толли: оно призывало нѣмцевъ въ нѣмецкій легіонъ, составлявшійся въ Россіи «для завоеванія свободы Германіи». Особый комитетъ для образованія нѣмецкаго легіона, подъ предсѣдательствомъ герцога Ольденбургскаго, состоялъ изъ Штейна, Кочубея и Ливена. При самомъ началѣ работъ Штейнъ радикально не сошелся съ герцогомъ Ольденбургскимъ, такъ что Александръ разрѣшилъ Штейну вести дѣло только съ Ливеномъ и Кочубеемъ. Они разошлись на вопросѣ о феодальныхъ владѣльцахъ и о тайныхъ обществахъ. Герцогъ хотѣлъ поставить за правило, что въ предлагаемыхъ дѣйствіяхъ въ Германіи не слѣдуетъ возбуждать народа и обращаться прямо къ нему, а что изгнанные государи должны чрезъ своихъ подданныхъ стараться о возстановленіи своихъ прежнихъ владѣній; и во-вторыхъ, что не слѣдуетъ при этихъ дѣйствіяхъ пользоваться тайными обществами. Объ изгнанныхъ государяхъ, т.-е. о множествѣ нѣмецкихъ феодаловъ, къ которымъ принадлежалъ и герцогъ, Штейнъ отозвался очень язвительно; о тайныхъ обществахъ онъ говорилъ съ пренебреженіемъ: они были ничтожны, но если бы нашлись въ нихъ хорошіе люди, онъ не отказывался ими воспользоваться и готовъ былъ извинить ихъ слабость къ таинственности. Такимъ образомъ, герцогъ хотѣлъ легитимнаго возстановленія феодаловъ; Штейнъ разсчитывалъ только на общество и народъ, въ ихъ собственномъ интересѣ. Составленіе нѣмецкаго легіона шло, однако, медленно, потому что стало уже чувствоваться недружелюбное къ иностранцамъ настроеніе русскихъ[1]).

Съ цѣлью литературной пропаганды Штейнъ вызвалъ въ Россію Э. М. Арндта, столь извѣстнаго впослѣдствіи нѣ-

---

[1]) Pertz, Stein's Leben, III, 68, 77, 99, 115, 135, 599. См. также La Russie. I, 420, 426.

мецкаго патріота, автора знаменитой пѣсни о «нѣмецкомъ Рейнѣ». Въ своихъ воспоминаніяхъ Арндтъ разсказываетъ о томъ чрезвычайномъ возбужденіи, въ которомъ находились Пруссія и Берлинъ передъ началомъ войны 1812 года. Общество волновалось самыми разнообразными мнѣніями и чувствами: это былъ гнѣвъ, ненависть, надежды, отчаяніе, ожиданія — гдѣ разразится гроза, на чью сторону станетъ король, куда надо стать каждому; въ обществѣ сказывалось то самобытное движеніе, которое потомъ дало главныя средства для борьбы съ Наполеономъ. Въ Россіи, куда Арндтъ попалъ уже окольнымъ путемъ, онъ встрѣтилъ патріотическій энтузіазмъ. «Во всемъ народѣ, — говоритъ онъ, — была необыкновенная жизнь и движеніе» [1]).

Въ Петербургѣ Арндтъ работалъ подъ руководствомъ Штейна, занимался дѣлами нѣмецкаго легіона, разной перепиской и дешифровкой писемъ, составленіемъ политическихъ памфлетовъ и книжекъ [2]).

Другой писатель, котораго рекомендовалъ Штейнъ и трудами котораго воспользовались въ это время, былъ извѣстный въ свое время публицистъ, Теодоръ Фаберъ. Рижскій уроженецъ (род. 1768 г.), Фаберъ учился въ Германіи; затѣмъ революція захватила его во Франціи, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ, между прочимъ, на военной и гражданской службѣ республикѣ, былъ журналистомъ, наконецъ, при Наполеонѣ нашелъ возможность покинуть Францію и переселиться въ Россію. Во французской службѣ онъ успѣлъ прекрасно изучить механизмъ и свойства Наполеоновскаго правленія и, покинувъ Францію, написалъ «Замѣтки о внутреннемъ состояніи Франціи» («Notices sur l'intérieur de la France, écrites en 1806»); онѣ были изданы въ Петербургѣ, но ихъ распространенію помѣшалъ, кажется, наступившій тѣмъ временемъ тильзитскій миръ. Теперь Штейнъ совѣтовалъ, между прочимъ, перевести сочиненіе Фабера на нѣмецкій языкъ для

---

[1]) Arndt, Erinnerungen aus dem äusseren Leben, 3-te Aufl. 1842, стр. 120, 144.

[2]) Такъ онъ издалъ въ Петербургѣ: Die Glocke der Stunde. St.-Pet. 1812 (было потомъ еще два изданія въ Германіи, 1813); Historisches Taschenbuch für das J. 1813 (цензура 26 ноября 1812); Katechismus für den deutschen Krieg-und Wehrmann (потомъ съ нѣкоторыми перемѣнами въ „Германіи", потомъ въ Кёльнѣ 1815, и, наконецъ, въ Kleine Schriften, 1845, I); Kurze und wahrhafte Erzählung von Napoleon Bonapartens verderblichen Anschlägen, von seinen Kriegen in Spanien und Russland etc. Germanien, 1813, и пр.

распространенія его въ Германіи и пригласить Фабера къ новой публицистической дѣятельности. Въ іюлѣ 1812 г. Кочубей вступилъ въ сношенія съ Фаберомъ, который и хотѣлъ заняться второй частью своего сочиненія, не конченнаго прежде по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и другими публикаціями. Не знаемъ, былъ ли сдѣланъ нѣмецкій переводъ книги Фабера, рекомендованной Штейномъ, но въ 1813 году вышелъ русскій переводъ сочиненія подъ заглавіемъ, соотвѣтствовавшимъ настроенію времени[1]. Въ 1813 году Фаберу поручена была, вмѣстѣ съ аббатомъ Могеномъ, редакція офиціозной газеты «Conservateur Impartial»[2].

Арндтъ не остался чуждымъ и русской политической литературѣ. Подъ вліяніемъ совѣтовъ Штейна правительство не только воспользовалось писателями иностранными, но рѣшилось употребить политическую пропаганду и въ русской литературѣ. Въ концѣ 1812 года съ такой цѣлью основанъ былъ «Сынъ Отечества», издававшійся Гречемъ, и въ немъ отдѣлъ «Воззваній и приглашеній» начатъ былъ статьей Арндта «Гласъ истины»[3]. Не знаемъ, насколько простиралось участіе Арндта въ этомъ изданіи, но въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ еще о своихъ сношеніяхъ съ Шишковымъ, въ то время государственнымъ секретаремъ. «Ему разсказывали обо мнѣ какъ о гремящей военной трубѣ, — говоритъ Арндтъ, — онъ прочелъ нѣсколько моихъ напечатанныхъ мелочей: отчасти на нѣмецкомъ (который, впрочемъ, онъ зналъ мало), отчасти во французскомъ переводѣ, и вслѣдствіе того, когда ему надо было писать для публики и народа воззванія и извѣстія о непріятелѣ, онъ звалъ меня на помощь»[4]. Арндтъ съ сочувствіемъ говоритъ о патріотическомъ одушевленіи Шишкова, котораго онъ изображаетъ чрезвычайно подвижнымъ, живымъ, шутливымъ старикомъ.

---

[1] „Бичъ Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія нынѣшняго повелителя французовъ", переводъ Г. Я. (Яценкова?). Спб. 1813.

[2] О сношеніяхъ съ Фаберомъ см. Pertz, III, 70, 614, 699; V. Wolzogen, Memoiren, Leipzig, 1851, стр. 48.

[3] „Сынъ Отечества". 1812, 2-е изд., стр. 1—15. Между прочимъ, Арндтъ еще проклинаетъ Наполеона за сожженіе Москвы и опровергаетъ французовъ, которые обвиняли въ этомъ сожженіи русскихъ.

[4] Arndt, Erinnerungen, 115—152; Meine Wanderungen und Wandelungen mit Stein, изд. 1869, стр. 27—28. Быть можетъ, здѣсь идетъ рѣчь о томъ, что печаталось въ „Сынѣ Отечества".

Одинъ русскій современникъ говоритъ, что мысль воспользоваться литературой для политическихъ цѣлей именно внушена Штейномъ. «Никто у насъ не умѣлъ или, лучше сказать, *не смѣлъ* отважно и основательно писать о политическихъ дѣлахъ. Газеты, издаваемыя отъ правительства или отъ правительственныхъ мѣстъ, разсказывали о происшествіяхъ, не позволяя себѣ никакихъ сужденій; не только о другѣ Наполеонѣ, даже о *злодѣѣ Бонапартѣ* говорили съ нѣкоторою *почтительностію* и *робостію*. Самые, такъ называемые, литературные журналы наши почти не выходили изъ предметовъ словесности, а когда изрѣдка случалось имъ коснуться до происходящаго въ Европѣ, тотчасъ окрашивались они какимъ-то *оффиціальнымъ колоритомъ*». Назвавъ Штейна и Арндта и отозвавшись неодобрительно объ ихъ вольнодумствѣ и ихъ совѣтахъ употребить «магическое слово—вольность» для возбужденія европейскихъ народовъ, авторъ продолжаетъ: «Какъ бы то ни было, ученые и восторженные нѣмцы нашли, что наступило уже время *откровенно говорить съ просвѣщенною частію жителей* и, чтобы взволновать до дна океанъ народовъ, населяющихъ Россію, необходимо приступить немедленно къ изданію политическаго журнала... Портфели Арндта наполнены были неизданными проклятіями на Наполеона... Нѣмецъ Гречъ избранъ былъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться *Сынъ Отечества*. Кажется, это было около половины ноября; ибо въ началѣ декабря уже читалъ я съ жадностію жиденькія книжки его, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшеныхъ, статей»...[1]). Тотъ же авторъ приписываетъ иностранному образцу и появленіе извѣстныхъ Теребеневскихъ каррикатуръ на Наполеона[2]).

Отдача Москвы глубоко опечалила Александра. При дворѣ образовалась цѣлая партія, говорившая о невозможности бороться съ Наполеономъ: о мирѣ громко говорила императрица Марія, в. кн. Константинъ, Аракчеевъ, Румянцовъ. Штейнъ оставался тѣмъ же непримиримымъ врагомъ Наполеона, и его твердость, повидимому, имѣла на Александра свое дѣйствіе[3]). Какъ высказывался въ русскомъ высшемъ

---

[1]) Записки Вигеля, II, IV, 71—72.

[2]) Эти знаменитыя каррикатуры, составлявшія въ послѣднее время великую рѣдкость, воспроизведены въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки", Спб. 1881, пять томовъ и атласъ рисунковъ.

[3]) Мы не находимъ возможнымъ оспаривать безусловно показа

свѣтѣ этотъ характеръ, можно судить по слѣдующему разсказу, который передаютъ біографы Штейна. По выступленіи французовъ изъ Москвы, когда въ Петербургѣ распространилась большая радость, Штейнъ былъ приглашенъ на обѣдъ ко двору. Императрица Марія, которая еще недавно такъ настаивала на мирѣ, много говорила о великомъ событіи и, наконецъ, сказала: «Право, если хоть одинъ человѣкъ изъ французской арміи вернется за Рейнъ на родину, я буду стыдиться, что я нѣмка!» Штейнъ поблѣднѣлъ и, тотчасъ вставши отвѣчалъ: «В. в. очень не правы, когда говорите это, и притомъ передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ. Вамъ надо было сказать не то, что вы будете стыдиться за нѣмцевъ, а надо было назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я жилъ на Рейнѣ въ 1792, 1793, 1794, 1795, 1796 и т. д. Честный нѣмецкій народъ не былъ виноватъ; если бы ему довѣряли, если бы съумѣли воспользоваться имъ, ни одинъ французъ не перешелъ бы за Эльбу, не говоря уже за Вислу или за Днѣпръ». Императрица сначала смутилась отъ этихъ рѣзкихъ словъ, но потомъ оправилась и съ достоинствомъ отвѣчала: «Быть можетъ, вы правы, баронъ; благодарю васъ за урокъ».

Въ перепискѣ Штейна остались слѣды его дружескихъ отношеній и нравственнаго вліянія въ русскомъ обществѣ. Отголосокъ этого сохранился и въ горячихъ отзывахъ о немъ Н. И. Тургенева. Рекомендованный Штейну Уваровымъ, Тургеневъ близко зналъ Штейна, работалъ подъ его руководствомъ въ «центральной правительственной комиссіи», учрежденной при вступленіи русскихъ войскъ въ Германію: нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкій патріотъ внушилъ долю своего глубокаго чувства къ народной свободѣ сотруднику, который сталъ однимъ изъ лучшихъ представителей молодого русскаго поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. Чтобы кончить о Штейнѣ, прибавимъ, что даже по русскимъ вопросамъ онъ могъ говорить вещи, которыя очень немногимъ были тогда понятны. Еще въ 1809—1810 г. Штейнъ говорилъ о томъ, какъ вредно для Россіи подражаніе иностраннымъ обычаямъ и высказывалъ свои, правда, нѣсколько

иностранныхъ писателей, какъ дѣлаетъ авторъ „Исторіи имп. Александра“ и пр. (III, 345). Штейнъ, конечно, не оставался безъ вліянія; иначе, зачѣмъ бы самъ императоръ Александръ вызывалъ его въ Россію? Несомнѣнно и его позднѣйшее вліяніе на дѣла, хотя онъ не имѣлъ для этого офиціальныхъ основаній.

преувеличенныя понятія о томъ, какъ этому противодѣйствовать. Но главнымъ, необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и національнаго богатства русскаго народа онъ уже тогда считалъ—освобожденіе крестьянъ *съ полной поземельной собственностью*, хотя подъ полицейскимъ и судебнымъ надзоромъ дворянства [1].

Разсказанные факты, безъ сомнѣнія, единичны, но имѣютъ свое историческое значеніе: стремленія лучшихъ европейскихъ людей временъ войны за освобожденіе не случайно и не безслѣдно сливались съ тѣмъ броженіемъ, какое зарождалось въ русскомъ обществѣ. Страшная опасность грозила въ обѣихъ странахъ столь дорогимъ и существеннымъ интересамъ національнымъ, что сознаніе общаго дѣла могло естественно сближать людей, иначе слишкомъ далекихъ и чуждыхъ другъ другу. Энтузіазмъ освобожденія долженъ былъ оказать свое нравственное дѣйствіе и бросить въ русскомъ обществѣ сѣмена новыхъ общественно-политическихъ понятій. Сначала подобное сближеніе обнаруживается отдѣльными примѣрами въ высшемъ образованномъ кругѣ; въ теченіе 1813—1815 годовъ оно распространялось на кругъ образованныхъ военныхъ людей, видѣвшихъ и сдѣлавшихъ войну за освобожденіе, и отразилось, наконецъ, въ болѣе обширномъ кругѣ общества.

Событія 1813—1815 года были блестящей для Россіи и для Александра эпохой и произвели глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Александръ, еще въ началѣ 1812 года говорившій объ освобожденіи Европы, теперь безкорыстно стремился къ этой цѣли. Штейнъ съ самаго начала настаивалъ на необходимости призвать самые народы къ борьбѣ; въ замѣчательной запискѣ 5 (17) ноября 1812 онъ призывалъ Александра быть освободителемъ Европы и излагалъ свои мнѣнія о томъ, какъ должно было бы вести дѣло,—обращаясь къ народамъ, не довѣряя правительствамъ и, если возможно, овладѣвая правленіемъ [2]. Воззваніе, изданное Кутузовымъ въ Калишѣ 13 (25) марта 1813, отъ имени императора Александра и короля прусскаго, говорило объ освобожденіи Европы и особенно Германіи, о возстановленіи Германіи и устройствѣ ея въ духѣ нѣмецкаго народа, которое должно быть предо-

[1]) Pertz, Stein's Leben, II, 407, 468—470. III, 107, 158, 167, 199, 693 Arndt, Erinnerungen, 157; Wanderungen und Wandelungen, 83.

[2]) См. эту записку у Пертца, III, 212—220.

ставлено нѣмецкимъ государямъ «и народамъ»; говорило, что лозунгъ монарховъ — «честь и свобода» и т. д. Это обращеніе къ народнымъ силамъ произвело энтузіазмъ еще никогда не виданный: прусскій король изумился, когда по объявленіи воззванія къ оружію, обращеннаго къ образованнымъ классамъ, *не обязаннымъ* военной службой, въ Берлинѣ въ три дня записалось 9.000 молодыхъ людей. Война принимала дѣйствительно характеръ войны за національную свободу.

Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ событія подѣйствовали на личный характеръ Александра, который, подъ трудными испытаніями, искалъ опоры въ мистической религіи, и какъ потомъ мистицизмъ извратилъ его настроеніе. Но теперь Александръ былъ еще полонъ освободительными идеями. Онъ упорно велъ борьбу съ Наполеономъ, въ которой союзники иногда слишкомъ вяло его поддерживали. Въ вопросахъ о политическомъ устройствѣ освобожденныхъ земель Александръ былъ столько же готовъ на рѣшительныя мѣры. По словамъ современниковъ, «никто въ это время не пользовался въ умѣ императора такимъ довѣріемъ, какъ Штейнъ»[1]), а исполненіе плановъ Штейна было бы для Германіи цѣлой революціей, потому что мелкіе феодалы не имѣли злѣйшаго врага. Образъ дѣйствій Александра доставлялъ ему величайшую популярность. Онъ положительно высказывался за либеральныя учрежденія не въ одной Германіи; онъ защищаетъ Францію отъ своихъ союзниковъ и соглашается на возстановленіе Бурбоновъ только подъ условіемъ конституціонныхъ учрежденій; онъ упорно стоитъ на возстановленіи Польши и, наперекоръ другимъ державамъ, наперекоръ своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, рѣшается дать Польшѣ конституціонное устройство; въ кругу довѣренныхъ его министровъ является Каподистрія, пламенный греческій патріотъ, ожидавшій отъ Россіи помощи для освобожденія своего отечества; въ это время греческіе патріоты не безъ основанія возлагали надежды на сочувствіе императора Александра къ освобожденію Эллады. Александру должна была представляться великость задачи, когда въ его рукахъ сосредоточивалось столько власти

[1]) La Russie, I, 27. „Можно утверждать положительно, — говоритъ Н. И. Тургеневъ въ другомъ мѣстѣ,—что мысль о низложеніи Наполеона раздѣлялась въ главной квартирѣ союзниковъ только имп. Александромъ, Штейномъ и, можетъ быть, Поццо-ди-Борго. Всѣ другіе были чужды этой мысли или были противъ нея" (Тамъ же, стр. 33; см. также стр. 28—29).

и вліянія, и онъ часто понималъ ее въ смыслѣ искренняго либерализма. Его способъ дѣйствій относительно побѣжденной Франціи останется однимъ изъ лучшихъ памятниковъ его тогдашняго настроенія. На него подѣйствовала, безъ сомнѣнія, и европейская общественная жизнь, при всей путаницѣ тогдашнихъ событій представлявшая столько свободы, сколько ему еще не случалось видѣть. Среди шумныхъ тріумфовъ онъ встрѣчался съ проявленіями этой свободы и въ политической печати, въ учрежденіяхъ, нравахъ, и въ отдѣльныхъ лицахъ независимаго образа мыслей, и въ общемъ тонѣ европейской образованности, среди которыхъ онъ жилъ эти годы. Въ подобныхъ встрѣчахъ онъ доискивался разрѣшенія своихъ недоумѣній, напр., въ религіозныхъ вопросахъ, которые стали овладѣвать его настроеніемъ въ тревогѣ необычайныхъ событій; онъ пробовалъ сближаться также съ представителями независимой политической литературы и вникать въ ихъ произведенія [1]). Знакомясь съ европейскимъ либерализмомъ, онъ слышалъ и прямыя напоминанія о томъ, что еще нужно сдѣлать въ Россіи. Въ Парижѣ онъ посѣщалъ, между прочимъ, г-жу Сталь. Однажды хозяйка заговорила о рабствѣ негровъ, которое тогда становилось вопросомъ въ европейской публицистикѣ и политикѣ. Александръ съ негодованіемъ говорилъ о немъ, какъ о вещи постыдной. «Одинъ изъ присутствующихъ, — разсказываютъ записки того времени, — позволилъ себѣ возразить императору, что въ его земляхъ есть, однако, крѣпостное право. Человѣколюбивый императоръ смутился на минуту, но тотчасъ оправился и сказалъ съ благородной твердостью: «Ваша правда, въ Россіи есть крѣпостные, но есть еще очень большая разница между ними и неграми; но я не хочу ссылаться на это и объявляю, что крѣпостное право также дурно, что оно должно быть уничтожено, и что съ божіей помощью оно прекратится еще въ мое правленіе». По всей залѣ прошелъ шопотъ одобренія, потому что императоръ сказалъ эти слова громко, и ихъ тотчасъ стали повторять и объяснять дальше» [2]).

Когда императоръ Александръ возвратился въ Россію, онъ встрѣченъ былъ цѣлымъ потокомъ одушевленныхъ привѣтствій. Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій, кончавшій свое

---

[1]) Таковы сношенія его съ Бентамомъ; въ 1817 г. Лагарпъ составлялъ для него извлеченія изъ Сэя и т. п. (Р. Арх. 1869, стр. 80).

[2]) Varnhagen, Denkwürdigkeiten, 2-te Aufl. III, стр. 216.

поприще Державинъ и начинавшій свое поприще юноша Пушкинъ соединялись въ этихъ привѣтствіяхъ: они были единодушны; въ старомъ поколѣніи, еще недавно ворчавшемъ противъ Александра за прежнее его вольномысліе, вѣроятно, искренна была радость отъ славныхъ военныхъ подвиговъ, сокрушившихъ «исчадіе революціи» и поддерживавшихъ славу русскаго оружія; молодое поколѣніе исполнено было ожиданіями отъ великодушнаго либерализма императора.

Движеніе, вызванное въ обществѣ Двѣнадцатымъ годомъ, по миновaніи опасности, прекратилось, и жизнь снова пошла привычнымъ порядкомъ[1]). Патріоты жаловались, что сталъ слабѣть энтузіазмъ,—хотя большинство ихъ не могло бы сказать, что же было затѣмъ дѣлать этому энтузіазму, кромѣ того, что проклинать французовъ? Журналы начинаютъ уже въ началѣ 1813 года жаловаться, что ненависть къ французамъ проходитъ, что ихъ опять принимаютъ въ гувернеры, что барышни собирались уже выходить за французовъ замужъ; жалуются даже, что купечество, доселѣ вѣрное русскому платью, съ 1812 года начало носить родъ французскихъ длинныхъ сюртуковъ[2]) и т. п.

Это «охлажденіе» было довольно понятно, потому что единственнымъ источникомъ возбужденія массы была внѣшняя и случайная опасность, инстинктъ самосохраненія; вражда къ французамъ не имѣла другихъ основаній и прекратилась, когда нашествіе было отбито и отомщено. Большинство, сначала понемногу, потомъ уже безъ всякихъ опасеній, обратилось къ прежнимъ привычкамъ — къ французскому языку и литературѣ, потому что здѣсь все еще заключалась та небольшая доза цивилизаціи, которая проникала въ нашъ образованный классъ и была ему всего доступнѣе.

Но если патріоты и не искоренили въ русскомъ обществѣ французскаго языка и подражанія французскимъ нравамъ, тѣмъ не менѣе возбужденіе Двѣнадцатаго года, поддер-

[1]) „По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала исчезать съ лицъ нашихъ... но, увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика: бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ея какъ будто уже никогда и не бывало“. Записки Вигеля II, IV, 69.

[2]) „Какъ будто въ поруганіе стариннымъ обычаямъ нашимъ, купечество, не брѣющее бородъ, начало носить родъ французскихъ длинныхъ сюртуковъ, съ отложнымъ какимъ-то воротникомъ..., думая, можетъ быть, новымъ симъ одѣяніемъ приблизиться къ обычаямъ образованныхъ народовъ“ (Сынъ Отечества, 1813, ч. VI).

жанное впечатлѣніями послѣдующихъ событій, не прошло безслѣдно для общества. Это возбужденіе высказывалось весьма различными проявленіями: вообще казалось, что жизнь требуетъ обновленія, что она начинаетъ какой-то новый періодъ, который различныя партіи представляли различно, каждая по своимъ собственнымъ понятіямъ. Людямъ стараго вѣка изъ школы Шишкова казалось, что пришло время возвратиться къ стариннымъ русскимъ добродѣтелямъ и славянскому языку; мистики думали, что пришла пора для проповѣди «внутренней церкви»; консерваторы находили, что слѣдуетъ уничтожить либеральныя нововведенія и очень позаботиться объ истребленіи якобинскаго духа, которому они приписывали всѣ европейскія событія послѣдняго времени и примѣры вольнодумства, проявлявшіеся въ Россіи. Но рядомъ съ консерватизмомъ и мистикой начинались движенія иного рода: начиналось броженіе общественно-филантропическихъ идей, всего ярче выразившееся въ ту пору основаніемъ Россійскаго Библейскаго Общества, въ которомъ одно время сходились очень разнообразные оттѣнки мнѣній — и религіозность, простая и полу-сектантская, и филантропія, и либерализмъ, въ видѣ религіозной терпимости и заботъ о просвѣщеніи народа. Въ извѣстной связи съ Библейскимъ Обществомъ и съ другой стороны въ связи съ либеральнымъ направленіемъ являются ланкастерскія школы; далѣе, заботы объ улучшеніи тюремъ, масонскія ложи, литературно-филантропическія общества и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе развивалось либеральное направленіе уже независимо отъ правительственной иниціативы, а потомъ даже въ оппозиціи къ правительству, и, наконецъ, въ положительной враждѣ съ существующимъ порядкомъ вещей. Всѣ эти направленія въ періодъ времени 1812—1815 г.г. остаются еще смутными, не опредѣлившимися. Въ теченіе самой войны различные оттѣнки мнѣній сливались въ одномъ патріотическомъ возбужденіи, и даже потомъ это движеніе все еще было такъ неясно, что нерѣдко на одномъ дѣлѣ могли встрѣчаться люди совершенно различныхъ мнѣній, которые не вдругъ понимали другъ друга и только послѣ распредѣлялись по своимъ дѣйствительнымъ свойствамъ. Такъ было въ Библейскомъ Обществѣ, въ масонскихъ ложахъ, въ ланкастерскихъ школахъ и т. п., гдѣ одинаково сходились и либералы, и піэтисты, но въ то же время складывалась и та партія, которую потомъ олицетворилъ Магницкій съ своими клевретами.

До какихъ запросовъ доходило, однако, броженіе мыслей уже въ эту пору, можно видѣть, напримѣръ, изъ письма, писаннаго въ ноябрѣ 1813 года Уваровымъ къ Штейну. Уваровъ могъ нѣсколько преувеличить свои изображенія, чтобы тѣмъ болѣе выставить достоинства либеральнаго круга, къ которому себя причислялъ, но тѣмъ не менѣе главныя черты были вѣрны. Описывая Штейну свое трудное, почти отчаянное, положеніе среди ретрограднаго общества, гдѣ онъ, при всей умѣренности своихъ понятій, не можетъ удержаться на выбранной дорогѣ, «не жертвуя честью, мнѣніями, благосостояніемъ» и пр., Уваровъ пишетъ: «Не подумайте, чтобы въ моихъ словахъ было какое-нибудь преувеличеніе... Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т.-е. огня, который не жжетъ. Другіе — и это большая часть — сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескьё, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа (?), мечты Ш...[1]) и открытія Лейбница. Наконецъ, это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно долго выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франк-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе. Рискуешь каждую минуту компрометтировать себя, или стать органомъ всякихъ нелѣпостей, палачемъ (exécuteur des hautes-oeuvres) самыхъ преувеличенныхъ страстей. Вотъ среди какой путаницы и какого глубокаго невѣжества приходится работать надъ зданіемъ, которое подкапывается въ основаніи и грозитъ разрушеніемъ со всѣхъ сторонъ... Я жду только благопріятнаго случая, чтобъ уйти изъ этого хаоса... Обо мнѣ не скажутъ, что я слишкомъ скоро потерялъ мужество. У меня также было много надеждъ и иллюзій, но *три года* опыта разрушили ихъ»[2]).

Уваровъ разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, свое положеніе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и встрѣчи съ представителями Библейскаго Общества. Изъ его словъ видно, что въ то время уже началъ разыгрываться обскурантизмъ, получившій такую силу впослѣдствіи. Старые и новые консерваторы, масоны стараго покроя, съ которыми въ этомъ случаѣ согласны были и іезуиты, дѣйствовавшіе черезъ своихъ па-

---

[1]) Можетъ быть: Шиллера?

[2]) Pertz, Stein's Leben, III, 697—698.

троновъ въ высшей аристократіи, видѣли въ новыхъ идеяхъ нѣчто слишкомъ враждебное собственнымъ теоріямъ и возставали противъ новыхъ идей съ ожесточеніемъ, свойственнымъ невѣжеству и лицемѣрію. Собственно говоря, трудно было опредѣлить предметъ, на который направлялась ихъ вражда, и потому теперь снова пошло въ ходъ давнишнее пугало, подъ названіемъ иллюминатства.

Этотъ «орденъ», основавшійся въ концѣ XVIII столѣтія и державшійся очень недолго [1]), въ свое краткое существованіе навелъ такой страхъ на обыкновенное мистическое и ретроградное масонство въ Германіи, что имя иллюминатовъ надолго осталось предметомъ ужаса. Съ тѣмъ же страхомъ смотрѣли на этотъ орденъ и въ нашихъ масонскихъ кругахъ. Имя иллюминатовъ въ то же время пріобрѣло дурную репутацію и во Франціи, гдѣ это названіе прилагалось къ другого рода людямъ—къ фантастическимъ мечтателямъ, въ родѣ Сенъ-Мартена и его школы, къ крайнимъ піэтистамъ, а также и къ шарлатанамъ, въ родѣ Каліосто, которыхъ считали вообще людьми подозрительными. Существованіе тайныхъ обществъ, напр., масонскихъ, число и значеніе которыхъ преувеличивалось слухами, заставляло людей простодушныхъ вѣрить всякимъ разсказамъ объ ихъ разрушительныхъ идеяхъ и замыслахъ. Французская революція еще больше выдвинула мнимую секту иллюминатовъ, которыхъ стали теперь отождествлять съ якобинцами и считать виновниками всѣхъ ужасовъ революціи. Писатели стараго режима, эмигранты и іезуиты, вообще приписывали революцію одному огромному заговору, въ которомъ главная роль была отдана ими якобинцамъ, масонамъ и иллюминатамъ, сваленнымъ въ одну кучу. Многотомная исторія якобинства, написанная аббатомъ Баррюэлемъ, представила цѣлую массу мнимыхъ фактовъ, доказывавшихъ, что виной революціи было не что иное, какъ именно ихъ заговоръ. Книга Баррюэля переведена была у насъ дважды [2]) и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала распространенію и у насъ фантастическаго представленія о какомъ-то таинственномъ злостномъ союзѣ, который повсюду стремится разрушить порядокъ и нравственность, ниспровергнуть святыню и посѣять губительныя лжеученія. Этимъ врагамъ общественнаго порядка,

[1]) Объ иллюминатахъ см. книгу А. Н. Пыпина „Русское масонство". Петроградъ, 1916, изд-во Огни, стр. 295—312; тамъ приведены указанія на иностранную литературу.

[2]) „Вольтеріанцы или исторія о якобинцахъ", 1805—1809, въ 12 частяхъ; „Записки о якобинцахъ", 1806—1808, въ 6 частяхъ.

религіи и нравственности приписывалось вообще величайшее коварство: они умѣли скрываться подъ самыми различными видами, проникать въ высшія сферы правительства и двора и всюду разсѣивать свои тлетворныя ученія. Понятно, что при этомъ качествѣ легко было заподозрить въ иллюминатствѣ кого угодно. Аббатъ Жоржель, пріѣхавшій въ Россію при Павлѣ, въ свое время причислялъ къ злымъ иллюминатамъ Ростопчина, управляющаго тогда иностранными дѣлами [1]).

Теперь обвиненія въ иллюминатствѣ пошли въ ходъ и у насъ, хотя «орденъ» давно уже прекратилъ свое существованіе. Наши консерваторы были обыкновенно такъ невѣжественны, что имъ мудрено было вообще ясно формулировать и доказывать свои обвиненія противъ либерализма, и готовая кличка иллюминатства становилась чрезвычайно удобной. Иллюминатство было такъ неопредѣленно и неосязаемо, что его можно было примѣнять къ чему угодно. Имъ пользовались и враги либеральныхъ реформъ, обвинявшіе въ связяхъ съ иллюминатами Сперанскаго, и старые масоны, какъ Голенищевъ-Кутузовъ, еще въ 1810 году писавшій доносы противъ «вольнодумческаго и якобинскаго яда» въ сочиненіяхъ Карамзина, и библейскіе піэтисты, обличавшіе либеральное безвѣріе; наконецъ, консерваторы стараго покроя, какъ Шишковъ, Державинъ, а потомъ и архимандритъ Фотій въ томъ же иллюминатствѣ обвиняли самихъ библейскихъ піэтистовъ (напримѣръ, Лабзина) и т. д. Это былъ цѣлый перекрестный огонь однихъ и тѣхъ же обвиненій, и изъ этого уже видно, какъ были безсмысленны эти обвиненія, которыми однако все-таки можно было дѣйствовать. Іезуиты, которые во второмъ десятилѣтіи царствованія Александра успѣли пріобрѣсть много друзей въ русскомъ обществѣ, съ своей стороны присоединились къ обвиненіямъ и предлагали свои услуги для искорененія иллюминатства. Въ такомъ духѣ Де-Местръ настраивалъ Разумовскаго, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія [2]). Священный Союзъ, основанный Александромъ

---

[1]) Онъ приписывалъ иллюминатство Ростопчина проискамъ нѣмецкихъ иллюминатовъ, особенно баварскаго министра Монжела, котораго іезуиты не терпѣли. Въ чемъ онъ полагалъ иллюминатство Ростопчина, неизвѣстно. (Abbé Georgel, Voyage à St-Pétersbourg. Paris, 1818; въ русскомъ переводѣ — „Путешествіе аббата Жоржеля въ царствованіе императора Павла I". М. 1913, изд-во Некрасова).

[2]) Разумовскаго снабжалъ своими наставленіями и извѣстный масонъ старой школы, Поздѣевъ. См., напр., записку Поздѣева объ уни-

въ его новомъ, полу-либеральномъ, полу-мистическомъ настроеніи, оказался кладомъ для обскурантовъ. Магницкій воспользовался имъ совершенно такъ, какъ могъ бы желать этого Жозефъ Де-Местръ. Въ 1818 г. обвиненія въ иллюминатствѣ направлялись, между прочимъ, на Лабзина. Сперанскій, который его не любилъ, въ письмѣ къ Столыпину, одноко, не вѣритъ обвиненіямъ, какія противъ него взводились, и, между прочимъ, замѣчаетъ по этому поводу: «Какъ мало еще просвѣщенія въ Петербургѣ! Изъ письма вашего я вижу, что тамъ еще и нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старыя бабьи сказки, коими можно пугать только дѣтей» [1]). Изъ выраженій въ письмѣ Уварова мы видимъ, что обвиненія въ иллюминатствѣ были еще раньше въ полномъ ходу. Теперь бѣснованіе обскурантизма находило себѣ гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ, которое возстало, наконецъ, противъ всякаго образованія во имя масонско-піэтистической «внутренней церкви» и распространило цѣлую систему лицемѣрія и ханжества. Верхомъ и послѣднимъ пунктомъ этого бѣснованія была исторія петербургскаго университета, о которой упомянемъ далѣе. Извѣстно, какъ само Библейское Общество пострадало отъ другого обскурантизма, менѣе замысловатаго, который изображался союзомъ Аракчеева, Фотія, Магницкаго, митрополита Серафима и Шишкова.

Другое заявленіе консервативной реакціи происходило въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ послѣ паденія Сперанскаго не было пока никакихъ реформаторскихъ затѣй. Планы Сперанскаго получали теперь послѣдній ударъ. Въ 1814 году выступилъ опять на правительственную сцену старый дѣлецъ Трощинскій, назначенный тогда министромъ юстиціи. Тѣмъ временемъ въ государственный совѣтъ (въ декабрѣ 1813) поступила изъ Комиссіи законовъ третья часть «Уложенія». Императоръ, въ іюнѣ 1814, велѣлъ вмѣстѣ съ ней вновь разсмотрѣть и первыя двѣ части. Это разсмотрѣніе остановлено было возраженіями Трощинскаго (27 янв. 1815), который доказывалъ несвойственность «Уложенія» духу русскаго народа. Мнѣніе Трощинскаго было принято, и проектъ былъ устраненъ подъ предлогомъ необходимости сличенія его съ существующими законами, что и было поручено Комиссіи законовъ

верситетахъ, адресованную къ Разумовскому, въ „Русской Старинѣ“ 1877, т. XX, стр. 705—707. Записка была сообщена г. Иконниковымъ, который не зналъ, однако, о комъ идетъ тутъ рѣчь.

[1]) Русскій Архивъ, 1870, стр. 1151.

(8 марта 1815). Впослѣдствіи, по возвращеніи Сперанскаго, которому Александръ въ 1821 г. снова поручилъ работу по «Уложенію», Оленинъ, завѣдывавшій послѣ Сперанскаго государственной канцеляріей, передавая ему бумаги по этому дѣлу, объяснялъ тогдашнее рѣшеніе государственнаго совѣта слѣдующимъ образомъ. Въ этомъ рѣшеніи совѣта Оленинъ видитъ примѣръ того, какъ могутъ увлекаться даже умные люди, руководящіеся однимъ только долговременнымъ навыкомъ. «Сіи, впрочемъ, опытные люди, устрашенные, частію и не безъ причины, превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ людей нынѣшняго времени, опасаются встрѣтить, даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго въ управленіи устройства, какія-нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся, по ихъ мнѣнію, къ испроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ на нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя оный уже давно, отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ, пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Въ семъ-то именно видѣ — *испроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новыми* — принятъ былъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта и проектъ гражданскаго уложенія». Оленинъ упоминаетъ, какъ эти люди, привыкшіе видѣть законы не иначе, какъ въ видѣ «немаловажнаго числа томовъ въ листъ и въ четверку», удивлены и испуганы были видомъ небольшой книжки проекта [1]).

Мнѣніе Трощинскаго, написанное въ очень враждебномъ тонѣ, повторяетъ въ сущности тѣ же аргументы, какіе приводилъ Карамзинъ, и заканчивается опять такъ же, какъ въ «Запискѣ». «Не могу оставить въ молчаніи, — говоритъ Трощинскій, — что полученное мное сличеніе проекта гражданскаго уложенія съ кодексомъ Наполеона [2]) родило во мнѣ чувствительнѣйшее прискорбіе». Онъ увидѣлъ, что проектъ собственно есть «испорченный переводъ Наполеонова кодекса». «Сколь скоро все сіе несомнѣнно, — продолжаетъ онъ, — то нѣтъ уже нужды искать особенныхъ причинъ, для чего смѣшанными оказались власти судебныхъ мѣстъ и дѣла духовныя съ гражданскими. Причины сіи, конечно, гнѣздятся въ самомъ кодексѣ и въ *софизмахъ новой философіи*, доказав-

---

1) „Жизнь Сперанскаго", I, 169—170.

2) Быть можетъ, составленное Шишковымъ; см. „Жизнь Сперанскаго", I, 167—168, прим.

шей заблужденія свои *гибельными переворотами* Французскаго Королевства. Не постигаю, какъ можно заимствоваться намъ законами отъ *ужасной революціонной пропаганды!* Какъ можетъ ревнительный россіянинъ почитать себя счастливымъ, учреждаясь въ кругу ближнихъ своихъ сообразно съ духомъ *безбожнѣйшаго властелина!* Какъ можетъ отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда приведетъ себѣ на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви и самомъ алтарѣ, совершились какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, который стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!» и проч.[1]).

Въ совѣтѣ мнѣніе Трощинскаго встрѣтило мало возраженій и было принято большинствомъ. Въ одномъ письмѣ отъ того времени Трощинскій говоритъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ «всю благомыслящую публику имѣетъ на своей сторонѣ». Въ совѣтѣ «всѣ почти согласно съ нами (т.-е. съ нимъ и Шишковымъ) мыслятъ, но не смѣли говорить, доколѣ флюгеръ укажетъ имъ, на какую страну обратиться. Между тѣмъ, безъ самолюбія скажу, что не только публика, даже дворъ въ восхищеніи. Оказываютъ мнѣ всѣми образами отличія»...[2]).

Радовались, вѣроятно, обличенію революціонной пропаганды. Впослѣдствіи Магницкій, когда былъ попечителемъ казанскаго округа, доказывалъ главному правленію училищъ, что и указъ объ экзаменахъ (составленный Сперанскимъ, въ то время его ближайшимъ другомъ и покровителемъ) состоялся дѣйствіемъ «иллюминатовъ»: «сдѣлано положеніе,— писалъ онъ, — по которому все, въ старомъ благочестіи воспитанное, отрѣзано отъ всякаго повышенія и надеждъ по службѣ и замѣнено людьми новаго, разрушительнаго воспитанія»[3])...

---

[1]) „Мнѣніе министра юстиціи по части составленія законовъ для Россійской Имперіи“ 27 янв. 1815, ст. 57—59.

[2]) Сборникъ Русскаго Истор. Общ. III, стр. 19.

[3]) „Жизнь Сперанскаго“, I, стр. 181.

ГЛАВА VI.

Переходное время.

Возобновленіе масонскихъ ложъ и ихъ закрытіе. Ланкастерскія школы.

Чтобы дать ближайшее понятіе о тогдашнемъ броженіи, обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ. Однимъ изъ нихъ было Библейское Общество, основанное въ концѣ 1812 г. и процвѣтавшее до начала двадцатыхъ годовъ. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно излагали его исторію [1]).

Другимъ, не менѣе характеристическимъ явленіемъ было возстановленіе масонскихъ ложъ.

Исторія масонскаго движенія во времена императора Александра до сихъ поръ еще не вполнѣ разъяснена [2]). Масонство этихъ временъ сохраняло еще много связей съ прежнимъ, но во многомъ и отличалось отъ него. Въ обществѣ было еще не мало людей стараго московскаго кружка. Живы были Н. И. Новиковъ, С. И. Гамалѣя, И. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ, Ѳ. П. Ключаревъ, О. А. Поздѣевъ, З. Я. Карнѣевъ и другіе; было много ихъ непосредственныхъ учениковъ, какъ Лабзинъ, Невзоровъ, Ковальковъ и проч.; было много масоновъ прежнихъ школъ петербургскихъ, елагинской и шведской системы, у которыхъ были свои адепты изъ младшаго поколѣнія. Многіе изъ этихъ людей занимали въ царствованіе Александра видныя общественныя положенія (какъ Лопухинъ, Карнѣевъ, Ключаревъ, Кушелевъ) или

---

[1]) См. А. Н. Пыпинъ. — „Религіозныя движенія при Александрѣ I" (Петроградъ, 1916, изд-во „Огни"), гдѣ перепечатано появившееся первоначально въ „Вѣстникѣ Европы" за 1868 г. изслѣдованіе „Россійское Библейское Общество".

[2]) См. А. Н. Пыпинъ—„Русское Масонство. XVIII и первая четверть XIX в." (Петроградъ, 1916, изд-во „Огни"), гдѣ въ примѣчаніяхъ Г. В. Вернадскаго приведены свѣдѣнія о новѣйшей литературѣ вопроса.

имѣли связи, дававшія имъ вліяніе (напр., Поздѣеву на Разумовскаго) и пр. Старики, конечно, держались, сколько возможно, вѣрно своихъ преданій, но преданія тѣмъ не менѣе ослабѣвали: такъ прежнее розенкрейцерство и алхимическое масонство потеряло всякій смыслъ, — оно пало въ самомъ своемъ берлинскомъ источникѣ, — потеряло тѣмъ болѣе, что теперь было уже меньше простодушнаго суевѣрія, чѣмъ прежде, и мало-по-малу превратилось въ аскетическій піэтизмъ. Въ новомъ поколѣніи стали дѣйствовать новыя вліянія: они приходили, съ одной стороны, изъ иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ ложъ, гдѣ тѣмъ временемъ утвердились новыя масонскія направленія; съ другой стороны, въ ложахъ отражаются направленія, образовавшіяся въ самой русской общественной жизни.

Старыя ложи перестали дѣйствовать при Екатеринѣ. Только немногія проявляли, кажется, еще нѣкоторые признаки существованія. Павелъ освободилъ Новикова, и изъ числа людей, гонимыхъ при Екатеринѣ, онъ возвысилъ и нѣкоторыхъ масоновъ (кн. А. Б. Куракинъ, кн. Н. В. Репнинъ, И. В. Лопухинъ, кн. Н. Н. Трубецкой, З. Я. Карнѣевъ, С. И. Плещеевъ; вспомнили и умершаго тѣмъ временемъ И. И. Панаева, и пр.); ложи не открывались, но ихъ напоминалъ другой «орденъ», — потому что мальтійское рыцарство отчасти было похоже на масонскихъ тампліеровъ. При вступленіи на престолъ Александра можно было разсчитывать, что либерализмъ императора дастъ свободу и для масонства [1]). Дѣйствительно при Александрѣ ложи опять устроились въ правильную систему.

Свѣдѣнія о первомъ возстановленіи ложъ при Александрѣ до сихъ поръ смутны. По одному разсказу въ масонскихъ источникахъ, Александръ въ 1801 г. возобновилъ запрещеніе своего предшественника противъ тайныхъ обществъ, но уже въ 1803 г. какъ будто бы измѣнилъ свои мнѣнія, что не только отмѣнилъ запрещеніе, но самъ приступилъ къ союзу. Одинъ изъ масоновъ старой школы, Бёберъ, рѣшился уничто-

[1]) Capefigue. La baronne de Krudener, стр. 76, говоритъ о Лагарпѣ, что онъ былъ „lié aux loges maçonniques et aux martinistes",—но мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ этомъ, ни о томъ, чтобы эти связи Лагарпа отразились чѣмъ-нибудь на русскомъ масонствѣ. Лагарпъ скорѣе былъ вольнодумецъ въ духѣ „просвѣщенія". Нѣсколько неясныхъ свѣдѣній о временахъ Павла находится у Финделя, Geschichte der Freimaurerei, 2-te Aufl., Leipzig, 1866, стр. 575—576.

жить въ императорѣ предубѣжденіе противъ ордена и, испросивъ себѣ аудіенцію, съумѣлъ такъ защитить масонство, что Александръ не только обѣщалъ ему свое покровительство, но самъ пожелалъ быть принятымъ въ ложу. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ будто бы посвященъ, и послѣ того не только возстановились старыя ложи, но стали открываться и новыя[1]).

Самъ Бёберъ (вступившій въ орденъ еще въ 1776 году и игравшій роль въ петербургскихъ ложахъ шведской системы) разсказываетъ только, что въ 1805 г. нѣсколько старыхъ «братьевъ» вздумали сдѣлать попытку возстановленія ордена и основали ложу (Mildthätigkeit zum Pelikan). Министръ полиціи, извѣщенный объ этомъ, не сдѣлалъ противъ этого никакихъ возраженій, и потому братья продолжали свои работы, хотя въ тишинѣ и скромно, и число братьевъ не очень размножалось. Члены этой ложи были знакомые Бёбера, которымъ извѣстно было его прежнее положеніе въ орденѣ; но тѣмъ не менѣе онъ узналъ о существованіи ложи только случайно и вступилъ въ нее въ 1808 г. вслѣдствіе сильныхъ убѣжденій со стороны братьевъ. Число членовъ стало вскорѣ увеличиваться; изъ первой ложи выдѣлились новыя, а затѣмъ учреждена была и первая Великая ложа. Эта была Великая Директоріальная ложа «Владиміра къ порядку»[2]).

Въ одномъ позднѣйшемъ офиціальномъ документѣ русскихъ ложъ о возстановленіи масонства говорится такимъ образомъ: «Русскія ложи, процвѣтавшія еще въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, по собственному побужденію прекратили свои работы въ то время, когда благоразуміе и обстоятельства дѣлали это полезнымъ. Тѣмъ временемъ вѣрныя и опытныя руки сохраняли и поддерживали въ тиши священный огонь, пока измѣнившіяся обстоятельства и либеральный образъ мыслей монарха, стоящаго выше предразсудковъ и ненавидящаго всякія ненужныя стѣсненія, въ 1804 году дали нѣкоторымъ старымъ каменщикамъ, происходившимъ большей частью изъ старой ложи «Коронованнаго Пели-

---

[1]) „Acta Latomorum", цитированные въ Handbuch der Freimaurerei. Leipz. 1866. III, 112. Тѣ же „Acta" упоминаютъ подъ 1804 годомъ о возобновленіи ложъ и въ особенности съ похвалой говорятъ о ложахъ вел. кн. Константина и графа Потоцкаго. Ср. Clavel, Histoire de la Fr.-Maçonnerie, стр. 286.

[2]) Разсказъ Бёбера въ запискѣ его о русскомъ масонствѣ, писанной въ 1815 и напечатанной въ Handbuch III, 612—615.

кана», возможность формально возстановить эту ложу подъ именемъ «Александра къ Коронованному Пеликану». Въ 1809 эта ложа, вслѣдствіе принятія новыхъ братьевъ и присоединенія старыхъ масоновъ (между которыми были и братья Эллизенъ и Бёберъ), столь значительно умножила число своихъ членовъ, что отъ нея образовалось еще двѣ ложи-сестры, изъ которыхъ одна, «Елизаветы къ добродѣтели», работала на русскомъ языкѣ, а другая, «Петра къ истинѣ», на французскомъ и нѣмецкомъ. Всѣ эти три ложи слѣдовали старой шведской системѣ и образовали общую директорію, подъ именемъ Великой Директоріальной ложи «Владиміра къ порядку» [1]).

Гросмейстеромъ этой ложи единогласно былъ выбранъ Бёберъ. Какъ выше замѣчено, онъ былъ издавна послѣдователемъ шведской системы, введенной нѣкогда кн. Куракинымъ и кн. Гагаринымъ; онъ былъ великимъ секретаремъ тогдашней Провинціальной или Національной ложи. И теперь, при возобновленіи ложъ, Бёберъ остался вѣренъ старому преданію, и открытіе новой Директоріальной ложи совершилось, по его словамъ, именно «на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для Великой Національной ложи», т.-е. Гагаринской ложи 1779 года.

Начали возстановляться и старыя ложи. Прежняя шотландская ложа «Сфинкса» и капитулъ «Феникса», который состоялъ нѣкогда подъ управленіемъ кн. Гагарина и при появленіи шведской системы присоединился къ ней, оставивъ систему Елагина, также возобновили теперь свои работы и учредили директорію подъ именемъ «высшаго орденскаго совѣта».

Года черезъ два послѣ основанія Директоріальной ложи «Владиміра» въ 1811 и въ 1812, къ ней присоединились двѣ французскія ложи: «Les amis réunis» и «La Palestine». Онѣ уже много лѣтъ работали въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ и по французскимъ актамъ, а теперь приняли обрядъ, введенный въ соединенныхъ ложахъ. «Такимъ образомъ, — говоритъ Бёберъ въ своей запискѣ, — въ 1812 году во всей Россіи, за исключеніемъ работавшихъ въ тиши мартинистовъ, которые, впрочемъ, въ трехъ первыхъ степеняхъ также имѣли наши акты, существовала только одна отрасль каменщиче-

[1]) Циркуляръ, разосланный (въ 1815 г.) отъ второй Великой Ложи „Астреи" къ другимъ масонскимъ союзамъ, послѣ ея открытія. Мы беремъ его изъ Handbuch, III, 615—616. См. еще тамъ же, стр. 112—113.

ства... До конца 1813 г. всѣ ложи, зависѣвшія отъ Директоріальной (т.е. Елизаветы, Александра, Les amis réunis, Петра и Палестины), были не только въ полномъ соединеніи, но имѣли одну общую кассу и работали въ одномъ и томъ же помѣщеніи».

Въ томъ же 1813 г. къ Директоріальной ложѣ приступили и возобновленныя передъ тѣмъ старыя ложи: «Изиды» въ Ревелѣ и «Нептуна къ Надеждѣ» въ Кронштадтѣ.

Но согласіе въ масонскомъ союзѣ сохранилось недолго. Въ Директоріальной ложѣ началось разногласіе, причиной котораго были новыя масонскія вліянія, приходившія изъ Германіи. Первое раздѣленіе произошло, кажется, въ началѣ 1814 года. Нѣкто Эллизенъ, также одинъ изъ старыхъ масоновъ [1]), мастеръ стула въ ложѣ «Петра къ истинѣ», нанялъ для своей ложи особое помѣщеніе, отдѣлился отъ общей кассы и сдѣлалъ другія распоряженія, которыя были противны принятымъ законамъ Директоріальной ложи.

Причиной отдѣленія было различіе во взглядахъ на масонскую іерархію и вѣроятно также нѣкоторое различіе въ общихъ понятіяхъ объ «орденѣ». Въ Директоріальной ложѣ собрались старые и новые элементы; ея система была съ «высшими степенями» и многіе изъ ея членовъ придавали особенную важность своимъ «градусамъ», пріобрѣтеннымъ нѣкогда съ большимъ трудомъ и издержками; но въ ней были и представители, такъ называемыхъ, «іоанновскихъ ложъ», т.-е. такихъ, гдѣ существовали только три первоначальныя степени (ученика, товарища и мастера). Между тѣмъ въ русскія ложи проникало новое направленіе, развившееся въ Германіи и окончательно отвергавшее высшія степени, которыхъ нелѣпость и ненужность уже давно разнымъ образомъ обнаруживалась. Такова была новая система Шрёдера, къ которой и обратился Эллизенъ.

Фридрихъ-Лудвигъ Шрёдеръ (1744—1816) имѣлъ очень извѣстное имя и въ исторіи масонства, и въ исторіи нѣмецкаго драматическаго искусства, въ послѣдней, какъ замѣчательный актеръ, содержатель гамбургскаго театра и драматическій писатель, между прочимъ, знакомившій нѣмцевъ съ Шекспиромъ. Шрёдеръ былъ вообще человѣкъ, обязанный

---

[1]) См. о немъ Записки Вигеля, III, V, стр. 58.

своимъ развитіемъ всего больше самому себѣ, но въ его литературномъ и масонскомъ характерѣ не мало также отразились связи съ Лессингомъ и его другомъ Боде. Эти послѣдніе вступили въ ложи и старались придать масонству тотъ смыслъ космополитической человѣчности, какой внушала тогдашняя философія и какой былъ въ духѣ самаго учрежденія въ его первой формѣ. Подъ этими вліяніями началъ и Шрёдеръ свою дѣятельность. Тогда орденъ еще вполнѣ былъ въ рукахъ послѣдователей «Строгаго Наблюденія», розенкрейцеровъ и подобныхъ шарлатановъ, и Вейсгауптъ безуспѣшно старался преобразовать орденъ своимъ иллюминатствомъ. Шрёдеръ, во-первыхъ, возсталъ рѣшительнымъ образомъ противъ высшихъ степеней, потому что трехъ старыхъ степеней, по его мнѣнію, было совершенно довольно для изложенія масонскихъ ученій; во-вторыхъ, онъ старался опредѣлить достовѣрную, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ невѣроятную, исторію ордена. Сочиненія Шрёдера объ исторіи масонства занимаютъ не послѣднее мѣсто въ этомъ, такъ сказать, раціоналистическомъ объясненіи его происхожденія, какъ вообще его дѣятельность, литературная и масонская, обнаруживаетъ въ немъ человѣка серьезныхъ нравственныхъ убѣжденій. Стремленія Шрёдера преобразовать ложи имѣли значительный успѣхъ, и его система, которую называютъ иногда «англійской» (такъ какъ она возвращалась къ этой первоначальной формѣ ложъ), имѣла большое вліяніе въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ. Въ своихъ предпріятіяхъ онъ отчасти работалъ вмѣстѣ съ другимъ подобнымъ ревнителемъ масонскихъ ученій, Фесслеромъ, извѣстнымъ писателемъ, моралистомъ и историкомъ, съ которымъ мы также встрѣчаемся въ исторіи нашихъ ложъ, и который хотѣлъ реформы ордена, похожей на Шрёдерову. Они имѣли сходныя понятія о высшихъ степеняхъ, но такъ какъ въ этихъ степеняхъ еще работали многія масонскія системы и такъ какъ для «мастера» важно было вообще знать историческое развитіе ложъ и масонства, то Шрёдеръ и Фесслеръ согласились составить для братьевъ третей степени особое общество, отдѣлъ или, пожалуй, особую послѣднюю степень, въ которой и должна была излагаться исторія союза и сущность высшихъ степеней. У Шрёдера это общество названо было: довѣренные братья (vertraute Brüder), или степень историческаго знанія (historische Kenntnissstufe), или тѣсный союзъ (Engbund). У Фесслера за степенью мастера слѣдовали «по-

священія» въ шести отдѣлахъ или степеняхъ познанія (Erkenntniss stufen), съ нравственно-философскими разъясненіями[1]).

Съ этимъ Шрёдеромъ вступилъ въ сношенія Эллизенъ и, по словамъ Бёбера, «началъ декламировать противъ высшихъ степеней», къ которымъ самъ Бёберъ имѣлъ пристрастіе. Вслѣдствіе того, Бёберъ сложилъ съ себя званіе гросмейстера Директоріальной ложи и продолжалъ управлять только до прибытія вновь избраннаго гросмейстера, графа Шувалова. Между тѣмъ, несогласія такъ усилились, что онъ сложилъ съ себя и это временное управленіе[2]). Графъ Шуваловъ не принялъ, однако, должности, и потому выбранъ былъ новый великій мастеръ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

При немъ въ Директоріальной ложѣ единогласно постановлена была полная терпимость ко всѣмъ масонскимъ системамъ, принятымъ и признаннымъ другими «великими востоками» и великими ложами[3]). Тогда Эллизенъ формально ввелъ въ своей ложѣ систему Шрёдера, и его примѣру послѣдовали ложи «Изиды» въ Ревелѣ и «Нептуна» въ Кронштадтѣ, получившія прежде свои акты отъ Директоріальной ложи. Эта терпимость и переходъ нѣсколькихъ ложъ къ Шрёдеровой системѣ еще умножили столкновенія, которыя происходили между владѣтелями высшихъ степеней и представителями простыхъ ложъ относительно управленія ордена. Въ Іоанновъ день 1815 года, когда приступлено было къ исполненію давно принятаго рѣшенія — замѣнить прежній уставъ, крайне недостаточный и утвержденный только на годъ, новымъ, то оказалась полная невозможность помирить притязанія владѣтелей высшихъ степеней съ мнѣніями большинства представителей ложъ. Это подало поводъ къ закрытію Директоріальной ложи «Владиміра къ порядку», которое послѣдовало по общему желанію всѣхъ семи соединенныхъ прежде ложъ и съ согласія правительства, такимъ образомъ, чтобы ея мѣсто заняли двѣ великія ложи, равныя въ правахъ

---

[1]) О Шрёдерѣ см. Handbuch I, 276 (Engbund), III, 200 и слѣд.; Keller Gesch. des eklektischen Freimaurerbundes (Giessen. 1857), стр. 141, и его же Gesch. der Freimaurerei in Deutschland, стр. 225 и слѣд.

[2]) По словамъ Бёбера въ концѣ 1814; по другимъ указаніямъ въ концѣ 1813 г. См. Записку Бёбера и циркуляръ Великой ложи „Астреи". Послѣдняя дата, кажется, вѣрнѣе.

[3]) Въ циркулярѣ это постановленіе означено мартомъ 1814 года.

и независимыми одна отъ другой[1]). Вслѣдъ затѣмъ четыре ложи: «Петра къ истинѣ» (гдѣ мастеромъ стула былъ Эллизенъ), «Палестины», «Изиды» и «Нептуна» основали, 30 августа 1815, «Великую ложу Астреи».

Такимъ образомъ, въ основаніи «Астреи», происшедшемъ подъ вліяніемъ системы Шрёдера, обозначалось новое направленіе въ средѣ нашихъ ложъ. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему распространенію «Астреи», упомянемъ о другихъ масонскихъ вліяніяхъ, и, въ первую очередь, о томъ, которое шло черезъ Фесслера.

Въ нашей литературѣ не разъ упоминалось имя Фесслера[2]), было разсказано о томъ, какъ онъ былъ вызванъ Сперанскимъ въ Россію, какъ вступилъ на профессуру еврейскаго языка, потомъ философіи въ Петербургской духовной академіи, какъ русскіе духовные ученые, именно архіепископъ Өеофилактъ, заподозрили его философію въ вольнодумствѣ, какъ вслѣдствіе того Фесслеръ долженъ былъ выйти изъ академіи и, наконецъ, удалился въ Саратовъ, гдѣ былъ потомъ лютеранскимъ суперъ-интендентомъ. Въ томъ, что у насъ говорилось о Фесслерѣ, обыкновенно отдается справедливость его учености, но бросается сильная тѣнь на его нравственныя правила; его обвиняли одни — въ іезуитствѣ, другіе — въ корыстолюбіи, третьи — въ вольнодумствѣ или просто въ безбожіи. Мы увидимъ, какой былъ главный источникъ этихъ обвиненій.

Игнатій-Аврелій Фесслеръ (1756—1839) родился въ Венгріи, въ небогатомъ нѣмецкомъ семействѣ; воспитанный набожной матерью, онъ съ дѣтства отличался религіозной экзальтаціей, которая все больше возрастала съ лѣтами. Одаренный блестящими дарованіями, онъ еще въ школѣ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія, классическую и церковную начитанность, и подъ вліяніемъ своей религіозности семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ капуцинскій монастырь. Здѣсь онъ ревностно продолжалъ свои ученыя занятія, читалъ отцовъ церкви и древнихъ, но знакомился и съ новѣйшей литературой и философіей, и, путемъ этихъ изученій, вводившихъ

---

[1]) По словамъ Бёбера, это предложеніе основать двѣ независимыя отрасли масонства, по невозможности сохранить прежніе законы при совершенно различномъ характерѣ ложъ, было сдѣлано имъ.

[2]) Напр., въ „Жизни Сперанскаго“, барона Корфа, I, стр. 256—261; въ „Запискахъ о жизни Филарета“, Сушкова; ср. записки Д. Ростиславова о петербургской духовной академіи, и друг.

его въ новую область мыслей и разрушавшихъ прежніе идеалы, онъ вскорѣ пришелъ къ сомнѣнію, борьба съ которымъ принесла ему много нравственнаго страданія. Эти сомнѣнія, въ которыхъ онъ сознавался, стоили ему потомъ обвиненій въ атеизмѣ со стороны людей, которыхъ никогда не посѣщали сомнѣнія. Фесслеръ остался религіознымъ человѣкомъ, но вѣру въ католицизмъ потерялъ. Монахи стали подозрѣвать его и присматривать за нимъ. Наконецъ, въ своемъ монастырѣ ему случилось открыть тѣ ужасы свирѣпаго инквизиціоннаго фанатизма, какіе до сихъ поръ открываются время до времени въ благочестивыхъ католическихъ обителяхъ. Пораженный тѣмъ, что видѣлъ, Фесслеръ тайно извѣстилъ объ этомъ самого императора Іосифа, который ненавидѣлъ церковный фанатизмъ и въ это время занимался планами церковныхъ преобразованій. Іосифъ назначилъ осмотръ монастырей. Капуцины заподозрили Фесслера. Вскорѣ затѣмъ онъ издалъ сочиненіе («Was ist der Kaiser?»), подъ своимъ именемъ, въ защиту правъ императора въ церковныхъ дѣлахъ и въ оправданіе либеральныхъ реформъ Іосифа. Это окончательно навлекло на него страшную ненависть монаховъ, изъ которыхъ одинъ едва его не зарѣзалъ. Наконецъ, онъ отправился во Львовъ, профессоромъ восточныхъ языковъ и ветхозавѣтной герменевтики; сочиненія, написанныя имъ здѣсь по этой спеціальности, послужили потомъ его правомъ на каѳедру въ петербургской академіи. Но и во Львовѣ положеніе его было не лучше; онъ вышелъ изъ капуцинскаго ордена, но вражда монаховъ преслѣдовала его и здѣсь, такъ что Фесслеръ былъ, наконецъ, вынужденъ бѣжать изъ Австріи. Онъ поселился въ Пруссіи, принялъ лютеранство, былъ нѣсколько времени воспитателемъ въ одномъ знатномъ домѣ, занялся литературной дѣятельностью, въ которой долженъ былъ искать и средствъ существованія, и вообще находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь онъ усердно изучалъ новую философію, особенно Канта, чтобы разрѣшить свои вопросы о Богѣ и человѣкѣ; въ общественной жизни онъ дѣйствовалъ своими сочиненіями, мистически-нравственнаго направленія, и своей дѣятельностью въ масонствѣ. Онъ вступилъ въ масонскую ложу еще во Львовѣ, въ 1783 году, гдѣ прошелъ степени шведской системы; познакомившись съ исторіей ложъ, онъ увидѣлъ пустоту «высшихъ степеней» и сталъ реформаторомъ ложъ въ томъ же смыслѣ, какъ упомянутый Шрёдеръ. Главная дѣятельность Фесслера въ этой

области принадлежитъ девяностымъ годамъ XVIII и первымъ годамъ XIX столѣтія, времени сильнаго броженія умственнаго и общественнаго. Уже Лессингъ ставилъ масонству высокія нравственно-философскія задачи; теперь такія же задачи ставили ему Фихте и Фесслеръ; другіе хотѣли внести въ ложи и прямую пропаганду гражданской свободы. Фесслеръ одно время принадлежалъ къ подобному союзу «Эвергетовъ», но отказался отъ него, когда для него выяснился характеръ этого союза. Самъ онъ видѣлъ въ масонствѣ средство только для нравственнаго воспитанія, на которомъ гражданское должно основаться. Союзъ «Эвергетовъ» подвергся вскорѣ преслѣдованію властей и Фесслера оставили въ покоѣ только потому, что за него вступился король, который прочиталъ его «Марка-Аврелія», нравственно-политическій романъ, гдѣ Фесслеръ является искреннимъ монархистомъ.

Ученость и литературная дѣятельность Фесслера уже доставили ему большую извѣстность, и его реформаторскіе планы производили впечатлѣніе въ мірѣ «каменщиковъ». Въ 1801 г. вышло цѣлое собраніе его сочиненій, относящихся собственно къ масонству. Его преобразованіе, какъ выше упомянуто, по мысли своей было сходно съ «Тѣснымъ Союзомъ» Шрёдера. Фесслеръ отбросилъ высшія степени, но для братьевъ третьей степени онъ сдѣлалъ изъ нихъ предметъ историческаго изученія, гдѣ послѣдовательно излагались разныя масонскія системы, раскрывались тайныя причины масонскихъ дѣленій и раздоровъ, и такимъ образомъ объяснялось историческое развитіе ордена и его настоящая цѣль и сущность. Нѣтъ сомнѣнія, что если только масонство должно было существовать, эта его форма была остроумно придумана, чтобы дать ему цѣльность, историческій и практическій смыслъ среди множества разнородныхъ системъ и стремленій. Это были, такъ называемыя, «степени познанія» или «Фесслерова система» [1].

---

[1] Кромѣ трудовъ по восточнымъ языкамъ, Фесслеръ былъ извѣстенъ и чисто литературными произведеніями, а также своей большой „Исторіей Венгріи". О Фесслерѣ см. Handbuch I, 329—339 и названныя выше книги Келлера; далѣе его собственныя воспоминанія: „Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft" (Leipz. 1851). Его „Степени познанія", между прочимъ, изложены въ анти-масонской книгѣ „Hephata, oder Denkwürdigkeiten und Bekenntnisse eines Freimaurers" Leipz. 1836, стр. 223; передъ тѣмъ (стр. 195 и слѣд.) изложена масонская дѣятельность Фесслера.

Въ Петербургѣ Фесслеръ, какъ профессоръ, имѣлъ большой успѣхъ между воспитанниками академіи, на которыхъ производилъ впечатлѣніе новостью и богатствомъ свѣдѣній, систематическимъ изложеніемъ и знаніемъ тогдашняго состоянія философской науки. Но тѣмъ же самымъ онъ произвелъ другое дѣйствіе на академическихъ наставниковъ и начальниковъ. Фесслеръ, вѣроятно, отчасти затмевалъ ихъ собственную ученость, говорилъ вещи необычныя, и при нашихъ нравахъ и необильномъ просвѣщеніи не мудрено было въ самыхъ простыхъ вещахъ найти еретическое вольнодумство или революціонныя мысли. Въ академіи были, правда, и послѣ такіе же иноземные и иновѣрные профессора, какъ Фесслеръ, но они были слишкомъ незамѣтны, чтобы противъ нихъ кому-нибудь нужно было возставать; Фесслеръ былъ человѣкъ, который могъ дѣйствительно имѣть вліяніе на умы, и этого боялись. Архіепископъ Ѳеофилактъ, считавшійся въ свое время ученымъ человѣкомъ, успѣлъ такъ заподозрить Фесслера, что послѣдній въ томъ же году долженъ былъ выйти изъ академіи. Въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ Фесслеръ, дѣйствительно, въ теченіе своей жизни прошелъ періоды религіозной экзальтаціи, вѣрующаго католичества, скептицизма и пришелъ, наконецъ, къ протестанскому религіозному идеализму, на которомъ и остановился, — очень нерѣдкій путь людей мыслящихъ, которые задавали себѣ вопросъ о религіи и не хотѣли жертвовать мыслью одной слѣпой вѣрѣ. Фесслеръ былъ только искреннѣе людей, которые предпочитаютъ прикрывать сомнѣніе лицемѣріемъ, и, конечно, выше тѣхъ, кто въ свое вѣрованіе не вноситъ никакой мысли и чувства. Присоединившись къ лютеранской церкви и вступивъ въ число ея служителей, Фесслеръ написалъ свое протестантско-идеалистическое исповѣданіе, и оно было признано лютеранскими властями въ Россіи. Какъ предсѣдатель лютеранской консисторіи нѣмецкихъ колоній волжскаго края, и потомъ суперъинтендентъ, Фесслеръ дѣятельно трудился въ своемъ округѣ и пользовался уваженіемъ не у однихъ лютеранъ [1]). Ѳеофилактъ и другіе противники Фесслера предпочитали говорить о Фесслерѣ такъ, какъ говорили австрійскіе капуцины [2]).

[1]) Объ его дѣятельности въ Саратовѣ см. „Rückblicke". Вліяніе мистической стороны его характера не было, конечно, всегда полезно; таково было, напр., его вліяніе въ воспитаніи поэта сороковыхъ годовъ, Н. Губера. Ср. „Сочиненія Э. Губера", съ его біографіей, Спб. 1859, 3 тома.

[2]) См., напр., отзывъ о Фесслерѣ у Стурдзы, Oeuvres posthumes, religieuses, historiques etc. Paris, 1858, стр. 73.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Фесслеръ, повидимому, работалъ и для распространенія своихъ масонскихъ взглядовъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ пріобрѣлъ много знакомствъ въ нѣмецкомъ и русскомъ обществѣ, и въ этомъ кругу было не мало людей, игравшихъ роль въ тогдашнемъ движеніи библейскомъ, масонскомъ и либеральномъ. Фесслеръ называетъ въ этомъ кружкѣ своихъ земляковъ и бывшихъ львовскихъ слушателей: проф. Лодія (черезъ котораго Сперанскій и приглашалъ его въ Россію), Балугьянскаго, Орлая, Кукольника, далѣе — Эллизена, Бека, Гауэнщильда, Штоффрегена, Пезаровіуса, пастора Фольборта, книгопродавца Вейгера, Александра Тургенева, Уварова, Павскаго, Иродіона Вѣтринскаго и пр.; о другихъ онъ замѣчаетъ, что «скромность велитъ ему умолчать ихъ имена»[1]). Очень вѣроятно, что вліяніе Фесслера способствовало распространенію тѣхъ новыхъ взглядовъ, вслѣдствіе которыхъ въ нашихъ ложахъ стала приниматься система Шрёдера.

Старые масоны не могли смотрѣть благосклонно на Фесслера, отвергавшаго высшія степени и вносившаго въ масонство свою либеральную религіозность и мораль. Повидимому, они встрѣтили его такъ же враждебно, какъ и архіепископъ Ѳеофилактъ. Бёберъ, гордившійся тѣмъ, что до 1814 г. русскія ложи подъ его гросмейстерствомъ принадлежали къ одной системѣ (шведской, обильной высшими степенями), въ своей запискѣ всячески старается замарать Фесслера. Когда въ ложахъ было это единогласіе, Фесслеръ, по словамъ его, «хотѣлъ сдѣлать диверсію, а въ самомъ дѣлѣ привлекъ къ себѣ нѣсколько уважаемыхъ братьевъ, которымъ *за чистыя деньги* продавалъ свою мудрость. Но такъ какъ я сильно противодѣйствовалъ его попыткамъ, а затѣмъ его отставка отъ мѣста, на которое онъ былъ первоначально призванъ (въ духовной академіи), поселила не совсѣмъ благопріятное предубѣжденіе противъ него, то ученики мало-по-малу покинули его, и онъ вскорѣ потомъ удалился изъ Петербурга... Духовенство Невскаго монастыря обвиняло его, что онъ хотѣлъ распространять между своими учениками въ семинаріи социніанскія ученія, и кто читалъ 3-ю часть его рукописи подъ заглавіемъ: Критическая Исторія масонства отъ древ-

---

1) Rückblicke, стр. 222, 223, 227. Въ послѣдней фразѣ онъ разумѣлъ, вѣроятно, Сперанскаго.

нѣйшихъ и до нашихъ временъ, — тотъ не будетъ спорить, что его справедливо можно было упрекать въ лжеученіи»[1].

Фесслеръ не думалъ, однако, основывать своей особой системы. Какъ Шрёдеръ, онъ довольствовался тремя «іоанновскими» степенями старой англійской системы и не искалъ никакой исключительности: его «посвященія» или «степени познанія» могли быть доступны для всякаго, кто прошелъ первыя ступени. Отъѣздъ изъ Петербурга помѣшалъ, конечно, распространенію «посвященій», и впослѣдствіи въ числѣ ложъ, принадлежавшихъ къ «Астреѣ», мы находимъ только одну ложу, такъ называемой, Фесслеровой системы, занесенную какимъ-то образомъ въ Бѣлостокъ... Но Фесслеръ, повидимому, производилъ въ петербургскомъ обществѣ извѣстное вліяніе, и въ двадцатыхъ годахъ, когда Фотій, въ союзѣ съ Аракчеевымъ, Магницкимъ и Шишковымъ, разыскивалъ виновниковъ «бѣсовскаго» вольнодумства, онъ не забылъ въ своихъ проклятіяхъ «иллюмината» Фесслера, «разстригу католицкаго исповѣданія»...

Не знаемъ, кого собственно посвящалъ Фесслеръ въ Петербургѣ въ свое ученіе. Одно посвященіе, которое извѣстно и любопытно, какъ черта времени, — было посвященіе Сперанскаго. Баронъ Корфъ, упоминая о томъ, какъ пытливость Сперанскаго старалась узнать и тайны «иллюминатства», въ которыхъ Фесслеръ былъ его просвѣтителемъ, замѣчаетъ: «позволено даже думать, что это собственно и было главною, хотя, разумѣется, сокровенною цѣлью вызова знаменитаго мистика въ Россію». Когда впослѣдствіи, въ 1822 г., издано было распоряженіе о закрытіи въ Россіи масонскихъ ложъ, Сперанскій въ своей подпискѣ о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и масонскимъ ложамъ, говоря о прошедшемъ времени, упоминаетъ, что въ 1810 году, по случаю разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ въ особо учрежденномъ отъ правительства комитетѣ, котораго онъ былъ членомъ, онъ принятъ былъ «съ вѣдома правительства» въ масонскіе обряды подъ предсѣдательствомъ «извѣстнаго доктора Фесслера», въ частной домашней ложѣ, не имѣвшей собственно ни имени, ни состава, ни учрежденія, свойственнаго ложамъ: эту ложу онъ посѣтилъ два раза. Біографъ Сперанскаго, по поводу словъ, «съ вѣдома правительства» дѣлаетъ предположеніе: не подтверждаютъ ли они сохранившееся до сихъ поръ темное

---

[1]) Handbuch der Freimaurerei, III, 614.

преданіе о томъ, что Сперанскій вступилъ въ ложу собственно по приказанію императора Александра, который, будто бы, самъ хотѣлъ посвятить себя въ тайны масонства?

Къ этимъ обстоятельствамъ видимо относятся и слова Сперанскаго въ концѣ пермскаго письма, гдѣ онъ, по поводу обвиненій его въ связяхъ съ мартинистами, иллюминатами и проч., напоминаетъ Александру ихъ бесѣды о «предметахъ сего рода» и особенно «о мистической ихъ части». Эти бесѣды вызваны были опять самимъ Александромъ. Сперанскій находилъ удовольствіе въ этихъ бесѣдахъ, но замѣчаетъ, что истины, которыя онъ тогда излагалъ, онъ почерпалъ «не изъ книгъ, не изъ сектъ и партій»[1]), а изъ собственной души: «Что другое въ сихъ истинахъ вы слышали отъ меня,— спрашиваетъ Сперанскій,—кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія всего изящнаго и высокаго?».

О такихъ именно предметахъ онъ долженъ былъ услышать и въ «посвященіяхъ» Фесслера, которыя, поэтому, могли интересовать его и кромѣ порученій императора Александра, и если онъ потомъ ссылался на правительство, то эта оговорка въ 1822 г. могла требоваться благоразумной осторожностью. Нравственная и религіозная философія самого Сперанскаго издавна отличалась большой долей мистицизма, такъ что ему могли быть близки масонскія фантазіи не только такого человѣка, какъ Фесслеръ, но даже и такого, какъ Лопухинъ. Напечатанная переписка Сперанскаго въ его друзьями[2]) показываетъ, что онъ еще задолго до этого, въ 1804 г., былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Лопухинымъ, который ревностно знакомилъ его съ мистическими и розенкрейцерскими писаніями и авторитетами своей школы; письма къ Цейеру представляютъ любопытное выраженіе его собственныхъ понятій объ этихъ предметахъ. Его собственная система есть созерцательно-мистическій квіетизмъ[3]). Въ письмѣ изъ Перми

[1]) Сперанскій, вѣроятно, разумѣлъ здѣсь тогдашнія ходячія обвиненія, напр., обвиненія въ „иллюминатствѣ" и под.

[2]) Письма Лопухина къ Сперанскому, Рус. Арх. 1870, стр. 609 и слѣд.; письма Сперанскаго къ Цейеру, тамъ же, стр. 174 и слѣд.

[3]) Какъ справедливо замѣчаетъ издатель этихъ писемъ. Но намъ кажется, что по самымъ письмамъ довольно мудрено указывать границу, отдѣляющую настроеніе Сперанскаго отъ „господствующаго настроенія тогдашнихъ мистиковъ", какъ это указываетъ издатель. Сперанскій, какъ человѣкъ умный, сдерживался во внѣшнихъ выраженіяхъ своей теоріи, но она такъ мистически туманна, что иногда онъ самъ говоритъ языкомъ Лопухина, Лабзина, Невзорова.

къ Цейеру онъ такъ говоритъ о своемъ внутреннемъ состояніи, которое было предметомъ ихъ прежнихъ мистическихъ бесѣдъ и взаимныхъ наблюденій. «До времени нашей разлуки состояніе наше въ сущности было лишь состояніемъ размышленія и умственной молитвы. Вся наша духовность собственно сводилась къ теософіи. Къ ней же относятся творенія Бёма, Сенъ-Мартена, Сведенборга и т. п. *Это лишь азбука.* Десять лѣтъ провелъ я въ ея изученіи, и когда я думалъ, что овладѣлъ всѣмъ, я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе царствія божія». Письма его состоятъ въ разсужденіяхъ о внутренней церкви, въ наставленіяхъ о томъ, какъ достигнуть состоянія благодати, даже въ практическихъ совѣтахъ о томъ, какими средствами можно придти къ мистическому созерцанію, и рекомендуетъ (въ письмѣ 1817 г.) пріемы древнихъ аскетовъ: напр., уединиться въ самый удаленный уголъ комнаты; принять положеніе наиболѣе удобное — сѣсть, скрестить руки подъ грудью и устремить взоры на какую-нибудь часть своего тѣла, а именно на пупокъ; повторять «Господи помилуй»; оставаться въ этомъ положеніи, пока оно длится и т. д. Въ этомъ состояніи аскеты видѣли, такъ называемый ѳаворскій свѣтъ и т. д. Онъ не хочетъ говорить «о собственномъ жалкомъ опытѣ» рядомъ съ этими великими примѣрами духовнаго созерцанія; но былъ и «собственный опытъ»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Сперанскій (въ письмѣ 1818 г.) возстаетъ противъ «заблужденій ложнаго мистицизма», которыя происходятъ, по его словамъ, отъ ревности къ вѣрѣ, не очищенной отъ самолюбія, и осуждаетъ крайности Лабзина...

О посвященіи Сперанскаго Фесслеромъ сохранился разсказъ одного изъ свидѣтелей, ольденбургскаго камергера Ренненкампфа. Ренненкампфъ, извѣстный Фесслеру еще съ Берлина и уже раньше принятый въ первыя степени, получилъ теперь, въ 1810 г., отъ Фесслера степень мастера (вѣроятно, чтобы имѣть право участвовать въ «посвященіи», назначавшемся только для мастеровъ) и вмѣстѣ порученіе перевести на французскій языкъ ритуалы для принятія Сперанскаго, не знавшаго тогда по-нѣмецки. Отъ этого принятія ожидали многаго для успѣховъ масонства въ Россіи. При посвященіи присутствовали, кромѣ Фесслера и Ренненкампфа, еще Розенкампфъ, Дерябинъ, профессоръ Гауэншильдъ, проф. Лодій, еще одинъ масонъ и братъ-служитель [1]).

[1]) Handbuch. III, стр. 59. Розенкампфъ, конечно, извѣстный баронъ, изъ комиссіи законовъ, масонъ и мистикъ; П. И. Озеровъ-Дерябинъ

Какой былъ особый комитетъ, учрежденный отъ правительства «для разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ» и гдѣ Сперанскій былъ членомъ, — не знаемъ.

Мистицизмъ Сперанскаго, такъ странно соединявшійся съ большой положительностью другихъ мнѣній, — характерная черта времени. Если такой умъ увлекался мистическимъ теченіемъ до такой степени, то понятно, что имъ еще легче могла увлекаться масса общества. Какъ у Сперанскаго изученіе Бёма, Сенъ-Мартена и Сведенборга совпадало съ наибольшимъ развитіемъ его либерализма, такъ и у многихъ членовъ нашихъ тайныхъ обществъ политическое свободомысліе соединялось съ религіозностью или съ мистицизмомъ масонскихъ ложъ; въ тайныхъ обществахъ западныхъ радикальныя политическія увлеченія иногда прямо основывались на экзальтаціи идеальнымъ христіанствомъ. Немудрено поэтому, что въ нѣкоторыхъ нашихъ ложахъ могли уживаться рядомъ свободомысліе политическое и мистицизмъ.

Возвращаемся къ ложамъ. Въ числѣ ложъ, соединившихся подъ управленіемъ Директоріальной ложи «Владиміра», были, между прочимъ, такія, которыя «работали» по французскимъ актамъ. Откуда взялись эти акты, не имѣемъ свѣдѣній; но связи нашихъ ложъ съ французскими отчасти сохранились, вѣроятно, отъ прежнихъ временъ, когда уже бывали сношенія съ «великимъ востокомъ» Франціи, отчасти были завязаны вновь [1].

также извѣстный въ свое время масонъ, между прочимъ, розенкрейцеръ и послѣдователь Грабянки, основателя общества „Новаго Израиля" (см. Лонгинова, Новиковъ и пр., стр. 294, прим.; „Русское Масонство" стр. 369-372). О Гауэншильдѣ см. Историческій очеркъ царскосельскаго лицея (1811—1861), Селезнева, Спб. 1861, стр. 102 и слѣд. Въ біографіи Штейна находятся записанные съ его словъ разсказы о Сперанскомъ, объ его наклонности къ мечтательному мистицизму, о томъ, какъ онъ вѣрилъ въ перерожденіе міра посредствомъ тайныхъ обществъ, какъ для этого вступилъ въ связи съ Фесслеромъ и Розенкампфомъ, домъ котораго сталъ центромъ ложъ, какъ Фесслеръ составлялъ для Сперанскаго проектъ о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ тайныхъ обществъ и т. п. (Pertz, III, стр. 37 и слѣд.). Этотъ разсказъ повторенъ цѣликомъ у Шницлера (Rostoptchine et Koutouzof, 2-e édit. Paris, 1863, стр. 88—90). Онъ полонъ преувеличеній и совершенныхъ небылицъ, но тѣмъ не менѣе любопытенъ, потому что это отголосокъ толковъ, какіе Штейнъ слышалъ тогда въ петербургскомъ обществѣ.

[1]) Такъ въ одномъ французскомъ сборникѣ масонскихъ пѣсенъ (La Lyre Maçonnique, Paris. 1809) намъ встрѣтилось стихотвореніе, написанное послѣ Тильзитскаго мира, съ обращеніями къ Нѣману, какъ

Слѣдствіемъ раздоровъ, внесенныхъ Шрёдеровой системой, было, какъ мы видѣли, основаніе другой великой ложи— «Астреи». Она уже вскорѣ стала преобладать. Конституція или Уложеніе этой ложи, одобренная правительствомъ, утверждалась на слѣдующихъ главныхъ правилахъ: терпимость ко всѣмъ признаннымъ масонскимъ системамъ; совершенное равенство представителей отдѣльныхъ ложъ въ великой ложѣ; назначеніе въ масонскія должности путемъ ежегодныхъ выборовъ и невмѣшательство великой ложи въ вопросъ о высшихъ степеняхъ, такъ какъ она принимала только три первыя іоанновскія степени.

Гросмейстеромъ или великимъ мастеромъ «Великой Ложи Астреи» по единогласному избранію назначенъ былъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. Тогда же напечатана была для «братьевъ» конституція Астреи, принятая и утвержденная на шесть лѣтъ (1815—1821) представителями упомянутыхъ четырехъ ложъ, 20-го дня VI мѣсяца 5815 г., или 20 августа 1815 г.[1]).

Съ тѣхъ поръ союзъ Астреи постоянно распространялся. Въ сентябрѣ того же 1815 года эта великая ложа основала въ Петербургѣ новую ложу «Избраннаго Михаила», работавшую на русскомъ языкѣ; въ октябрѣ она «имѣла радость видѣть», что къ ея союзу приступила старѣйшая и самая многочисленная изъ всѣхъ ложъ въ Петербургѣ «Але-

---

будто французскіе масоны обращались къ русскимъ. Въ масонской библіотекѣ и бумагахъ гр. Віельгорскаго, ревностнаго масона тѣхъ временъ, собрано множество книгъ и брошюръ, относящихся къ французскимъ ложамъ, много мелкихъ бумагъ, записокъ, приглашеній въ собранія парижскихъ ложъ, которыя указываютъ на масонскія связи ихъ владѣльца съ парижскими ложами около 1810 года. Въ перепискѣ съ Дмитріевымъ Карамзинъ упоминаетъ о какомъ-то французскомъ шевалье де-Месансъ, судя по его отзывамъ, не то шпіонѣ, не то авантюристѣ, который, между прочимъ, въ Москвѣ „вербовалъ масоновъ, ссылаясь на петербургскую моду" (Письмо къ Дмитріеву, отъ 19 февр. 1811).

[1]) „Уложеніе Великой масонской ложи Астреи на В. (Востокѣ) С.-Петербурга. Часть первая. 5815", и „Законы Великой масонской ложи Астреи на Востокѣ Санктпетербурга или подъ конституціею Великой ложи Астреи состоящаго масонскаго союза. Вторая часть. На Востокѣ Санктпетербурга 5815 года И. С. (Истиннаго Свѣта), съ дополненіями". Въ нашемъ экземплярѣ послѣднія дополненія отъ 24 марта 1818 (345 стр.). Это Уложеніе, какъ и списки членовъ ложъ, печаталось кромѣ русскаго, также на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ксандра къ Коронованному Пеликану», которою до тѣхъ поръ управлялъ Бёберъ, въ качествѣ мастера стула[1]).

Въ слѣдующіе годы къ Астреѣ присоединяются еще другія ложи, или вновь открывшіяся, или старыя. Черезъ два года, въ 1817 г., находимъ въ союзѣ Астреи уже двѣнадцать ложъ, именно кромѣ шести, названныхъ выше, еще слѣдующія: ложа Іордана — въ Ѳеодосіи; Les amis réunis (Соединенныхъ Друзей) и Пламенѣющей Звѣзды — въ Петербургѣ; военная ложа Георгія Побѣдоносца — въ Мобёжѣ, при главной квартирѣ русскаго оккупаціоннаго корпуса, стоявшаго во Франціи; Les ténèbres dispersées (Разсѣяннаго Мрака)—въ Житомирѣ; и Zu den drei Streithammern (Трехъ Сѣкиръ)—въ Ревелѣ[2]).

Къ 24 марта 1818 въ союзѣ Астреи было уже восемнадцать ложъ, именно прибавились ложи: Александра Тройственнаго Спасенія — въ Москвѣ; Трехъ Коронованныхъ Мечей — въ Митавѣ; Ключа къ Добродѣтели — въ Симбирскѣ; Орла Россійскаго — въ Петербургѣ; Соединенныхъ Славянъ — въ Кіевѣ; Любви къ Истинѣ—въ Полтавѣ[3]).

Въ спискѣ ложъ на 1818—1819 г. Астрея считала двадцать три ложи. Къ упомянутымъ выше присоединились ложи: Сѣверныхъ Друзей (Les amis du Nord) и Бѣлаго Орла — въ Петербургѣ; Золотого Кольца—въ Бѣлостокѣ; Пчелы—въ Ямбургѣ; и Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ[4]). Въ концѣ 1818 года (26-го дек.) основалась еще ложа Озириса въ Каменцѣ Подольскомъ.

Въ спискѣ ложъ на 1820—1821 г. перечислены тѣ же двадцать четыре ложи, но нѣкоторыя изъ нихъ уже прекратили свои работы. Такъ ревельская ложа Изиды по постановленію Великой Ложи пріостановила свои работы; мобёжская военная ложа Георгія Побѣдоносца покрылась (a couvert) на неопредѣленное время, вслѣдствіе выступленія русскаго корпуса изъ Франціи; кромѣ того, покрыли свои работы на неопредѣленное время полтавская ложа Любви къ Истинѣ и петербургская Сѣверныхъ Друзей[5]).

---

1) Handbuch. III. 616.

2) Tableau général de la Grande Loge Astrée à l'Or. de St.-Pétersbourg et de douze Loges de sa dépendance, pour l'an maçonnique $58^{17}/_{18}$. A l'Or. de St.-Pétersbourg, 58 $^{24}/_{IV}$ 17 (т.-е. 24 іюня 1817).

3) Дополненія къ „Уложенію" Астреи.

4) Tableau général de la Grande Loge Astrée à l'Or. de St-Pétersbourg et des 23 Loges de sa dépendance. Pour l'an maçonnique $58^{18}/_{19}$.

5) Tableau général de la Grande Loge et des Loges de sa dépendance. Pour l'an maçonnique $58^{20}/_{21}$.

За последнее время существованія ложъ мы не имѣемъ объ Астреѣ другихъ свѣдѣній.

Еще скуднѣе извѣстныя до сихъ поръ данныя о другомъ союзѣ — старой Директоріальной или Провинціальной ложи. Въ 1815 году къ этому союзу принадлежали ложи: Елизаветы къ Добродѣтели, Les amis réunis, Пламенѣющей Звѣзды и Трехъ Добродѣтелей — въ Петербургѣ и ложа Zu den drei gekrönten Schwertern — въ Митавѣ; кромѣ того, были двѣ, такъ называемыя, шотландскія ложи: Сфинкса и св. Георгія. Въ чиноначаліи высшихъ степеней этого союза главныя мѣста занимали Жеребцовъ — великій префектъ въ капитулѣ Феникса, и Бёберъ — президентъ высшаго орденскаго совѣта [1]).

Въ концѣ 1817 года къ союзу Провинціальной ложи принадлежали, по офиціальнымъ даннымъ, слѣдующія шесть ложъ: Елизаветы къ Добродѣтели, Трехъ Добродѣтелей, Трехъ Свѣтилъ, Дубовой Долины къ Вѣрности, Сѣверныхъ Друзей—въ Петербургѣ и Сѣверной Звѣзды—въ Вологдѣ [2]).

Существованіе этого союза было, повидимому, довольно безпорядочно. Союзъ былъ немногочисленъ, и нѣсколько разъ ложи этого союза переходили къ Астреѣ. Такъ, уже въ первый годъ существованія Астреи перешла къ ней ложа «Александра къ Коронованному Пеликану», въ которой управляющимъ мастеромъ былъ передъ тѣмъ самъ Бёберъ; далѣе ложи Les amis réunis и Пламенѣющей Звѣзды, потомъ митавская ложа Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей, петербургская ложа Сѣверныхъ Друзей.

Гросмейстеромъ Провинціальной ложи послѣ Бёбера съ 1815 г. былъ Александръ Александровичъ Жеребцовъ (генералъ-маіоръ), а потомъ (кажется, съ 1817 г.) графъ Михаилъ Віельгорскій—имя очень извѣстное въ послѣдующее царствованіе. Вторымъ мастеромъ, при Віельгорскомъ, былъ

---

[1]) Въ запискѣ Бёбера, Handb. III, 615. Ложа „Трехъ Вѣнчанныхъ (Коронованныхъ) Мечей", состоявшая въ союзѣ Провинціальной ложи и названная у Бёбера митавскою, — упоминается у Вигеля какъ петербургская (Записки, III, V, 57). Впослѣдствіи ложу этого имени, митавскую, о которой говоритъ Бёберъ, мы находимъ въ союзѣ Астреи (см. „Уложеніе", стр. 345). Наконецъ, еще въ другомъ мѣстѣ она называется ложею „Трехъ Мечей" просто (Handb. III, 113). Эти разнорѣчія не совсѣмъ ясны.

[2]) См. „Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ Ложъ", и пр. (1817).

Сергѣй Степановичъ Ланской, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ II [1]).

Въ 1819 году въ союзѣ Провинціальной ложи считалось только шесть ложъ, именно: Елизаветы, Трехъ Добродѣтелей, Дубовой Долины — въ Петербургѣ, Понта Евксинскаго — въ Одессѣ, Сѣверной Звѣзды — въ Вологдѣ, и Искателей Манны (Chercheurs de la manne) — въ Москвѣ [2]).

Приведенный списокъ ложъ, существовавшихъ въ то время, безъ сомнѣнія, неполонъ. Такъ, напр., здѣсь не названы ложи масоновъ московской школы, о которыхъ говорится, однако, что онѣ «въ тиши» работали, и т. п.

Въ 1817 году, 12 декабря, двѣ Великія ложи Астрея и Провинціальная, въ лицѣ своихъ великихъ мастеровъ, великихъ чиновниковъ, великихъ офиціаловъ и членовъ, заключили между собою «Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ ложъ на Востокѣ С.-Петербурга» [3]). По этому акту онѣ положили: не признавать въ Россіи никакой ложи законною, которая не будетъ признана правительствомъ, или которая, со времени существованія бывшей Директоріальной ложи Владиміра къ порядку, т.-е. послѣ 1809 г., учредилась безъ ея или двухъ этихъ ложъ соизволенія, или которая будетъ учреждена отъ какой-нибудь иностранной Великой ложи. Положены были условія на случай, если бы пожелала возобновить свои работы и заявила свои права какая-нибудь изъ прежнихъ ложъ, существовавшихъ еще ранѣе Директоріальной ложи. Далѣе обѣ ложи обязывались взаимно признавать іоанновскія ложи, основанныя которою-либо изъ нихъ; обязывались не признавать законною ту ложу, надъ которой ея Великая ложа

---

[1]) Ср. Записки Вигеля, тамъ же, и разсказъ А. П. Степанова, въ Рус. Старинѣ, 1870, т. I, стр. 150, 155.

[2]) По другому счету (въ статьѣ Полика о русскихъ ложахъ, въ Bauhütte, 1862, № 20 и слѣд.,—этого журнала мы не имѣли въ рукахъ,— см. Handbuch, III, 114 прим.) къ Провинціальной ложѣ принадлежало 11 ложъ, а къ Астреѣ—23. Вигель (Зап. III, V, стр. 57) называетъ, неизвѣстно за какое время, пять ложъ: Елисаветы, Сѣверныхъ Друзей, Дубовой Долины, Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей и Александра къ Вѣнчанному Пеликану. Ложу Трехъ Добродѣтелей онъ считаетъ въ Астреѣ. Его показанія нѣсколько спутаны.

[3]) Изданъ былъ подъ этимъ заглавіемъ, 4°, 18 стр. Было сдѣлано также изданіе нѣмецкое и французское. „Актъ“ подписанъ былъ, въ двухъ столбцахъ, членами Великой ложи и представителями 8 ложъ Астреи, и членами Великой ложи Провинціальной и представителями подчиненныхъ ей 6 ложъ.

будетъ производить судъ, или въ которой она остановитъ или вовсе прекратитъ работы. Впрочемъ, ни у одной іоанновской ложи не отнималось право перейти изъ одного союза въ другой,—только при соблюденіи извѣстныхъ условій, напр., чтобы переходъ былъ рѣшенъ большинствомъ наличныхъ членовъ, чтобы она получила предварительно отъ Великой ложи свидѣтельство, что не имѣетъ никакого денежнаго обязательства къ союзу, безъ чего принявшая ее Великая ложа сама удовлетворяетъ ея денежный долгъ. Далѣе, ложи взаимно извѣщаютъ другъ друга объ исключеніи членовъ, объясняя и причины исключенія: извѣщаемая Великая ложа можетъ, впрочемъ, по своему усмотрѣнію, принимать или не принимать исключеннаго изъ другой ложи, кромѣ, однако, тѣхъ братьевъ, которые, по своимъ преступленіямъ, подвергаются совершенному исключенію изъ ордена. Онѣ сообщаютъ другъ другу списки своихъ ложъ, чиновниковъ и членовъ. Далѣе опредѣляются правила, по какимъ совершаются торжества ложъ, почести, какія оказываются при взаимныхъ посѣщеніяхъ двухъ Великихъ ложъ, церемоніалъ при торжественныхъ столовыхъ ложахъ и порядокъ тостовъ. Наконецъ, правила на случай неудовольствія одной Великой ложи на другую, или члена одного союза противъ члена другого.

Ложи, собравшіяся подъ управленіемъ Астреи и Провинціальной ложи, происходили изъ нѣсколькихъ различныхъ системъ. Какъ исполнялись эти системы, трудно сказать, за недостаткомъ указаній. Въ Провинціальной ложѣ, не принявшей нововведеній, сохранялись, вѣроятно, обычаи старыхъ системъ и высшія степени съ ихъ іерархіей. Въ Астреѣ терпимы были всѣ *признанныя* системы, и въ ней мы встрѣчаемъ большое разнообразіе. Такъ, въ спискѣ 1819 года самое большое число ложъ, семь или восемь, слѣдовало системѣ Шрёдера, или такъ называемой *древне*-англійской [1]; далѣе было двѣ-три ложи англійской Елагинской системы; было очень много ложъ системы шведской, это были ложи, отчасти перешедшія изъ Провинціальной, отчасти основанныя по этой системѣ вновь; было отъ четырехъ до шести ложъ, гдѣ принята была, такъ называемая, исправленная шотландская система; было, наконецъ, по одной ложѣ системы Grand Orient de France и системы Фесслера.

---

[1]) Ее называли теперь древне-англійской, потому что Шрёдеръ принялъ старый англійскій ритуалъ съ тремя степенями, изъ книги „Jachin and Boaz", о которой см. „Русское Масонство", 1916, стр. 45 и сл.

Союзъ Астреи оказывалъ терпимость къ этимъ различнымъ системамъ, но у себя не давалъ никакого значенія высшимъ степенямъ. Въ своемъ Уложеніи онъ рѣшительно высказался противъ явныхъ крайностей и извращеній масонства. Въ первыхъ положеніяхъ, принятыхъ соединившимися ложами, сказано, что: «Онѣ обязуются—не имѣть, въ предметѣ работъ, изысканія сверхъестественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ, такъ называемыхъ, Иллюминатовъ и Мистиковъ, ниже Алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ, и наконецъ, не стараться о возстановленіи древнихъ рыцарскихъ орденовъ».

Но внѣ Астреи старое рыцарство и розенкрейцерство, хотя въ измѣнившейся формѣ, вѣроятно, еще не мало имѣли послѣдователей. Въ самой Астреѣ, въ числѣ почетныхъ членовъ разныхъ ея ложъ, были и ученики Новиковской школы, какъ, напр., Лабзинъ.

Въ XVIII столѣтіи масонство всего больше распространилось сначала въ Петербургѣ; потомъ, при Новиковѣ, гнѣздомъ его стала Москва. Въ XIX вѣкѣ Москва почти не дѣйствуетъ, и это довольно понятно. Въ Петербургѣ было гораздо больше условій для этого, больше возбужденій общественныхъ и либеральныхъ, и реакціонныхъ, больше сближеній съ западными вліяніями; Москва только-что возрождалась изъ пепла, и старый кружокъ ордена разсѣялся. Изъ числа 30 ложъ обоихъ союзовъ, за послѣдніе года, въ Петербургѣ находилось всего больше ложъ, именно 12; только двѣ ложи считалось въ Москвѣ и двѣ въ Ревелѣ; по одной ложѣ было въ разныхъ провинціальныхъ городахъ[1]). Въ Петербургѣ собраны были и орденскія власти.

Современные мемуары и документы, масонскія изданія, списки членовъ ложъ, какъ напечатанные въ свое время, такъ и рукописные, сохранившіеся изъ масонскихъ архивовъ въ Публичной Библіотекѣ и Румянцовскомъ Музеѣ, даютъ возможность судить о составѣ ложъ, а частью и объ ихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Составъ этотъ былъ очень разнообразный, и масонская мода охватила теперь гораздо болѣе значительную часть общества, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Главныя власти были отчасти изъ старыхъ масоновъ, дѣй-

---

1) См. „Хронологическій указатель русскихъ ложъ 1717—1829“, въ новомъ изданіи дополненный Г. В. Вернадскимъ — „Русское Масонство“, 1916, стр. 498—532.

ствовавшихъ еще при Екатеринѣ (гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, Бёберъ, Эллизенъ), отчасти изъ новыхъ адептовъ (Віельгорскій, Ланской). Аристократическій элементъ, игравшій роль въ ложахъ при Екатеринѣ, довольно значителенъ и теперь, но вообще былъ гораздо слабѣе прежняго. Ложи заняты и управляются по преимуществу среднимъ классомъ; чиновники и военные, купцы и ремесленники составляютъ главный контингентъ. Было много иностранцевъ, французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Россіи, но въ особенности петербургскихъ нѣмцевъ, чиновниковъ, учителей, докторовъ, купцовъ и ремесленниковъ [1]. Было также много поляковъ.

Поэтому многія ложи производили свои работы на иностранныхъ языкахъ. Изъ числа 30 ложъ, по послѣднему списку, десять ложъ работали на нѣмецкомъ языкѣ; три работали на французскомъ; двѣ на польскомъ; одиннадцать ложъ было русскихъ и, наконецъ, нѣсколько смѣшанныхъ ложъ, гдѣ работали на двухъ языкахъ: именно, было двѣ ложи французско-русскихъ, и ложи нѣмецко-польская и французско-польская. Изъ этого числа въ Петербургѣ было пять русскихъ ложъ, четыре нѣмецкихъ, двѣ французскихъ и одна смѣшанная, французско-русская.

Разбирая списки членовъ [2], мы уже видимъ, какое разнообразіе мнѣній и какіе различные слои общества встрѣчались въ тогдашнихъ ложахъ.

Въ *Астреѣ* гросмейстеромъ былъ, какъ упомянуто, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, почетный членъ ложи «Royal York» въ Берлинѣ и ложи «Du Bouclier du Nord» въ Варшавѣ. Съ 1820 года гросмейстеромъ былъ графъ Адамъ-Лаврентій Ржевускій, вѣроятно тотъ, который въ спискахъ 1817—1818 г. упоминается какъ намѣстный мастеръ въ ложѣ «Ténèbres dispersées» въ Житомирѣ. Далѣе, намѣстнымъ великимъ мастеромъ Астреи былъ князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Ростовскій, почетный членъ польскихъ ложъ въ Вар-

---

[1]) Изъ нѣмцевъ еще съ прошлаго столѣтія были ревностные масоны, работавшіе и въ своемъ нѣмецкомъ кругу и вмѣстѣ съ русскими. Нѣмецкіе пропагандисты много сдѣлали и вообще для распространенія ложъ; вспомнимъ Рейхеля, Шварца, а также Штарка, Розенберга, барона Шрёдера и т. д.

[2]) Списокъ членовъ ложи Георгія Побѣдоносца, при русскомъ корпусѣ въ Мобёжѣ, не былъ помѣщенъ въ Tableau général 1817 г. за неполученіемъ его; онъ былъ напечатанъ въ Р. Архивѣ, 1865, стр. 495, но онъ находился уже въ Tableau 1818—1819 года.

шавѣ и въ Краковѣ. Вторымъ великимъ надзирателемъ былъ Фридрихъ Шёлеръ, прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Великимъ витіей — Фр. Фольбортъ, лютеранскій пасторъ, намѣстный мастеръ «Палестины», почетный членъ одной гамбургской ложи, съ 1815 г. одинъ изъ директоровъ въ петербургскомъ комитетѣ Библейскаго Общества. Почетнымъ членомъ Астреи былъ графъ Станиславъ Костка-Потоцкій, гросмейстеръ Великаго Востока Польши, министръ народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ.

Въ ложѣ *Петра къ истинѣ*, управлявшейся Эллизеномъ, въ числѣ почетныхъ членовъ былъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, извѣстный попечитель московскаго университета и врагъ Карамзина; въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ встрѣчаемъ піэтиста пастора Буссе, проф. Гауэншильда, Павла Свиньина, наконецъ, много генераловъ и гвардейскихъ офицеровъ,—между прочимъ, Александра фонъ-деръ-Бриггена (декабриста).

Въ ложѣ *Палестины* показанъ въ числѣ членовъ Карлъ Зайгеръ (Sayger), секретарь великаго князя Николая Павловича; въ числѣ отсутствующихъ членовъ (въ 1817—1818) — маіоръ Леонтій Дуббельтъ (столь извѣстный дѣятель послѣдующаго царствованія), отставной подполковникъ А. Лореръ.

Въ ложѣ *Нептуна* былъ намѣстнымъ мастеромъ книгопродавецъ Вейгеръ, одинъ изъ «великихъ чиновниковъ» Астреи, почетный членъ ложъ въ Варшавѣ, Гамбургѣ и Вильнѣ.

Въ ложѣ *Александра* мастеромъ стула былъ извѣстный основатель и издатель «Русскаго Инвалида», секретарь и директоръ въ библейскомъ комитетѣ Павелъ Поміанъ-Пезаровіусъ; въ его ложѣ Лабзинъ былъ почетнымъ членомъ; членами этой ложи были преимущественно нѣмецкіе купцы и ремесленники.

Въ ложѣ *Соединенныхъ Друзей*, подъ управленіемъ полковника Оде-де-Сіона и генерала Прево-де-Люміана[1]), мы находимъ въ числѣ членовъ, за 1816—1818 годы, извѣстнаго П. Я. Чаадаева, тогда офицера гвардейскихъ гусаръ, въ степени мастера, и Александра Грибоѣдова, также гусарскаго офицера, въ степени товарища; Авраама Норова, генералъ-маіора А. Бенкендорфа, гвардіи офицера Пестеля; здѣсь же встрѣчаемъ принца Александра Виртембергскаго, тогда бѣ-

---

1) См. о нихъ у Вигеля, III, V, 55—56.

лорусскаго генералъ-губернатора, и нѣсколько лицъ изъ русской и польской аристократiи; далѣе названъ гвардiи полковникъ Михаилъ Митьковъ (декабристъ). Въ одномъ изъ списковъ Пестель и Чаадаевъ означены въ этой ложѣ 5-ю степенью.

Въ ложѣ *Пламенѣющей звѣзды*, гдѣ управляющимъ мастеромъ былъ баронъ Андрей Корфъ, въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ: генералъ отъ инфантерiи Борисъ Леццано, кажется, старый масонъ новиковской школы. Въ спискѣ членовъ этой ложи за 1820—1821 г. въ числѣ братьевъ 1-й степени упомянутъ офицеръ гвардiи Кондратiй Рылѣевъ.

Въ ложѣ *Избраннаго Михаила* управляющимъ мастеромъ былъ графъ Ѳ. П. Толстой, въ то время отставной флота капитанъ-лейтенантъ, почетный членъ академiи художествъ. Въ числѣ «великихъ чиновниковъ» ложи были: Н. И. Гречъ, Ѳ. Н. Глинка, В. И. Григоровичъ, Н. Ѳ. Кошанскiй, извѣстный лицейскiй профессоръ, который былъ въ ложѣ «витiей». Членами этой ложи были: Н. А. Бестужевъ (съ 1818 г.), А. Е. Измайловъ; въ 1820—1821 г. братьями 1-й степени были М. К. Кюхельбекеръ и К. И. Арсеньевъ, профессоръ петербургскаго университета. Въ числѣ отсутствующихъ за тѣ же 1820—1821 г. показаны Ив. Ив. Давыдовъ, адъюнктъ-профессоръ, и (въ качествѣ братьевъ 2-й степени) баронъ А. А. Дельвигъ и В. К. Кюхельбекеръ; въ 1818 г. въ числѣ отсутствующихъ показанъ и Гаврiилъ Степановичъ Батенковъ, который находился тогда въ Томскѣ и былъ секретаремъ тамошней ложи Восточнаго Свѣтила, основанной 30 августа 1818 года. Въ этой ложѣ Батенковъ упомянутъ и въ спискѣ 1820 г.

Въ ложѣ *Сѣверныхъ Друзей* за 1818—1819 г. мастеромъ стула былъ Александръ Жеребцовъ, одинъ изъ самыхъ чиновныхъ масоновъ, бывшiй великимъ мастеромъ Директорiальной ложи Владимiра, потомъ Великой ложи Провинцiальной, почетный членъ разныхъ ложъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Провинцiальной ложи Литовской въ Вильнѣ, потомъ разныхъ ложъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Россiенахъ и въ Вильнѣ. Первымъ надзирателемъ былъ П. Чаадаевъ, обрядоначальникомъ князь Николай Ипсиланти (кавалергардскiй офицеръ); въ числѣ членовъ — много офицеровъ семеновскаго полка. Между отсутствующими названы генералъ-лейтенантъ гр. Павелъ Шуваловъ, кн. Алексѣй Шаховской, Филиппъ Вигель.

Въ ложѣ *Орла Россiйскаго* управляющими мастерами были по очереди кн. Гагарины (Иванъ Алексѣевичъ и Па-

велъ Гавриловичъ), дѣйствительными членами были самъ гросмейстеръ гр. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, А. Я. Лобановъ-Ростовскій, А. Л. Нарышкинъ, кн. В. С. Голицынъ и др.

Ложа *Орла Бѣлаго* была польская, и мастеромъ стула былъ гр. Адамъ Ржевускій.

Въ московской ложѣ *Александра Тройственнаго Спасенія*, гдѣ членами было много нѣмецкихъ купцовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, былъ также ректоръ университета Геймъ, и тутъ же полицмейстеръ Бибиковъ, директоръ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора Шафонскій; штабъ-хирургъ Ѳедоръ Коршъ; между отсутствующими названъ генералъ-маіоръ Михаилъ Фонъ-Визинъ (декабристъ).

Цѣлый рядъ именъ будущихъ декабристовъ и другихъ замѣтныхъ людей встрѣчаемъ въ ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*. Въ подробномъ спискѣ этой ложи, 1816—1819 годовъ, названы слѣдующія лица съ указаніемъ ихъ масонскихъ титуловъ и должностей.

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, генералъ-маіоръ, принятъ былъ въ орденъ въ 1812 въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, и былъ однимъ изъ основателей ложи Трехъ Добродѣтелей, гдѣ онъ занималъ послѣ должности второго и перваго надзирателя.

Князь Илья Андреевичъ Долгоруковъ принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей въ 1814, затѣмъ одно время былъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей секретаремъ, вторымъ «стуартомъ» и вторымъ надзирателемъ; въ концѣ 1818 «закрылъ работы».

Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой принятъ былъ въ 1816, въ 1818—1819 былъ намѣстнымъ мастеромъ, а затѣмъ состоялъ почетнымъ членомъ.

Князь Александръ Ипсиланти, генералъ-маіоръ, принятъ былъ въ 1810 въ ложѣ Палестины, въ 1816 получилъ 3-ю степень, и въ 1820 не числился болѣе въ ложѣ.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, принятый въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, получилъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей 2-ю и 3-ю степень, и съ 1820 не числится.

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ принятъ въ 1817, былъ въ ложѣ «обрядоначальникомъ» и въ концѣ 1818 «закрылъ работы».

Никита Михайловичъ Муравьевъ принятъ въ 1817, получилъ степени, былъ «ритором ъ» и въ концѣ 1818 вышелъ.

Павелъ Ивановичъ Пестель, гвардіи-офицеръ, получилъ 3-ю степень въ 1817, и въ 1820 не числился болѣе членомъ.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ, полковникъ, принятъ въ ложѣ Елизаветы, въ 1817—1818 былъ намѣстнымъ мастеромъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, затѣмъ показанъ находящимся въ Москвѣ. Въ протоколахъ «Капитула Феникса», по VI-й степени, записано, между прочимъ, особое дѣло о Муравьевѣ, изъ котораго оказывается, что онъ, во время пребыванія своего, по военнымъ обстоятельствамъ, въ 1814 году во Франціи, въ городѣ Мелюнѣ, познакомился съ братомъ Больтренталемъ, членомъ верховной митрополіи Гередона и четырехъ европейскихъ Востоковъ[1]), что «сей братъ Больтренталь, замѣтивъ въ братѣ Муравьевѣ потребныя качества, сообщилъ ему седьмую степень». Русскія масонскія власти, разсмотрѣвъ документъ Муравьева, рѣшили признать его въ высокихъ степеняхъ, впрочемъ, исполнивъ предварительно формальности.

Въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей былъ одно время Петръ Ивановичъ Колошинъ, гвардіи офицеръ; съ 1819 года Норовъ и пр.

Въ «шотландской ложѣ» *Александра* считался въ 4-й степени Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, въ 1818 выбывшій оттуда въ ложу Сфинкса.

Въ полтавской ложѣ *Любви къ истинѣ* встрѣчаемъ имя извѣстнаго И. П. Котляревскаго.

Въ кіевской ложѣ *Соединенныхъ Славянъ* — князья Александръ и Петръ Трубецкіе, и опять (уже подполковникъ) Леонтій Дуббельтъ.

Въ ѳеодосійской ложѣ *Іордана* — Иванъ Липранди.

Въ ревельской ложѣ *Трехъ Сѣкиръ* былъ членомъ Августъ Коцебу.

Такимъ образомъ въ ложахъ собирались люди самаго различнаго свойства: и дѣятели библейскаго мистицизма, мрачные обскуранты изъ старыхъ масоновъ и ихъ учениковъ, и безобидные филантропы, и представители либерализма, и люди весьма сомнительныхъ профессій, тогдашніе или будущіе доносчики и шпіоны. Въ чемъ же состояла эта масонская дѣятельность, какой былъ ея смыслъ, и былъ ли вообще въ ней какой-нибудь смыслъ? На нынѣшній взглядъ масонство вообще представляется какимъ-то страннымъ маскарадомъ, ни къ чему ненужнымъ ребячествомъ. Въ наше время мудрено

[1]) Одно изъ вычурныхъ названій высшихъ степеней во французскомъ масонствѣ. „Востокомъ“ называлось высшее масонское управленіе въ странѣ.

обманывать масонскими переодѣваніями и обрядами, и все это легко представляется въ комическомъ видѣ. Масонская декорація и тогда уже переставала обманывать; одни, извѣдавши масонскія таинства, наскучили ими; другіе видѣли въ нихъ только случай развлечься и, не ломая головы надъ нравственными проповѣдями, предпочитали всему «столовыя ложи». И въ то время люди, слишкомъ серьезно принимавшіе масонскую мудрость, подавали поводъ къ остроумію. Тѣмъ не менѣе масонское движеніе имѣло свой историческій смыслъ и, вредное или безразличное одними своими сторонами, другими приносило даже нѣкоторую пользу. Для многихъ, дѣйствительно, ложа не имѣла другого смысла, кромѣ того, что въ ней можно было попить, поѣсть и поболтать. Объ этой сторонѣ дѣла даетъ понятіе разсказъ Вигеля и другія свидѣтельства [1]). Но многіе, вѣроятно, серьезно вѣрили масонской легендѣ, хотя мало примѣняли ее на дѣлѣ. Учрежденіе было такъ своеобразно, ему приписывали такую старину (происхожденіе отъ временъ царя Соломона, или по крайней мѣрѣ изъ среднихъ вѣковъ, отъ рыцарей Храма, не представляло тогда невѣроятнаго), что оно производило извѣстное впечатлѣніе, если даже не чудесной своей стороной, то авторитетомъ древняго учрежденія. Многіе

---

[1]) Зап. Вигеля, II, IV, 148—149; III, V, 56—57. Ложа Елизаветы къ добродѣтели, гдѣ мастеромъ стула былъ Віельгорскій, гросмейстеръ Провинціальной ложи,—по разсказу Вигеля,—отличалась большой строгостью въ соблюденіи масонскихъ узаконеній и обрядовъ, Она должна была служить образцомъ для другихъ ложъ. „Въ первомъ изъ общихъ собраній Віельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками храмовниковъ не пользовалось доброю славою (Вигель былъ въ ложѣ Amis du Nord); казалось, что нравственности моей грозить опасность. Никто изъ Сѣверныхъ Друзей не былъ проникнутъ чувствомъ истиннаго вольнаго каменщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гульливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ во время представленія піесы, спѣшили понатѣшиться, поѣсть, попить, и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія Провинціальной ложи остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе Елизаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ, Віельгорскаго, я не встрѣтилъ между ними ни одного человѣка, достойнаго уваженія“... Ср. подобный отзывъ А. П. Степанова (извѣстнаго автора „Постоялаго Двора“), который такимъ же образомъ осуждаетъ ложу, подъ управленіемъ Жеребцова, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о масонскихъ достоинствахъ Віельгорскаго (Р. Старина, 1870 т. I, стр. 155.).

изъ главныхъ масоновъ были люди, убѣжденные въ своемъ орденѣ: таковы были, по разсказу самого Вигеля, гр. Віельгорскій и Бёберъ; Лабзинъ былъ фанатикомъ своего мистицизма. Ложи, управляемыя такими убѣжденными людьми, могли оказывать вліяніе на своихъ адептовъ.

Вліяніе это было различное. Едва ли не всего сильнѣе было вліяніе мистическое. Сколько ни старалась новая масонская школа, проникшая къ намъ въ видѣ системы Шрёдера или системы Фесслера, очистить масонство отъ постороннихъ примѣсей, наросшихъ въ теченіе XVIII вѣка, — оно далеко не успѣло отъ нихъ освободиться, и у насъ, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, внушало не столько добродѣтели, служащія къ «благополучію человѣковъ», какія оно ставило своей первой цѣлью[1]), сколько туманный мистицизмъ, который такъ легко прививается особенно къ неяснымъ теоретическимъ понятіямъ и къ полуобразованности.

Самыми ревностными распространителями мистицизма остались послѣдователи новиковской школы, хотя ихъ вліяніе пошло не столько черезъ ложи, сколько литературнымъ путемъ и личными связями. Объ ихъ собственно масонской дѣятельности извѣстно мало, но у нихъ были, кажется, свои ложи, болѣе или менѣе правильныя. Настоящихъ посвященій въ розенкрейцерство, вѣроятно, уже не было, потому что изсякъ самый источникъ его въ Берлинѣ; но еще живы были его прежніе дѣятели, которые поддерживали преданіе. Они не мало трудились, много писали, кѣмъ-нибудь руководили. Гамалѣя усердно переводилъ Бёма; Лопухинъ велъ большую переписку; Поздѣевъ въ перепискѣ руководилъ Разумовскаго, Ланского, Віельгорскаго; Карнѣевъ, сдѣлавшись членомъ Библейскаго Общества, устроилъ въ Харьковѣ, гдѣ былъ попечителемъ университета, библейское «сотоварищество» изъ студентовъ, занятія котораго были очень похожи на начальныя розенкрейцерскія работы стараго времени. Ученики старой московской школы, Максимъ Невзоровъ и особенно Лабзинъ, трудились неутомимо въ томъ же направленіи. Оставивъ чистое розенкрейцерство, Лабзинъ проповѣдовалъ особый ухищренный мистицизмъ, въ которомъ сохранились старые авторитеты, какъ Бёмъ, Дютуа, г-жа Гюйонъ и т. п.,

[1]) „Уложеніе" Астреи, § 6: „Онѣ (соединенныя ложи) признаютъ цѣлію работъ своихъ: усовершеніе благополучія человѣковъ исправленіемъ нравственности, распространеніемъ добродѣтели, благочестія" и проч.

и вводились новые, какъ Юнгъ-Штиллингъ и особенно Эккартсгаузенъ. И здѣсь опять повторяются старая алхимико-магическая терминологія и кабалистическія умствованія, хотя больше въ качествѣ аллегоріи и символа. Въ окончательномъ результатѣ былъ тотъ же темный мистицизмъ. Свою дѣятельность Лабзинъ примкнулъ къ Библейскому Обществу, гдѣ ему вторилъ Пезаровіусъ, хотя послѣдній, какъ членъ Астреи и не долженъ былъ бы «слѣдовать правиламъ Мистиковъ»[1]). Мистическая литература этого времени, главнымъ образомъ, конечно, переводная, была чрезвычайно изобильна...

Эта мистика не составляла, однако, общей, принадлежности ложъ. «Астрея» даже прямо отвергла ее, и вѣроятно въ ея ложахъ больше мѣста находила обыкновенная масонская мораль братолюбія и благотворительности, и какъ бы ни была она мало дѣйствительна сама по себѣ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ложи тѣмъ не менѣе были извѣстнымъ успѣхомъ.

Въ свое время извѣстнымъ успѣхомъ былъ даже крайній новиковскій мистицизмъ. Въ грубой массѣ общества, не думавшей ни о какихъ отвлеченностяхъ, мистики являлись все-таки людьми съ какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло свое возбуждающее дѣйствіе. Таковы были, напр., ихъ толки о внутренней религіи и постоянные глухіе споры съ тѣмъ духовенствомъ, которое по недостатку порядочнаго образованія слишкомъ держалось за одну внѣшнюю религіозность. Сами мистики, правда, мало помогали этому недостатку, но они по крайней мѣрѣ его видѣли и даже иногда съ нѣкоторой смѣлостью указывали. Въ духовенствѣ были люди, признававшіе за ними правду, и митрополитъ Филаретъ въ своей молодости бывалъ ихъ союзникомъ; другіе охотно съ ними спорили; зато третьи, которымъ старый порядокъ вещей былъ совершенно

---

[1]) Чтобы познакомиться съ этимъ отдѣломъ масонскаго мистицизма стоитъ взять какую-нибудь изъ книжекъ Эккартсгаузена, переведенныхъ Лабзинымъ, или одну изъ книжекъ его „Сіонскаго Вѣстника". Любопытный матеріалъ читатель найдетъ въ указанной выше перепискѣ Лопухина съ Сперанскимъ; наглядную картину даетъ С. Т. Аксаковъ въ статьѣ „Встрѣча съ мартинистами", Р. Бесѣда 1859, кн 1; см. также біографіи Лабзина и Невзорова; интересные „Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи" (Труды Кіевской Дух. Акад. 1863, окт., 161—203); Записки К. А. Лохвицкаго (знакомства съ Чеботаревымъ, Карнѣевымъ, Лабзинымъ, Лѣнивцевымъ, Татариновой, Лубяновскимъ и проч.). Подробная статья Галахова о тогдашней мистической литературѣ, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв." 1884.

хорошъ, какъ Фотій, обвиняли ихъ какъ безбожниковъ и прямо засчитывали въ учениковъ Антихриста... Не надо при этомъ забывать, что весь умственный уровень былъ крайне невысокъ, мистическій туманъ застилалъ даже такіе умы, какъ Сперанскій, и эти люди выдѣлялись, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь взглядомъ, который они обыкновенно готовы были упорно защищать, а это уже имѣло свое значеніе въ безличномъ и мало-думающемъ обществѣ. Такъ выдѣляются раскольники изъ массы простого народа.

Кромѣ мистицизма, въ характерѣ стариннаго «масона» была другая черта, можетъ быть, встрѣчавшаяся менѣе часто. Люди, искренно принимавшіе поученія ордена, нерѣдко отличались независимостью характера, производимой присутствіемъ убѣжденія, а иногда дѣйствительно пріобрѣтали то нравственное чувство, сознаніе человѣческаго достоинства, для которыхъ хотѣли работать первые вольные каменщики. Нужно было, конечно, извѣстное простодушіе, чтобы сохранить вѣру въ авторитетъ учрежденія, слабыя стороны котораго уже были достаточно видны, но эта вѣра могла все-таки оказывать нравственное вліяніе. Исторія этихъ людей еще мало извѣстна, но мы знаемъ, однако, любопытные примѣры характеровъ, которые вырабатывались подъ этими вліяніями и въ которыхъ нравственная строгость соединялась съ любовью къ людямъ, готовою на помощь и участіе. Таковы въ старину были Новиковъ и Гамалѣя; таковъ былъ теперь, судя по отзывамъ Вигеля, Эллизенъ, или нѣсколько позднѣе воспитанникъ масоновъ московскій профессоръ Мудровъ, оригинальный и типическій характеръ[1]), и др.

Слой масоновъ молодого поколѣнія, вступавшій въ новыя ложи, повидимому, отличался другими свойствами. Вѣроятно, многіе изъ нихъ и тогда смотрѣли не серьезно на свои ложи, легко ихъ оставляли, легко мирились съ ихъ закрытіемъ, но иногда, вѣроятно, придавали нѣкоторую важность своему союзу. Соединеніе въ ложахъ людей разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ, мнѣній, соединеніе ихъ во имя какой-то идеи, должно было производить впечатлѣніе; мысль, что они исполняютъ какую-то программу, служатъ нравственнымъ и общественнымъ цѣлямъ, способна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ, особенно въ тогдашнее

---

1) См. его біографію въ „Словарѣ московскихъ профессоровъ“, 1855. Объ этой чертѣ старыхъ масоновъ см. также въ запискахъ Пржецлавскаго, въ „Русской Старинѣ“, 1874, т. XI.

время. Событія Двѣнадцатаго года и послѣдующаго времени волновали умы, и когда Россія впервые въ этихъ событіяхъ стала лицомъ къ лицу съ Европой, то враждебно, то въ тѣсномъ союзѣ, политическое возвышеніе Россіи подняло и уровень политическихъ интересовъ общества; неясные зачатки общественной самодѣятельности обнаружились и въ масонскихъ ложахъ. Библейскіе дѣятели думали обновлять русскую жизнь евангельской пропагандой, масонскія ложи хотѣли работать для «благополучія человѣковъ» — «усовершенствованіемъ нравственности». Что эти первыя пробы не были совершенно безплодны, можно судить по тому, что въ ложахъ уже скоро стало сказываться броженіе, которое, не ограничиваясь отвлеченной моралью, стало искать болѣе положительныхъ началъ, примѣнимыхъ къ общественной жизни. Разныя направленія, какія были въ обществѣ, проникаютъ въ ложи и находятъ здѣсь точку опоры. Въ масонствѣ, которое до сихъ поръ служило всего болѣе религіозной мистикѣ, является новое направленіе, — политическій либерализмъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ имѣется еще мало матеріала, чтобы можно было говорить объ этой сторонѣ дѣла съ большей точностью, но нѣтъ сомнѣнія, что въ масонскихъ ложахъ были сильные отголоски либеральныхъ мнѣній, и черезъ людей изъ молодого либеральнаго круга явилась извѣстная связь между ложами и начинавшимися тогда тайными обществами. Членомъ ложи былъ Грибоѣдовъ; въ степени мастера и въ масонской должности находимъ «офицера гусарскаго» Чаадаева, которому Пушкинъ въ это самое время (въ 1818) писалъ свое посланіе, гдѣ находятся извѣстные стихи:

...Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,—
Россія вспрянетъ ото сна...

Въ спискахъ ложъ называется много людей, извѣстныхъ потомъ подъ именемъ декабристовъ, членовъ тайныхъ обществъ, людей либеральнаго круга [1]).

---

[1]) См. изслѣдованіе В. И. Семевскаго — „Масоны декабристы“ въ журналѣ „Минувшіе Годы“ за 1908 г., кн. 2, 3 и 5—6; это изслѣдованіе частью вошло въ главу III книги того же автора „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“, Спб. 1909.

Вигель разсказываетъ о ложѣ «Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей», принадлежавшей къ союзу Провинціальной ложи и состоявшей подъ управленіемъ князя Павла Петровича Лопухина, сына канцлера: «одни только военные имѣли право быть въ нее приняты. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ семеновскихъ офицеровъ братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ». Отступленіе отъ правила сдѣлано было только для одного невоеннаго, Н. И. Тургенева. «Всѣ вышеназванные мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность»[1].

Оно было дѣйствительно безвинно. Но присутствіе названныхъ здѣсь именъ показываетъ, что было стремленіе дать масонскимъ бесѣдамъ болѣе живое общественное содержаніе, которое до извѣстной степени, вѣроятно, и прививалось. Довольно понятно, что въ концѣ концовъ либеральные члены ложъ не удовлетворялись тѣмъ, что имъ представляли масонскія собранія, и предпочли выдѣлиться въ свое особое общество, не связанное ненужнымъ масонскимъ обрядомъ.

Въ запискахъ современниковъ есть и другія указанія на существованіе въ ложахъ политическаго элемента. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ о совѣщаніи между членами тайнаго общества у Никиты Муравьева, гдѣ были, между прочимъ, кн. Лопухинъ (вѣроятно,тотъ, который упомянутъ выше, какъ управлявшій ложею), кн. Шаховской и другіе. Собраніе было чрезвычайно формально: «въ продолженіе всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступающихъ въ Союзъ Благоденствія и о томъ, какъ приносить самую присягу, надъ евангеліемъ или надъ шпагой вступающіе должны присягать. Все это было до крайности смѣшно, — прибавляетъ разсказчикъ. Но Лопухинъ, Шаховской и *почти всѣ* присутствующіе были *ревностные* масоны; они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія»[1].

Другой современникъ говоритъ о первомъ тайномъ обществѣ, образовавшемся въ то время: «члены Союза учреждали

---

[1] Онъ, повидимому, ошибается въ названіи ложи; указанныя лица состояли въ ложѣ „Трехъ добродѣтелей“.

[2] Записки И. Д. Якушкина. М. 1905, стр. 24.

и отдѣльныя отъ него общества подъ вліяніемъ его духа и направленія... и двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ Союза Благоденствія»[1]. Какія были эти ложи, онъ не говоритъ, но нѣчто подобное можно заключить о ложахъ «Избраннаго Михаила» и «Трехъ Добродѣтелей».

Ложа Георгія Побѣдоносца при русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Мобёжѣ во Франціи, повидимому, также представляла примѣръ политическаго настроенія.

Мало что извѣстно о кіевской ложѣ «Соединенныхъ Славянъ», основанной 12 марта 1818, кромѣ нѣкоторыхъ именъ ея (ничѣмъ неизвѣстныхъ) членовъ по спискамъ Великой ложи Астреи; но ея названіе, вѣроятно, не было случайнымъ и какъ будто повторилось въ болѣе позднемъ тайномъ обществѣ того же имени, основанномъ въ 1823 году или, по другимъ указаніямъ, еще раньше. Относительно тайнаго общества Соединенныхъ Славянъ извѣстно, что въ немъ имѣли мѣсто первыя неясныя панславянскія тенденціи; возможно предположить это и о масонской ложѣ[2]. Подробности, сообщенныя о тайномъ обществѣ въ Донесеніи Слѣдственной Комиссіи 30 мая 1826, очень напоминаютъ масонскіе пріемы и формулы.

По словамъ того же «Донесенія», при первомъ основаніи тайнаго общества была мысль «вмѣстить его въ составъ какой-нибудь масонской ложи»; и въ уставѣ Союза нѣкоторыя внѣшнія подробности заимствованы были изъ уставовъ масонскихъ ложъ.

Изъ этихъ примѣровъ достаточно видно, что политическій элементъ существовалъ въ ложахъ въ очень значительной степени, но этотъ элементъ приходилъ въ ложи извнѣ, готовый; хотя самыя ложи существовали съ вѣдома правительства, онѣ поддерживали привычку къ формѣ тайнаго общества и представили случай къ сближеніямъ.

Такимъ образомъ, въ ложахъ отражались самыя различныя направленія тогдашней общественной жизни. Въ числѣ масоновъ были темные мистики и суровые піэтисты, какъ школа старыхъ московскихъ масоновъ и ихъ учениковъ; и

---

[1] Записки М. А. Фонъ-Визина въ Сборникѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", Спб., 1905, стр. 187, 188.

[2] Къ тайному обществу мы возвратимся далѣе; о ложѣ Соединенныхъ Славянъ, 1818—1822, см. замѣтку Мордовцева въ „Русской Старинѣ", т. XXI, стр. 187—189 и въ упомянутомъ изслѣдованіи В. И. Семевскаго „Минувшіе Годы", 1908, кн. 3, стр. 152—162.

озлобленные обскуранты, образчикомъ которыхъ можетъ служить Голенищевъ-Кутузовъ; и люди молодого либеральнаго поколѣнія, склонные къ филантропіи, но не къ піэтизму, смѣявшіеся надъ обскурантами и скорѣе искавшіе въ ложѣ интереса политическаго. Послѣдовательный ходъ тогдашней исторіи ложъ состоялъ, кажется, въ томъ, что онѣ основаны были старыми масонами по непосредственнымъ воспоминаніямъ о прежнихъ ложахъ и въ духѣ старой масонской мистики; къ послѣдней присоединились черты библейскаго піэтизма, искавшаго внутренней церкви и либерально относившагося къ обычной церковной практикѣ; далѣе, началось вліяніе новѣйшаго масонства, въ системахъ Шредера и Фесслера, и затѣмъ стали входить стремленія чисто-политическія, которыя, наконецъ, нашли себѣ исходъ — въ тайныхъ обществахъ.

Въ 1822 году послѣдовало внезапное запрещеніе масонскихъ ложъ. Поводъ къ запрещенію еще не вполнѣ выясненъ; но изданные документы бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на это дѣло. Такова, напр., записка о масонскихъ ложахъ, представленная императору Александру въ іюнѣ 1821 года (во время Лайбахскаго конгресса) генераломъ и сенаторомъ Егоромъ Андреевичемъ Кушелевымъ. Этотъ Кушелевъ былъ масонъ старой школы, противникъ не только новѣйшихъ системъ, но и стараго новиковскаго масонства. Выбранный въ 1820 г. великимъ мастеромъ «Астреи», онъ рѣшился возстановить старые порядки, хранившіеся въ прежней Великой директоріальной ложѣ Владиміра. Кушелеву были ненавистны новыя системы, въ которыхъ онъ видѣлъ нарушеніе истиннаго масонскаго ученія, а это нарушеніе грозило сдѣлать ложи гнѣздомъ «иллюминатства» и либерализма; онъ негодовалъ также на раздѣленіе ложъ между двумя масонскими властями (двумя Великими ложами), что вредило единству управленія. Онъ хотѣлъ преобразовать орденъ, и такъ какъ его требованія встрѣтили сопротивленіе отъ сторонниковъ новыхъ системъ, то онъ рѣшился довести дѣло до императора, чтобы достигнуть цѣли вмѣшательствомъ высшей власти. Въ этихъ видахъ онъ составилъ четыре записки съ изложеніемъ настоящаго, по его мнѣнію, опаснаго, положенія ложъ и съ предложеніемъ своихъ мѣръ.

Не вдаваясь въ масонскія подробности записокъ Кушелева, довольно указать въ нихъ то настроеніе, какимъ былъ проникнутъ великій мастеръ и какое было уже въ ходу. Свое

обращеніе къ императору Кушелевъ мотивируетъ серьезностью дѣла, которое онъ вынужденъ былъ взять на себя по настояніямъ ложъ, искавшихъ «великаго мастера», и съ другой стороны опасными временами, когда «отъ тайныхъ сектъ и обществъ, особливо же отъ секты карбонаріевъ, возникло вольнодумство, революціи, мятежи, кровопролитія»... При этомъ ему вспоминалось, что и у насъ во времена Екатерины II открылось въ Москвѣ «гнѣздилище иллюминатовъ и мартинистовъ», т.-е. Новиковское общество[1]). Поэтому, теперь онъ принялъ свою масонскую должность (съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея) единственно для того, чтобы «сіе важное званіе не впало въ руки хищнаго волка или злоумышленнаго изверга».

Истинное масонство состоитъ только въ христіанскомъ любомудріи—учить познавать Творца въ книгѣ натуры, удивляться его непостижимости, въ разсматриваніи природы познавать самого себя, свое ничтожество, повиноваться Его волѣ, установленнымъ отъ Него властямъ и правительствамъ, и т. д. «Каменщичество основаніе свое имѣть должно на краеугольномъ камнѣ, во главу угла положенномъ вѣрующимъ на утвержденіе, а невѣрующимъ на паденіе и сокрушеніе!» Частныя собранія (т.-е. основаніе частныхъ обществъ для упражненія христіанскаго любомудрія) начались тогда, когда стало распространяться вольнодумство, и установились для взаимнаго поддержанія благочестія и братолюбія; такова же цѣль и масонскихъ ложъ. Въ новѣйшее время эта цѣль забывается и нарушается «новизнами, дышащими необузданностію», и эти новизны, проникшія и къ намъ, слѣдуетъ остановить и уничтожить. Новѣйшія системы въ обѣихъ Великихъ ложахъ (т.-е. «Астреѣ» и «Провинціальной») ведутъ именно къ разстройству истиннаго братства. «Наружность ихъ законовъ прикрывается нѣкоторою благовидностію, а въ самой сущности своей онѣ ни къ чему другому не служатъ, какъ токмо скользкою стезею и поводомъ къ свободному дѣйствію своевольныхъ соглашеній, къ заговорамъ, интригамъ и шиканамъ между ими, вмѣсто масонскаго братства». Однимъ словомъ: «онѣ не что иное есть, какъ правила совершеннаго безначалія»... Ку-

[1]) Онъ замѣчаетъ, что тогда „высочайше повелѣно было не только общества тѣ уничтожить, но и домъ собранія ихъ близъ Сухаревой башни *разрушить* въ позоръ человѣчеству, который нѣсколько лѣтъ оставленъ былъ въ развалинахъ, до покупки онаго графомъ Шереметевымъ, для устроенія имъ понынѣ имѣющейся въ немъ больницы“...

шелевъ доказываетъ это примѣрами неправильныхъ дѣйствій въ управленіи ложъ. Самыя «системы», допущенныя въ новыя русскія ложи, крайне опасны. Кушелевъ обличаетъ Шрёдерову систему или, такъ называемый, «историческій союзъ». «Сія система,—говоритъ онъ, — желая имѣть всѣ о масонствѣ свѣдѣнія, дѣйствуетъ противу всѣхъ актовъ (т.-е. масонскихъ установленій), въ особенности же противъ высшихъ степеней, въ которыхъ чаще исповѣдуется имя Христа Спасителя, стремясь всѣ *истины чистаго масонства подкопать и превратить въ басни;* слѣдовательно—система самая опасная, ибо, слѣдуя по оной, могутъ изъ христіанства отпадать въ деизмъ, отъ деизма падать въ матеріализмъ, наконецъ же низвергаться въ атеизмъ; а чтобы со временемъ непримѣтно и удобнѣе усилиться могло, допускаетъ въ союзъ свой ложи всѣхъ системъ». Кушелевъ указываетъ благотворное дѣйствіе масонства на процвѣтаніе христіанскихъ добродѣтелей и безопасность государства въ Швеціи, гдѣ во главѣ ордена стоитъ самъ король и господствуетъ одна система; и напротивъ, опасное направленіе ложъ, гдѣ онѣ «попустились въ самовольныя дѣянія». Отъ такихъ дѣяній во всѣхъ странахъ, гдѣ масонство *не подъ однимъ начальствомъ,* — «ложи превратились въ клубы, гнѣздилища раздора, своеволія, буйства или, лучше сказать, — въ шумный и быстрый потокъ адскаго изверженія, наводняющій всю Европу правилами ужасными, безбожными и бѣдственными для рода человѣческаго». Въ доказательство онъ ссылается на книгу «Макъ-Бенакъ», изданную въ Лейпцигѣ въ 1819 г., гдѣ, между прочимъ, говорилось о «Шрёдеровой (существовавшей у насъ) и о прочихъ иллюминатскихъ системахъ» [1]). Кушелевъ уподобляетъ масонство мечу обоюдоострому: оно можетъ быть благотворно, когда управляется *истиннымъ каменщикомъ,* и исполнено зловредности для «христіанской вѣры, самодержца и всего государства его», если сходитъ съ настоящаго пути.

На основаніи всего этого, Кушелевъ предлагалъ одно изъ двухъ: или сохранить ложи, преобразовавъ ихъ по приложенной имъ программѣ, или же — *закрыть,* но въ послѣднемъ

---

[1]) Полное заглавіе книги: „Mac-Benac, Er lebet im Sohne, oder das Positive der wahren Maurerei. Zum Gedächtniss der durch Luther wieder erkämpften ewangelischen Freiheit. Leipz. 1818 (3-е изданіе, очень умноженное, 1819). Объ авторѣ этой книги, Ф. В. Линднерѣ (впослѣдствіи профессорѣ лейпцигскаго университета) см. въ Alg. Handbuch der Freimaurerei, Leipz. 1865, II. 205.

случаѣ постепенно, а не вдругъ, потому что иначе съ «плевелами» могутъ погибнуть и «благословенные плоды, кои украшаютъ и церковь Христову, и человѣчество»; а главное: «коль скоро ложи закроются (всѣ вдругъ), тогда члены оныхъ или братія, какъ насѣкомыя (!), расползутся по всѣмъ угламъ и, не имѣя надъ собою ни малѣйшаго уже надзора, болѣе и болѣе заражать будутъ простодушныхъ, непросвѣщенныхъ и *любопытныхъ* согражданъ своихъ, тѣмъ паче, что *бдѣніе полиціи* не въ силахъ тогда будетъ объять всѣхъ частныхъ ихъ дѣйствій»...

Неизвѣстно, какъ принялъ императоръ Александръ записки Кушелева, приглашавшія къ закрытію ложъ. Повидимому, онѣ пока не возъимѣли никакого дѣйствія. Дѣло въ томъ, что съ самаго возобновленія ложъ въ первые года царствованія императора Александра, онѣ находились подъ постояннымъ надзоромъ полиціи и, какъ выше упомянуто, самъ императоръ имѣлъ ближайшія свѣдѣнія о свойствѣ и содержаніи масонскихъ таинствъ. Сохранились, между прочимъ, доклады министра полиціи, которые должны были совершенно успокаивать относительно дѣятельности ложъ. Такъ, одно донесеніе замѣчало прямо, что, по разсмотрѣніи масонскихъ бумагъ, доставленныхъ начальниками ложъ, оказалось, что «ученія въ нихъ мало, и предмету никакого, въ чемъ сами начальники соглашуются. Оба (Жеребцовъ и Віельгорскій) признавались мнѣ, что они никакой точной цѣли не имѣютъ и масонской тайны никакой не вѣдаютъ».

Въ протоколахъ ложи «Умирающаго Сфинкса» (поступившихъ въ 1869 г. въ Публичную Библіотеку съ бумагами Ѳ. И. Прянишникова), гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Лабзинъ, сообщается случай, происшедшій въ 1821 г., *послѣ того*, какъ записка Кушелева была уже въ рукахъ императора. Въ протоколахъ «Сфинкса» записано, 18 декабря 1821 года, засѣданіе по случаю открытія ложи, которая была запечатана полиціею вслѣдствіе доноса одного крѣпостного человѣка, и разсказано, что когда генералъ-губернаторъ докладывалъ объ этомъ императору Александру, то послѣдній отвѣчалъ, что «напрасно полиція входила и опечатывала ложу и вещи; увидя, что это не что иное, какъ обыкновенная масонская ложа, полиція должна была оставить все въ покоѣ», и приказалъ возвратить взятую книгу протоколовъ и тетрадь съ общими учрежденіями, замѣтивъ, что «бумаги сіи имъ нужнѣе, нежели полиціи» [1]).

---

[1]) Отчетъ Публичной Библіотеки за 1869 г., стр. 26.

Но мало-по-малу накоплялись тревожныя впечатлѣнія доносовъ, когда въ европейскихъ дѣлахъ императору Александру указывали, повидимому, несомнѣнные факты могущества тайныхъ обществъ — карбонаріевъ, гетеристовъ, «иллюминатовъ», производившихъ мятежи и возстанія. Въ слѣдующемъ году масонскія ложи были запрещены. Насколько участвовала здѣсь записка Кушелева, не знаемъ, но во всякомъ случаѣ она уже предваряла мѣру правительства.

Пушкинъ, въ интимномъ письмѣ къ Жуковскому 1826 г., повѣряя ему свое тогдашнее положеніе, говоритъ о своихъ прежнихъ связяхъ со многими изъ декабристовъ и при этомъ упоминаетъ, что «былъ масономъ въ кишиневской ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи»[1]). Объ этой кишиневской ложѣ кн. П. М. Волконскій въ концѣ 1821 спрашивалъ генерала Инзова (подъ наблюденіе котораго былъ отданъ Пушкинъ), при чемъ желалъ знать о поведеніи Пушкина и почему Инзовъ «не обратилъ вниманія на занятія его по масонскимъ ложамъ». Инзовъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 1 декабря 1821 г. удостовѣрялъ, что «масонскихъ ложъ въ Бессарабіи нѣтъ», что къ нему только обращались съ вопросомъ объ учрежденіи ложи, на который онъ отвѣтилъ пока отрицательно, и что наконецъ лица, о которыхъ именно спрашивалось, библейскіе и масонскіе дѣятели и люди или маловредныя, или незначительныя[2]). Но въ запискахъ Липранди о пребываніи Пушкина въ южной Россіи упоминается кишиневская ложа, гдѣ однимъ изъ важныхъ лицъ былъ генералъ П. С. Пущинъ, и разсказывается исторія, случившаяся съ этой ложей, — исторія, впрочемъ, только нелѣпая и шутовская[3]); но въ то же время, какъ дальше увидимъ, случилась въ Кишеневѣ другая исторія, которая возбудила, повидимому, серьезныя опасенія правительства[4]).

Какъ бы то ни было, 1-го августа 1822 г. послѣдовалъ рескриптъ императора къ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею, окончательно запрещавшій масонскія ложи и всякія

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ, Переписка, т. I, 318.

[2]) Письма Волконскаго и Инзова въ „Русской Старинѣ“, 1883, т. XL. стр. 654—657.

[3]) Русскій Архивъ, 1866, ст. 1248.

[4]) См. Н. К. Кульманъ, „Къ исторіи масонства въ Россіи, Кишиневская ложа“, „Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія“, 1907, № 10; въ упомянутомъ изслѣдованіи В. И. Семевскаго — „Минувшіе Годы“, 1908, кн. 3, стр. 162—170.

тайныя общества. Черезъ нѣсколько дней произошло закрытіе ложъ [1]).

Запрещеніе ложъ, произведенное подъ внушеніями западной реакціи, повсюду видѣвшей революціонные замыслы, не остановило распространенія либеральныхъ идей и обрушилось на врага воображаемаго, — потому что большинство масонства было въ этомъ отношеніи невинно и вполнѣ безопасно.

Къ числу характерныхъ явленій тогдашней общественной жизни принадлежало также распространеніе «ланкастерскихъ школъ».

Въ статьяхъ о Библейскомъ Обществѣ [2]) мы говорили о началѣ этихъ школъ въ Англіи, о быстромъ распространеніи ихъ по всей Европѣ, наконецъ въ Россіи. Прибавимъ еще нѣкоторыя подробности.

Ланкастерскія школы или школы взаимнаго обученія обратили на себя вниманіе тѣмъ, что представили особый методъ обученія для многолюдныхъ, особливо народныхъ школъ. У насъ первая мысль о заведеніи школъ и обученія этого рода относится къ 1813 году, и объ этомъ очень заботилось министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ то же время на это англійское изобрѣтеніе указывали англійскіе агенты Библейскаго Общества. Ланкастерскими школами заинтересовались библейскіе и масонскіе дѣятели и люди изъ молодого либеральнаго поколѣнія. Школы вводимы были самимъ правительствомъ, потомъ онѣ стали ему же казаться опасными и подъ конецъ мало-по-малу закрылись... Здѣсь повторились опять тѣ же переходы мнѣній въ правительствѣ и обществѣ, какіе происходили относительно библейскихъ обществъ и масонскихъ ложъ.

Въ 1813 году Іосифъ Гамель (впослѣдствіи академикъ) посланъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ за границу для усовершенствованія своихъ познаній и для собранія полезныхъ свѣдѣній по разнымъ частямъ хозяйства и мануфактуръ. Съ самаго пріѣзда въ Лондонъ онъ познакомился съ Вильямомъ Алленомъ, какъ извѣстнымъ химикомъ, но вскорѣ въ этомъ химикѣ узналъ «отличнаго и заслуживающаго уваженія филантропа». Это былъ тотъ знаменитый квакеръ, ко-

---

[1]) Русская Старина, 1877, т. XVIII. См. также „Русское Масонство“ П. 1916, стр. 454—457.

[2]) „Религіозныя движенія при Александрѣ I“, П. 1916.

торый потомъ въ 1814 году представлялся въ Лондонѣ императору Александру, въ 1818 былъ въ Петербургѣ и пользовался большой благосклонностью императора. «Въ Лондонѣ,— разсказываетъ Гамель, — мало благотворныхъ (т.-е. благотворительныхъ) заведенiй, въ коихъ бы г. Алленъ не былъ дѣятельнымъ членомъ». Между прочимъ, онъ сказалъ Гамелю, что давно желалъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, чтобы рекомендовать изобрѣтенный не такъ давно новый способъ обученiя; на другой день онъ показалъ Гамелю ланкастерскую школу. Эта школа, въ нѣсколько сотъ учениковъ, которыми управлялъ и руководилъ одинъ мальчикъ, поразила Гамеля, и дальнѣйшее испытанiе способа взаимнаго обученiя убѣдило его въ чрезвычайной пользѣ этого способа и въ тѣхъ выгодахъ, какiя онъ можетъ представить въ Россiи. Гамель рѣшился обстоятельно познакомиться съ этой системой и сообщилъ о ней нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнiя министру внутреннихъ дѣлъ, который велѣлъ помѣстить ихъ въ газетѣ министерства, «Сѣверной Почтѣ», откуда онѣ были заимствованы даже и въ иностранные журналы.

Впослѣдствiи Гамель составилъ (на нѣмецкомъ языкѣ) болѣе подробное описанiе ланкастерской системы, которое министръ представилъ на усмотрѣнiе императора. Александръ велѣлъ напечатать эту книгу; нѣмецкое изданiе предоставлено было сдѣлать самому автору, изготовленiе и напечатанiе русскаго перевода поручено было министерству внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, Гамель продолжалъ изслѣдованiе предмета и въ путешествiи по Англiи посѣтилъ всѣ главныя ланкастерскiя училища; ему позволено было вновь передѣлать свое сочиненiе, которое вышло, наконецъ, въ 1818 году въ Парижѣ; русскiй переводъ вышелъ черезъ два года въ Петербургѣ [1]).

---

[1]) Joseph Hamel, Der gegenseitige Unterricht, Gesch. seiner Einführung und Ausbreitung durch Bell, Lancaster und andere. Mit 12 Kupf. und den Bildnissen von Bell und Lancaster in Steindruck. Auf Befehl S. Kaiserl. Russ. Majestät. Paris 1818. Русскiй переводъ: — Описанiе способа взаимнаго обученiя по системамъ Ланкастера и другихъ и пр. Сочиненiе надв. сов., доктора медицины Iосифа Гамеля, переведенное съ нѣм. языка тит. сов. Карломъ Кнаппе. По высочайшему повелѣнiю издано министерства внутреннихъ дѣлъ отъ департамента госуд. хозяйства и публ. зданiй. Съ XII чертежами. Спб. 1820. V и 352 стр. Книга Гамеля составлена весьма обстоятельно и, если не ошибаемся, до сихъ поръ остается едва ли не лучшимъ сочиненiемъ по этому предмету. Авторъ зналъ лично многихъ людей, работавшихъ въ этомъ дѣлѣ, и, между

Въ то же время, когда Гамель изучалъ ланкастерскія школы въ Англіи, императоръ Александръ поручалъ графу Каподистріи, посланному въ Швейцарію съ дипломатическими цѣлями, ознакомиться съ другими школьными учрежденіями, которыя пріобрѣтали тогда въ Европѣ большую славу, именно, со школами знаменитаго Фелленберга, сподвижника Песталоцци [1]). Комитетъ Библейскаго Общества печаталъ въ своихъ отчетахъ письма своихъ англійскихъ корреспондентовъ, описывавшихъ и рекомендовавшихъ англійское устройство школъ для сельскаго населенія и для бѣдныхъ, и т. п.

Между тѣмъ, правительство не забывало о ланкастерскихъ школахъ, и въ 1816 г. въ Лондонъ прибыли четыре студента педагогическаго института [2]), посланные по высочайшему повелѣнію для изученія учебной системы въ обоихъ разрядахъ заведеній взаимнаго обученія, какъ въ школахъ Ланкастера, такъ и въ школахъ Белля. Подъ руководствомъ барона Штрандмана, состоявшаго при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, посланные студенты посѣтили главнѣйшія школы въ Англіи и потомъ отправились черезъ Парижъ въ Швейцарію, чтобы тамъ познакомиться съ заведеніями Песталоцци и Фелленберга. Графъ Румянцовъ пригласилъ изъ Англіи одного молодого человѣка, Я. Герда (Heard), для введенія ланкастерскихъ школъ въ своихъ помѣстьяхъ; то же намѣревались сдѣлать и другіе знатные люди [3]).

Причина, почему ланкастерскія школы пріобрѣли въ свое время такой успѣхъ, заключалась въ чрезвычайной простотѣ и дешевизнѣ ихъ устройства: если находилось помѣщеніе, находился одинъ учитель, то школа могла быть готова для нѣсколько сотъ учениковъ,—вещь, невозможная при дру-

---

прочимъ, имѣлъ отъ нихъ историческія свѣдѣнія о возникновеніи ланкастерской системы (ср. Pädag. Real-Encyclop. von Hergang. Grimma und Leipz. 1851, I, стр. 253).

[1]) Донесеніе Е. И. В-ву, представленное статсъ-секретаремъ гр. Каподистрія, о заведеніяхъ Фелленберга въ Гофвилѣ, въ октябрѣ 1814 года. Съ франц. Спб. 1817. Сперанскій, въ письмѣ къ Столыпину, очень интересуется этой книжкой (Р. Арх. 1870, стр. 1140).

[2]) Это были впослѣдствіи довольно извѣстные педагоги: Тимаевъ, Свенске, Буссе и Ободовскій. Студентъ Свенске, по списку 1817—1818 г., имѣлъ степень ученика въ ложѣ „Петра къ истинѣ“.

[3]) Впослѣдствіи Гердъ остался въ Россіи, овладѣлъ русскимъ языкомъ и извѣстенъ былъ въ литературѣ, какъ переводчикъ съ англійскаго и авторъ учебныхъ книгъ. Это — отецъ извѣстныхъ педагоговъ А. Я. и И. Я. Гердовъ.

той системѣ преподаванія. Такимъ образомъ ланкастерская школа представляла чрезвычайную выгоду тамъ, гдѣ средства народнаго обученія были бѣдны и трудно было найти большое число учителей, какъ это было особенно въ Россіи. Гамель съ самаго начала настаивалъ на пользѣ введенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, и въ своей книгѣ, вѣроятно еще въ первой ея редакціи, говорилъ о необходимости устроить общества для введенія системы взаимнаго обученія, на подобіе обществъ, существовавшихъ уже въ Лондонѣ и Парижѣ; такія общества, по его мнѣнію, могли послужить готовымъ образцомъ того, какъ слѣдовало приступить къ этому дѣлу и вести его. Въ краяхъ мало населенныхъ, гдѣ трудно было бы учредить правильныя, постоянныя ланкастерскія школы, онъ находилъ полезнымъ устраивать школы переходящія, по образцу англійскихъ ambulatory или circulating schools.

Въ Петербургѣ учрежденъ былъ, по высочайшему повелѣнію, комитетъ для введенія взаимнаго обученія въ школахъ, устроенныхъ для солдатскихъ дѣтей. Начальникомъ этого комитета назначенъ былъ гр. Е. К. Сиверсъ, который пріобрѣлъ подробныя свѣдѣнія о ланкастерскихъ школахъ въ Парижѣ. Къ 1818 г. въ Петербургѣ была уже такая школа для 150 учениковъ.

Въ 1819 г. въ Петербургѣ составилось «Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія». Уставъ его получилъ высочайшее утвержденіе, объявленное министромъ народнаго просвѣщенія, 14-го января 1819 г. Предметы занятій Общества были, во-первыхъ, сочиненіе и отпечатаніе руководства къ учрежденію первоначальныхъ школъ, таблицъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, списковъ и прочихъ учебныхъ пособій; во-вторыхъ, учрежденіе въ Петербургѣ сначала одного, а со временемъ, если бы позволили средства и успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и болѣе первоначальныхъ училищъ по методѣ взаимнаго обученія; въ-третьихъ, попеченіе о снабженіи желающихъ завести подобныя училища внѣ Петербурга необходимыми на то пособіями за самую умѣренную цѣну; обученіе въ этихъ училищахъ и снабженіе учащихся пособіями должны были производиться безденежно. Главныхъ лицъ этого Общества мы находимъ въ ложѣ «Избраннаго Михаила» (въ ея составѣ около 1820 года). Графъ Ѳ. П. Толстой (впослѣдствіи извѣстный президентъ академіи художествъ), управляющій мастеръ ложи, былъ предсѣдателемъ Общества учрежденія училищъ по методѣ взаим-

наго обученія; Ѳ. Н. Глинка, намѣстный мастеръ, былъ помощникомъ предсѣдателя Общества; Н. И. Гречъ, бывшій намѣстный мастеръ, былъ другимъ помощникомъ предсѣдателя; В. И. Григоровичъ (впослѣдствіи долгіе годы секретарь академіи художествъ), бывшій витія ложи, былъ секретаремъ Общества; Н. И. Кусовъ, бывшій казначей ложи, былъ казначеемъ Общества. Далѣе, въ той же ложѣ были должностные члены Общества гр. В. П. Толстой, П. Е. Доброхотовъ и нѣсколько другихъ членовъ этого Общества [1]).

Общество имѣло свое первое торжественное собраніе 16-го іюня 1819 г., и въ томъ же году открыло въ Петербургѣ училище для бѣдныхъ мальчиковъ, потомъ еще нѣсколько другихъ школъ для бѣдныхъ, и наконецъ много школъ въ провинціальныхъ городахъ [2]).

Въ октябрѣ 1821 г. учреждено было образцовое училище для дѣвочекъ по системѣ взаимнаго обученія. Объ этомъ училищѣ, находившемся подъ управленіемъ Сарры Килеамъ, дѣлались въ тогдашнихъ журналахъ очень благопріятные отзывы, и подобныя училища въ особенности представлялись «единственными въ своемъ родѣ» для дѣвочекъ недостаточнаго или посредственнаго состоянія [3]).

Здѣсь не мѣсто разсказывать исторію ланкастерскихъ школъ; изъ приведенныхъ указаній можно видѣть, что онѣ имѣли у насъ большой успѣхъ и въ правительственной сферѣ, и въ обществѣ. Ими интересовался самъ императоръ; о нихъ заботилось министерство внутреннихъ дѣлъ; ихъ рекомендовалъ библейскій комитетъ и заѣзжіе квакеры; въ министерствѣ просвѣщенія устроилось для нихъ особое вѣдомство, наблюдавшее за приготовленіемъ для нихъ таблицъ и руководствъ; основалось общество для распространенія этихъ школъ. Въ ланкастерской системѣ видѣли средство просвѣтить народную массу, думали при этомъ воспитать народъ въ благочестіи и нравственности и т. д. Но кромѣ бюрократическихъ просвѣтителей и піэтистовъ, кромѣ людей, прини-

[1]) Подробности объ этомъ Обществѣ въ Запискахъ гр. Ѳ. П. Толстого, Рус. Старина, 1878, т. XXI, стр. 205—206. Проектъ устава тамъ же, 1881, т. XXX, стр. 181—183.

[2]) Ланкастерскія школы были устроены въ Перми, Вологдѣ, Болховѣ, Тулѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Херсонѣ, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Вильнѣ и т. д.

[3]) Плата за приходящихъ ученицъ въ годъ была 12 руб. См. Гамель, стр. I—III, 114, 317; „Сынъ Отечества“. 1823, ч. 84, стр. 97; „Соревнователь просв. и благотвор.“ 1823, ч. XXIII. стр. 16.

мавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія офиціальной или модной филантропіи, были также искренніе «соревнователи просвѣщенія и благотворенія», какихъ было много въ тогдашнемъ либеральномъ кругу.

Между прочимъ, съ такими побужденіями устраивались ланкастерскія школы въ арміи, гдѣ онѣ основаны были уже очень скоро. Гамель видѣлъ такія школы въ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ послѣ 1815 года во Франціи. «Во многихъ полкахъ корпуса россійскихъ войскъ во Франціи,—говоритъ онъ,—учреждены солдатскія школы на основаніи взаимнаго обученія, къ устроенію которыхъ прилагалъ особую дѣятельность г. Генри, изучившійся оной методѣ въ Парижѣ». Этотъ Генри, подъ надзоромъ С. И. Тургенева, примѣнилъ французскія ланкастерскія таблицы для русскаго языка, и онѣ употреблялись въ этихъ солдатскихъ школахъ: здѣсь помѣщенъ былъ катехизисъ для солдатъ, тактика Суворова, обязанности караульныхъ и пр. Кромѣ того, для употребленія въ этихъ школахъ издано было въ Мобёжѣ другое руководство, переведенное съ французскаго [1]). Въ іюнѣ 1818 г. великій князь Михаилъ Павловичъ осматривалъ въ Мобёжѣ школу, въ которой обучалось триста русскихъ солдатъ, и остался ею очень доволенъ, особенно, когда узналъ, что многіе солдаты въ три мѣсяца очень хорошо выучились читать и писать. «Безъ сомнѣнія, — прибавляетъ Гамель, — соотечественники отдадутъ полную справедливость г. генералу графу Воронцову за учрежденіе въ россійскомъ войскѣ столь полезныхъ школъ»; по словамъ его, мобёжская школа принадлежала къ лучшимъ, какія только онъ видѣлъ, а онъ видѣлъ ихъ очень много [2]). Ланкастерскія школы распространились и по войскамъ, находившимся въ Россіи; въ гвардейскихъ полкахъ многіе офицеры усердно занимались обученіемъ солдатъ, учреждались формальныя школы и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, происходила необычная благопріятная перемѣна въ арміи въ другомъ отношеніи. Послѣ Наполеоновскихъ войнъ, послѣ столькихъ европейскихъ тріумфовъ,

---

[1]) Это былъ сокращенный переводъ сочиненія Ніона (Nyon, Manuel pratique ou Précis de la methode d'enseignement mutuel etc. Paris, 1817), подъ заглавіемъ: „Краткая метода взаимнаго обученія для первоначальной школы россійскихъ солдатъ. Крѣпость Мобёжъ во Франціи 1817 года". С. И. Тургеневъ, членъ мобёжской масонской ложи,— родной братъ неоднократно упоминавшагося Н. И. Тургенева.

[2]) Гамель, стр. 115, 318, 346.

стало измѣняться обращеніе съ солдатами — суровая старая дисциплина, доходившая до жестокости, смягчалась; тѣлесныя наказанія становились рѣже; болѣе просвѣщенные полковые командиры и офицеры совсѣмъ выводили ихъ изъ употребленія...

Но ланкастерскія школы и это смягченіе военныхъ нравовъ недолго сохранили одобреніе правительства. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ реакція сказывается и въ этомъ направленіи. Какъ ни были скромны эти школы, какъ ни были невинны тѣ первыя вліянія, какія производило элементарное обученіе и человѣческое обращеніе на солдатъ, правительство стало подозрѣвать ланкастерскія школы, какъ средство распространенія вольнодумства и мятежа. Источникомъ этихъ опасеній, а потомъ запрещеній и преслѣдованій, опять были внушенія западной реакціи, которая такъ застращивала Александра воображаемыми опасностями и которую ревностно поддерживали домашніе реакціонеры, ненавидѣвшіе всякія либеральныя нововведенія или желавшіе ловить рыбу въ мутной водѣ.

Гамель въ своей книгѣ упоминаетъ уже о той враждѣ, какая начиналась противъ ланкастерскихъ школъ во Франціи. Эта вражда оказалась тотчасъ послѣ реставраціи со стороны клерикаловъ, іезуитовъ и Frères de la doctrine chrétienne, которые всячески старались забрать въ свои руки народное образованіе и которымъ мѣшали ланкастерскія школы, учрежденныя не ими и веденныя не въ томъ духѣ, какой былъ имъ нуженъ. Они стали въ особыхъ сочиненіяхъ предостерегать публику отъ новыхъ школъ, какъ учрежденія, еще не испытаннаго, введеннаго при Наполеонѣ и Карно будто бы только для пріученія къ солдатству и кромѣ того заимствованнаго изъ чужой страны, не исповѣдующей римскаго католицизма. Ланкастерскія школы заподозривали, какъ какое-то новое ученіе или новую политическую систему[1]). Вопросъ о ланкастерскихъ школахъ дѣйствительно и сталъ принимать политическій оттѣнокъ, не потому, чтобы съ ихъ введеніемъ въ самомъ дѣлѣ связана была какая-нибудь политическая цѣль, а просто потому, что врагами этой школы, дѣйствительно благотворной въ тѣхъ условіяхъ, какія были во

[1]) Гамель говоритъ объ этой враждѣ французскихъ клерикаловъ противъ ланкастерскихъ школъ, не думая, вѣроятно, что она придетъ и къ намъ, стр. 110—112; ср. Ludwig Hahn, Das Unterrichts-Wesen in Frankreich, Breslau. 1848, стр. 277.

Франціи (и у насъ), тамъ, гдѣ былъ крайній недостатокъ въ народныхъ училищахъ, — явились клерикальные реакціонеры, руководившіеся личными своими разсчетами, и либеральная партія естественно брала школы подъ свою защиту.

Хотя въ Россіи ланкастерскія школы вовсе не играли такой роли, нѣчто подобное повторилось, однако, и у насъ. Императоръ Александръ еще интересовался школами, бесѣдовалъ о нихъ съ квакеромъ Грелье, филантропіи котораго такъ сочувствовалъ, но потомъ, повидимому, наслушавшись обвиненій противъ ланкастерскихъ школъ, сталъ думать, что и у насъ онѣ служатъ разсадникомъ вольнодумства. Когда случились извѣстныя волненія въ семеновскомъ полку, Александръ и его приближенные были увѣрены, что «тутъ было внушеніе чуждое, но не военное», приписывали ихъ дѣйствію тайныхъ обществъ и вліянію ланкастерскихъ школъ...

Въ томъ же 1821 году, опять на югѣ, произошла исторія, которая снова возбудила опасенія властей. По прежнимъ предписаніямъ начальства велѣло-было устроить ланкастерскія школы при каждомъ дивизіонномъ штабѣ; такая устроена была въ Кишиневѣ въ дивизіи, находившейся подъ командой извѣстнаго генерала М. Ѳ. Орлова, который назначилъ преподавателемъ маіора В. Ѳ. Раевскаго. По отзывамъ лицъ, знавшихъ Раевскаго, это былъ «человѣкъ съ необыкновенной энергіей, знаніемъ дѣла, очень образованный и не чуждый литературы» (онъ былъ воспитанникомъ московскаго университетскаго пансіона), человѣкъ съ умомъ, свѣдѣніями, «всегда въ весело-мрачномъ расположеніи духа», какъ говорятъ, несомнѣнно имѣвшій вліяніе на Пушкина (во время его жизни въ Кишиневѣ), побуждавшій его къ болѣе серьезнымъ занятіямъ исторіей, — между прочимъ, врагъ нѣмцевъ, любитель русской старины и самъ поэтъ въ духѣ тогдашняго національнаго романтизма[1]). Самъ начальникъ дивизіи, Орловъ былъ изъ тѣхъ людей новаго военнаго поколѣнія, которые старались тогда смягчать варварскую военную дисциплину; та-

---

[1]) О Владимірѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ см. въ Воспоминаніяхъ Липранди, Русскій Архивъ, 1866; далѣе, въ Русской Старинѣ 1873, т. VII, 376, 379, 720. Пушкинъ, въ упомянутомъ выше письмѣ къ Жуковскому 1826, говоритъ, что „былъ друженъ“ съ Раевскимъ, котораго онъ называлъ „спартанцемъ“. См. также изслѣдованіе П. Е. Щеголева—„Первый декабристъ Владиміръ Раевскій“, Спб., 1905, вошедшее затѣмъ въ сборникъ его статей — „Историческіе этюды“, Спб., 1913, стр. 159—252, въ значительно дополненномъ видѣ.

ковъ былъ и корпусный командиръ Сабанѣевъ; но въ арміи было, однако, много людей съ старыми вкусами, которые и въ самомъ высшемъ военномъ управленіи имѣли достаточно представителей (довольно вспомнить Аракчеева и его приближенныхъ). Это были злѣйшіе враги либеральныхъ нововведеній, и объ Орловѣ шла уже молва, что онъ распускаетъ дисциплину и потакаетъ солдатамъ. «Образованіе» солдатъ посредствомъ предписанныхъ отъ начальства ланкастерскихъ школъ и рядомъ требованіе палочной муштровки по старому преданію[1]) были нелѣпымъ противорѣчіемъ, которое не могло долго держаться. На ланкастерскую школу Раевскаго вскорѣ пошли доносы, что тамъ «кромѣ грамоты учатъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи»[2]). Случилось въ полку нарушеніе субординаціи, явился доносъ о существованіи какого-то тайнаго общества; изъ главной квартиры настоятельно потребовали открытія «заговора», и начальникъ корпуснаго штаба, ранѣе лично не взлюбившій Раевскаго, счелъ нужнымъ наброситься на ланкастерскую школу. Раевскій обвиненъ былъ въ томъ, что «задобриваетъ солдатъ», что въ школьныхъ прописяхъ (обыкновенныхъ, выписанныхъ изъ Петербурга) находятся имена республиканцевъ, какъ Брутъ и Кассій, и Раевскій, арестованный въ февралѣ 1822 г., нѣсколько лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ, подъ четырьмя слѣдственными и судными комиссіями, ухудшая свое положеніе рѣзкими отвѣтами на допросахъ, и наконецъ былъ сосланъ въ Сибирь, хотя третья комиссія, по конфирмаціи великаго князя Константина Павловича, во всемъ его оправдала...

Школы остались заподозрѣнными — никто не могъ хорошенько объяснить, почему; къ нимъ мало-по-малу охладѣваютъ власти, а за ними и всѣ, кто ими занимался... Въ арміи ланкастерскія школы были уничтожены.

Эти отдѣльные и сходные примѣры, которые представляетъ исторія масонскихъ ложъ, ланкастерскихъ школъ и библейскихъ обществъ, сначала такъ поощряемыхъ, потомъ

[1]) По дѣйствіямъ полковника Шварца въ семеновскомъ полку извѣстно, до какого безобразія доходила эта муштровка. Липранди разсказываетъ объ „ужаснѣйшихъ экзекуціяхъ", творившихся въ самой дивизіи Орлова.

[2]) Секретные доносы изъ Кишинева въ 1821 г., въ Русской Старинѣ, 1883, т. XL, стр. 657.

по какимъ-то темнымъ, невыясненнымъ подозрѣніямъ запрещенныхъ, уже рисуютъ отчасти характеръ общественной жизни во вторую половину царствованія императора Александра. Всѣ эти учрежденія начинались въ то время, когда пора реакціи еще не наступала, когда правительство продолжало быть либеральнымъ, когда въ европейскихъ дѣлахъ Александръ являлся нерѣдко истинно великодушнымъ защитникомъ народовъ и другомъ свободы. Всѣ они возникали съ вѣдома, даже съ одобренія правительства, но потомъ оно само закрываетъ ихъ или окружаетъ ихъ подозрѣніями — и подозрѣній бывало довольно, чтобы отпугнуть отъ нихъ большинство. Какъ ни односторонни были библейскія общества, какъ ни вредно они часто дѣйствовали, распространяя лицемѣріе и мистицизмъ (въ чемъ много была виновата сама власть, которая поощряла такое ихъ направленіе), каковы ни были недостатки масонскихъ ложъ, ихъ піэтизмъ, пустая игра въ таинственность и въ обряды, — они имѣли свой смыслъ, потому что все-таки давали какую-нибудь пищу общественному интересу, были первой пробой общественности, и закрытіе ихъ, не вызванное достаточными основаніями, падало только лишнимъ стѣсненіемъ на общество и увеличивало раздраженіе. Въ интересѣ къ ланкастерскимъ школамъ выражалась чистая филантропія, можетъ быть, неопытная, не умѣвшая оцѣнить вѣрно своей обстановки, но во всякомъ случаѣ невинная и введенная въ заблужденіе самою властью. На дѣлѣ правительство не могло вынести и той ничтожной доли самодѣятельности, какую оно давало обществу въ этихъ учрежденіяхъ. Оно не устояло на своихъ первыхъ разрѣшеніяхъ; оно такъ мало знало русскую жизнь, что начало пугаться политическихъ опасностей и революціонныхъ замысловъ тамъ, гдѣ едва сказывались зачатки, азбучные склады общественной дѣятельности.

Такимъ образомъ первые опыты общественной иниціативы, въ которыхъ обнаруживались признаки мысли и общественнаго интереса и которые сама власть сначала одобряла или вызывала, эти опыты еще не могли найти себѣ почвы. Власть стала почти подавлять всѣ эти попытки, не имѣя никакого яснаго понятія о томъ, что эти попытки выражали, каковы были ихъ размѣры, и слѣдуя только внушеніямъ европейской реакціи, которымъ вторили домашніе интриганы или совершенно невѣжественные обскуранты.

Въ средѣ самого общества или той части его, въ которой

шло броженіе, эти попытки также были очень смутны. Образчикомъ могутъ служить масонскія ложи, гдѣ могли сходиться самые различные люди: мистики, сантиментальные филантропы, явные обскуранты, и либералы, задавшіеся политическими идеями, соединяясь только однимъ инстинктомъ, что обществу чего-то недостаетъ, что нужно что-то дѣлать; подобнымъ образомъ самые несходные люди соединялись и въ библейскихъ обществахъ, и въ ланкастерскихъ школахъ.

Но жизнь дѣлала свое дѣло; проходитъ нѣсколько лѣтъ, и дѣйствительность начинаетъ выясняться, направленія обнаруживаются, смутныя предчувствія лучшихъ людей складываются въ опредѣленныя понятія. Событія Двѣнадцатаго года и послѣдующихъ годовъ дали толчекъ, который не могъ пройти безплодно для общественнаго сознанія. Новое поколѣніе, видѣвшее европейскую борьбу и вновь воспринявшее европейскіе идеалы, проникалось чувствомъ общаго блага, человѣческаго достоинства, просвѣщенія и общественной свободы. Неудовлетворенные господствующей дѣйствительностью, часто грубо ею отталкиваемые и стѣсненные, эти люди скоро должны были почувствовать тягость и сознать неправильность различныхъ существующихъ отношеній, и въ силу своихъ идеаловъ стали искать средствъ для измѣненія и улучшенія этихъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были чувствовать себя одинокими среди безучастнаго большинства, и это тѣмъ болѣе сближало ихъ въ союзъ, скрѣпляемый единствомъ понятій и желаніемъ служить общественному благу. Либеральное направленіе выдѣлилось изъ броженія, отличающаго періодъ времени около двѣнадцатаго года, и въ послѣднее десятилѣтіе правленія императора Александра оно приняло свой особенный, опредѣленный характеръ. Оно выразилось очень ясно даже въ литературѣ, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія. Тѣ люди этого направленія, въ которыхъ сильнѣе возбуждены были идеальныя стремленія и желаніе дѣйствовать для ихъ осуществленія, составили тѣсный кружокъ, которому хотѣли дать правильную дѣятельность. Духъ времени, вліяніе европейскихъ идей и событій, особенныя условія русской жизни дали этому либеральному союзу форму тайнаго общества.

ГЛАВА VII.

Движеніе умовъ послѣ 1815 года.

Люди и направленія, въ которыхъ общественная мысль Александровскаго времени достигла высшей степени своего возбужденія, долго оставались внѣ нашей исторіи общественной и литературной, по крайней мѣрѣ внѣ исторіи, какая писалась въ Россіи. Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собой столь рѣзкій переломъ въ порядкѣ нашей общественной жизни, что предшествовавшая эпоха была совершенно отрѣзана, жизнь вдвинута въ новую колею, тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе прежняго времени и надолго закрылъ его даже отъ историческаго изслѣдованія и воспоминанія.

Съ шестидесятыхъ годовъ начали въ нашей печати появляться отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ времени, но еще не было вполнѣ разъяснено то общественное броженіе, котораго событія 1825 года были болѣе или менѣе случайнымъ концомъ. Кромѣ того этотъ предметъ долго не имѣлъ въ нашей печати права гражданства. Единственный офиціальный матеріалъ, извѣстный до тѣхъ поръ, составленъ въ исключительныхъ обстоятельствахъ и съ спеціальной цѣлью и не могъ служить для историческихъ выводовъ безъ сличенія съ тѣми данными, изъ которыхъ былъ извлеченъ, и съ отзывами самихъ участниковъ событій. Этихъ отзывовъ существуетъ нѣсколько, не говоря о простыхъ мемуарахъ, оставленныхъ нѣкоторыми изъ участниковъ. Записки, оставленныя современниками, большей частью ограничиваются событіями декабря 1825 года, столь для нихъ роковыми, и послѣдовавшими затѣмъ допросами и ссылкой, и очень мало говорятъ о предшествовавшемъ времени, о происхожденіи и распространеніи тайныхъ обществъ, о взглядахъ ихъ членовъ, о характерѣ господствовавшихъ мнѣній и т. п. Авторъ любопытной статьи по поводу вышедшихъ въ 1870 году за границей «Записокъ декабриста» (барона Розена) замѣчаетъ вообще: «Появившіеся за границей отрывки изъ

записокъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, носятъ характеръ правдивости; но, ограничиваясь описаніемъ конечнаго взрыва и его послѣдствій, касаясь, такъ сказать, послѣдняго лишь дѣйствія кровавой драмы и умалчивая о предшествующихъ обстоятельствахъ, подготовившихъ кровавую развязку, записки эти нисколько не поясняютъ такого небывалаго въ Россіи явленія». Дѣйствительно, немногія изъ нихъ даютъ нѣсколько такихъ поясненій, какъ, напр., записки Якушкина, Басаргина и нѣкоторыхъ другихъ. Далѣе, тотъ же авторъ замѣчаетъ справедливо: «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо насчетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка; равно какъ изолированный фактъ, безъ связи съ обстоятельствами, его породившими, не будетъ для него имѣть надлежащаго значенія» [1].

Въ рамку нашихъ очерковъ не входитъ описаніе этого конечнаго взрыва, притомъ болѣе или менѣе извѣстнаго. Оставляя въ сторонѣ эти послѣднія событія, остановимся только на предварительной исторіи. Намъ будутъ интересны не исключительные факты, въ которыхъ участвовали далеко не всѣ представители тогдашняго либерализма, и участвовали иногда люди, только за нѣсколько дней передъ тѣмъ вступившіе въ тайное общество, не изученіе фактическихъ подробностей исторіи тайнаго общества, а только общія черты движенія, охватывавшаго обширную часть общества, гдѣ члены тайныхъ союзовъ были только болѣе пламенными приверженцами новыхъ мнѣній. Но и въ этой предварительной исторіи мы впередъ должны ограничить себя извѣстной частью данныхъ, и намъ остается желать, чтобы нашъ неполный очеркъ скорѣе замѣнился полной и безпристрастной исторіей. Какъ бы мы ни смотрѣли на это время, какъ бы ни осуждали его увлеченія и ошибки, за нимъ нельзя не признавать важнаго историческаго значенія. Общественное движеніе, совершавшееся въ ту пору, многими нитями связано съ внутренней исторіей позднѣйшаго времени. Въ его содержаніи нельзя не видѣть многаго изъ тѣхъ самыхъ идей и интересовъ, которые снова возродились впослѣдствіи, и нѣкоторыя изъ этихъ идей, болѣе или менѣе исполненныя на дѣлѣ, какъ, напр., крестьянская и

[1] Русскій Архивъ, 1870, стр. 1634; статья П. Н. Свистунова.

нѣкоторыя другія реформы царствованія Александра II, принадлежатъ къ лучшимъ историческимъ пріобрѣтеніямъ нашего времени. Ошибки исправлены временемъ, и исторія должна, наконецъ, справедливѣе оцѣнить сущность стремленій, которыя одушевляли людей той эпохи, давно сошедшихъ съ общественной сцены[1].

Общій ходъ тогдашней исторіи и отзывы участниковъ событій указываютъ источникъ новаго либеральнаго движенія въ пробужденіи національнаго чувства въ эпоху 1812 года, и въ сильномъ европейскомъ вліяніи, дѣйствовавшемъ на русское общество въ теченіе Наполеоновскихъ войнъ.

Мы соберемъ нѣсколько свидѣтельствъ людей, которые сами были дѣятелями этого движенія.

«Чрезвычайныя событія этого 1812 года, — разсказываетъ одинъ, — славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго императора французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ, послѣдовавшія затѣмъ кампаніи 1813 и 1814 г. и взятіе Парижа, въ которыхъ наша армія принимала такое дѣятельное и славное участіе, — все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ.

«Въ продолженіе двухлѣтней тревожной боевой жизни, среди безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностью.

«Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоинства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратились въ 1815 году въ Петербургъ. Въ походахъ по Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за границею, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ,—рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ, — все

---

[1]) Чтобы не прерывать читателя, помѣщаемъ въ приложеніяхъ библіографическій списокъ книгъ и статей, относящихся къ предмету настоящей главы.

это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство» [1]...

Другой современникъ, также дѣлавшій тогдашніе походы, передаетъ тѣ же впечатлѣнія пребыванія въ Европѣ и, потомъ, возвращенія домой.

«Въ 1813-мъ году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 1814-мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее... Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца.

«Изъ Франціи въ 1814-мъ году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ... Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество...

«Въ 1814-мъ году существованіе [военной] молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 1815-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастью...».

По возвращеніи домой военное общество стало принимать новые, прежде невиданные нравы. Прежняя пустая жизнь, попойки и картежная игра смѣнились инымъ препровожденіемъ времени: вмѣсто картъ явились шахматы, вмѣсто кутежей — чтеніе иностранныхъ газетъ, офицеры ревностно

---

[1]) М. А. Фонъ-Визинъ — „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи (Примѣчанія къ книгѣ Histoire de Russie, par Esneaux et Chennechot. 5 vol. Paris 1835)", появившееся впервые, подъ именемъ его „Записокъ", въ Лейпцигѣ 1861, издано полностью В. Богучарскимъ въ Сборникѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", Спб. 1905, см. стр. 182—183.

слѣдили за политическими событіями,—«такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе» [1]).

«Толчекъ, который дали умамъ только-что совершившіяся событія, — разсказываетъ Н. И. Тургеневъ, — или, вѣрнѣе, волненіе, произведенное этими событіями, было очевидно. *Либеральныя идеи*, по тогдашнему выраженію, начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за границы. Кромѣ регулярныхъ войскъ за границей были также большія массы ополченія: эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда.

«Это новое настроеніе умовъ обнаруживалось главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собраны были военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра, и гдѣ былъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ...».

Упомянувъ о томъ, что въ Россіи, не имѣющей свободы печати, мнѣніе публики можно узнать, только внимательно прислушиваясь къ тому, что говорится всего чаще, Тургеневъ замѣчаетъ, что въ то время оно высказывалось, между прочимъ, въ особой рукописной литературѣ. «Въ этой, такъ сказать, контрабандной литературѣ обнаруживались тенденціи и расположеніе умовъ. Тогда появилось довольно много произведеній этого рода, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы, или по высокому и поэтическому вдохновенію. Эти маленькія chefs-d'oeuvre, дотолѣ неизвѣстныя, отмѣтили дни своего появленія, какъ эпоху оживленія, надежды и, надо прибавить, здраваго смысла и размышленія. Даже обыкновенная печать участвовала въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичности, были разбираемы въ серьезныхъ сочиненіяхъ. Періодическія изданія больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, занимались тѣмъ, что происходило въ другихъ странахъ и особенно во Франціи, гдѣ пробовались тогда новыя учрежденія. Имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были также извѣстны въ Россіи [2]), какъ и въ своемъ отечествѣ, и русскіе офицеры, забывая только что павшаго великаго полководца, познакомились съ именами

[1]) Записки И. Д. Якушкина. М., 1905, стр. 2—4.

[2]) Авторъ разумѣетъ, конечно, образованный кружокъ общества.

Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые казалось, предприняли политическое воспитаніе европейскаго континента».

Многіе,—продолжаетъ Тургеневъ,—«возвращаясь въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, высказывали чрезвычайное удивленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ нравахъ, разговорахъ и самыхъ поступкахъ молодежи столицы: она какъ будто пробудилась для новой жизни, воодушевляяся всѣмъ, что было самаго благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили — въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцами или противниками ихъ воззрѣній. Никто не думалъ о шпіонствѣ, которое въ то время было ничтожно и почти неизвѣстно.

«Правительство не только не противилось направленію, которое, повидимому, принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, произнесенной при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ вполнѣ опредѣленныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи»[1]...

Мы возвратимся далѣе ко взглядамъ правительства и продолжимъ замѣтки о перемѣнѣ, происшедшей въ нравахъ, особенно военнаго круга. Одной изъ первыхъ вещей, на которыя обратили теперь вниманіе, была, какъ раньше указывалось, военная дисциплина и положеніе солдатъ вообще. Извѣстно, какова была эта дисциплина въ прежнія времена вплоть до новѣйшихъ военныхъ реформъ, облегчившихъ тяжелое положеніе солдата. Въ александровскія времена дисциплина отличалась еще чрезвычайною суровостью, — довольно вспомнить исторію военныхъ поселеній.

«Военная дисциплина, — разсказываетъ Тургеневъ, — въ это время стала предметомъ такого вниманія, какого она до тѣхъ поръ еще никогда не встрѣчала. Это вниманіе возбуждено было по возвращеніи войскъ въ Россію послѣ кампаніи

---

[1]) La Russie, I, стр. 81—84; въ русскомъ изданіи см. стр. 60—62.

1813—1815 годовъ, какъ были тогда же возбуждены и всѣ либеральныя идеи. Не только офицеры, но и простые солдаты приходили тогда въ соприкосновеніе съ другими войсками, привыкшими къ иной дисциплинѣ: это соприкосновеніе не могло остаться безъ вліянія на нихъ и не повести къ какому-нибудь результату. Вскорѣ военные стали искать, въ попыткахъ тайныхъ обществъ, какого-нибудь средства противъ тѣхъ золъ, какихъ они были свидѣтелями, и вопросъ о дисциплинѣ сталъ для нихъ вопросомъ принципа. Если прежде иные изъ нихъ и не прибѣгали къ палкѣ, то это было у нихъ только слѣдствіемъ врожденнаго добросердечія; теперь они отвергали это средство дисциплины какъ вещь, противную самымъ простымъ понятіямъ справедливости и человѣколюбія»[1]).

Затѣмъ, вниманіе направилось и на другіе предметы. «Въ первое время, — продолжаетъ Н. И. Тургеневъ[2]), — эти благородныя души, которыя впослѣдствіи хотѣли, цѣною всѣхъ жертвъ, пробудить свое несчастное отечество отъ закоснѣнія, въ какое оно было погружено, увлекались обычно только политическими идеями. Болѣе прозаическія, но не менѣе существенныя идеи гражданской свободы, матеріальнаго благосостоянія человѣка оставались въ сторонѣ. Политическое рабство одно возбуждало ихъ негодованіе. Но, спѣшимъ прибавить, при первомъ замѣчаніи ихъ ревностная забота обращалась къ тому, чтобы найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствія своего отечества, и ихъ первыя размышленія кончались проклятіями и противъ рабства крестьянъ, и противъ жестокости военной дисциплины. Я видѣлъ, какъ эти молодые люди, презирая всѣ выгоды своего общественнаго положенія и богатства, предпочитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствіямъ двора или развлеченіямъ и пріятностямъ путешествія... Что сталось съ ними, праведное небо! — замѣчаетъ авторъ, вспоминая дальнѣйшую судьбу этихъ людей. Надо имѣть вѣру во что-нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотрицаніе кончаются такимъ несчастьемъ и такими бѣдствіями».

---

[1]) Ср., напр., „Правила для обхожденія съ нижними чинами“ изъ приказовъ гр. М. С. Воронцова, 1815 г., гдѣ хотя и сохраняется строгость дисциплины, но съ негодованіемъ отвергаются „гнусные и варварскіе обычаи“ старой муштровки. См. Русскій Архивъ, 1877, ч. II, стр. 167—171.

[2]) La Russie, II, стр. 511—514; I, стр. 91—95.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, говоря о либеральныхъ намѣреніяхъ, все еще проявлявшихся въ это время у императора Александра, и объ упомянутомъ движеніи въ обществѣ, разсказываетъ:

«Въ теченіе этого короткаго періода либерализма, при свѣтѣ этой умственной молніи, если можно такъ выразиться, нѣсколько молодыхъ людей стали думать о томъ, чтобы дать новымъ идеямъ правильное движеніе и направить ихъ къ практически полезной цѣли. Во время войны въ Германіи они слышали о тайныхъ обществахъ, они приняли эту идею и рѣшились соединить людей, показывавшихъ ревность къ общественному благу, въ общество, устроенное на подобіе этихъ обществъ. И, спѣшу прежде всего замѣтить, русское правительство въ это время внушало вообще такъ мало недовѣрія и, повидимому, было даже такъ расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ *просить о содѣйствіи правительства*. Только опасеніе, что ихъ намѣренія могутъ быть истолкованы неправильно, побудило ихъ дѣйствовать безъ помощи и безъ вѣдома императора. Если этотъ фактъ и открываетъ, какъ мало опытны были первые основатели тайныхъ обществъ въ Россіи, онъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, ихъ искренность и безвредность ихъ намѣреній».

Четвертый современникъ самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о настроеніи либеральнаго кружка того времени: «Общество, образовавшееся по возвращеніи гвардіи изъ похода послѣ трехлѣтней войны съ Наполеономъ, проникнуто было возбужденнымъ, въ сильной степени, чувствомъ любви къ Россіи. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ спискѣ членовъ его встрѣчается такъ мало именъ не-русскихъ». И нѣмецкія имена принадлежали часто людямъ, не только совершенно русскимъ, но даже православнымъ. «Къ слову упомяну, — прибавляетъ авторъ, — что Пестель, хотя былъ германскаго происхожденія, сердцемъ вполнѣ былъ русскій» [1]).

Еще одинъ современникъ, успѣвшій черезъ многіе годы охладѣть и относившійся очень объективно къ своему прошедшему, даетъ такую характеристику времени и людей:

---

[1]) П. Н. Свистуновъ — „Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіи 14 декабря и о декабристахъ“, въ „Русскомъ Архивѣ“, за 1870 г., ст. 1638.

«Члены нашего общества, — разсказываетъ Басаргинъ[1]) — были добрые, большею частію умные и образованные молодые люди, горячо любившіе свое отечество, желавшіе быть ему полезными и потому готовые на всякое пожертвованіе. Съ намѣреніями чистыми, но безъ опытности, безъ знанія свѣта, людей и общественныхъ отношеній, они принимали къ сердцу каждую несправедливость, возмущались каждымъ неблагороднымъ поступкомъ, каждою мѣрою правительства, имѣвшею цѣлью выгоду частную, собственную, — вопреки общей.

«Здѣсь надобно замѣтить, что въ то время политическое положеніе европейскихъ государствъ много содѣйствовало неудовольствію благомыслящей и неопытной молодежи и было причиною повсемѣстному почти образованію тайныхъ политическихъ обществъ.

«Исполинская война Европы съ Наполеономъ была окончена. Европейскіе государи, чтобы съ успѣхомъ противостать его могуществу и его военному генію, должны были обратиться къ инстинктамъ народнымъ и, если не обѣщать положительно, то по крайней мѣрѣ породить въ массѣ надежды на будущія улучшенія въ ея общественномъ бытѣ. Императоръ Александръ, по заключеніи мира, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, говорилъ и дѣйствовалъ согласно этимъ правиламъ и тѣмъ подалъ надежду въ самой Россіи на будущія преобразованія въ пользу народа.

«Страннымъ кажется теперь, что тогдашнія главы правительствъ, дѣйствуя такимъ образомъ, не предвидѣли, что многозначущія слова ихъ найдутъ отголосокъ не только въ людяхъ мыслящихъ, но и въ самой массѣ; что надежды, ими внушаемыя, породятъ ожиданія, требованія и волненія. Не думаю, впрочемъ, чтобы, поступая такимъ образомъ, они умышленно хотѣли обмануть народъ ложными обѣщаніями, а полагаю, что, не предвидя послѣдствій, они воображали спокойно, исподоволь приступить къ нѣкоторымъ маловажнымъ преобразованіямъ и увѣрили себя, что народъ будетъ мирно выжидать того, что будетъ сдѣлано для него, и удовольствуется незначительными уступками правительствъ. Конечно, это была важная съ ихъ стороны ошибка, за которую дорого должны были поплатиться отчасти и они сами, но гораздо болѣе управляемые.

[1]) Записки Н. В. Басаргина, появившіяся впервые въ сборникѣ „Девятнадцатый Вѣкъ“ (М. 1872), изданы затѣмъ вновь издательствомъ „Огни“ (П. 1917). См. стр. 5—9.

«Не вхожу въ разсужденіе, какъ и почему это случилось; но только вслѣдъ за окончаніемъ борьбы съ Наполеономъ и въ то время, когда главы правительствъ не перестали еще торжествовать благополучный для нихъ исходъ ея и дѣлить Европу, какъ свое достояніе, народы начали изъявлять свои требованія и волноваться, не видя скораго исполненія своихъ ожиданій. Это произвело совершенную реакцію въ мысляхъ и поступкахъ государей: они усмотрѣли свою ошибку (а, можетъ быть, и необходимую мѣру, вызванную обстоятельствами) и стали дѣйствовать противно тому, что прежде обѣщали и говорили. Съ своей стороны, народы, убѣдясь, что нечего ожидать имъ отъ правительствъ, стали дѣйствовать сами; а умы нетерпѣливые, которыхъ всегда и вездѣ найдется много, рѣшились ускорить и подвинуть общественное дѣло образованіемъ и распространеніемъ тайныхъ обществъ. Во Франціи, Германіи, Италіи учредились таковыя подъ разными наименованіями: Карбонаріевъ, Тугендбунда и т. д. Россія не могла избѣгнуть вліянія сосѣдственныхъ государствъ и особенно въ такое время, когда сношенія съ ними порождались самыми событіями, войною и дальнѣйшими ея слѣдствіями. Многіе молодые люди, возвратившіеся послѣ кампаніи изъ-за границы, большею частію военные, покрытые еще дымомъ исполинскихъ битвъ 1812—1814 годовъ, внесли съ собою новыя идеи, начали серьезно думать о положеніи Россіи и прилагать къ ней теоріи общественныхъ учрежденій, или существующихъ уже въ другихъ государствахъ, или изложенныхъ въ замѣчательныхъ политическихъ твореніяхъ тогдашняго времени.

«Здѣсь надобно замѣтить, что въ Россіи, несмотря на пріобрѣтенную ею военную славу счастливымъ исходомъ войны съ Наполеномъ, внутренняя ея организація, ея администрація, общественное и нравственное ея положеніе, ея правительственныя формы и наконецъ ея малое развитіе въ отношеніи умственнаго образованія, явно бросались въ глаза каждому просвѣщенному и благомыслящему человѣку и невольно внушали ему желаніе измѣнить или, по крайней мѣрѣ, исправить по возможности этотъ порядокъ. Все, что оказывается и оказалось нынѣ вреднаго и порочнаго во всѣхъ отрасляхъ ея гражданскаго быта, существовало и тогда, — съ тою только разницею, что замѣчалось меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ нынѣ, и что правительство смотрѣло иначе на всѣ эти недостатки, или не думая, или не рѣшаясь приступить

къ ихъ преобразованію. Прибавьте къ этому, что и понятія тогдашняго времени были гораздо грубѣе и одностороннѣе, нежели нынѣ, и потому все, что дѣлалось, представлялось еще возмутительнѣе тѣмъ изъ немногихъ, которые мыслили и поступали вслѣдствіе другихъ идей и правилъ. Мудрено ли, что эти люди, большею частію юные лѣтами, охотно отдѣлялись отъ массы и съ увлеченіемъ готовы были посвятить себя на пользу отечества, ни во что ставя личную опасность и грозящую невзгоду въ случаѣ неудачи или ошибочнаго разсчета. Конечно, малое число юныхъ послѣдователей новыхъ идей сравнительно съ защитниками стараго порядка, между коими находилось, съ одной стороны, закоснѣлое въ невѣжествѣ большинство, а съ другой люди, предпочитавшіе всему личныя выгоды и занимавшіе высшія должности въ государствѣ, — было почти незамѣтно. Не менѣе того, не сообразивъ ни своихъ силъ, ни средствъ, они не только смѣло, но съ увлеченіемъ и (почему не сказать) съ ошибочною надеждою вступили на тотъ путь, гдѣ должны были пасть въ неравной борьбѣ и содѣлаться первыми жертвами. Сначала, дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, они основывались на намѣреніяхъ самого покойнаго императора Александра; но потомъ, когда онъ измѣнилъ имъ и предался реакціи, то рѣшились образовать тайныя общества и этимъ средствомъ думали достигнуть своей цѣли».

Въ приведенныхъ отрывкахъ достаточно указываются общія черты и источники движенія, первыя побужденія, внушенныя временемъ, впечатлѣнія русской жизни и нерѣдко наивное, но горячее и довѣрчивое стремленіе къ улучшенію формъ жизни политической и общественной. Болѣе односороннимъ и поверхностнымъ образомъ представляютъ европейское вліяніе другія свидѣтельства, которыя въ особенности указываютъ на примѣръ иностранныхъ тайныхъ обществъ, на особенное вліяніе европейскаго либерализма, на моду. Такъ говорится объ этомъ въ самомъ «Донесеніи Слѣдственной Комиссіи»; такъ говоритъ извѣстный маркизъ Кюстинъ, передавая слышанное имъ въ Петербургѣ [1]). Послѣ событій декабря 1825 года не разъ высказывалось даже мнѣніе, что возмущеніе было солидарно съ европейскими революціонными вспышками двадцатыхъ годовъ, что русскія тайныя общества находились въ связи съ европейскими заговорами, съ нѣ-

---

1) Marquis de Custine „La Russie en 1839“. Paris, 1843, II, стр. 42.

мецкими «демагогическими происками» и т. п. Лишнее говорить, что последнее было совершенно неосновательно.

Справедливо было то, что европейскія событія, пребываніе за границей, сближеніе съ европейскими людьми, нравами и понятіями дали первый толчекъ либеральнымъ идеямъ, но это было только вліяніе общихъ настроеній времени. Наше тогдашнее движеніе, воспринявъ нѣкоторыя понятія европейскаго политическаго либерализма, не имѣло никакихъ близкихъ связей съ западными тайными обществами и не было также однимъ подражаніемъ или однимъ теоретическимъ увлеченіемъ; напротивъ, оно тотчасъ обратилось къ русской жизни, искало въ ней практической почвы и примѣненій, и для послѣдняго находило множество основаній. Историческій смыслъ движенія въ томъ и заключался, что, несмотря на разныя увлеченія и крайности, оно съ перваго раза ставило и тѣ вопросы, которые были дѣйствительными очередными вопросами нашей внутренней жизни. Русскіе либералы имѣли живой интересъ къ тому, что дѣлалось на европейскомъ Западѣ; это было дѣломъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что еще слишкомъ недавно на ихъ глазахъ рѣшалась судьба этой Европы; позднѣе, они чувствовали единство европейской реакціи, которая отъ западныхъ событій отразилась и въ нашихъ дѣлахъ. Но несправедливо было бы сказать, что примѣръ европейскаго либерализма былъ для нихъ всѣмъ, или чтобы они хотѣли «пересадить Францію въ Россію», какъ выразился авторъ «Записокъ Декабриста»[1]). Напротивъ, русская жизнь стояла для нихъ на первомъ планѣ: европейскія вліянія дѣйствовали на нихъ, какъ на всю умственную жизнь тогдашняго общества, какъ они дѣйствовали въ наукѣ, въ литературѣ, въ мистицизмѣ, масонствѣ, въ правительственной реформѣ и въ реакціи, — но разъ пробужденное политическое пониманіе обращалось у нихъ съ увлеченіемъ къ русскимъ внутреннимъ вопросамъ. Они принимали къ сердцу недостатки русской жизни, искали средствъ для ихъ исправленія, и это настроеніе, безспорно, имѣло не малую долю въ развитіи той «народности», которая вскорѣ стала лозунгомъ литературы. Ихъ интересъ къ ней былъ не археологическій, а общественно-политическій, и здѣсь было здоровое зерно тѣхъ «народныхъ» стремленій, въ которыхъ потомъ бывало такъ много искусственности, односторонностей

---

[1]) Баронъ А. Е. Розенъ—„Записки Декабриста“, Спб. 1907, стр. 57.

и грубыхъ искаженій... Въ двадцатыхъ годахъ была сознательно воспринята мысль о необходимости освобожденія крестьянъ. Остановимся сначала на обстоятельствахъ, которыя содѣйствовали въ первое время особенному возбужденію умовъ.

Прежде всего должно упомянуть о дѣйствіяхъ и настроеніи самого правительства. Во время войнъ и въ первые годы послѣ нихъ, настроеніе императора Александра было великодушное и благосклонное къ «свободѣ народовъ». Вѣнскій конгрессъ, своимъ размежеваніемъ Европы и передѣломъ Германіи между старыми феодалами, хотя сильно сокращенными въ числѣ, уже началъ возбуждать недовѣріе, которое чувствовалось и у насъ и впослѣдствіи еще выросло отъ дальнѣйшихъ дѣйствій европейской политики. Но на первое время императоръ Александръ не былъ на сторонѣ реакціи: его дѣйствія во Франціи, на самомъ Вѣнскомъ конгрессѣ, отличались великодушнымъ уваженіемъ къ желаніямъ народовъ, и еще въ 1818 г., во время Ахенскаго конгресса, онъ высказывалъ мысль, что «правительства должны стать во главѣ движенія и проводить либеральныя идеи въ жизнь»[1]. Онъ далъ Польшѣ конституціонныя учрежденія, что возбудило въ русскихъ либералахъ надежду на представительныя учрежденія и въ Россіи. Слова императора на варшавскомъ сеймѣ 1818 года довольно ясно подтверждали эту надежду и не мало усилили въ то время либеральное движеніе.

Еще одинъ свидѣтель и участникъ тѣхъ событій, припоминая обстоятельства, «побудившія къ возмечтанію о реформахъ въ Россіи», указываетъ, какое сильное впечатлѣніе производили тогда дѣйствія самого императора Александра... «Слѣдуетъ упомянуть о надеждѣ на дарованіе политическихъ правъ, возбужденной либеральною политикой императора Александра Павловича, неоднократно имъ заявленной. О ней свидѣтельствуетъ воззваніе его къ германскимъ народамъ въ 1813 году; затѣмъ въ 1814 году, при первомъ свиданіи его съ Людовикомъ XVIII въ Рамбулье, всѣмъ стало извѣстно высказанное имъ убѣжденіе о необходимости при вступленіи короля на престолъ учредить во Франціи представительное правительство. Въ слѣдующемъ году, на Вѣнскомъ конгрессѣ,

---

[1]) Pertz, Stein's Leben, V, 301—302.

онъ, отстаивая либеральныя учрежденія, оспаривалъ ретроградную политику Меттерниха и Талейрана и, вопреки ихъ мнѣнію, даровалъ Польшѣ конституціонное правленіе. Наконецъ, при открытіи варшавскаго сейма, произнесъ рѣчь, возбудившую неописанный восторгъ во всей мыслящей молодежи» [1]).

Правда, и въ эти первые годы послѣ Вѣнскаго конгресса не всѣ дѣйствія русскаго правительства могли питать подобныя ожиданія; его настроеніе было слишкомъ нерѣшительное и колеблющееся, но либеральныя заявленія, однако, не прекращались и дѣйствовали на умы, безъ того возбужденные.

Напримѣръ, Карамзинъ пишетъ въ это время къ Дмитріеву: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я радъ всему хорошему; но только хорошему. Все будетъ какъ надобно» (8 апрѣля, 1818). «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ «Сынѣ Отечества»,

---

[1]) Замѣтка М. И. Муравьева-Апостола въ „Русской Старинѣ“, 1873, т. VIII, стр. 109.

Рѣчь императора Александра при открытіи варшавскаго сейма, 15/27 марта 1818, въ ея французскомъ подлинникѣ приведена въ книгѣ Богдановича, т. V, прил. стр. 78, и въ переводѣ—въ текстѣ, стр. 371—375. Кромѣ общаго тона и смысла всей рѣчи, особенное дѣйствіе производили слѣдующія слова:

„L'organisation qui était en vigueur dans votre pays, a permis l'établissement immédiat de celle que je vous ai donnée, en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales qui n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude, et dont j'espère, avec l'aide de Dieu, étendre l'influence salutaire sur toutes les contrées que la Providence a confiées à mes soins. Vous m'avez ainsi offert les moyens de montrer à ma Patrie ce que j'ai préparé pour elle dès longtemps, et ce qu'elle obtiendra dès que les éléments d'une oeuvre aussi importante auront atteint le développement nécessaire“...

Въ переводѣ современномъ (изъ „Учебной книги Россійской Словесности“ Греча. Спб. 1820, II, стр. 239—243, перепечатанъ въ „Русской Старинѣ“, 1873, т. VII, стр. 612—615): „Образованіе, существовавшее въ вашемъ краю, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.— Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости“.

въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится... Не перестаю наслаждаться своимъ образомъ мыслей или, лучше сказать, сердечнымъ удостовѣреніемъ, что мы такъ, а Богъ по-своему» (29 апрѣля). Никита Муравьевъ въ позднѣйшемъ разборѣ «Донесенія Слѣдственной Комиссіи», по поводу сказаннаго императоромъ Александромъ въ Варшавѣ, замѣчалъ: «...право Союза (Благоденствія) опиралось также на обѣтахъ власти, которой гласное изъявленіе и имѣетъ силу закона въ самодержавномъ правленіи».

Слова, сказанныя императоромъ въ Варшавѣ, подтверждались тѣмъ, что по его приказанію дѣйствительно изготовлялся проектъ «законно-свободныхъ» учрежденій для самой имперіи. «Этотъ проектъ былъ дѣйствительно составленъ,—замѣчаетъ Тургеневъ,—онъ былъ, если не ошибаюсь, напечатанъ позднѣе въ изданіи, выходившемъ одно время подъ названіемъ Portfolio». По словамъ Тургенева, составленіе проекта поручено было давнему довѣренному лицу императора Александра, Н. Н. Новосильцову, который былъ въ это время императорскимъ комиссаромъ въ Польшѣ. По мѣрѣ изготовленія различныхъ частей проекта Новосильцовъ представлялъ ихъ на разсмотрѣніе императора. Планъ былъ, конечно, государственною тайною; но какъ самое намѣреніе императора было заявлено публично, такъ и о самомъ проектѣ Новосильцова слухи проникали въ общество. Тургеневъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о составленіи проекта, такъ что, видимо, это была тогда вещь довольно извѣстная[1]).

Проектъ, надъ которымъ работалъ Новосильцовъ, найденъ былъ въ его бумагахъ во время польскаго возстанія въ 1831 г. въ Варшавѣ, въ двухъ экземплярахъ, по-русски и по-французски. Лица, издавшія его въ тридцатыхъ годахъ, не въ состояніи были опредѣлить ни времени составленія проекта, ни того, почему онъ находился въ рукахъ Новосильцова. Они замѣтили одно, что этотъ проектъ по времени

---

[1]) Такъ онъ разсказываетъ: „Въ главѣ о выборахъ членовъ народнаго собранія было сказано, что депутаты назначаются избирателями. Это было, безъ сомнѣнія, совершенно просто и естественно; но императоръ остановился на этой статьѣ и замѣтилъ, что такимъ образомъ избиратели могутъ, пожалуй, назначить, кого имъ вздумается, „напримѣръ, Панина“. А императоръ очень не любилъ гр. Панина (Никиту Петровича), бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ. Статья была тотчасъ измѣнена, и избирателямъ было предоставлено только право представлять трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ правительство и будетъ выбирать депутата“. См. „Россія и Русскіе“ стр. 68—69.

позднѣе хартіи, данной Царству Польскому въ 1815 году, такъ какъ заключаетъ много статей, извлеченныхъ изъ этой хартіи (что указано на поляхъ рукописи), и такъ какъ при немъ находится списокъ главъ, также заимствованный изъ польской хартіи [1]).

Проектъ Новосильцова былъ, повидимому, послѣдовательнымъ развитіемъ плановъ, какіе нѣкогда императоръ поручалъ Сперанскому. Между ними нельзя не замѣтить значительнаго сходства, напримѣръ, въ общемъ планѣ представительства, въ устройствѣ административномъ, въ намекахъ на устройство судебное. Работы Сперанскаго, повидимому, имѣлись въ виду у Новосильцова.

Трудно сказать, насколько серьезны были у императора Александра мысли объ этой реформѣ. Объ этомъ составилось издавна мнѣніе недовѣрчивое; съ другой стороны, люди консервативныхъ взглядовъ, прежде и послѣ, сурово и даже съ

---

[1]) Этотъ документъ былъ уже нѣсколько разъ напечатанъ. Первое изданіе, составляющее большую библіографическую рѣдкость „Charte constitutionelle de l'Empire de Russie. Varsovie. 1831", и на другой страницѣ: „Государственная Уставная Грамота Россійской имперіи. Варшава. 1831". Мал. 8⁰. VII, 154 и 3 неперемѣч. страницы; французскій и русскій текстъ en regard. Далѣе: „Le Portfolio ou Collection des documents politiques relatifs à l'histoire contemporaine. Traduit de l'anglais". Hambourg, Campe, 1837, V, стр. 378—419 (одинъ французскій текстъ). Въ заграничныхъ изданіяхъ: „Историческій Сборникъ", книжка вторая, Лондонъ 1861 и „Матеріалы для исторіи царствованія имп. Николая Павловича", Лейпцигъ, 1880 (одинъ русскій текстъ). Первоначальный проектъ уставной грамоты напечатанъ въ Historische Zeitschrift, 1894 (72 Band, 1 Heft). См. Н. К. Шильдеръ — „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе", т. IV, Спб., 1898, стр. 150—152, 465—466; въ приложеніяхъ (стр. 499—526) перепечатанъ русскій текстъ уставной грамоты.

Относительно Новосильцова, дѣятельность котораго въ Польшѣ не внушаетъ сочувствія, говорятъ, что онъ очень измѣнился послѣ первой своей отставки и послѣ своей вѣнской жизни; но, повидимому, и въ эту пору въ немъ сохранились качества, способныя вызывать большое сочувствіе, — какъ видно изъ отзыва о немъ декабриста Лунина. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ онъ говоритъ о Новосильцовѣ: „Съ живымъ сожалѣніемъ узналъ я о смерти... предсѣдателя государственнаго совѣта, Новосильцова (1836)... Я возставалъ противъ принятой имъ системы, когда онъ управлялъ дѣлами въ Варшавѣ, — системы, имѣвшей такія печальныя послѣдствія для царства и имперіи. Но разность политическихъ мнѣній не мѣшаетъ мнѣ отдать ему справедливость. У него было много ума, большой навыкъ въ управленіи и *пламенное рвеніе къ народному дѣлу*". Этотъ отзывъ заслуживаетъ вниманія.

негодованіемъ осуждали эти планы, какъ западный либерализмъ, не отвѣчающій нашему народному характеру, какъ «слѣпое стремленіе къ регламентаціи жизни», какъ дѣтское презрѣніе къ исторіи и пр. Не будемъ спорить о личномъ отношеніи императора къ этому дѣлу; но о послѣднемъ нельзя не замѣтить, что дѣло едва ли состояло въ одномъ увлеченіи западнымъ либерализмомъ. Обвинители той эпохи вообще лицемѣрятъ, когда не хотятъ видѣть, что «народная жизнь» въ дѣйствительности едва ли допускала подобныя ссылки, потому что прежде всего сама требовала бы освобожденія, впервые начатаго только крестьянскою реформой. Чего могла требовать «народная жизнь» внѣ этой реформы? Несомнѣнно, что въ критическомъ отношеніи къ прошедшему и къ его многимъ наслѣдіямъ въ жизни современной были правы и императоръ Александръ, и его совѣтники, какъ Сперанскій и Новосильцовъ, и самые либералы тайныхъ обществъ, потому что этимъ критическимъ отношеніемъ подготовлялась основная, необходимѣйшая реформа. На самомъ дѣлѣ, «исторія» вовсе не пріучала сообразоваться съ желаніями народа: люди временъ Александра I, мечтавшіе о народномъ благѣ, искали средствъ къ его достиженію также теоретически и по чужимъ примѣрамъ, какъ было во времена великихъ Петра и Екатерины. Идеальная обязательность «народныхъ началъ» еще не чувствовалась, и уроки «исторіи» могли быть извлекаемы лишь настолько, насколько самая исторія была изучена и сознана. И тому ли они научаютъ, что выводятъ изъ нихъ проповѣдники государственной и общественной неподвижности? Съ успѣхами историческаго знанія надо убѣждаться въ противномъ... Сперанскій очень слабо вспоминаетъ о зачаткахъ представительства въ древней Россіи; либералы тайныхъ обществъ уже гораздо больше интересовались стариной; знали ее, по состоянію тогдашней науки, мало, но иногда угадывали ея смыслъ. Они знали о соборахъ и думахъ, и ихъ политическія мечты иногда представлялись имъ какъ именно оживленіе старыхъ преданій исторіи.

Изъ подробностей проекта можно также видѣть, что составители его не были чрезмѣрно либеральны. Проектъ Новосильцова, какъ и планъ Сперанскаго, далекъ отъ какихъ-нибудь крайностей; напротивъ, проектъ отвѣчалъ характеру монарха, при всѣхъ либеральныхъ мечтаніяхъ ревниво охранявшаго свою власть. Такъ проектъ вводитъ извѣстныя свободныя учрежденія, но рядомъ оберегаетъ всѣ прерогативы

власти, и весь механизмъ представительства остается въ ея рукахъ. Общество получало свободы лишь настолько, сколько было бы необходимо для воспитанія общественной самодѣятельности. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ остался не тронутымъ, какъ и у Сперанскаго, такъ что «презрѣнія къ исторіи» въ этомъ основномъ пунктѣ не находилось. При всемъ томъ, въ предположеніяхъ о новомъ порядкѣ вещей надѣялись тогда найти спокойное развитіе для возникавшихъ стремленій общественнаго мнѣнія; въ этихъ стремленіяхъ, какъ увидимъ далѣе, заключалось не мало благотворныхъ начинаній, — и лишенныя правильнаго исхода, какой могла дать, напримѣръ, извѣстная свобода печати, они обратились на путь тайныхъ обществъ и волненій.

«Въ это время, — говоритъ Тургеневъ, — правительство внушало вообще такъ мало недовѣрія и, казалось даже, было такъ расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели тайнаго общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ просить содѣйствія правительства» — и не сдѣлали этого лишь изъ опасенія, что ихъ намѣренія будутъ перетолкованы.

Но въ первое время, подъ впечатлѣніемъ плановъ правительства, возбуждавшихъ надежды, тайныя общества отличаются весьма мирнымъ и мягкимъ характеромъ, который теряютъ только впослѣдствіи. Участники этого движенія въ началѣ думали, что ихъ стремленія не представляютъ собой ничего непріятнаго правительству, что они хотятъ того же, что составляетъ и его намѣреніе; они желали исправленія неустройствъ русской жизни соединенными усиліями людей однихъ убѣжденій и полагали, что дѣйствуютъ въ помощь правительству; они видѣли потомъ трудность дѣла и самую нерѣшительность правительства, но еще не теряли надежды. Впослѣдствіи они стали разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ, и въ настроеніи обществъ появляется недовѣріе и раздраженіе.

Мысль о тайномъ обществѣ возникла тогда у либераловъ весьма естественно. Когда въ обществѣ, около 1815 года, почти вдругъ явился, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, цѣлый обширный разрядъ людей либеральнаго образа мыслей, преимущественно изъ молодого поколѣнія, они съ самаго начала не могли не почувствовать, что въ обычной жизни они представляютъ что-то исключительное, что большинство не только имъ не сочувствуетъ, но смотритъ на нихъ враждебно, какъ

на людей, нарушающихъ покой его умственнаго и общественнаго бездѣйствія; ихъ собственныя убѣжденія такъ противорѣчили ходячимъ мнѣніямъ и нравамъ, что они должны были наконецъ сомкнуться въ болѣе тѣсный кружокъ. Правда, возбужденіе послѣ событій и наплывъ новыхъ идей были такъ сильны, что въ обществѣ обнаружилась значительная свобода мнѣній и разговоровъ, но высказывать свои мнѣнія вполнѣ было все-таки не безопасно. Потребность въ обмѣнѣ мыслей въ ближайшемъ сочувственномъ кругу, свободномъ отъ постороннихъ стѣсненій, прежде всего сближала людей либеральнаго образа мыслей въ тѣсный кружокъ; полная искренность бесѣдъ заставила вскорѣ беречь нѣкоторую замкнутость кружка. Но въ этихъ людяхъ уже скоро явилась потребность практической дѣятельности въ духѣ своихъ мнѣній. Новость ихъ идеаловъ, порывы великодушнаго энтузіазма, какъ бываетъ всегда въ подобныхъ увлеченіяхъ, ставили передъ ними широкую задачу общественныхъ преобразованій, требовавшую обдуманнаго плана, соединенныхъ усилій, самоотверженія. Съ мыслью о практической дѣятельности и пропагандѣ для своихъ цѣлей кружокъ долженъ былъ сомкнуться еще тѣснѣе и, наконецъ, превратился въ тайное общество...

Присоединились вліянія времени. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣйствительныхъ, и воображаемыхъ. Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую, между прочимъ, складывались прогрессивныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей,—ни парламентской жизни, ни свободы собраній, ни свободы печатнаго слова. Это былъ общественный союзъ, соединеніе единомыслящихъ людей съ общественными цѣлями, въ такое время, когда государство еще сохраняло средневѣковую суровость и нетерпимость и не давало исхода начинающемуся политическому и соціальному сознанію. Тайныя общества становились ненужными тамъ, гдѣ общественныя потребности находили себѣ выраженіе, гдѣ свобода собраній и свобода печати дѣлали таинственность ненужною. Всего больше тайныхъ обществъ было именно тамъ, гдѣ пробуждавшееся общественное мнѣніе не имѣло этого исхода, и, напротивъ, встрѣчалось съ политическимъ гнетомъ, какъ было во Франціи, Германіи, Италіи. Въ прошломъ столѣтіи эта форма общественности проникала

и къ намъ въ видѣ масонскихъ ложъ, этихъ полу-тайныхъ обществъ, которыя могли быть допущены даже у насъ, потому что, съ одной стороны, были правительству извѣстны, съ другой — ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической. Масонскія ложи были уже отчасти приготовленіемъ къ тайному обществу и чрезвычайно размножились во второй половинѣ царствованія Александра, когда стало обнаруживаться особенное броженіе умовъ, когда вообще распространялись у насъ всякія общества и союзы — литературные, филантропическіе, библейскіе, наконецъ, политическіе. Масонская ложа была самой извѣстной формой тѣснаго общественнаго кружка, и къ ней примкнули тайныя общества точно такъ же, какъ съ другой стороны примыкало Библейское Общество. Самый Священный Союзъ, какъ раньше союзъ императора Александра съ королемъ прусскимъ, былъ навѣянъ духомъ мистическаго или тайнаго братства.

Русское тайное общество сложилось не вдругъ. Въ кружкѣ людей, среди которыхъ оно образовалось, въ первое время замѣтно было только неясное желаніе сблизиться въ одномъ общемъ интересѣ. Одни просто собирались, безъ всякихъ затѣй, читать газеты и толковать. «Въ семеновскомъ полку (1815 г.)», — разсказываетъ Якушкинъ, — устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобъ имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ, по обязанности службы, приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ — такое времяпрепровожденіе было рѣшительно нововведеніе»[1]). Высшимъ властямъ «артель», однако, не понравилась, и ее велѣно было прекратить... Другіе, стремясь къ какой-нибудь нравственно-общественной дѣятельности, вступали въ масонскія ложи, гдѣ надѣялись найти искомую цѣль и способъ дѣйствій. Третьи, не удовлетворяясь обычными масонскими церемоніями, пришли къ мысли основать политическое, и слѣдовательно тайное, общество, и имъ опять прежде всего представилась мысль устроить его въ какой-нибудь ложѣ. Четвертые искали общественной дѣятельности въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ, нисколько не тайныхъ: таково было множество обществъ словесности

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 4.

въ Петербургѣ, Москвѣ и въ университетскихъ городахъ; таково было «общество математиковъ», основанное еще въ 1811 году и послужившее началомъ извѣстнаго «Учебнаго заведенія для колонновожатыхъ». Масонскія вліянія особенно замѣтны въ образованіи и въ формахъ нашихъ тайныхъ обществъ. Многіе изъ членовъ тайнаго общества были въ то же время ревностные масоны: то и другое было близко въ ихъ понятіяхъ и переходъ, повидимому, казался нетруднымъ.

Въ томъ первомъ тайномъ обществѣ, которое названо въ «Донесеніи Слѣдственной Комиссіи» Союзомъ Спасенія или Союзомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, и уставъ котораго былъ составленъ Пестелемъ (1817), нельзя не видѣть этого вліянія. «Общество, — по словамъ «Донесенія», — раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ...; для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что ему откроютъ;... сверхъ того, каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу»—совершенно какъ въ масонской іерархіи. Въ другомъ мѣстѣ упоминается, что уставъ этотъ «основанъ былъ на клятвахъ, правилѣ слѣпого повиновенія, и проповѣдывалъ насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ, кинжала, яда», что, по словамъ самого Пестеля, написано было въ подражаніе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ,—и это могло быть справедливо: эти страшныя средства не представили бы ничего страшнаго тому, кто зналъ масонскія присяги, которыя даже въ самыхъ простыхъ «системахъ» наполнены самыми ужасными заклятіями. То же было въ обществѣ Соединенныхъ Славянъ.

Была и болѣе прямая связь между масонскими тенденціями и движеніями тайныхъ обществъ. Одно время ложи «Избраннаго Михаила» и «Трехъ Добродѣтелей» совмѣщали въ себѣ членовъ тайнаго общества. При болѣе простомъ, немистическомъ взглядѣ на масонскія обязанности не трудно было придти къ той политической точкѣ зрѣнія, на которой стояли члены тайныхъ обществъ въ первое время ихъ существованія, потому что ихъ цѣли состояли тогда въ мирномъ служеніи общественному благу одними нравственными и законными средствами. Таковъ былъ союзъ, который предполагалось, по словамъ «Донесенія», основать подъ названіемъ Общества Русскихъ Рыцарей. Исторію этого предполагавшагося общества такъ разсказываетъ близкій свидѣтель, Н. И. Тургеневъ:

«Нѣсколько времени спустя послѣ моего возвращенія въ Петербургъ (въ 1816 г.), я встрѣтилъ генерала Орлова (Михаила), котораго я знавалъ за границей и особенно въ Нанси, гдѣ онъ былъ въ 1815 начальникомъ штаба русскаго корпуса, расположеннаго въ тѣхъ краяхъ. У этого генерала было много природнаго ума и благородный, возвышенный характеръ. Что касается образованія, то онъ въ высокой степени обладалъ тѣмъ, какое обыкновенно бываетъ у свѣтскихъ людей. Какъ всѣ живые и пылкіе умы, которымъ недостаетъ прочныхъ идей, основанныхъ на серьезныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе... Когда я увидѣлъ его въ Петербургѣ, всѣ его мысли заняты были масонствомъ; онъ возъимѣлъ планъ возстановить это учрежденіе въ томъ видѣ, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и дать ему какую-нибудь политическую, или вѣрнѣе практическую цѣль. Въ этомъ предпріятіи у него былъ товарищемъ графъ Мамоновъ, который имѣлъ, кажется, большое пристрастіе къ старому русскому масонству... Лично я никогда не зналъ его, но въ одномъ критическомъ обстоятельствѣ его имя пріобрѣло такую извѣстность, что внушало къ нему уваженіе. (Тургеневъ разумѣетъ пожертвованія гр. Дмитріева-Мамонова въ 1812 году).

«Графъ Мамоновъ былъ, повидимому, посвященъ въ одну изъ высшихъ степеней стараго масонства; генералъ Орловъ, узнавши степени и формулу посвященія, внесъ туда нѣкоторыя перемѣны, соотвѣтственныя идеямъ времени, но сохранилъ мистическую форму, господствовавшую въ старомъ обрядѣ. Онъ показалъ мнѣ свой проектъ и предложилъ сообщить его кому-либо изъ знакомыхъ мнѣ масоновъ, для того, чтобы они постарались ввести его въ свои ложи. Этотъ уставъ, или обрядъ принятія, я отдалъ одному лицу, которое предсѣдательствовало въ одной ложѣ и которое было чрезвычайно радо имѣть какой-нибудь символъ стараго русскаго масонства, нѣкогда столь славнаго. Въ то же время генералъ Орловъ сказалъ мнѣ, что онъ только-что составилъ ядро общества, основаннаго на этой, своего рода, реликвіи. Онъ назвалъ своихъ приверженцевъ: это были два адъютантъ императора, генералъ кн. М. [Меншиковъ] и г. Б. [Бенкендорфъ]. Я видалъ иногда этихъ господъ, но никогда не говорилъ съ ними о ихъ обществѣ. Разъ только послѣдній, говоря о Союзѣ Благоденствія, съ которымъ предлагали соединить общество, намѣченное генераломъ Орловымъ, ска-

залъ мнѣ, что они не были намѣрены сливать въ одно два эти общества, что надо было посмотрѣть, какъ станетъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, и воспользоваться и хорошими, и дурными его результатами. Какъ видно, эти господа были «политики»[1].

«Въ самомъ дѣлѣ, основатели Союза Благоденствія имѣли нѣсколько свиданій съ генераломъ Орловымъ, но они не могли согласиться между собой... Впослѣдствіи Орловъ, совсѣмъ оставивши свой полу-масонскій проектъ вступилъ въ общество Благоденствія, изъ котораго вышелъ за нѣсколько дней до его закрытія... Изъ этихъ объясненій видно, что попытка генерала Орлова не произвела никакого важнаго результата».

Такимъ образомъ, тайное общество складывалось медленно, подготовляясь въ разныхъ кружкахъ, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія и принимая сначала знакомыя формы масонскаго союза. Въ «Донесеніи Слѣдственной Комиссіи» (стр. 6—11) перечислено нѣсколько различныхъ попытокъ основанія тайнаго общества. Въ заключеніе ихъ образовался, наконецъ «Союзъ Благоденствія», гдѣ общество въ первый разъ получило нѣсколько правильную организацію. Въ этой окончательной формѣ, которую приняло теперь тайное общество, обнаружилось уже болѣе прямое вліяніе времени, потому что образцомъ для Союза Благоденствія послужилъ отчасти нѣмецкій Тугендбундъ (Союзъ Добродѣтели). Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ, хотя незначительномъ и почти не дѣйствовавшемъ обществѣ, потому что по нему можно составить понятіе о томъ, каковы бывали, между прочимъ, тайныя общества, наводившія такой страхъ на реакціонныя правительства, и какова была на дѣлѣ связь русскаго общества съ нѣмецкимъ, о которой многозначительно говорили потомъ даже иностранные реакціонеры, представляя русское тайное общество, какъ отрасль громаднаго всесвѣтнаго заговора противъ алтарей и престоловъ.

Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ тайныя общества были предметомъ множества толковъ, не только тамъ, гдѣ они дѣйствительно были и имѣли свое значеніе, какъ, напр., карбонарство или гетерія, но и тамъ, гдѣ ихъ не было или гдѣ они

---

[1]) „Россія и Русскіе", стр. 166—169. А. А. Корниловъ въ своемъ изслѣдованіи „Н. И. Тургеневъ и Союзъ Благоденствія" („Очеркъ по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи", стр. 69) высказываетъ предположеніе, что здѣсь Тургеневъ по ошибкѣ говоритъ о Союзѣ Благоденствія, вмѣсто Союза Спасенія.

были совершенно безсильны. Правительства чрезвычайно боялись ихъ тайной силы; недовольные, особенно молодое поколѣніе, увлекались мечтой о тайномъ обществѣ, которое удовлетворяло либеральнымъ порывамъ и завлекало романтической таинственностью союза, служащаго добродѣтели, справедливости и свободѣ, а иногда было единственнымъ средствомъ борьбы противъ угнетенія, какъ то было въ Италіи. Таковы были итальянское карбонарство, греческая гетерія, нѣмецкій Тугенбундъ: различные по происхожденію и цѣлямъ, очень несходные по дѣйствительному значенію, они фантастически смѣшивались потомъ правительствами въ одинъ всеобщій заговоръ либераловъ, а ревностнѣйшіе обскуранты, западные и наши (какъ Магницкій, архимандритъ Фотій, Ростопчинъ), и международные (какъ гр. Жозефъ де-Местръ) отождествляли эти общества, какъ и всякій новѣйшій либерализмъ, съ старинными «иллюминатами»... У насъ всего больше извѣстенъ былъ нѣмецкій «Союзъ Добродѣтели».

«Я бывалъ въ сношеніяхъ съ людьми, которые должны были хорошо знать все, относящееся къ знаменитому обществу, извѣстному подъ именемъ Тугендбунда,—разсказываетъ Тургеневъ.—Я узналъ отъ нихъ, что, собственно говоря, надобно думать о мнимомъ вліяніи этого общества на ходъ событій до войны за освобожденіе и во время нея. Сколько разъ я слышалъ, какъ эти люди выражали глубокое убѣжденіе, пріобрѣтенное ими по собственному опыту, относительно совершенной невозможности достигнуть чего-нибудь положительнаго путемъ тайныхъ обществъ» [1]).

Въ числѣ людей, на которыхъ указываетъ Тургеневъ, былъ, вѣроятно, Штейнъ. Онъ былъ прусскимъ министромъ во время основанія Тугундбунда и хорошо зналъ движеніе умовъ въ Германіи, которое въ сильной степени проистекало отъ его собственной дѣятельности. Штейнъ не придавалъ, однако, никакого значенія ни масонскимъ ложамъ, о которыхъ также много говорили и въ которыхъ онъ самъ бывалъ, ни какимъ другимъ тайнымъ обществамъ и союзамъ. «Я съ своей стороны,—говорилъ онъ еще въ концѣ 1812 года, — никакой другой (масонской) конституціи не держался такъ твердо, какъ столовыхъ ложъ..., да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мнѣ казалось, что это древнее общество, происходящее отъ Соломона, не только не знало,

---

[1]) „Россія и Русскіе", стр. 345.

что оно дѣлало, но даже и не знало, чего хотѣло. Иллюминаты казались мнѣ дурнымъ обществомъ, и ихъ мораль нѣсколько двусмысленной..., ихъ интриги были вредны,—хотя Баррюэль вовсе не есть мое евангеліе[1]). Общество Друзей Добродѣтели (Тугендбундъ), образовавшееся въ 1808 г., заслуживаетъ уваженія по своимъ добрымъ намѣреніямъ, но до сихъ поръ ничего не видать изъ его дѣлъ»[2]).

Штейнъ сохранилъ и послѣ подобное мнѣніе о нѣмецкихъ тайныхъ обществахъ и во время реакціонныхъ гоненій считалъ постыднымъ и нелѣпымъ дѣломъ преслѣдованіе мнимыхъ заговоровъ. Тѣмъ не менѣе, о тайныхъ обществахъ продолжали говорить, и самыя общества существовали, хотя и не въ томъ видѣ, какъ о нихъ говорили.

Карбонарство и гетерія были прямымъ политическимъ заговоромъ; карбонарство дѣйствовало противъ мелкихъ итальянскихъ деспотовъ и противъ австрійцевъ; гетерія возставала противъ турецкаго ига и стремилась къ возстановленію Греціи; средствомъ и цѣлью этихъ обществъ была тайная и сокрытая борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Тугендбундъ также вызванъ былъ пробужденіемъ національнаго чувства, ненавистью къ французскому игу, тяготѣвшему надъ Пруссіей, но основывался какъ общество мирное и вполнѣ подчинявшееся правительству. Онъ хотѣлъ только помогать правительству и дѣйствовать для возрожденія націи не средствами политическаго заговора, а средствами образовательными и моральными. Учредители его стремились къ нравственному возбужденію націи, которое потомъ, въ рукахъ самого правительства, должно было послужить залогомъ политическаго освобожденія отъ чужеземнаго ига.

Тугендбундъ основанъ былъ въ началѣ 1808 г. въ Кёнигсбергѣ нѣсколькими патріотами, которые, выработавъ свою программу, просили у короля утвержденія ихъ статутовъ. Король далъ это утвержденіе, и общество открыло свои дѣйствія. Основатели дали своему союзу названіе «нравственно-научнаго общества»; цѣль его высказывалась въ грамотѣ на его основаніе слѣдующими словами: «Цѣль общества—создать улучшеніе нравственнаго состоянія и благосостоянія прусскаго и затѣмъ нѣмецкаго народа единствомъ и общностью стремленій честныхъ людей. Средства общества—слово,

[1]) О Баррюэлѣ см. выше, стр. 308.
[2]) Pertz, III, стр. 99.

письмо и примѣръ». Стремленія общества такъ соотвѣтствовали духу тогдашнихъ реформъ Штейна, возвышавшихъ національное сознаніе, что весьма распространено было мнѣніе, считавшее Штейна не только участникомъ, но основателемъ союза. Предполагаемое участіе Штейна много содѣйствовало репутаціи союза, который тогда же сталъ извѣстенъ подъ именемъ Тугендбунда. Союзъ, управляемый «совѣтомъ» изъ Кёнигсберга, какъ говорятъ, быстро распространился по всѣмъ областямъ Пруссіи, но существованіе его было непродолжительно: въ концѣ 1809 г. онъ былъ уже закрытъ распоряженіемъ короля, которое послѣдовало, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, вслѣдствіе требованія Наполеона [1]).

Разсказы о дѣятельности Тугендбунда до сихъ поръ противорѣчивы. По словамъ однихъ, послѣ закрытія «Тугендбундъ продолжалъ существовать фактически, и дѣятельность его была тѣмъ значительнѣе, что въ числѣ его членовъ, съ основаніемъ и безъ основанія, называли людей чрезвычайно значительныхъ. Очень дѣятельнымъ членомъ его былъ маіоръ Шилль, который въ 1809 сдѣлалъ извѣстную преждевременную попытку возстанія для освобожденія Германіи и своей геройской смертью далъ патріотической молодежи воспламеняющій примѣръ. Въ 1813 г., когда Наполенъ потерялъ въ Россіи свои лучшія силы и очарованіе непобѣдимости и когда началась противъ него великая народная борьба, молодое поколѣніе, выроставшее подъ вліяніемъ реформъ, умѣло понимать значеніе словъ—«отечество и свобода». Но, по офиціальнымъ даннымъ, союзъ совершенно отрекался отъ солидарности съ предпріятіемъ Шилля и доказывалъ, что онъ впередъ старался удерживать подобныя «вмѣшательства въ права власти». Біографъ Штейна отдаетъ справедливость стремленіямъ Тугендбунда, но замѣчаетъ, что тягостное время и политическія и военныя мѣры правительства безъ того возбудили національное чувство во всей націи, такъ что «лучшую

---

[1]) Свѣдѣнія о Тугендбундѣ, кажется, до сихъ поръ еще довольно смутны. Офиціальная исторія его, по актамъ, изложена въ книжкѣ: J. Voigt. Geschichte des sogenannten Tugendbundes. Berlin, 1850; см также Гервинуса, Geschichte des XIX Jahr. II, 342; Scherr, Deutsche Kultur- und Sittengeschichte, 2-te Ausg., 478; статью „Tugendbund“ въ „Staats-Lexikon“, Роттека и Велькера (Altona, 1848, т. XII, тр. 585—590). Какъ сильно противорѣчатъ свѣдѣнія о Тугендбундѣ, можно видѣть, сравнивъ слова Шерра, показанія Пертца, приведенныя у Фойгта, стр. 113 и слѣд., и свидѣтельство „государственнаго человѣка“ о Тугендбундѣ, тамъ же, стр. 119—120.

помощь для своихъ цѣлей въ борьбѣ съ французами правительство нашло въ кругу патріотовъ, которые собрались вокругъ Штейна и Шарнгорста и которые дѣйствовали безъ всякой связи съ Тугендбундомъ». По словамъ третьяго свидѣтеля, Тугендбундъ составляли собственно лица столь незначительныя, что отъ него отстранялись всѣ порядочные люди, и союзъ, еще до закрытія своего, былъ мертвъ отъ своего ничтожества; что въ великіе моменты начала 1813 года не было рѣчи ни о какомъ Союзѣ Добродѣтели и что нелѣпо придавать Тугендбунду какую-нибудь важность въ великихъ событіяхъ того времени. Шлоссеръ отзывается о Тугендбундѣ еще суровѣе: по его словамъ, это было только орудіе реакціонеровъ, которымъ обманывали дѣйствительныхъ патріотовъ и низшій слой народа, чтобы воспользоваться ихъ одушевленіемъ и усиліями для возстановленія стараго порядка. Но, въ концѣ концовъ, Шлоссеръ прибавляетъ: «Въ Тугендбундѣ... важнѣйшимъ дѣломъ было то, что онъ *пробуждалъ умы*. Въ *этомъ* состояла важность тайныхъ обществъ. Крикъ, поднятый Наполеономъ противъ Тугендбунда, далъ этому союзу политическую важность; свирѣпое преслѣдованіе, организованное въ Германіи Наполеономъ, княземъ Экмюльскимъ (Даву) и его агентами и шпіонами, ожесточало умы, а когда Пруссія въ 1809 году принуждена была запретить Тугендбундъ, таинственность стала придавать новую заманчивость патріотическимъ обществамъ» [1]).

Въ этомъ и было дѣйствительное значеніе Тугендбунда; въ такомъ смыслѣ онъ имѣлъ свое вліяніе и на основателей нашего тайнаго общества. Незначительный на дѣлѣ и крайне преувеличиваемый слухами, онъ имѣлъ свое историческое дѣйствіе своей идеей и той фиктивной силой, какую придавала ему общая молва. Ему приписывалось національное возбужденіе, котораго еще не привыкли объяснять естественнымъ порывомъ общественнаго мнѣнія; ему приписывались патріотическіе подвиги, и присутствіе невидимой силы ободряло и воодушевляло. Послѣ 1815 года начались въ печати разысканія и разъясненія о Союзѣ Добродѣтели, но молва продолжала говорить о немъ прежнее и тѣмъ болѣе казалась вѣроятной, что въ то именно время тайныя общества и явные союзы стали особенно размножаться. Снова появляется Янъ и его гимнасты съ своимъ девизомъ—frisch, froh, fromm,

---

[1]) Исторія XVIII столѣтія, 2-е русское изданіе, VII, 313—314.

und frei, возникаетъ буршеншафтъ, общество «безусловныхъ» и т. д., въ которыхъ прежнее броженіе, направлявшееся противъ французовъ, обращается противъ домашней реакціи во имя романтическо-пародныхъ и конституціонныхъ идеаловъ; происходятъ, наконецъ, студенческія волненія...

Нелѣпо было бы говорить, что русскія тайныя общества стояли въ непосредственныхъ связяхъ съ нѣмецкими, т.-е. имѣли какую-нибудь общую политическую цѣль, какъ это утверждали впослѣдствіи нѣмецкіе реакціонеры и ихъ публицисты по поводу 14-го декабря; ничего подобнаго на дѣлѣ не было, да и не могло быть, потому что этимъ обществамъ нечего было дѣлать вмѣстѣ; сношеній между ними не было. Но въ ихъ характерѣ на первое время можно найти сходныя черты, которыя объясняются духомъ времени. И тамъ, и здѣсь было много довѣрчиваго идеализма, но вліяніе было только, такъ сказать, литературное; только этимъ путемъ и въ силу молвы о нѣмецкомъ тайномъ обществѣ Союзъ Благоденствія могъ взять многое изъ программы Союза Добродѣтели.

«Донесеніе Слѣдственной Комиссіи» указываетъ, что мысль о тайныхъ обществахъ явилась въ 1816 г. у нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, «возвратясь изъ-за границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 годовъ и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи тайныхъ обществахъ съ политической цѣлью, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное»; что при первомъ основаніи русскаго тайнаго общества многіе именно желали, чтобы принятъ былъ уставъ, главныя черты котораго были заимствованы «изъ напечатаннаго въ журналѣ «Freywillige Blätter» устава, коимъ будто бы управлялся Tugendbund». Въ другомъ мѣстѣ сказано, что «главныя черты законоположенія Союза Благоденствія (первая часть этого законоположенія была отыскана Комиссіей), раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываютъ, что оно есть подражаніе, и даже большею частію переводъ съ нѣмецкаго». Этотъ уставъ русскаго тайнаго общества былъ составленъ, по словамъ «Донесенія» (стр. 11—12), Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, кн. Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ.

Записки самихъ членовъ тайнаго общества подтверждаютъ эти указанія на Тугендбундъ. М. А. Фонъ-Визинъ разсказываетъ, что во время войнъ многіе изъ русскихъ «познакомились съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendbund)», что въ Петербургѣ извѣстны были статуты разныхъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ во

Францiи и Германiи, и что «одинъ изъ членовъ союза (кн. Илья Долгоруковъ) ѣздилъ въ Германiю и вошелъ въ сношенiе съ членами извѣстнаго Союза Добродѣтели; они и сообщили ему свои статуты»[1]. Но это показанiе о личныхъ сношенiяхъ съ членами Союза Добродѣтели едва-ли точно: Тугендбундъ въ то время уже не существовалъ и кн. Долгоруковъ могъ просто найти его уставъ—*въ книгѣ*[2]).

Такъ или иначе, въ либеральномъ кружкѣ были извѣстны уставы западныхъ тайныхъ обществъ, которые дали имъ мысль по той же формѣ устроить и русское общество. Тогдашняя слава Тугендбунда могла привлечь ихъ вниманiе, и характеръ его устава могъ въ особенности удовлетворять ихъ желанiямъ. Основанный въ тяжелыя времена французскаго ига, Тугендбундъ, видимо, имѣлъ въ основанiи политическую цѣль—содѣйствовать нацiональному отпору противъ ига, но долженъ былъ очень осторожно скрывать эту цѣль и ограничить свою дѣятельность нравственно-общественными предметами въ союзѣ съ правительствомъ. У нашихъ либераловъ въ первое время политическая цѣль также стояла на второмъ планѣ; они надѣялись, что политическая реформа будетъ произведена самимъ правительствомъ, и думали только содѣйствовать его планамъ, стараясь распространять новыя идеи, возбуждать нравственную самостоятельность общества, истреблять предразсудки и злоупотребленiя. Въ программѣ Тугендбунда именно эта задача была поставлена такъ широко, цѣли союза были такъ возвышенны, такъ проникнуты патрiотизмомъ, и способъ изложенiя указывалъ столько практическихъ прiемовъ, что воспользоваться нѣкоторыми ея мыслями было естественно.

Въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ Тугендбундъ состоялъ изъ «коренного общества», Stammverein, или собранiя его членовъ въ мѣстѣ его основанiя, т.-е. въ Кёнигсбергѣ, и изъ

---

[1]) М. А. Фонъ-Визинъ, стр. 183, 185, 186; Записки И. Д. Якушкина, стр. 11.

[2]) Книга эта названа въ „Донесенiи" неточно. Нѣмецкiй журналъ называется „Freimüthige Blätter für Deutsche, in Beziehung auf Krieg, Politik und Staatswirthschaft. Eine Zeitschrift in zwanglosen Heften". Статья подъ заглавiемъ „Ueber den Tugenbund", заключающая въ себѣ его уставъ: „Verfassung der moralischen und scientifischen Gesellschaft zur Uebung öffentlicher Tugenden, genannt: der Tugendverein", помѣщена въ 4-й тетради, стр. 113—143 и въ 5-й, стр. 1—44. Berlin, 1815—1816, bei Duncker und Humblot. Все изданiе этого журнала заключаетъ 8 тетрадей или два тома.

его развѣтвленій въ другихъ мѣстахъ, которыя назывались Zweigvereine [1]). Лица, вступавшія въ общество, должны были выбирать себѣ ту или другую отрасль дѣятельности по программѣ союза, и собраніе членовъ, работавшихъ по одной отрасли, составляло «камеру», а собраніе камеръ въ Кёнигсбергѣ составляло «главную камеру» (Hauptkammer). При каждой камерѣ находился «цензоръ», обязанность котораго заключалась въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы законы общества сохранялись въ точныхъ предѣлахъ государственнаго закона, въ собираніи свѣдѣній о вновь поступающихъ членахъ, въ нравственномъ ихъ руководствѣ и въ надзорѣ за ихъ трудами для цѣлей общества.

Дѣятельность общества распадалась на нѣсколько отраслей, обнимавшихъ главнѣйшія стороны народной и общественной жизни. Это дѣленіе передается различно въ разныхъ источникахъ о Тугендбундѣ. По Фойгту, труды союза распредѣлялись на шесть отраслей: 1) воспитаніе; 2) народное образованіе; 3) наука и искусство; 4) народное благосостояніе; 5) внѣшняя полиція и 6) внутренняя полиція. По уставу, напечатанному въ журналѣ Freimüthige Blätter, эти отрасли были слѣдующія: 1) воспитаніе; 2) народное образованіе; 3) литература; 4) земледѣліе; 5) торговля и промышленность и государственные долги; 6) полиція и распространеніе союза (или пропаганда). Но общія основы дѣятельности Союза въ обоихъ источникахъ излагаются довольно сходно. Въ отдѣлѣ *воспитанія* главная задача общества состояла въ томъ, чтобы изыскивать и распространять лучшіе методы воспитанія и обученія, при которыхъ юношество достигаетъ наиболѣе полнаго и согласнаго употребленія всѣхъ своихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ: стараться объ улучшеніи домашняго воспитанія, объ уничтоженіи суровости, безнравственности и безплодной траты времени въ школахъ, о распространеніи въ народѣ техническихъ знаній, нужныхъ для улучшенія ремеслъ и т. п. Въ отдѣлѣ *народнаго образованія* — распространеніе правильныхъ понятій объ обязанностяхъ человѣка для сохраненія и развитія его тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, его обязанностяхъ во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ; стараніе, сколько можно, облагородить народные праздники и увеселенія и ввести въ нихъ такія упражненія, которыя способствуютъ

[1]) Первоначально хотѣли назвать эти дѣленія главной ложей и подчиненными ложами,—опять по масонской формѣ.

пріобрѣтенію ловкости и силы (бѣганье, бросанье, прыганье, верховая ѣзда, стрѣльба, плаванье); противодѣйствіе грубости нравовъ, безполезному или дурному чтенію и т. д. Въ этомъ же отдѣлѣ особую отрасль должны были составлять люди военные, цѣлью которыхъ было общее изученіе военныхъ наукъ, подготовленіе молодыхъ офицеровъ въ научномъ и нравственномъ отношеніи, забота о солдатахъ, обученіе солдатъ обязанностямъ ихъ званія. Въ руководители этой отрасли совѣтъ камеры долженъ былъ выбрать одного изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ офицеровъ (здѣсь, вѣроятно, скрывалась мысль подготовлять борцовъ для будущаго возстанія противъ французовъ). Въ отдѣлѣ *науки и искусства* — изученіе важнѣйшихъ предметовъ науки и искусства и распространеніе между членами правильныхъ о томъ понятій. Предположено было обращать вниманіе на замѣчательнѣйшія произведенія древнихъ и новыхъ временъ и издавать журналы для возбужденія чувства истины, добродѣтели, любви къ отечеству, свободы мысли и совѣсти. Въ отдѣлѣ *народнаго благосостоянія* должны были собираться члены изъ людей, наиболѣе знающихъ разныя отрасли сельской и городской промышленности, чтобы изыскивать свойственные каждому краю источники благосостоянія, вводить и поощрять новые промыслы, дѣйствовать ободреніемъ и совѣтами на рабочее сословіе, оказывать помощь безвинно обѣднѣвшимъ посредствомъ кредита, задатковъ, доставленія сбыта и т. п., приводить въ извѣстность новыя изобрѣтенія, заботиться о школахъ промышленности и искусствъ, противодѣйствовать цеховому духу, стараться отвлекать мужчинъ отъ занятій, болѣе свойственныхъ женскому полу. Въ отдѣлѣ *внѣшней полиціи* — стараніе убѣждать народъ, что всѣ полицейскіе законы будутъ достигать своей цѣли только тогда, когда имъ будутъ содѣйствовать всѣ отдѣльныя лица; съ этой цѣлью предполагалось составить книжку, въ которой бы общедоступно объяснялась благотворность полицейскаго порядка для сохраненія жизни, здоровья, собственности и т. д.; предполагалось также оказывать содѣйствіе властямъ въ разысканіи преступниковъ и въ устройствѣ ихъ, по исполненіи надъ ними закона. Наконецъ, въ отдѣлѣ *внутренней полиціи* имѣлось въ виду почти исключительно наблюденіе за нравственнымъ и законнымъ поведеніемъ членовъ союза, что поручалось, какъ выше упомянуто, цензорамъ камеръ.

«Таково было, — говоритъ историкъ Тугендбунда, — об-

ширное, едва обозримое поле, на которое Союзъ хотѣлъ, по своему уставу, распространить свою дѣятельность, на которомъ онъ хотѣлъ показать, къ чему можно стремиться и чего можно достигнуть самопожертвованіемъ, трудолюбіемъ и ревностью къ человѣческому образованію и человѣческому благу». Поле дѣйствительно было необозримое... Штейнъ, тогда министръ, несмотря на утвержденіе Союза королемъ, относился къ Тугендбунду неблагопріятно и въ программѣ его дѣятельности находилъ возможность столкновеній съ дѣятельностью государства: въ замѣчаніяхъ на уставъ Союза, составленныхъ другимъ лицомъ, но пересланныхъ Штейномъ въ Союзъ, говорилось, напримѣръ, что дѣйствія Союза могутъ вмѣшиваться въ область отправленій самой власти, что заявляемое Союзомъ «разумное» подчиненіе распоряженіямъ правительства можетъ повести къ предположенію, что Союзъ хочетъ дѣлать выборъ между этими распоряженіями и подчиняться только тѣмъ, которыя «разумны» въ его смыслѣ и т. д. Штейнъ вообще находилъ, что не нужно никакого союза, а нужно только оживленіе христіанскаго, отечественнаго духа, что зерно для этого уже находится въ существующихъ учрежденіяхъ государства и церкви, и что въ ихъ формахъ это зерно и должно развиваться. Впослѣдствіи, много времени спустя, онъ говорилъ, что «Союзъ казался ему непрактичнымъ, а практическое впадало въ пошлое». Союзъ отвѣчалъ, однако, на возраженія, присланныя Штейномъ, и разрѣшалъ ихъ удовлетворительно. Но каковы бы ни были понятія Штейна о личномъ составѣ «коренного общества», изъ какихъ бы источниковъ ни происходило его неблагопріятное мнѣніе о Тугендбундѣ, его возраженія характерно выражали отношеніе абсолютной власти, какова была тогда прусская, къ заявленіямъ общественной самодѣятельности. Тугендбундъ былъ именно такой попыткой самого общества работать для возрожденія націи, которой не могла поднять монархія одна. Тугендбундъ шелъ параллельно съ тѣмъ патріотическимъ и національнымъ одушевленіемъ, которое проникало тогда лучшіе умы Германіи и въ то самое время, между прочимъ, блистательно выразилось въ знаменитыхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», Фихте. Программа Тугендбунда могла быть несовершенной, въ ней могла быть «напыщенность», но въ ней было много истинно-полезнаго для общества, если бы программа могла быть исполнена; недостатки въ устройствѣ, преувеличенія въ идеяхъ были весьма понятны по времени — преувели-

ченія въ идеяхъ отличаютъ все тогдашнее время, и въ либеральномъ, и въ ретроградномъ лагерѣ. Впослѣдствіи сама власть воспользовалась для борьбы съ Наполеономъ силами общества, но, слишкомъ ревнивая къ своему авторитету, не хотѣла и послѣ признать заявленій общественнаго мнѣнія, чѣмъ, конечно, сама раздражала это мнѣніе и производила «происки» и тайныя общества, въ которыя бросались разочарованные и обманутые энтузіасты и съ ними много увлекающейся молодежи.

Власть была неправа тѣмъ въ своемъ мнѣніи о программѣ Союза, что высказывала недовѣріе къ самому принципу общественной самодѣятельности. Ни «государство», ни «церковь», въ той формѣ, какъ на нихъ ссылался Штейнъ, никогда не могутъ вполнѣ удовлетворить матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ націи, — если понимаются такимъ внѣшнимъ образомъ и остаются недоступными вліяніямъ и требованіямъ общества: одно принужденіе и повиновеніе никогда не доставитъ государству и націи столько силъ, сколько можетъ принести содѣйствіе, исходящее изъ свободнаго убѣжденія, изъ самодѣятельнаго общественнаго мнѣнія. Недавній примѣръ іенскаго пораженія показывалъ, до какого паденія можетъ довести націю безжизненный формализмъ государства, и основатели Тугендбунда именно угадывали и выражали необходимость участія самого общества въ своихъ дѣлахъ и интересахъ.

Подобный смыслъ имѣло и наше либеральное движеніе. Въ русской жизни, правда, не произошло такихъ политическихъ бѣдъ, какія испытала Германія, надъ ней не тяготѣло чужеземное иго, но въ ея внутреннемъ быту находилось, быть можетъ, еще больше мрачныхъ явленій, противъ которыхъ бывали безплодны усилія самой власти и которыя давно вызывали патріотическое негодованіе лучшихъ людей. Стремленіе противодѣйствовать этимъ недостаткамъ русской жизни и возбудить нравственные инстинкты общества не находило себѣ исхода въ обычныхъ нравахъ и потому повело, наконецъ, къ образованію тайныхъ обществъ. Понятно, почему либералы могли взяться за программу Тугендбунда, этого «нравственно-научнаго» общества, которое ставило себѣ цѣлью вовсе не какіе-нибудь политическіе перевороты, а чисто нравственное возрожденіе общества для службы тому же интересу государства и народа. Въ первое время наши тайныя общества тоже не думали ни о какихъ политическихъ планахъ,

не желали никакихъ перемѣнъ въ существующихъ учрежденіяхъ. Ихъ настроеніе было совершенно мирное; это былъ идеалистическій патріотизмъ, хотѣвшій дѣйствовать чисто нравственной пропагандой и образованіемъ, думавшій только помогать правительству. Программа Тугендбунда принята была не изъ слѣпого подражанія, а именно потому, что она какъ разъ совпадала съ патріотическимъ одушевленіемъ, которое уже было готово въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи, полномъ надеждами, мало искушенномъ опытами и мало испытавшемъ разочарованій. Союзъ Благоденствія основывался съ довѣріемъ къ власти, основатели его намѣревались даже заявить о немъ правительству и просить его содѣйствія, — и этому совершенно отвѣчали правила Тугендбунда. Что программа его была принята въ нашемъ обществѣ довольно сознательно, можно видѣть изъ того, что въ русской обработкѣ она подверглась значительнымъ перемѣнамъ и дополненіямъ: читатель можетъ убѣдиться въ этомъ изъ текста «Законоположенія Союза Благоденствія»[1]) и изъ ссылокъ на него въ «Донесеніи Слѣдственной Комиссіи».

По словамъ «Донесенія» (стр. 12—15) уставъ Союза Благоденствія заключался въ слѣдующихъ основаніяхъ, въ которыхъ дѣйствительно много сходнаго съ вышеприведенными положеніями Тугендбунда. Авторы устава объявляли, именемъ основателей Союза Благоденствія, что цѣль ихъ есть одно благо отечества и что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства; что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться втайнѣ «только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти». Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ *первой*

---

[1]) Мы получили этотъ текстъ въ 1871 году, по выходѣ перваго изданія настоящей книги, въ Москвѣ, отъ одного любителя русской исторіи, въ старомъ, очевидно современномъ, спискѣ. Подлинность текста не подлежитъ сомнѣнію; она подтверждается полнымъ тождествомъ его съ цитатами, приводимыми въ „Донесеніи Слѣдственной Комиссіи“. Мы встрѣтили лишь одно несходство цитаты „Донесенія“ съ нашимъ текстомъ, о чемъ ниже. „Законоположеніе Союза Благоденствія“ по тексту этой рукописи было напечатано въ приложеніи ко 2-му и 3-му изданіямъ настоящей книги.

отрасли предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, т.-е. успѣхъ частной и общей благотворительности: она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, и также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во *второй* — умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ [1]), и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, и также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями, сообразными съ этимъ и съ цѣлью общества. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя, по возможности, воспитанію за границей и всякому иностранному вліянію. Въ *третьей* отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ должностей по судебной части, исправлять ихъ съ усердіемъ и точностью, сверхъ того, наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены *четвертой* отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять «непреложныя правила общественнаго богатства», т.-е. заниматься новой тогда наукой политической экономіи, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, «утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ».

Внѣшнее устройство Союза Благоденствія также представляетъ большое сходство съ устройствомъ Тугендбунда. Старѣйшіе члены, основатели общества или первоначально вступившіе въ него, составляли «коренной союзъ» (въ Тугендбундѣ: Stammverein); изъ него выбирался «совѣтъ» (der Rath), который состоялъ изъ «блюстителя» (Wächter или Censor) и пяти засѣдателей (Geschäftsträger) и члены котораго черезъ

[1]) „Особенно ланкастерскихъ“, — прибавляетъ „Донесеніе“, но въ нашемъ спискѣ Законоположенія этой прибавки нѣтъ. Во время составленія „Донесенія“ ланкастерскія школы, уже запрещенныя, были окружены подозрѣніями въ томъ, что были скрытнымъ орудіемъ мятежнаго духа.

извѣстные сроки замѣнялись новыми. Когда члены коренного союза присоединялись къ совѣту, изъ этого составлялась «коренная управа»: совѣтъ и управа отличались какъ власть исполнительная и власть законодательная. Члены коренного союза обязаны были набирать новыхъ членовъ и заводить новыя «управы». Эти управы, по ихъ составу и занятіямъ, различались на «дѣловыя», «побочныя» и «главныя» (въ Тугендбундѣ: Arbeitskammer, Nebenkammer, Hauptkammer). Далѣе, были «вольныя общества» (въ Тугендбундѣ: Freivereine) и проч.

Эти сличенія указываютъ на большую близость русскаго устава «Союза Благоденствія» къ уставу нѣмецкаго «Союза Добродѣтели», но нельзя не замѣтить и различій. Въ нѣмецкомъ гораздо больше практическихъ указаній, которыя и въ жизни были болѣе исполнимы, — въ русскомъ ихъ было меньше и они были общѣе, какъ и въ жизни было бы для нихъ меньше возможности примѣненія. Въ нѣмецкомъ уставѣ обнято гораздо больше сторонъ общественной дѣятельности и научно-литературныхъ стремленій,— чего нѣтъ въ русскомъ, какъ нѣтъ въ немъ также и плановъ Тугендбунда, относительно распространенія военныхъ знаній и военной практики. Любопытно и еще одно различіе. Нѣмецкій уставъ положительно настаиваетъ на освободительныхъ мѣрахъ относительно крестьянъ и требуетъ, чтобы тотъ, кто вступаетъ въ союзъ, обязался *освободить* своихъ крестьянъ (если ихъ имѣетъ) отъ подданническихъ отношеній и обезпечить ихъ *землею*[1]). Въ русскомъ уставѣ этого совсѣмъ нѣтъ, и помѣщикамъ рекомендуется только человѣчное отношеніе къ крестьянамъ и забота объ ихъ просвѣщеніи.

Видно вообще, что у составителей русскаго устава постоянно присутствовала мысль о русской жизни и ея условіяхъ; нѣмецкій союзъ увлекалъ ихъ своей общей идеей, до-

---

[1]) Подлинныя слова нѣмецкаго устава:

„Gesetz I. (Von den Eigenshaften, Rechten und Pflichten der Mitglieder des Tugendvereins).

„§ 21. Jeder Besitzer ländlicher Grundstücke muss sich, sofern er Unterthanen hat, von seiner Reception verpflichten, solche im Viertel-Jahr nach seiner Aufnahme, oder wenigstens zu Ende desselben Wirtschaftsjahres, noch vor 1810. *der Unterthätigkeit zu entlassen*.

§ 22. Zugleich muss er sich verpflichten, seinen bisherigen Unterthanen durch Auseinandersetzung hinsichts der Natural-Dienste, und ihres bedingten Eigenthums an der Nahrung, ein *freies* möglichst eine fleissige Familie vollständig ernährendes *Eigenthum* zu constituiren“.

ставлялъ практическія указанія, которыя казались полезными, но они брали изъ него лишь то, что отвѣчало русскимъ условіямъ, что казалось исполнимымъ. Общія вводныя мысли «Законоположенія», повидимому, принадлежатъ только русскому уставу. Въ нѣмецкомъ текстѣ ихъ нѣтъ.

Для молодого поколѣнія, возбужденнаго вліяніями европейскихъ учрежденій и либерализма, своя домашняя жизнь должна была представлять много тяжелаго и неутѣшительнаго: ему бросались теперь въ глаза темныя стороны русскаго быта и являлся вопросъ о средствахъ, какими это положеніе вещей могло быть исправлено. Уже вскорѣ стали опредѣляться отношенія либераловъ къ правительству и къ массѣ общества.

Въ ту пору само правительство, какъ мы указывали, много содѣйствовало распространенію либеральныхъ идей въ той части общества, которая имѣла къ тому какую-нибудь воспріимчивость. Конституція въ Польшѣ, планы представительства для Россіи, неоставшіеся тайною для общества, слухи о предполагаемомъ освобожденіи крестьянъ, отдѣльныя либеральныя рѣшенія и мнѣнія, высказываемыя императоромъ, не могли не возбуждать мысли, что правительство желаетъ широкаго преобразованія, по крайней мѣрѣ, что оно сознаетъ ненормальность существующаго положенія вещей. Но, съ другой стороны, не могли не поражать противорѣчія, которыя безпрестанно обнаруживались въ различныхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительства. Александръ, во время Наполеоновскихъ войнъ возбуждавшій величайшую симпатію и уваженіе, теперь сталъ обнаруживать черты характера, которыя все больше охлаждали это сочувствіе. Замѣчено было вообще, что, по возвращеніи въ Петербургъ, Александръ выказывалъ холодность къ Россіи, производившую самое тяжелое дѣйствіе. Онъ былъ какъ будто возстановленъ противъ нея; его мысли были въ Европѣ; онъ безучастно относился къ русскимъ дѣламъ, которыя вскорѣ очутились въ рукахъ Аракчеева. Еще въ 1812 году было множество недовольныхъ тѣмъ, что императоръ окружаетъ себя нѣмцами, въ числѣ которыхъ были нѣмцы очень неудачные, какъ извѣстный генералъ Пфуль. Разсказывали, что во время смотра русскихъ войскъ при Вертю во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ во всеуслышаніе

отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Передавали о другихъ подобныхъ словахъ императора, гдѣ сквозила нелюбовь и пренебреженіе къ русскимъ [1]).

Въ войскахъ опять вводилась строгая, отяготительная дисциплина и фрунтовая выправка. Всего больше, почти исключительно, императоръ занимался военными дѣлами, и забота объ увеличеніи войска повела къ основанію военныхъ поселеній, встрѣтившихъ и сохранившихъ за собой всеобщее неодобреніе, причинившихъ страшныя бѣдствія тогда и послѣ, и отъ изобрѣтенія которыхъ отказывался потомъ самъ Аракчеевъ, сваливая его на императора Александра. Въ общемъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ сохранились и даже иногда и увеличивались неустройства, которыми русская жизнь издавна страдала и которыя должны были возбуждать все большее неудовольствіе по мѣрѣ того, какъ возникали болѣе здравыя общественныя и политическія понятія. Крестьянскій вопросъ, относительно котораго было столько надеждъ у либераловъ и столько опасеній у крѣпостниковъ, почти не тронулся съ первыхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ началѣ царствованія. Напротивъ, правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ среди самого дворянства являлись частные проекты освобожденія, отнеслось къ нимъ теперь очень недружелюбно. Въ управленіи господствовалъ тотъ же старинный произволъ, казнокрадство, подкупы и взятки, начиная отъ низшихъ вѣдомствъ и до самыхъ высшихъ. Императоръ самъ зналъ это, ему извѣстны были примѣры самаго незастѣнчиваго грабежа казны, но онъ оставлялъ грабителей въ покоѣ, считая зло неистребимымъ. Изрѣдка его терпѣніе истощалось, но и тогда, — какъ въ извѣстномъ случаѣ съ провіантскимъ вѣдомствомъ, у чиновниковъ котораго онъ отнялъ право носить мундиръ, оставивъ, однако, это право ихъ начальникамъ, — строгость не достигала цѣли, или карая съ виноватыми и невинныхъ, или оставляя возможность

[1]) Примѣровъ очень много. См. Записки И. Д. Якушкина, стр. 5, 14, 20, и другія записки современниковъ. См. также „Россія и Русскіе", стр. 63, 64. Иногда это было и справедливое негодованіе на безчестность даже многихъ лицъ изъ высшей администраціи (La Russie, II, 206). Извѣстны слова Александра прусскому королю, въ 1820 г., что король и онъ самъ „окружены негодяями", что онъ „многихъ хотѣлъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же". Были, однако, средства измѣнить этотъ порядокъ вещей, но Александръ не принималъ этихъ средствъ, и этимъ самымъ давалъ основаніе общественному недовольству.

продолжать то же самое... Во всѣхъ дѣлахъ управленія сталъ всемогущимъ человѣкомъ Аракчеевъ, безсердечный и невѣжественный, чрезвычайная благосклонность къ которому императора Александра приводила въ недоумѣніе и современниковъ, и историковъ, какъ мудреное психологическое явленіе, или вынуждала крайне неблагопріятные выводы о личномъ характерѣ самого императора. Въ обществѣ Аракчеевъ внушалъ страхъ и ненависть; высшія сферы преклонялись предъ нимъ, но также его ненавидѣли. Здѣсь называли его «проклятымъ змѣемъ» [1]); дальше скажемъ, на какія выраженія своей ненависти рисковали люди молодого поколѣнія.

Польскія дѣла опять вызывали большое, иногда крайнее недовольство. Такъ, слухъ о намѣреніи императора присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ губерній произвелъ одинаковое волненіе и въ крайнихъ консерваторахъ, какъ Карамзинъ, и въ людяхъ умѣренныхъ, какъ Энгельгардтъ, и въ крайнихъ либералахъ, какъ нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, у которыхъ этотъ слухъ порождалъ самыя отчаянныя намѣренія. Съ другой стороны, польская конституція производила неудовольствіе, которое предвидѣли уже совѣтники императора на Вѣнскомъ конгрессѣ, — именно, что русскимъ непріятно было видѣть конституціонный порядокъ въ странѣ, которую не безъ основанія считали завоеванной, между тѣмъ, какъ сама Россія не получала ничего подобнаго. Это казалось вопіющимъ оскорбленіемъ національнаго достоинства [2]).

---

[1]) Въ письмѣ кн. П. М. Волконскаго (одного изъ ближайшихъ лицъ къ императору Александру), изъ Таганрога, о смерти императора, такъ высказалась эта ненависть къ Аракчееву: „Проклятый змѣй (Аракчеевъ) и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своей исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ (рѣчь идетъ объ убійствѣ Настасьи Минкиной, любовницы Аракчеева, и свирѣпой казни замѣшанныхъ въ немъ людей); ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ *змѣя*, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду-ли я говорилъ вамъ, что *извергъ сей губитъ Россію* и погубитъ государя, который *узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно*. Вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ-ли сей извергъ показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ?“ (Р. Арх. 1870, стр. 630). Но опять неистовства можно было узнать раньше, — стоило прислушаться къ общественному мнѣнію.

[2]) Такъ полагалъ и Ростопчинъ, о которомъ разсказываетъ Фарнгагенъ, видѣвшій его въ 1817 г.: „Ростопчинъ приходилъ въ негодо-

Внѣшняя политика также начинала возбуждать неудовольствія. Священный Союзъ въ самомъ началѣ внушалъ опасенія своимъ мистицизмомъ и неопредѣленными ссылками на патріархальные принципы, которые легко могли перейти въ реакцію и деспотизмъ,—какъ то и случилось[1]. Послѣдующія вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла, гдѣ она играла роль жандарма подъ чужую диктовку и являлась врагомъ самой законной борьбы за свободу (какъ въ греческомъ вопросѣ), подтверждали эти опасенія.

Всѣ эти вещи начинали теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, занимать общественное мнѣніе, и либералы, изъ среды которыхъ собирались члены тайныхъ обществъ, были наиболѣе дѣятельными представителями этого общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ усиленномъ интересѣ къ политическимъ и общественнымъ предметамъ собственно и состояло первое дѣйствіе тайныхъ обществъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько можно судить по матеріалу, который доставляютъ извѣстныя до сихъ поръ офиціальныя данныя и свидѣтельства современниковъ, дѣятельность тайныхъ обществъ въ первые годы не представляла, собственно говоря, ничего правильнаго и организованнаго, никакихъ прямо поставленныхъ цѣлей, никакого опредѣленнаго плана или дисциплины. Въ запискахъ современниковъ уже за это время не разъ встрѣчаются отзывы членовъ, или жалобы ихъ, что Общество «ничего не дѣлаетъ», что оно «дремлетъ», и т. п. Эти выраженія были, вѣроятно, справедливы въ томъ отношеніи, что Общество, устроивши свое формальное основаніе, въ глазахъ самихъ членовъ не представляло никакой систематической и замѣтной дѣятельности для своей цѣли. Общество составляло свой уставъ, учреждало іерархію, принимало новыхъ членовъ, но затѣмъ не могло дѣлать ничего иного, кромѣ того, что дѣлало, когда не было ни устава, ни

ваніе при мысли, что побѣжденный полякъ будетъ имѣть то, въ чемъ отказано побѣдившему русскому,—и если бы еще это была только мишура, говорилъ онъ, которую жалуютъ въ знакъ милости!“ Самъ онъ, конечно, никакихъ конституцій не желалъ: „онъ не могъ понять, какимъ образомъ можно раздѣлять власть: онъ всегда считалъ ее за нѣчто единое и думалъ, что съ ней всего легче управляться (am leichtesten fertig zu werden), у кого бы ни была эта власть—у самого государя, или у министра, или у *метрессы*(!)“. Denkwürdigkeiten, III, 395.

[1] Такъ думала не одна либеральная молодежь. Ср. отзывы о Священномъ Союзѣ въ письмахъ Сперанскаго, Р. Арх. 1867, стр. 444—454; 1870, стр. 188.

іерархіи. Правда, за отсутствіемъ сколько-нибудь свободной литературы и публицистики, оно становилось своего рода школой общественнаго мнѣнія, — школой, оказавшей свое вліяніе на умы и въ этомъ отношеніи очень дѣйствительной, но оно могло не удовлетворять тѣхъ, кто въ пылу своихъ надеждъ ожидали отъ него прямого вмѣшательства въ эту жизнь въ силу его идей, ожидали практическихъ дѣйствій и борьбы. Къ этому не представлялось никакой возможности, и члены жаловались, что общество «дремлетъ».

Мы указывали выше, словами самихъ современниковъ, съ какими впечатлѣніями возвращалось молодое военное поколѣніе изъ-за границы по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ. Перескажемъ теперь, ихъ же словами, съ какими мыслями они обращались къ русской дѣйствительности, и какъ ихъ первыя впечатлѣнія становились приготовленіемъ къ движенію тайныхъ обществъ. Не было пока никакихъ тайныхъ союзовъ, но ихъ темы были уже готовы.

«Въ бесѣдахъ нашихъ,—говоритъ одинъ современникъ,— обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ была почти каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего». «...Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противодѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать на мнѣніе молодежи, что для этого лучшимъ средствомъ учредить тайное общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ, и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ бы дѣйствовать съ большею увѣренностью и рѣшимостью». Пока, послѣ первыхъ попытокъ основать тайное общество, изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, устроено было временное тайное общество, подъ названіемъ военнаго, цѣлью котораго было только распространеніе Общества и соединеніе единомыслящихъ людей.

«У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ, и потому немудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ (гдѣ жилъ тогда дворъ и стояла гвардія), или поступили въ военное общество, или по единомыслію сочувствовали членамъ его» [1].

Другой современникъ, И. И. Пущинъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что, еще будучи лицеистомъ, онъ посѣщалъ кружокъ, въ которомъ собирались Александръ и Михаилъ Муравьевы, Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Это былъ именно кружокъ, изъ котораго въ то самое время образовалось первое тайное общество. «Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ,—говоритъ Пущинъ, — о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ; я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ». Въ заключеніе Бурцовъ принялъ его въ тайное общество. «Эта высокая цѣль жизни, — продолжаетъ Пущинъ,—самой своей таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою. Я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе».

Третій современникъ, Н. И. Тургеневъ, вступилъ въ Общество въ концѣ 1819 г., его настроеніе не было такое юношеское, какъ у Пущина. Онъ разсказываетъ[2]: «Въ концѣ 1819 г. пришелъ ко мнѣ однажды князь Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ большія предварительныя объясненія, онъ сказалъ мнѣ, что, судя по тому, что онъ могъ узнать обо мнѣ и о моихъ мнѣніяхъ, онъ нашелъ нужнымъ предложить мнѣ вступить въ Общество, уставъ котораго онъ мнѣ при этомъ представилъ: это былъ уставъ Союза Благоденствія, о которомъ говоритъ «Донесеніе Слѣдственной Комиссіи» о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что онъ только-что передъ тѣмъ сдѣлалъ то же пред-

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 6, 8, 11. Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго (Сборникъ „Общественныя движенія въ Россіи", Спб., 1905, стр. 234).

[2]) „Россія и Русскіе", стр. 73.

ложеніе одному поэту, съ которымъ я былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ; но тотъ отказался [1]). Надо замѣтить, что князь Трубецкой и съ этимъ поэтомъ былъ такъ же мало знакомъ, какъ со мной. Онъ велъ свою пропаганду съ такой откровенностью и простодушіемъ, которыя по крайней мѣрѣ доказывали, что въ его намѣреніяхъ не было ничего особенно опаснаго. Я пробѣжалъ уставъ. Общество ставило себѣ цѣлью общественное благо. Члены должны были раздѣляться на различные классы или отдѣлы, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заниматься народнымъ образованіемъ, другой — юстиціей, третій — политической экономіей и финансами, и проч. Въ цѣломъ, какъ и въ различныхъ частяхъ этого проекта шла рѣчь только о теоріяхъ, въ немъ нигдѣ не высказывалось намѣреніе дѣйствовать, производить перемѣны въ государствѣ. Такой планъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго». Авторъ не думалъ, чтобы какое-нибудь Общество могло дать въ Россіи необходимыя средства для предполагавшейся цѣли; для этого были бы нужны серьезные писатели, люди, знающіе теорію и практику дѣлъ,—а такихъ людей совсѣмъ не было; наконецъ, здѣсь автора печально поражало, что при всѣхъ этихъ благихъ намѣреніяхъ не было вовсе рѣчи объ уничтоженіи крѣпостного права [2]). «Вообще принятый планъ обличалъ недостатокъ опытности, зрѣлости, даже нѣкоторое ребячество, которое мнѣ не нравилось. Тѣмъ не менѣе, я не счелъ нужнымъ послѣдовать примѣру моего друга-поэта. Я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону мелкія формальныя соображенія, не устрашаться личныхъ неудобствъ и даже опасностей, если бы онѣ встрѣтились, чтобы содѣйствовать, по своимъ средствамъ, всякому полезному и нравственному дѣлу. Указанный пробѣлъ,

---

[1]) Поэтъ, котораго Н. И. Тургеневъ не хотѣлъ назвать, былъ, вѣроятно, Жуковскій, и къ этому предложенію долженъ относиться разсказъ самого кн. Трубецкого. Упомянувъ о составленіи устава Союза Благоденствія, кн. Трубецкой говоритъ: „Вас. Андр. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, еслибъ могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія; но что, къ несчастію, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы“ (Записки кн. С. П. Трубецкого, Спб., 1906, стр. 80).

[2]) Выше указано, какъ обойденъ этотъ пунктъ въ „Законоположеніи“, даже сравнительно съ уставомъ Тугенбунда.

быть можетъ, способствовалъ тому рѣшенію, которое я принялъ, потому что я тотчасъ возъимѣлъ мысль привлечь вниманіе Общества на крѣпостной вопросъ. Я немедленно сказалъ это своему собесѣднику и, убѣдившись изъ его словъ, что онъ и его друзья одушевлены самыми лучшими намѣреніями относительно несчастныхъ крестьянъ, я почувствовалъ, что въ мою душу проникаетъ сладкая надежда, что подвинется впередъ дѣло, составлявшее постоянный предметъ моихъ заботъ». Авторъ объясняетъ, что, впрочемъ, онъ всегда чувствовалъ неохоту къ тайнымъ обществамъ, — не потому собственно, что онѣ тайныя, а потому, что онѣ вообще недѣйствительны и не могутъ достигать предполагаемыхъ ими цѣлей. «Надо сказать, однако, что тайныя общества, быть можетъ, неизбѣжны въ странѣ, какъ Россія. Только тотъ, кто жилъ въ Россіи, можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ трудно въ русскомъ обществѣ высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо не только заключиться въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать лицъ, которыя его составляютъ. Только при этомъ условіи возможенъ искренній обмѣнъ идей. И потому для насъ невыразимую прелесть имѣла возможность говорить въ нашихъ собраніяхъ искренно, безъ опасенія быть дурно понятымъ и дурно истолкованнымъ, не только о предметахъ политическихъ, но и обо всякихъ предметахъ.. Нашъ языкъ, который при всемъ богатствѣ и красотѣ своей носитъ на себѣ отпечатокъ дурного общественнаго устройства страны, этотъ языкъ, казалось намъ, могъ легко служить для выраженія истины, идей свободы и человѣческаго достоинства; онъ облагораживался, выражая возвышенныя и благородныя понятія. Было бы большой ошибкой предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Если бы кто-нибудь изъ членовъ и возъимѣлъ такое намѣреніе, онъ скоро увидѣлъ бы, что здѣсь никакой заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе Общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе России, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ, на ея будущее... Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи цивилизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Если я когда-нибудь жилъ жизнью существъ, сознающихъ свое назначеніе и желающихъ его исполнить,

то это особенно въ эти рѣдкія минуты бесѣдъ съ людьми, которыхъ я видѣлъ одушевленными разумнымъ и безкорыстнымъ энтузіазмомъ къ счастію имъ подобныхъ. Что касается до того, какъ могли говорить въ публикѣ люди, принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ, то удивительно ли, что, начавъ свободно мыслить, они такъ же и говорили? Но люди, говорившіе такимъ образомъ, выражались вообще съ достоинствомъ, хотя и не опасаясь не понравиться однимъ, шокировать другихъ, или компрометтировать себя передъ начальствомъ. Они такъ же стали бы и писать, если бы это было имъ позволено. Развѣ ихъ вина, если въ глазахъ людей извращенныхъ и огрубѣлыхъ принципы нравственности казались разрушительными и дерзкими вызовами?».

Въ самомъ дѣлѣ, заговора никакого не было, потому что вся дѣятельность Общества состояла въ этихъ бесѣдахъ, которыя сами по себѣ были новы и на первое время поглощали собой это возбужденіе умовъ. Притомъ, Общество, размножаясь, вовсе не представляло какого-либо тѣсно связаннаго цѣлаго, и прежніе кружки болѣе близкихъ другъ другу людей сохранялись и теперь. Наконецъ, самая тайна Общества была очень прозрачна. По разсказамъ самихъ участниковъ, ихъ бесѣды происходили на виду и безъ секрета отъ людей знакомыхъ, но не принадлежавшихъ къ Обществу и которые даже вмѣшивались въ разговоръ. Такіе случаи разсказываютъ Тургеневъ, Пущинъ, Якушкинъ. Самъ императоръ Александръ зналъ имена многихъ членовъ; онъ предполагалъ или даже зналъ о принадлежности къ Обществу Тургенева, и тѣмъ не менѣе показывалъ ему въ ту пору свою благосклонность.

Итакъ, первая роль Союза Благоденствія состояла въ чисто нравственномъ вліяніи; «высокая цѣль» имѣла идеалистическій характеръ; Общество представлялось его членамъ союзомъ, который долженъ былъ давать нравственную поддержку ихъ личнымъ усиліямъ въ служеніи общему благу. Уставъ указывалъ цѣль, къ которой они не только могли стремиться вполнѣ законными путями, но даже именно въ видахъ правительства. Многіе вопросы для нихъ были уже рѣшены; другіе возникали и обсуждались въ самыхъ собраніяхъ [1]).

Вопросы, на которыхъ останавливались эти идеалисты,

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ изображается характеръ Союза Благоденствія въ воспоминаніяхъ о Мих. Ѳ. Орловѣ, составленныхъ его сыномъ. „Русская Старина“ 1872, т. V, стр. 775—781.

были, однако, весьма реальные, дѣйствительно вызываемые русскою жизнью; патріотизмъ членовъ Общества былъ не только либеральный, но и *русскій*, какъ на этомъ настаивали они и впослѣдствіи въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ. Участники въ первомъ основаніи Общества и въ составленіи самаго «Законоположенія Союза», Муравьевы, были извѣстны, какъ враги «нѣмчизны»; патріоты тайнаго общества, согласно съ общимъ настроеніемъ времени, возставали противъ подражаній иноземному, стремились въ жизни дать мѣсто русскому и народному, по крайней мѣрѣ, какъ умѣли. Напомнимъ дѣятельность Рылѣева, общественную и литературную; напомнимъ В. Ѳ. Раевскаго, которому приписываютъ вліяніе на самого Пушкина. Даже озлобленные враги признаютъ за ними это качество, и, напримѣръ, Вигель говоритъ о Тургеневѣ: «Онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ... много разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома». Упомянувъ, что Тургеневъ образовался за границей, онъ прибавляетъ: «Хорошо, еслибъ и другіе русскіе, подобно ему, перенимали за границей у европейскихъ народовъ любовь къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ насъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы...»[1]). Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ (хотя только въ нѣкоторыхъ) это были несомнѣнно предшественники славянофиловъ.

Большинство членовъ, почти всѣ главные руководители были военные, и это объясняется обстоятельствами времени. Съ 1812 года все, что только могло, изъ образованнаго молодого поколѣнія шло въ военную службу; старый обычай, по которому военная служба считалась спеціальностью дворянства, усиленъ былъ порывомъ патріотизма, — лучшее, что могло быть сдѣлано для отечества, казалось, могло быть сдѣлано только въ рядахъ арміи. Событія дали этому юношеству свое воспитаніе; многіе испытали впечатлѣнія войны за освобожденіе, гдѣ русскіе были желанными союзниками и помощниками въ національномъ дѣлѣ Германіи. Военное общество, сильно связывающее людей общимъ трудомъ и опасностями, и общимъ торжествомъ, должно было въ особенности помогать обмѣну понятій и усиливать впечатлѣнія. Императоръ Александръ былъ тогда чрезвычайно популяренъ

[1]) Записки, III, V, стр. 47. Такія признанія можно найти и въ другомъ источникѣ, еще болѣе мутномъ, чѣмъ писанія Вигеля, — въ запискахъ Греча.

въ самой Германіи; русскіе, кажется, всего больше сближались съ прусскими войсками, гдѣ національный энтузіазмъ былъ всего сильнѣе. Побѣдоносное окончаніе войны завершало это сближеніе. Въ результатѣ, къ двадцатымъ годамъ военное общество, чего никогда не было ни прежде, ни послѣ, заключало въ себѣ лучшихъ представителей образованнаго общества. Выше упомянуто, какъ однимъ изъ первыхъ предметовъ, на которыхъ сказалось вліяніе новыхъ понятій, стала военная дисциплина. Это обнаружилось еще до образованія тайныхъ обществъ; забота о смягченіи военныхъ нравовъ и образованіи солдатъ входила уже въ кругъ масонской филантропіи; теперь это продолжалось и въ видѣ исполненія программы тайныхъ обществъ. Молодые либералы уже здѣсь встрѣтились съ препятствіями, которыя ставила подозрительность высшихъ властей, но это не остановило ихъ ревности.

«Несомнѣнно, — разсказываетъ Тургеневъ, — что по возвращеніи русскихъ войскъ домой военная дисциплина стала нѣсколько измѣняться. Во многихъ полкахъ употребленіе палки стало рѣже; въ другихъ оно было совершенно запрещено, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени. Русскій корпусъ, оставшійся во Франціи, какъ часть оккупаціонной арміи, доказалъ самимъ невѣрующимъ, что частыя палочныя наказанія вовсе не нужны для образованія красивыхъ и хорошихъ войскъ. Мягкій характеръ и образованность главнаго начальника этого корпуса [1]), такъ же какъ ревностныя старанія нѣсколькихъ лицъ его штаба, ввели благотворныя реформы не только въ самой военной дисциплинѣ, но и въ исправительномъ и уголовномъ производствѣ военныхъ судовъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что тѣлесныя наказанія, которыхъ уничтожить совсѣмъ начальники не имѣли власти, были въ русскомъ корпусѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ англійскомъ. Друзья цивилизаціи желали, чтобъ этотъ корпусъ, по возвращеніи въ Россію, сохранилъ свою цѣлость, чтобы послужить образцомъ преобразованій, какія бы слѣдовало ввести въ остальной арміи. Но нѣкоторыя высокопоставленныя лица военной іерархіи считали эти полки зараженными либе-

---

[1]) Графъ М. С. Воронцовъ, см. отчетъ его императору Александру по возвращеніи съ корпусомъ изъ Франціи, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1858, кн. 4. Въ Военномъ Сборникѣ, 1859, т. VII, напечатаны любопытныя „Наставленія, данныя графомъ М. С. Воронцовымъ офицерамъ 12-й пѣхотной дивизіи“ (въ іюнѣ 1815), гдѣ онъ внушаетъ офицерамъ чувство военной чести, уваженіе къ своему званію, товарищество и т. п.

рализмомъ: по возвращеніи домой, они были раздѣлены и большая часть немедленно послана на Кавказъ»[1]).

То же дѣлалось и въ войскахъ, находившихся въ Россіи. Съ заботами о смягченіи дисциплины и облегченіи жизни солдатъ соединялись заботы объ ихъ нравственномъ воспитаніи; выше упомянуто объ основаніи въ войскахъ ланкастерскихъ школъ для солдатскихъ дѣтей и для самихъ солдатъ. Все это уже вскорѣ стало обнаруживать свое вліяніе; матеріальныя улучшенія, нѣкоторое обученіе и уваженіе человѣческаго достоинства въ солдатѣ со стороны ближайшихъ властей дѣйствовали самымъ благотворнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличался любимый полкъ императора Александра, семеновскій, который, по единогласнымъ разсказамъ современниковъ, представлялъ замѣчательный примѣръ, гдѣ съ точнымъ исполненіемъ службы соединялась большая порядочность нравовъ и даже извѣстное чувство гражданскаго достоинства.

Членамъ тайнаго общества въ этомъ отношеніи оставалось только продолжать начатое, и они во многихъ случаяхъ дѣйствовали съ чрезвычайной ревностью. Въ семеновскомъ полку многіе офицеры были дѣятельнѣйшими членами Общества. То же было во многихъ другихъ полкахъ. Такъ, современники разсказываютъ о М. А. Фонъ-Визинѣ, впослѣдствіи одномъ изъ декабристовъ, который, когда ему дали другой полкъ, возбудившій неудовольствіе императора недостаткомъ фрунтовой выправки, «началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей. Вообще, въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20.000 р., зато въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-й егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ Фонъ-Визину благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ». Въ такомъ же родѣ поступалъ М. Ѳ. Орловъ, также принадлежавшій къ тайному обществу: «Въ Кіевѣ Орловъ устроилъ едва ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ»[2]). Потомъ, командуя дивизіей во 2-й арміи, Орловъ въ Кишиневѣ опять завелъ училища для солдатъ, которыя поручилъ надзору В. Ѳ. Раевскаго, также

---

[1]) La Russie, II, стр. 514—515.

[2]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 9, 46.

члена тайнаго общества. Эти нововведенія были и полезны, и скромны, но люди стараго покроя смотрѣли на нихъ подозрительно, и извѣстно, какъ печально кончилось существованіе стараго семеновскаго полка, когда на немъ разразилось столкновеніе этихъ нововведеній съ старыми порядками.

Крестьянскій вопросъ, несмотря на то, что императору все еще приписывалось намѣреніе освободить крестьянъ, на дѣлѣ почти не двигался впередъ. Въ обществѣ, тѣмъ не менѣе, созрѣвало сознаніе необходимости освобожденія, какъ по требованіямъ «просвѣщенія», такъ и по требованіямъ экономическимъ. Были уже люди, понимавшіе недостаточность, пустоту или лицемѣріе той филантропіи, которая желала «улучшить участь» крестьянъ посредствомъ ограниченія худшихъ злоупотребленій помѣщичьей власти, но вовсе не желала дѣйствительнаго освобожденія. Къ такому болѣе прочному освобожденію направленъ былъ планъ, представленный императору Александру гр. Воронцовымъ и кн. Меншиковымъ; императоръ сначала взглянулъ на дѣло очень благопріятно, но при второмъ разговорѣ объ этомъ съ однимъ изъ авторовъ проекта отнесся къ нему такъ холодно, что проектъ былъ брошенъ. Что бы ни заставило императора измѣнить свое мнѣніе, но возможно, что и здѣсь онъ просто боялся идти противъ мнѣній, господствующихъ въ большинствѣ, которое, конечно, попрежнему было враждебно всякой мысли объ освобожденіи. Тургеневъ думаетъ, однако, что императоръ Александръ искренно желалъ освобожденія, и въ доказательство приводитъ то, что въ государственномъ совѣтѣ въ спорныхъ дѣлахъ между крестьянами и помѣщиками сторону первыхъ, по придворнымъ разсчетамъ, брали даже люди, вовсе не особенно либеральные, и указываетъ примѣръ кн. Куракина[1]). «Если бы можно было подвергнуть сомнѣнію искренность желанія Александра уничтожить рабство въ своей имперіи, то довольно было бы примѣра этого придворнаго, который всегда подавалъ голосъ въ пользу освобожденія (т.-е. освобожденія крестьянъ, искавшихъ воли отъ помѣщика), противъ своей совѣсти; этого примѣра было бы довольно, чтобъ разсѣять всякое недоумѣніе объ этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ членовъ департамента кн. Куракинъ... былъ всѣхъ дальше отъ какихъ-нибудь либеральныхъ людей, но придворный бралъ въ немъ верхъ надъ человѣкомъ».

---

[1]) „Россія и Русскіе“, стр. 117.

Въ другихъ случаяхъ самъ императоръ бралъ инициативу въ этомъ дѣлѣ, какъ, напр., въ вопросѣ о продажѣ крестьянъ по одиночкѣ и безъ земли. Въ этомъ дѣлѣ положеніе крестьянскаго вопроса обнаруживается довольно характерно. Государственный совѣтъ поручилъ разсмотрѣніе этого предмета комиссіи составленія законовъ, которая вслѣдствіе того представила въ совѣтъ «проектъ закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли». Этотъ проектъ былъ составленъ А. И. и Н. И. Тургеневыми. Въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта этотъ проектъ вызвалъ ожесточенныя возраженія Шишкова, который нашелъ въ официальной бумагѣ комиссіи поводъ къ обличенію революціонныхъ замысловъ, конечно, приписывая ихъ составителямъ проекта. «Въ то время, — писалъ онъ, — когда мы слышимъ и видимъ (въ октябрѣ 1820), что всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что-жъ перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ кажется, что если бъ и вподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучше желать?» [1]).

---

[1]) Не лишнее замѣтить при этомъ, что это дѣло началось по поводу записки Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, что по принесеннымъ ему жалобамъ слѣдствіе открыло: 1) что помѣщикъ Лупандинъ продалъ разнымъ лицамъ по одиночкѣ отъ крестьянскихъ семей, подъ именемъ крѣпостныхъ дворовыхъ его людей, вдовъ 3, дѣвокъ 17, а одну подарилъ; 2) что отставной штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиночкѣ малолѣтнихъ дѣвокъ, держалъ ихъ у себя для непотребства; 3) что статская совѣтница Полонская продала полковницѣ Андреевой дворового человѣка съ женой и малолѣтней дочерью, а старшую дочь оставила у себя, и т. д.

Мнѣніе Шишкова приводится въ его запискахъ.

Тургеневъ разсказываетъ, что на это онъ и его братъ отвѣчали въ запискѣ, составленной отъ имени комиссіи, что предложенныя въ проектѣ закона перемѣны требовались самой необходимостью, темнотой и неясностью существующаго законодательства; что эти перемѣны не имѣютъ и не могутъ имѣть никакой связи съ политическими революціями, которыя обнаруживались тогда въ Европѣ, и этой мысли въ особенности нельзя было бы заимствовать отъ тѣхъ странъ, волненіе которыхъ привлекло въ то время общее вниманіе, потому что Испанія и даже Неаполь вовсе не отличаются ни школами, ни образованіемъ. Дѣло затянулось. Кочубей, тогда предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ и завѣдывавшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ, что считаетъ необходимымъ новое разсмотрѣніе проекта въ министерствѣ; замѣтили, кажется, что императоръ пересталъ думать объ этомъ предметѣ, и дѣло кануло...

«Этотъ примѣръ, — говоритъ Тургеневъ, — достаточно показываетъ, по какой почвѣ шли тогда въ Россіи люди, которые даже съ согласія абсолютнаго правительства требовали самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, лишенныхъ всякаго покровительства закона; онъ показываетъ, какимъ подозрѣніемъ, какимъ обвиненіямъ надо было подвергаться, желая принести какое-нибудь облегченіе ужасной участи крѣпостныхъ. Какъ видимъ, личное мнѣніе императора Александра было не въ силахъ предохранить отъ самыхъ безсмысленныхъ нападеній даже тѣхъ людей, которые дѣйствовали сообразно съ его собственными намѣреніями...

«И однакоже, — продолжаетъ онъ, — графъ Кочубей былъ человѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ-нибудь образомъ крѣпостному праву. Быть можетъ, долгій опытъ заставилъ его съ состраданіемъ смотрѣть на всѣ эти попытки реформы, на всѣ эти усилія помочь гигантскому злу, — усилія столько же безсильныя и безплодныя, сколько онѣ были мало серьезны. Я припоминаю, что послѣ прочтенія протокола совѣтскаго засѣданія, гдѣ приведены были мнѣніе императора о продажѣ людей безъ земли (онъ не зналъ объ ея существованіи) и справки, опровергавшія его мнѣніе, графъ Кочубей подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ полу-горькой, полу-насмѣшливой улыбкой: «Подумайте же, что императоръ убѣжденъ, что въ его государствѣ уже двадцать лѣтъ не продаютъ людей порознь!»

«Что сказать, когда мы вспомнимъ, что противъ оконъ

императора, въ петербургской гражданской палатѣ человѣческая плоть продавалась отъ времени до времени по рѣшеніямъ властей! Когда продаются имѣнія за долги, и у несостоятельнаго должника есть крѣпостные, эти крѣпостные необходимо продаются съ аукціона, какъ вся другая его собственность. Около того времени, о которомъ мы говоримъ, одна старуха была отдана такимъ образомъ за два рубля съ полтиной, и это было въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что продажа людей по-одиночкѣ давно запрещена! Этого примѣра довольно, чтобы показать, въ какомъ невѣдѣніи остаются абсолютные монархи обо всемъ, что совершается вокругъ нихъ!» [1]).

Тургеневъ винилъ графа Кочубея въ равнодушіи къ истиннымъ причинамъ бѣдствій Россіи, и этотъ упрекъ онъ распространялъ почти на всѣхъ образованныхъ людей, не дѣлавшихъ никакихъ усилій для улучшенія хода вещей. «Но, можетъ быть, — прибавляетъ онъ, — эти люди, которыхъ я обвинялъ въ равнодушіи ко благу страны, на опытѣ убѣдились, что никакія улучшенія невозможны, и именно поэтому осуждали себя на бездѣйствіе въ виду той чудовищной массы несправедливостей и лжи, стараясь только не увеличивать зла, котораго были не въ силахъ уничтожить» [2]). И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли сказать того же о Сперанскомъ, Новосильцовѣ и многихъ другихъ, которые питали нѣкогда надежды на измѣненіе господствовавшаго порядка вещей, а потомъ равнодушно съ нимъ мирились?

Мнѣнія Тургенева о крѣпостномъ правѣ стали потомъ вообще мнѣніями тайнаго общества. Тургеневъ вообще старался дѣлать все, что могъ, для распространенія мысли объ освобожденіи: онъ говорилъ объ этомъ въ своей книгѣ («Опытъ теоріи налоговъ», 1818) и ревностно защищалъ крестьянскія дѣла въ своей служебной дѣятельности. Въ декабрѣ 1819 г. онъ написалъ записку о крестьянскомъ вопросѣ [3]), которая дошла до императора Александра (и вѣроятно для него именно предназначалась) и можетъ служить образчикомъ взглядовъ на этотъ предметъ, распространенныхъ вообще въ либеральномъ кругу и въ тайномъ обществѣ. По своимъ взглядамъ на крестьянскій вопросъ

[1]) La Russie, II, стр. 107—110. 197—202, 207—226.
[2]) La Russie, II, стр. 276.
[3]) Записка эта напечатана въ La Russie, II, стр. 471—499.

Тургеневъ прослылъ совершеннымъ революціонеромъ. И не мудрено: огромное большинство помѣщиковъ и въ ихъ числѣ большинство чиновниковъ были крѣпостники, или наивные, или злостные. Въ крѣпостничествѣ сходились и первостепенные представители литературы, какъ историкъ Россіи, Карамзинъ, и лично благодушные люди, какъ Шишковъ, и закоренѣлые обскуранты, видѣвшіе въ противникахъ крѣпостного права враговъ отечества и взывавшіе противъ такого вольнодумства къ возвращенію стараго «экзекутнаго духа» — по прелестному, въ своемъ характерномъ безобразіи, выраженію стараго масона и злѣйшаго крѣпостника, Поздѣева... На дѣлѣ, записка Тургенева вовсе не представляетъ какихъ-нибудь радикальныхъ требованій. Напротивъ, авторъ зналъ, что встрѣтится съ мнѣніями враждебными или нерѣшительными и боязливыми и, ограничиваясь практически возможнымъ въ данныхъ условіяхъ, онъ высказываетъ самыя умѣренныя желанія, хотя сущность дѣла старается указать во всей полнотѣ. Крестьянскій вопросъ кажется ему столь краеугольнымъ, что безъ его рѣшенія, хотя бы предварительнаго, онъ не считаетъ полезнымъ самаго расширенія политическихъ правъ для свободныхъ сословій—обстоятельство, которое обходилось обыкновенно въ конституціонныхъ планахъ императора Александра [1]).

«Вообще говорятъ,—такъ начинаетъ Тургеневъ свою записку,—что Россія дѣлаетъ успѣхи въ просвѣщеніи. Но въ чемъ состоитъ просвѣщеніе? Оно состоитъ въ томъ, чтобы знать свои права и свои обязанности... Права бываютъ раз-

[1]) Тургеневъ замѣчаетъ, что объ этомъ ему приходилось спорить даже съ либералами, желавшими конституціонныхъ учрежденій. „Когда я замѣчалъ у людей, съ которыми говорилъ, желаніе освобожденія политическаго безъ освобожденія крѣпостныхъ, мной овладѣвало такое негодованіе, что можно было подумать, что я защищаю абсолютную власть. Это рѣдко случалось въ разговорахъ съ молодыми людьми, которыхъ я всегда успѣвалъ убѣдить; но съ людьми пожилыми, стоящими на верху пирамиды, и которые, будучи болѣе или менѣе напитаны аристократическими идеями, мечтали прежде всего о палатѣ пэровъ и пр., споръ дѣлался упорнымъ, даже ожесточеннымъ, и тогда въ особенности мнѣ приходилось восхвалять тѣ выгоды, какія представляетъ абсолютная власть въ странѣ, гдѣ господствуетъ крѣпостное право“ (см. „Россія и Русскіе“, стр. 80). Мы видѣли, что этимъ недостаткомъ, противъ котораго спорилъ Тургеневъ, страдаютъ обѣ конституціи, Сперанскаго и Новосильцова, въ которыхъ крестьянскій вопросъ обойденъ. На сторонѣ консерваторовъ въ крестьянскомъ вопросѣ стоялъ даже извѣстный адмиралъ Н. С. Мордвиновъ.

личны: есть права гражданскія и права политическія. Дворянство, купцы, мѣщане и даже вольные хлѣбопашцы имѣютъ гражданскія права; два первыя сословія пользуются даже нѣкоторыми правами политическими.

«Должно ли желать расширенія этихъ политическихъ правъ. Чтобы добросовѣстно рѣшить этотъ вопросъ, надо вспомнить, что въ Россіи есть милліоны человѣческихъ существъ, которыя не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія было бы противно интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ самодержавная власть есть якорь спасенія для нашего отечества; отъ этой власти единственно мы можемъ надѣяться уничтоженія столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго рабства. Невозможно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы. Нынѣшнее правительство отличается тѣмъ, что оно больше всѣхъ прежнихъ правительствъ думало объ участи земледѣльцевъ. Оно отказалось отъ обычая награждать слугъ государства, давая имъ вмѣстѣ съ землями людей, живущихъ на этихъ земляхъ; оно произвело освобожденіе въ Балтійскихъ провинціяхъ. Эти дѣйствія доставляютъ ему величайшую честь. Но должно ли довольствоваться этими благодѣяніями и покинуть всякую надежду, что за этими благодѣяніями послѣдуютъ другія? Довольно ли этого, чтобы вознаградить бѣдствія, какія переносили и еще переносятъ милліоны крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ? Конечно, нѣтъ! Наше довѣріе къ божественной правдѣ, къ мудрости просвѣщеннаго и благожелательнаго правительства заставляетъ насъ предчувствовать для Россіи радостный день, когда ея дѣти, вмѣсто того, чтобы принадлежать одни другимъ, всѣ будутъ принадлежать отечеству, одному отечеству. Отъ этого отраднаго будущаго, которое, однако, быть можетъ, еще очень далеко отъ насъ, возвратимся къ печальной дѣйствительности настоящаго»...

И авторъ рисуетъ картину положенія крестьянъ разныхъ разрядовъ, доказываетъ необходимость освобожденія, по видамъ человѣколюбія и государственной пользы, указываетъ неизбѣжность дикаго произвола помѣщичьей власти, невозможность его подавленія существующими средствами управленія, наконецъ, необходимость для самого правительства взять на себя иниціативу реформы. Съ своей стороны, онъ указываетъ сначала наиболѣе вопіющія и чудовищныя

злоупотребленія, которыя прежде всего требовали бы вниманія, и предлагаетъ мѣры по тремъ предметамъ: — для ограниченія чрезмѣрнаго труда крѣпостныхъ крестьянъ, для прекращенія продажи людей отдѣльно отъ земли и даже отдѣльно отъ семейства, и мѣры противъ дурного обращенія съ крестьянами. Затѣмъ, онъ говоритъ о необходимости другихъ общихъ мѣръ для болѣе прочнаго улучшенія участи крестьянъ, и для этого предлагаетъ расширеніе закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, или изданіе новаго, болѣе полнаго и откровеннаго закона, который облегчилъ бы договоры между помѣщиками и крестьянами и переходъ послѣднихъ въ сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ; также предоставленіе крестьянамъ права свободной перемѣны мѣста жительства.

Въ послѣднихъ словахъ записки онъ говоритъ: «Въ заключеніе не можемъ не сказать о томъ, какъ тяжело поражаетъ насъ участь, которую вѣка дали русскому народу. У другихъ народовъ рабство было слѣдствіемъ завоеванія; когда варвары сдѣлали нашествіе на Европу, они воспользовались правомъ сильнаго и побѣжденныхъ сдѣлали рабами. Въ Россіи татары покорили нашихъ свободныхъ предковъ; русскій народъ, благодаря продолжительнымъ усиліямъ, успѣлъ, наконецъ, свергнуть его унизительное иго: послѣ освобожденія, какъ и до покоренія, рабство оставалось ему неизвѣстно. И только въ ту эпоху, когда начало развиваться могущество Россіи, нѣкоторые изъ ея государей, повинуясь роковому заблужденію, положили основаніе, на которомъ впослѣдствіи должно было утвердиться крѣпостное право. Что же оказалось тогда? Татары, которыхъ мы въ свою очередь побѣдили, остались лично свободны; многіе изъ нихъ вскорѣ сдѣлались дворянами, между тѣмъ какъ наибольшая часть побѣдителей, т.-е. настоящаго русскаго народа, стали крѣпостными. Потомъ, множество иноземцевъ, пришедшихъ изъ Европы и Азіи, явилось въ рядахъ дворянства, захватило титулы и почести, а дѣти Россіи продолжаютъ влачить свои цѣпи».

Эта черта, до тѣхъ поръ, кажется, еще не указанная, дѣлала крестьянскій вопросъ и вопросомъ народности.

Какъ видимъ, во всѣхъ этихъ предложеніяхъ не было ничего революціоннаго. Мысль объ освобожденіи крестьянъ, безъ сомнѣнія, подъ особеннымъ вліяніемъ Н. И. Тургенева, стала одной изъ господствующихъ въ тайномъ обществѣ, члены

котораго стали дѣлать и практическія попытки освобожденія въ своихъ имѣніяхъ. Опыты были не всегда удачны (напр., Якушкина, который разсказываетъ о нихъ въ своихъ Запискахъ), отчасти и отъ самой новости предмета; но по крайней мѣрѣ важность вопроса была глубоко почувствована, и сближеніе съ крестьянами, вниманіе къ ихъ интересу указали и настоящій, единственный способъ рѣшенія вопроса — освобожденіе съ землей. Члены Общества близко принимали къ сердцу бѣдствія крѣпостного населенія; такъ ихъ инициатива много помогла во время голода въ Смоленской губерніи, въ 1820 и 1821 г. Вліяніе новыхъ понятій распространялось и на людей, вовсе не принадлежавшихъ къ Обществу[1]; другіе, и прежде благопріятно расположенные къ крестьянамъ, по вступленіи въ Общество, усиливали свою ревность и заботы объ улучшеніи положенія крестьянъ — ихъ личныя мысли подкрѣплялись теперь сознаніемъ принципа и чувствомъ солидарности. Характерный примѣръ такой ревности представилъ Пассекъ. «Онъ всегда былъ добръ для своихъ крестьянъ, но съ этихъ поръ [со вступленія въ тайное общество] онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали, разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ «О правахъ и обязанностяхъ гражданина», изданной при императрицѣ Екатеринѣ и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Курсъ ученья оканчивался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя тетрадку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ, между прочими правами, предоставлены были и въ ихъ собственное распоряженіе отдача рек-

---

[1]) По разсказу Якушкина (стр. 59), — „Левашевы жили уединенно въ деревнѣ, занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей и улучшеніемъ своихъ крестьянъ, входя въ положеніе каждаго изъ нихъ и помогая имъ по возможности. У нихъ были заведены училища для крестьянскихъ мальчиковъ по порядку взаимнаго обученія. Въ это время такихъ людей..., дѣйствующихъ въ смыслѣ тайнаго общества и сами того не подозрѣвая, было много въ Россіи“. Другими словами, мнѣнія тайнаго общества въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, не составляли его исключительной принадлежности, а напротивъ, были распространены между образованными людьми, на которыхъ время оказывало вліяніе.

рутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу... Бывши самъ уже не первой молодости и желая насладиться успѣхомъ въ дѣлѣ, которое было близко его сердцу, онъ употреблялъ усиленныя мѣры для улучшенія своихъ крестьянъ и истратилъ на нихъ въ нѣсколько лѣтъ десятки тысячъ...; зато уже при немъ въ имѣніи было много грамотныхъ крестьянъ и состояніе ихъ до невѣроятности улучшилось»[1]). Н. И. Тургеневъ освободилъ своихъ крестьянъ[2]).

Въ числѣ правилъ, принятыхъ въ уставѣ Союза Благоденствія, требовалось, чтобы члены не уклонялись отъ службы по выборамъ, и вообще отъ обязанностей общественныхъ. Это было для того, чтобы честнымъ исправленіемъ должностей вывесть эту службу изъ того упадка, въ которомъ она находилась, и содѣйствовать улучшенію суда и управленія примѣрами справедливости, безкорыстія и человѣколюбія. Выше приведены примѣры того, какъ въ этомъ отношеніи держали себя военные; они заботились о смягченіи дисциплины, обучали солдатъ и т. п.; полагали на это большія и искреннія усилія, тратили собственныя средства, и успѣвали достигать благотворныхъ, хотя частныхъ только, результатовъ. Такъ трудились М. А. Фонъ-Визинъ, М. Ѳ. Орловъ, В. Ѳ. Раевскій и многіе другіе. Подобнымъ образомъ члены общества дѣйствовали и въ гражданской службѣ. И. И. Пущинъ, лицейскій другъ Пушкина, вступившій въ тайное общество тотчасъ по выходѣ изъ лицея, служитъ сперва въ конной артиллеріи, но вскорѣ подъ вліяніемъ этого правила Союза оставилъ военную службу и поступилъ въ московскій надворный судъ. Какъ лицеистъ, онъ могъ бы разсчитывать на гораздо болѣе видную карьеру, и переходъ въ гражданскую службу бросался тогда въ глаза своей необычностью. Пущинъ разсказываетъ въ Запискахъ своихъ анекдотъ, показывающій, какъ было это ново въ то время.

«Князь Юсуповъ, во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума» сказалъ: «Что за тузы въ Москвѣ

---

[1]) Записки Якушкина, 60.

[2]) Ограничиваемся этими немногими фактами изъ тогдашней исторіи крестьянскаго вопроса, какъ они были приведены въ первомъ изданіи настоящей книги. Съ тѣхъ поръ эта исторія подробно разработана въ обстоятельномъ трудѣ В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка (Спб. 1888, два тома), и мы отсылаемъ къ нему читателя, который найдетъ здѣсь весьма полную и интересную картину крестьянскаго дѣла въ Александровскія времена.

живутъ и умираютъ!» — видя на балѣ у московскаго генералъ-губернатора, князя Голицына, неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ, хоть по фамиліи, всю московскую публику), спрашиваетъ Зубкова: Кто этотъ молодой человѣкъ? Зубковъ называетъ меня и говоритъ, что я — надворный судья.

«— Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное.

«Юсуповъ не пророкъ, а угадчикъ, и точно, на другой годъ ни я, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ» [1]).

Такъ поступилъ и Рылѣевъ. Оставивши военную службу, онъ принялъ потомъ, по выборамъ, должность засѣдателя въ петербургской уголовной палатѣ. Его имя скоро пріобрѣло извѣстность; даже въ народѣ его знали, какъ правдиваго человѣка, который всегда готовъ на помощь несчастнымъ и угнетеннымъ [2]). Рылѣевъ еще не былъ членомъ Союза въ то время, но эти качества, между прочимъ, вмѣстѣ съ его литературной дѣятельностью, привлекали на него вниманіе тайнаго общества, въ которое онъ и былъ принятъ Пущинымъ въ 1823 году.

Члены Союза, черезъ нѣсколько лѣтъ его существованія, составили уже замѣтный элементъ въ общественной жизни. Либеральныя идеи и независимо отъ вліянія Союза значительно распространялись, и въ запискахъ нѣкоторыхъ членовъ Общества не разъ упоминается о людяхъ, которые дѣйствовали въ духѣ Союза, вовсе не принадлежа къ нему, — какъ, напр., дѣйствовалъ въ крестьянскомъ вопросѣ Пассекъ, въ служебной дѣятельности Рылѣевъ, до вступленія ихъ въ Общество, въ литературѣ Пушкинъ. Но едва ли можно отвергать и вліяніе Союза: личный составъ его, въ которомъ было много людей изъ аристократическаго круга, опредѣленныя мнѣнія его членовъ, ихъ солидарность между собою, безъ сомнѣнія, содѣйствовали распространенію ихъ образа мыслей, и нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія въ своихъ запискахъ говорятъ о вліяніи Союза на тогдашнее общественное мнѣніе.

---

[1]) Записки И. И. Пущина въ книгѣ Л. Н. Майкова — „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, Спб. 1899.

[2]) Даже Гречъ, при всемъ желаніи опорочивать этихъ людей, говоритъ о Рылѣевѣ: „Онъ служилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ, беззащитныхъ людей“ — „Записки о моей жизни“, Спб., 1886, стр. 366.

«Въ это время, — пишетъ И. Д. Якушкинъ (стр. 25), — главные члены Союза Благоденствія вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно». Указавъ на упомянутое нами улучшеніе военныхъ нравовъ, авторъ продолжаетъ (стр. 26): «Многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе; ужъ не довольствовались, какъ прежде, разсказами... о разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, что вокругъ нихъ дѣлалось». Такую свободу мнѣній одинъ изъ членовъ, М. Ѳ. Орловъ, хотѣлъ ввести даже въ благочестивое Библейское Общество: «въ Библейскомъ Обществѣ онъ произнесъ либеральную рѣчь, которая ходила тогда у всѣхъ по рукамъ»; такую же рѣчь онъ произнесъ въ собраніи извѣстнаго Арзамаса, стараясь вызвать его членовъ къ какой-нибудь болѣе серьезной дѣятельности, чѣмъ тѣ безцѣльныя забавы, какими они услаждались...

Союзъ Благоденствія или нѣкоторые изъ главныхъ его членовъ имѣли свои опредѣленныя представленія и о польскомъ вопросѣ. Конституціонныя учрежденія, введенныя императоромъ Александромъ въ Польшѣ, казались, одно время, обѣщаніемъ широкихъ государственныхъ преобразованій и для Россіи, но вообще дѣйствія и планы императора относительно Польши вовсе не вызывали сочувствія общественнаго мнѣнія, ни консервативнаго, ни либеральнаго. Такъ, не только либералы, но и консерваторы (какъ Ростопчинъ) оскорблялись тѣмъ, что побѣжденная Польша получаетъ свободныя учрежденія, въ какихъ отказывалось побѣдившей Россіи; другіе замѣчали, что конституція и въ Польшѣ на дѣлѣ нарушается; но всего больше, какъ было упомянуто выше, общественное мнѣніе возмущалось тѣмъ предпочтеніемъ, какое императоръ вообще оказывалъ Польшѣ, и въ особенности его намѣреніямъ присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ западныхъ губерній. Обыкновенно ставится въ великую заслугу Карамзину его извѣстная записка о Польшѣ 1819 года, въ которой видятъ свидѣтельство дальновиднаго патріотизма, прямой выводъ изъ глубокаго изученія исторіи и лишнее доказательство справедливости его взглядовъ вообще. Въ запискѣ Карамзина была, безспорно, извѣстная смѣлость выраженія, которую, впрочемъ, позволяли его от-

ношенія къ императору Александру; но проницательность, какая ему приписывается, вовсе не была такъ исключительна. Не нужно было исторической системы Карамзина и не нужно было его тенденцій по вопросамъ настоящаго времени, чтобы не соглашаться съ планами императора Александра о Польшѣ и даже рѣшительно отвергать ихъ. Тогда же и о томъ же предметѣ составлена была записка извѣстнымъ директоромъ царскосельскаго лицея, Е. А. Энгельгардтомъ, который также пользовался довѣріемъ императора Александра. Эта записка до такой степени сходилась съ мнѣніемъ Карамзина, что императоръ спрашивалъ Энгельгардта, не прочелъ ли онъ прежде записки Карамзина?—но Энгельгардтъ не имѣлъ о ней понятія. Еще раньше, въ 1817 или 1818 г., когда начали говорить о планахъ императора относительно Польши, эти толки вызывали въ либеральномъ кругу самое враждебное чувство. Когда однажды до членовъ тайнаго общества дошелъ положительный, будто бы, слухъ о томъ, что императоръ намѣренъ отдѣлить отъ Россіи нѣсколько губерній и присоединить ихъ къ Польшѣ, и вообще оказываетъ послѣдней самое явное предпочтеніе въ ущербъ Россіи, то этотъ слухъ произвелъ на многихъ членовъ тайнаго общества самое потрясающее дѣйствіе, и именно подъ его впечатлѣніемъ у одного изъ нихъ, какъ говорятъ, явилась мысль о покушеніи на жизнь императора [1], — мысль, которая тутъ же была отвергнута другими и оставлена лицомъ, ее возъимѣвшимъ, но которую впослѣдствіи настойчиво приписывали тайному обществу. Источникомъ этой мысли было ревнивое чувство цѣлости Россіи. Этотъ примѣръ увлеченія, доходившаго до самой страшной крайности, показываетъ, однако, до какой сильной степени господствовало въ тайномъ обществѣ то чувство русской народности, которое въ данномъ случаѣ хотятъ присвоить одному Карамзину и которое вообще хотѣли отвергать у тогдашняго либеральнаго кружка. Можно осуждать ихъ политическую дѣятельность, но надо отдать справедливость тѣмъ качествамъ, какія у нихъ несомнѣнно были, и въ числѣ этихъ качествъ было именно сильное чувство народности, какъ оно затрогивалось, напр., въ польскомъ вопросѣ.

---

[1]) Донесеніе Слѣдств. Ком., стр. 10; Зап. Якушкина, стр. 14 и сл.

Что дѣлалось тѣмъ временемъ въ литературѣ?

Движеніе, происходившее въ общественныхъ понятіяхъ, отражалось и въ литературѣ; дѣятельность ея — слишкомъ открытая, и ея оживленіе невозможно было бы приписывать какому-нибудь заговору, какъ однако приписывало обвиненіе. Но Союзъ стоялъ подлѣ литературы, нѣкоторые изъ его членовъ дѣйствовали въ ней, и такимъ образомъ можно сказать, что онъ хотѣлъ пользоваться литературой для своихъ цѣлей: желать «распространенія политическихъ знаній» (какъ въ томъ обвиняли Союзъ) можно было, нисколько не принадлежа къ тайному обществу; «овладѣть мнѣніемъ публики» старается всякій, кто вступаетъ на литературное поприще. Относительно сочиненія «возмутительныхъ пѣсенъ» обвиненіе не рѣшалось сказать утвердительно, были ли онѣ сочинены по предписаніямъ тайнаго общества, но положительно извѣстно, что многія подобныя стихотворенія того времени были сочинены безъ всякихъ предписаній Общества и людьми, вовсе къ нему не принадлежавшими. Самыя распространенныя и самыя талантливыя принадлежали Пушкину, который никогда не былъ членомъ Союза Благоденствія. Первыя стихотворенія Рылѣева, доставившія ему обширную извѣстность своей гражданской смѣлостью (какъ стихотвореніе «Къ временщику», 1820), написаны и напечатаны были тогда, когда Рылѣевъ еще не принадлежалъ къ Обществу. Итакъ, устраняя вопросъ о мнимомъ направленіи литературы въ революціонномъ смыслѣ «по предписаніямъ тайнаго общества», должно остановиться только на отношеніяхъ отдѣльныхъ его членовъ къ литературному движенію. Многіе изъ членовъ Союза были сами писателями или принадлежали къ литературнымъ кругамъ; они не двигали литературой, но въ ней также выразилось направленіе ихъ понятій, на ряду съ лучшими проявленіями общественной мысли за то время.

Въ литературѣ въ силу ея собственнаго развитія начинаютъ складываться болѣе опредѣленныя, чѣмъ прежде, направленія. Это было въ особенности время обществъ и кружковъ: желаніе дѣйствовать совмѣстно и собрать однородныя силы, желаніе болѣе отчетливо опредѣлить цѣль своей дѣятельности было уже извѣстнымъ успѣхомъ. При всемъ разнообразіи лицъ, представлявшихъ разные оттѣнки мнѣній и характеровъ, при всей новости многихъ понятій, которыя далеко не были ясны, литературные кружки того

времени не были только случайнымъ собраніемъ, но имѣли свой особый характеръ литературный и общественный. «Бесѣда» Шишкова и Державина (основана въ 1811) собрала литературныхъ старовѣровъ старой классической школы, которые были вмѣстѣ и старовѣры по общественнымъ понятіямъ — защитники стараго слога и добраго стараго времени. Въ «Арзамасѣ» (1815—1818) собралась сантиментальная школа, предшественники романтизма, защитники новаго слога, люди вообще болѣе образованные, чѣмъ «Бесѣда», знакомые съ новой европейской литературой, не враждебные къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ общественномъ порядкѣ, но вообще любившіе просвѣщеніе и свободу въ томъ платоническомъ родѣ, въ которомъ былъ такъ силенъ Карамзинъ. Въ серединѣ между тѣми и другими стоялъ кружокъ Оленина, гдѣ и литературныя, и общественныя мнѣнія (при всемъ талантѣ нѣкоторыхъ членовъ этого кружка) отличались умѣренностью, близкой къ индифферентизму. Наконецъ, молодой литературный кружокъ собрался главнымъ образомъ въ «Вольномъ обществѣ любителей словесности» или «Соревнователей просвѣщенія и благотворенія». Это было, впрочемъ, не тѣсное частное общество, какъ Арзамасъ или кружокъ Оленина, а открытое общество офиціальное, соединенное благотворительной цѣлью; составъ его былъ очень смѣшанный, но въ редакціи изданія этого общества («Труды» и пр., или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», 1818—1825) работали въ особенности молодые писатели либеральнаго направленія.

Исторія этихъ кружковъ, особенно «Бесѣды» и «Арзамаса», достаточно извѣстна. Наши историки съ особенной любовью занимались «Арзамасомъ», собирали и пересказывали анекдоты объ этомъ кружкѣ, гдѣ люди, «довольно зрѣлые», занимались совершенными пустяками, потому что и ихъ признанное дѣло — борьба съ Бесѣдой или Россійской Академіей — не было особенно труднымъ, а затѣмъ не оставалось ничего, кромѣ простой, можетъ быть, остроумной, но совершенно безплодной болтовни. Карамзинъ, пріѣхавши въ 1816 въ Петербургъ, былъ въ восторгѣ отъ арзамасцевъ: «Здѣсь... всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы», писалъ онъ, и это должно было такъ быть. Арзамасцы были люди очень не глупые, иные даже очень талантливые и умные. Они любили «прекрасное», любили «человѣчество» по умѣренному рецепту, не задавали себѣ никакихъ мудреныхъ вопросовъ и предпочитали спокойно пользоваться мірскими благами.

Карамзинъ былъ ихъ полнымъ авторитетомъ, не только по его литературнымъ заслугамъ, но и по всему складу мыслей: авторъ «Записки» (хотя, быть можетъ, имъ еще и неизвѣстной) нашелъ въ нихъ свою школу и приверженцевъ. Впослѣдствіи одинъ изъ арзамасцевъ окончилъ недописанный XII-й томъ его Исторіи.

Довольно понятно, что когда эти люди вздумали составить свое Общество, имъ не представилось никакой серьезной цѣли: запасъ ума, какой у нихъ былъ, они обратили на шутовство, о которомъ съ забавнымъ почтеніемъ разсказываютъ ихъ историки. Наиболѣе симпатичнымъ лицомъ оставался здѣсь Жуковскій, который веселился съ искренностью своего добродушія, еще не тронутаго соображеніями придворной службы... Въ это полу-аристократическое общество вступили, между прочимъ, и двое членовъ Союза, М. Ѳ. Орловъ, блестящій аристократъ, и Н. И. Тургеневъ, братъ котораго Александръ, имѣвшій тогда во всѣхъ лагеряхъ множество связей (а впослѣдствіи извѣстный собираніемъ историческихъ документовъ о Россіи въ иностранныхъ архивахъ), былъ въ особенной дружбѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ Арзамаса. Н. И. Тургеневъ, чуждый литературнымъ интересамъ этого круга, находилъ, однако, удовольствіе въ его засѣданіяхъ, потому что разговоры не всегда вертѣлись на безсодержательныхъ мелочахъ и, по словамъ его, этотъ кружокъ, пожалуй, можно было бы изобразить за такое же тайное общество, какъ Союзъ.

«Но я долженъ признаться,—говоритъ онъ,—что мое удовольствіе никогда не было полнымъ и безпримѣснымъ, потому что я никакъ не могъ вполнѣ привыкнуть къ отличавшему этихъ господъ духу осужденія и насмѣшки. Этотъ духъ особенно выказывался въ неистощимой болтовнѣ человѣка, который впослѣдствіи, составляя торжественный документъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это въ однихъ интересахъ справедливости, какъ бы онъ долженъ былъ это сдѣлать, какъ будто находилъ удовольствіе разливать въ немъ всю желчь, какую только могло заключать его сердце»[1].

Подобное неудовлетворяющее впечатлѣніе Арзамасъ произвелъ и на другого члена Союза, сюда вступившаго, который и сдѣлалъ попытку обратить это литературное общество

---

[1]) См. „Россія и Русскіе", стр. 126; рѣчь идетъ о Д. Н. Блудовѣ, составителѣ „Донесенія Слѣдственной Комиссіи".

къ предметамъ, которые должны бы болѣе привлекать къ себѣ людей образованныхъ. «Въ это литературное общество,—продолжаетъ Тургеневъ,—вступилъ генералъ М. Ѳ. Орловъ, съ которымъ я былъ тогда въ дружескихъ отношеніяхъ. Но вмѣсто того, чтобы, по принятому обычаю, произнести пародію надгробнаго слова какому-нибудь живому академику, онъ произнесъ серьезную рѣчь, въ которой указывалъ Обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками, тогда какъ положеніе отечества представляло такое обширное поприще уму всякаго человѣка, преданнаго общественному благу. Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ *ребяческія* забавы и обратиться къ предметамъ высокимъ и серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе; всѣ почувствовали справедливость и упрековъ, и совѣтовъ новопринятаго. Но если пустого и неразумнаго стало потомъ меньше въ этомъ Обществѣ, то полезнаго и разумнаго все-таки не прибавилось».

Объ этомъ же собраніи Арзамаса говорится въ запискахъ Вигеля. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что Блудовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Арзамаса, какимъ-то образомъ предупрежденный о намѣреніи Орлова, отвѣчалъ ему также приготовленной рѣчью. «Онъ доказывалъ невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ Общества (но Орловъ именно и говорилъ, что его надо измѣнить). Касаясь *распространенія свѣта наукъ*, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей *всегда* обращается въ *факелъ зажигательства* (!); и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ [1]). Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ; тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось перейти

---

[1]) Припомнимъ, съ какимъ негодованіемъ въ прежнее время говорилъ о подобномъ сравненіи Уваровъ въ письмѣ своемъ Штейну, въ 1813. Уваровъ былъ также членъ Арзамаса. Замѣтимъ еще, что „сіе сравненіе" было совершенно въ духѣ того Мѣшкова (Шишкова), надъ которымъ такъ величались и глумились члены Арзамаса. Ср. приведенное выше мнѣніе Шишкова по крестьянскому вопросу.

отъ нея къ чисто политическимъ вопросамъ... Въ этомъ году... Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ»[1]).

Одною изъ причинъ было то, что разъѣхались нѣкоторые изъ его членовъ; но на остальныхъ могла подѣйствовать и нравственная причина—вѣроятно, совѣстно было продолжать въ прежнемъ вкусѣ. Орловъ, между прочимъ, предлагалъ Арзамасу изданіе журнала, «коего статьи (по словамъ Вигеля) новостью и смѣлостью идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи». По нѣкоторымъ извѣстіямъ, такой журналъ даже готовился: для него написаны были статьи Уваровымъ, Батюшковымъ, Блудовымъ; Каподистрія обѣщалъ политическія извѣстія,—но журналъ все-таки не состоялся.

Изъ этой встрѣчи членовъ Союза съ членами Арзамаса можно видѣть свойства мнѣній тѣхъ и другихъ: когда первые стремились къ пробужденію общественной мысли и указывали этотъ трудъ умѣреннымъ либераламъ въ такой формѣ, которой они легко могли бы дать всю нужную мягкость, послѣдніе отвѣчали тономъ, достойнымъ Магницкаго...

Въ 1818 году вышла въ свѣтъ «Исторія Государства Россійскаго». Извѣстно, какой восторженный пріемъ встрѣтило произведеніе Карамзина. Оно было во многихъ отношеніяхъ дѣйствительнымъ «открытіемъ», какъ говорилъ о немъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ [2]). Здѣсь не мѣсто говорить объ ученомъ и литературномъ значеніи «Исторіи», которое было объясняемо всѣми біографами Карамзина и историками литературы. Необыкновенному успѣху книги содѣйствовали и замѣчательныя достоинства этого труда, ученыя и литературныя, и невиданная новость произведенія,—русская исторія,

---

[1]) Записки Вигеля, III, V, 52—53.

[2]) „Появленіе сей книги,—разсказываетъ Пушкинъ,—(какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ)—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили". Но каково было большинство публики, можно судить по дальнѣйшимъ словамъ Пушкина. „Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи Карамзина".

написанная съ изящнымъ краснорѣчіемъ,—и прежняя слава писателя, и официальное положеніе государственнаго исторіографа, и хорошо извѣстное расположеніе къ нему двора,—вообще разныя крупныя и мелкія причины. Въ числѣ ихъ имѣло свою важность и самое время появленія книги. Это былъ одинъ изъ самыхъ возбужденныхъ моментовъ царствованія императора Александра, и въ то время, когда едва успокоился встревоженный патріотизмъ, когда было свѣжо воспоминаніе о подвигахъ, говорившихъ національному чувству и самолюбію, когда въ обществѣ начиналось новое броженіе идей, «Исторія» должна была возбудить особенный интересъ: въ ней искали подтвержденія своей мысли или своего чувства люди самыхъ различныхъ понятій; къ ней съ особеннымъ вниманіемъ должны были обращаться тѣ, кто искалъ разрѣшенія встававшихъ вопросовъ національной жизни, тѣ, кто кромѣ непосредственнаго патріотическаго интереса обращался къ исторіи и съ болѣе глубокимъ и болѣе сложнымъ интересомъ общественнымъ.

Либеральное молодое поколѣніе встрѣтило «Исторію» съ полнымъ уваженіемъ, какъ замѣчательное явленіе литературы, но не удовлетворилось ея тенденціей, и очень естественно.

Произведеніе Карамзина, своими достоинствами, справедливо привлекало вниманіе общества, и для массы его представляло, по своей основной мысли, самое доступное и соотвѣтственное содержаніе. Основная мысль «Исторіи» вполнѣ отвѣчала понятіямъ огромнаго большинства, вѣрнаго старымъ преданіямъ, не подвергавшаго критикѣ ни прошедшаго, ни настоящаго. Въ этомъ большинствѣ «Исторія» получила непререкаемый авторитетъ,—какой и до недавняго времени приписывала ей консервативная школа.

Но въ болѣе тѣсномъ кругѣ общества, въ либеральномъ молодомъ поколѣніи (къ которому присоединялись отчасти и нѣкоторые «вольтерьянцы», уцѣлѣвшіе отъ Екатерининскихъ временъ) «Исторія» Карамзина, какъ выраженіе извѣстнаго общественно-политическаго взгляда, съ самаго начала встрѣтила противниковъ. Тенденція «Исторіи» была та же самая, какая выражена въ «Запискѣ». Эта послѣдняя не была извѣстна публикѣ, но изъ «Исторіи» можно было увидѣть исключительную систему воззрѣній, дѣлавшую Карамзина человѣкомъ партіи... Это и увидѣли его противники.

Позднѣйшіе критики не всегда принимали въ соображеніе эти двѣ разныя точки зрѣнія на «Исторію», или двѣ

разныя стороны «Исторіи», и потому определенія ея историческаго значенія въ литературѣ и общественной жизни долго бывали неясны и противорѣчивы у самихъ поклонниковъ Карамзина. Ея значеніе въ разработкѣ предмета свидѣтельствуется позднѣйшими учеными, хотя новѣйшая критика ограничиваетъ ея вліяніе на дальнѣйшую исторіографію; ея вліяніе литературное послужило къ расширенію художественнаго пониманія русской старины и къ усовершенствованію языка, который воспринялъ много новыхъ элементовъ; но какъ общественно-политическая теорія, «Исторія» Карамзина, въ связи съ «Запиской», оставалась выраженіемъ консервативнаго большинства и въ послѣдующемъ развитіи общественныхъ понятій уже вскорѣ вызвала противодѣйствіе, потеряла силу и, наконецъ, обветшала, сохранивъ только значеніе отрицательное или значеніе точки отправленія... Въ этой неудачѣ нравственно-политическаго вліянія «Исторіи» должны противъ воли соглашаться и сами поклонники Карамзина. Приводимъ въ примѣчаніи слова одного изъ юбилейныхъ панегиристовъ, который, въ формѣ похвалы или защиты Карамзина, высказываетъ именно такое признаніе, только фактъ объясняется совершенно иначе [1]).

Панегиристы говорили, что великое произведеніе Карамзина «потерялось» въ волнѣ мнѣній, и русскія поколѣнія «не успѣли воспитаться» на немъ, — т.-е. разумѣя его обще-

---

[1]) „Къ сожалѣнію, — говоритъ ораторъ казанскаго юбилея, — мы такъ мало жили умственною жизнью, такъ мало были ей обязаны, такъ быстро переходили отъ одного вліянія къ другому, что *великое созданіе* Карамзина *потерялось* въ перемѣнчивой волнѣ мнѣнія, выражавшаго не дѣйствительную, а воображаемую (?) жизнь общества. Извѣстно, что едва только Карамзинъ сошелъ въ могилу, какъ Полевой, недовольный его „государственною" точкою зрѣнія, объявляетъ свою исторію русскаго „народа"; увлеченіе Полевого смѣнилось новымъ, и такъ далѣе. *Не было времени* исторіи Карамзина *получить то значеніе*, которое принадлежитъ ей по историческому праву и по достоинству; *не было времени русскимъ людямъ* остановиться, вглядѣться въ этотъ трудъ и надолго остаться подъ впечатлѣніями его, чтобъ проникнуться взглядомъ и убѣжденіями Карамзина. Русскія поколѣнія *не успѣли воспитаться* на историческомъ трудѣ Карамзина; образованіе такъ эфемерно у насъ, что въ нашей скороспѣлой наукѣ не можетъ быть такого уваженія къ ея прошлому, какъ въ наукѣ, давно пустившей глубокіе корни въ жизнь страны. Намъ не дождаться того, чтобъ въ жизни русской Карамзинъ получилъ хоть такое же значеніе, какое для англичанъ имѣютъ историки прошлаго вѣка: Юмъ, Гиббонъ, Робертсонъ... Но не Карамзинъ виноватъ въ этомъ" (Казанскій юбилей, стр. 106—107).

ственно-политическій смыслъ; но странно утверждать, что виноватъ въ этомъ «не Карамзинъ», а вся Россія, что виновата «эфемерность» нашего образованія. По своей общественно-политической системѣ, «Исторія» вовсе не такое геніальное произведеніе, которое бы такъ опережало свой вѣкъ, чтобы его глубина раскрылась только для отдаленнаго потомства. Если «Исторія» потерялась въ волнѣ мнѣній и наши поколѣнія «не успѣли воспитаться» на ней, виной того самъ Карамзинъ, и никто другой. Онъ вложилъ въ свой трудъ тенденцію, которая съ самаго начала отталкивала отъ себя людей, не менѣе его любившихъ отечество, но не видѣвшихъ для него счастія и спасенія въ порабощеніи общества, въ подавленіи его умственной, нравственной и гражданской свободы. Основная идея Карамзина была только сводомъ и вѣнцомъ традиціонныхъ идей прежняго времени; но она не давала никакой точки опоры для дальнѣйшаго развитія общественныхъ понятій и содѣйствовала ему только косвеннымъ образомъ тѣмъ содѣйствіемъ, какое «Исторія» оказала общему расширенію историческаго знанія, и это знаніе уже вскорѣ указало ошибочность самой его исторической теоріи русскаго государства.

Итакъ, общество не виновато, что поколѣнія не воспитались на историческомъ трудѣ Карамзина [1]), и не *вслѣдствіе* эфемерности нашего образованія, а даже *несмотря* на нее. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни было это образованіе скудно, оно поняло, что взгляды Карамзина слишкомъ односторонни и, будучи враждебны общественной самодѣятельности, воспитываютъ застой и индифферентизмъ. Всю исторію народа и общества Карамзинъ совмѣщалъ въ исторію самаго исключительнаго «государства», и первыя попытки критики направились къ тому, чтобы исправить эту односторонность, вредную въ ея дальнѣйшихъ выводахъ, обративъ вниманіе на исторію «народа». Попытка Полевого была не вполнѣ удачна, потому что въ то время еще не было на это научныхъ средствъ, не были особенно благопріятны и внѣшнія условія, но инстинктъ, руководившій Полевымъ, былъ вѣренъ, какъ это до-

[1]) Надо, впрочемъ, оговориться, что панегиристъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ точенъ. Поколѣнія, напротивъ, воспитывались, потому что Карамзинское пониманіе исторіи получило офиціальную санкцію и перешло въ учебники. Таковы были, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями противъ Карамзина, учебники Устрялова, дѣйствовавшіе очень долго, и подобные позднѣйшіе.

казалъ послѣдующій ходъ нашей исторіографіи. Трудъ Карамзина продолжалъ оказывать помощь богатствомъ новыхъ матеріаловъ (въ примѣчаніяхъ) и частной исторической критики, но съ каждымъ періодомъ литературнаго развитія его общественно-политическая точка зрѣнія все болѣе теряла вліяніе, и въ нашей прошлой исторіи все большій интересъ возбуждали именно тѣ народные элементы, которымъ онъ давалъ всего меньше мѣста. Нынѣшнее пониманіе даже древней русской исторіи очень мало похоже на теорію Карамзина...

Либеральное молодое поколѣніе тогда же увидѣло этотъ смыслъ «Исторіи» и, преклоняясь передъ талантомъ и ученостью автора, высказало свое несогласіе съ основной мыслью книги. Въ біографіи Карамзина, Погодина, приведены любопытные отрывки изъ мнѣнія объ «Исторіи», написаннаго Никитой Михайловичемъ Муравьевымъ, сыномъ покровителя Карамзина и однимъ изъ главныхъ руководителей тайнаго общества. Это мнѣніе молодого критика, насколько оно извѣстно по выпискамъ Погодина, даетъ образчикъ общественныхъ и историческихъ понятій кружка, которымъ нельзя отказать въ умѣ, какъ и замѣчаніямъ противъ Карамзина — въ справедливости. Авторъ ожидалъ, вѣроятно, что книга Карамзина вызоветъ критику и указаніе ошибокъ его системы, и спрашиваетъ, неужели это твореніе не возбудило различныхъ сужденій, вопросовъ, сомнѣній? «Горе странѣ, гдѣ всѣ согласны (т.-е., гдѣ нѣтъ самостоятельныхъ умовъ, которые не ограничились бы однимъ неразсуждающимъ восхваленіемъ). Можно ли ожидать тамъ успѣховъ просвѣщенія? Тамъ спятъ силы умственныя; тамъ не дорожатъ истиною, которая, подобно славѣ, пріобрѣтается усиліями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода сужденіямъ читателей!»

Карамзинъ въ предисловіи, объясняя пользу исторіи, говоритъ: «Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи... Должно знать, какъ исконн *мятежныя страсти* волновали гражданское общество и какими способами *благотворная власть ума обуздывала* ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное счастіе». Критикъ дѣлаетъ на это слѣдующія замѣчанія: «Исторія представляетъ намъ иногда, какъ благотворная власть обуздывала бурное стремленіе мятежныхъ страстей. Но согласимся, что сіи примѣры рѣдки. Обыкновенно страстямъ противятся другіе же страсти: борьба начинается, способности душевныя и умственныя съ обѣихъ сторонъ прі-

брѣтаютъ наибольшую силу. Наконецъ, противники утомляются, познаютъ общую выгоду, и примиреніе заключается благоразумною опытностію. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народовъ, къ коимъ принадлежатъ они сами, быть благоразумнѣе вѣка и удерживать стремленіе цѣлыхъ обществъ. Слабы соображенія наши противъ естественнаго хода вещей... Вообще отъ самыхъ первыхъ временъ одни и тѣ же явленія. Отъ времени до времени рождаются новыя понятія, новыя мысли, — онѣ долго маятся, созрѣваютъ, потомъ быстро распространяются и производятъ долговременныя волненія, за которыми слѣдуетъ новый порядокъ вещей, новая нравственная система. Какой умъ можетъ предвидѣть и объять эти волненія? Какая рука можетъ управлять ихъ ходомъ? Кто дерзнетъ въ высокомѣріи своемъ *насильствами* учреждать и самый порядокъ? Кто противустанетъ одинъ общему мнѣнію? Мудрый и добродѣтельный человѣкъ не прибѣгаетъ въ такихъ обстоятельствахъ ни къ ухищренію, ни къ силѣ. Слѣдуя общему движенію, благая душа его будетъ только направлять оное уроками умѣренности и справедливости. Насильственныя средства и беззаконны и гибельны, ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и то же».

Карамзинъ выражаетъ мысль, что исторія нужна и для простого гражданина, потому что миритъ его съ несовершенствами жизни, какъ съ обыкновеннымъ ея явленіемъ, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, показывая, что они были и прежде и еще болѣе ужасныя, и государство не разрушалось. Критикъ замѣчаетъ на это: «Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земного; но исторія должна ли погружать насъ въ *нравственный сонъ квіетизма?* Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противу заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствами, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, не пища чувствительности, не забавы праздности составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ»...

Критикъ замѣчаетъ далѣе, что и несовершенства бы-

ваютъ различны, что вѣкъ Фабриціевъ не былъ похожъ на вѣкъ Нерона или Геліогабала, и что многія несовершенства не были и обыкновенными явленіями жизни.

«Преступленія Тиверія, Калигулы, Каракаллы, опустошавшаго одинъ городъ послѣ другого, принадлежатъ ли къ обыкновеннымъ явленіямъ вѣковъ? Наконецъ, несовершенства великодушнаго, воинственнаго народа временъ Святослава и Владимира сходствуютъ ли съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи, когда цѣлый народъ могъ привыкнуть къ губительной мысли необходимости... [1]). Еще унизительнѣе для нравственности народной эпоха *возрожденія* нашего, рабская хитрость Іоанна Калиты, далѣе холодная жестокость Іоанна III, лицемѣріе Василія и ужасы Іоанна IV.

«Исторія можетъ ли также утѣшить насъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее?.. Государственныя бѣдствія могутъ имѣть послѣдствіемъ и разрушеніе самого государства. Въ 98 году Венеціане, читая въ лѣтописяхъ своихъ, какъ нѣкогда они противились Камбрейскому союзу, могли ли тѣмъ утѣшиться, теряя свою независимость и славу?

«Не всѣ согласятся, чтобъ междоусобія удѣльныхъ князей были маловажны для разума: ими подтверждается извѣстный стихъ Горація:

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi» [2]).

Далѣе критикъ приводитъ слова Карамзина объ удѣльныхъ междоусобіяхъ: «Толпы дѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома; немного разности, ежели забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы», — и возражаетъ на это: «Я нахожу нѣкоторую разность. Тамъ граждане сражались за власть, въ которой они участвовали; здѣсь слуги дрались по прихотямъ господъ своихъ. Мы не можемъ забыть, что *полутигры Греціи* наслаждались всѣми благами земли свободою и славой просвѣщенія».

---

[1]) За словомъ: „необходимости", въ текстѣ Погодина поставлена точка. Но здѣсь, очевидно, недостаетъ одного или нѣсколькихъ словъ; рѣчь идетъ о необходимости какихъ-нибудь учрежденій грубаго характера, какія возникали въ тѣ времена.

[2]) Эту же мысль критикъ указываетъ въ словѣ о полку Игоревѣ: „въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкомъ сократишася".

Наконецъ, критикъ не соглашается съ Карамзинымъ, что главное въ исторіи — красота повѣствованія, что знаніе правъ, ученость, остроуміе, глубокомысліе не замѣняютъ таланта изображать дѣйствіе. «Сомнѣваюсь, — говоритъ критикъ... Мнѣ кажется, что главное въ исторіи есть дѣльность оной. Смотрѣть на исторію единственно какъ на литературное произведеніе, есть уничижать оную. Мудрому историку мы простимъ недостатокъ искусства; краснорѣчиваго осудимъ, ежели не знаетъ основательно того, о чемъ повѣствуетъ».

«Осуждая холодность Юма, нашъ писатель весьма справедливо замѣчаетъ, что «любовь къ отечеству даетъ кисти историка жаръ, силу, прелесть! Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души». Согласенъ; но часто ли попадались Юму Алфреды, и можно ли любить притѣснителей и заклепы? Тацита одушевляло негодованіе» [1]).

Эти замѣчанія были примѣненіемъ тѣхъ мнѣній, какими руководились либералы и въ своихъ взглядахъ на настоящее. Замѣчанія, не вполнѣ отчетливо развитыя и выраженныя, во многомъ были справедливы; нравственный ихъ смыслъ есть стремленіе служить обществу и отвращеніе отъ того, что критикъ назвалъ квіетизмомъ и что дѣйствительно составляетъ одинъ изъ существенныхъ пороковъ въ карамзинской морали.

Безъ сомнѣнія, къ той же порѣ надо отнести историческія мнѣнія другого современника и члена тайнаго общества, М. А. Фонъ-Визина, въ разборѣ одной французской книги по русской исторіи 1835 г. [2]). Хотя и написанныя долго спустя, повидимому уже въ концѣ сороковыхъ годовъ, «Примѣчанія» Фонъ-Визина носятъ на себѣ печать стараго времени; онъ знакомъ былъ съ нѣкоторыми новыми изданіями историческихъ памятниковъ, но его историческіе взгляды видимо руководятся прежними понятіями. Онъ, напримѣръ, ставитъ въ достоинство французской книгѣ, что ея авторы, не питая къ Россіи никакого враждебнаго расположенія, обыкновенно отличающаго сочиненія иностранцевъ о нашемъ отечествѣ, напротивъ, относятся сочувственно къ древней Россіи, и между прочимъ замѣтили, что—«древнія *республики*:

[1]) „Н. М. Карамзинъ", Погодина, т. II, стр. 198—203.

[2]) „Примѣчанія къ книгѣ: Histoire de Russie par M. M. Enneaux et Chennechot. 2 vol. Paris, 1835" (Сборникъ В. И. Семевскаго, Богучарскаго и П. Е. Щеголева—„Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", Спб. 1905).

Новгородъ, Псковъ и Вятка, наслаждались *политическою свободою*, что въ другихъ областяхъ Россіи народъ стоялъ за права свои, когда угрожала имъ власть князей, что *общинныя* или *муниципальныя учрежденія* и *вольности* были въ древней Россіи во всей силѣ, когда еще западная Европа оставалась подъ игомъ феодализма». Затѣмъ онъ обращается къ Карамзину: «Наши историки, особенно Карамзинъ, скупы на этого рода подробности, говорятъ о нихъ слегка или вовсе пропускаютъ проявленія въ Россіи *политической свободы* и тѣ учрежденія, которыя ей благопріятствовали. Русскіе историки, напротивъ, вездѣ стараются выставлять превосходство самодержавія и восхваляютъ какую-то блаженную патріархальность, въ которой неограниченный монархъ, какъ нѣжный, чадолюбивый отецъ, и дышетъ только однимъ желаніемъ счастливить своихъ подданныхъ. — Но такъ ли это въ дѣйствительности? Вѣрно ли представляютъ историки жизни русскаго народа во времена, почитаемыя ими варварскими? Не былъ ли тогда народъ свободнѣе?»

Поставивъ эти вопросы, авторъ дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи краткое обозрѣніе проявленій политической жизни въ нашемъ отечествѣ. Его отвѣтъ на послѣдній вопросъ — утвердительный. Авторъ указываетъ (сославшись передъ тѣмъ на слова г-жи Сталь: c'est le despotisme qui est nouveau et la liberté qui est ancienne), что старая русская жизнь представляла именно болѣе свободы, которая приходитъ въ упадокъ только впослѣдствіи. «Безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ, что древняя Русь не знала ни рабства политическаго, ни рабства гражданскаго: то и другое привилось къ ней постепенно и насильственно, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ. Предки наши, славяне, были... народъ полудикій, но свободный, и въ общественномъ быту славянъ преобладала стихія демократическая — общинная».

Западныя славянскія племена не устояли противъ напора германцевъ и были ими покорены; восточная половина уцѣлѣла, но одна часть ея, Польша, подверглась германскому вліянію и усвоила аристократическое устройство, но другая часть, — «Русь осталась вѣрною коренной славянской стихіи: свободному общинному устройству, основанному на началахъ чисто демократическихъ».

Авторъ указываетъ затѣмъ примѣры этого общиннаго устройства и между прочимъ отмѣчаетъ, что вѣча бывали не только на югѣ, не только въ Новгородѣ, но и въ земляхъ

позднѣйшаго московскаго княжества, что въ самой Москвѣ общинные порядки хранились до Димитрія Донского и т. д. Московское княжество возвысилось въ эпоху татарскаго ига и въ силу татарскаго содѣйствія, какое умѣли пріобрѣсти московскіе князья. Съ установленіемъ единовластія, съ паденіемъ Новгорода и Пскова, пали и общинные порядки... «Но духъ свободы живучъ въ народахъ, которыхъ онъ когда-либо одушевлялъ. Не вовсе замеръ онъ и въ нашихъ предкахъ.— Съ XVI вѣка исторія указываетъ на частыя созыванія государственнаго собора или великой земской думы... Въ этой думѣ засѣдало въ разныя времена отъ 350 до 500 членовъ, съ которыми правительство совѣщалось о важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ»,—и авторъ перечисляетъ всѣ случаи созыванія земской думы до Петра Великаго. «Бытіе въ Россіи государственнаго собора или земской думы имѣетъ характеръ чисто европейскій: никогда ничего подобнаго не бывало у народовъ Азіи, оцѣпенѣлыхъ въ своей тысячелѣтней недвижимости. Это такая же институція, какъ государственные чины (états généraux), которые собирались во Франціи, или англійскіе парламенты... Если бы и въ Россіи земская дума собиралась чаще и въ извѣстные опредѣленные сроки, то кто знаетъ, можетъ быть и Россія, въ силу общаго закона человѣческой усовершаемости, съ правильной системой представительства, наслаждалась бы теперь законосвободными постановленіями, ограничивающими произволъ верховной власти?»

Эти старинныя учрежденія пали окончательно при Петрѣ Великомъ. Авторъ считаетъ это великой потерей, но понимаетъ, почему они не могли удержаться—они помѣшали бы Петровскимъ реформамъ. Авторъ цитируетъ отзывы Карамзина о Петрѣ Великомъ, изъ «Записки», но не раздѣляетъ вражды Карамзина къ Петровскимъ преобразованіямъ.

Авторъ продолжаетъ затѣмъ обзоръ новой русской исторіи и оканчиваетъ подобнымъ разсказомъ своихъ личныхъ воспоминаній о временахъ императора Александра I до послѣдней катастрофы и ея послѣдствій...

Мы хотѣли отмѣтить въ «Примѣчаніяхъ» Фонъ-Визина ихъ общую историческую точку зрѣнія. Ихъ основная мысль, способъ выраженія, самыя ссылки на г-жу Сталь и т. п. указываютъ несомнѣнно, что мы имѣемъ въ нихъ именно запоздалый отголосокъ двадцатыхъ годовъ, тѣ взгляды, какіе существовали въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи и которые далеко расходились съ исторической системой Карамзина.

Не трудно видѣть, что въ развитіи нашей исторіографіи эти взгляды молодого поколѣнія двадцатыхъ годовъ были (хотя и неяснымъ) предисловіемъ къ тѣмъ историческимъ теоріямъ, которыя стали выдвигать — въ дополненіе, въ исправленіе и частью, наконецъ, въ опроверженіе системы Карамзина — историческую роль народа и народныхъ учрежденій, какъ славянофилы выдвигали роль «земли» и общины, Костомаровъ — федеративное устройство древней Руси и т. д.

О томъ впечатлѣніи, какое произвела въ молодыхъ кружкахъ «Исторія», есть и другія свидѣтельства. Погодинъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что «молодой Пушкинъ... при всемъ своемъ благоговѣніи къ Карамзину, которое у него возрастало во всю жизнь, не могъ преодолѣть іскушенія сказать острое слово, и выразилъ общее настроеніе окружавшей его передовой молодежи въ двухъ эпиграммахъ, одна другой злѣе» [1]). Эти эпиграммы были слѣдующія:

Въ его Исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья.
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Или:

Послушайте меня, я сказку вамъ скажу
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое,
И, наконецъ, про Грознаго Царя.
— И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи намъ Илью-богатыря.

Погодинъ справедливо замѣчалъ, что эти эпиграммы имѣютъ для насъ историческое значеніе, какъ отголосокъ мнѣній, отъ которыхъ самъ Пушкинъ впослѣдствіи торжественно отказывался. Дѣйствительно, мнѣнія Пушкина впослѣдствіи чрезвычайно измѣнились сравнительно съ прежнимъ: Пушкинъ около 1820 года и въ концѣ двадцатыхъ годовъ, это были точно два различныхъ человѣка по свойству общественныхъ взглядовъ [2]).

---

[1]) „Н. М. Карамзинъ", т. II, стр. 204.

[2]) Впослѣдствіи Пушкинъ недружелюбно отзывался о либеральныхъ критикахъ Карамзина, напр., объ этой самой статьѣ Ник. Муравьева. „Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ, — говоритъ Пушкинъ, — письменно критиковали Карамзина. М. (Никита Муравьевъ), молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!" Да, только предисловіе, — потому что въ немъ очень достаточно вырази-

Карамзинъ относился къ «либералистамъ» съ крайнею нетерпимостью. Погодинъ разсказываетъ, что Никита Муравьевъ, изъ уваженія къ Карамзину, показалъ ему свою записку прежде всѣхъ. «Николай Михайловичъ *предоставилъ* ему сообщать ее кому пожелаетъ». Но какъ же онъ могъ бы не предоставить? Его отзывы о «либералистахъ»,—этихъ отзывовъ можно много собрать изъ его переписки,—вообще были самые недружелюбные. Онъ зналъ лично многихъ представителей либеральнаго кружка (напр., Муравьевыхъ, Н. И. Тургенева, Ѳ. Глинку и др.) и не могъ отказать многимъ изъ нихъ въ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ; они, съ своей стороны, не соглашаясь съ его взглядами, имѣли, повидимому, полное къ нему довѣріе и высказывали откровенно свой образъ мыслей. Не знаемъ, платилъ ли онъ имъ тѣмъ же довѣріемъ... Въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, когда онъ представилъ ему извѣстную записку о Польшѣ (1819), между прочимъ Карамзинъ сказалъ: Sire, je méprise les libéralistes du jour; je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'oter...[1]. Но оцѣнилъ ли онъ правильно мнѣнія либералистовъ?.. Въ нихъ могли быть увлеченія и крайности, отъ которыхъ едва ли когда избавится энтузіазмъ молодыхъ поколѣній и которыя были особенно понятны въ ту эпоху, когда либераловъ окружала такая путаница понятій въ общественной жизни и въ самомъ правительствѣ: достало ли у Карамзина «любви къ человѣчеству», чтобы отнестись спокойно къ молодому поколѣнію своего же общества; захотѣлъ ли онъ отдѣлить крайности отъ зерна ихъ мнѣній и судить о немъ съ тѣмъ безпристрастіемъ, какого требовало уваженіе не только къ чужому убѣжденію, но и къ самому предмету

лась тенденція Карамзина, а Муравьевъ только о ней и хотѣлъ говорить. Молодые якобинцы, — говоритъ Пушкинъ далѣе, — негодовали на исторіографа за его умѣренность; они забывали, что Карамзинъ (который, впрочемъ, былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи самодержавія, внѣ коего нѣтъ, или по крайней мѣрѣ долго, долго не будетъ, для нея безопасности) печаталъ Исторію свою въ Россіи (?); что государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умѣренности" и пр. Молодые „якобинцы" говорили о цѣломъ взглядѣ Карамзина, — и что же значатъ послѣдніе аргументы, указанные Пушкинымъ? Они могли дѣйствовать на стилистику, а не на самыя мнѣнія Карамзина. Критики съ ними и не соглашались, считая ихъ ошибочными и неполезными для общества.

[1]) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина, Спб., 1862, стр. 9.

спора,—потому что этимъ предметомъ было то же благо отечества, и въ любви къ отечеству они вовсе ему не уступали? Выше упомянуто, съ какимъ ревнивымъ національнымъ чувствомъ либералы отнеслись, напримѣръ, къ планамъ императора о Польшѣ: если *это* было тогда пробнымъ камнемъ національнаго пониманія и патріотизма, то въ этомъ они нисколько не расходились съ Карамзинымъ. Къ чему же могло относиться презрѣніе бывшаго республиканца? было ли въ его враждѣ къ либерализму истинное гражданское чувство или только обыкновенная нетерпимость консерватизма, непониманіе другихъ и озлобленіе самолюбиваго ума, раздражаемаго противорѣчіемъ?

Въ 1816 году, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія своей книги, всѣ его принимали съ великими любезностями. Но «нашелся одинъ человѣкъ,—пишетъ Карамзинъ,—старый знакомецъ (какъ предполагаютъ, Козодавлевъ), который принялъ меня весьма холодно и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, contraire aux idées libérales, то-есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара» [1]). Карамзинъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ знать различіе этихъ именъ, и примѣненіе ихъ всѣхъ къ русскому знакомцу, особенно къ русскому министру (если это былъ дѣйствительно Козодавлевъ), даетъ понятіе объ «умѣренности» Карамзина...

Карамзинъ ставилъ себя выше всѣхъ партій. «Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! — восклицаетъ онъ. — Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію?.. Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка, ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты, хотятъ новаго безпорядка (!), ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ... Либералисты! Чего вы хотите? Счастія людей? Но есть ли счастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? (!!). Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе» [2]).

Эта мнимая широта мысли, восхваляемая его біографами, есть скорѣе совершенный отказъ отъ нея—тотъ квіетизмъ, который вѣрно указывалъ Муравьевъ,—квіетизмъ, приходив-

[1]) Тамъ же, стр. 146.
[2]) Тамъ же, стр. 194.

шій къ безсодержательности общихъ мѣстъ, а въ практическихъ совѣтахъ служившій только «сервилизму»...

Переходимъ къ другимъ явленіямъ тогдашней литературы.

Тургеневъ разсказываетъ, что онъ задумывалъ издавать журналъ, который бы служилъ въ особенности для развитія политическихъ идей въ русскомъ обществѣ, слишкомъ мало знакомомъ съ подобными предметами [1]). Это была та же мысль, какую предлагалъ Михаилъ Орловъ въ Арзамасѣ; не знаемъ, была ли связь между планомъ Тургенева и тѣмъ, какой, вслѣдствіе предложенія Орлова, возникалъ въ Арзамасѣ. Идея такого журнала была очень здравая; очевидно, что развитіе этихъ понятій существенно важно для пробужденія въ обществѣ какого-нибудь пониманія своихъ внутреннихъ дѣлъ. Журналъ не состоялся, но Тургеневъ издалъ одинъ изъ своихъ трудовъ по этимъ предметамъ. Это былъ извѣстный «Опытъ теоріи налоговъ» (Спб. 1818; два изданія).

Книга Тургенева, въ которой мы должны видѣть, между прочимъ, примѣръ того, какъ представители перваго тайнаго общества думали дѣйствовать на общественное мнѣніе, любопытна и вообще, какъ свидѣтельство тогдашнихъ стремленій литературы. Это — серьезный трудъ, написанный съ большимъ знаніемъ предмета, съ знаніемъ европейской политической и политико-экономической литературы. Авторъ излагаетъ теорію налоговъ съ постоянными практическими указаніями изъ исторіи и современнаго порядка европейскихъ государствъ, такъ что изложеніе сложнаго предмета становилось доступнымъ для всякаго образованнаго читателя. Книга написана была авторомъ, когда онъ жилъ еще за границей, и этимъ онъ объясняетъ, почему въ ней мало говорилось о налогахъ, существующихъ въ Россіи; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста и въ примѣчаніяхъ авторъ дѣлалъ весьма существенныя указанія и о русскомъ порядкѣ налоговъ. Объясняя важность финансоваго вопроса для всего государственнаго бытія, онъ давалъ понять, какъ многаго недостаетъ финансовымъ учрежденіямъ Россіи, указывалъ низкую степень русской системы налоговъ сравнительно съ европей-

---

[1]) Россія и Русскіе", стр. 81 и сл. Объ одномъ собраніи у Тургенева по поводу этого журнала упоминаетъ и И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ. На собраніи былъ, между прочимъ, извѣстный профессоръ Куницынъ. См. объ этомъ предполагавшемся журналѣ въ письмѣ А. И. Тургенева къ Дмитріеву, Русскій Архивъ, 1867, стр. 647.

скими, говорилъ противъ подушной подати, указывалъ болѣе раціональную систему налоговъ, наконецъ, объяснялъ необходимость гласности (новаго понятія, для выраженія котораго, рядомъ съ этимъ словомъ, онъ еще употребляетъ слово «публицитетъ») и указывалъ вредъ крѣпостного права[1]). «Благоустроенное государство,—говорилъ онъ по поводу крѣпостного права,—не должно созидать своего благоденствія на *несправедливости*; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго народа». «Успѣхи Россіи, при такомъ духѣ народа и правительства, каковый существуетъ въ отечествѣ нашемъ, были бы еще *совершеннѣе*, естьли бы общей дѣятельности, общему стремленію къ образованности и къ благосостоянію не препятствовало *существованіе рабства*»[2]). «Роскошь дворянъ въ Россіи часто доказываетъ только то, что они имѣютъ крѣпостныхъ крестьянъ, коихъ силами и способностями, а равно и капиталами, они по своему произволенію располагать могутъ. И потому *роскошь въ Россіи болѣе печалитъ* внимательнаго наблюдателя, нежели въ иностранныхъ государствахъ». Авторъ замѣчаетъ, что когда приверженцамъ крѣпостного права говорятъ о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ или о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая часто въ своихъ дѣйствіяхъ противна религіи и нравственности, то они—«дѣлали восклицанія противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влещи за собою уничтоженіе религіи и законовъ. Пусть сіи люди заглянутъ въ исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія?»... Въ этихъ мысляхъ автора о русскихъ дѣлахъ, безъ сомнѣнія, было гораздо больше серьезности, чѣмъ въ меланхолическихъ стенаніяхъ Карамзина, и больше истиннаго гражданскаго чувства, чѣмъ въ его «презрѣніи» къ либералистамъ, которыхъ онъ не хотѣлъ понимать и противъ которыхъ возстановлялъ императора Александра въ интимныхъ бесѣдахъ.

---

[1]) „Опытъ теоріи налоговъ", стр. 134—137, 141—142, 269, 291, 309.

[2]) Въ нашемъ экземплярѣ „Опыта", принадлежавшемъ старой библіотекѣ для чтенія и испещренномъ замѣтками на поляхъ, неизвѣстный читатель отмѣтилъ противъ этого мѣста: „NB. И видно карбонара".

По поводу тогдашней литературы должно сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ тѣ годы въ нашемъ обществѣ обнаруживались вообще признаки умственной жизни, какой оно еще не знало раньше. Къ этому времени, столь богатому внѣшними возбужденіями, начали созрѣвать учрежденія, основаніе которымъ было положено въ началѣ царствованія. Новые университеты еще мало подвинули просвѣщеніе, но въ нихъ уже являются ученые новаго поколѣнія, довершавшіе свое образованіе за границей. На русскомъ языкѣ едва ли не въ первый разъ являются книги по общественнымъ наукамъ, писанныя болѣе или менѣе самостоятельно,—таковы были труды Куницына, К. И. Арсеньева; попытки усвоить русской литературѣ послѣдніе плоды нѣмецкой философіи, какъ, напр., сочиненія Велланскаго, Галича, Осиповскаго; рядомъ съ «Исторіей Государства Россійскаго» и вслѣдъ за нею подготовляются новые опыты исторической критики, и т. д.

Кромѣ университетовъ, въ ряду образовательныхъ учрежденій выдвигаются особенно два, которыя были характернымъ произведеніемъ Александровскаго времени и оба оставили свой слѣдъ въ движеніи умовъ. Одно изъ нихъ было Московское учебное заведеніе для Колонновожатыхъ, основанное Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ (1768—1840), отцомъ многочисленной семьи Муравьевыхъ, различнымъ образомъ достопамятныхъ въ нашей исторіи. Другое учрежденіе былъ Царскосельскій лицей, основанный въ 1811 г.

Знаменитое Училище для Колонновожатыхъ произошло изъ домашнихъ лекцій математики и военныхъ наукъ, начатыхъ Муравьевымъ-отцомъ для небольшого числа товарищей его сына (Михаила), тогда студента въ московскомъ университетѣ. Молодые люди для изученія этихъ наукъ собрались въ кружокъ, состоявшій большей частью изъ студентовъ и кандидатовъ университета, къ которымъ присоединились и нѣкоторые преподаватели; въ домѣ Муравьева основались правильныя публичныя и безплатныя лекціи для желающихъ заниматься этими предметами. Общество получило официальное утвержденіе (въ апрѣлѣ 1811), и правительство обратило на него вниманіе въ ожиданіи, что оно будетъ содѣйствовать къ образованію колонновожатыхъ, или офицеровъ по квартирмейстерской части. Двѣнадцатый годъ прервалъ занятія общества, и самъ Н. Н. Муравьевъ вступилъ снова (полковникомъ) въ военную службу. Въ 1815 году

онъ опять вышелъ въ отставку. Учебное заведеніе организовалось вновь и пользовалось правами казеннаго заведенія; воспитанники его принимались съ извѣстными чинами въ спеціальную службу, къ которой преимущественно готовились. Заведеніе существовало въ Москвѣ до 1823 года, когда разстройство здоровья и домашнихъ обстоятельствъ не позволило Муравьеву дѣлать больше пожертвованій на это учрежденіе. Оставшіеся воспитанники были переведены въ Петербургъ, гдѣ устроилось казенное училище для Колонновожатыхъ, существовавшее до 1826 года. Съ 1816 до 1823 г. въ московское заведеніе вступило въ общемъ 180 молодыхъ людей, большая часть которыхъ перешла потомъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части; можно даже сказать, что большая часть офицеровъ гвардейскаго штаба того времени были учениками Муравьева [1]). Здѣсь учились Никита Муравьевъ, Бурцовъ, кн. В. С. Голицынъ, Басаргинъ, Колошинъ, двое кн. Трубецкихъ, Мухановы и т. д.

Это замѣчательное учрежденіе, существовавшее частными средствами, было однимъ изъ лучшихъ выраженій того общественнаго духа, который пробуждается въ русскомъ обществѣ временъ императора Александра. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ давало имъ нравственное содержаніе, развивало въ нихъ сознательную и вмѣстѣ идеальную любовь къ отечеству и ревностное желаніе служить его благу. Характеръ времени увлекъ потомъ многихъ изъ нихъ въ тревожныя волненія тайныхъ обществъ...

Царскосельскій лицей началомъ своимъ также принадлежитъ первой половинѣ царствованія. Основанный съ цѣлью готовить молодыхъ людей къ высшимъ сферамъ гражданской службы, лицей окруженъ былъ всей матеріальной и воспитательной роскошью, какая была возможна въ то время. Директоромъ лицея, послѣ Малиновскаго, былъ извѣстный Е. А. Энгельгардтъ, прекрасный педагогъ и почтенный человѣкъ, честный и независимый. Въ числѣ профессоровъ извѣстно имя Куницына, которое съ любовью сохранялось въ воспоми-

[1]) Современникъ, 1852, V, стр. 1—26. См. также „Русскій Вѣстникъ“, С. Глинки, 1817, № 1: „Усердіе къ отечеству Н. Н. Муравьева“; Воспоминанія; Шёнига, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1880, III, стр. 294—297; Записки Басаргина, особое приложеніе—П. 1917, стр. 243—276. (Воспоминанія объ учебномъ заведеніи для колонновожатыхъ и объ учредителѣ его генералъ-маiорѣ Н. Н. Муравьевѣ).

наніяхъ первыхъ лицеистовъ. Въ лицейскую програму, кромѣ широкаго курса общаго образованія, внесены были общественныя и политическія науки, которыя въ изложеніи Куницына стали важнымъ образовательнымъ средствомъ. Въ воспитанникахъ возбуждались и поддерживались литературные интересы, которые съ самаго начала привились въ лицейскомъ кружкѣ. Исторія первыхъ годовъ лицея достаточно извѣстна; первый кружокъ питомцевъ лицея освѣщается личностью Пушкина, мальчика, потомъ юноши, который по выходѣ изъ лицея тотчасъ занимаетъ высокое мѣсто въ русской литературѣ. Вокругъ него сближаются всѣ поколѣнія литературы, отъ Державина, котораго онъ привелъ въ восторгъ, до юнаго поколѣнія, въ которомъ поэзія Пушкина господствовала безраздѣльно.

Лицейское воспитаніе началось подъ впечатлѣніями Двѣнадцатаго года; первый выпускъ воспитанниковъ оставилъ лицей въ тотъ періодъ, когда молодая часть общества, особенно аристократическо-военнаго, была полна идеальными гражданскими увлеченіями. Ближайшій лицейскій другъ Пушкина, И. И. Пущинъ, тотчасъ по выходѣ изъ лицея вступилъ въ первое тайное общество, основанное въ 1817 году. Самъ Пушкинъ не былъ его членомъ ни теперь, ни послѣ, но онъ подозрѣвалъ, потомъ положительно зналъ его существованіе, иногда самъ порывался вступить въ него,—но его не принимали, отчасти бережливо охраняя геніальнаго поэта отъ роковыхъ случайностей тайнаго общества, отчасти не довѣряя его подвижному, непостоянному характеру.

Пушкинъ велъ самую разсѣянную жизнь, бывалъ въ разнообразныхъ кругахъ, любилъ быть въ аристократіи, къ которой имѣлъ слабость причислять себя и въ которой хотѣлъ являться не поэтомъ, а «шестисотлѣтнимъ дворяниномъ», но много его симпатій было именно въ этомъ кружкѣ. Живя въ Петербургѣ, и потомъ въ ссылкѣ, въ южной Россіи, Пушкинъ сходился болѣе или менѣе близко со многими людьми, игравшими тогда или нѣсколько позже руководящую роль въ либеральномъ движеніи, а также въ тайномъ обществѣ. Таковы были его отношенія и встрѣчи съ А. А. Бестужевымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, П. И. Пестелемъ, М. Ѳ. Орловымъ, В. Ѳ. Раевскимъ; выше мы называли И. И. Пущина и П. Я. Чаадаева. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Выше было замѣчено, какъ въ обществѣ этого времени, среди увлеченій либерализмомъ и

столкновеній съ дѣйствительностью, развилась цѣлая легкая литература, не попадавшая въ печать,—литература, гдѣ недовольство и остроумная насмѣшка сдерживались тѣмъ меньше, чѣмъ больше цензура стѣсняла ихъ въ печати. Въ то время, какъ либералы тайнаго общества приходили къ убѣжденію въ испорченности различныхъ формъ русской жизни, въ необходимости для нея новыхъ идей и учрежденій, эта литература, безъ всякой связи съ тайнымъ обществомъ, дѣйствовала противъ тѣхъ же людей и вещей, которые, по мнѣнію общества, были виною застоя и бѣдствій русскаго народа, противъ смѣшныхъ и уродливыхъ явленій жизни. Остроуміе Пушкина было неистощимо въ эпиграммахъ, мелкихъ и крупныхъ стихотвореніяхъ, выражавшихъ это зарожденіе независимаго общественнаго мнѣнія. У насъ всего чаще оставляли этотъ разрядъ стихотвореній Пушкина какъ дѣло легкомыслія, отъ котораго впослѣдствіи онъ самъ «торжественно отказывался». Правда, нѣкоторыя изъ стихотвореній этой поры были только легкомысленны; зато во многихъ другихъ эпиграмма наводила и на серьезныя мысли, или легкомысленная форма оправдалась самой сущностью дѣла: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, надо было дѣйствовать противъ людей, противъ которыхъ безполезно, а кромѣ того и невозможно было бы спорить инымъ образомъ? Таковы были его эпиграммы на кн. А. Н. Голицына, Аракчеева, архимандрита Фотія и другія подобныя. Это было единственное возможное отмщеніе за нарушаемый здравый смыслъ. Стихотворенія Пушкина ходили по рукамъ, переписывались, читались наизусть. «Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ»,—говорятъ современники, и этому можно повѣрить, потому что и тридцать лѣтъ спустя эти стихотворенія еще ходили по рукамъ въ тетрадкахъ и усердно переписывались, когда потерялась уже и ихъ современность.

Тайное общество, которому впослѣдствіи приписывали и распространеніе возмутительныхъ стихотвореній, было здѣсь ни при чемъ, потому что Пушкинъ вовсе не принадлежалъ къ тайному обществу, стихотворенія его были его собственнымъ отзывомъ, котораго никто ему не внушалъ, кромѣ общаго настроенія образованныхъ людей. Такъ же независимо отъ чьихъ-либо внушеній началъ дѣйствовать другой поэтъ съ несравненно меньшимъ талантомъ, но гораздо болѣе увлекавшійся тѣмъ движеніемъ, которое захватывало и Пушкина и внушало ему свободолюбивыя стихо-

творенія. Это былъ Рылѣевъ. Задолго до того времени, какъ онъ вступилъ въ тайное общество, онъ уже не отличался отъ его членовъ по своему пламенному энтузіазму. Его имя вдругъ пріобрѣло извѣстность, когда появилось первое напечатанное его стихотвореніе «Къ Временщику» (подражаніе Персіевой сатирѣ «къ Рубеллію»), въ журналѣ «Невскій Зритель» (1820 г. ч. IV, окт.). Всѣ узнали во «Временщикѣ» Аракчеева. Одинъ современникъ такъ описываетъ впечатлѣніе этого смѣлаго литературнаго подвига: «Въ томъ положеніи, въ какомъ была... Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ... Этотъ приближенный вельможа... безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ... Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя... Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины... Нельзя представить изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему: но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо... глухой шопотъ одобреній былъ наградою юнаго, правдиваго поэта». Стихотвореніе дѣйствительно отличается чрезвычайной энергіей, въ которой сказывалось глубоко возбужденное чувство. Оно открывалось слѣдующими стихами:

„Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!

Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула — достойныхъ хвалъ вѣнецъ!"

Изъ приведенныхъ фактовъ можно отчасти видѣть характеръ политическихъ мнѣній Союза Благоденствія въ первую пору его существованія и можно также видѣть, что сущность ихъ создавалась самымъ временемъ, что они принадлежали не однимъ только членамъ Союза, но цѣлому слою общества. Главнымъ элементомъ ихъ было стремленіе къ политическому образованію общества, личная дѣятельность въ практической жизни, направленная къ различнымъ улучшеніямъ, сознательная мысль объ освобожденіи крестьянъ и т. п. Вопросъ о необходимости болѣе широкихъ государственныхъ реформъ былъ только затронутъ и повидимому оставался на чисто теоретической точкѣ зрѣнія.

Къ сожалѣнію, еще мало собрано свѣдѣній о томъ, что происходило въ средѣ самаго Союза. Одно время онъ быстро распространялся, число членовъ размножалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, обнаруживалась и трудность идти этимъ путемъ къ какой-нибудь положительной цѣли. За первымъ впечатлѣніемъ дружной солидарности людей разныхъ круговъ и однихъ мнѣній слѣдовало недоумѣніе о томъ, что предпринять для поставленной себѣ цѣли. Между членами начинаются жалобы, что Союзъ ничего не дѣлаетъ, по мнѣнію однихъ, слѣдовало дѣйствовать рѣшительно, другіе думали, что Союзъ и не можетъ больше ничего сдѣлать, кромѣ того, что уже дѣлалъ [1]). Раздѣленіе Общества на сѣверное и южное (въ Петербургѣ и въ южной арміи) еще болѣе разъединяло ихъ дѣйствія. Многіе изъ членовъ или совсѣмъ отставали отъ общества, или оказывались не вполнѣ надежными. Вслѣдствіе всего этого явилась, наконецъ, мысль о пересмотрѣ программы Союза, для чего депутаты отъ обоихъ отдѣловъ общества собрались въ Москвѣ въ началѣ 1821 года. Результатомъ ихъ совѣщаній было закрытіе Союза Благоденствія, въ февралѣ 1821 г.

---

[1]) Любопытныя и весьма похожія на правду подробности о тогдашнемъ состояніи Общества передаетъ Тургеневъ, „Россія и Русскіе", стр. 77—79, 124—129. Въ сущности, оно почти не имѣло никакой тайной дѣятельности, съ другой стороны молва чрезвычайно преувеличивала его важность.

ГЛАВА VIII.

Послѣдніе годы царствованія.

Въ началѣ 1821 года собрались въ Москвѣ депутаты отъ разныхъ отдѣловъ Союза Благоденствія, изъ Петербурга, изъ южной арміи, нѣсколько человѣкъ, жившихъ въ Москвѣ; послѣ нѣсколькихъ совѣщаній о неудовлетворительномъ ходѣ дѣлъ, они пришли къ рѣшенію закрыть союзъ[1]. Объ этомъ фактѣ есть различные отзывы: изъ самихъ участниковъ этого рѣшенія одни представляютъ его какъ дѣйствительное уничтоженіе Общества, такъ что Общество, образовавшееся послѣ того, считаютъ новымъ; другіе говорятъ, что закрытіе съ самаго начала считалось фиктивнымъ, что оно сдѣлано было только для удаленія охладѣвшихъ и ненадежныхъ, такъ что позднѣйшее Общество было только намѣренно-исправленнымъ продолженіемъ стараго. Какъ бы то ни было, закрытіе Союза было объявлено въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ, но ревностные члены прежняго Союза, тамъ и здѣсь, не думали отказываться отъ своей дѣятельности и, не закрывая Общества, стремились дать ему болѣе опредѣленную организацію, точнѣе опредѣлить его цѣли и дѣйствія и, между прочимъ, утвердить согласіе между Обществами сѣвернымъ и южнымъ, потому что между двумя главными отдѣлами уже не разъ обнаруживалось разногласіе.

Въ этомъ второмъ періодѣ своей дѣятельности тайное общество получаетъ новый характеръ. Не знаемъ, насколько стало тверже и опредѣленнѣе его внутреннее устройство, насколько выработались его начала, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ тонѣ его являются новыя черты, какихъ не было прежде или которыя, по крайней мѣрѣ, не были прежде столь замѣтны. Эту разницу можно, кажется, указать въ томъ, что интересы Союза отъ вопросовъ общественныхъ пе-

[1] На съѣздѣ присутствовали слѣдующія лица: Бурцовъ, Комаровъ, Михаилъ и Иванъ Фонъ-Визины, Н. И. Тургеневъ, Ѳ. Н. Глинка, М. Ѳ. Орловъ, полк. Граббе, И. Д. Якушкинъ, М. Н. Муравьевъ, Охотниковъ, Колошинъ.

реходятъ больше къ вопросамъ политическимъ и что въ настроеніи Союза является наклонность къ крайнимъ рѣшеніямъ. Члены Союза, повидимому, меньше начинаютъ думать объ исправленіи общественной жизни, о нравственно-политическомъ воспитаніи общества; ихъ главный интересъ сосредоточивается на вопросѣ о причинахъ общественныхъ неустройствъ и на тѣхъ политическихъ формахъ, введеніе которыхъ одно могло, по ихъ мнѣнію, произвести благотворную перемѣну въ русской жизни. Меньше разсчитывая на иниціативу общества, члены Союза начинаютъ думать о прямой политической дѣятельности, которая бы послужила къ улучшенію политическихъ отношеній.

Если это было такъ, можно было бы найти объясненіе этой перемѣны и во внутреннихъ условіяхъ тайнаго общества, и въ обстоятельствахъ времени. Люди либеральнаго образа мыслей, которые, не удовлетворяясь даннымъ состояніемъ русской жизни и горячо отрицая ея многообразные недостатки, поставили себѣ цѣлью возможное исправленіе этихъ недостатковъ, эти люди едва ли бы могли остановиться на первоначальной идеалистической точкѣ зрѣнія Союза. Они скоро должны были увидѣть, какія непреодолимыя препятствія лежатъ на ихъ пути, какихъ усилій должно требовать достиженіе цѣли, какія опасности грозятъ человѣку, который бы рѣшился заявить свою открытую вражду къ старому порядку, угнетавшему общественную жизнь. Какой могъ быть исходъ изъ этого положенія для членовъ Союза, или вообще для тѣхъ, кто увлекался тогда либеральными политическими идеями? У людей нерѣшительныхъ, безхарактерныхъ, себялюбивыхъ личная выгода брала верхъ надъ всякими идеальными увлеченіями и вскорѣ указала имъ другую дорогу—они очутились въ томъ самомъ лагерѣ, противъ котораго прежде хотѣли бороться, и, какъ всѣ ренегаты, стали злѣйшими врагами всякаго либерализма; въ литературѣ послѣдующаго царствованія дѣятелями полицейскаго консерватизма явились люди, которымъ нужно было замазать либеральное прошедшее. Далѣе, людямъ серьезнаго ума, знанія и убѣжденій оставалось потерять надежду на скорое осуществленіе своихъ идеаловъ, и если не впасть въ индифферентизмъ, то убѣдиться, что обширный переворотъ въ умахъ и учрежденіяхъ, обнимающій соціальную жизнь громаднаго народа и общества, можетъ быть достигнутъ лишь путемъ долгаго развитія и что для этого долженъ былъ служить медленный трудъ въ данныхъ

условіяхъ. Наконецъ, были энтузіасты или характеры рѣзкіе и нетерпимые: имъ оставалось перейти отъ увлеченій либеральныхъ къ радикальнымъ. Это послѣднее и случилось съ главными представителями Союза, и тѣмъ болѣе, что ихъ либеральные порывы не находили въ практической жизни никакого исхода. Невозможность дѣйствовать въ пользу своихъ идей, за отсутствіемъ открытой общественной жизни, невозможность даже высказаться, за отсутствіемъ сколько-нибудь свободной печати, съ самаго начала сгнетали этихъ людей въ тайное общество, и общая сумма недовольства производила въ характерахъ, наиболѣе возбужденныхъ, новую степень разлада съ дѣйствительностью и раздраженія.

Внѣшнія обстоятельства могли только усиливать это безнадежное и мрачное настроеніе. Наступали послѣдніе годы царствованія императора Александра,—печальные годы, въ которые должны были мало-по-малу разрушиться всѣ надежды, какія возникали и отъ начала царствованія, и отъ временъ національныхъ войнъ, и могли уцѣлѣть. Теперь уже едва ли кто ожидалъ широкихъ благотворныхъ реформъ, едва ли кто надѣялся на исправленіе государственнаго зданія. Очевидно становилось, что старые порядки возрождаются съ прежней силой, не опасаясь болѣе никакихъ либеральныхъ нововведеній. Императоръ Александръ не выдержалъ тѣхъ принциповъ, въ которые нѣкогда вѣрилъ. Мистическій піэтизмъ проложилъ въ его умѣ дорогу къ совершенной реакціи; онъ сталъ считать своимъ долгомъ поддерживать патріархальный абсолютизмъ и защищать отъ воображаемыхъ опасностей алтари и престолы. Всѣ дурныя стороны прошедшаго, олицетворившіяся въ Аракчеевѣ, поддерживали въ немъ извѣстный эгоизмъ власти, который долженъ былъ окончательно подавить прежнія лучшія намѣренія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тяготился правленіемъ, которое при всемъ могуществѣ власти было безсильно противъ безпорядка, злоупотребленій и произвола, своими размѣрами напоминавшихъ давнопрошедшія времена. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ самъ страдалъ отъ того противорѣчія, въ которое его все больше и больше увлекало безсиліе воли и недостатокъ вниманія къ дѣйствительному положенію вещей.

Европейскія событія, въ эпоху конгрессовъ, какъ извѣстно, имѣли весьма большую долю въ измѣненіи настроенія Александра. Реакціонная интрига успѣла подмѣнить его роль освободителя народовъ и защитника либеральныхъ учреж-

деній ролью ревностнаго дѣятеля самой нетерпимой и узкой реакціи. Вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса народы должны были разочароваться. Вмѣсто свободныхъ учрежденій реакція создала то «полицейское государство», которое, по словамъ одного нѣмецкаго писателя,—«не знаетъ гражданъ отечества, а только управляетъ тупыми массами, какъ домашними животными, которымъ отмѣривается въ хлѣву свѣтъ и воздухъ, кормъ и пойло, стойло и подстилка, движеніе и отдыхъ,—то полицейское государство, гдѣ гражданинъ совершаетъ преступленіе, когда серьезно помышляетъ объ общемъ благѣ, гдѣ всеобщая трусость какъ цѣпь обвивается кругомъ болѣзненнаго себялюбія, самоуничиженія и внутренняго разлада умовъ, которые явились, когда умы насильственно оторваны были отъ идеальной государственной жизни». Наступило глухое время, когда къ мертвенности большинства присоединился канцлерскій деспотизмъ и преслѣдованіе малѣйшихъ движеній общественнаго мнѣнія и политическихъ мечтаній молодыхъ поколѣній.

Эта форма «полицейскаго государства» надолго утвердилась въ Германіи и Австріи, и въ послѣдніе годы царствованія Александра ее старались примѣнить къ русскимъ нравамъ, употребляли ею изобрѣтенные пріемы и терминологію, которые остались цѣлы у насъ надолго. Какъ прежде говорили о якобинствѣ и иллюминатствѣ, такъ теперь говорили о заговорахъ и революціяхъ, подкапываніи алтарей и престоловъ, въ русскомъ обществѣ находили карбонаровъ и т. п. Всякая новая мысль объ общественныхъ предметахъ, каждый примѣръ нарождавшихся новыхъ потребностей неизмѣнно приписывались заговору и революціоннымъ внушеніямъ: извѣстно, что, ставши разъ на эту точку, можно разработывать ее безъ конца. Въ обществѣ эта наклонность явилась едва ли даже не раньше, чѣмъ въ самомъ правительствѣ.

Со времени Вѣнскаго конгресса Александръ окруженъ былъ внушеніями и нашептываніями особливо нѣмецкихъ реакціонеровъ. Въ европейскомъ политическомъ мірѣ задатки реакціи были уже давно очень сильны. Она была продолженіемъ и побѣдой тѣхъ старыхъ феодально-монархическихъ началъ, которыя вызвали въ прошломъ столѣтіи коалицію противъ революціонной Франціи. Теперь, въ то время какъ для народовъ война противъ Наполеона была борьбой противъ иноземнаго ига и за собственную внутреннюю свободу, которая имъ была обѣщана правительствами и стремле-

нія къ которой внушены были раньше частью самимъ французскимъ переворотомъ, нанесшимъ ударъ старому германскому устройству,—феодальная аристократія ждала только возстановленія этого стараго режима и всего меньше была расположена къ свободѣ народовъ. Эту вражду въ особенности питала Австрія. Въ Вѣнѣ свила гнѣздо аристократическая реакція, которая здѣсь обдумывала свои планы: Меттернихъ и его правая рука, Генцъ, выработали теорію реакціи и, между прочимъ, домъ русскаго посланника, графа А. К. Разумовскаго, былъ пріютомъ ея аристократическихъ партизановъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Европы. Въ русскомъ высшемъ обществѣ, воображавшемъ и за собой политическую роль и вліяніе на дѣла Европы, легко прививались мнѣнія австрійскихъ феодаловъ и французскихъ эмигрантовъ; люди стараго вѣка и безъ того думали, что война съ Наполеономъ есть только возстановленіе порядка вещей, существовавшаго до революціи. Такъ писалъ объ этомъ Шишковъ въ 1813 году, когда императоръ Александръ думалъ еще объ освобожденіи народовъ; австрійская дипломатія въ 1813 году уже заподазривала народное движеніе въ Пруссіи; старыя партіи внушали королю недовѣріе къ людямъ, произведшимъ это движеніе, какъ Шарнгорстъ, Блюхеръ, Гнейзенау, Штейнъ, предостерегали короля противъ тайныхъ обществъ и мнимыхъ заговоровъ, отклоняли отъ введенія представительныхъ учрежденій. Прусскій король легко поддавался этимъ вліяніямъ и предупреждалъ ихъ: онъ не сочувствовалъ представительству, не довѣрялъ народному движенію и готовъ былъ преслѣдовать тайныя общества. Памфлетъ или доносъ Шмальца на Тугендбундъ, разоблаченный Нибуромъ, Шлейермахеромъ и другими, тѣмъ не менѣе доставилъ автору по ордену отъ королей прусскаго и вюртембергскаго, и первый, кромѣ того, запретилъ дальнѣйшую полемику объ этомъ предметѣ. Отголоски движенія 1813 года въ самой Пруссіи стали считаться государственнымъ преступленіемъ. Извѣстно, съ другой стороны, каковы были мнѣнія императора Франца, который не могъ слышать слова «конституція», даже въ медицинскомъ значеніи этого слова. Это были, однако, тѣ люди, съ которыми императоръ Александръ связывалъ себя въ Священномъ Союзѣ, еще мечтая стоять «во главѣ движенія». Подобная обстановка не замедлила оказать свое дѣйствіе. Со времени Наполеоновскихъ войнъ европейская политика поглощала всѣ интересы Александра, и

въ тогдашней дипломатіи ему пришлось имѣть дѣло почти только съ представителями реакціи, которые, мало-по-малу, успѣли внушить ему свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Не будемъ пересказывать подробностей о тѣхъ путяхъ, какими дѣйствовала на Александра европейская реакція[1]; довольно сказать, что къ двадцатымъ годамъ онъ усвоилъ себѣ ея точку зрѣнія, и послѣдніе годы его правленія представляютъ странное повтореніе тѣхъ мѣръ, какія были тогда придуманы нѣмецкимъ «полицейскимъ государствомъ» противъ мнимыхъ заговоровъ и мнимаго революціоннаго духа. Такъ, со словъ Меттерниха, онъ видѣлъ въ исторіи семеновскаго полка революціонные признаки и дѣйствіе тайныхъ обществъ. Такъ въ 1822 году (1 августа) онъ издалъ указъ, запрещавшій масонскія ложи и всякія тайныя общества, прямо ссылаясь на «безпорядки и соблазны, возникшіе въ *другихъ* государствахъ», и на «умствованія, нынѣ существующія», отъ которыхъ «проистекаютъ столь печальныя въ *другихъ* краяхъ послѣдствія»[2]. Ближайшій разборъ дѣла могъ бы показать, что заключенія отъ другихъ государствъ не совсѣмъ примѣнимы къ русской жизни и что не было никакой опасности ни отъ семеновской исторіи, которая была частной и исключительной, ни отъ ложъ, ни отъ ланкастерскихъ школъ, ни отъ мирныхъ профессоровъ петербургскаго университета и т. д.; но дѣло казалось совершенно ясно. Это заблужденіе принесло большой вредъ: мѣры правительства давали основаніе думать, что дѣйствительно въ русскомъ обществѣ есть опасное волненіе, и оправдывали тѣхъ, кто вопіялъ о «разрушительныхъ ученіяхъ» и вызывалъ правительство на мѣры преслѣдованія. Эти мѣры пришлись какъ разъ на руку обскурантамъ и людямъ, которые старались ловить рыбу въ мутной водѣ и употребляли всѣ средства, чтобы напугать правительство опасностями, которыхъ еще не было, и воспользоваться его довѣріемъ. Вредъ этой политики простирался и далѣе: надо представить себѣ невѣжество огромной массы общества, которая и безъ того была недовѣрчива ко всякому образованію и въ лучшемъ случаѣ считала его роскошью, нужною и возможною для немногихъ,

---

[1]) См. объ этихъ временахъ, напр., „Исторію" Гервинуса, статью Соловьева „Эпоха конгрессовъ" (въ „Вѣстникѣ Европы"), повторенную въ его книгѣ объ имп. Александрѣ; статьи А. Д. Градовскаго о запискахъ Меттерниха, въ „Вѣстникѣ Европы", 1884 и др.

[2]) Указъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXXVIII, № 29151.

а для большинства скорѣе вредною, чѣмъ полезною. Теперь, эту массу увѣряли, съ авторитетомъ правительственнаго заявленія, что современное образованіе дѣйствительно чрезвычайно опасно, что оно ведетъ къ разрушительнымъ ученіямъ, и преслѣдованія только поддерживали старинную ненависть невѣжества ко всякому образованію, какъ вольнодумству и безбожію.

Такое чисто реакціонное направленіе правительственныхъ мѣръ начинается въ особенности съ двадцатыхъ годовъ и совпадаетъ съ господствомъ реакціонной политики Александра въ европейскихъ дѣлахъ. Семеновская исторія и закрытіе масонскихъ ложъ; министерство «народнаго просвѣщенія», управляемое, при кн. Голицынѣ, обскурантами и фанатиками самаго худшаго сорта, приверженцами секты Татариновой; преслѣдованіе университетовъ и постыдный судъ надъ петербургскими профессорами; закрытіе Библейскаго общества и преслѣдованіе недавно покровительствуемыхъ сектъ; цензурныя гоненія сначала, при Голицынѣ, потомъ при Шишковѣ, доходившія до потери здраваго смысла; возмутительное хозяйничанье Магницкаго въ казанскомъ университетѣ, уничтоженное только имп. Николаемъ: все это,—совершаемое притомъ отрывочно и непослѣдовательно даже въ реакціонномъ смыслѣ,—сводилось къ подавленію всякихъ попытокъ умственной жизни общества и къ господству самаго низменнаго обскурантизма и лицемѣрія. Вѣнцомъ мудрости во внутренней политикѣ было устройство знаменитыхъ военныхъ поселеній, отъ которыхъ самъ Аракчеевъ, въ совѣстливыя минуты, отрекался, приписывая ихъ идею самому императору... Рядомъ съ этимъ, во внѣшнихъ дѣлахъ наступила пора колебаній, наконецъ, открытой реакціи: Россія, ставшая союзницей новаго феодальнаго порабощенія, съ этой поры въ особенности теряетъ сочувствіе европейскаго общества, пріобрѣтенное 1812—1815 годами, и возбуждаетъ къ себѣ вражду, источникъ которой заключается не въ одномъ столкновеніи матеріальныхъ политическихъ интересовъ. Политическое могущество Россіи послѣ Вѣнскаго конгресса давало ей сильное вліяніе на дѣла Европы, и европейское общество не могло забыть, какъ Россія въ теченіе многихъ десятилѣтій пользовалась этимъ могуществомъ. Въ самой Россіи на всѣхъ мыслящихъ людей реакціонная русская политика въ дѣлахъ Европы производила самое тяжелое впечатлѣніе: русскія силы шли, въ угоду Меттерниху, на подавленіе чужой свободы; отношеніе Россіи къ

греческому вопросу было вопіющимъ противорѣчіемъ самымъ естественнымъ сочувствіямъ къ освобожденію единовѣрнаго греческаго народа изъ-подъ ненавистнаго ига.

Внутренній источникъ реакціи лежалъ и въ личномъ характерѣ Александра. Въ немъ самомъ издавна боролись два разныя настроенія—внушенный полу-сантиментальнымъ воспитаніемъ либерализмъ и совсѣмъ противоположные инстинкты, питаемые всей его обстановкой. Этими противорѣчіями былъ особенно исполненъ второй періодъ его либерализма, съ 1815 года. Онъ уже вскорѣ начинаетъ охладѣвать къ «законно-свободнымъ» учрежденіямъ и къ свободѣ народовъ. Польская конституція, только-что данная, показалась стѣснительной для авторитета власти. Въ греческомъ вопросѣ императоръ колебался между свободой Греціи и «законной властью» турецкаго султана, и наконецъ, наперекоръ сильнымъ симпатіямъ къ освобожденію Греціи въ самомъ русскомъ обществѣ, даже въ народѣ, отказался защищать грековъ, въ угоду европейской дипломатіи; въ конституціонныхъ вопросахъ Германіи онъ стоялъ уже въ 1819 г. на сторонѣ реакціи; онъ вмѣшивался въ дѣла Испаніи и Неаполя, и русскія войска должны были готовиться къ роли жандармовъ въ чужихъ государствахъ...

Когда императоръ открыто высказалъ это направленіе, оно, конечно, было поведено еще дальше исполнителями. Въ правительственной сферѣ было много людей прежнихъ царствованій,—людей, которымъ никогда не были понятны либеральныя увлеченія императора и которые теперь возрадовались возвращенію правительства на путь, по ихъ мнѣнію, истинный. Наступило время, когда дѣйствующими и вліятельными людьми являлись Магницкій, арх. Фотій и т. д. Понятно, что не они первые были виновниками начавшихся реакціонныхъ безобразій. Магницкій возможенъ былъ только потому, что почва для него была уже готова, что его поддерживали сами высшія правительственныя учрежденія,—какъ было ему не дѣйствовать, когда выслушивались даже такія предложенія, какъ предложеніе *разрушить* (буквально) казанскій университетъ, когда допускались разныя его мѣры безсмысленныя и отвратительныя. Что онъ вовсе не былъ исключительнымъ примѣромъ, что дѣйствія его и его клевретовъ разсчитаны были на общее настроеніе и невѣжество извѣстныхъ сферъ, это поразительно обнаруживается на извѣстномъ дѣлѣ петербургскаго университета: министерство «просвѣщенія»

само допускало и поощряло дѣйствія совершенно постыдныя. Очень рѣшительный протестъ Уварова не послужилъ ни къ чему. «Дѣло о профессорахъ» считалось серьезнымъ даже въ государственномъ совѣтѣ, и довольно просмотрѣть мнѣнія, которыя высказывались здѣсь по этому дѣлу[1]), чтобы видѣть, на какую жалкую роль осуждалась господствовавшими взглядами всякая наука: изъ людей, разсуждавшихъ о дѣлѣ, не нашлось ни одного, который бы понялъ его какъ слѣдуетъ, сказалъ разумное и твердое слово въ защиту науки и осудилъ нелѣпое преслѣдованіе. Въ государственномъ совѣтѣ замѣтили только, что кн. Голицынъ слишкомъ безцеремонно требовалъ наградъ для своихъ инквизиторовъ, да Шишковъ указывалъ, что виновность профессоровъ облегчается тѣмъ, что само правительство поощряло прежде такое вольнодумство, но самаго преступленія (!) профессоровъ никто не отвергалъ...

Таковъ былъ господствующій тонъ, въ которомъ сходились люди высшаго правительственнаго круга къ концу правленія Александра: немногіе въ этомъ кругу, уцѣлѣвшіе отъ либеральныхъ временъ и питавшіе нѣкогда надежды на улучшеніе порядка вещей, или давно отказались отъ нихъ и равнодушно смотрѣли на то, что вокругъ нихъ дѣлалось, или молчали изъ боязни, или были безсильны; оставался полный просторъ для людей, ненавидѣвшихъ всякое вольнодумство и выше всего ставившихъ старые порядки. Владычество Аракчеева было безраздѣльно[2]).

---

[1]) См. эти мнѣнія въ Запискахъ Шишкова (Р. Арх. 1865, стр. 1353); въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.", 1862, кн. 3, стр. 179—205; въ книгѣ Сухомлинова „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I" („Изслѣдованія и статьи", Спб. 1889).

[2]) Это было классическое время доносовъ. И въ прежнее время бывали доносы на Сперанскаго и Карамзина; теперь Магницкій доносилъ на все окружающее, наконецъ, даже на великаго князя Николая Павловича; арх. Фотій доносилъ на епископа Филарета (впослѣдствіи митрополита московскаго), и т. д. Въ началѣ слѣдующаго царствованія, въ февралѣ 1826, былъ сдѣланъ доносъ разомъ на Н. С. Мордвинова, А. А. Закревскаго, П. Д. Киселева, кн. А. Н. Голицына, А. П. Ермолова, Балашова („Р. Стар." 1881, т. XXX, стр. 187—190).

Любопытно, что по разсказамъ людей, близко знавшихъ Магницкаго, этотъ ревнитель вѣры и нравственности въ духѣ Священнаго Союза — былъ тѣмъ не менѣе атеистъ. Ср. Бѣлова, ст. объ имп. Александрѣ I, „Древн. и Нов. Россія", 1877, III, стр. 218. Такъ, впрочемъ, и надо было ожидать по свойствамъ проповѣдуемой имъ вѣры и нравственности.

Подобное положеніе вещей естественно должно было производить раздражающее впечатлѣніе. Союзъ Благоденствія, послѣ закрытіе возстановившійся въ Петербургѣ и на югѣ, сталъ распространяться вновь, и въ немъ уже оставили свой слѣдъ и прежніе опыты, и новыя впечатлѣнія. Семеновская исторія, гдѣ тайное общество было ни при чемъ, хотя въ семеновскомъ полку многіе офицеры были его членами, произвела вообще тяжелое впечатлѣніе. Запрещеніе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ заставило членовъ Союза быть осторожнѣе, тѣмъ больше, что изъ разныхъ источниковъ они узнавали, что императору извѣстно существованіе Союза, что онъ называлъ имена многихъ его членовъ. Въ 1822 году гвардія выступила изъ Петербурга подъ предлогомъ предполагавшейся войны, но въ самомъ дѣлѣ, какъ разсказываютъ современники, потому что опасались пребыванія гвардіи въ Петербургѣ. Походъ имѣлъ совершенно другое дѣйствіе, чѣмъ ожидали. Болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, менѣе подвергаясь надзору, офицеры больше сближались между собой, и въ тайное общество вступило много новыхъ членовъ. Размножалось также и южное общество, главный пунктъ котораго былъ въ Тульчинѣ. Реакціонныя мѣры, господство обскурантовъ, свирѣпое управленіе Аракчеева умножали число недовольныхъ и усиливали мѣру самаго недовольства. Прежнія надежды на улучшеніе вещей самимъ правительствомъ больше и больше терялись, и въ тайномъ обществѣ возникла мысль о необходимости измѣненія порядка вещей...

Общество и въ эту пору не имѣло строго опредѣленной цѣли, и вниманіе его развлекалось различными планами, которые, впрочемъ, оставались въ области предположеній и разговоровъ; но общія понятія начинаютъ принимать болѣе отчетливое направленіе. Тотъ вопросъ о необходимости и средствахъ «ограничить произволъ нашего правленія», который нѣкогда ставился самимъ императоромъ Александромъ и его первыми совѣтниками, возвращался теперь въ тайномъ обществѣ: и тогда, и теперь считали невозможнымъ измѣнить положеніе вещей какимъ-нибудь исправленіемъ частныхъ недостатковъ, и улучшеніе казалось возможно только при перемѣнѣ системы.

Такія мысли являются въ тайномъ обществѣ при первомъ его основаніи, но тогда реформа еще ожидалась отъ

самого правительства, и либералы думали не столько о преобразованіи учрежденій, сколько о предварительныхъ общественныхъ вопросахъ, о распространеніи политическихъ знаній, объ улучшеніи общественныхъ нравовъ, о приготовленіи самого общества къ иному порядку вещей, и т. п. Теперь они убѣждались, что ихъ теоретическія усилія и ихъ болѣе филантропическія стремленія исчезаютъ передъ обширностью зла, которому они хотѣли противодѣйствовать; они должны были разочароваться въ ожидаемой реформѣ, и ихъ вниманіе съ особенной силой обратилось къ общему политическому вопросу.

По «Донесенію Слѣдственной Комиссіи» планы Общества представляются въ слѣдующемъ видѣ. Со словъ Пестеля и другихъ упоминается, что въ основателяхъ тайныхъ обществъ съ самаго начала «обнаруживались мысли конституціонныя, но *весьма неопредѣленныя* и болѣе склонныя къ *монархическимъ* установленіямъ».

Далѣе, «Донесеніе» говоритъ, что одинъ изъ членовъ общества, Новиковъ (племянникъ извѣстнаго Н. И. Новикова), составилъ проектъ конституціи, гдѣ въ первый разъ была подана мысль о республиканскомъ правленіи.

Въ началѣ 1820-го года происходило въ Петербургѣ собраніе думы Союза Благоденствія, гдѣ шли разсужденія о правленіи монархическомъ и республиканскомъ. Пестель вычислялъ выгоды того и другого, и всѣ члены (кромѣ Ѳ. Н. Глинки) высказались въ пользу «республиканскаго» правленія; но, по словамъ того же «Донесенія», члены Общества и теперь все-таки говорили, что «если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе законы, то они будутъ его *вѣрными приверженниками и оберегателями»*. По другимъ показаніямъ, приведеннымъ тамъ же, это вовсе не было настоящее «собраніе думы» или какое-нибудь правильное совѣщаніе, а обыкновенная бесѣда о разныхъ политическихъ предметахъ; большая часть присутствовавшихъ не были даже готовы къ этого рода разсужденіямъ, и нѣкоторые просто отказались давать свое мнѣніе.

«Донесеніе» упоминаетъ слѣдующіе проекты конституцій. Одинъ былъ написанъ Никитою Муравьевымъ, который «предполагалъ монархію, но оставлялъ императору власть ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области». Затѣмъ, «другая кон-

ституція съ именемъ Русской Правды и совершенно въ духѣ республиканскомъ» была сочиненіемъ Пестеля, и въ ней указывается «Донесеніемъ» «едва вѣроятное и смѣшное невѣжество». Кромѣ того, были найдены еще два проекта: одинъ, неполный, въ бумагахъ кн. Трубецкого, былъ «не что иное какъ списокъ конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами»; другой, подъ именемъ «Государственнаго Завѣта», найденный у Сергѣя Муравьева-Апостола, былъ сокращеніемъ проекта Пестеля.

Такимъ образомъ, двумя главными выраженіями конституціонныхъ идей тайнаго общества остаются проекты Никиты Муравьева и Пестеля. Обвиненіе говоритъ, что руководители тайныхъ обществъ «уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи». Но по отзывамъ самихъ членовъ Общества, ихъ проекты не имѣли подобнаго значенія и разсужденія о разныхъ формахъ правленія вовсе не были совѣщаніемъ предводителей Общества о какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ дѣйствій, а были (какъ видно изъ самаго «Донесенія») простымъ разговоромъ, безъ всякой практической цѣли и безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, изъ обвиненія не видно, чтобы эти совѣщанія влекли за собой какое-нибудь обязательство для членовъ Общества: они продолжали оставаться при своихъ мнѣніяхъ, потому что и бесѣда не имѣла иной цѣли, кромѣ желанія выяснить теоретическія понятія. Что не имѣли другой цѣли и проекты конституцій, ясно изъ того, что если не считать упомянутыхъ конституцій Новикова, кн. Трубецкого и Сергѣя Муравьева-Апостола, тайное общество имѣло два разряда «законовъ», весьма несходныхъ, потому что конституція Ник. Муравьева была все-таки монархическая, а «Русская Правда» Пестеля, по словамъ «Донесенія», была совершенно республиканская. Остается принять, что ни та, ни другая не имѣли никакой обязательности для членовъ Общества, оставались частнымъ предположеніемъ.

Отзывы самихъ членовъ Общества говорятъ это положительно, и прежде всего отзывъ Никиты Муравьева. Въ запискѣ, составленной имъ впослѣдствіи по поводу сужденій о тайномъ обществѣ, онъ прямо утверждаетъ, что упомянутые въ «Донесеніи» проекты—«суть *опыты* конституціоннаго законодательства, предпринятые *для возбужденія изысканій* по сей отрасли нравственныхъ наукъ». Дѣйствительно, въ «Донесеніи» такихъ опытовъ насчитано не менѣе пяти. По словамъ Якушкина, проектъ Никиты Муравьева составлялся въ 1822 г., и

это былъ «вкратцѣ снимокъ съ англійской конституціи», во всякомъ случаѣ съ монархическимъ характеромъ. Что касается замѣчанія, сдѣланнаго въ «Донесеніи», что этотъ проектъ дѣлилъ Россію на независимыя области, соединенныя союзомъ, то Муравьевъ въ упомянутой запискѣ возражаетъ противъ неточности этого указанія. Онъ вовсе не предполагалъ никакой политической независимости областей, которая противорѣчила бы и монархическому принципу, утверждаемому въ его проектѣ; областныя собранія, въ немъ предположенныя, не облечены правительственною властью. «Областныя собранія среди совокупленныхъ губерній, — говоритъ Муравьевъ,—вѣдая только распоряженіями и расправами *мѣстными*, содѣйствовали единству управленія державнаго (эти собранія были, повидимому, въ томъ же родѣ, какъ новосильцовскіе сеймы намѣстничествъ). Эта конституція не только не стѣсняла исполнительной власти (т.-е. власти императорской), но давала ей свободу дѣйствія, необходимую для общей пользы; поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ, признавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства. Отдѣляя лишнія вѣтви управленія, она избавляла только исполнительную власть отъ посредничества между частными лицами, предоставленнаго самостоятельной судебной власти. Такимъ образомъ прекратилось бы смѣшеніе властей, столь гибельное въ общественномъ устройствѣ Россіи». Такъ говоритъ самъ, составитель проекта. Это подтверждалъ другой современникъ, Свистуновъ, опровергая слова автора «Записокъ Декабриста», который повторяетъ приведенное выше указаніе, будто бы конституція Муравьева была составлена «по образцу сѣвероамериканской, при формѣ монархической». Свистуновъ замѣчалъ, что такое сравненіе даетъ очень ложное понятіе о проектѣ Муравьева. «Кромѣ принятой монархической формы правленія, — говоритъ онъ, — проектъ этотъ въ самомъ основаніи своемъ расходился съ американской конституціею въ томъ, что въ немъ проглядываетъ аристократическій принципъ ценза. Пользованіе политическими правами обусловливалось имущественнымъ цензомъ, довольно значительнымъ для избираемыхъ въ должности. Ему же подчинялись самые избиратели, хотя въ меньшемъ размѣрѣ. Относительно единства государства была статья, свидѣтельствующая о его неприкосновенности. Въ силу этой статьи, изученіе русской грамоты ставилось непремѣннымъ условіемъ для полученія правъ,

предоставленныхъ гражданину». Проектъ не установлялъ никакихъ независимыхъ областей, а хотѣлъ только нѣкоторой децентрализаціи, большаго развитія мѣстнаго самоуправленія, безъ всякаго разъединенія въ политическомъ отношеніи[1])... Изъ этихъ объясненій видно, что здѣсь опять повторялись общія конституціонныя темы, какія мы видѣли еще въ планахъ Сперанскаго и Новосильцова.

«Русская правда» Пестеля въ свое время, повидимому, была больше извѣстна между членами Общества и представляла больше оригинальности и смѣлости. Основная мысль ея, если дѣйствительно Пестель хотѣлъ республики, была, конечно, фантастическая; но нельзя опять думать, чтобы онъ считалъ свои предположенія немедленно примѣнимыми. По словамъ Якушкина, «онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть въ «Русской Правдѣ» будущую конституцію Россіи. Своимъ сочиненіемъ онъ только приготовлялся, какъ онъ самъ говорилъ, правильно дѣйствовать въ земской думѣ и знать, когда придется что о чемъ говорить»[2]). Что онъ дѣйствительно не придавалъ иного значенія своему проекту и, какъ Муравьевъ, видѣлъ въ немъ только опытъ въ политическихъ наукахъ, можно видѣть изъ того, что онъ читалъ его не только членамъ общества, какъ, напр., Якушкину и другимъ, но и людямъ постороннимъ, настолько образованнымъ, чтобы имѣть серьезный интересъ къ подобнымъ предметамъ; такъ, говорятъ, онъ читалъ «Русскую Правду» извѣстному П. Д. Киселеву, который впослѣдствіи былъ министромъ государственныхъ имуществъ, а въ то время былъ его начальникомъ во 2-й арміи[3]). Въ обвиненіи проектъ Пестеля вызывалъ самые суровые и презрительные отзывы. Говорили, между прочимъ (какъ повторяетъ и авторъ «Записокъ Декабриста»), что Пестель и его товарищи условились съ польскимъ тайнымъ обществомъ отдать Польшѣ нѣкоторыя возвращенныя отъ нея области и что вслѣдствіе того, Пестель

[1]) Р. Архивъ, 1870, стр. 1639—1640.

[2]) Записки, стр. 43.

[3]) Объ этомъ упоминаетъ Якушкинъ. Въ запискахъ Фонъ-Визина также говорится: „Пестель... читалъ „Русскую Правду" не только въ собраніяхъ единомышленниковъ своихъ, но даже на вечерахъ у начальника штаба 2-й арміи генерала Киселева, любимца Александра и искренно преданнаго ему. Стало-быть, въ этомъ проектѣ, какъ въ умозрительномъ опытѣ, не было ничего преступнаго" (стр. 190). Ср. объ отношеніяхъ Киселева къ Пестелю въ книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго: „Гр. П. Д. Киселевъ и его время". Спб. 1882, т. I, стр. 89 и слѣд.

составилъ карту съ обозначеніемъ новыхъ границъ; или, что Пестель и его товарищи признали необходимымъ дать независимость Польшѣ, отдѣльно отъ Литвы и Подоліи, и эти области съ Финляндіей и Прибалтійскимъ краемъ соединить общимъ союзомъ, опять «по образцу Сѣверо-Американской республики». Но люди, которые близко знакомы были съ этими планами, рѣшительно отвергаютъ, чтобы у Пестеля была какая-нибудь мысль о подобномъ раздробленіи. Никита Муравьевъ, въ своей запискѣ, ссылается въ этомъ на «Донесеніе» Варшавскаго Слѣдственнаго Комитета, который утверждаетъ, что члены русскаго и польскаго обществъ ни въ чемъ не могли согласиться и что между ними не было и разсужденія о присоединенныхъ къ Россіи областяхъ. По свидѣтельству Свистунова, Пестель на вопросъ, не обязана ли будетъ свободная Россія возвратить Польшѣ независимость, отвѣчалъ, что Польша должна принадлежать Россіи по праву государственнаго самосохраненія. Свистуновъ, который зналъ лично Пестеля въ 1824 году и слышалъ отъ него главныя основанія «Русской Правды» и предполагавшагося имъ устройства политическихъ и административныхъ учрежденій, говоритъ, что въ ней не было и помину о федеральномъ правленіи «по образцу Сѣверо-Американской республики», и притомъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ предоставлялась такая обширная власть, при которой было невозможно существованіе отдѣльныхъ политическихъ центровъ. Эти указанія о «федеративномъ устройствѣ» произошли, повидимому, изъ того, что Пестель, какъ Муравьевъ, считалъ полезнымъ введеніе болѣе крупныхъ *административныхъ* единицъ и въ нихъ большей степени мѣстнаго самоуправленія. Члены тайнаго общества отвергаютъ вообще приписываемую ему мысль подобнаго раздробленія, и мы приводили выше, на примѣрѣ Якушкина, съ какой силой ревнивое чувство единства обнаружилось въ членахъ Союза при слухѣ, что имп. Александръ хотѣлъ отдѣлить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ провинцій.

Но важнѣйшая сторона проекта Пестеля заключалась, кажется, въ другихъ его предположеніяхъ, именно, въ его мысляхъ о внутреннемъ устройствѣ, политическомъ и экономическомъ. Н. И. Тургеневъ говоритъ объ этихъ мнѣніяхъ Пестеля, какъ о «соціалистическихъ теоріяхъ», за которыми онъ признаетъ прекрасныя намѣренія и благородный энтузіазмъ, но которыя считаетъ мечтами, хотя соглашается, что онѣ могутъ служить съ пользой человѣчеству, обращая вни-

маніе серьезныхъ умовъ на предметы, которыхъ важность безъ этого они могли бы недостаточно оцѣнить. «Однимъ изъ основныхъ положеній въ теоріи Пестеля и его друзей было—сдѣлать поземельную собственность какъ бы общей для всѣхъ, опредѣляя ея обработку распоряженіями высшей власти. По крайней мѣрѣ они предполагали предоставить пользованіе обширными казенными землями тѣмъ, у кого не было никакой недвижимой собственности. То, что законъ королевы Елизаветы обѣщалъ каждому англичанину—право получать пропитаніе отъ налога для бѣдныхъ, за отсутствіемъ иныхъ средствъ существованія—они хотѣли обезпечить, давая каждому владѣніе или, вѣрнѣе, пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли, чтобы помочь его нуждамъ» [1].

Сколько можно судить вообще о взглядахъ и желаніяхъ тайнаго общества, оно воспринимало тѣ конституціонныя идеи, которыя еще и въ тѣ времена занимали само правительство, но развивало ихъ дальше. Не довольствуясь внѣшней формой учрежденій (которую весьма сходно представляли различные проекты), оно не забывало существеннаго предмета, о которомъ не хотѣла думать масса общества и отъ котораго боязливо уклонялось правительство, и обратило вниманіе на крестьянскій вопросъ. При началѣ тайнаго общества онъ былъ не вполнѣ ясенъ для его членовъ: первый уставъ Союза Благоденствія еще не говорилъ о немъ; попытки членовъ Общества освобождать крестьянъ были неудачны. Но въ тайномъ обществѣ уже скоро явились люди, которые выставили всю важность вопроса, и придавали ему столь великое значеніе, что безъ его рѣшенія считали ненужной, даже вредной самую политическую реформу, т.-е. введеніе представительныхъ учрежденій для однихъ привилегированныхъ классовъ. Такъ именно думалъ Н. И. Тургеневъ. Позднѣе, мысль объ освобожденіи крестьянъ стала однимъ изъ главныхъ положеній Союза, и въ проектахъ Пестеля вопросъ о надѣлѣ землей былъ доведенъ до такой широты, которая представлялась Тургеневу соціалистической. Каковы бы ни были частности этихъ предположеній, остается характерный фактъ, что политическія мысли тогдашнихъ людей приняли направленіе, свидѣтельствовавшее, что увлеченіе внѣшностью политическихъ формъ стало смѣняться болѣе серьезнымъ вниманіемъ къ самымъ кореннымъ вопросамъ государственной жизни: здѣсь

---

[1] „Россія и Русскіе", стр. 130.

положено было первое начало политическому сознанію общества, положено его собственными силами. Наконецъ, члены Общества не хотѣли предрѣшать вопроса объ учрежденіяхъ: по ихъ понятіямъ, рѣшеніе его принадлежало земской думѣ [1]).

Кромѣ введенія представительства и освобожденія крестьянъ, они желали другихъ соотвѣтственныхъ мѣръ—новаго уложенія, исправленія судопроизводства, преобразованія арміи (напр., сокращенія срока службы, улучшенія нравственнаго и матеріальнаго быта солдатъ), уничтоженія военныхъ поселеній, свободы торговли и промышленности, во внѣшней политикѣ—оказанія помощи возставшей Греціи и т. д.

Послѣ своего закрытія въ 1821 г., Союзъ Благоденствія, какъ выше сказано, былъ возстановленъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, для него составленъ былъ новый уставъ, въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой предлагались тѣ же образовательно-филантропическія цѣли, какъ въ прежней «Зеленой Книгѣ», а во второй, назначавшейся для членовъ высшаго разряда, излагались настоящія цѣли новаго Союза, именно конституціонныя. Судя вообще по мнѣніямъ членовъ Общества, высказаннымъ ими тогда и впослѣдствіи, взгляды измѣнились въ томъ смыслѣ, какъ упомянуто выше,—предположенія о будущемъ порядкѣ вещей, желаемомъ ими для Россіи, стали болѣе опредѣленны; вмѣстѣ съ тѣмъ, члены Общества перестали ждать преобразованія отъ правительства и обдумывали обстоятельства, въ которыхъ имъ возможно было бы заявить свои политическія стремленія и дать имъ практическій вѣсъ, хотя для этого послѣдняго они не могли бы найти ни возможности, ни средствъ.

Возстановленный Союзъ, какъ прежде, дѣлился на два главные отдѣла, Общества сѣверное и южное, которыя были не однимъ мѣстнымъ дѣленіемъ, но отчасти разнились и по характеру, главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ людей, которые стояли во главѣ отдѣловъ. Въ сѣверномъ обществѣ руководящую роль занималъ въ особенности Никита Муравьевъ (вліятельными людьми были также кн. Оболенскій,

[1]) Въ параллель къ этому можно указать, какъ мысль о земской думѣ уже издавна представлялась нѣкоторымъ членамъ общества. Якушкинъ разсказываетъ, какъ онъ, подъ впечатлѣніемъ бѣдственнаго положенія крестьянъ и произвола начальствъ, возъимѣлъ мысль составить адресъ къ императору Александру и просить о созваніи земской думы (Записки, стр. 40).

кн. Трубецкой и подъ конецъ Рылѣевъ), въ южномъ—Пестель. Первый отличался гораздо болѣе умѣреннымъ взглядомъ на вещи, чѣмъ послѣдній; у Муравьева больше было желанія дѣйствовать медленно для политическаго воспитанія общества, приготовлять умы къ новымъ учрежденіямъ, которыя рано или поздно должны были основаться; Пестель, напротивъ, полагалъ, что нужно было болѣе энергическое вмѣшательство въ событія. Въ южномъ обществѣ, поэтому, было гораздо больше волненія и экзальтаціи, больше фантастическихъ плановъ или, вѣрнѣе, горячихъ, а частью необузданныхъ разговоровъ, потому что, какъ показали послѣдствія, и въ южномъ обществѣ, какъ въ сѣверномъ, не было, собственно, никакого принятаго плана. События захватили ихъ въ такую минуту, когда ни въ томъ, ни въ другомъ Обществѣ не пришли къ какому-нибудь обдуманному рѣшенію и плану дѣйствій. Существенную черту этого послѣдняго времени составляла политическая экзальтація, которая достигла теперь своего высшаго развитія. Разъ допущенная нѣсколько свобода мнѣній распространялась въ общественной жизни, и событія, внѣшнія и внутреннія, возбуждали ее все больше. Свобода была, конечно, воображаемая, чисто случайная; но люди обманывались ея призраками и давали просторъ своей фантазіи, ожидали и надѣялись того, что, безъ сомнѣнія, имъ самимъ показалось бы невозможнымъ безъ этой обманчивой атмосферы. Правда, либералы сознавали непрочность и опасность своего положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали свои смѣлыя мечты; съ другой стороны, правительство какъ будто преувеличивало силу тайнаго общества и затруднялось въ мѣрахъ противъ него. Недоразумѣніе длилось, и положеніе вещей становилось все болѣе натянутымъ...

До сихъ поръ трудно сказать, какъ смотрѣлъ на тайное общество самъ императоръ Александръ. Онъ зналъ объ его существованіи. По словамъ «Донесенія Слѣдственной Комиссіи», въ бумагахъ императора, послѣ его смерти, найдена была записка о Союзѣ Благоденствія, составленная человѣкомъ, хорошо знавшимъ дѣла Союза. Въ запискахъ Якушкина, писанныхъ весьма правдиво и достовѣрность которыхъ въ особенности подтверждается Свистуновымъ, приводится нѣсколько случаевъ, гдѣ имп. Александръ высказывался о тайномъ обществѣ. По свидѣтельству этихъ записокъ, императоръ имѣлъ нѣсколько преувеличенное понятіе о силѣ Общества и очень его опасался въ ту пору, когда притомъ его запугивали европейскіе

реакціонеры. «У императора была въ рукахъ Зеленая Книга, и онъ, прочитавши ее, говорилъ своимъ приближеннымъ, что въ этомъ уставѣ Союза Благоденствія все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что большая часть тайныхъ обществъ при началѣ своемъ имѣютъ почти всегда только цѣль филантропическую, но что потомъ эта цѣль измѣняется и переходитъ въ заговоръ противъ правительства». Тѣ же записки разсказываютъ, что къ нему безпрестанно привозили бумаги, захваченныя у лицъ, подозрѣваемыхъ полиціей, но при этомъ ни разу не попадался ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества; однако, тутъ же говорится, что онъ называлъ (въ 1822 г.) кн. Волконскому поименно нѣкоторыхъ лицъ, которыя дѣйствительно были членами Союза, напр., Якушкина, Пассека, Фонъ-Визина, Михаила Муравьева. Тогда же онъ называлъ эти или другія имена А. П. Ермолову, который говорилъ объ этомъ Фонъ-Визину, при чемъ называлъ его въ шутку «величайшимъ карбонаріемъ».

Въ новѣйшей исторической литературѣ собралось довольно много свидѣтельствъ подобнаго рода, указывающихъ на подозрѣнія или на увѣренность императора въ существованіи тайныхъ обществъ. Въ письмѣ къ Аракчееву изъ Троппау отъ ноября 1820 г., по поводу безпорядковъ въ семеновскомъ полку, императоръ высказываетъ увѣренность, что безпорядки произошли отъ посторонняго, не военнаго внушенія («ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ»). «Вопросъ возникаетъ: какое же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать»...[1]). Въ томъ же ноябрѣ 1820 г. вице-адмиралъ Сенявинъ доводилъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея дошедшій до него и крайне его возмутившій слухъ, что его, Сенявина, выдаютъ за главное орудіе тайнаго общества[2]). Этотъ слухъ впослѣдствіи приведенъ дѣйствительно въ «Приложеніи къ докладу слѣдственной коммиссіи о тайныхъ обществахъ, открытыхъ въ 1825 году». Въ январѣ 1821 г. принимаются мѣры для устройства военной поли-

---

[1]) Богдановичъ, V, 515.
[2]) Русскій Архивъ, 1875, III, стр. 431—436.

ціи[1]). Выше упомянуто о розыскахъ «заговора» въ южной арміи по поводу дѣла о В. Ѳ. Раевскомъ, въ концѣ 1821 и началѣ 1822 года. Затѣмъ появилась въ печати «Записка о тайныхъ обществахъ въ Россіи, составленная въ 1821 году», о которой издатель ея замѣчаетъ, что она была подана А. X. Бенкендорфомъ императору Александру и оставалась въ его кабинетѣ до конца 1825 года [2]). Это указаніе на Бенкендорфа не совсѣмъ ладитъ со свидѣтельствомъ «Донесенія» о запискѣ, найденной въ кабинетѣ государя, и, по другимъ свѣдѣніямъ, эта послѣдняя записка (или ей подобная) о тайномъ обществѣ и съѣздѣ его членовъ въ Москвѣ, въ 1821 г. была представлена императору въ маѣ 1821 М. К. Грибовскимъ, секретнымъ агентомъ, служившимъ тогда въ главномъ штабѣ, черезъ Васильчикова [3]). Наконецъ, издана другая, собственноручная записка императора Александра, найденная въ кабинетѣ послѣ его кончины. Записка—очень неопредѣленная—была въ 1826 г., по приказанію императора Николая, сообщена Дибичемъ великому князю Константину Павловичу, съ вопросомъ, зналъ ли о ней великій князь и къ кому она была обращена. Великій князь Константинъ писалъ Дибичу, что о запискѣ не зналъ, и что она слѣдовала, вѣроятно, къ Аракчееву или къ кн. А. Н. Голицыну, но что имп. Александръ *часто говаривалъ* съ нимъ о подобныхъ обстоятель-

---

[1]) „Проектъ объ устройствѣ военной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ“, писанный рукой И. В. Васильчикова и утвержденный имп. Александромъ въ январѣ 1821 въ Лайбахѣ,—(„Рус. Стар.“ 1882, т. XXXIII, стр. 217).

[2]) Русскій Арх. 1875, III, стр. 423—430. „Въ этой запискѣ, за четыре года до происшествія 14-го декабря, описаны существовавшія тогда тайныя общества съ такою вѣрностью, что почти все подтвердилось слѣдствіемъ въ 1826 году, и оттого записка Бенкендорфа имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ Донесеніемъ Слѣдственной Комиссіи. Это доказываетъ, что имп. Александръ I, по крайней мѣрѣ съ 1821 года, имѣлъ положительныя свѣдѣнія о заговорахъ; но не приступалъ къ обнаруженію ихъ или по чувству великодушія, или въ надеждѣ, что заблудшіеся сами образумятся, или по другимъ еще не подтвердившимся фактами причинамъ. Между тѣмъ А. X. Бенкендорфъ, впослѣдствіи графъ, показалъ запискою своею способность къ тайнымъ дознаніямъ, и эта записка, какъ самъ онъ потомъ говорилъ, была главною причиною, почему имп. Николай I въ 1826 году назначилъ его шефомъ жандармовъ“.

[3]) См. „Рус. Старину“ 1871, т. IV, стр. 661; 1872, т. VI, стр. 602. Роль Грибовскаго и отношенія съ Васильчиковымъ подтверждаются письмами перваго, напечатанными въ Рус. Арх. 1875, III, 418.

ствахъ, и въ 1822 или 1823 годахъ далъ ему въ Петербургѣ для прочтенія весь уставъ Союза Благоденствія... [1]).

Несмотря на то, императоръ не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Союза. Одни объясняютъ это тѣмъ, что возбужденное воображеніе императора преувеличивало силу тайнаго общества и что, не имѣя о немъ ближайшихъ свѣдѣній, ему трудно было дѣйствовать противъ врага невидимаго; другіе, напротивъ, думаютъ, — и въ этомъ есть нѣкоторая вѣроятность,—что императоръ достаточно зналъ о Союзѣ Благоденствія и, конечно, имѣлъ средства его уничтожить, но оказывалъ относительно его терпимость, потому что, если и видѣлъ въ немъ политическую партію, онъ не видѣлъ въ немъ политически опаснаго заговора, чѣмъ-нибудь грозящаго въ данную минуту. Мѣры, принятыя имъ, были нерѣшительныя. Дѣйствительно, запрещеніе тайныхъ обществъ указомъ 1822 г., направленное, конечно, и противъ Союза, исполнялось весьма поверхностно; императоръ Александръ какъ будто не желалъ и затруднялся преслѣдовать прямо либерализмъ, который во многомъ былъ только повтореніемъ и продолженіемъ идей, нѣкогда и еще недавно раздѣляемыхъ имъ самимъ [2]).

---

[1]) Вся эта записка состоитъ въ слѣдующемъ: „Есть слухи, что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которые имѣютъ притомъ секретныхъ миссіонеровъ для распространенія своей партіи,—Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михаилъ Орловъ, гр. Гурьевъ, Дм. Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковыхъ командировъ, сверхъ того, большая часть разныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ". Не видно, почему издатель отнесъ записку къ 1824 году; содержаніе можетъ указывать на болѣе раннее время, такъ какъ съ 1821 г. императоръ могъ имѣть многія весьма точныя свѣдѣнія. Напр., относительно Михаила Орлова, Васильчикову, а отъ него, безъ сомнѣнія, и императору, уже въ 1821 г. извѣстно было объ удаленіи Орлова отъ Союза. См. „Рус. Стар." 1883, т. XL, ст. 659—660. О послѣднихъ доносахъ Шервуда и Майбороды см. у Богдановича, VI, 496—503.

[2]) Въ то же время дѣло В. Ѳ. Раевскаго велось со всей суровостью, отличавшей судебное производство по подобнымъ дѣламъ. Въ дѣлѣ Библейскаго Общества имп. Александръ, предоставивъ дѣйствовать Шишкову и Аракчееву, благодарилъ однако И. М. Муравьева-Апостола за защиту Госнера и Попова въ сенатѣ.—Говорятъ, что у него высказывалось иногда отвращеніе къ шпіонству, къ которому здѣсь пришлось бы обратиться, но онъ самъ обращался къ этому средству въ дѣлѣ ближайшаго человѣка, Сперанскаго.

Выше было замѣчено, въ какомъ отношеніи стоялъ Союзъ къ обществу. Люди старыхъ партій естественно съ ненавистью смотрѣли на появленіе новыхъ мнѣній. Эта ненависть оказалась съ первыхъ лѣтъ царствованія, и мы видѣли отчасти, по какимъ ступенямъ она проходила и на какіе предметы и лица обращалась. Староверы начали вопіять противъ тайныхъ обществъ еще тогда, когда ихъ не было; они угадывали ихъ существованіе, когда Общества появились, и, конечно, стали еще громче говорить противъ революціонной заразы. При этомъ происходили забавныя недоразумѣнія: старовѣры искали этой заразы черезчуръ усердно, видѣли ее въ самыхъ невинныхъ мнѣніяхъ, которыя только имъ однимъ казались ужасными. Шишковъ, напр., представлялъ себѣ Библейское Общество не иначе, какъ ужаснѣйшимъ заговоромъ противъ властей и религіи; «дѣло» петербургскихъ профессоровъ ставилось на уровень государственныхъ преступленій. Въ обществѣ образованномъ либеральныя идеи распространились къ этому времени настолько, что члены тайнаго общества своимъ образомъ мыслей могли не бросаться въ глаза.

«Члены тайнаго общества ничѣмъ рѣзко не отличались отъ другихъ,—говоритъ И. Д. Якушкинъ (стр. 67),—въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ». «Большинство либеральныхъ умовъ было такъ велико,—говоритъ Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ,—что его рѣшенія считались *мнѣніемъ общимъ*, за немногими исключеніями; къ нему привыкли, какъ къ закону всесильной моды, никто не смѣлъ ему противорѣчить, въ немъ сомнѣваться». Вспомнимъ, что это послѣднее говоритъ человѣкъ, который желаетъ сколько возможно бросить тѣнь на либерализмъ тайнаго общества. Образчики тогдашнихъ мнѣній, приведенные въ тѣхъ же запискахъ, показываютъ дѣйствительно, что свобода мнѣній или разговоровъ, усвоенная обычаемъ, была очень значительная. Это обстоятельство опять даетъ понять настоящую цѣну нѣкоторыхъ обвиненій, падавшихъ на членовъ Общества: имъ приписывается много необузданныхъ рѣчей, но по свидѣтельствамъ современниковъ не трудно видѣть, что рѣчи эти невозможно было принимать буквально и придавать имъ значеніе прямого замысла. «Сколько запутано было въ это дѣло людей, виновныхъ столько же, какъ и я,—пишетъ несомнительный въ этомъ случаѣ свидѣтель, Гречъ,

— людей, слышавшихъ дерзкія рѣчи и не донесшихъ о нихъ потому, что считали ихъ пустыми и ничтожными»[1]). Большая часть ихъ и дѣйствительно были только пустыя и ничтожныя...

Вслѣдствіе этого общаго усиленія либерализма, тайное общество распространяется въ двадцатыхъ годахъ еще сильнѣе. Оно заключало въ себѣ много людей, представлявшихъ цвѣтъ образованнаго, особенно аристократическаго общества. Даже люди, старавшіеся бросить сколько можно больше грязи на членовъ тайнаго общества, какъ Гречъ, по остатку добросовѣстности должны были признать за многими изъ нихъ замѣчательныя достоинства ума, образованности и характера. Въ высшей степени печальны обстоятельства, которыя не дали правильной дѣятельности этимъ силамъ; но безпристрастное сужденіе не можетъ отвергать, что здѣсь было много лучшихъ общественныхъ силъ, какія только представляло то время.

Не слѣдуетъ забывать, что такъ называемые декабристы далеко не представляютъ всѣхъ людей либеральнаго образа мыслей, даже всѣхъ членовъ тайнаго общества. По словамъ «Донесенія», послѣ происшествій 14-го декабря взяты были подъ стражу или призваны слѣдственной коммиссіей къ допросу лишь тѣ, даже изъ членовъ тайнаго общества, о которыхъ «по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ». Многіе принадлежали къ обществу только временно и потомъ оставили его или потому, что перестали раздѣлять его понятія, или потому, что не хотѣли подвергаться его опасностямъ, или покинули его по разсчету. Въ свое время къ нему принадлежало много людей, занимавшихъ значительное положеніе въ слѣдующее царствованіе. Такъ были въ немъ имена

---

[1]) Н. И. Гречъ, Записки о моей жизни, Спб., 1886, стр. 369—373. „Такъ, напримѣръ,—продолжаетъ Гречъ,—упомянутый въ Донесеніи Слѣдственной Комиссіи отзывъ Якубовича (вы хотите быть *головами*, господа! Пусть такъ; но оставьте намъ *руки*) сказанъ былъ въ моемъ присутствіи". Такимъ образомъ подобныя рѣчи говорились даже не въ кругѣ тайнаго общества, а въ случайной бесѣдѣ, при постороннихъ людяхъ. Надо полагать, что и весь разговоръ, къ которому принадлежали эти слова, велся при тѣхъ же постороннихъ.

М. Н. Муравьева, Ѳ. Н. Глинки, П. Х. Граббе; называютъ также Н. Н. Муравьева, кн. Мих. Горчакова, Кавелина (петербургскаго военнаго генералъ-губернатора), Л. А. Перовскаго, кн. А. С. Меншикова и др. Наконецъ, было много людей, которые такъ мало, повидимому, расходились въ мнѣніяхъ съ членами Общества, что послѣдніе безъ всякаго опасенія сообщили имъ свои взгляды,—какъ, напримѣръ, П. Д. Киселевъ (впослѣдствіи министръ госуд. имуществъ), которому Пестель читалъ свою «Русскую Правду»; А. П. Ермоловъ, который, не принадлежа къ Обществу, зналъ его членовъ и въ свою очередь имѣлъ въ немъ большихъ почитателей и т. д.

Выше было отчасти упомянуто, что нѣкоторые члены тайнаго общества принимали участіе въ литературѣ, хотя, по условіямъ тогдашней цензуры, и не могли высказывать своихъ политическихъ мнѣній; журналъ Тургенева не состоялся, и съ тѣхъ поръ, кажется, не было уже рѣчи о томъ, чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе публицистическими средствами. Въ литературномъ кружкѣ къ тайному обществу принадлежали Рылѣевъ, Александръ и Николай Бестужевы, кн. А. И. Одоевскій, Корниловичъ, В. Кюхельбекеръ, Ѳ. Глинка. Два первые были съ 1823 г. издателями «Полярной Звѣзды», въ которой собирались поэтическія произведенія новаго романтизма. Пушкинъ былъ уже предметомъ поклоненія въ этомъ кружкѣ; сосланный съ 1820 года, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими друзьями, и издатели «Полярной Звѣзды» были частыми его корреспондентами. Вмѣстѣ съ стихотвореніями Пушкина, въ этомъ альманахѣ появлялись имена Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Баратынскаго, Грибоѣдова, Дельвига, Гнѣдича, Ѳ. Глинки, Козлова, Плетнева, а также писателей старыхъ школъ, Дмитріева, Крылова, В. И. Панаева.

Литература была чрезвычайно связана цензурными стѣсненіями. Прежде еще могли появляться вещи, имѣвшія общественное значеніе,—хотя совершенно невинныя (какъ книги Тургенева, Куницына и т. п.); теперь, при господствѣ невѣжественнаго обскурантизма, цензура, слѣдуя приказаніямъ кн. Голицына, потомъ Шишкова, старательно истребляла малѣйшіе признаки серьезной общественной мысли, въ которой видѣла одно вольнодумство. Какъ она ихъ истребляла, это извѣстно изъ множества анекдотовъ. Самъ Шишковъ, принимая цензурныя бразды отъ своего предшественника, удивлялся глупости цензурныхъ поправокъ, какія были тогда въ

употребленіи[1]). Цензура, безъ сомнѣнія, помогла усиленію потаенной литературы, гдѣ, между прочимъ, такъ извѣстны были эпиграммы Пушкина и подлинныя, и ему приписанныя. Къ рукописной литературѣ принадлежало даже «Горе отъ ума», потому что цензура дѣлала невозможнымъ напечатаніе знаменитой комедіи. Отъ цензуры страдалъ не только Грибоѣдовъ, не только поэмы Пушкина, но даже невинныя баллады Жуковскаго. При всемъ томъ, въ тогдашней литературѣ не трудно прослѣдить отраженіе понятій, которыя въ то время зарождались въ болѣе образованной части общества. Романтизмъ того времени представлялъ въ литературѣ такую же оппозицію классицизму, какъ новыя либеральныя идеи были оппозиціей старымъ понятіямъ. Конечно, не всегда либерализмъ литературный соотвѣтствовалъ либерализму политическому, но между ними были однако любопытныя и не случайныя совпаденія. Защитники стараго слога были упорные консерваторы; романтики были вольнодумцы; сантиментальная школа Карамзина занимала между ними середину. Оттѣнки самаго романтизма находятъ свое соотвѣтствіе въ оттѣнкахъ общественно-политическихъ мнѣній. Романтизмъ въ нашей литературѣ былъ почти такое же сложное явленіе, какъ подлинный западный романтизмъ. Съ одной стороны, онъ расширялъ поэтическія и національныя воззрѣнія; съ другой увлеченіе мистическимъ идеализмомъ и національной стариной вело къ практическому равнодушію въ современной общественности или даже къ чистой реакціи. Эти элементы оказывали свое скрытое вліяніе и у насъ. Мистическая заунывность, мечтательныя стремленія въ заоблачныя страны, такъ сильно отличавшія романтическій вкусъ Жуковскаго, совпадали съ общественнымъ индифферентизмомъ Арзамаса, и этою стороною поэзія Жуковскаго уже тогда не удовлетворяла, даже раздражала романтиковъ иного характера[2]). Членъ

---

[1]) См. въ его Запискахъ,—въ его мнѣніи по дѣлу о профессорахъ (Русскій Архивъ, 1865).

[2]) „Неоспоримо,—говоритъ Рылѣевъ въ письмѣ къ Пушкину, отъ 12 февраля 1825,—что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній; мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ

тайнаго общества и поэтъ, Ѳ. Н. Глинка также развивалъ эти темы. Въ поэзіи Пушкина сказались иные мотивы: удивительная свѣжесть и сила его таланта предохранили его отъ романтическаго мистицизма. Это былъ, напротивъ, поэтъ наслажденія, живой дѣйствительности; романтическіе порывы его фантазіи обращались къ русской народной жизни, и русская поэзія впервые усвоивала здѣсь истинно народные мотивы. Вліяніе Байрона отразилось у Пушкина тѣмъ разочарованіемъ, которое впослѣдствіи прошло цѣлой полосой въ нашей поэтической литературѣ. Байроновское вліяніе было чужимъ элементомъ въ поэзіи Пушкина, которая вскорѣ и освободилась отъ него, но было и случайностью: оно отвѣчало его тогдашнему настроенію. Либеральный романтизмъ имѣлъ и другихъ представителей; въ числѣ ихъ можно вспомнить Языкова, тогда начинавшаго свое поэтическое поприще стихотвореніями, отличительную черту которыхъ составлялъ «геніальный» разгулъ и «вольнолюбивыя мечты» [1]). Комедія Грибоѣдова имѣла столько общественно-политическаго значенія, сколько имѣли потомъ очень немногія произведенія нашей литературы, и боязнь ея смысла доходила въ цензурныхъ властяхъ до того, что первыя неурѣзанныя изданія этой комедіи могли явиться только въ 60-хъ годахъ, когда она сохранила одинъ историческій интересъ. Надо перенестись во времена перваго появленія ея рукописи и представить себѣ тогдашнюю непривычку къ подобной сатирѣ, чтобы оцѣнить въ настоящей мѣрѣ значеніе «Горе отъ ума»: передъ нами является живымъ общество двадцатыхъ годовъ, гдѣ еще процвѣтали «старинные» нравы, самодовольное холопство и невѣжество чиновнаго барства, съ которыми безуспѣшно боролись люди новыхъ понятій. Сатира Грибоѣдова представляетъ точку зрѣнія молодого поколѣнія либеральныхъ идеалистовъ.

Такъ литература связывалась съ новыми идеями, которыя въ общественной жизни главнымъ образомъ выражались стремленіями тайнаго общества. Много лѣтъ спустя Пушкинъ

дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить славу его". (Переписка Пушкина, томъ I, акад. изд., Спб. 1906, стр. 177).

[1]) Таковы въ особенности его стихотворенія за періодъ 1823—1825 г.: Посланіе къ Н. Д. Киселеву, Къ халату, „Свободы гордой вдохновенье", Элегія („Еще молчитъ гроза народа"), Дерптъ и др.

вспомнилъ это время, и въ стихотвореніи «Аріонъ» (1830 г.) призналъ свой союзъ съ людьми, отъ которыхъ такъ отдалился въ поздній періодъ своей жизни:

Насъ было много на челнѣ...
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою...

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей либеральной литературы въ средѣ тайнаго общества былъ Рылѣевъ. Біографія его извѣстна мало; немногія воспоминанія его друзей разсказываютъ въ особенности его роль въ послѣднихъ трагическихъ событіяхъ; воспоминанія Греча стараются только загрязнить человѣка, надъ которымъ судьба произнесла свой страшный приговоръ[1]). Рылѣевъ получилъ, повидимому, скудное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ; но качества характера, заставлявшія его искать дѣятельности, гдѣ онъ могъ быть полезнымъ человѣкомъ въ обществѣ, и поэтическое дарованіе дали ему мѣсто въ наиболѣе просвѣщенномъ кругу тогдашняго общества. Таковы были его дружескія связи съ Бестужевыми, Николаемъ и Александромъ; переписка съ Пушкинымъ показываетъ, что Пушкинъ цѣнилъ его личныя достоинства и его мнѣнія, имъ интересовались и люди другого круга. Гречъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «Съ Николаемъ Тургеневымъ Рылѣевъ познакомился у меня, 4-го октября 1822 года, на празднованіи десятилѣтія «Сына Отечества». Меня и многихъ изумило, что надутый аристократъ и геттингенскій буршъ долго бесѣдовалъ съ плебеемъ и кадетомъ, который даже не говорилъ по-французски. Могли ли мы воображать, о чемъ они толкуютъ»... Гречъ даетъ понять, что Тургеневъ толковалъ съ нимъ о тайномъ обществѣ и, навѣрное, увлекалъ его въ заговоръ. Но Рылѣевъ всту-

[1]) Записки, стр. 366—378. Гречъ изображаетъ его необразованнымъ, не переварившимъ либеральной пищи, даже слабоумнымъ человѣкомъ, фанатикомъ идей, которыхъ не понималъ. Этимъ злостнымъ отзывамъ противорѣчатъ не только воспоминанія друзей Рылѣева (Н. Бестужева, кн. Оболенскаго), его роль въ литературѣ и въ тайномъ обществѣ, но и собственные разсказы того же Греча. Кромѣ того, фактическія ошибки и, вообще, недостовѣрность разсказовъ Греча о Рылѣевѣ были указаны въ статьѣ Кропотова по поводу его записокъ.

пилъ въ Общество не ранѣе 1823 года, и ввелъ его не Тургеневъ, а Пущинъ. Рылѣевъ встрѣчался подобнымъ образомъ и съ другими людьми, совсѣмъ далекими отъ тайныхъ обществъ, напр., съ Мордвиновымъ и Сперанскимъ, которые оказывали ему вниманіе.

Поэтическій талантъ Рылѣева не былъ сильный, но не подлежитъ сомнѣнію, и особенно тамъ, гдѣ Рылѣевъ высказывалъ свои задушевныя идеи, сначала, можетъ быть, угадываемыя больше чувствомъ, его стихотворенія достигаютъ истинной поэтической силы. Таковы многіе стихи въ его «Временщикѣ» (1820 г.), въ «Видѣніи»—или «одѣ на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года»[1),—въ «Гражданинѣ», наконецъ, въ нѣкоторыхъ думахъ «Войнаровскомъ» и «Наливайкѣ». Во внѣшней формѣ стихотвореній Рылѣева были недостатки, особенно замѣтные рядомъ съ произведеніями Жуковскаго и Пушкина; но, по содержанію, онѣ вносили въ литературу новый и оригинальный вкладъ: это была патріотическая лирика въ смыслѣ тѣхъ стремленій, какія отличали въ то время наиболѣе образованную часть общества. Въ духѣ этого патріотическаго романтизма Рылѣевъ обращался къ поэтическому воспроизведенію старины: онъ искалъ въ ней мотивовъ любви къ отечеству, народной свободы. Чувство народности, которое, какъ неясный инстинктъ, жило въ людяхъ тайнаго общества, высказалось и въ стихотвореніяхъ Рылѣева. Ихъ пониманіе народности, конечно, показалось бы очень неполнымъ съ позднѣйшей точки зрѣнія; въ немъ было нѣчто искусственное, какъ вообще въ тогдашнемъ романтизмѣ, нѣчто чужое, потому что замѣтны были въ немъ слѣды внушеній европейской литературы, чувствовалась предвзятая, чуть наивная мысль, съ которой писатель обращался къ предмету; но это былъ первый опытъ, необходимая приготовительная ступень, и только перешедши ее, можно было ждать иного, болѣе простого и близкаго взгляда на дѣло и болѣе живого литературнаго пріема. Не забудемъ, что этой простоты долго еще не могло пріобрѣсти чувство народности; ею не владѣла еще и другая, болѣе поздняя ступень,

---

1) Эта замѣчательная, по позднѣйшимъ историческимъ совпаденіямъ, пьеса не разъ была вспоминаема впослѣдствіи: см. въ изданіи „Сочиненій и переписки Рылѣева“, подъ ред. П. А. Ефремова, Спб. 1872, стр. 171—174.

представляемая славянофильствомъ, не говоря объ офиціальной народности 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Въ стихотвореніяхъ Рылѣева отражается нетерпѣливый либерализмъ его тогдашняго круга; такъ онъ виденъ уже въ рѣзкомъ, смѣломъ тонѣ перваго напечатаннаго стихотворенія Рылѣева («Къ временщику»). Но его образъ мыслей еще не шелъ дальше умѣренныхъ желаній; Рылѣевъ, какъ другіе, надѣялся, что императоръ Александръ можетъ стать во главѣ европейскаго либерализма. Таково приписываемое ему стихотвореніе «Александру I», 1821 г.[1]). Въ «Видѣніи» онъ, кажется, пересталъ вѣрить настоящему и переноситъ на будущее запасъ своихъ гражданскихъ идеаловъ. «Исповѣдь Наливайки», напечатанная въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г., высказывала его настроеніе за послѣднее время и была какъ будто предчувствіемъ его собственной судьбы.

Въ числѣ писателей изъ круга тайнаго общества является также одна изъ самыхъ симпатичныхъ личностей того времени, кн. А. И. Одоевскій (1802—1839). Во время событій 1825 г. онъ былъ еще юноша; съ тѣхъ поръ для него началась ссылка, въ которой онъ и провелъ всю свою жизнь. Его привлекательная личность въ то первое время внушала къ нему теплую симпатію Грибоѣдова; въ послѣднее время еще болѣе горячее дружеское чувство онъ внушилъ Лермонтову, Огареву, которые встрѣтились съ нимъ на Кавказѣ. Его немногія стихотворенія сохранились случайно; онъ самъ вообще не писалъ своихъ стиховъ, и то немногое, что извѣстно, уцѣлѣло потому, что записывалось кѣмъ-нибудь изъ друзей. Отличительная черта стихотвореній—глубокое и мяг-

---

[1]) Возьмемъ два отрывка:

Благотворить—героевъ цѣль.
Для сердца твоего не чужды
Права народовъ и земель
И ихъ существенныя нужды.
О, царь! весь міръ глядитъ на насъ
И ждетъ иль рабства, иль свободы!
Лишь Александровъ можетъ гласъ
Отъ бурь и бѣдъ спасать народы...

Спѣши-жъ, монархъ, на подвигъ сей,
Какъ витязь правды и свободы,
На подвигъ славный и святой—
Съ царями примирять народы!

кое чувство религіозной любви и самоотреченія. «Онъ былъ... христіанинъ, философъ или, скорѣе, поэтъ христіанской мысли, внѣ всякой церкви,—разсказываетъ одинъ изъ близко знавшихъ его людей. Онъ въ христіанствѣ искалъ не церковнаго единства, какъ Чаадаевъ, а исключительно самоотреченія, чувства преданности и забвенія своей личности; ...ему нужно было только подчинить себя идеалу человѣческой чистоты, которая для него осуществилась во Христѣ... Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать»... Извѣстно прелестное и трогательное стихотвореніе, которое посвятилъ Лермонтовъ памяти своего друга. Этотъ религіозно-идеалистическій, любящій характеръ развился вполнѣ въ болѣе позднее время, подъ гнетомъ тяжелыхъ опытовъ ссылки и несчастія, но зародыши настроенія, безъ сомнѣнія, были давніе. Одоевскій въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ здѣсь, какъ личность характеристическая.

Въ нравственномъ возбужденіи этого круга двадцатыхъ годовъ религіозный элементъ также занималъ свое мѣсто. Это не былъ піэтизмъ или сектантская мистика, но религіозность болѣе простого, нравственнаго и поэтическаго свойства; въ ней не было ни темныхъ фантастическихъ мечтаній, ни церковной исключительности; это былъ христіанскій идеализмъ, который у Одоевскаго выразился наиболѣе симпатичнымъ образомъ. Между «декабристами» было вообще много людей искренно религіозныхъ, и это чувство явилось у нихъ не какъ позднее слѣдствіе ихъ положенія, гдѣ оно оставалось бы единственной отрадой послѣ горькихъ разочарованій и несчастій, — оно было уже принесено въ ссылку. Въ то время не было столько раціоналистическихъ понятій или столько индифферентизма, какъ позднѣе; преданія старыхъ благочестивыхъ нравовъ были близки; дѣйствовали также религіозныя вліянія европейскія. Въ параллель съ политической реставраціей, въ европейскомъ обществѣ явились, какъ реакція противъ скептицизма XVIII столѣтія, романтическія идеи и особенное идеализированное христіанство. Эта романтика въ различныхъ формахъ оказала свое дѣйствіе и у насъ; въ ряду крайнихъ выраженій ея былъ съ одной стороны библейскій піэтизмъ, съ другой податливость на мистическую и іезуитскую пропаганду. Религіозность образованныхъ кружковъ далеко не всегда была церковная; напротивъ,

у многихъ, какъ особенно у Одоевскаго, это была чисто идеалистическая религія; у другихъ, подъ вліяніемъ времени, являлась наклонность къ католическимъ теоріямъ, напримѣръ, у Лунина, а позднѣе развившаяся до послѣдняго предѣла у Чаадаева; третьихъ религіозная пытливость приводила къ скептицизму, напр., Якушкина, но и это опять не было ни равнодушіе, ни отрицаніе, а скорѣе требовательное исканіе нравственнаго идеала.

Вообще и здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, мнѣнія декабристовъ, какъ онѣ существовали въ двадцатыхъ годахъ и доразвились впослѣдствіи (хотя съ нѣкоторыми отклоненіями), были зародышемъ послѣдующихъ направленій: здѣсь были задатки и славянофильской мечтательности и скептицизма кружка Бѣлинскаго.

Такимъ предисловіемъ къ позднѣйшимъ мнѣніямъ славянофиловъ были и мнѣнія декабристовъ о славянскомъ вопросѣ, высказанныя отрывочно, неразвитыя, почти ребяческія, но имѣющія свой отличительный характеръ.

Какъ ни трудно, при отмѣченномъ недостаткѣ свѣдѣній, опредѣлять положеніе либеральнаго круга въ тогдашнемъ обществѣ, есть однако возможность указать общія черты исторической роли этихъ людей въ общественной жизни, а также отвергнуть много нареканій, которыя взводились на нихъ тогда и впослѣдствіи. «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка,—повторимъ опять приведенныя слова П. Н. Свистунова—отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо на счетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка». И историкъ, въ особенности, долженъ будетъ отвергнуть тѣ осужденія, которыя внушены злостнымъ недоброжелательствомъ или прислужничествомъ, которое всегда готово бросать лишній камень въ людей павшихъ, и безъ того преслѣдуемыхъ. Люди двадцатыхъ годовъ въ особенности нуждаются въ историческомъ оправданіи: надолго они были совершенно исключены отъ всякаго воспоминанія; они могли быть открыты только для нападеній и обличеній; защита, которую имъ давно давала одна часть образованнаго общества, не могла высказываться, и для большинства оставался непонятнымъ цѣлый историческій періодъ, гдѣ однако эти люди яви-

лись представителями тѣхъ самыхъ общественныхъ вопросовъ, которые составляютъ существенную задачу нашего внутренняго развитія.

Люди либеральнаго круга составляли значительную долю въ тогдашнемъ обществѣ, и ихъ мнѣнія, защищаемыя искренно и безкорыстно, оказывали свое вліяніе. Сами современники говорятъ, что дѣятельность членовъ тайнаго общества вообще состояла очень часто только въ заявленіи своего образа мыслей, въ распространеніи своихъ теоретическихъ понятій, нравственныхъ и политическихъ. Собранія тайнаго общества, въ спокойное время его существованія, бывали часто только бесѣдами людей сходныхъ мнѣній о политическихъ предметахъ, и на этихъ собраніяхъ легко могли бывать даже люди, непричастные къ тайному обществу, даже противники его взглядовъ [1]).

Люди старыхъ мнѣній давно уже возстали противъ вольнодумства, по ихъ мнѣнію, заразившаго большую долю общества. Выше упомянуто, какъ ратовалъ противъ вольнодумства Шишковъ, какъ возставалъ противъ либералистовъ Карамзинъ, и насколько были справедливы ихъ нападенія и ихъ негодованіе противъ людей, выражавшихъ даже самыя умѣренныя желанія перемѣнъ и улучшеній. Консерваторы не понимали новаго образа мыслей въ самыхъ скромныхъ его заявленіяхъ, и вражда была неизбѣжна. Приверженцы стараго порядка расточали противъ либераловъ слова: вольнодумство, карбонарство, зажигательство и т. д. За либераловъ отвѣчалъ Грибоѣдовъ, нарисовавъ съ одной стороны Чацкаго и съ другой Фамусова съ его пріятелемъ, полковникомъ Скалозубомъ.

Совершились событія декабря 1825 года: много людей либеральнаго круга стало ихъ жертвой; о нихъ надолго должны были замолкнуть не только друзья, но и противники. Но когда въ историческихъ воспоминаніяхъ стало всплывать и то время, противъ этихъ людей выставленъ былъ старый и новый запасъ злостныхъ нареканій [2]), о которыхъ можно было бы не упоминать, по достаточной извѣстности ихъ автора, если

---

[1]) Такъ бывалъ у Н. И. Тургенева проф. Куницынъ, Пушкинъ; такъ Гречъ безпрестанно проводитъ время среди членовъ тайнаго общества. Въ біографіи Карамзина, Погодина, упоминается о посѣщеніяхъ Карамзина къ Никитѣ Муравьеву (т. II, стр. 203).

[2]) „Изъ записокъ Николая Ивановича Греча", въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1868, іюнь, и затѣмъ изданія записокъ Греча, Вигеля и др.

бы они не отражали въ себѣ систематическаго очерненія той эпохи и если бы ихъ авторъ въ особенности не приписывалъ себѣ авторитета свидѣтеля-очевидца. Мнѣнія этого автора представляютъ собою историческій образчикъ взгляда на вещи, который процвѣталъ нѣкогда и въ обществѣ, и въ литературѣ... Гречъ не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для осужденія тайнаго общества, въ особенности главныхъ его представителей; онъ зналъ очень многихъ лицъ этого круга и какъ будто для того, чтобы заднимъ числомъ отчураться отъ этого стараго (и, говорили иные, близкаго) знакомства, онъ набираетъ противъ нихъ злобные эпитеты. Приводимъ въ примѣчаніи образчикъ его сужденій, гдѣ онъ, забывъ и приличіе, и самое историческое разстояніе, силится отнять у стремленій тогдашнихъ людей всякій смыслъ, заподозрить и загрязнить ихъ побужденія [1].

Насколько авторъ этихъ воспоминаній имѣлъ право на свои отзывы, трудно еще сказать за неимѣніемъ точныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ самомъ за это время. Прежде

---

[1] Гречъ не иначе говоритъ о тайномъ обществѣ, какъ: скопище, сволочь, шайка и т. п.; озлобленно бранитъ даже людей, о которыхъ въ самомъ „Донесеніи“ говорится сдержанно и спокойно. О цѣломъ Обществѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Ослѣпленіе и самонадѣянная спесь коноводовъ этого безтолково-преступнаго дѣла были таковы, что они думали сдѣлать большую честь, оказать истинное участіе, даже благодѣяніе людямъ, которыхъ допускали въ свой кругъ, въ преддверіе Сибири... Замѣчательно, что большая часть ревнителей свободы и равенства, правъ угнетеннаго народа, сами были гордые аристократы, надутые чувствами своей породы, знатности и богатства, смотрѣли съ оскорбительнымъ презрѣніемъ на людей незнатныхъ и небогатыхъ... и въ то же время удостоивали своимъ вниманіемъ, благосклонностью и покровительствомъ отребія человѣчества... Въ числѣ заговорщиковъ и ихъ сообщниковъ не было ни одного не-дворянина... Все потомки Рюрика, Гедимина, Чингисъ-хана, по крайней мѣрѣ, бояръ и сановниковъ древнихъ и новыхъ. Это обстоятельство очень важно: оно свидѣтельствуетъ, что въ то время возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли, что въ этомъ мятежѣ не было ни на грошъ народности, что внушенія къ этимъ затѣямъ произошли отъ книгъ нѣмецкихъ и французскихъ... что эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу“ („Записки о моей жизни“, стр. 434). Можетъ возникнуть вопросъ: зачѣмъ же Гречъ вертѣлся тогда въ такомъ дурномъ кругу,—или не замазывалъ ли онъ и своихъ грѣховъ заднимъ числомъ, осыпая прежнихъ друзей ругательствами, на которыя некому было отвѣчать? Какова была „народность“ самого Греча и его позднѣйшихъ друзей—достаточно извѣстно.

всего бросается въ глаза противорѣчіе общихъ приговоровъ автора съ его частными отзывами объ отдѣльныхъ лицахъ. По словамъ его, онъ говоритъ только о тѣхъ, кого лично зналъ, и здѣсь, исключая двухъ-трехъ лицъ (Рылѣева, Якубовича, В. Кюхельбекера, изъ которыхъ послѣдніе два вовсе не были въ числѣ «коноводовъ»), его отзывы чрезвычайно благопріятны: слова — умный, прекрасно образованный, благородный, истинный филантропъ, гонитель неправды, сопровождаютъ почти каждое описываемое лицо. При его общемъ озлобленіи противъ тогдашнихъ либераловъ, надобно думать, что только остатокъ чувства справедливости могъ вынудить его къ этимъ отзывамъ. Этихъ отзывовъ достаточно, чтобы видѣть, насколько можно вѣрить его обвиненіямъ противъ тѣхъ же лицъ въ честолюбіи, въ алчности и т. п., которыя, будто бы, ими руководили.

Поводъ къ обвиненію дало ему и то, что въ тайномъ обществѣ было не мало людей изъ аристократическаго круга. Кромѣ алчности и честолюбія, онъ винитъ ихъ въ спеси и высокомѣріи къ людямъ другого круга; но изъ фактовъ, имъ приводимыхъ, видно, напротивъ, что одинаковость понятій сближала въ тайномъ обществѣ людей, весьма неравныхъ по общественному положенію. Рылѣевъ и Бестужевъ не были аристократами, но это не мѣшало имъ играть роль въ Обществѣ; на вечерѣ у Греча, въ 1822 г., Тургеневъ, «надутый аристократъ», долго бесѣдовалъ съ «плебеемъ» Рылѣевымъ, который еще не принадлежалъ тогда къ тайному обществу[1]).

Среди своихъ обвиненій Гречъ удивляется и тому, что въ то время возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій «именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли», — и изъ этого дѣлаетъ выводъ, что въ ихъ стремленіяхъ не было нисколько «народности». Трудно было сказать лучшее въ защиту людей, которыхъ онъ обвиняетъ въ честолюбіи и алчности; каковы бы ни были ихъ заблужденія, самый строгій судья, не только нравственный, но и политическій, смягчилъ бы суровость приговора при томъ соображеніи, что источникомъ ихъ поступковъ были не разсчеты личнаго эгоизма, а желаніе общаго блага, безкорыстное стремленіе къ удаленію зло-

---

[1]) „Могли-ли мы воображать, о чемъ они толкуютъ“, замѣчаетъ Гречъ. На дѣлѣ Тургеневъ съ 1821 года значительно или совсѣмъ отдалился отъ тайнаго общества и, по словамъ самого „Донесенія“, въ это время никого не принималъ.

употребленій и притѣсненій, отъ которыхъ сами они терпѣли всего менѣе. Авторъ дивится легкомыслію и неразсчетливости людей, хлопотавшихъ о чужомъ интересѣ, — такова была степень его нравственнаго чувства и пониманія «народности».

Наконецъ, нареканія Греча были вообще несправедливы тѣмъ, что на нѣсколько лицъ слагается отвѣтственность за настроеніе цѣлаго обширнаго класса общества. Приводимъ въ примѣчаніи слова автора, въ которыхъ онъ самъ былъ вынужденъ признать чистоту основныхъ побужденій, руководившихъ членами Союза, и другія слова, изъ которыхъ видно, что вообще настроеніе умовъ было тогда чрезвычайно возбужденное: «всѣ» желали перемѣнъ и предавались «всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ»; большая свобода мнѣній стала обычаемъ[1]). Если самъ Гречъ удивлялся, какъ могъ онъ уцѣлѣть, — понятно становится, что люди, увлекшіеся въ движеніе, понесли на себѣ не только свои личныя дѣйствія, но расплачивались за цѣлый характеръ времени. Оставляя въ сторонѣ вопросъ политическій, можно ли поставить имъ, съ нравственной точки зрѣнія, въ вину, что

---

[1]) О началѣ тайнаго общества Гречъ пишетъ: „Молодые, пламенные, благородые люди возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми разумѣли владычество законовъ, водвореніе правды, безкорыстія и честность и въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій, подтачивающихъ древо русскаго величія и благоденствія народнаго. Составилось общество, основанное на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшее цѣлью распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія, поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства" (Записки, стр. 359). Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая о настроеніи общества и расположеніи умовъ около 1825 г., онъ говоритъ: „Въ то время жалобы на правительство возглашались громко. *Всѣ* желали перемѣны... и предавались всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ. Если бы сослать всѣхъ тѣхъ, которые слышали о сумасбродныхъ замыслахъ и планахъ того времени, не нашлось бы мѣста въ Сибири. Меня перваго слѣдовало бы отправить въ Нерчинскъ... Эти вольные разговоры, пѣніе не революціонныхъ, а сатирическихъ пѣсенъ и т. п., было дѣло очень обыкновенное, и никто не обращалъ на то вниманія, и самыя смѣлыя мнѣнія высказывались открыто (стр. 432). „Сколько именно въ числѣ подсудимыхъ и пострадавшихъ было дѣйствительно виновныхъ, извѣстно одному Богу; мы же, свидѣтели этихъ происшествій, пріятели и знакомые многихъ изъ сихъ лицъ, *знаемъ*, что въ числѣ ихъ было много людей совершенно невинныхъ, погибшихъ отъ злобныхъ навѣтовъ, отъ гордости и упрямства, съ какимъ они отвѣчали на несправедливыя обвиненія, отъ неосторожности, отъ случайности. Удивительно еще, какъ не погибло большее число жертвъ" (стр. 434).

среди «всякихъ предположеній и мечтаній» въ обществѣ, они серьезно вѣрили въ то, что говорили и что другіе говорили только изъ либеральнаго пустословія.

Повторяемъ, не было бы надобности останавливаться на этихъ нареканіяхъ противъ нравственнаго характера людей тайнаго общества, если бы Записки Греча не были голосомъ цѣлой школы своего рода, преимущественно процвѣтавшей въ литературѣ и обществѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ...[1]).

Послѣ событій 1825 года для декабристовъ началось продолжительное, тягостное изгнаніе. Ссылка послужила испытаніемъ того нравственнаго характера, который хотѣли у нихъ отвергнуть или унизить, и они вынесли это испытаніе съ высокимъ достоинствомъ. Рѣдко изгнанники обнаруживали столько нравственнаго мужества, столько вѣры въ свои идеалы, столько великодушной покорности судьбѣ. Въ ихъ средѣ сохранились умственные и нравственные интересы, которыми они жили въ болѣе счастливое время, и въ бѣдствіяхъ ссылки они съумѣли оказаться полезными далекому и полудикому краю, въ который занесла ихъ судьба. Когда, наконецъ, кончились долгіе годы ссылки, они возвратились въ общество съ такой свѣжестью убѣжденій, съ такимъ просвѣщеннымъ пониманіемъ общественныхъ вопросовъ, которые свидѣтельствовали о большой нравственной силѣ.

Задатки ея, очевидно, даны были этимъ людямъ ихъ прошлымъ, тѣми стремленіями, которыя одушевляли ихъ въ былое время. Общественное сознаніе, проникавшее ихъ тогда, не только сохранилось, но продолжало развиваться и въ то время, когда ихъ сверстники и даже люди слѣдующаго поколѣнія, также нѣкогда къ чему-то стремившіеся, отказывались отъ всякихъ идеаловъ и переходили въ консервативный лагерь, гдѣ находили себѣ житейское благополучіе; въ это время возвратившіеся декабристы стояли въ уровень съ лучшими стремленіями новыхъ поколѣній, искренно сочувствовали новому совершавшемуся движенію и успѣли внести въ него свою нравственную долю.

Опредѣляя мнѣнія тогдашняго либеральнаго круга, должно сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Эти мнѣнія пред-

[1]) Укажемъ, для противоположности, свидѣтельство другого современника—„Записки Д. Н. Свербеева“ (М. 1899)—„Нѣсколько словъ о декабрскомъ мятежѣ 1825 г.“, томъ II, стр. 418—436.

ставляли, конечно, много оттѣнковъ, и по степени ихъ силы, и по серьезности пониманія. Начиная отъ умѣреннаго либерализма, который имѣлъ тогда представителей въ людяхъ самой правительственной сферы, какъ Мордвиновъ, Сперанскій, Кочубей, въ людяхъ высшаго военнаго управленія, какъ Ермоловъ, Киселевъ, Воронцовъ, было большое разстояніе до тѣхъ мнѣній, какія принимались въ кружкѣ Пестеля, гдѣ, кажется, единственнымъ средствомъ улучшенія вещей считался переворотъ. Различна была и степень пониманія вещей. Это либеральное движеніе было первыми начатками политической мысли въ болѣе обширномъ слоѣ общества, и естественно, что было въ нихъ много незрѣлаго уже по самой новости предмета. По разсказамъ Тургенева, на первое время наши либералы въ особенности обращались къ чисто политической сторонѣ дѣла, и ожидали всего отъ преобразованія государственныхъ учрежденій. Это была та слишкомъ легкая вѣра въ конституціонныя формы, которая впослѣдствіи увлекала даже болѣе зрѣлыя политическія общества, чѣмъ наше. Людямъ, лучше понимавшимъ вопросы этого рода, приходилось становиться противъ этого увлеченія, и Тургеневъ тогда же указалъ на необходимость рѣшенія крестьянскаго вопроса прежде какого-нибудь расширенія правъ привилегированныхъ классовъ.

Если уже здѣсь высказалось сомнѣніе въ пригодности конституціоннаго преобразованія при тогдашнихъ условіяхъ (главнымъ образомъ при сохраненіи крѣпостного права), то у другихъ сомнѣнія шли еще далѣе. Въ этомъ самомъ кругу были люди, которые не видѣли въ тогдашнемъ положеніи Россіи никакихъ условій для либеральныхъ учрежденій,—не только для какого-нибудь представительства, но даже, напр., для суда присяжныхъ. Такую точку зрѣнія излагаетъ письмо, писанное въ 1824 г. кѣмъ-то изъ либеральнаго кружка и напечатанное въ воспоминаніяхъ Сушкова [1]. Мнѣніе о невозможности въ ту минуту для Россіи какихъ-нибудь свободныхъ учрежденій высказано здѣсь такъ рѣзко, какъ могли бы сдѣлать это люди охранительнаго образа мыслей, и какъ сдѣлалъ это, напр., Карамзинъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи, но въ окончательномъ смыслѣ этихъ мнѣній есть большая разница. Письмо писано по поводу «памфлета», какого-то политическаго сочиненія либеральной тенденціи, гдѣ

---

[1]) „Изъ записокъ о времени императора Александра I", въ „Вѣстн. Европы" 1867, іюнь, стр. 193—200.

шла рѣчь о необходимости конституціонныхъ учрежденій для Россіи. Авторъ, самъ раздѣлявшій либеральныя мнѣнія и называющій себя «жертвой правленія Александра», находитъ «памфлетъ» справедливымъ вообще, но мечтательнымъ и вреднымъ въ приложеніи. Онъ не сомнѣвается въ пользѣ представительныхъ учрежденій, но спрашиваетъ: во всѣ ли эпохи народнаго образованія, во всякомъ ли возрастѣ и состояніи государства полезно установленіе ихъ? Въ исторіи онъ находитъ на это отрицательный отвѣтъ, указываетъ на Екатерининскую комиссію, на примѣры изъ исторіи Франціи и Англіи, и такъ продолжаетъ свои разсужденія, любопытныя по суровой критикѣ тогдашняго положенія русской жизни:

«Дайте эскимосамъ или киргизамъ какія хотите формы гражданскаго общества, возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ уложеніе; — что-жъ, думаете-ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Нѣтъ! гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей; а ни тѣми, ни другими не могутъ быть ни дикія, ни полудикія дѣти природы. И вотъ почему въ Россіи не зачѣмъ еще думать о раздѣленіи власти, о системѣ правленія въ формахъ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ.

«Не говорите мнѣ о побѣдахъ, о военной славѣ! (продолжаетъ авторъ, предвидя этотъ аргументъ, которымъ, между прочимъ, Карамзинъ доказывалъ величіе Россіи и совершенство ея учрежденій и изъ котораго другіе выводили, вѣроятно, политическую зрѣлость Россіи и необходимость преобразованія, чтобы и въ этомъ отношеніи сравняться съ Европой). И монголы, и турки побѣждали! Но военные успѣхи не имѣютъ, къ несчастію, ничего общаго съ успѣхами разума...

«Какая, напримѣръ, мнѣ выгода въ судѣ присяжныхъ, когда они будутъ судить меня безсовѣстнѣе неприсяжныхъ, не понимая святости клятвъ и продавая свою присягу моему обвинителю, какъ теперь торгуютъ ею цѣлыя селенія и продаютъ первому, кто явится купить?!..

«Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? Гдѣ среднее состояніе? Екатерина дала намъ право избирать своихъ судей и полицейскихъ агентовъ: какъ пользуемся мы симъ правомъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ? Кого выбираемъ? — Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? Гдѣ наслѣдственныя дарованія будущихъ перовъ? Къ чему по-

товятся и какъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ?»...

Авторъ изображаетъ въ самыхъ печальныхъ чертахъ жизнь русскаго общества и государства, «гдѣ привилегированный классъ народа не спѣшитъ присвоить себѣ плодовъ чужеземныхъ наукъ и искусствъ; гдѣ сей классъ не возвышается надъ самымъ послѣднимъ отчужденіемъ его пороковъ (я говорю объ общей заразѣ сребролюбія и нетрезвости въ жизни); гдѣ безнравственность, стремленіе къ роскоши, праздность и предразсудки замѣняютъ гражданскія добродѣтели; гдѣ, наконецъ, даже умы, сіяющіе блестками превосходства надъ другими (я говорю даже о себѣ), не болѣе суть, какъ *полу-умы* по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы въ изученіи ихъ и опытности въ соображеніи». Авторъ описываетъ крайнюю грубость, невѣжество и деморализацію дворянства и выходившаго изъ него офицерскаго сословія. Онъ указываетъ и жалкое состояніе умственной жизни вообще, какъ она выражалась въ литературѣ. Вотъ его сужденія о послѣдней. «Литература народа есть вѣрное мѣрило его просвѣщенія. Сообразите всѣ произведенія нашихъ литературныхъ талантовъ и скажите безпристрастно: не есть ли это *лепетаніе младенцевъ*? Кромѣ «Исторіи» Карамзина, «Теоріи налоговъ» Тургенева и немногихъ страницъ Батюшкова, переживетъ ли хоть одно твореніе десятилѣтіе, въ которое родилось? Поэзія, правда, имѣетъ образцы высокіе и языкъ ея достойный, но успѣхи поэзіи свойственны дѣтскому возрасту народовъ; а свобода, безъ сомнѣнія, не можетъ быть ни нуждою, ни достояніемъ дѣтей. Воспитаніе—вотъ все, что имъ нужно и полезно; и слѣдственно, необходима не власть ограниченная, а власть дѣятельнаго учителя, который съ отеческой заботливостью и съ принужденіемъ, когда нужно, обратилъ бы ихъ на путь, съ котораго они совращаться могутъ. Однимъ словомъ, намъ потребенъ *другой Петръ I*, со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III, не Людовикъ XVIII съ ихъ конституціями; даже не Франклинъ и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями».

Таковъ былъ взглядъ автора на положеніе вещей. Считая конституціонныя теоріи несвойственными и несвоевременными для русской жизни, онъ указываетъ для «электрическихъ головъ», которыя кружатся надъ суевѣріемъ свободы»,—другія задачи. Онъ указываетъ, что надо подумать прежде объ ограниченіи ихъ собственныхъ правъ надъ дѣй-

ствительными рабами, т. е. надъ крѣпостными; что Александръ все-таки меньше деспотъ, чѣмъ Аракчеевъ, Гурьевы, Волконскіе; что «сіи орудія тиранства, ежели оно существуетъ, возникли *посреди насъ*, они принадлежатъ къ нашему сословію, соучастники и угодники ихъ — къ нашему поколѣнію, и многіе, если не каждый изъ насъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, не погнушались бы также раздѣлить преступное упоеніе ихъ всемогущества»... «Не очевидно ли, послѣ всего сказаннаго, — спрашиваетъ авторъ, — что мы не созрѣли для чистыхъ наслажденій гражданской свободы?» По его мнѣнію, въ странѣ, поставленной въ такія отношенія, какъ Россія, — «нечего думать объ *основныхъ законахъ*, въ смыслѣ конституціи... и остается только желать болѣе любви къ просвѣщенію и справедливости, болѣе нравственныхъ успѣховъ, болѣе чистоты въ исполненіи законовъ уже существующихъ, которые, какъ бы ни противорѣчили другъ другу, но ни одинъ (?) не противорѣчитъ совѣсти и всѣ имѣютъ одну цѣль — безопасность лицъ и неприкосновенность собственности». Онъ вѣритъ въ добрыя намѣренія императора Александра, надѣется, что онъ, «въ цвѣтѣ возраста и силы», еще успѣетъ многое сдѣлать, и совѣтуетъ терпѣніе и упованіе. «Время есть лучшій лекарь болѣзней, а гражданское общество безсмертно и на развалинахъ одного возвышается другое. Но Россія юная, сильная, богатая, полная жизни, далека отъ паденія; младенческій возрастъ ея пройдетъ, силы и разумъ окрѣпнутъ... тогда сами цари дарують ей *основные законы*, ибо они не могутъ быть счастливы и истинно-велики безъ счастія и величія своихъ народовъ».

Та часть этого письма, которая заключаетъ въ себѣ критику тогдашней общественной жизни, очень характерно вводитъ насъ въ кругъ идей того времени. Изъ него видно, что въ эту пору были уже подняты тѣ сомнѣнія, которыя не разъ овладѣвали потомъ лучшими умами послѣдующихъ поколѣній: въ обществѣ уже стало пропадать наивное или лицемѣрное самодовольство, которое питалось грубой лестью національному самолюбію и не хотѣло видѣть дѣйствительнаго положенія вещей, и наступала пора серьезнаго критическаго отношенія къ жизни. Многія подробности письма могутъ служить параллелью и комментаріемъ къ рѣчамъ Чацкаго въ «Горѣ отъ Ума».

Но если авторъ сказалъ много справедливаго въ суровыхъ обличеніяхъ настоящаго, его окончательные выводы

не выдержаны: онъ не въ силахъ одолѣть сомнѣній, отказывается отъ всякихъ надеждъ и старается пріискать спокойную дорогу, на которой онъ могъ бы примириться съ дѣйствительностью, но это было не легко, и его заключенія остаются неопредѣленными и противорѣчивыми. Очень справедливо, что намъ былъ бы нуженъ второй Петръ Великій, потому что, въ самомъ дѣлѣ, застоявшаяся и испорченная жизнь требовала въ XIX столѣтіи столь же обширной и смѣлой реформы въ духѣ вѣка, какая совершена была на границѣ XVII и XVIII столѣтій. Но потомъ авторъ приходитъ къ совсѣмъ иному, и забывая, что говорилъ о второмъ Петрѣ, хочетъ предоставить все времени, «терпѣнію и упованію», и для общества рекомендуетъ «болѣе нравственныхъ успѣховъ, чистоты въ исполненіи уже существующихъ законовъ» — почти такъ, какъ совѣтовалъ Карамзинъ. Отстраняя вопросъ объ учрежденіяхъ, авторъ дѣлалъ ту же ошибку, какую дѣлали охранители: учрежденія отжившія или испорченныя потому и не могли оставаться внѣ вопроса, что сами были неодолимымъ препятствіемъ для просвѣщенія и нравственныхъ успѣховъ; можно было бы различать относительную важность тѣхъ или другихъ изъ учрежденій, но исключать весь вопросъ о нихъ, значило закрывать самую возможность успѣха. Это былъ тотъ же cercle vicieux, въ которомъ пребывали противники крестьянскаго освобожденія, утверждавшіе, что надо было сначала воспитать и просвѣтить крестьянъ и приготовить ихъ къ свободѣ, и уже тогда освобождать ихъ, — какъ будто просвѣщеніе возможно въ рабствѣ, или рабство можетъ быть воспитаніемъ для свободы. Авторъ, наконецъ, въ «существующихъ законахъ» не находилъ недостатковъ. На дѣлѣ они были вовсе не таковы, чтобы «ни одинъ» изъ нихъ не противорѣчилъ совѣсти, — прежде всего, напримѣръ, законы, и особенно обычаи, получившіе силу закона и утверждавшіе крѣпостное право. И то дѣло, которое авторъ рекомендовалъ, — освобожденіе крестьянъ частными лицами — было такъ затруднено существовавшими условіями, что становилось почти невозможнымъ. Словомъ, просвѣщеніе и нравственные успѣхи возможны были бы только цѣной борьбы противъ непросвѣщенія въ старыхъ нравахъ и старыхъ законахъ.

Но, несмотря на эту непослѣдовательность, взгляды автора во многомъ очень справедливы и имѣютъ большой историческій интересъ: отсутствіе всякаго самообольщенія относи-

тельно успѣховъ нашей «гражданственности», образованія и литературы; указаніе на ближайшую и важнѣйшую задачу для государства и общества — въ освобожденіи крестьянъ; мысли о конституціонномъ «суевѣріи» и т. п. свидѣтельствуютъ, что здѣсь были уже задатки серьезнаго пониманія вещей. Но кромѣ мнѣнія о крестьянскомъ вопросѣ, взгляды автора только отрицательные: ему была ясна только чрезвычайная трудность дѣла и онъ не находилъ изъ нея никакого исхода; подавивъ въ себѣ идеальныя требованія, онъ могъ рекомендовать только время и упованіе, т.-е. давно испытанный квіетизмъ...

Относительно самыхъ событій декабря 1825 года ограничимся замѣчаніемъ, что было бы ошибочно выводить изъ нихъ заключеніе о всемъ характерѣ тайнаго общества. Прежде всего, эти событія не были планомъ, издавна рѣшеннымъ и обдуманнымъ. Напротивъ, въ нихъ было чрезвычайно много случайнаго и минутнаго. Смерть императора Александра была неожиданностью. Думали, напротивъ, что Александру предстоитъ еще долгое правленіе; въ самомъ тайномъ обществѣ было много людей, которые еще ждали отъ него преобразованій; въ запискахъ многихъ декабристовъ остались, какъ отголосокъ того времени, самые сочувственные отзывы объ императорѣ Александрѣ. Извѣстіе о его смерти подѣйствовало потрясающимъ образомъ, и это было не только сожалѣніе и печаль объ императорѣ, за которымъ стояло столько воспоминаній національной славы и личныхъ возвышенныхъ качествъ, воспоминаній, заслонявшихъ теперь многіе недостатки его характера и многія бѣдствія его правленія, — но это была и неувѣренность о будущемъ. До сихъ поръ объ этомъ будущемъ не думали и ожидали скорѣе, что многое, начатое Александромъ, будетъ имъ совершено такъ, что преемнику придется только продолжать утвердившійся порядокъ вещей. Теперь надо было не только убѣдиться, что ожидавшійся порядокъ вовсе не установленъ, не только являлось сомнѣніе въ его возможности впослѣдствіи, но являлось тревожное для всего общества недоумѣніе о престолонаслѣдіи: въ этомъ вопросѣ колебались члены государственнаго совѣта; даже лица, ближайшія къ императору Александру, находившіяся при немъ въ послѣдніе дни, увѣрены были въ наслѣдо-

ваніи Константина[1]). Эти опасенія за будущее производили тревогу, которая должна была особенно подѣйствовать на членовъ тайнаго общества, потому что именно у нихъ было всего больше политической экзальтаціи.

Происшествія 14-го декабря и ихъ развязка бросили на тайное общество мрачную окраску, которая ставила ихъ внѣ безпристрастной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были возбуждены умы за послѣднее время, какъ ни рѣзки были случайныя заявленія нѣкоторыхъ членовъ Общества, въ немъ не было никакого опредѣленнаго плана: ни сѣверное, ни южное общество, ни «соединенные славяне» не были приготовлены ни къ какимъ заранѣе условленнымъ дѣйствіямъ, и особливо такимъ, какія ознаменовали конецъ Общества. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ южной арміи дѣйствія членовъ Общества были отрывочны, безсвязны и свидѣтельствовали гораздо больше объ ихъ тревогѣ и растерянности, чѣмъ объ исполненіи какого-нибудь плана. События застали ихъ врасплохъ, и они въ самую послѣднюю минуту колебались и не соглашались во мнѣніяхъ. Соглашались они въ одномъ, что въ будущемъ не видѣли надежды на осуществленіе своихъ идей, и страсть, съ которой большинство ихъ предано было этимъ идеямъ, достигла высшей степени возбужденія. Было поздно составлять какой-нибудь планъ, — они чувствовали, что ихъ идеаламъ наставалъ конецъ, и среди общественнаго недоумѣнія и безпомощности ими овладѣвала потребность какого-нибудь заявленія своихъ давнишнихъ стремленій и протестовъ: отчаяніе увлекло ихъ къ дѣйствіямъ, которыя стали ихъ гибелью.

Эту тревожную случайность происшествій 14-го декабря признаютъ сами члены тайнаго общества, какъ, напр., Никита Муравьевъ въ своей запискѣ, которая вообще всего вѣрнѣе выражаетъ мнѣнія декабристовъ о смыслѣ Общества и о характерѣ событій. Есть основаніе думать, что впослѣдствіи многіе участники этихъ происшествій считали ихъ ошибкой и сожалѣли о ней; «Донесеніе» говоритъ о раскаяніи большинства изъ нихъ...

Но внѣ этого, основу ихъ общественно-политическихъ взглядовъ можно наблюдать и послѣ; страшная развязка событій не заставила ихъ покинуть образа мыслей, который они

[1]) См. письмо кн. Волконскаго къ Закревскому, Русскій Архивъ, 1870, стр. 630.

питали нѣкогда, какъ члены Союза Благоденствія,—напротивъ, онъ всегда отличалъ ихъ, составляя ихъ нравственную сущность въ ихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ. Эта черта составитъ и ихъ историческое значеніе въ судьбахъ русскаго общества.

Правильной оцѣнки этого значенія еще недостаетъ въ нашихъ историческихъ и общественныхъ понятіяхъ. Личные счеты давно покончены, и должно наступить время для спокойнаго уразумѣнія враждебной встрѣчи, которая раздѣлила тогда два общественные элемента—авторитетъ, представлявшій собою неподвижность преданія, и либеральную часть образованнаго общества, представлявшую прогрессивныя стремленія. Разладъ, который обнаружился такъ рѣзко въ ту эпоху, былъ разладъ давній, историческій; онъ начался раньше, продолжался послѣ этого періода; тогдашнія событія—только одинъ моментъ въ столкновеніи и взаимодѣйствіи общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается развитіе общества.

Въ этомъ смыслѣ либеральное движеніе Александровскаго времени и тайное общество имѣютъ обширный интересъ, историческій и общественный. Какъ бы мы ни судили объ отдѣльныхъ личностяхъ и о событіяхъ, содержаніе тогдашнихъ нравственно-общественныхъ идеаловъ остается важнымъ фактомъ нашей умственной и общественной исторіи.

Ихъ историческое мѣсто опредѣляется вообще тѣмъ, что, по своимъ понятіямъ и планамъ, люди Союза Благоденствія представляютъ высшій пунктъ развитія общественно-политическихъ идей, достигнутаго въ Александровскую эпоху. Кругъ идей былъ почти тотъ же, который заявленъ былъ самимъ Александромъ и его совѣтниками въ первую пору царствованія; но теперь онъ значительно расширился и въ теоретическомъ разъясненіи, и въ распространеніи ихъ въ обществѣ. Политическія идеи стали представляться гораздо отчетливѣе и реальнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, то, о чемъ говорилось прежде въ «тріумвиратѣ», въ ближайшемъ кругу друзей императора, стало интересомъ большого общественнаго круга.

Большая роль въ этомъ распространеніи политическихъ понятій принадлежитъ молодому поколѣнію, изъ среды котораго, главнымъ образомъ, собрались члены тайныхъ обществъ. Увлеченіе, съ которымъ они отдавались политическимъ интересамъ, чувство общаго блага, которымъ они руководились, дали новымъ идеямъ нравственную силу, которая

всего больше содѣйствовала ихъ укрѣпленію въ умахъ. Даже враги этихъ людей признавали высокія дарованія многихъ изъ нихъ и безкорыстіе ихъ мотивовъ (они возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій, отъ которыхъ «сами не терпѣли»), и послѣ свидѣтельства противниковъ можно вѣрить тому, что говорятъ о нравственномъ характерѣ общества сами его участники. Наконецъ, люди тайнаго союза принадлежали къ наиболѣе образованной части тогдашняго общества и стремленія ихъ представляли собой и высшій умственный уровень времени.

Отличительную черту ихъ настроенія составляетъ, между прочимъ, видимая экзальтація. Ихъ возбужденное чувство легко переходило въ тѣ вспышки, на которыхъ столько настаивало обвиненіе: по большей части это были только минутныя увлеченія, не имѣвшія никакихъ послѣдствій (не разъ это признано въ самомъ «Донесеніи»); но иной разъ онѣ вели и къ дѣяніямъ, совершенно неблагоразумнымъ и излишнимъ. Экзальтація была въ духѣ времени; политическіе интересы, въ этой мѣрѣ никогда не испытанные, принимали преувеличенный размѣръ и романтическія формы; нельзя было (въ началѣ) просто говорить объ этихъ предметахъ въ близкомъ кругу — нужна была эффектная обстановка «союза», съ уставами, присягами, таинственностью; мысль легко приходила къ обобщеніямъ, къ абсолютно невыполнимымъ планамъ; выраженіе становилось высокопарнымъ, даже ходульнымъ... Съ другой стороны экзальтація была исторической чертой, свойственной критическимъ эпохамъ общественнаго развитія. Такимъ возбужденіемъ отмѣченъ 1812-й годъ, потомъ, въ извѣстномъ кругѣ общества, двадцатые года, потомъ сороковые года, потомъ 50—60-е, когда въ жизни общества совершались внутренніе процессы роста, исторически отзывавшіеся на исторіи общества и на положеніи самого народа...

Пересматривая вопросы, занимавшіе людей молодого поколѣнія двадцатыхъ годовъ, находимъ, что это были почти всѣ тѣ вопросы, какіе поднимало раньше само правительство. Какъ тогда, такъ и теперь, «произволъ нашего правленія» былъ главнымъ предметомъ вниманія, и средства, какими хотѣли ему противодѣйствовать, заключались въ томъ же введеніи европейскихъ политическихъ формъ. Но мысль о реформѣ уже не походитъ на капризъ чувствительной философіи, очень благородной, но и ненадежной; у наиболѣе серьез-

ныхъ людей двадцатыхъ годовъ она шла также и далѣе проектовъ Сперанскаго. Въ планахъ самого Союза было еще нѣкоторое пристрастіе къ аристократическому складу учрежденій, но были люди, которые умѣли критически смотрѣть на цѣлое положеніе вещей, предостерегали отъ конституціоннаго «суевѣрія» и на первый планъ ставили одну коренную задачу — рѣшеніе крестьянскаго вопроса; они утверждали, что безъ рѣшенія этого вопроса въ Россіи были бы безполезны, даже вредны какія бы то ни были конституціи, разсчитанныя на одни высшіе классы. Въ этой рѣшительной постановкѣ крестьянскаго вопроса нельзя не видѣть великаго успѣха и положительной заслуги людей двадцатыхъ годовъ.

Крестьянскій вопросъ былъ только легко затронутъ правительствомъ. Мнѣнія членовъ Союза въ этомъ отношеніи опредѣлились мало-по-малу ясно: необходимость освобожденія, и именно съ землей, стала для нихъ аксіомой. Теоретическія предположенія объ экономическомъ устройствѣ поведены были и дальше, какъ въ упомянутыхъ планахъ Пестеля.

Предполагая представительныя учрежденія, Союзъ предполагалъ и широкое преобразованіе во всемъ механизмѣ управленія. Обычныя явленія административнаго и судебнаго произвола, крупнаго и мелкаго притѣсненія представлялись имъ такъ ясно, какъ для другихъ круговъ общества это стало дѣлаться яснымъ только черезъ десятки лѣтъ. Главнѣйшее средство къ устраненію этого зла они ожидали найти въ представительныхъ формахъ, въ раздѣленіи законодательства, управленія и суда, въ отвѣтственности администраціи; они думали о необходимости административной децентрализаціи, о развитіи мѣстнаго самоуправленія, говорили о гласности правительственныхъ дѣйствій, о преобразованіи суда въ томъ европейскомъ смыслѣ, въ какомъ задумана была судебная реформа въ царствованіе Александра II, и т. д.

Этотъ общественный и государственный идеалъ составлялся по освободительнымъ преданіямъ XVIII вѣка и новѣйшему европейскому либерализму; но исканіе его было внушено историческою потребностью. Молодое поколѣніе рѣшительно отказывалось отъ того идеала, который рисовалъ русскому обществу Карамзинъ; его не прельщали и не обманывали архаическія красоты добраго стараго времени. Что они вѣрнѣе видѣли истинныя потребности русской жизни, достаточно показала дальнѣйшая исторія. Общественное самосознаніе, свободный отъ иллюзій и предубѣжденій взглядъ на дѣй-

ствительность нашей внутренней политической жизни, никогда раньше не высказывались съ такой настоятельностью; было много личныхъ ошибокъ, была роковая ошибка въ послѣднемъ порывѣ ихъ экзальтаціи, но вообще они чувствовали многія дѣйствительныя потребности русской жизни. Не забудемъ при томъ, что мы знаемъ ихъ мысли только въ отрывочной формѣ, насколько онѣ могли быть высказаны въ условіяхъ того времени и уцѣлѣли въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]).

Изъ сказаннаго можно видѣть, были ли справедливы нареканія, которыя взводились на описываемое движеніе, — что оно было только дѣломъ легкомысленнаго увлеченія западной либеральной модой, что у него не было корней, ничего народнаго и русскаго, и что послѣднее доказывается полнымъ безучастіемъ народа къ этимъ людямъ и событіямъ. Напротивъ, глубокимъ корнемъ движенія было все то образованіе, которое было пріобрѣтено русскимъ обществомъ съ прошлаго вѣка и которое сообщило ему понятія о болѣе совершенномъ общественномъ устройствѣ, о требованіяхъ общаго блага, равноправности и свободы; въ частности, оно было плодомъ историческаго періода, пережитаго русскимъ обществомъ при Александрѣ I. Связанное исторически съ прошедшимъ, оно было русскимъ и по своимъ лучшимъ инстинктамъ, и по недостаткамъ. Правда, въ немъ были сильныя увлеченія европейскія; нравились западныя политическія формы, но это были единственныя извѣстныя формы общественной самодѣятельности, достиженіе которой было ихъ цѣлью, и къ этимъ формамъ они не считали неспособной русскую жизнь; но, впрочемъ, они не преувеличивали значенія этихъ формъ: первые вопросы, которые представлялись имъ, какъ возможные для рѣшенія и самые настоятельные, были именно вопросы существенные, — на первомъ планѣ освобожденіе крестьянъ. Трудно было бы требовать чего-нибудь болѣе «русскаго» и болѣе «народнаго». Что касается безучастія народа, — оно было понятно, но и ни-

[1]) Для оцѣнки мнѣній „декабристовъ“ любопытный матеріалъ можетъ доставить 3-ій томъ „La Russie et les Russes“ Н. И. Тургенева — „De l'avenir de la Russie“ (Paris, 1847). Въ его предположеніяхъ о „будущемъ Россіи“ есть, конечно, позднѣйшія мысли и изученія, но въ основаніи и во многихъ частностяхъ, безъ сомнѣнія, сохранился тотъ же взглядъ, какъ въ его мнѣніяхъ 20-хъ годовъ, которыя можно видѣть въ его тогдашнихъ запискахъ (о крестьянскомъ вопросѣ, о судебной реформѣ и друг.), и въ „Теоріи налоговъ“.

чего не доказывало. События были минутнымъ взрывомъ отчаянія въ немногочисленномъ кружкѣ, а цѣлое движеніе дѣйствительно не было доступно массамъ, — оно просто не было имъ извѣстно. Массы уже съ давнихъ временъ оставались безучастными и къ тому, что происходило въ высшихъ кругахъ, и къ тому, что происходило въ области образованія, науки и литературы, даже къ тому, что мы, въ своемъ кругу, считаемъ «великимъ» и «національнымъ». Въ XVIII вѣкѣ народъ былъ равнодушнымъ зрителемъ цѣлыхъ государственныхъ переворотовъ... Онъ былъ равнодушенъ, или, точнѣе, не зналъ той умственной жизни, которая совершалась въ высшемъ, болѣе или менѣе, образованномъ слоѣ общества, и, конечно, не могъ дѣлить даже тѣхъ благихъ стремленій и желаній, которыхъ предметомъ онъ былъ самъ. Трудно сознаваться, но можно ли по правдѣ сказать, что народъ и теперь знаетъ и понимаетъ имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Гоголя, — какъ знаютъ европейскіе народы свои славныя имена? Знаетъ ли народъ имена другихъ людей, которыхъ дѣятельность направлялась на вопросы его собственнаго развитія, просвѣщенія и благосостоянія, и которые тратили на эту дѣятельность всѣ силы своего ума, убѣжденія и самопожертвованія? Безсознательность народа была такова же и въ описываемое время, и людей двадцатыхъ годовъ такъ же мало можно упрекать безучастіемъ народа, какъ нельзя этимъ упрекнуть и другихъ общественныхъ дѣятелей нашихъ, раньше и послѣ.

Оканчивая нашъ очеркъ, намъ остается указать, что общественное движеніе, созрѣвшее къ концу этого періода, не осталось отрывочнымъ фактомъ въ нашей внутренней исторіи. Напротивъ, оно бросило прочные корни въ общественномъ сознаніи. Люди, представлявшіе либеральное движеніе, испытали трагическую судьбу въ катастрофѣ 1825 года: противъ либерализма было направлено суровое преслѣдованіе; цѣлая группа исчезла изъ общества, но идеалы остались достояніемъ мыслящихъ людей и продолжали развиваться въ ихъ средѣ.

Періодъ, наступившій теперь, былъ очень непохожъ на прежнія времена; въ общественной жизни произошелъ переломъ, слишкомъ неблагопріятный для прежняго движенія умовъ; строгая опека останавливала его... Но внутри работа мысли продолжалась: идеалы предыдущаго поколѣнія сохра-

нили свою жизненность и пріобрѣтали новую силу подъ вліяніемъ новыхъ изученій и опыта; люди, ставшіе жертвой своихъ стремленій, сохранили за собой тайныя, невысказываемыя сочувствія. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, нравственное сознаніе общества укрѣплялось, такъ что, въ пятидесятыхъ годахъ, новое царствованіе встрѣтило въ умахъ подготовленную почву для общественныхъ реформъ, которыя были имъ начаты. Возвратившіеся «декабристы» должны были увидѣть исполненіе многихъ желаній, которыя они питали въ свою молодую пору. Два далекія одно отъ другого поколѣнія и два далекіе періода сближались въ новыхъ явленіяхъ, совершавшихся въ русской жизни. Освобожденіе крестьянъ, судебное преобразованіе, возникновеніе земской самодѣятельности, начатки свободной печати — были исторической нитью, которая связывала съ нашимъ временемъ этихъ людей начала столѣтія. Исторія признаетъ за ними заслугу общественно-политическаго пониманія, которое указывало имъ эти и другіе вопросы нашего внутренняго развитія; немногіе представители освободительныхъ идей въ свое время, они мало могли сдѣлать для ихъ практическаго осуществленія, но они приготовляли будущее, потому что вызывали вниманіе къ нуждамъ народа, искали средствъ общественнаго преобразованія и, наконецъ, своимъ мужествомъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ давали примѣръ искренняго убѣжденія.

